

В.И.ЛЕНИН и партизанское движение

**В.И.ЛЕНИН
и
партизанское
движение**

Я.С. ПАВЛОВ

**В.И. ЛЕНИН
и
партизанское
движение**

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
«БЕЛАРУСЬ»
МИНСК 1975**

9(C)27
П 12

© Издательство «Беларусь», 1975

П $\frac{10604-210}{М 301(05)-75}$ 87-74

...Я оглядывался
на прошлое
только
с точки
зрения того,
что понадобится
завтра
или послезавтра
для нашей
политики.

В. И. ЛЕНИН

Введение

Необычайно широк диапазон научных интересов В. И. Ленина в области военной истории. Каждая из ее проблем испытала на себе революционизирующее влияние гениальных ленинских идей. Руководствуясь марксистским диалектическим методом, Ленин обогатил военно-историческую науку основополагающими методологическими принципами и теоретическими положениями.

Важное место в идейно-теоретическом и историческом наследии В. И. Ленина занимают труды, посвященные партизанской войне. Исследуя этот «громadной важности вопрос»¹, Владимир Ильич тщательно изучил богатое военно-теоретическое наследие К. Маркса и Ф. Энгельса, критически переосмыслил опыт всех предшествующих партизанских выступлений народов разных стран во времена многочисленных войн и революций, всесторонне и глубоко изучил военные труды Суворова, Наполеона, Клаузевица, Меринга, Леера и ряда других известных военных стратегов и теоретиков. В. И. Ленин проявил особый интерес к изучению Парижской Коммуны. Он делает выписки из книги видного деятеля Парижской Коммуны Гюстава Ключере, редактирует перевод одной из глав его книги, посвященной тактике уличных боев, которая была напечатана с предисловием Владимира Ильича Ленина² в мартовском (1905 г.) номере большевистской газеты «Вперед»³. «Ильич не только перечитал и самым тщательным образом проштудировал, продумал все, что писали Маркс и Энгельс о революции и восстании,— вспоминала Н. К. Крупская,— он прочел немало книг и по военному искусству, обдумывая со всех сторон технику вооруженного восстания, организацию его. Он занимался этим делом гораздо больше, чем это знают, и его разговоры об ударных группах во время пар-

тизанской войны, о «пятках и десятках» были не болтовней профаша, а обдуманым всесторонне планом»⁴.

В. И. Ленин создал цельное и стройное учение о партизанской войне как форме революционной борьбы широких народных масс за демократию, социальную свободу и национальную независимость.

Взгляды основоположников марксизма на партизанскую войну В. И. Ленин творчески развивал с учетом революционной практики, классовой борьбы пролетариата, неизменно выдвигая на первый план руководящую роль большевистской партии. В. И. Ленин раскрыл социально-классовую природу и характер освободительных партизанских выступлений, обосновал закономерность и, более того, объективную неизбежность данного движения в антагонистическом обществе, доказал необходимость поставить его на службу революции. Пролетарская партия, указывал В. И. Ленин, опирающаяся на широкое, сплоченное и организованное рабочее движение, должна всячески поддерживать, поощрять и вести партизанскую войну, если последняя применяется в подходящий момент, если она является шагом, своего рода подготовительной ступенью к развертыванию широкой народной борьбы, если она выступает как катализатор, подготавливающий и ускоряющий вооруженное восстание. Эта мысль красной нитью проходит через все работы В. И. Ленина, относящиеся к вопросу партизанского движения.

Глубокий анализ развития классовых битв и факторов, влияющих на их исход, позволил В. И. Ленину сделать важнейший вывод о том, что партизанское движение, если оно верно скоординировано и соразмерено с другими средствами и формами борьбы, является составным звеном революционно-освободительной борьбы трудящихся масс. В то же время народную партизанскую войну В. И. Ленин ни при каких обстоятельствах не возводил в ранг универсального, радикального и исключительного средства ведения классовой борьбы. Он указывал, что истребительная и беспощадная партизанская война в период подготовки всеобщего восстания носит подсобную, вспомогательную роль, зависит от главных форм классовой борьбы. В конкретной революционной ситуации, при определенном соотношении классовых сил активные партизанские действия как бы связываются воедино с другими средствами и приемами народной борьбы и прямо воздействуют на общена-

циональный кризис, откладываяют отпечаток на всю политическую атмосферу общества ⁵.

Сделав научно обоснованный вывод о значении и соотношении партизанских форм борьбы, их исторической неизбежности в революционных битвах пролетариата, В. И. Ленин неизменно отыскивал способы наиболее рационального использования партизанских действий в интересах трудящихся и эксплуатируемых масс. Подлинные революционеры, указывал он, не должны чуждаться стихийных пролетарских выступлений партизанского типа, а стремиться активно использовать и направлять их в прогрессивное русло борьбы народа за конечную цель, вносить «классовую определенность и сознательность в головокружительный вихрь событий...» ⁶.

Одновременно В. И. Ленин прилагал усилия к тому, чтобы новые теоретические обобщения, выводы и уроки классовых боев непременно были закреплены в партийных документах, стали достоянием всей партии, всех борцов за социальное и национальное освобождение. Наряду с этим В. И. Ленин много внимания уделял самому процессу создания боевых дружин и партизанско-повстанческих отрядов, их вооружению, военному обучению, тактике борьбы с регулярными войсками. Организующую и руководящую роль партии в партизанском движении В. И. Ленин считал главным условием успеха народной войны. Партизанские действия должны производиться «под контролем партии и притом так, чтобы силы пролетариата не растрачивались понапрасну» ⁷. Задачу этих действий он видел в том, чтобы возбуждать революционно-боевую активность трудящихся, расширять поле деятельности партии в массах, воспитывать кадры, сплачивать их в боевые дружины для признанного большевиками неизбежным и необходимым вооруженного восстания.

В годы первой русской революции и последующий межреволюционный период вопрос о партизанских формах и средствах борьбы В. И. Ленин разрабатывал главным образом теоретически, давая нужные рекомендации и советы местным социал-демократическим организациям и комитетам, как лучше использовать эти народные выступления в их военно-боевой и организационно-политической работе. После же свержения пролетариатом господствующего монархического режима, в годы гражданской войны и иностранной вооруженной интервенции партизанская война

преследовала цель вооруженной защиты завоеваний Великого Октября. Перед победившим пролетариатом, партией и правительством стояла главнейшая из задач: слить воедино, добиться единства действий всех революционных сил, вовлечь в сознательное революционное оборончество самые различные отряды трудящихся масс и общими усилиями одолеть внутреннюю и внешнюю контрреволюцию.

В то трудное время, несмотря на невероятную перегруженность государственной и партийной работой, В. И. Ленину пришлось непосредственно, а также через партийные, советские и чрезвычайные военные органы принимать участие в руководстве партизанским движением, обеспечении партизан руководящими кадрами, оружием, снаряжением, продовольствием, дальше развивать науку о партизанской войне. Как свидетельствуют документы и источники тех грозных лет, Владимир Ильич Ленин, отводя главную роль в защите завоеваний социалистической революции Красной Армии, вместе с тем одобрял и всячески поддерживал народную партизанскую войну во всех ее формах и проявлениях. «Мы, марксисты, гордились всегда тем,— писал в феврале 1918 года В. И. Ленин,— что строгим учетом массовых сил и классовых взаимоотношений определяли целесообразность той или иной формы борьбы»⁸. В период борьбы с внутренней и внешней контрреволюцией на ленинских основах складывались и крепились принципы партийного руководства партизанской войной, руководящей роли рабочего класса в этом глубоко народном движении.

Многочисленные работы В. И. Ленина по вопросам партизанской борьбы различны по своему характеру и значимости. Это фундаментальные работы, а также небольшие по объему, но обстоятельные статьи и корреспонденции периода первой русской революции, предоктябрьских и последующих лет. В их числе: «Задачи отрядов революционной армии», «Кровавые дни в Москве», «Современное положение России и тактика рабочей партии», «Тактическая платформа большевиков к Объединительному съезду РСДРП», «К событиям дня», «Об организации масс и о выборе момента борьбы», «Уроки московского восстания», «О партизанском выступлении ППС», «Партизанская война», «К вопросу о партизанской войне», «Кризис меньшевизма», «Военная программа пролетарской революции», «О современном положении и ближайших задачах Советской власти», «Социализм и война», «Война и революция»,

«На деловую почву», «О революционной фразе» и другие. В этих произведениях наиболее полно и глубоко отражена ленинская концепция партизанской войны, доказана неизбежность и целесообразность партизанской тактики в определенных исторических условиях.

Наряду с крупными работами, носившими характер глубоких исторических исследований и ставшими незыблемым теоретическим фундаментом для большевистской партии в руководстве народной партизанской войной, большое значение имеют краткие публицистические выступления, многочисленные письма, записки, телеграммы и распоряжения, речи на съездах, конференциях и собраниях, в которых содержатся важные оценки многих событий революции и гражданской войны.

Богатейшие основы ленинского идейно-теоретического наследия по проблеме партизанского движения получили дальнейшее развитие в период отражения первого нашествия империалистов на Страну Советов, а также в годы Великой Отечественной войны. Организуя народ на отпор врагу, Центральный Комитет партии выработал и последовательно выполнял научно обоснованную программу превращения всей страны в единый боевой лагерь. Методологической основой этой программы как в годы гражданской, так и в период Великой Отечественной войны были идеи и указания В. И. Ленина о защите социалистического Отечества. «...Раз дело дошло до войны, — говорил Владимир Ильич, — то все должно быть подчинено интересам войны»⁹ и «ни малейшее колебание на этот счет недопустимо»⁹. В. И. Ленин требовал прежде всего и больше всего от всех коммунистов, где бы они ни находились, от всех сочувствующих им, от всех честных рабочих и крестьян, от всех советских работников *«подтянуться по-военному, переведа максимум своей работы, своих усилий и забот на непосредственные задачи войны...»*¹⁰. Руководствуясь ленинскими указаниями, Коммунистическая партия разрабатывала и последовательно проводила в жизнь все мероприятия, связанные с борьбой против агрессора как непосредственно на фронте, так и в его тылу. Народная война в захваченных врагом районах страны от пачала и до конца находилась под влиянием и непосредственным руководством партии.

В оккупированных гитлеровцами странах Западной Европы организаторами и вдохновителями антифашистского движения Соппротивления также являлись марксистско-ле-

нинские партии. Основываясь на собственном опыте и ленинском учении о многообразии, подвижности и взаимосвязи различных форм, приемов и средств революционной и общенациональной освободительной борьбы, они разработали применительно к условиям своих стран четкие программы антифашистского движения. Они ориентировали всех патриотов на развертывание широкой национально-освободительной борьбы за свержение чужеземного господства, восстановление государственного суверенитета, национальной независимости и демократических свобод. Важнейшей составной частью этого патриотического движения в течение всей войны была руководимая коммунистами вооруженная партизанская борьба, которая велась в городах, рабочих поселках и сельской местности¹¹.

Коммунистические и рабочие партии поработанных гитлеровцами европейских стран, организуя и вдохновляя массы на активную партизанскую борьбу, руководствовались в своей деятельности бессмертными ленинскими идеями и указаниями по данному вопросу. Например, по инициативе ЦК Болгарской рабочей партии работа В. И. Ленина «Современное положение России и тактика рабочей партии», написанная им в феврале 1906 года, была переведена на болгарский язык и в качестве руководящего документа направлена в Центральную военную комиссию при ЦК и военные комиссии при окружных комитетах партии. Последние в свою очередь распространили ее в низовых партийных организациях и антифашистских группах и ячейках¹².

Ленинское теоретическое наследие о формах, средствах и приемах классовой борьбы (в том числе и партизанских) не потеряло своего значения и в современных условиях. Как отмечалось на международном форуме коммунистических и рабочих партий 1969 года, глубокое изучение этого ленинского наследия обусловлено требованиями практической деятельности коммунистов, необходимостью научного подхода к определению и решению повседневных революционных задач, применения выдвигаемых жизнью новых форм борьбы. «Коммунисты видят свою задачу в том, — подчеркивалось в принятом участниками Совещания Обращении «О 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина», — чтобы в борьбе против любых противников твердо отстаивать революционные принципы марксизма-ленинизма, пролетарского интернационализма, неук-

лонно претворять их в жизнь, постоянно развивать марксистско-ленинскую теорию, обогащать ее на основе современного опыта классовой борьбы и строительства социалистического общества»¹³.

Исторический опыт учит, что какие бы формы ни принимала массовая борьба трудящихся, ее успех в решающей степени зависит от того, насколько тщательно она подготовлена, насколько она вытекает из общенационального политического кризиса и в какой мере опирается на революционный подъем народа. При отсутствии этих факторов любые выступления могут свестись лишь к авантюре, чреватой опасными последствиями. Поэтому марксизм-ленинизм рассматривает все формы революционной борьбы не изолированно, какими бы радикальными они ни казались, а в тесной связи их с конкретной обстановкой, состоянием массового движения.

Продолжительное и исключительно сложное национально-освободительное движение угнетенных народов Азии, Африки и Латинской Америки изобилует многообразием форм народной борьбы, важнейшей из которых в ряде стран является партизанская война. В силу ряда историко-социальных причин эта форма классовой борьбы окончательно вошла в арсенал коллективного опыта поработенных народов земного шара. Наиболее очевидные успехи партизанское движение имело в Северной Корее, Алжире и во Вьетнаме. Триумфом закончилась также и кубинская герилья (партизанская война). Вместе с тем следует подчеркнуть, что успех кубинской революции, начало которой положили партизанские действия небольшой группы стойких революционеров во главе с Фиделем Кастро, высадившихся в декабре 1956 года с моторной шхуны «Гранма» на побережье провинции Ориенте, был обусловлен всеобщим революционным подъемом народных масс, активными выступлениями рабочего класса против военной диктатуры Батисты. «Именно рабочий класс своей всеобщей забастовкой,— подчеркивал в ноябре 1959 года Фидель Кастро,— вместе с повстанческой армией положил конец планам реакции...»¹⁴ Один из сподвижников Фиделя Кастро, легендарный барбудо кубинской революции Эрнесто Че Гевара, высоко оценивая роль партизанской борьбы в победе революции, также акцентировал внимание на эту сторону вопроса. «Конечно,— указывал Че Гевара,— когда речь идет об условиях, необходимых для революции, нельзя думать,

что они могли быть целиком созданы партизанским центром. ...Одной партизанской борьбой нельзя добиться конечной победы...»¹⁵

В 60-е годы партизанское движение получило широкое распространение в Гватемале, Колумбии, Венесуэле, Боливии, Перу, Парагвае и других латиноамериканских странах*. «Массовые и боевые забастовки рабочего класса, — отмечалось на Международном Совещании коммунистических и рабочих партий 1969 года, — пробуждение крестьян и других слоев сельского населения во многих странах, мужественные выступления студентов, борьба в подполье, героические действия партизанских отрядов и другие формы демократической и антиимпериалистической борьбы — такова картина бурного революционного процесса в Латинской Америке на протяжении ряда лет»¹⁶. В силу этого коммунистические и рабочие партии латиноамериканских государств, а также практики национально-освободительной борьбы уделяли — и уделяют до сих пор — большое внимание вопросу организации и политического руководства народной партизанской войной. В ряде случаев партизанскому движению отводится одно из ведущих мест в революционно-освободительной борьбе на этом континенте. Например, в решении пленума Партии народного единения Гаити (май 1967 г.) указывалось, что партизанская война для такой маленькой страны является одной из высших форм массовой борьбы¹⁷.

Член секретариата ЦК Коммунистической партии Колумбии Рамон Лопес в середине 60-х годов отмечал, что

* Первые крупные очаги партизанской борьбы, где у руководства стоял пролетарский авангард, на латиноамериканском континенте появились в начале 50-х годов в Колумбии (департамент Толима). В последующий период партизанская борьба вовлекла широкие революционные слои города и деревни и переросла в мощное народное движение. Во второй половине 60-х годов колумбийское партизанское движение, указывает советский исследователь профессор С. А. Гонимонский, «развивалось в трех главных направлениях: 1) боевые действия; в зонах, находящихся на военном положении, эта основная функция отрядов направлена на то, чтобы постоянно изматывать противника при помощи засад, нападения на автодорожный транспорт и т. д.; 2) политическая работа, направленная на завоевание новых зон влияния для последующего расширения радиуса действий; 3) идеологическая разъяснительная работа среди тех групп населения партизанских районов, которые не понимают или не разделяют идеи марксизма-ленинизма» (С. А. Гонимонский. Колумбия. М., 1973, стр. 271).

главной целью партизанского движения в Колумбии «является завоевание власти для народа и что борьба эта является первым шагом на пути к истинной революции...»¹⁸. Эту же мысль, правда, значительно позже и несколько в иной форме, высказал и Генеральный секретарь ЦК Коммунистической партии Колумбии Хильберто Виейра. В статье «Общее и особенное в освободительной борьбе» он писал: «Обобщая долгий и тяжелый опыт нашей партии, X съезд КПК, нелегально собравшийся в январе 1966 г., заявил, что в Колумбии открывается своеобразный путь, основанный на сочетании всех методов и форм массовой борьбы, в соответствии с местными условиями. Партизанская война — одна из высших форм массовой борьбы. Она успешно развивается лишь там, где носит массовый характер»¹⁹.

На огромное значение для латиноамериканского континента мобилизующих действий партизанского движения указывала 1-я конференция Латиноамериканской организации солидарности (ОЛАС), состоявшаяся 31 июля — 8 августа 1967 года в Гаване. В «Общей декларации», выработанной участниками этой конференции, подчеркивается, что в конкретно-исторической обстановке «партизанское движение как зародыш армии освобождения представляет собой самый эффективный метод начала и развития революционной борьбы в большинстве наших (латиноамериканских. — Я. П.) стран»²⁰.

«Появление партизанской войны стратегического значения как начала вооруженного восстания, антиимпериалистического и демократического, рабочего и народного, и ее распространение — одна из особенных черт, свойственных крупным социальным и национально-освободительным битвам нашей эпохи»²¹, — отмечает видный деятель международного и латиноамериканского коммунистического и рабочего движения, первый секретарь ЦК Компартии Уругвая Родней Арисменди. Развертывание партизанской войны Р. Арисменди считает следствием противоречивой всемирной действительности, выражением которой является постоянное противоборство империализма с социалистическим лагерем и восстание колониальных и зависимых народов. В ленинской методологии, подчеркивает далее Р. Арисменди, выводах о партизанской войне, к которым пришел В. И. Ленин, коммунисты Латинской Америки видят компас, помогающий им правильно подойти к тем но-

вым явлениям, которые неизменно порождаются революцией²².

Глубокое изучение ленинского теоретического наследия о месте и роли партизанских форм, средств и приемов борьбы имеет огромное значение для развенчания волюнтаризма, авантюризма, правого и «левого» оппортунизма, догматизма и ревизионизма. Нынешние ревизионисты и особенно маоисты упорно замалчивают вклад В. И. Ленина в разработку проблем социалистической революции, выдвигая на первый план «новых» творцов революционной «теории и практики». Они раздувают отдельные черты революционного процесса, выхолащивают из него диалектику, упрощают и вульгаризируют сложные и противоречивые связи, существующие между объективной социально-политической действительностью, движением народных масс и деятельностью авангардных сил революции. Так, слишком рьяные сторонники партизанской войны, пренебрегая объективными законами, преподносят ее в качестве универсального рецепта для завоевания пролетариатом политической власти. Они полагают, что подлинно революционную ситуацию можно создать искусной тактикой партизанской войны, смелым почином небольшой группы (групп) революционеров, супергероев, вступивших в открытую революционную борьбу. Авторы подобных концепций преувеличивают роль вооруженных партизанских выступлений и более того — противоставляют партизанский отряд революционной партии рабочего класса.

Французский философ Режи Дебре, претендовавший на роль идеолога латиноамериканской революции, обожествлял и приписывал чудодейственную силу партизанской войне, считая ее первоисточником, первопричиной революции. В книге «Революция в революции» он писал: «...Необходимо, чтобы партизанское движение было признано как руководящая и движущая сила движения в целом»²³. Всячески преувеличивая роль стихийности и подменяя политический авангард рабочего класса партизанским движением, он указывал, что «авангардная партия может существовать в форме партизанского очага. Партизанское движение является партией периода вызревания... Речь идет о разрыве всякой органической связи с политическими партиями и о замене теряющих силы политических авангардов»²⁴.

Упрощенческую концепцию Р. Дебре — «партизанский

очаг» — суть «маленький мотор», приводящий в движение «большой мотор», т. е. борьбу широких народных масс, — разделял (и его точка зрения пользовалась известное время некоторым успехом) бывший активный участник алжирской революции, а впоследствии «теоретик» африканской революции Ф. Фанон ²⁵.

К позициям Р. Дебре и Ф. Фанона в определенной мере примыкают взгляды некоторых латиноамериканских революционеров-практиков. Например, пламенный революционер и отважный руководитель венесуэльских партизан середины 60-х годов Дуглас Браво считал, что полного успеха в национально-освободительной борьбе можно добиться только с помощью тактики военного наступления «вооруженной партизанской колонны» ²⁶. Такая колонна, по мнению Д. Браво, своими ежедневными наступательными действиями «воспламенит» всю страну за каких-либо два-три месяца, заставит ее «гореть со всех сторон», свергнет существующее реакционное правительство и восстановит в стране революционную власть ²⁷.

Источником таких ненаучных теорий является иллюзорное представление, будто бы глубинные противоречия капиталистической системы, определяющие историческую неизбежность революции, всегда непосредственно воздействуют на политическую активность масс, поддерживая их революционный потенциал на уровне, близком к точке всеобщего взрыва. И достаточно стимулирующего толчка, призывного лозунга, поддержанного смелыми действиями группы профессиональных революционеров, чтобы преодолеть критическую точку и привести народные массы в движение. Революционной ситуации «не дожидаются, — утверждает, например, один из представителей ультралевых групп во Франции Ж. Поперан, — ее создают. Роль революционных организаций в том и состоит, чтобы создавать ее по своей инициативе» ²⁸. В этих словах воплощено волюнтаристское толкование революционной ситуации: истинным революционерам-де не надо считаться с диалектикой развития массового движения.

Никто из марксистов не отрицает, что борьба группы безудержно смелых революционеров способна стать фактором, влияющим на массовый подъем. Но только в том случае, если такие очаги вооруженной борьбы опираются на революционный класс и его авангард — политическую партию, если подобные выступления верно скоординированы

с другими, более мощными объективными факторами, определяющими возникновение подлинно революционной ситуации. Не голая революционность, а терпеливая и целенаправленная политическая работа, каждодневная борьба во всех ее формах и проявлениях дает массам сознание своей силы. «...Единственной действительной силой, вынуждающей перемены, — указывал В. И. Ленин, — является лишь революционная энергия масс...»²⁹

Подчеркивая зависимость вооруженных действий от объективной социально-политической обстановки, В. И. Ленин нацеливал революционеров-марксистов на необходимость выращивать «революцию до *полного* созревания плода»³⁰, не торопиться выдвигать лозунга вооруженной борьбы, «пока не назрели общие условия переворота, пока не проявились определенно возбуждение и готовность масс к действию, пока внешние обстоятельства не привели к явному кризису»³¹. В противном случае — и это достаточно убедительно показала трагическая практика борьбы партизанских отрядов в ряде латиноамериканских стран — активность изолированного вооруженного меньшинства неизбежно наталкивается на глухую стену непонимания и пассивности широких масс рабочего класса и всех трудящихся. Весь опыт истории социальных революций говорит о том, что создать подлинно революционную ситуацию усилиями заговорщиков или инициативных групп революционеров, а также путем создания отдельных очагов вооруженной борьбы, каким бы героизмом и самопожертвованием они не отличались, практически невозможно. Дело обычно кончается бессмысленной растратой сил. Предупреждая против такой опасности, В. И. Ленин писал: «С одним авангардом победить нельзя. Бросить один только авангард в решительный бой, пока весь класс, пока широкие массы не заняли позиции либо прямой поддержки авангарда, либо, по крайней мере, благожелательного нейтралитета по отношению к нему и полной неспособности поддерживать его противника, было бы не только глупостью, но и преступлением»³².

Наконец, развернувшееся в годы второй мировой войны и после нее мощное партизанское и национально-освободительное движение, неперенным атрибутом которого является народная партизанская война, вынуждает некоторых историков и теоретиков империалистических государств концентрировать свои усилия на тщательном анализе при-

чин и тактики партизанско-повстанческих войн. В течение ряда лет империалисты усиленно разрабатывают и применяют на практике систему мер военного, политического, экономического и идеологического характера для борьбы против партизан и повстанцев, активно готовят специалистов по контрпартизанской войне. Эта подготовка широко практикуется, например, в специальных учебных центрах США, а также непосредственно в странах, правители которых нуждаются в карателях. За последние десять лет только для стран Латинской Америки США подготовили 25 тысяч таких специалистов³³. Среди прошедших специальную «контрпартизанскую» подготовку и снискавших себе печальную славу во Вьетнаме «зеленые береты», группы «командос», «антипартизанские батальоны», всевозможные «силы порядка» и т. п. От пули таких профессиональных убийц — «рейнджеров» — погиб в октябре 1967 года в боливийском селении Игера мужественный революционер-интернационалист нашего времени, безгранично веривший в чудодейственную силу революционного почина, Эрнесто Че Гевара.

Серьезное внимание американские военные центры и специалисты уделяют обучению и материально-техническому снабжению полиции и жандармерии ряда зависимых от США африканских государств. Полиция и жандармерия по своей численности часто не уступают вооруженным силам. Поэтому, как справедливо подмечает Р. Арисменди, «заслуживает тщательного рассмотрения вопрос о том, почему эта форма (партизанская форма борьбы.— Я. П.) приобрела столь большое значение в современных социальных и национально-освободительных сражениях, почему она с такой силой пронизывает события и революционные проблемы Латинской Америки (в равной степени и многих других стран земного шара.— Я. П.) и — рикошетом — доктрину антиреволюционной войны империализма янки, которые затрачивают на выяснение секретов этой темы и мнимых законов антипартизанских действий огромные технические средства и миллионы долларов»³⁴.

Рекомендуемые буржуазными специалистами мероприятия по антипартизанской борьбе — плод скрупулезного изучения теории и практики партизанской войны. Изучение работ В. И. Ленина по данному вопросу считается необходимым для анализа партизанских войн и выработки контрмер. Например, в объемистом коллективном труде

«Современная партизанская война», изданном в 60-х годах в США, помещена работа В. И. Ленина «Партизанская война» с комментариями С. Поссоли. Поссоли считает ленинскую работу наиболее важной и актуальной в современной обстановке для правильного понимания «коммунистической конфликтной доктрины»³⁵. К ленинскому теоретическому наследию обращается и западногерманский историк Эрих Хессе, претендующий на роль объективного исследователя советского партизанского движения периода Великой Отечественной войны³⁶. В последние годы повысился интерес буржуазных специалистов к вопросам движения Сопротивления в Европе, к китайской революции, а также к работам Эрнесто Че Гевары, Ким Ир Сена, вьетнамских генералов Во Нгуен Зиапа, Хоан Ван Тхая и других. Буржуазные теоретики анализируют различные аспекты многообразных форм и приемов вооруженной борьбы против империалистов, надеясь найти эффективные контрмеры.

Вопрос о творческом развитии В. И. Лениным марксистского учения о партизанской войне относится к числу наименее разработанных в исторической литературе. Автор понимает стоящие перед ним трудности и не претендует на исчерпывающее решение данной проблемы. Ее всесторонняя разработка требует больших усилий многих ученых-обществоведов. В настоящем историческом очерке автор ограничил свою задачу лишь обобщением основных методологических критериев ленинского учения о партизанской войне. В работе на конкретном материале раскрывается деятельность В. И. Ленина и партии большевиков по организации партизанских сил и координации их действий в годы борьбы с внутренней контрреволюцией и иностранной военной интервенцией. В свете ленинского учения автор в общих чертах освещает также деятельность Коммунистической партии по организации и руководству партизанским движением в годы Великой Отечественной войны.

Автор выражает глубокую признательность организациям и всем товарищам, принимавшим участие в рецензировании рукописи и оказавшим серьезную помощь в ходе подготовки ее к изданию.

Глава I

В. И. Ленин
о партизанской
войне
в период
подготовки
трудящихся
масс
к социалистической
революции

Учить массы бороться революционно

В. И. Ленин сразу же после создания большевистской партии начал готовить ее к осуществлению социалистической революции. Уже в своих ранних трудах он писал, что в основе стратегической линии большевики должны делать упор именно на массовое революционное движение, а отнюдь не на действия изолированного от масс того или иного «сознательного и героического меньшинства», вдохновленного революционной страстью. Для достижения победы необходимо, чтобы революция обязательно стала делом борьбы всех трудящихся, поистине народным движением¹.

Рассматривая революционный процесс как живое взаимодействие объективного и субъективного факторов, В. И. Ленин еще в 1902 году поставил вопрос о необходимости тщательной практической подготовки пролетарских масс к вооруженному восстанию, используя для этого все известные формы организации, средства и приемы борьбы, чтобы не быть застигнутыми врасплох, когда начнется революция. «Мы должны помнить,— резюмировал свою мысль Владимир Ильич в статье «Революционный авантюризм»,— что революционная партия только тогда заслуживает своего имени, когда она *на деле* руководит движением революционного класса. Мы должны помнить, что всякое народное движение принимает бесконечно разнообразные формы, постоянно вырабатывая новые, отбрасывая старые, создавая видоизменения или новые комбинации старых и новых форм. И наш долг активно участвовать в этом процессе выработки приемов и средств борьбы»². Появление новых приемов и средств борьбы — это процесс революционного творчества самих масс. В нем непременно должны участвовать все социал-демократические организации и

группы. Задача пролетарского авангарда — не просто поспевать за событиями, а уметь показать следующую ступень борьбы, извлекать из опыта прошлого и сегодняшней истории уроки для будущего, смелее и шире распространять их там, где еще «безмолвствует народ», но уже назревает революционный пожар.

Обобщая опыт европейских демократических революций XIX столетия, особенно опыт Парижской Коммуны, классики марксизма открыли непреложную истину, что рабочий класс не может победить всеисилие капитала, когда он вступает в борьбу в одиночку. В своей работе «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» К. Маркс указывал, что без крестьянского хора соло пролетариата завершится лебединой песнью³. Поскольку в России крестьянство составляло массовую базу социалистической революции, В. И. Ленин много внимания уделял разработке с точки зрения теории и тактики вопросов укрепления рабоче-крестьянского союза. Этот союз складывался и креп на базе совместных боевых выступлений, первоначальной ступенью которых были и небольшие партизанско-повстанческие стычки с полицией и войском.

В марте 1903 года В. И. Ленин написал замечательную по глубине научного анализа и популярности работу «К деревенской бедноте». Всем своим содержанием она была направлена на разъяснение крестьянам сущности той непримиримой классовой борьбы, которую вели городские рабочие под руководством социал-демократов за изменение политического и экономического строя России. Серьезное внимание Владимир Ильич обращал на необходимость воспитания политического самосознания, на важность военного просвещения широких народных масс. Выясняя причины неудачи первого в пореформенный период массового крестьянского движения, он выделял из них три главные: первая — восстание не имело вполне конкретных политических целей, ибо крестьяне не выдвинули требования изменения государственного строя; вторая — восстание не было как следует подготовлено в военном отношении; третья — еще не сложился прочный союз деревенской бедноты с последовательным борцом против капиталистического гнета — рабочим классом. «Чтобы восстание было успешно, — писал В. И. Ленин, — надо, чтобы оно было сознательное и подготовленное, надо, чтобы оно охватило всю Россию и в союзе с городскими рабочими»⁴.

Кропотливую работу большевиков по общеполитическому воспитанию трудовых масс В. И. Ленин призывал органически сочетать с организацией боевых сил пролетариата. В статье «Новые задачи и новые силы», написанной в феврале 1905 года, он резко критиковал косность тех партийных организаций и работников, которые в новой обстановке цеплялись за старые методы работы, в некоторых сферах классовой борьбы топтались на месте. В связи с нарастанием революции Владимир Ильич говорил о необходимости применять новые тактические приемы борьбы, проявлять больше гибкости, инициативы и смелости.

Важную роль в военном просвещении пролетарских масс сыграли статьи В. И. Ленина, напечатанные летом 1905 года в газете «Пролетарий»⁵: «Революционная армия и революционное правительство», «Революция учит», «Черные сотни и организация восстания» и другие. В этих работах Владимир Ильич обосновал необходимость для пролетариата овладения военным делом и показал, что без вооружения трудящихся масс, без создания хорошо снаряженных и обученных боевых отрядов и дружин победить в предстоящей революции невозможно.

В статье «Революционная армия и революционное правительство» он писал: «Возьмите военное дело. Ни один социал-демократ, знакомый хоть сколько-нибудь с историей, учившийся у великого знатока этого дела Энгельса, не сомневался никогда в громадном значении военных знаний, в громадной важности военной техники и военной организации, как орудия, которым пользуются массы народа и классы народа для решения великих исторических столкновений»⁶. В то же время Владимир Ильич подчеркивал, что раньше, до возникновения подлинно революционной ситуации, социал-демократия «никогда не выдвигала на первый план военных вопросов, пока не было налицо условий начавшейся гражданской войны. Но *теперь* все социал-демократы выдвинули военные вопросы, если не на первое, то на одно из первых мест, поставили на очередь изучение их и ознакомление с ними народных масс. Революционная армия должна практически применить военные знания и военные орудия для решения всей дальнейшей судьбы русского народа, для решения первого, насущнейшего вопроса, вопроса о свободе»⁷.

Разразившаяся в 1905—1907 годах в России первая подлинно народная революция выявила необыкновенное

богатство новых форм, способов и приемов борьбы с самодержавием, обогащен тем самым опыт международного пролетарского движения. В то же время революция со всей убедительностью показала, насколько своевременно была выдвинута В. И. Лениным задача конкретной практической подготовки угнетенных масс к классовым битвам. В объемных работах, специальных статьях и набросках, написанных им в тот период, мы находим не только постановку общих вопросов подготовки вооруженного восстания, но и подробнейшие детали организации самой борьбы. Тактика большевистской партии была рассчитана на всемерное углубление всенародной борьбы за коренное изменение общественно-политического строя. «Не в уклонении от классовой борьбы ждет своего спасения пролетариат,— писал В. И. Ленин,— а в ее развитии, в увеличении ее широты, сознательности, организованности, решительности»⁸. Под углом зрения расширения и углубления народной революции, умения использовать все формы и приемы борьбы В. И. Ленин и большевики рассматривали массовое рабочее и крестьянское движение, а также свое отношение к тактике различных мелкобуржуазных партий и т. п.

В. И. Ленину — первому из профессиональных революционеров-марксистов стало ясно, что дело идет к невиданному ранее развитию революционной инициативы широких масс. Говоря о широких массах, В. И. Ленин имел в виду движущие силы революции: пролетариев города и деревни. Исходя из этого, он настоятельно призывал большевиков отбросить консерватизм, пустые мечтания и всякие формальности, педантские измышления и бумажную волокиту в вопросах тактики и военного обучения пролетарских масс, в борьбе с царизмом использовать также отдельные партизанско-повстанческие выступления и тем самым содействовать развитию политического сознания, выводить на историческую арену широкие народные массы, готовить их к решительному бою. Это требование с объективной неизбежностью выдвигалось всем ходом революции, которая «учит, несомненно, с такой быстротой и такой основательностью, которые кажутся невероятными в мирные эпохи политического развития. И она учит, что особенно важно,— подчеркивал В. И. Ленин,— не только руководителей,— но и массы»⁹.

Самым серьезным образом это необходимо учитывать потому, что «революционный момент тем и отличается от

обыкновенных, будничных, подготовительных исторических моментов, что настроение, возбуждение, убеждение масс должны проявляться и проявляются в *действии*»¹⁰.

Поставив на повестку дня вооруженное восстание как боевой лозунг и организационную задачу большевиков, В. И. Ленин глубоко вникает в работу созданных творческим гением революционных классов боевых дружин и партизанско-повстанческих отрядов. Об этом свидетельствует его известное письмо «В Боевой комитет при Санкт-Петербургском комитете»¹¹, написанное в октябре 1905 года. В письме указывается, что военное дело в Боевом комитете подменяется кабинетными выдумками, канцелярщиной: составлением различных схем, планов, разговорами о функциях комитета. А при создании боевых сил революции нужны не отвлеченные планы и схемы, а конкретное живое дело, нужна энергия и еще раз энергия. «Не требуйте никаких формальностей, наплюйте, Христа ради, на все схемы,— рекомендовал В. И. Ленин руководителям Боевого комитета,— пошлите вы, бога для, все «функции, права и привилегии» ко всем чертям»¹². Надо незамедлительно создавать небольшие боевые партизанско-повстанческие отряды от 3-х до 10—30 человек. Исходя из конкретного анализа конкретной ситуации, В. И. Ленин советовал: «Основывайте *тогда* боевые дружины везде и повсюду и у студентов, и у рабочих особенно, и т. д. и т. д.», и пусть они незамедлительно вооружаются самостоятельно, чем могут¹³. Боевые же комитеты обязаны работать изо всех сил, поддерживать инициативу масс, помогать созданным отрядам, которые ни в коем случае не должны ограничиваться одними только подготовительными действиями, а как можно скорее начинать свое обучение на боевых операциях, на деле. Ибо своими выступлениями эти отряды способствовали обострению неустойчивости царизма, побуждали к активным действиям трудовые слои общества, расширяли базу для работы партии в массах. И поскольку партизанская война преследует цель справедливой защиты интересов трудящихся, помогает руководителям партизанских отрядов и групп и их участникам приобретать соответствующий боевой опыт, совершенствовать свое искусство борьбы, то не следует особо бояться некоторых ее издержек, поскольку это не единичные вспышки, а движение, приближающееся к строго организованным и планомерным революционным действиям. «...Не бойтесь этих пробных на-

падений,— писал В. И. Ленин.— Они могут, конечно, выродиться в крайность, но это беда завтрашнего дня, а сегодня беда в нашей косности, в нашем доктринерстве, ученой неподвижности, старческой боязни инициативы. Пусть каждый отряд сам учится... десятки жертв окупятся с лихвой тем, что дадут сотни опытных борцов, которые завтра поведут за собой сотни тысяч»¹⁴.

Обращает на себя внимание тот факт, что В. И. Ленин с исключительной силой и страстно ополчался против шаблонного подхода к вопросу о военно-боевой работе в массах, против волокиты, «старческой боязни инициативы». На первый план он выдвигал вопрос о почине, смелом порыве. «Центр тяжести в таком деле — инициатива массы мелких кружков. Они сделают все»¹⁵.

Мысли, изложенные В. И. Лениным в письме Боевому комитету Петрограда, были развиты им в октябре 1905 года в специальном наброске «Задачи отрядов революционной армии». Как известно, народный характер партизанской войны позволял активно использовать в ней многообразный арсенал организационных форм, средств и приемов борьбы, всех тех, кто готов был выступить против угнетателей. Учитывая это, Владимир Ильич указывал, какой величины должны и могут быть партизанско-повстанческие отряды, каким оружием они могут вооружаться,— не только огнестрельным, но и подручным, холодным, тряпками с керосином для поджога, веревочными лестницами, колючей проволокой и гвоздями против кавалерии и т. д. Он предлагал создавать отряды и группы, по возможности, из близко живущих или часто встречающихся людей, или тех и других. Надо стараться спланировать и вовлекать в отряды «непрерывно и безусловно всех, кто *хочет* участвовать в деле восстания, ибо *нет* и быть не может такого человека, который при желании работать не принес бы громадной пользы даже при отсутствии у него оружия...»¹⁶.

В тактическом плане В. И. Ленин рекомендовал практиковать именно наступательный метод борьбы. Партизанско-повстанческие действия должны носить целеустремленный, наступательный характер, быть внезапными для врага. Только в этом случае партизаны, которые, как правило, уступают регулярной армии в численности и вооружении, могут добиться успеха, деморализовать, обессилить и победить врага. Пассивная же и «выжидательная тактика» со всеми ее политическими и социальными последствиями

может погубить не только революционных бойцов, но и дискредитировать даже саму идею вооруженной борьбы. Созданные отряды «могут и должны, — указывал В. И. Ленин, — ловить сейчас же всякий удобный случай для живой работы, отнюдь не откладывая дело до общего восстания, ибо без подготовки *в огне* нельзя приобрести годности и к восстанию»¹⁷.

В. И. Ленин неоднократно указывал, что революция — не стихийный акт. Она не может возникнуть внезапно, свалиться как манна небесная. Она требует упорной и всесторонней подготовки. Истинные революционеры не должны сидеть сложа руки в ожидании революции. В противном случае это было бы пассивное, фаталистическое поджидание великих дней при неумении собирать силы, подготавливающие великие события. Ибо если бы революционеры ограничились лишь одними призывами о необходимости революции и не предпринимали реальных мер к ее осуществлению, они впали бы в «революционную «маниловщину». Революционеры, исходя из конкретных условий, обязаны вести подготовительную работу к революции. И от того, насколько планомерно и целенаправленно ведется эта подготовительная работа, в значительной степени зависит успех революции, приближение сроков ее победы. Поэтому большевики должны «удесятерить усилия по организации боевых дружин», «готовиться к восстанию и посредством партизанских боевых выступлений». Ведь смешно было бы, говорил В. И. Ленин, готовиться к вооруженному восстанию «посредством одних только записей и регистраций»¹⁸.

Чтобы указать трудовым массам верные ориентиры в их борьбе, В. И. Ленин исключительно много занимался как разработкой самой теории социалистической революции, так и отдельными ее сторонами. Вспоминая о его революционной деятельности в начале девятисотых годов, друг и соратник Владимира Ильича Н. К. Крупская писала, что его интерес к той или иной проблеме определялся главным образом непосредственной потребностью революционной борьбы пролетариата. «Особо бросается в глаза у Ленина-теоретика, — отмечала Н. К. Крупская, — выбор тем. Он брал ту или другую тему не просто потому, что эта тема интересная, требует разработки, а потому, что данная тема в данный промежуток времени была особо актуальна для рабочего движения... И каждая статья, каждая науч-

ная работа написаны были на самые актуальные для того времени темы. Оттого и были статьи и книги Ильича руководством к действию в самом непосредственном смысле слова»¹⁹.

Исчерпать все возможности, все шансы победы

В. И. Ленин, так же как и Ф. Энгельс*, формы рабочего движения, партизанские выступления боевых дружин и отдельных боевиков рассматривал строго исторически, в живом движении времени, как хорошую школу по подготовке всеобщего вооруженного восстания. Ибо «в этой затяжной, партизанской войне пролетарии учатся воевать»²⁰. Будущее трудовых масс, указывал он, утвердится революционной борьбой. А для этого необходимо использовать все средства и возможности революционного наступления, быть во всем революционером. Быть же революционером-марксистом — значит «познать верно *направление* борьбы и исчерпать *все* возможности, *все* шансы победы»²¹.

Непременным условием боеспособности партии революционного действия и реализации ею своей исторической роли В. И. Ленин считал обеспечение внутреннего органического единства стратегической ориентации, линии политической борьбы и самой тактики. Как вытекает из контекста многочисленных трудов, в понятия «партизанская война», «партизанские выступления», «партизанские действия» на определенных этапах по пути к социалистиче-

* Как известно, Ф. Энгельс, а позднее и В. И. Ленин (см.: Полн. собр. соч., т. 38, стр. 286—287), в ряде своих военных трудов не делали существенного различия между обилием форм народного сопротивления врагу и партизанской войной (см.: Ф. Энгельс. Военная обстановка во Франции.— К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, стр. 188 и др.). Эта же мысль прослеживается и в его работе «Прусские франтиреры», в которой с народной партизанской войной фактически сравнивал массовые восстания, вооруженные выступления крестьян и действия франтиреров, то есть разнообразные формы (виды) и приемы народного сопротивления (см. там же, стр. 208—209). В одной из своих статей (V-й) о революционной Испании Ф. Энгельс писал: «Партизанская война началась с восстания целых масс населения и продолжалась силами отрядов герильеро, опиравшихся на целые округа...» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. X, стр. 744).

ской революции Владимир Ильич вкладывал разное и в то же время глубокое содержание. Он не ограничивал значение партизанских выступлений лишь действиями вооруженных отрядов и групп, не сводил их только к чисто боевым столкновениям с правительственными войсками, полицейскими нарядами и стражей. Считал, что даже непрерывные стачки, действия невооруженных партизанско-повстанческих отрядов, если они органически связаны с вооруженными выступлениями, приобретают форму широкого народного движения в затяжной гражданской войне и в определенный момент могут и должны сыграть серьезную роль в руководстве толпой, в нападении при удобном случае на отдельных полицейских и шпионов, в освобождении арестованных, раненых, в изъятии правительственных денежных средств «для обращения их на нужды восстания» и т. д. «Ни в коем случае, — писал В. И. Ленин, — не следует отказываться от образования отряда или откладывать его образование под предлогом отсутствия оружия»²². Значение таких невооруженных партизанско-повстанческих отрядов заключается еще и в том, что они представляют собой как бы исходные пункты, первоначальные революционные базы, где массы в определенной мере осознают свои возможности и силу, если они объединяются ради общего дела и рационально используют свое единство и опыт. В ходе борьбы за свои непосредственные интересы пролетарии готовятся к вооруженному восстанию, к превращению его в случае необходимости в революционную партизанскую войну.

Анализ ленинских трудов отчетливо показывает, что и в дальнейшем, последовательно отстаивая позиции вооруженной классовой борьбы, В. И. Ленин в то же время не абсолютизировал поощряемые партией большевиков партизанские действия лишь вооруженными выступлениями пролетариев города и деревни. В определенных условиях, с учетом конкретной ситуации и готовности масс к сознательным выступлениям он допускал возможность использования партией невооруженных отрядов и дружин как средства массовой самозащиты, как наилучший способ войти в непосредственное соприкосновение с широкими массами, расширить социальную базу революции, вовлечь в активную борьбу с эксплуататорскими классами новые слои населения, подвести их к пониманию необходимости революции, а затем вовремя подсказать наиболее соответ-

ствующие моменту и имеющимся силам формы и методы борьбы, момент наступления и т. п. В статье «Роспуск Думы и задачи пролетариата», написанной в июле 1906 года, В. И. Ленин указывал: «Вольные боевые союзы, союзы «дружинников», если взять название, которое сделали столь почетным великие декабрьские дни в Москве, принесут гигантскую пользу в момент взрыва. Дружина умеющих стрелять обезоружит городского, нападет внезапно на патруль, добудет себе оружие. Дружина не умеющих стрелять или не добывших оружие поможет строить баррикады, делать разведки, организовать сношения, устроить засаду врагу, поджечь здание, где засел неприятель, занять квартиры, которые могут стать базой для повстанцев,— одним словом, тысячи самых разнообразных функций выполнят вольные союзы людей, решивших биться не на жизнь, а на смерть, знающих превосходно местность, связанных всего теснее с населением»²³.

Ход событий убедительно подтвердил всю правоту ленинских выводов и рекомендаций. Революционная практика показала, что когда участники массовой самозащиты и нападения вступали на путь вооруженных действий, им не надо было импровизировать на пустом месте. Происходил лишь качественный сдвиг в рамках уже существовавшего отряда или дружины.

Однако, признавая в принципе правомочность всех средств и приемов партизанской войны, которые, как и революционное движение в целом, не являлись статичными, а видоизменялись и совершенствовались, В. И. Ленин к партизанской борьбе относил в первую очередь именно вооруженные действия трудящихся. Ибо только вооруженным путем можно было свергнуть реакционный строй и осуществить революционные преобразования в такой отсталой стране, какой была царская Россия. Детальное изучение новой исторической эпохи и коренных изменений, которые она внесла в расстановку классовых сил, позволили В. И. Ленину делать уверенный акцент на то, что великие преобразования в России могут быть осуществлены только вооруженным путем. Российское самодержавие и буржуазия своими реакционными действиями сами толкали рабочих и крестьян на необходимость применения именно вооруженных средств борьбы. В такой обстановке дело отрядов революционной армии — «провозгласить восстание, дать массам *военное руководство...*

создать опорные пункты открытой всенародной борьбы, перебросить восстание в соседние местности..., начать революционную перестройку прогнившего самодержавного строя, развернуть во всю ширь революционное творчество народных низов, которые мало участвуют в этом творчестве в мирные времена, но которые выступают на первый план в эпохи революции»²⁴. Вместе с тем Владимир Ильич считал, что период перехода непосредственно к вооруженной борьбе — исключительно важный и в то же время трудный шаг, требующий самой тщательной подготовки. Сделать этот шаг может только крепкая и сплоченная пролетарская партия, ибо только она «сможет решить вопрос, когда и как надо вооружаться, когда и как надо пускать в ход оружие»²⁵. Исходя из этого, выбор форм и приемов партизанской войны ставился в прямую зависимость от всей совокупности объективных и субъективных условий момента, соотношения общественных сил, от умения пролетарской партии быстро менять боевое оружие в зависимости от накопленного революционным движением опыта борьбы.

Глубокий анализ характера событий 1905 года и определение их практического значения для дальнейшего развития социалистической революции позволили В. И. Ленину сделать вывод о том, что в период всеобщих политических стачек, начатых Всероссийской стачкой, народные восстания не могут протекать в форме быстрых единовременных актов, охватывающих небольшую территорию. Борьба непременно приобретает более сложные формы гражданской войны*, рассчитанной на более длительный срок, и охватит всю страну. В такой войне малочисленные крупные сражения неминуемо будут переплетаться с частыми, мелкими столкновениями. А отсюда вытекает тот факт, указывал он, что неизбежно придется прибегать к методам народной самообороны, к партизанским выступлениям. Но, доказывая неизбежность применения партизан-

* В работе «Русская революция и задачи пролетариата», написанной в марте 1906 г., В. И. Ленин указывал: «...Надо считать гражданскую войну объявленной и продолжающейся, причем вся деятельность партии должна быть подчинена принципу: «коль война, так по-военному». Тогда воспитание кадров пролетариата для наступательных военных действий безусловно необходимо. Тогда бросание революционных лозунгов в крестьянскую массу логично и последовательно» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 219).

ской войны, В. И. Ленин совершенно ясно имел в виду не как высшую форму классовой борьбы пролетариата за завоевание политической власти, не как единственную и главную в сражении с самодержавием и российским капитализмом, а в генетическом переплетении с массовыми битвами, в подчинении высшей форме классовой борьбы — вооруженному восстанию.

Поскольку историческая практика выдвигала новые способы обороны и нападения на неприятеля, то В. И. Ленин призывал находившуюся в нелегальных условиях партию большевиков непременно учитывать их в общем комплексе вооруженных столкновений, требовал готовить способные кадры, организовывать небольшие вооруженные отряды и дружины для партизанско-повстанческих действий, повседневно руководить их боевыми выступлениями.

Внимательно изучая историю народных войн и национально-освободительных движений, В. И. Ленин сделал в этот период исключительно важный вывод, что именно в революционные периоды — в «праздники угнетенных и эксплуатируемых» — с наибольшей силой проявляются решающая роль и подлинный патриотизм народных масс. Активные действия трудящихся, их самоотверженная, героическая борьба определяют в конечном счете судьбы войн и революций. «Никогда масса народа не способна выступать, — подчеркивал Владимир Ильич, — таким активным творцом новых общественных порядков, как во время революции. В такие времена народ способен на чудеса...»²⁶

Периодом «революционного вихря», открывшего «все источники революционной силы народа», назвал В. И. Ленин последнюю четверть 1905 года. Своего апогея, «высшую точку восходящей линии российской революции», движение народных масс достигло в октябре—декабре. Находясь в этот период в Женеве, Владимир Ильич пристально следил за развитием революционных боев в России. По горячим следам событий он пишет статью «Кровавые дни в Москве», посвященную урокам московского восстания. «...Данная, уже разученная, если можно так выразиться, форма борьбы — партизанская война, — указывалось в статье, — непрерывные стачки, истомление врага нападениями и уличной борьбой то в том, то в другом конце страны... дала и дает самые серьезные результаты.

Никакое государство не выдержит *á la longue* (длительное время.— *Я. П.*) этой упорной борьбы, останавливающей промышленную жизнь, вносящей полную деморализацию в бюрократию и армию, сеющей недовольство положением вещей во всех кругах народа»²⁷.

Этот ленинский подход к объяснению социально-политического смысла партизанских действий теснейшим образом перекликается с определением Ф. Энгельса сущности партизанской войны: «...Это неуловимое, то прекращающееся, то снова возникающее, но всегда создающее препятствия неприятелю, восстание народа»²⁸. Постоянно подтачивая силы врага, волны народной войны, указывал Ф. Энгельс, с течением времени перемалывают и разрушают по частям даже самую крупную армию. Важным и примечательным является то, что не видно, чтобы это уравнивалось соответствующей убылью с другой стороны. Сама историческая действительность революционной России целиком и полностью подтверждала жизненность слов Ф. Энгельса, что «народ, который хочет завоевать себе независимость, не должен ограничиваться *обычными* способами ведения войны»²⁹, а в праве применять любые формы и средства борьбы. Массовое восстание, писал он, революционная война, партизанские отряды повсюду являются единственным способом, при помощи которого малый народ и менее сильная армия могут в национально-освободительном движении истомить, а потом и победить более сильного и лучшего организованного противника.

В новых исторических условиях это положение было углублено В. И. Лениным. Наступает эпоха, писал он, когда война небольшой страны против гиганта становится безнадежной. В определенной международной ситуации, при соответствующих явлениях внутри «гигантов», можно «безнадежную» войну сделать вполне «надежной»³⁰.

Разрабатывая теорию социалистической революции, В. И. Ленин творчески соединил теоретические положения Маркса и Энгельса с действительностью России. Он настоятельно подчеркивал, что для одоления царизма и всемогущества монополий пролетариату необходимо было в декабре 1905 года действовать более решительно. Восстание могло быть успешным лишь при активном участии в нем не только авангарда, но и широких народных масс, при слиянии в единый революционный поток рабочих восстаний, партизанско-повстанческой борьбы крестьян — сельской парти-

занской войны — и военных «бунтов», при решительном и хорошо подготовленном совместном натиске. С особой категоричностью отстаивая положение марксизма, что оборона есть смерть вооруженного восстания³¹, он назвал близоруким взгляд Г. В. Плеханова, подхваченный всеми оппортунистами, что «не нужно было браться за оружие», «не надо было зажигать костер восстания». Напротив, говорил В. И. Ленин, не надо было «играть в восстание». Нужно было более решительно, энергично и наступательно браться за оружие, нужно было разъяснять массам невозможность одержать победу одной только мирной стачкой и необходимость бесстрашной вооруженной борьбы³².

Для достижения победы необходимо, чтобы революция обязательно стала делом борьбы широких масс, поистине народным движением. В. И. Ленин разъяснял социал-демократическим организациям, рабочим, широким трудящимся массам, что в вооруженной борьбе требуется бесстрашие и беспощадность, революционная страстность, исключительная организованность и собранность, гибкость и маневренность тактики. Он напоминал известное марксистское положение о том, что к восстанию надо относиться как к искусству. Необходимо было строжайшим образом учитывать изменение военной тактики в зависимости от уровня военной техники, умело использовать все формы и приемы борьбы, не упуская из виду главного — вооруженного восстания. Владимир Ильич учил, что революционное творчество масс, развитие военного искусства, появление новых, более совершенных видов оружия, массовое внедрение его в войска со всей остротой ставят вопрос о необходимости пересмотра тактики уличной борьбы³³. Он указывал, что Москва, учтя объективно изменившийся характер и способы ведения боевых действий противником, выдвинула тактику партизанской войны в форме баррикад и что сознательному пролетариату «следует *научиться* воевать» в новых условиях, находить такие способы обороны и нападения, которые кратчайшим путем ведут к победе³⁴.

В переходе от стачек и демонстраций к баррикадам и вооруженному восстанию В. И. Ленин видел величайшее приобретение русской революции, хотя и купленное ценой больших жертв. И несмотря на то, что пролетариату в силу его недостаточной опытности и организованности пришлось

на время отступить, значение революции для последующих классовых боев было огромно. «Революция 1905 года кончилась поражением вовсе не потому, — указывал В. И. Ленин, — что она зашла «слишком далеко», что декабрьское восстание было «искусственно», как думают ренегаты из либералов и т. п. Наоборот, причина поражения — та, что восстание зашло *недостаточно* далеко, что сознание его необходимости было *недостаточно* широко распространено и твердо усвоено в революционных классах, что восстание не было дружным, решительным, организованным, одновременным, наступательным»³⁵.

Тщательно проанализировав опыт московского восстания, качественное состояние самого «революционного материала», В. И. Ленин советовал социал-демократическим организациям самым серьезным образом изучать и совершенствовать баррикадную тактику. Характерной особенностью последней являлось сочетание баррикад с внезапными наступательными и умелыми оборонительными партизанскими методами уличной борьбы. По его мысли, небольшие подвижные отряды в десять и менее человек (десятки, тройки и даже двойки), вооруженные стрелковым и холодным оружием, могут смело вторгаться в тыл карателей, осаждающих баррикады, и тем самым отвлекать их от баррикад. В качестве поучительного примера В. И. Ленин приводил факт, как несколько сот организованных таким образом партизан-дружинников успешно боролись на улицах Москвы в течение длительного времени против во много раз превосходящего в силах противника³⁶.

Ленинский вывод о возможности и целесообразности применения в классовых битвах тактики партизанской войны имел исключительно важное значение как для революционеров-практиков России, так и для марксистов других стран. Ни на йоту не нарушая теоретическую целостность учения К. Маркса и Ф. Энгельса о революционной партии и классовой борьбе, В. И. Ленин, применительно к специфике исторического периода и российской революционной действительности, развивал это учение дальше. Оставаясь верным творческому, антидогматическому духу марксизма, он в то же время решительным образом оберегал это бессмертное учение от любых попыток ревизионизма и фальсификации, страстно боролся против книжного подхода к революционной сути марксизма, против школяр-

ского заучивания его формул и положений и шаблонного применения вне учета меняющихся исторических условий.

Как известно, некоторые видные теоретики социал-демократии (Э. Бернштейн, К. Каутский и их единомышленники), реформистски истолковывая взгляды Ф. Энгельса, высказанные им в 1895 году во «Введении к работе К. Маркса «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.», выбросили из «Введения» революционное содержание — идею о вооруженном восстании. Оппортунистические лидеры II Интернационала, ссылаясь на высказывание Ф. Энгельса, что «условия борьбы существенно изменились», что «восстание старого типа, уличная борьба с баррикадами, которая до 1848 г. повсюду в конечном счете решала дело, в значительной степени устарела»³⁷, заняли позицию абсолютизации мирных форм борьбы*. Они умалчивали об обстоятельствах, вынудивших Ф. Энгельса сделать некоторые сокращения при его публикации и преднамеренно искажали содержание опубликованного текста. Бернштейн, Гильфердинг и другие идеологи ревизионизма утверждали, будто Ф. Энгельс в своем «Введении», которое они выдавали за его «политическое завещание», координально пересмотрел свои взгляды о формах классовой борьбы и чуть ли не стал на позиции реформизма. Фальшивыми ссылками на Ф. Энгельса ревизионисты и оппортунисты стремились прикрыть свое отступничество от марксизма. Выступая на словах за революционные методы, лидеры II Интернационала на деле пытались загнать творческий порыв масс в узкие рамки парламентской болтовни.

На самом же деле Ф. Энгельс всегда стоял за активное использование всех доступных массам организационных форм и методов борьбы. Характерно, что и народную партизанскую войну он никогда не ограничивал ни способами действий, ни географически. В работе «Англия», написанной в конце 1851 — начале 1852 года, он указывал: «И если до сих пор партизанская война сопровождалась успехом только в сравнительно мало населенных странах, то именно Англия, в случае серьезного нападения, могла бы дать доказательство того, что в очень густо населен-

* К. Каутский, например, накануне первой русской революции писал: «Мы не имели никаких оснований предполагать, что вооруженное восстание, битвы на баррикадах и тому подобные военные эпизоды могли еще и теперь играть решающую роль...» (К. Каутский. Социальная революция. М., 1918, стр. 53).

ных местностях, например в почти сплошном лабиринте домов Ланкашира и Западного Йоркшира, эта война может принести еще более значительные результаты»³⁸. В подвергшемся же нападкам «Введении» Ф. Энгельс всего лишь ставил вопрос об изменении тактики пролетарской борьбы. «Способ борьбы,— указывал он,— применявшийся в 1848 г., теперь во всех отношениях устарел, и этот пункт заслуживает в данном случае более подробного рассмотрения»³⁹. Ф. Энгельс отмечал, что продолжавшаяся с 1848 года и охватившая весь континент экономическая революция обладает «еще очень большой способностью к расширению»⁴⁰, что проведение господствующими классами Европы ряда «революций сверху» сняло с повестки дня некоторых крупнейших капиталистических государств национальный вопрос, «самостоятельность и внутреннее единство великих европейских наций, за исключением Польши, стали действительностью...»⁴¹. С другой стороны, указывал Ф. Энгельс, эволюция военного дела, усовершенствование огнестрельного оружия и артиллерии, возможность быстрой переброски войск по железным дорогам, наконец, длинные, прямые, широкие улицы во вновь выстроенных после 1848 г. кварталах больших городов, как бы нарочно приспособленных для действия новых орудий и винтовок⁴², сделали гораздо менее благоприятными для бойцов из гражданского населения и более благоприятными для правительственных войск условия уличной борьбы. «Если изменились условия для войны между народами,— писал Ф. Энгельс,— то не меньше изменились они и для классово-войны. Прошло время внезапных нападений, революций, совершаемых немногочисленным сознательным меньшинством, стоящим во главе бессознательных масс. Там, где дело идет о полном преобразовании общественного строя, массы сами должны принимать в этом участие, сами должны понимать, за что идет борьба, за что они проливают кровь и жертвуют жизнью. Этому научила нас история последних пятидесяти лет. Но для того чтобы массы поняли, что нужно делать, необходима длительная настойчивая работа, и именно эту работу мы и ведем теперь, ведем с таким успехом, который приводит в отчаяние наших противников»⁴³.

Ф. Энгельс, говоря о новых возможностях работы с массами, имел в виду прежде всего огромное расширение форм и методов деятельности политических партий в усло-

виях буржуазной легальности и парламентского строя. Правые же социалисты и реформисты толковали эти мысли Ф. Энгельса так, что он, мол, по сути дела отказался от тезиса о необходимости вооруженной борьбы и всецело встал на позиции сторонников исключительно мирного пути революции. В действительности речь шла совсем о другом. Рассуждения Ф. Энгельса об изменении значения баррикадной тактики ставили целью предостеречь еще недостаточно подготовленных в военном отношении пролетариев от преждевременных кровопролитий, сохранить «ударный отряд» пролетариата до «решающего дня»⁴⁴. Его призывы шире использовать легальные возможности буржуазного парламентаризма для установления контактов с массами ставили целью подготовку этих масс к будущей «большой революции», к завоеванию рабочим классом политической власти.

В. И. Ленин, блестяще применив марксистскую методологию исследования, диалектически подошел к анализу исторических процессов, средств и приемов пролетарской борьбы, обобщил новые явления в развитии капитализма. Он не только восстановил тактические установки К. Маркса и Ф. Энгельса, но, исходя из особенностей и практических задач эпохи, развил их дальше, дополнил новыми положениями.

На основе глубокого анализа конкретно-исторической обстановки В. И. Ленин сделал вывод, что по своему содержанию грядущая революция в России будет буржуазно-демократической. Но в отличие от буржуазных революций в Западной Европе, которые происходили в эпоху домонополистического капитала и гегемоном которых выступала буржуазия, революция в России надвигалась в условиях, «когда пролетариат уже начал сознавать себя особым классом и объединяться в самостоятельную, классовую организацию»⁴⁵, а русская буржуазия оказалась неспособной на последовательный демократизм и тем более на роль гегемона в революции. Гегемоном и последовательным борцом за социальные преобразования российского общества мог выступить только пролетариат, только он в союзе с крестьянством мог привести буржуазно-демократическую революцию к победе.

Эти выводы и положения легли в основу разрабатываемой В. И. Лениным революционной стратегии и тактики, объективно исторического подхода к формам и методам

классовой борьбы. С исключительной трезвостью оценивая революционную перспективу, вождь партии и трудящихся октябрьско-декабрьские формы рабочего движения рассматривал как начальную ступень сознательной борьбы широких народных масс, как конкретный метод, прием пролетарской тактики ⁴⁶. Правильность ленинских выводов убедительно подтвердилась всеми грядущими революционными событиями.

В период временного отступления революции

Исторически сложилось так, что после поражения декабрьского вооруженного восстания в России почти повсеместно развернулась партизанская война. Партизанские выступления крестьян, особенно рабочих дружин и отдельных боевиков были направлены прежде всего против карателей, насильников из числа военно-полицейского и чиновничьего аппарата. Кроме того, эти выступления преследовали цель добывания оружия, конфискации принадлежащих самодержавному правительству денежных средств на нужды революции. В ходе борьбы пролетарские массы помимо всего прочего обучались также и искусству ведения обороны.

В. И. Ленин характеризовал партизанское движение в этот период как одну из затяжных форм гражданской войны, которая позволяла большевикам вести «длительную и терпеливую классовую пропаганду». «Положение крайне серьезное... Гражданская война,— писал он,— приняла форму отчаянно-упорной и повсеместной партизанской войны. Рабочий класс не дает отдыха врагу, парализует промышленную жизнь, останавливает постоянно всю машину местного управления, создает по всей стране тревожное состояние, мобилизуя все новые и новые силы для борьбы» ^{47—48}. Партизанская война этого периода с ее своеобразными чертами и потенциальными задатками вписывалась в общее русло социального процесса. Она подтягивала отстающие районы, сглаживала неравномерность революционных выступлений и, оказывая огромное воздействие на массы, ускоряла весь процесс их политического воспитания.

Различные компоненты субъективного фактора революции, указывал В. И. Ленин, развиваются и вызревают неравномерно. По разным причинам одни слои трудящихся поддаются организации и воспитанию более быстро, другие — значительно медленнее. Одни слои трудящихся проявляют революционную решимость и твердость и без страха поднимаются на самоотверженную борьбу с буржуазией, другие не обнаруживают такой активности, не выступают так решительно. В революционно-освободительном движении никогда не может быть такого положения, чтобы все рабочие, все трудящиеся в борьбе за диктатуру пролетариата проявляли такую же сознательность и организованность, такой же героизм, как коммунистический авангард. В действительности различные слои трудящихся обладают различным уровнем сознательности, организованности, твердости и решимости в борьбе за свержение господствующего класса. Марксизм-ленинизм учит, что в каждом классе, даже в наиболее просвещенной стране, даже в самом передовом и обстоятельствами момента поставленном в положение исключительно высокого подъема всех душевных сил, всегда есть — и, пока существуют классы, пока полностью не укрепилось, не упрочилось, не развилось на своей собственной основе бесклассовое общество, «неизбежно *будут* — представители класса *не* мыслящие и мыслить не способные». Иначе капитализм не был бы угнетающим массы капитализмом, если бы это не было так. А раз это так, то политическому авангарду необходимо вести настойчивую разъяснительно-воспитательную работу в массах.

В начале февраля 1906 года в первом номере «Партийных известий»⁴⁹ В. И. Ленин выступил со статьей «Современное положение России и тактика рабочей партии», в которой детальным образом проанализировал московские (декабрьские) и последующие события. В статье отмечалось, что хотя самодержавие и одержало в Москве «победу», кризис в стране не только не был разрешен, а напротив, он был «расширен и обострен московской «победой», воочию показывая назревание нового революционного взрыва. Исходя из этого, В. И. Ленин ставил перед большевиками задачу: «Нет, мы не имеем оснований снимать с очереди вопрос о восстании. Мы не должны перестраивать заново партийную тактику с точки зрения условий данного момента реакции. Мы не можем и не должны от-

чаиваться в том, что удастся, наконец, слить три разрозненные потока восстаний — рабочие, крестьянские и военные — в одно победоносное восстание. Мы должны готовиться к этому, не отказываясь, конечно, от использования всех и всяческих «легальных» средств к расширению пропаганды, агитации и организации, но отнюдь не обольщая себя насчет прочности этих средств и их значения»⁵⁰.

Владимир Ильич настоятельно подчеркивал, что пролетарская партия должна не только вбирать в себя опыт масс, но и должна активно содействовать тому, чтобы массы воспитывались на собственном опыте. Партия учит массы и учится у масс. Она руководит процессом формирования и углубления субъективных факторов революции, но не может делать это по своей прихоти и без участия масс. Поэтому большевики, переживая трудный момент, должны собирать и тщательнейшим образом изучать опыт московского, донецкого, ростовского и других восстаний, а также имевшие место в этих восстаниях многочисленные партизанско-повстанческие выступления. С целью революционного воспитания масс они обязаны распространять этот опыт, ибо только он давал возможность наиболее передовым слоям пролетариев воочию убеждаться в насущной потребности объединяться, понимать значение совместных вооруженных выступлений. В. И. Ленин призывал революционный авангард повышать сознательность, организованность и сплоченность рабочего класса и крестьянства, упорно и терпеливо готовить новые боевые силы, обучать и закалять разбуженные революцией широкие народные массы и на ряде партизанских выступлений, встретить новый взрыв «вооруженными, организованными по-военному, способными к решительным наступательным действиям»⁵¹.

Разоблачая сектантскую узость и мелкобуржуазную сущность анархистов, эсеров и меньшевиков, В. И. Ленин решительным образом отвергал их клевету и пренебрежительное отношение к методам и приемам партизанской борьбы. Он подчеркивал, что, несмотря на внешнюю схожесть явлений, сравнение партизанских выступлений боевых дружин и отдельных боевиков с террором старого типа является в корне ошибочным. Многочисленные партизанские действия в том виде — действия небольших групп и отдельных лиц, — в каком они происходят, необходимо рассматривать исторически, на фоне общего положения

царской России, потрясенной революционными событиями.

Восхищаясь мужеством и отдавая должное героическим жертвам русских революционеров-народовольцев, огромной роли их личного и морального примера, В. И. Ленин в то же время рассматривал романтическую революционность, террор старого типа как неумение сообразовать в полной мере высокие устремления и кипение страстной природы с реальной обстановкой, с общим уровнем самосознания масс в данный конкретный момент, наконец, как неверие в восстание, как заговор обособленных интеллигентских групп, как месть отдельным должностным лицам, который (террор), не будучи связанным с настроением широких масс, не может подготовить боевых руководителей восстания⁵². Но вместе с тем было бы совершенно неверным утверждать, что В. И. Ленин и руководимая им партия большевиков абсолютно отрицали роль революционеров-романтиков в классовой борьбе. «...Само собой разумеется,— указывал В. И. Ленин,— мы не можем обойтись без романтики. Лучше избыток ее, чем недостаток. Мы всегда симпатизировали революционным романтикам, даже когда были несогласны с ними. Например, мы всегда воздерживались от индивидуального террора. Но мы всегда выражали наше восхищение личным мужеством террористов и их готовностью на жертвы»⁵³.

Вместе с тем В. И. Ленин решительно отвергал злонамеренные эсеро-меньшевистские измышления по адресу большевиков, будто они скатываются на бланкистские позиции, полагая, что путем небольших боевых операций можно создать благоприятные социально-политические условия для революции при любых обстоятельствах, даже тогда, когда еще не созрела перспектива восстания. В. И. Ленин по этому поводу писал: «Правда ли, что декабрьская борьба была бланкизмом? Нет, неправда. Бланкизм есть теория, отрицающая классовую борьбу. Бланкизм ожидает избавления человечества от наемного рабства не путем классовой борьбы пролетариата, а путем заговора небольшого интеллигентного меньшинства. Был ли такой заговор или что-либо похожее на него в декабре? Ничего похожего на заговор не было. Это было классовое движение огромных масс пролетариата, пустившего в ход чисто пролетарское орудие борьбы, стачку, и присоединившего к себе невиданные на русской политической арене массы по-

лупролетариев (железнодорожники, почтовые служащие и т. д.), крестьян (Юг, Кавказ, Прибалтийский край) и мелких буржуа городов (Москва). Посредством жупела «бланкизм» буржуазия хочет принизить, опорочить, оклеветать борьбу народа за власть»⁵⁴.

Как видно из этого предельно точного выражения, В. И. Ленин, вскрывая ошибочность концепций «старого терроризма», унаследованных в качестве тактической линии всеми мелкобуржуазными, анархическими и полуанархическими течениями, срывает ярлык бланкизма с партизанских средств и приемов борьбы. Революционную перспективу он сочетал, таким образом, с повседневной борьбой масс.

И в последующий период В. И. Ленин делал упор и выдвигал на передний план именно массовое движение, а не террор супер-революционеров и конституционные иллюзии мелкобуржуазных демократов. Что касается индивидуальных террористических действий, то они, указывал В. И. Ленин, могут и должны принести пользу только в прямой и непосредственной связи с массовым движением⁵⁵. В этом случае такие акты понимались революционерами-марксистами не в смысле эсеровского индивидуального террора, дезорганизующего и ослабляющего боевые отряды пролетариата «уходом в террор» самых преданных и энергичных революционеров. Большевики рекомендовали и применяли их только в тех случаях, когда террористические акты были рассчитаны на непосредственное участие в них масс и когда подобные действия обеспечивали это участие*.

* Еще в «Проекте программы нашей партии» (конец 1899 г.) В. И. Ленин указывал, что революционеры-марксисты должны активно использовать в массовой борьбе решительно все средства и приемы классовых выступлений, обеспечивая «переход «в удобный момент» к решительному нападению, не отказывающемуся, в принципе, и от террора» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 4, стр. 222). Эту же мысль он неоднократно высказывал и в последующие годы. В мае 1901 года в четвертом номере «Искры» В. И. Ленин писал: «Принципиально мы никогда не отказывались и не можем отказываться от террора. Это — одно из военных действий (выделено мною.— Я. П.), которое может быть вполне пригодно и даже необходимо в известный момент сражения, при известном состоянии войска и при известных условиях» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 5, стр. 7). Пять лет спустя, в августе 1906 года в работе «Уроки московского восстания» В. И. Ленин указывал, что пролетариат Москвы в октябрьско-декабрьских боях совершенно закономерно практиковал массовый террор, выдвинув при

«В России террористы (против которых мы всегда боролись) совершили ряд индивидуальных покушений, но в декабре 1905 г., когда дело наконец дошло до массового движения, до восстания, — когда нужно было помочь *массе* применить насилие, — тогда-то как раз «террористы» и *отсутствовали*. В этом ошибка террористов»⁵⁶. В этой связи, забегая несколько вперед, важно указать на положительное отношение Владимира Ильича к массовому «красному» террору и в последующий период. Например, незадолго до злодейского покушения эсерки Каплан на его жизнь Владимир Ильич Ленин направил письмо руководителям Петроградской партийной организации, решительно протестуя против их позиции по сдерживанию вполне правильной революционной инициативы масс в их священной борьбе с обнаглевшей контрреволюцией. В письме говорилось, что в ЦК стало известно, как петроградские рабочие хотели ответить на убийство В. Володарского массовым террором, а Зиновьев и другие члены ЦК и ПК удержали их от этого.

«Протестую решительно! — писал В. И. Ленин. — Мы компрометируем себя: грозим даже в резолюциях Совдепа массовым террором, а когда до дела, *тормозим* революционную инициативу масс, *вполне* правильную.

Это не — воз — мож — но!

Террористы будут считать нас тряпками. Время архивное. Надо поощрять энергию и массовидность террора против контрреволюционеров, и особенно в Питере, пример коего *решает*»⁵⁷. Мысли аналогичного характера содержатся также и в ленинских статьях «Плеханов о терроре», «Ценные признания Питерима Сорокина» и др.

В принципе же В. И. Ленин всегда был бесконечно далек от того, чтобы делать упор на террористические действия. Одно дело, когда террор используется при революционной ситуации, в рамках всенародных выступлений или

этом новую баррикадную тактику. «Эта тактика, — подчеркивал он, — была тактикой партизанской войны... Социал-демократия должна признать и принять в свою тактику этот массовый террор, разумеется, организуя и контролируя его, подчиняя интересам и условиям рабочего движения и общереволюционной борьбы (подчеркнуто мною. — Я. П.), устраняя и отсекая беспощадно то «босаческое» извращение этой партизанской войны, с которым так великоленно и так беспощадно расправлялись москвичи в дни восстания и латыши в дни пресловутых латышских республик» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 13, стр. 375).

применяется как составная часть стратегии в обстановке гражданской войны или войны освободительной. Другое дело — применять его в любой ситуации. Это может привести к изоляции масс и отвлечь партию от главных задач по революционному воспитанию их и организации, отвлечь «наиболее активных борцов от их настоящей, наиболее важной в интересах всего движения задачи...»⁵⁸.

Акцентируя внимание на теснейшую взаимосвязь выдвинутых первой русской революцией новых форм и приемов революционной борьбы с массовым движением, В. И. Ленин указывал, что партизанские выступления являются не мстью отдельным лицам, а подобно массовому террору — военными действиями⁵⁹. Эти последние «так же мало похожи на авантюру, как набег охотничьих дружин на тыл неприятельской армии во время затишья на главном поле сражения непохожи на убийство дуэлянтов или заговорщиков. Партизанские действия боевых дружин, образованных давно уже социал-демократами обеих фракций во всех крупнейших центрах движения и включающих в себя, главным образом, рабочих, несомненно связаны с настроением масс самым явным, самым непосредственным образом. Партизанские действия боевых дружин непосредственно готовят боевых руководителей масс. Партизанские действия боевых дружин... являются необходимой составной частью происходящего восстания»⁶⁰ (подчеркнуто мною. — *Я. П.*). Они будят и упражняют политическое чутье трудящихся, сближают авангард с массами, содействуют совершенствованию навыков общественной работы. Жертвы же, которые пролетариат понесет в период пробных нападений, окупятся с лихвой тем, что в итоге дадут сотни опытных борцов, которые сумеют повести за собой сотни тысяч⁶¹.

В этом четком выводе В. И. Ленин не оставил камня на камне от всякого рода ходячих дефиниций, с которыми рьяно носились меньшевики и другие лжесоциалистические зазывалы, отрицавшие закономерность и целесообразность таких партизанских выступлений в период подготовки и проведения буржуазно-демократической, а затем и социалистической революции.

В период вызревания восстания большевики видели свою задачу в том — и в этом первостепенная заслуга принадлежала В. И. Ленину, — чтобы как можно полнее вооружить и рациональнее использовать всю гамму революци-

онных починов и возможностей пролетарских масс, пополняя и совершенствуя тем самым революционный опыт. В. И. Ленин неоднократно подчеркивал, что в новых исторических условиях партизанские действия боевых дружин представляют собой одну из форм гражданской войны, своеобразие которой заключается в том, что она является ни чем иным, как решительной борьбой антагонистических классов, в которой прямо или косвенно участвует почти вся масса населения. «Партизанская борьба есть неизбежная форма борьбы в такое время, — писал В. И. Ленин, — когда массовое движение уже дошло на деле до восстания и когда наступают более или менее крупные промежутки между «большими сражениями» в гражданской войне»⁶². В таких случаях партизанские выступления, не отрываясь от своей первоосновы, являются самостоятельной, ведущей формой гражданской войны, основным средством героической борьбы масс. И бессмысленно отрицать или же преднамеренно не замечать этого. Подобное явление, писал В. И. Ленин, абсолютно неизбежно в такое время, когда «восстание не сможет вылиться в старую форму единичных актов, ограниченных очень коротким промежутком времени и очень небольшой местностью... Восстание принимает более высокие и сложные формы продолжительной, охватывающей всю страну гражданской войны, т. е. вооруженной борьбы между двумя частями народа. Такую войну нельзя себе мыслить иначе, как ряд немногих, отделенных большими сравнительно промежутками времени, крупных сражений и массу мелких стычек в течение этих промежутков. Раз это так, — а это несомненно так, — то социал-демократия непременно должна ставить своей задачей создание таких организаций, которые бы в наибольшей мере способны были руководить массами и в этих крупных сражениях и, по возможности, в этих мелких стычках. Социал-демократия в эпоху обострившейся до гражданской войны борьбы классов должна ставить своей задачей не только участие, но и руководящую роль в *этой гражданской войне*. Социал-демократия должна воспитывать и готовить свои организации к тому, чтобы они действительно выступали, как *воюющая сторона*, не упускающая ни одного случая нанести ущерб силам неприятеля»⁶³. Признание целесообразности партизанских действий, отмечал Владимир Ильич, не только не является результатом неверия партии в восстание или невозможности восстания, а, напро-

тив, большевики предполагают их как необходимую составную часть революционной борьбы. «Нам надо не удерживать,— писал В. И. Ленин,— а поощрять партизанские выступления боевых дружин (подчеркнуто мною.— Я. П.), если мы не на словах только хотим готовить восстание и признали пролетариат всерьез готовым к восстанию»⁶⁴. Ибо революционная партия, последовательно защищающая интересы трудящихся масс, всегда считает справедливую борьбу за эти интересы своей высшей целью.

К оценке форм и приемов партизанской войны В. И. Ленин всегда подходил с точки зрения интересов революционного движения. Большевики должны, учил он, нести всю ответственность за развитие революционного процесса. Они обязаны умело и творчески владеть событиями и не допускать, чтобы события владели ими, правильно оценивать и реализовывать революционную ситуацию, непременно учитывать неожиданные повороты и всю сложность революционно-освободительного движения.

При этом В. И. Ленин разъяснял, что если же отдельные местные партийные организации в какой-то момент необдуманно прибегают к партизанским действиям, то это отнюдь не означает необходимости отказа партии большевиков от участия в партизанской войне вообще. Это означает только то, что большевики должны в более полной мере овладеть выдвинутой практикой новой формой борьбы, умело и последовательно руководить ею. Исходя из этого, В. И. Ленин выдвигал главное и решающее требование по отношению к партизанской войне: «...Партизанские боевые выступления должны производиться под контролем партии и притом так, чтобы силы пролетариата не растрачивались понапрасну и чтобы при этом принимались во внимание условия рабочего движения данной местности и настроение широких масс»⁶⁵. Без руководства революционной партии партизанская война не может в полной мере раскрыть своих возможностей и в конечном итоге обречена на поражение. Руководство партии большевиков партизанской войной придает целеустремленность, размах, позволяет направить ее на достижение поставленной политической цели. Партийное руководство партизанской войной — основное и непреложное условие ее успеха. Эта мысль, неоднократно повторяясь, проходит лейтмотивом через все произведения Владимира Ильича, в которых он касался вопроса о партизанских действиях.

Наиболее важным и характерным для партизанского движения В. И. Ленин считал его народность, а сами партизанско-повстанческие отряды называл вольными союзами людей, «решивших биться не на жизнь, а на смерть, знающих превосходно местность, связанных всего теснее с населением». Рассматривая задачи боевых дружин и партизанско-повстанческих отрядов, их организацию и тактику в статье «Роспуск Думы и задачи пролетариата», он призывал: «Пусть на каждой фабрике, в каждом профессиональном союзе, в каждой деревне раздается призыв к организации... вольных боевых дружин»⁶⁶. Люди, хорошо знающие друг друга, указывал В. И. Ленин, создадут такие дружины заранее. Люди, недостаточно знающие друг друга, объединятся в группы по пять и десять человек накануне восстания или же непосредственно в ходе борьбы, если подобная идея образования вольных союзов заранее распространится повсюду и будет с пониманием воспринята широкими пролетарскими массами. Социал-демократические организации и ячейки должны проникнуться ответственностью за то, чтобы донести до сознания наименее организованного и сплоченного простонародья решимость передовых рабочих и крестьян вести смертный бой за землю и волю. Они обязаны вести широкую целенаправленную пропаганду и агитацию с тем расчетом, чтобы и менее сознательные и организованные слои населения знали и были готовы к созданию массовых вольных боевых дружин борцов, чтобы все они прониклись уверенностью в неизбежности восстания и народном характере его. «Мы добьемся тогда — это совсем не утопично — того, — писал В. И. Ленин, — чтобы в каждом большом городе были не сотни дружинников, как в Москве в декабре, а тысячи и тысячи. И тогда *никакие пулеметы не устоят*, как говорила публика в Москве, указывая на недостаточно массовый, недостаточно близкий к народу характер и состав тамошних боевых дружин»⁶⁷.

Важность этой научно обоснованной идеи заключалась в том, что она становилась краеугольным камнем революционной стратегии и тактики большевистской партии по военному обучению и военной подготовке широчайших масс к решающему вооруженному штурму прогнившего российского самодержавия. В этом был блестящий образец творческого подхода В. И. Ленина к военно-теоретическому наследию К. Маркса и Ф. Энгельса.

Решительные партизанские выступления боевых дружин и отдельных бойцов, переплетаясь с другими пролетарскими формами движения, воодушевляли народные массы, поднимали их на самоотверженную борьбу, привлекали внимание общественности к политическим вопросам, способствовали распространению идеи о необходимости восстания. Акцентируя внимание на этом факте, В. И. Ленин указывал, что непосредственный «опыт борьбы просвещает быстрее и глубже, чем могли бы при других условиях сделать годы пропаганды»⁶⁸. Он разъяснял партии, что в затяжной партизанской войне даже войска втягиваются в политическую жизнь, «и клич этой жизни, боевой зов молодой России проникает даже в наглухо запертые казармы, будит самых темных, самых отсталых и самых забитых»⁶⁹.

Во второй половине февраля 1906 года В. И. Ленин подготовил проект основных резолюций к IV (Объединительному) съезду РСДРП, озаглавленный «Тактическая платформа к Объединительному съезду РСДРП». В нем была сформулирована большевистская точка зрения по коренным вопросам революции. Владимир Ильич считал, что пролетарии должны ясно видеть, на каких позициях стоят большевики и их идейные противники и по такому вопросу, как отношение партии к партизанскому движению. Третий параграф проекта резолюций, предложенный В. И. Лениным съезду, был озаглавлен «Партизанские боевые выступления». Принимая во внимание не прекращающиеся со времени декабрьского восстания партизанские нападения на противника, указывалось в предлагаемой съезду резолюции, а также неизбежность партизанских действий при наличии враждующих вооруженных сил и подготовку грядущих открытых вооруженных действий, большевики считают:

«1) что партия должна признать партизанские боевые выступления дружин, входящих в нее или примыкающих к ней, принципиально допустимыми и целесообразными в настоящий период;

2) что партизанские боевые выступления должны быть сообразованы по своему характеру с задачей воспитывать кадры руководителей рабочих масс во время восстания и выработать опыт наступательных и внезапных военных действий;

3) что главной задачей таких выступлений следует признать разрушение правительственного, полицейского и военного аппаратов и беспощадную борьбу с активно-черносотенными организациями, прибегающими к насилию над населением и к запугиванию его;

4) что допустимы также боевые выступления для захвата денежных средств, принадлежащих неприятелю, т. е. самодержавному правительству, и для обращения этих средств на нужды восстания, причем необходимо обратить серьезное внимание на то, чтобы интересы населения были возможно менее нарушаемы...»⁷⁰.

Было совершенно очевидно, что партия рабочего класса, если она хочет быть на высоте стоящих перед нею задач и не желает оказаться в роли пассивного регистратора событий, обязана дать соответственно требованиям исторического момента обоснование революционной тактики. Осуществление этой нелегкой задачи ложилось на плечи В. И. Ленина, большевиков. Предсъездовская платформа большевиков предварительно широко обсуждалась на совещании руководящих работников партии в Финляндии, где в то время скрывался от царских ищек В. И. Ленин. В первой половине марта 1906 года, во время своего недолгого пребывания в Москве, В. И. Ленин посвятил целый вечер специальному заседанию членов московской боевой организации и военно-технического бюро Московского комитета партии. На заседании речь шла о предсъездовской платформе большевиков, обсуждалась наступательная тактика повстанцев⁷¹. Несколько позднее она была обсуждена в Петербурге, где также присутствовал В. И. Ленин. Владимир Ильич был избран в состав комиссии по окончательному редактированию предсъездовской платформы. 20 марта составленная В. И. Лениным тактическая платформа большевиков была опубликована во втором номере газеты «Партийные известия» в целях распространения ее в партийных организациях и рабочих кружках⁷².

Вопрос о вооруженном восстании был одним из тех, который на IV (Объединительном) съезде РСДРП обсуждался сколько-нибудь обстоятельно и принципиально. Несмотря на серьезные разногласия и явно отрицательное отношение меньшевиков и их идейных союзников к октябрьско-декабрьским формам и средствам борьбы пролетариата, резолюцию «О партизанских действиях» больше-

вики все же сумели на съезде провести как дополнение к резолюции о вооруженном восстании ⁷³.

Внимательное знакомство с дополнением к резолюции съезда — и на это обращал внимание В. И. Ленин в своей статье «К событиям дня» — позволяет увидеть, что партия большевиков в период подготовки вооруженного восстания отвергала один вид партизанских действий, признавала другой и рекомендовала третий ⁷⁴. Признание съездом партизанских действий без экспроприации частных имуществ, указывал В. И. Ленин, означало признание «террора», т. е. партизанские действия с целью убийства неприятеля. Собственно резолютивная часть решений съезда, наряду с работой в массах, недвусмысленно признавала активную борьбу с насильниками государственно-полицейского аппарата. «Ограничение *этого*, второго, вида партизанских действий (убийство насильников), — пояснял позднее В. И. Ленин, — имеется в резолюции только следующее: *«избегать нарушений личной собственности мирных граждан, за исключением (слушайте!) тех случаев, когда это является произвольным результатом борьбы с правительством или, как например при постройке баррикад, вызывается потребностями непосредственной борьбы»* ⁷⁵.

Как вытекает из ленинского толкования, партия в момент непосредственной борьбы допускала нарушение интересов частной собственности «мирных» граждан для нужд революционного движения. Когда же нет непосредственной борьбы, тогда партия рекомендовала избегать нарушений личной безопасности «мирных» граждан. Но съезд, подчеркивал В. И. Ленин, тут же указывал исключение: «...Именно «произвольное» нарушение личной безопасности, как результат борьбы с правительством, съезд *не ставит в вину* участникам партизанских действий» ⁷⁶.

В послесъездовский период социал-демократические организации на местах развернули активную деятельность по подготовке трудовых масс к грядущим классовым битвам. Наиболее боеспособные из них практиковали в своей работе (основываясь на решениях IV съезда РСДРП) партизанские приемы и методы борьбы. Отдельные партийные организации даже закрепляли свои намерения на этот счет в специальных резолюциях. Например, такая резолюция была принята в сентябре 1906 года Московским комитетом РСДРП. В пункте третьем мотивировочной части резолюции указывалось: «...Революция, не будучи в силах едино-

временным народным выступлением сломить власть, настолько, однако, сильна, что не может оставаться пассивной и стихийно переходит в партизанские нападения на врага, чего особенно следует ожидать в деревнях с наступлением рекрутского набора»⁷⁷.

В. И. Ленин, внимательно следивший за деятельностью партийных комитетов и организаций, 30 сентября 1906 года в пятом номере газеты «Пролетарий» откликнулся на эту резолюцию московских большевиков небольшой редакционной статьей «К вопросу о партизанской войне». Он указывал, что мнение московских товарищей считает принципиально правильным и полностью солидарен с основными положениями резолюции, поскольку они выдержаны в духе его статьи «Партизанская война». Вместе с тем, по мнению В. И. Ленина, в самый текст резолюции следовало внести несколько второстепенных поправок и изменений. А именно: «Революция, не будучи в силах в данный момент» и т. д. В собственно-резолютивной части мы бы добавили отрицание «эксов», согласно постановлению съезда, затем указание, что партизанские выступления необходимо соотносить с настроением широких масс и с условиями рабочего движения. Ясно впрочем, что московские товарищи считают это само собою понятным»⁷⁸.

Как видим, В. И. Ленин и здесь, в небольшой заметке оставался верным своему принципу быть во всем последовательным революционным марксистом-диалектиком. Он обращал внимание практиков борьбы на ряд моментов: во-первых, партизанские выступления трудящихся допустимы и вполне целесообразны; во-вторых, они должны быть строго согласованы с конкретными условиями и обстановкой; и в-третьих, партизанские действия надо непременно увязывать с настроением народных масс, т. е. готовностью последних активно поддержать подобные выступления.

Сельская партизанская война

После поражения декабрьского вооруженного восстания наступила полоса реакции. Однако ни многочисленные репрессии, ни черносотенные погромы и ссылки на каторгу не смогли сломить волю народа в борьбе за свое лучшее будущее. Уже в первой половине 1906 года в разных районах страны начали явно проследиваться

признаки нового революционного взрыва. Они выражались в виде стачек, ряда разрозненных стихийных выступлений рабочих, крестьян и солдатских масс. «Устали ждать рабочие,— писал В. И. Ленин в статье «Накануне»,— волна забастовок стала подниматься все выше и выше; устали ждать крестьяне, никакие преследования и мучительства, превосходящие ужасы средневековой инквизиции, не останавливают их борьбы за землю, за свободу; устали ждать матросы в Кронштадте и Севастополе, пехотинцы в Курске, Полтаве, Туле, Москве, гвардейцы в Красном Селе, даже казаки устали ждать. Все видят теперь, где и как разгорается новая великая борьба, все понимают ее неизбежность...»⁷⁹

Партия большевиков стремилась подчинить стихийные выступления масс своему твердому руководству, придать им целенаправленный характер. «Стихийные взрывы,— писал В. И. Ленин,— при нарастании революции неизбежны. Ни одной революции без этого не было и быть не может»⁸⁰. Стихийные выступления и взрывы трудящихся в ходе революции вовсе не говорят о ее слабости. Наоборот, они свидетельствуют о втягивании в нее широких народных масс, о ее могучем размахе. В. И. Ленин указывал: «...Стихийность движения есть признак его глубины в массах, прочности его корней, его неустрашимости, это несомненно. Почвенность пролетарской революции, беспочвенность буржуазной контрреволюции, вот что с точки зрения стихийности движения показывают факты»⁸¹.

Такие выступления играли огромную роль в подготовке субъективного фактора, включались в общий поток пролетарской революции в России.

Крайнее обострение материального и политического положения пролетарских масс, невыносимые условия труда порождали отчаянные формы сопротивления. В большинстве районов страны нараставшие выступления масс приобретали и носили отчетливо выраженный характер партизанской войны. Причем вооруженные выступления партизанско-повстанческих отрядов и отдельных боевиков были наиболее активными на окраинах царской России. Подытоживая уроки происходивших событий, Владимир Ильич отмечал: «Нас (центральные районы.— *Я. П.*) опередили в этом отношении и Кавказ, и Польша, и Прибалтийский край, т. е. именно такие центры, где движение всего дальше ушло от старого террора, где восстание подготовлено

всего лучше, где массовый характер пролетарской борьбы всего сильнее и ярче выражен.

Нам надо догонять эти центры»⁸². Ибо было бы наивным со стороны большевиков полагать, чтобы на революцию «массы поднялись сразу и вполне организованно»⁸³.

Как известно, первую русскую буржуазно-демократическую революцию В. И. Ленин называл крестьянской. При этом он разъяснял, что не всякая буржуазная революция есть крестьянская, хотя всякая крестьянская революция, направленная против остатков средневековья, есть революция буржуазная (по своему социальному содержанию). Придать революции действительный размах могло лишь активное участие в ней вместе с пролетариатом и крестьянства, представлявшего собой, в отличие от либеральной буржуазии, подлинно демократическую силу. «Кто действительно понимает роль крестьянства в победоносной русской революции, — подчеркивал В. И. Ленин, — тот не способен был бы говорить, что размах революции слабеет, когда буржуазия отшатнется... и активным революционером выступит масса крестьянства наряду с пролетариатом»⁸⁴. Это было чрезвычайно важное исходное положение для определения позиции пролетарской партии в отношении крестьянства. А отсюда — целесообразность всячески поддерживать его выступления против самодержавия, вести усиленную работу по общеполитическому воспитанию пролетариев деревни.

Насколько широкий размах приняло партизанско-повстанческое движение в деревне в период первой русской революции, свидетельствуют многочисленные факты. Поскольку особенно характерны в этом отношении окраины Российской империи, нам представляется целесообразным остановиться на ряде примеров. Так, исключительно больших размеров достигли партизанские действия «красных сотен» в Грузии (возглавляли С. Г. Буачидзе, Н. В. Долидзе, С. К. Лежава, А. А. Мерквиладзе, Г. К. Орджоникидзе, В. Н. Стуруа, С. А. Тер-Петросян, Т. Г. Жгенети и другие большевики). Руководимые большевиками революционно настроенные крестьяне повсеместно создавали повстанческие партизанские отряды и выборные органы — революционные комитеты — зародыш новой революционной власти. Шло массовое обучение военному делу. В зависимости от обстановки и действий противника «красные сотни» объединялись в крупные соединения. Особенно активно

действовали партизанские отряды в Озургетском, Зугдидском, Сенакском, Кутаисском, Горийском, Рачинском и других уездах, которые играли важную роль в вооруженных выступлениях пролетарских масс. Движение в Гурии, указывали большевики, это не обычный крестьянский бунт, а вполне сознательное политическое движение, всецело примыкающее к сознательному движению всероссийского пролетариата⁸⁵.

Озлобленные вековой нуждой, национальным угнетением и политическим бесправием, крестьяне чаще всего облекали свои выступления в форму партизанских нападений на подразделения карателей и стражников. Почти повсеместно происходили столкновения крестьян с сельской буржуазией. Очень часто они практиковали террор как свершение правосудия над жестокими помещиками и подозреваемыми в шпионаже, захватывали, разделяли между собой и запахивали дворянские земли, жгли и громили полицейские управления и помещичьи усадьбы, отказывались выполнять различные повинности и т. д.

Несомненно, что классовые выступления крестьян этого периода — сельская партизанская война — в известной степени еще страдали стихийностью, отсутствием единой, проникнутой твердым политическим сознанием, четкой программы. И тем не менее эти выступления представляли собой историческое явление большой политической значимости: они серьезно подрывали мощь правительственного лагеря, поскольку объективно были направлены против жестокого гнета и эксплуатации. Смысл и эффективность подобных действий, из которых складывалась партизанская война, сводились к тому, что крестьянские массы приобретали и упрочали элементы сознательности, революционная идеология неукротимо пробивалась сквозь толщу стихийности и накрепко укоренялась в их сознании. Все более целостную и устойчивую форму приобретала мысль о том, что придавленные неимоверной нуждой крестьяне только сообща могут добиться радикального изменения существующих условий жизни.

Эти помыслы и чаяния, система идей, овладевая трудовыми массами, становились мощным двигателем в их борьбе. В период классовых столкновений сельские пролетарии не только закалялись политически, но и совершенствовались своей боевой опыт. Партизаны-повстанцы осуществляли военные операции. Из среды деревенской «голодьбы» выдви-

гались народные вожаки, настоящие организаторы масс, в ряде случаев назначались старосты, волостные, налаживалось изготовление оружия. Но поскольку противник был намного сильнее и опытнее, а средств сопротивления у крестьян явно не хватало, то, безоружные, они зачастую пускали в ход подручные средства — топоры, косы, вилы, дубины, «красного петуха» (поджоги) и т. д. Личный героизм во многих случаях заменял недостаток оружия и военного опыта.

Партизанская война в сельской местности носила не только социально-политический, но и национально-освободительный характер, что находило выражение в активном сопротивлении крестьян нерусской национальности представителям царской администрации почти на всей необъятной территории России, особенно на ее окраинах, где феодально-крепостнические пережитки и гнет царизма были наиболее жестокими и ярко выраженными. Например, в одной из большевистских прокламаций 1906 года так характеризовалось настроение крестьянских масс Кавказа: «Народ пылает жаждой мести, сгорая желанием перевешать лакеев реакции, народ с нетерпением ждет момента, когда, приобретя нужное количество оружия, мог бы двинуться на разбойников самодержавия и крикнуть им: «Берегитесь, палачи свободы, теперь на нашей улице праздник, очередь теперь за нами!»⁸⁶

Не на шутку напуганный размахом революционного партизанства главнокомандующий на Кавказе в докладе царю писал: «Всюду в деревнях происходят митинги, манифестации с открытой пропагандой идей всеобщего равенства, изменения существующего порядка управления в смысле перехода власти в руки самого народа. Изгнав законные сельские власти, крестьянское население перестало вообще обращаться к содействию местных правительственных агентов... В деревнях появились самовольно действующие сотские и десятские..., которые стали творить именем народа суд и расправу, собирать с населения сборы в пользу каких-то «народных» организаций, взявших власть в свои руки, и вообще распоряжаются с полным игнорированием законно поставленных властей... Несомненно, что все движение имеет явно революционный характер с ярко определенной социал-демократической окраской»⁸⁷.

Одним из деятельных организаторов боевых дружин и бесстрашным руководителем партизан был С. А. Тер-Пет-

росян, легендарный Камо. Возглавляемая им боевая группа летом 1907 года совершила исключительную по своей смелости экспроприацию 250 тысяч рублей казенных денег, использованных затем большевиками для закупки за границей оружия в целях борьбы против царизма⁸⁸.

Успешную военно-боевую работу среди пролетарских масс в условиях отступления революции вели социал-демократические организации Латышского края. Под их руководством партизанская борьба в Латвии в 1906 году, известная как движение «лесных братьев», приняла широкие масштабы. Главными районами действий партизан в Лифляндской губернии были Рижский и Цесисский уезды, а в Курляндской — Елгавский, Тукумский, Кулдигский, Талсипский и Вентспилский уезды. Наибольший размах партизанское движение приняло в Курляндии. Как свидетельствуют официальные данные, приводимые в сводке курляндского губернатора, только за период с 1 января по 1 ноября 1906 года в губернии было совершено до 400 партизанских выступлений: поджогов, нападений на «серых баронов» — помещиков немецкого происхождения, на волостные управления, воинские караульные команды, предателей и шпионов, почтово-телеграфные конторы и проч. Вместе с тем «лесные братья» организовывали митинги и демонстрации на селе, создавали батрацкие партийные ячейки⁸⁹. Ядро латышских партизан в 1906 году, указывает историк Я. П. Крастынь, составляли боевые дружины, действовавшие с 1905 года в разных районах Латвии. Например, боевая дружина партизан Безварнса действовала в уездах Кулдичи, Вентспилса, Айзпуте. Партизанскую борьбу вели боевые дружины в Жагаре, Леясциемсе, Мадлиене и других местах. С отдельными из них поддерживали связь рижские боевики, снабжая их оружием⁹⁰.

Внимательно следя за ходом борьбы крестьян во всей России, В. И. Ленин относил Латышский край к району с наибольшим развитием партизанского движения⁹¹. Он считал, что идущая на западной окраине страны после поражения декабрьского восстания 1905 года партизанская война представляет собой, с одной стороны, продукт политической борьбы, обостряющейся до перерастания в вооруженные действия, а с другой — следствие крайней нужды и лишений народных масс, один из ответов на усовершенствованные формы преступного насилия и репрессии царского правительства.

В. И. Ленина ничуть не смущал тот факт, что босаяцкие элементы населения — люмпен-пролетарии и анархистские группы — возвели партизанскую форму борьбы в ранг главной, а в некоторых случаях — даже исключительной формы социальной борьбы. Нечего ссылаться, говорил он по адресу тех социал-демократических публицистов, которые пугались этого нового явления и выставляли против него заученные фразы, что повторяются «старый террор, действия оторванных от масс одиночек, деморализующие рабочих, отталкивающие от них широкие круги населения, дезорганизирующие движение, вредящие революции...

Назвать анархизмом, бланкизмом, терроризмом эту деятельность латышских с.-д. никто не решится. Но почему? Потому что здесь *ясна* связь новой формы борьбы с восстанием, которое было в декабре и которое назревает вновь. ...**Распространение «партизанской» борьбы именно после декабря, связь ее с обострением не только экономического, но и политического кризиса несомненны** (подчеркнуто мною.— *Я. П.*). Старый русский терроризм был делом интеллигента-заговорщика; **теперь партизанскую борьбу ведет, по общему правилу, рабочий боевик или просто безработный рабочий** (подчеркнуто мною.— *Я. П.*). Бланкизм и анархизм легко приходят в голову людям, склонным к шаблонам, но в обстановке восстания, столь ясной в Латышском крае, непригодность этих заученных ярлычков бьет в глаза»⁹².

На примере латышей, указывал В. И. Ленин, отчетливо прослеживается полная несостоятельность, «ненаучность, неисторичность столь обычного у нас анализа партизанской войны вне связи с обстановкой восстания». Революционным социал-демократам в обязательном порядке следует «принять во внимание эту обстановку, подумать об особенностях промежуточного периода между крупными актами восстания, надо понять, какие формы борьбы порождаются при этом неизбежно, а не отделяваться заученным подбором слов, одинаковых и у кадета и у нововременца: анархизм, грабеж, босаячество!»⁹³.

Настоящую партизанско-повстанческую войну против своих угнетателей вело обездоленное крестьянство Заволжья — Саратовской и Самарской губерний. Крестьяне и сельскохозяйственные рабочие не только на время захватывали землю у помещиков (и у всех частновладельцев вообще), но и в ряде мест явочным порядком распределяли

се между собой. Они убивали ненавистных помещиков и царских чиновников, громили их усадьбы, забирали себе скот, сельскохозяйственный инвентарь и машины. В такого рода бунтарских действиях находило свое выражение не одно лишь стремление крестьян отплатить сполна за вековое угнетение и перенесенные обиды или же просто «поживиться». Истинное содержание этих стихийных, еще политически недостаточно зрелых и организационно не оформленных партизанско-повстанческих выступлений лежало значительно глубже: крестьяне решительно боролись за уничтожение эксплуатации, за ликвидацию остатков крепостничества, перераспределение орудий производства, изменение производственных отношений на селе. Крестьянские массы Заволжья безоговорочно требовали возвращения «отрезков», безвозмездной передачи помещичьих, казенных и церковных земель, упразднения сословий, возвращения выкупных платежей, уничтожения косвенных налогов и т. д.⁹⁴

Важной особенностью партизанско-повстанческих выступлений в Заволжье являлось то, что состав борцов был многонациональным. Это характерная особенность многонациональной России. Вместе с русскими крестьянами за удовлетворение своих нужд и чаяний боролись татары, чуваша, мордва, мари, башкиры, калмыки, казахи и другие народы. Усиление национального гнета царизма в отношении народов нерусской национальности обуславливало массовое участие последних в партизанско-повстанческом движении. Дошедшие до нас документы сохранили некоторые имена татар, чувашей, мордвы и представителей других народов, находившихся в стане борцов и активно действовавших вместе с русскими.

События в центральных районах России и на ее окраинах нашли отклик и в Северо-Западном крае, куда входили и белорусские губернии. Воодушевленные мужеством и стойкостью русского пролетариата, народные массы Белоруссии, медленно отступая под ударами реакции, в течение весны и лета 1906 года продолжали самоотверженную борьбу против репрессивного режима. С пролетариатом крупных промышленных центров их сближала общая классовая ненависть к угнетателям и душителям свободы. Эта ненависть, накопленная пролетарскими массами в течение десятилетий, была через край. Несмотря на то, что повсюду свирепствовали карательные отряды, выступления

трудящихся Белоруссии против остатков феодализма, привилегий помещиков и духовенства носили решительный характер. Свои политические и экономические требования крестьяне чаще всего облекали в форму партизанских действий. Число подобных выступлений росло. Только в мае — июле 1906 года в Белоруссии было зарегистрировано свыше 270 выступлений⁹⁵. Крестьянская борьба в ее партизанской форме шла повсеместно. Витебская, Могилевская и значительная часть Гродненской губернии были объявлены царским правительством на особом положении. Наибольшей остротой и массовостью отличались выступления пролетарских масс Минской губернии, которая находилась на положении чрезвычайной охраны⁹⁶.

Характерной особенностью этой волны партизанско-повстанческих бунтов являлось то, что зачастую их организаторами выступали фабричные и заводские рабочие. Как правило, вооруженные и невооруженные отряды и боевые дружины фабрично-заводских, сельскохозяйственных рабочих и крестьян-бедняков применяли традиционные партизанские методы борьбы: громили и жгли конторы, господские имения, захватывали у помещиков пахотную землю, сенокосы, пастбища, водные и лесные угодья.

Захват земельных угодий в большинстве своем сопровождался острыми столкновениями с властями и полицией. Например, повстанческий отряд деревни Тростенец Минской губернии весной 1906 года не допустил к работе крестьян из других деревень в имение графа Потоцкого. Для «усмирения» бунтарей-повстанцев в деревню были направлены рота пехоты и эскадрон драгун⁹⁷. Обеспокоенный происходящими событиями, минский губернатор докладывал в Петербург, что партизанско-повстанческое движение приняло здесь настолько серьезный характер, что воочью грозит общим восстанием по всему уезду и спокойствие всецело зависит от численности посланных войск. В связи с этим царское правительство вынуждено было в дополнение к имевшимся регулярным войскам направить для борьбы с повстанцами и партизанами Минской губернии полицейских. Свыше тысячи стражников расквартировали в 50 наиболее беспокойных населенных пунктах. Кроме того, многие помещики, не полагаясь на правительство, самостоятельно нанимали команды стражников для охраны своих имений. Помимо полиции во многих уездах в спешном порядке располагали казачьи и пехотные подразделе-

ния, предназначенные для подавления антиправительственных партизанско-повстанческих выступлений⁹⁸.

О дружном выступлении батраков и крестьян белорусских губерний свидетельствует множество других сообщений и правительственных мероприятий. Министр внутренних дел в телеграмме командующему войсками Виленского военного округа в феврале 1906 года сообщал, что в Климовичском уезде Могилевской губернии партизанские повстанческие отряды производят погромы, поджоги, сплошную рубку леса, вооруженные крестьяне отстраняют от работы заводских рабочих, арестованных агитаторов освобождают⁹⁹.

Помещица Могилевской губернии Ергина в письме к своему брату в конце февраля писала: «Теперь мы переживаем такое ужасно мучительное время, что невольно с ужасом спрашиваем себя: все ли живы, нет ли какой беды?... Мы все смяты, осмеяны, разорены и должны бежать куда глаза глядят. Вот и я убежала с семьей в Гомель»¹⁰⁰.

На Могилевщине партизанско-повстанческие отряды подвергли разгрому также имения помещика Бонч-Осмоловского, княгини Оболенской, помещицы Есиментовой и других¹⁰¹. Не на шутку перепуганный размахом повстанческой борьбы уездный предводитель дворянства Могилевской губернии в телеграмме министру внутренних дел сообщал: «Настоящее положение дел в Климовичском уезде Могилевской губернии вполне выяснилось: революционное движение со стихийной быстротой и силой охватывает крестьянские массы. Бахмачский уезд выбросил к нам несколько тысяч необузданной революционно настроенной крестьянской молодежи, шахтеров, почти поголовно вооруженных. Доселе спокойные крестьяне старшего возраста неудержимо увлекаются новым движением»¹⁰².

Царское правительство для поддержания порядка в Могилевской губернии вынуждено было послать туда три батальона пехоты, одну батарею артиллерии и кавалерийские подразделения, которые местные власти распределили по всем уездам. «Тактика при этом будет соблюдаться такая, — сообщала газета «Северо-Западный голос», — чтобы даже наиболее глухие углы Могилевской губернии имели в своем распоряжении известное количество войск на случай надобности таковых»¹⁰³. События воочию подтвердили «надобность» регулярных войск в этих местах.

Яростные правительственные репрессии в большей степени, чем раньше, вызывали массовые протесты крестьян. Крестьяне нескольких сел Новогрудского уезда Гродненской губернии с целью захвата помещичьей земли и противодействия властям создали боевые дружины. После соответствующей подготовки вооруженные отряды крестьян, применяя партизанские методы борьбы с полицией и помещичьей стражей, захватили землю в поместье Щорсы, объявили ее своей собственностью, запретив помещику производить посевы. Исправнику, который прибыл с отрядом полиции для усмирения крестьян, повстанческий отряд оказал вооруженное сопротивление¹⁰⁴. «В объявленной крестьянами экономической борьбе,— с тревогой сообщал гродненский губернатор,— ясно прослеживаются элементы сплоченной организации, которая поставила себе целью довести дело до конца, если даже самим им придется понести ужасные невзгоды»¹⁰⁵. Чтобы в какой-то степени удержать в повиновении непокорных, в Гродненской губернии в 24 пунктах было сосредоточено в общей сложности 18 рот пехоты, 3,5 эскадрона и одна полусотня кавалерии¹⁰⁶.

Под влиянием сельской партизанской войны, стачек и забастовок городского пролетариата летом 1906 года происходили серьезные волнения в воинских частях. И хотя в этих выступлениях еще не было должной политической зрелости, сплоченности и организованности, они делали борьбу с царизмом более целенаправленной и устойчивой.

Довольно высокий накал борьбы в этот период являлся не только результатом влияния объективных социально-экономических и политических факторов, но и в значительной мере представлял собой следствие многогранной деятельности территориальных большевистских организаций, крестьянских комитетов при группах РСДРП, прилагавших большие усилия для упрочения союза пролетариата с трудовыми массами крестьянства, придания стихийной борьбе сознательности и организованности¹⁰⁷. Минские большевики в октябре 1906 года сообщали в газету «Пролетарий»: «Почти во всех городах и местечках есть небольшие группы или отдельные работники социал-демократии, которые занимаются агитацией среди крестьян, распространяют литературу, организуют крестьянские комитеты в деревнях». В течение лета 1906 года большевистские агитаторы подготовили и провели в Белоруссии до

(6) митингов, на каждом из них присутствовало от одной до двух тысяч человек ¹⁰⁸.

В отчете Минской окружной крестьянской организации, опубликованном в октябре 1906 года, следующим образом определялось отношение крестьян к работе большевиков в деревне: «Как воду, высушая от зноя пашня жадно впитывает эта масса революционные идеи, проникается революционным настроением и сулит нам богатую жатву. Наши агитаторы получают столько приглашений на крестьянские митинги, что не успевают удовлетворять большую часть требований» ¹⁰⁹.

Приведенные примеры свидетельствуют, что на данном этапе развития революции партизанское движение являлось высшим выражением борьбы сельских пролетариев против своих угнетателей. Партизанская война разворачивалась там, где она возникала как закономерный результат обострения классовой борьбы. И несмотря на то что для подавления забастовок, стачек и повстанческо-партизанских выступлений правительство посылало регулярные войска, карательные подразделения и специально созданные отряды полиции, революционное движение, особенно в форме партизанских действий, хотя и шло к концу 1906 года на убыль, но не прекращалось. Восставшие не складывали оружия, а держали курс на сплочение, на продолжение борьбы.

Повстанческо-партизанское движение, стачки и забастовки демонстрировали волю трудящихся к борьбе, свидетельствовали о том, что революционная энергия масс не иссякла. В этом множестве партизанско-повстанческих выступлений, имевших большую притягательную силу в глазах трудящихся масс, В. И. Ленин видел потенциальные задатки нового, еще более мощного общенационального революционного взрыва, расширение базы борьбы с самодержавием, пробуждение и воспитание политической сознательности у наиболее широких слоев народа.

Уходя своими корнями глубоко в народ, партизанская война в значительной мере ускоряла вызревание субъективных факторов революции, способствовала завершению общереволюционной ситуации. Она помогала сдвигам, происходившим как во всей социально-классовой структуре, так и внутри отдельных классов, усиливала поляризацию и дифференциацию различных слоев, групп, классов.

В. И. Ленин считал, что в период наступления реакции

социал-демократия должна наиболее поощрительно относиться к партизанско-повстанческой борьбе в сельской местности. «Широкое крестьянское выступление в данное время,— писал он,— *не может* оказаться «преждевременным», а широкое рабочее — очень может. Причина понятна: рабочий класс в своем политическом развитии опередил крестьянство, а крестьянство по своей готовности к всероссийскому революционному выступлению *еще не догнало* рабочего класса. Оно догоняет его все время после декабря и в значительной степени благодаря декабрю... Подгонять арьергард, который в последнем сражении не поспел на помощь к авангарду, безусловно полезно, и ни в каком отношении не рискованно» ¹¹⁰.

Учитывать настроение трудовых масс

Держа в поле зрения события весны — лета 1906 года, В. И. Ленин в своих статьях и корреспонденциях стремился отразить малейшие симптомы революционного подъема, показать массам, что, по образному выражению К. Маркса, «пролетарский лев не умер». 6 мая 1906 года в легальной большевистской газете «Волна» ¹¹¹ за подписью Н. Л. появилась передовая статья, озаглавленная «Новый подъем». Необходимость ее опубликования обуславливалась исключительной остротой исторического момента, важностью новых задач, поставленных перед пролетарской партией развивающимися событиями. Отмечая начало нового общественного подъема, В. И. Ленин указывал, что «этот великий подъем служит материальной основой того явления, что борьба необыкновенно обостряется, что «мирный парламентаризм» блекнет и отходит на задний план, что игра в конституцию сменяется непосредственным решением государственных вопросов силой» ¹¹². Он еще раз подчеркнул, что, несмотря на то что выступления рабочих, крестьян и солдат не слились в единый поток, жизнь стихийно выдвигает такие новые формы революционной борьбы, которые со всей очевидностью отодвигают на второе место Думу и вопреки чьему-либо желанию приближают новый декабрь. Было совершенно очевидно, что необходима более тщательная военная подготовка к вооруженному штурму самодержавия с использованием в ней

(подготовке) всех, в том числе и партизанских, форм, средств и приемов борьбы.

Петербургский комитет по делам печати нашел в ленинской статье «признаки преступления», предусмотренные уголовным уложением¹¹³. На газету был наложен арест, а ее редактор и другие «виновные» лица привлечены к судебной ответственности.

В июле — августе 1906 года участились случаи совершенно неподготовленных, преждевременных, а потому явно неудачных выступлений отдельных партизан-боевиков и небольших групп рабочего класса. Так, в Варшаве, Лодзи, Радоме, Плоцке и некоторых других городах Польши были совершены спорадические нападения на полицию, инспирированные Польской социал-реформистской националистической партией (ППС). ППС, ведя сепаратистскую, шовинистическую пропаганду среди польских пролетариев, стремилась отвлечь их от совместной борьбы против российского самодержавия и капитализма. Переоценивая революционную готовность рабочего класса и беднейшего крестьянства Польши, ППС толкала трудовые массы на преждевременные неорганизованные и изолированные друг от друга партизанские выступления, хотя для них еще недостаточно созрели необходимые условия, не было сделано должной подготовки.

Случаи преждевременных выступлений имели место и в центральных промышленных районах Российской империи. 12 августа эсеры совершили неудачное покушение на Столыпина. На следующий день террористами был убит генерал Мин, руководивший подавлением декабрьского восстания в Москве.

Было очевидно, что в данный конкретный момент партийные организации провели еще недостаточную разъяснительную работу, чтобы революционные группы на местах, вступившие на путь антиправительственных террористических актов и партизанских действий, отчетливо уяснили себе, с каким врагом они неминуемо столкнутся, и в соответствии с этим проводили бы многостороннюю подготовку к подобным выступлениям. В. И. Ленин неоднократно напоминал товарищам по борьбе, что ни один из революционеров (или группа революционеров) не имеет права на заведомое самоубийство. Ибо полное или частичное поражение кого-либо из них — по причине ли ошибок в подготовке и ведении боевых выступлений, в результате

ли неправильного отношения к массам — непременно деморализующе воздействует на народ и усиливает врага. Противник был крайне заинтересован в том, чтобы порожденная революционерами-террористами «теория вооруженной борьбы любой ценой» воплотилась в действие и вовлекала бы группы честных, преданных революции, но недостаточно подготовленных борцов к преждевременным выступлениям. Это позволило бы реакции уничтожить такие группы и вместе с тем подорвать веру масс в эффективность столь испытанной формы борьбы, как партизанская война.

Именно исходя из такой оценки событий была написана В. И. Лениным корреспонденция, напечатанная 21 августа 1906 года в газете «Пролетарий»¹¹⁴. В ней Владимир Ильич осуждал преждевременные партизанские действия, считал их в данный исторический момент нецелесообразными. Вместе с тем В. И. Ленин не довольствовался своими первыми выводами и теоретическими обобщениями по проблеме народной партизанской войны, в связи с чем отмечал, что он намерен не только продолжить ее разработку, но и дать обобщенное и более цельное изложение марксистских взглядов по этим вопросам. Он указывал, что всеобщий интерес к партизанским выступлениям, который после обоснования их в резолюции Объединительного съезда еще более возрос, побуждает его «в ближайшем будущем поместить одну или несколько статей, подробно и по возможности всесторонне разбирающих **этот громадной важности** (выделено мною.— *Я. П.*) вопрос»¹¹⁵. В этой же корреспонденции он лишь кратко высказал свои взгляды на правильность применения партизанской тактики, предостерегал социал-демократию от крайностей. «**Крайности** нехороши ни в чем,— пояснял В. И. Ленин,— необходимость считаться с настроением широких масс при организации партизанских выступлений не подлежит сомнению ни для кого из социалистов... Хватать через край никогда не следует...»¹¹⁶

Но было бы неправильным, указывал Владимир Ильич, исходя из отдельных случаев «крайностей» делать вывод о «негодности известной (партизанской.— *Я. П.*) формы борьбы». Поэтому, писал В. И. Ленин, пролетарская партия, исходя из конкретной оценки положения, *отвергает* один вид партизанских действий, *признает* другой и *рекомендует* третий». Например, партия «отвергает совершенно

экспроприацию частных имуществ». Но она *«не отвергает экспроприации казенных средств»*, обставляя ее *«особо строгими условиями (в случае образования органов революционной власти в данной местности) и т. д.»*. Далее В. И. Ленин подчеркивал, что собственно резолютивная часть IV съезда РСДРП ясно и недвусмысленно *«признает партизанские действия без экспроприации имуществ, т. е. признает «террор», признает партизанские действия с целью убийства неприятеля»* ¹¹⁷.

Говоря иными словами, субъективный фактор должен соответствовать объективным условиям, исходить из них и опираться на них. Иначе он неизбежно отрывается от объективных условий, не может реализовать их на практике, превратить в действительность и содействовать обеспечению победы революции. Субъективный фактор должен учитывать все элементы объективной революционной ситуации: повышение политической активности масс, рост их революционного настроения, расстановку классовых сил, экономическое и политическое положение страны в целом. В. И. Ленин указывал, что большевистская партия в разработке своей тактики, в руководстве массами, в научном определении путей развития революции должна строго руководствоваться настоящими объективными условиями, поскольку *«без революционного настроения в массах, без условий, способствующих росту такого настроения, революционной тактике не превратиться в действие»*. Однако Владимир Ильич тут же предостерегал: *«...На одном революционном настроении строить революционной тактики нельзя. Тактика должна быть построена на трезвом, строго объективном учете всех классовых сил данного государства (и окружающих его государств, и всех государств, в мировом масштабе), а также на учете опыта революционных движений»* ¹¹⁸.

Считая, что в рамках подготовки вооруженного восстания и связанного с ним политического воспитания масс, накопления боеспособных революционных сил, обострение партизанской борьбы после роспуска Думы — явление абсолютно положительное, В. И. Ленин делал вывод, что в данное время, наряду с другими формами классовых боев, целенаправленная партией «истребительная и беспощадная партизанская борьба с насильниками правительства представляется нам своевременной и целесообразной» ¹¹⁹. Иными словами, пролетарский авангард должен умело и дина-

мически гибко использовать самые различные формы классовой борьбы. Ибо конкретные формы борьбы — категория не стратегическая, а тактическая, которая определяется соотношением противостоящих сил и учетом обстановки в каждый данный момент развития революции.

Как и прежде, В. И. Ленин настоятельным образом подчеркивал, что при организации партизанских выступлений крайне необходимо считаться с одним жизненно важным условием — настроением широчайших слоев трудящихся. Владимир Ильич заострял внимание революционеров-марксистов на том факте, что в принятой резолюции «О партизанских действиях», наряду с подготовкой революционных сил к грядущему вооруженному восстанию, IV съезд совершенно ясно *рекомендует* партии вид партизанских действий, постановляя без оговорок и ограничений: «оружие и боевые снаряды, принадлежащие правительству, *захватывать* при *всех* представляющихся возможностях».

Например: городские имеют оружие, принадлежащее правительству. «Возможность представляется...»¹²⁰ Большевики в своей тактике должны руководствоваться единственно приемлемым для революционных марксистов правилом: максимально использовать все имеющиеся средства и возможности для продолжения и углубления революции, постоянно соизмерять непосредственные задачи с конечной, главной целью движения.

Развивая с этой точки зрения свою мысль дальше, В. И. Ленин советовал всем многочисленным боевым группам большевистской партии прекратить отсиживание и бездеятельность и на основании решений съезда предпринять ряд организованных партизанских действий, с наименьшим «нарушением личной безопасности» мирных граждан и наибольшим нарушением личной безопасности начальствующих лиц войска, полиции, активных черносотенцев, шпионов и т. д.¹²¹ По мысли В. И. Ленина, следует поддерживать, поощрять и вести партизанскую борьбу в прямой зависимости от подготовки и конкретного развития процесса вооруженного восстания, не понижая своим скептицизмом и растерянностью настроения рабочих. И если таких условий в России нет, то пролетарская партия должна выдвинуть соответствующие моменты задачи, наметить и проводить свою собственную линию партизанских выступлений, а не отдавать дань общим фразам, пустозвонству, по-

гоще за сенсационными, более или менее радикальными, выступлениями, которые, будучи оторваны в своей объективной основе от народных масс, равнозначны прыжкам в пропасть.

Исходя из этого методологического критерия, В. И. Ленин в статье «О партизанском выступлении ППС» писал: «Несомненно также, что ППС, организовав «выступление» 2 (15) августа, не считалась ни с целесообразностью его, ни с настроением широких масс, ни с условиями рабочего движения. Необходимость считаться со всеми этими обстоятельствами очевидна...»¹²² Партизанская тактика верна, если она применяется в революционный момент, даже если еще не полностью созрели объективные предпосылки для перехода ко всеобщему вооруженному восстанию. Поэтому «осуждению подлежит, по нашему мнению, ППС-овское *извращение* тактики партизанских выступлений, а не самая эта «тактика» вообще»¹²³.

Конечно, было бы неправильным оценивать все сложные повороты в революционно-освободительном движении пролетариата России, имея в виду только его субъективную сторону. Совершенно ясно, что негативные факты, те или иные случаи неудач и поражений в классовой борьбе можно понять только на основе конкретно-исторического анализа объективных условий борьбы и действий революционных сил. Однако несомненно, что в период революционных потрясений роль субъективного фактора существенно возрастала, а следовательно, возрастало и значение деятельности политических партий, их ответственности за развитие революционного процесса.

В силу того, что во время революции обстановка часто меняется, необходим ее глубокий анализ, учет специфических особенностей. Сделать это может только марксистская партия рабочего класса, вооруженная научной революционной теорией. «...В революционные времена объективная ситуация меняется так же быстро и круто,— подчеркивал В. И. Ленин,— как быстро вообще течет жизнь. А мы (большевики.— *Я. П.*) должны *суметь приспособлять* свою тактику и свои ближайшие задачи к *особенностям* каждой данной ситуации»¹²⁴.

Необходимо также иметь в виду и то, что большевистская партия, организовав систематические нападения силами боевых дружин и партизанско-повстанческих отрядов на полицейские участки и отдельных полицейских, на мате-

риальные склады, конфискуя государственные денежные средства, не только втягивала массы в круг революционных проблем, но и обучала их военному делу, добывала оружие, взрывчатые вещества, материально вооружала революционную армию пролетариата. В этой связи В. И. Ленин писал: «Никакая партийная организация не «вооружит» массы. Напротив, организованность масс в легкоподвижные мелкие боевые союзы сослужит в момент движения громадную службу в деле добывания оружия»¹²⁵.

В решении этой трудной задачи большую помощь большевикам оказывала подпольная партийная печать и особенно листовки. Например, в листовке Московского комитета партии, адресованной «Ко всем рабочим», говорилось: «Против темных сил, против грязных помощников полиции — у нас, товарищи, одно средство: вооружаться нам всем, вооружаться всему народу, выступать всем с оружием в руках для защиты и нападения в рядах Российской социал-демократической рабочей партии... Вооружайтесь, товарищи! По заводам и фабрикам организуйте вооруженные дружины. Вооружайтесь всякого рода оружием!..»¹²⁶

В конце августа 1906 года, возвращаясь к урокам московского восстания, В. И. Ленин вновь обратил внимание большевиков на вопрос о новых, вызванных определенными объективными условиями, партизанско-повстанческих формах и средствах борьбы, остановился на их недостатках. Примечательным является то, что, высоко оценивая самоотверженность российского пролетариата в классовых битвах 1905—1906 гг., он указывал, что в конечном счете «та партизанская война, тот массовый террор, который идет в России повсюду почти непрерывно после декабря, несомненно помогут научить массы правильной тактике в момент восстания»¹²⁷.

Однако и здесь, при всем поощрении партизанских действий, средств и приемов борьбы, В. И. Ленин настойчиво проводил мысль, что большевистская партия, наряду с организацией партизанских выступлений, должна постоянно направлять и контролировать, подчинять их стратегическим целям революционного движения — вооруженному восстанию, беспощадно устранять и отсекал «босьяческое» извращение этой партизанской войны. «Будем же шире развертывать нашу работу и смелее ставить свои задачи, усваивая уроки великих дней российской революции», — призывал В. И. Ленин, «Будем помнить, — писал он да-

все,— что близится великая массовая борьба. Это будет вооруженное восстание... Наступление на врага должно быть самое энергичное; нападение, а не защита, должно стать лозунгом масс, беспощадное истребление врага — станет их задачей; организация борьбы сложится подвижная и гибкая; колеблющиеся элементы войска будут втянуты в активную борьбу. Партия сознательного пролетариата должна выполнить свой долг в этой великой борьбе»¹²⁸.

Эффективно использовать различные формы и приемы революционной борьбы

Выполняя свое обещание более исчерпывающе и целостно изложить взгляды и дать всесторонний анализ непрекращающимся партизанским выступлениям, В. И. Ленин в конце сентября 1906 года подготовил к печати важнейшую работу по этому принципиальному вопросу — «Партизанская война», которая была опубликована в пятом номере большевистской газеты «Пролетарий». Это фундаментальное, ставшее классическим произведение сразу же после его выхода в свет и поныне представляет собой в полном смысле слова настоящий боевой устав для всех подлинно марксистско-ленинских партий. Основные ленинские положения, изложенные в этой работе, были широко использованы пролетарской партией России в развертывании и углублении борьбы с самодержавием. В очерке «Партизанская война» В. И. Ленин не только систематизировал и обобщил свои предыдущие высказывания о глубоко народном характере партизанской войны и ее формах, но и, по существу, совершенно по-новому в марксистской теории разработал вопрос о соотношении различных форм и методов борьбы при решении назревших социальных противоречий, о месте и роли партизанских выступлений в революционном движении.

Центральное место в этой ленинской работе заняло обоснование вопроса о недопустимости абсолютизирования и ограничения революционного движения какой-либо одной определенной формой борьбы. В ней сформулированы главные положения, которыми и поныне руководствуются все истинные марксисты-ленинцы. «...Марксизм,— подчеркивал В. И. Ленин,— отличается от всех примитивных

форм социализма тем, что он не связывает движения с какой-либо определенной формой борьбы. Он признает самые различные формы борьбы, причем не «выдумывает» их, а лишь обобщает, организует, придает сознательность тем формам борьбы революционных классов, которые возникают сами собою в ходе движения»¹²⁹. В зависимости от конкретных условий одни формы и приемы борьбы становятся «главными», а другие — «второстепенными», причем одни не должны обязательно полностью исключать другие в каждой ситуации: они могут сменять друг друга, чередоваться, сочетаться. Позднее, уже после Великого Октября, В. И. Ленин, как бы продолжая эту мысль, в работе «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» сказал, что «революционный класс... должен уметь овладеть *всеми*, без малейшего изъятия, формами или сторонами общественной деятельности..., должен быть готов к самой быстрой и неожиданной смене одной формы другою»¹³⁰. Именно поэтому уже тогда, на заре активных классовых боев, В. И. Ленин требовал от пролетарского авангарда «внимательного отношения к идущей *массовой* борьбе, которая с развитием движения, с ростом сознательности масс, с обострением экономических и политических кризисов порождает все новые и все более разнообразные способы обороны и нападения. Поэтому, — подчеркивал он, — марксизм безусловно не зарекается ни от каких форм борьбы»¹³¹.

Что же касается задач, решаемых непосредственно в ходе партизанской борьбы, то они на этапе вызревания социалистической революции сводились к следующим: формирование у масс понимания необходимости всеобщего вооруженного восстания и разъяснение им условий, при которых оно может возникать, углубляться и успешно завершиться; воспитание кадров политически сознательных рабочих и крестьян, группировавшихся вокруг революционной партии с целью активных выступлений; консолидация и вовлечение широких масс в общий поток революционных действий, облегчая им условия организации и общеполитической подготовки. Наряду с этим революционное партизанство призвано было определенным образом обессилить и дезорганизовывать противника путем уничтожения воинских команд, черносотенных организаций, отдельных полицейских и стражников, путем разрушения и порчи телеграфов, железнодорожных линий, поджога помещичьих имений, арсеналов оружия и складов огнеприпа-

сов; практиковать массовый террор, экспроприацию вооружения и денежных средств, мелкие стычки с карательными подразделениями и внезапные налеты на участки полицейских и стражников; при всяком удобном случае нападать на конвоиров и освобождать арестованных товарищей; охранять революционные организации, партийные комитеты и их руководителей; сопровождать различного рода «транспорты» и т. п. Все это вместе взятое одновременно преследовало и цель борьбы за политическую власть, а в процессе этой борьбы — подготовку и организацию сплоченной вооруженной силы — революционной армии, которая призвана осуществить всеобщее вооруженное восстание, взять и закрепить власть рабочих и крестьян.

Однако, намечая перед партизанами и повстанцами эти задачи, большевистская партия ни на минуту не упускала из виду того, что даже самое революционное и широко развитое партизанство является всего лишь одной из форм классовой борьбы. Главная же воспитующая и организующая роль остается за пролетарским авангардом, который объединяет все революционные действия, направляя их в единое русло. Партия большевиков во всей своей деятельности руководствовалась ленинским советом: «...Не упускай из виду *главного* (социалистической революции); ставь ее в первую голову; ...подчиняя ей, координируя, подчиняя ей, ставь *все* демократические требования... и помни, что разгореться борьба за главное может, начавшись и с борьбы за частное»¹³². В происходящей массовой борьбе большевикам лишь «надо уметь *соединить* борьбу за демократию и борьбу за социалистическую революцию, *подчиняя* первую второй. В этом вся трудность; в этом вся суть... По-моему, только это представление о деле правильно»¹³³.

Характер задач, стоявших перед партизанами и повстанцами, сам по себе предопределял и формы партизанского движения, методы и приемы борьбы. Но в то же время революционеры-марксисты не рассматривали их как раз и навсегда установленные, одинаково приемлемые и осуществимые при любой обстановке, в любом географическом районе и в любой социальной среде. Они считали, что в процессе борьбы, в зависимости от конкретно-исторических условий и обстановки, само революционное движение, революционное творчество масс выдвинет соответствующую

щие моменту формы и приемы борьбы, с помощью которых будет решаться определенный круг задач или одна какая-либо из них, более необходимая и важная в данное время. Исходя из этого В. И. Ленин делал вывод о том, что большевики не имеют «ни малейших претензий на то, чтобы навязывать практикам какую-нибудь сочиненную форму борьбы, или даже на то, чтобы решать из кабинета вопрос о роли тех или иных форм партизанской войны в общем ходе гражданской войны в России»¹³⁴.

Задачей революционной социал-демократии в эпоху обострившейся до гражданской войны борьбы классов В. И. Ленин считал не только участие, но и непременно руководящую и вдохновляющую роль ее в этой гражданской войне. Социал-демократия должна руководить массами как в крупных сражениях, так и в мелких стычках, воспитывать и готовить свои организации к тому, чтобы они действительно выступали как воюющая сторона, не упускающая ни одного случая нанести ущерб силам неприятеля. При этом социал-демократия не должна ограничиваться лишь вопросами тактики, то есть не впадать в политическую деятельность, не имеющую революционной перспективы. Последняя требует революционной тактики, то есть тактики, поставленной на службу стратегии, тактики, связанной с перспективой, с подготовкой кадров, с овладением всеми формами борьбы, понимая это требование не только в оборонительном смысле.

Другим исключительно важным требованием марксизма, по мнению В. И. Ленина, должен быть исторически конкретный подход в применении форм и средств революционной борьбы. Утверждать или отрицать определенное средство борьбы без рассмотрения конкретной исторической обстановки на данном этапе революционного движения по меньшей мере несерьезно и безответственно, а на практике это неизбежно ведет к поражению. В зависимости от экономических, политических, национальных, географических и т. п. условий в те или иные моменты различные формы борьбы становятся главными, выдвигаются на первый план, и в связи с этим видоизменяются и второстепенные, побочные формы классовой борьбы. Коммунисты не считают единственно возможными только уже известные практикам или существующие в данный момент формы борьбы. Они считают неизбежным появление новых, неизвестных для данного этапа форм, которые предвидеть

в настоящее время нельзя, но которые может породить революционное творчество масс¹³⁵.

В наше время, во второй половине XX века, когда под влиянием развивающегося мирового социалистического содружества неизмеримо ускоряются национально-освободительные и революционные процессы в странах Азии, Африки и Латинской Америки, это ленинское положение звучит особенно актуально. Опыт показывает, что на какой бы путь партия не ориентировалась — на мирный или на вооруженный, — она непременно должна уметь использовать все формы революционной борьбы. Оба пути революции — и вооруженный и мирный — предполагают, особенно в нашу эпоху, огромную работу в массах, ибо революция, как учил В. И. Ленин, — это творчество масс, к которому надо относиться бережно, как к искусству. Поэтому сегодня больше, чем когда бы то ни было, работа по подготовке революции требует от революционеров-практиков огромных усилий, большого ума, такта, таланта. Работать в массах сейчас — это значит работать конкретно, точно учитывать настроения, интересы, особенности поведения не только каждого класса, но и каждой социальной группы в рамках данного класса, каждого слоя людей не только в стране в целом, но и в отдельном ее районе.

Признавая целесообразными и принципиально допустимыми партизанские выступления в период подготовки вооруженного восстания, В. И. Ленин хорошо понимал их недостатки. В связи с этим он указывал, что в происходящей массовой борьбе партия пролетариата никогда не должна считать партизанскую войну единственным или даже главным средством классовой борьбы. Являясь справедливой реакцией масс на террор и жестокие репрессии, партизанская война, подчеркивал он, должна быть подчинена другим, должна быть соразмерена с главными средствами борьбы, облагорожена «просветительным и организующим влиянием социализма»¹³⁶. Без этого последнего условия, по твердому убеждению В. И. Ленина, исключительно все средства борьбы в буржуазном обществе неизбежно приближают пролетарские массы к непролетарским слоям и, будучи предоставлены стихийному ходу событий, опошляются, извращаются и, в конечном счете, выливаются в бандитские действия.

Марксизм постоянно должен учиться в этом отношении на практике масс. Задача заключается в том, подчеркивал

В. И. Ленин, что партия большевиков, поощряя и организуя партизанские действия, направленные на военное и политическое обучение масс, на формирование законченной революционной ситуации, должна учитывать всю сумму объективных и субъективных факторов, а именно: конкретно-исторически рассматривать вопрос о многообразии форм и приемов классовой борьбы, определять главное и второстепенное и соразмерно использовать их. Ставить же вопрос об определенных формах и средствах борьбы, указывал он, в том числе и о партизанских выступлениях, «вне исторически-конкретной обстановки значит не понимать азбуки диалектического материализма..., значит покидать совершенно почву марксизма»¹³⁷. Сделав этот вывод, Владимир Ильич тем самым внес ценнейший вклад в марксистское учение о пролетарской революции, глубже раскрыл значимость марксистского положения о необходимости конкретно-исторического подхода к рассмотрению любого социально-политического и общественного явления или события.

Необходимость борьбы с меньшевиками и их идейными союзниками, которые, исходя из поверхностной схожести явлений, революционные партизанские выступления (а последние в большинстве случаев происходили в форме диверсионных и террористических актов с целью убийства неприятеля, захвата оружия, экспроприации денежных средств и казенных имуществ) сравнивали с путчи́змом, с беспорядочными и бессмысленными индивидуальными террористическими актами старого типа, вынуждала В. И. Ленина более четко и определенно охарактеризовать это общественное явление как таковое. Поэтому, установив общие теоретико-методологические положения марксизма по отношению к различным формам, методам и средствам классовой борьбы и оставаясь на принципиальных позициях, изложенных им в предыдущих работах, Владимир Ильич Ленин партизанские действия рассматриваемого им периода охарактеризовал как боевые выступления небольших отрядов (групп) или отдельных бойцов. Он подчеркивал, что «интересующее нас явление есть *вооруженная* борьба»¹³⁸. Она идет как в городе, так и в деревне. Ее ведут, как правило, «отдельные лица и небольшие группы лиц». Частью эти инициативные и мужественные люди «принадлежат к революционным организациям, частью (в некоторых местах России *большею* частью) не принад-

лежат ни к какой революционной организации». Эта идущая повсеместно вооруженная борьба, указывал В. И. Ленин, «преследует две *различные* цели, которые необходимо *строго* отличать одну от другой; — именно, борьба эта направлена, во-первых, на убийство отдельных лиц, начальников и подчиненных военно-полицейской службы; — во-вторых, на конфискацию денежных средств как у правительства, так и частных лиц»¹³⁹.

Партия большевиков поощрительно относилась к подобным выступлениям, всемерно поддерживала политически сознательных их участников. На тот период у нее не было другого, более радикального способа создать массовую освободительную армию патриотов, кроме повседневной борьбы, в огне которой выковывается дисциплина, выдвигаются руководители, добывается оружие для сотен других патриотов и которая позволяет организовывать, действуя, и действовать, организуя. Внушать массам противоположные взгляды значило бы обрекать их на разочарование. Большевики же стремились избавить народ от разочарований, а потому призывали к организованным и целенаправленным выступлениям.

Против филистерства и псевдореволюционных лозунгов

Наряду с обоснованием вопроса о формах и приемах классовой борьбы, определением места и роли партизанских выступлений в революционном движении В. И. Ленин в работе «Партизанская война» всю силу своего полемического таланта обрушил против идейных противников марксизма — меньшевиков, эсеров, бундовцев и других мелкобуржуазных партий и групп, которые, как и их собратья — западноевропейские оппортунисты, — вопреки исторической действительности самым решительным образом отрицали революционное творчество, революционную энергию масс. Меньшевики неоднократно, указывал В. И. Ленин, «принижают материалистическое понимание истории своим игнорированием действительной, руководящей и направляющей роли, которую могут и должны играть в истории партии, сознавшие материальные условия переворота и ставшие во главе передовых клас-

сов»¹⁴⁰. Как показано выше, революционную партизанскую войну они объявляли анархизмом, бланкизмом, терроризмом, действиями оторванных от пролетарских масс одиночек, которые якобы лишь деморализуют и дезорганизуют рабочее движение и тем самым приносят огромный вред революции в целом. Совершенно очевидно, что при такой постановке вопроса в лучшем случае смешивались формы, способы и приемы классовой борьбы с путем, по которому развивается революция. В худшем же случае — проводилась параллель между генеральной и тактической линиями большевистской партии.

Разоблачив всю несостоятельность подобных взглядов, представляющих не что иное, как попытки мелкобуржуазных партий увести социал-демократию в сторону от руководства партизанской войной, В. И. Ленин с присущей ему логикой и аргументацией показал, что поощряемая пролетарской партией партизанская война — не результат лишь тактической гибкости большевиков. Отправной точкой этой глубоко народной формы борьбы служат объективные социально-политические условия, которые не являются сиюминутным делом и которые лежат за пределами наших субъективных желаний. Революционное же движение пролетарских масс дезорганизуют на данном этапе не пародные партизанские выступления, а неорганизованность, неумелое руководство ими. «Деморализует не партизанская война, — писал Владимир Ильич, — а неорганизованность, беспорядочность, беспартийность партизанских выступлений». А поэтому «считать вообще аномальной и деморализующей гражданскую войну или партизанскую войну, как одну из ее форм, марксист не может», поскольку последний «стоит на почве классовой борьбы, а не социального мира»¹⁴¹.

Далее В. И. Ленин сделал исключительно важный вывод, не утративший своего значения и в наши дни: «В известные периоды острых экономических и политических кризисов классовая борьба доразвивается до прямой гражданской войны, т. е. вооруженной борьбы между двумя частями народа. В такие периоды марксист *обязан* стоять на точке зрения гражданской войны. Всякое моральное осуждение ее совершенно недопустимо с точки зрения марксизма»¹⁴² (подчеркнуто мною. — Я.П.).

Рассматривая партизанскую войну как своеобразную школу политического воспитания трудящихся, военной

подготовки пролетарских масс к восстанию, В. И. Ленин беспощадно критиковал ошибочную и вредную линию Бунда, который не учитывал объективного хода событий и на своем VII съезде принял резолюцию против партизанских выступлений¹⁴³. Он подвергал осмеянию и суровому осуждению также невежественные мысли меньшевистского публициста Ю. Ларина и его конструкцию «пассивной революции». Критикуя метафизические взгляды Ларина по вопросу партизанской войны, В. И. Ленин в статье «Кризис меньшевизма» писал: «...Не будьте же доктринерами, господа: взгляните, что значит это «постоянное брожение» деревни *наряду* с «мелкой борьбой», «карательными экспедициями»... Ведь вы не понимаете того, что сами говорите. Описываемое вами положение дел есть не что иное, как длительная *партизанская война*, прерываемая рядом все более широких и сплоченных *взрывов солдатских восстаний*. Вы повторяете сердитые и бранные слова по адресу «партизанов», «анархистов», «анархо-бланкистов-большевиков» и проч. и сами в то же время рисуете картину революции по-большевистски!»¹⁴⁴

Обращая внимание на то обстоятельство, что революция в общем идет вперед, В. И. Ленин пророчески предсказывал, что в будущем революционный подъем неизбежно выльется во всеобщее восстание в форме ожесточенной классовой борьбы. А это значит, что надо продолжать звать к вооруженному восстанию, терпеливо и упорно готовить массы и саму партию к более планомерным, дружным и наступательным действиям, — «вот что вытекает из посылок Ларина, из его кадетской сказки о *пассивной* (??) революции»¹⁴⁵. В. И. Ленин высмеивал меньшевистского публициста за то, что «его мысль рабски следует старым образцам: североамериканскому и польскому восстанию», что тот связывал себе руки «историческими примерами», вместо того чтобы по-настоящему изучить особенности русской революции, в том числе «мелкую борьбу», «изменения отношения стачки к восстанию», или «роль крестьянства и войска», «постоянное брожение» родной солдату деревни», или «необходимость соглашения с революционно-демократическими элементами войска». Он специально отводил много места полемике с тем расчетом, чтобы разгромить неуверенную и упрощенческую концепцию Ларина, который судил о революции по схеме, мыслил ее себе как длительный период общеполитической подготовки,

увенчивающийся внезапным вооруженным восстанием¹⁴⁶. Владимир Ильич рисовал путь революции как быстрое нарастание боев, настойчивые поиски наиболее целесообразных организационных форм совместных выступлений трудовых масс, слияние мелких и отдельных выступлений по всей России, рост крестьянских волнений и т. д. Обращаясь к меньшевикам и их идейным союзникам, В. И. Ленин спрашивал: «А подумали ли вы хоть чуточку, чем отличается мелкая борьба от партизанской войны?» (подчеркнуто мною.— *Я. П.*). И тут же предельно четко и лаконично отвечал: «Ничем (подчеркнуто мною.— *Я. П.*), почтенный тов. Ларин... Вы просмотрели те особые формы борьбы, которые породило русское восстание, более затяжное, более упорное, с более длительными промежутками между крупными сражениями, чем восстания старого типа»¹⁴⁷.

В. И. Ленин категорически отвергал всякие враждебные ярлыки, псевдонаучные формулы и доктринерские рецепты противников насильственного свержения существующего строя, до конца разоблачил их мелкобуржуазную сущность, отстоял в целостности марксистскую теорию в вопросе партизанского движения, эту живую, воинствующую науку, служащую интересам революционного пролетариата.

Полтора года революции убедительно подтвердили правильность выработанной В. И. Лениным генеральной линии и революционной тактики. В то же время первая русская буржуазно-демократическая революция воочию показала «полное фиаско политики поддержки либерализма» и привела «к признанию единственной революционной политики пролетариата в буржуазной революции»¹⁴⁸. Получившие широкое распространение в период революционных событий 1905—1907 гг. партизанские выступления большевики и В. И. Ленин постоянно считали как одну из активных форм революционной борьбы, находившуюся в самой тесной связи с подготовкой вооруженного восстания. Период относительного затишья после декабря 1905 года большевики рассматривали как период «накопления революционной энергии, усвоения политического опыта пройденных стадий, вовлечения новых слоев народа в движение и, следовательно, подготовки нового, еще более могучего революционного натиска»¹⁴⁹. В это время они предлагали местным партийным организациям и комите-

там самым серьезным образом изучать практический опыт декабрьского вооруженного восстания; развивать еще более энергичную деятельность по увеличению числа боевых дружин, улучшению их организации и вооружения; обратить особое внимание на объединение революционных выступлений рабочих и крестьян. Основываясь на всесторонне разработанной В. И. Лениным революционной стратегии и тактике, большевики и в период революционного «затишья» признавали вполне приемлемыми организованные партизанские выступления боевых дружин, считая основной задачей этих выступлений разрушение государственного, полицейского и военного аппарата и беспощадную борьбу с черносотенными организациями. Большевики считали также целесообразными боевые — вполне партизанские по форме и методам — выступления для захвата денежных средств, принадлежащих правительству, и использования этих средств на нужды революции¹⁵⁰.

Они твердо и последовательно отстаивали ленинский принцип, нацеливавший подлинных революционеров «усвоить себе ту бесспорную истину, что марксист должен учитывать живую жизнь, точные факты действительности, а не продолжать цепляться за теорию вчерашнего дня, которая, как всякая теория, в лучшем случае лишь намечает основное, общее, лишь *приближается* к охватыванию сложности жизни»¹⁵¹.

Меньшевики, входившие после IV (Объединительного) съезда в состав РСДРП и признававшие марксизм (за исключением его революционной души — диктатуры пролетариата, пролетарских методов действия) лишь на словах, решительным образом выступали против вооруженного восстания, осуждали его и всемерно пытались противодействовать развертыванию военно-боевой работы, в особенности партизанских выступлений. Один из лидеров меньшевизма Мартов, выступая на V (Лондонском) съезде РСДРП (30 апреля — 19 мая (13 мая — 1 июня) 1907 года) с отчетным докладом о политической деятельности меньшевистского ЦК¹⁵², яростно ополчился против военно-боевой работы социал-демократических организаций, отрицал целесообразность выступлений партийных боевиков вообще и обострившейся «эпидемии партизанского террора» и экспроприаций, в частности. Он резко обрушился на большевиков, которые, «ошираясь на сочувствие части пролетариата» и «поддержку партийных организаций», с на-

ступлением политического затишья занялись «самостоятельной подготовкой вооруженного восстания» и якобы тем самым стали на путь дезорганизации рабочего и революционного движения средствами «все обостряющейся террористической и партизанской борьбы с органами правительственной власти», рядом с которыми «шла деятельность, направленная в сторону казенных и частных экспроприаций (конфискация денежных средств.— Я. П.), оправдываемых потребностями боевой техники, требующей более значительных денежных средств, чем те, которыми может обладать пролетарская партия». Мартов откровенно выражал оппортунистическую точку зрения меньшевиков и их идейных союзников, указывал, что меньшевистский ЦК в течение всего периода своей деятельности «усиленно добивался того, чтобы партийные организации разоружили боевые дружины, как это уже сделал ЦК Бунда, латышской и польской социал-демократии, и не допускали участия членов партии в партизанских выступлениях, а тем более — в экспроприациях». Однако благодаря последовательной революционной линии большевиков, сетовал Мартов, деятельность меньшевистского ЦК «в этом отношении не увенчалась полным успехом». Среди социал-демократов находятся товарищи, указывал он, которые по-прежнему признают «партизанскую борьбу с ее неизбежным спутником — экспроприациями — средством партийной подготовки к вооруженному восстанию»¹⁵³.

В. И. Ленин и делегаты-большевики отстаивали на V съезде РСДРП подлинно марксистскую платформу. Они указывали, что рожденная революционной инициативой масс вооруженная партизанская борьба на этапе обучения и накопления боевых сил становится важным фактором ускорения революционного процесса. В своих действиях марксисты-ленинцы исходили из того, что теоретики и практики классовой борьбы «были бы очень плохими революционерами, если бы в великой освободительной войне пролетариата за социализм не сумели использовать *всякого* народного движения против *отдельных* бедствий империализма в интересах обострения и расширения кризиса»¹⁵⁴. Выступая в прениях по докладу о деятельности Центрального Комитета с критикой оппортунистической линии меньшевиков, В. И. Ленин подчеркивал: «Ошибку ЦК я вижу в том, что революционную борьбу, дошедшую до восстания, он стремился замкнуть в рамки нереволю-

ционных или урезанных революционных лозунгов. Это выразилось в лозунге ЦК: «частичные массовые выступления». Это выразилось еще более в лозунге: «за Думу, как орган власти для созыва учредительного собрания». Бросать такие безжизненные лозунги значило приспособлять пролетарскую политику к политике либеральной буржуазии. И опять-таки события показали всю тщету и все бессилие попыток подобного приспособления. У нас часто раздаются жалобы и хныканье на бессилие рабочей партии. А я скажу: оттого вы и бессильны, что притупляете свои лозунги!»¹⁵⁵ Для большевиков было ясно, что подобный подход к революционной стратегии (и тактике) был чреват серьезными последствиями, ибо в момент решительного вооруженного столкновения пролетариата с господствующими классами перевес сил явно оказался бы на стороне последних. Поэтому большевики считали и настаивали, чтобы каждый, кто по-настоящему работает в интересах революции, должен прямо или косвенно готовиться к вооруженному штурму прогнившего монархического режима.

Ввиду того что съезд затянулся и не было средств для продолжения его работы, ряд вопросов пришлось снять с повестки дня, отдельные обсуждались только в комиссиях съезда. В числе обсужденных на съезде был и вопрос о партизанских выступлениях¹⁵⁶. На тридцать пятом по счету заседании съезда (заседание проходило в сокращенном составе под председательством В. И. Ленина) обсуждалась резолюция о партизанских выступлениях. Ввиду сильного противодействия меньшевиков и их идейных союзников* единственной меньшевистской резолюцией, предложенной и принятой съездом, была резолюция о партизанских выступлениях. Ее поддержали также пред-

* Активный партийный работник, участник II, III, IV и V съездов партии М. Н. Лядов, который на протяжении ряда лет был лично и посредством переписки связан с В. И. Лениным, в своих воспоминаниях указывает, что меньшевики, пришедшие на V съезд с целью «окончательно похоронить революцию, а вместе с ней и нашу партию», имели приверженцев среди группы Троцкого и латышской фракции. Но особенно тесные контакты у них были с Вундом. «У меньшевиков и бундовцев,— писал М. Н. Лядов,— была полная согласованность почти по всем вопросам. И те и другие были типичными представителями испугавшейся пролетарских бурь мешанской интеллигенции» (М. Лядов. Из жизни партии в 1903—1907 годах. М., 1956, стр. 209).

ставители национальных организаций — бундовцы, социал-демократы Польши, Литвы и Латышского края. При поименном голосовании за принятие резолюции было подано 170 голосов «за», при 52 «воздержавшихся» и 35 «против». В. И. Ленин в числе делегатов-большевиков голосовал против этой явно ошибочной и наносящей вред делу революции антипартийной резолюции. В постановлении V (Лондонского) съезда РСДРП было записано:

«1) партийные организации должны вести энергичную борьбу против партизанских выступлений экспроприаций, разъясняя рабочим массам всю несостоятельность этих средств в борьбе за политические и экономические интересы рабочего класса и весь их вред для дела революции (курсив мой.— Я. П.);

2) какое бы то ни было участие в партизанских выступлениях и экспроприациях или содействие им воспрещается членам партии...»¹⁵⁷

Не решив вопроса о формах организации вооружения масс в периоды открытых выступлений, съезд принял также не менее ошибочное постановление и относительно боевых дружин, указав, что «все специальные боевые дружины, имеющиеся при партийных организациях, должны быть распущены»¹⁵⁸.

Последующий ход революционных событий воочию подтвердил правильность ленинской стратегии и тактики и показал всю ошибочность хвостистской тактики меньшевиков. Проникнутая духом мещанской дряблости, меньшевистская резолюция была отменена самой практикой массовой борьбы угнетенных классов. «...Серьезная борьба,— подчеркивал В. И. Ленин,— отбрасывает прочь всякие фразы, все мелкое, наносное; партии напрягают все свои силы, обращаясь к массам народа, и массы, руководимые верным инстинктом, просвещенные опытом открытой борьбы, идут за теми партиями, которые выражают интересы того или иного класса»¹⁵⁹.

В. И. Ленин и большевистская партия последовательно и до конца стояли на тех позициях, что подлинные бойцы революции ни в коем случае не должны отказываться ни от одной формы борьбы, содействующей подъему освободительного движения на более высокую ступень. Поскольку универсальных форм борьбы, годных в любой ситуации и на все случаи, нет и быть не может, то при выборе и оценке наиболее эффективных форм борьбы важен все-

сторонний анализ конкретной обстановки. Революционные марксисты, неоднократно указывая В. И. Ленин, учатся у жизни, постоянно делая соответствующие выводы из нового исторического опыта, требуя от сознательных участников борьбы «уменья мыслить», «уменья анализировать условия применения старых приемов борьбы, а не простого повторения известных лозунгов»¹⁶⁰. То, что в одну эпоху или же в одних условиях казалось единственно эффективной и наиболее приемлемой формой борьбы и действительно играло революционную роль, в изменившейся обстановке может потерять всякое значение и даже стать антиреволюционным. «Национальные» традиции 1792 года во Франции, — отмечал В. И. Ленин летом 1907 года в статье «Против бойкота», — останутся, может быть, навсегда *образцом* известных революционных приемов борьбы, но это не мешало Марксу в 1870 году, в знаменитом «Адресе» Интернационала предупредить французский пролетариат против ошибочного перенесения этих традиций в условия иной эпохи»¹⁶¹.

Самый революционный лозунг, призывающий к, казалось бы, наиболее решительной форме борьбы, неизбежно превращается в пустышку, если он провозглашается без учета зрелости объективного фактора, независимо от особенностей переживаемого этапа и реальной обстановки. «...Когда с создавшимся фактически положением и условиями данного массового движения не хотят считаться ради ложно понятого в неподвижном смысле лозунга: такое применение лозунга неизбежно вырождается в революционную фразу»¹⁶². Ибо истинная революционность заключается в том, чтобы суметь определить, какую политику целесообразнее проводить в тех или иных условиях.

И в последующие годы В. И. Ленин не сводил субъективный фактор революции к сознательной и организованной деятельности лишь одного авангарда. Он беспощадно критиковал «левых» авантюристов, пытавшихся бросить в бой только один передовой отряд трудящихся, обрекая тем самым революцию на поражение. Такую тактику Владимир Ильич характеризовал преступлением. Когда речь идет о субъективных условиях революции, их зрелости, необходимой для завоевания рабочим классом политической власти и установления диктатуры пролетариата, то имеется в виду та или иная степень готовности, сознательности, организованности, революционной решимости всего

рабочего класса в целом, всех трудящихся или во всяком случае подавляющего их большинства. Вступивших на подлинно революционный путь В. И. Ленин призывал *«трезво следить за действительным состоянием сознательности и подготовленности именно всего класса (а не только его коммунистического авангарда), именно всей трудящейся массы (а не только ее передовых людей)»*¹⁶³. Он требовал *«доказанного объективными фактами сочувствия большинства народа»* революции, беспощадно критиковал тех, кто судил о настроении масс главным образом по впечатлениям от разговоров, бесед с ними, по рассказам очевидцев. Критикуя мнимых революционеров, он писал: *«...Они марксистский критерий движения подменяют интеллигентски-импрессионистским, на место политического учета развития классовой борьбы и хода событий во всей стране в целом, в международной обстановке в целом ставят субъективные впечатления о настроении...»*¹⁶⁴

Чтобы правильно судить о настроении масс, учил В. И. Ленин, и увидеть, на чьей стороне они находятся, необходимо отталкиваться от массовидного проявления классовой борьбы. Например, лучшим показателем революционного настроения крестьянства, поддержки им революции являются мощные крестьянские восстания. Не разговоры, не субъективные впечатления о настроении крестьянства, а пламенный язык восстаний — вот что лучше всего передает революционный характер настроения крестьянства, его переход на сторону революции.

Непосредственный контакт с практиками борьбы

Даже самое общее знакомство с военным наследием В. И. Ленина позволяет заметить, что он не только творчески разрабатывал вопросы партизанской войны и защищал от различных нападок преимущества и целесообразность этой формы классовой борьбы в определенных исторических условиях. Владимир Ильич внимательно следил за развитием партизанско-повстанческого движения в период углубления или спада революции, был хорошо осведомлен о действиях партийных боевиков. Он знал многих из них лично, направлял их деятельность, принимал меры по ознакомлению с партизанскими сред-

ствами и приемами борьбы как можно большего числа партийцев.

В начале февраля 1905 года он посылает члену большевистской группы в Париж В. В. Филатову письмо с предложением написать популярную брошюру о баррикадной тактике уличного боя, которая могла бы служить пособием для боевых рабочих дружин и повстанцев в России. Позднее, когда брошюра была написана, В. И. Ленин лично готовит ее к печати¹⁶⁵. 30 марта 1905 года в большевистской газете «Пролетарий» была помещена статья «К вопросу о постройке баррикад», в редактировании которой принимал участие Владимир Ильич. В статье давались практические советы боевым рабочим дружинам и повстанческим отрядам о строительстве и использовании в процессе вооруженного восстания баррикад, о способах сочетания наступательной и оборонительной тактики¹⁶⁶.

Один из бывших боевиков, известный военно-партийный деятель периода гражданской войны С. И. Аралов¹⁶⁷ указывает, что В. И. Ленин, повседневно руководя большевистскими военными организациями, отдавал много сил и энергии неотложным практическим делам, связанным с обучением масс, подготовкой их к вооруженному восстанию. Именно благодаря его вниманию и постоянной заботе военные и боевые организации большевиков в годы первой русской революции росли и крепились. Если в 1904 году при местных комитетах партии было всего лишь три боевые организации, то в 1905 году их насчитывалось уже 27, в 1906 году — 48, а в 1907 году — 52¹⁶⁸.

По рекомендации Владимира Ильича при ЦК РСДРП была создана Боевая техническая группа, которая непосредственно руководила местными боевыми организациями. Во главе группы по предложению В. И. Ленина был поставлен член ЦК Л. Б. Красин¹⁶⁹. Находившиеся в ведении Боевой технической группы местные боевые организации проводили подготовительные мероприятия в повстанческих отрядах и дружинах: добывали оружие, производили разведочные работы (например, снимали планы тюрем, банков, министерств, подыскивали удобные помещения для хранения оружия, разведывали слабые места врага). В распоряжении Боевой технической группы имелись химические мастерские по изготовлению взрывчатых веществ и самодельных бомб, о работе которых был осведомлен В. И. Ленин. Группа занималась также закупкой,

транспортировкой и хранением оружия. Весной 1906 года легендарный Камо (Симон Аршакович Тер-Петросян) по указанию В. И. Ленина совместно с большевиками М. М. Литвиновым, Б. С. Стомоняковым и С. И. Кавтарадзе ездил в Болгарию для закупки и организации транспортировки оружия в Россию. Это была первая встреча отважного боевика с В. И. Лениным. Значительная часть закупленного оружия предназначалась для кавказских боевых дружин¹⁷⁰.

В конце 1906 года в Киеве дело организации, вооружения и военной подготовки повстанческих дружин и кадров боевых организаторов взяло в свои руки созданное по указанию ЦК партии Военное Южно-техническое бюро. Для работы в нем по настоянию В. И. Ленина был направлен опытный боевик В. И. Богомолов¹⁷¹.

Тактические и организационные принципы рабочего движения должны, считал В. И. Ленин, с каждым днем приобретать качественно новый характер. А поэтому пролетариям необходимо иметь как научно разработанную программу этого движения, отвечающую не столько его тогдашнему состоянию, сколько потребностям его будущего развития, так и подготовленные кадры, обученные массы для претворения в жизнь этой программы. Боевые же кадры большевиков вполне могли обучаться военному делу и на уроках партизанской войны. Последняя, подобно массовым стачкам, которые в революционные периоды «бросают сотни тысяч и миллионы искр во все стороны, — а кругом горячий материал самого крайнего озлобления, неслыханных мучений голода, беспросветного произвола, бесстыдного и циничного надругательства над «нищим», над «мужиком», над нижним чином»¹⁷², не только политически просвещала трудящихся, но и закаляла их, выдвигала боевых руководителей масс.

Многие видные большевики в период подготовки социалистической революции стали серьезно заниматься военными вопросами именно под влиянием бесед с В. И. Лениным, его советов и указаний. Например, своеобразным толчком к глубокому изучению военного дела для М. В. Фрунзе послужила беседа с Владимиром Ильичем на IV (Объединительном) съезде РСДРП в Стокгольме. Рассказывая В. И. Ленину о баррикадных боях в Москве, Фрунзе говорил о том, что дружинники были полны революционного энтузиазма, но не умели вести уличный бой,

что регулярные войска в этом отношении были подготовлены гораздо лучше. На это Владимир Ильич ответил:

«— Вы читали «Анти-Дюринга»?

— Да,— удивился Фрунзе неожиданности вопроса.

— Там, у Энгельса, есть прямое указание на необходимость для революционера овладения военными знаниями...»

Далее В. И. Ленин говорил Фрунзе, что руководителям вооруженного восстания недостаточно только уметь хорошо стрелять. В бою «надо уметь руководить, командовать, принимать решения, тактике врага противопоставить свою, более совершенную тактику...»¹⁷³

Так повседневно в процессе первой русской революции эпохи империализма В. И. Ленин, ни на минуту не теряя веры в грядущую победу, заботился о боевой деятельности партизанско-повстанческих отрядов, боевых комитетов и дружин, учил партию правильно использовать все пролетарские формы организации, приемы и средства борьбы, готовить упорно и настойчиво почву для новых, решающих битв, в том числе и посредством партизанских действий.

Как показал исторический опыт освободительной борьбы в России, созданные партией большевиков военные и боевые организации, вооруженные партизанские повстанческие отряды и боевые рабочие дружины сыграли исключительно важную роль в свержении царизма и завоевании пролетариатом политической власти. «Без такой «генеральной репетиции», как в 1905 году,— указывал впоследствии В. И. Ленин,— революция в 1917 как буржуазная, февральская, так и пролетарская, Октябрьская, были бы невозможны»¹⁷⁴. Такую итоговую оценку событиям 1905 года давал В. И. Ленин, несмотря на то что из-за слабости только что сложившегося союза рабочего класса с крестьянством революция все же не смогла достичь своей непосредственной цели и закончилась поражением.

Взаимосвязь революционных форм и приемов борьбы

Свинцом, острогами и ссылками расправилось царское самодержавие с мужественными борцами за социальную свободу. Однако поражение революции 1905—1907 гг., ее ограниченный результат, разгул черносотенного террора не привели к прекращению антиправи-

тельствующих выступлений трудящихся масс. Продолжавшийся процесс обнищания рабочего класса и разорения крестьян при сохранившемся гнете прогнившей царской монархии поднимал на борьбу все эксплуатируемые классы и слои общества.

Ведущую роль в общенародном движении против царизма, господства помещиков и капиталистов играл промышленный пролетариат. Его политическая и экономическая борьба оказывала революционизирующее воздействие на крестьянство, в первую очередь на его беднейшую часть. Социальная война в деревне с особой остротой развивалась в «переходный период» между двумя волнами демократической революции¹⁷⁵, в период контрреволюционной столыпинщины.

Указывая на сохранение революционной ситуации, В. И. Ленин в статье «Вторая дума и вторая волна революции» (февраль 1907 г.) отмечал: «Положение безусловно революционное. Борьба в самой острой форме безусловно неотвратима»¹⁷⁶. И именно потому, что борьба неотвратима, большевики не должны форсировать, подгонять и подхлестывать события, не делать «никаких преждевременных призывов к восстанию!». Но, выступая против «подхлестывания» событий, В. И. Ленин вовсе не считал, что революционеры должны пассивно ждать, пока движение масс наберет соответствующую высоту и размах и само подскажет жизненность того или иного средства борьбы. «Надо готовить оружие,— призывал В. И. Ленин,— и в прямом, и в переносном смысле слова. Надо готовить прежде всего и больше всего сплоченную и крепкую своим сознанием, своей решимостью армию пролетариата. Надо удешевить работу нашей агитации и организации среди крестьянства — и того, которое голодает в деревне, и того, которое послало на военную службу прошлой осенью своих сыновей, переживших великий год революции. Надо сорвать все и всякие идеологические прикрытия и затупывания революции, надо устранить всякие сомнения и колебания. Надо просто, спокойно, в самой доступной народу, бесхитростной форме сказать как можно громче и ярче: борьба неизбежна»¹⁷⁷. И чем активнее революционеры, чем шире они ведут работу в массовых движениях, тем чаще будут возникать новые и новые формы борьбы, двигающие революционный процесс вперед. У тех, кто стремится одержать победу над помещиками и капитали-

стами, «должно хватить настойчивости испробовать сотни и тысячи новых приемов, способов, средств борьбы для выработки наиболее пригодных из них»¹⁷⁸.

Именно потому, что большевики никогда не подталкивали и не обгоняли ход событий, никогда не выдумывали форм и приемов классовой борьбы, а брали их из самой жизни, В. И. Ленин с таким сарказмом в статье «Карикатура на большевизм» высмеивал псевдореволюционеров, которые хотели бы иметь неизменный перечень революционных средств и признавали, как они выражались, «лишь те формы действия, которые не затушевывают» революционной борьбы¹⁷⁹.

Отметая подобные взгляды, В. И. Ленин неоднократно указывал, что подлинные революционеры, люди цельного мировоззрения рассматривают формы и приемы борьбы во взаимосвязи и взаимообусловленности, подходят к каждой из них конкретно-исторически, развивая те из них, которые поднимают движение выше, организуют и вплотную подводят массы к решающим боям. Универсальных же средств борьбы на все случаи нет и не может быть. Тактика революционеров-марксистов, подчеркивал В. И. Ленин, «состоит в соединении *различных* приемов борьбы, в умелом переходе от одного к другому, в неуклонном повышении сознания масс и широты их коллективных действий, из которых каждое в отдельности бывает то наступательным, то оборонительным, а все вместе ведут к все более глубокому и решительному конфликту»¹⁸⁰.

Даже в наиболее конфликтные периоды не от произвольного решения революционеров зависит выбор той или иной формы борьбы. Подлинная революционность заключается в том, чтобы умело развивать и использовать те формы и средства борьбы, которые в данный момент несут не искусственный характер, отражают не революционное нетерпение одиночек, а имеют глубокие народные корни и способствуют переходу широких трудящихся масс от стихийного к сознательному участию в движении, поднимают его на новую высоту. Большевики, указывал В. И. Ленин, никогда не ставили и не поставят лозунг «быть революционнее всех». Ибо пролетарской партии глубоко чужда «извращенная и бессмысленная тактика анархизма, «делающего» революцию...»¹⁸¹. Марксисты оценивают значение тех или иных форм борьбы не с отвлеченных позиций наибольшей революционности, а с точки зрения того, насколько

ко эти формы борьбы отвечают зрелости объективных условий революции, насколько способствуют расширению массового движения и восхождению его на высшую ступень. Революционер не должен увлекаться старыми традициями и временными успехами. «...В Польше,— отмечал В. И. Ленин,— целая партия свернула себе шею на бессильной партизанщине, терроре и фейерверчных вспышках, и именно во имя повстанческих традиций и совместной борьбы пролетариата и крестьянства (так называемая «правица» ППС)... Нигде кроме Польши не видели мы такого бессмысленного, вызывающего справедливый отпор и борьбу, уклонения от революционной тактики»¹⁸².

Но при всем этом, как бы ни складывалась и ни менялась обстановка, есть такие формы борьбы и сферы активности революционеров, которые, хотя и видоизменяются, постоянно сопутствуют любым революционным движениям. «Декабрьская борьба 1905 года доказала,— подчеркивал В. И. Ленин,— что вооруженное восстание может победить при современных условиях военной техники и военной организации. Декабрьская борьба дала то, что все международное рабочее движение должно отныне считать с вероятностью подобных же форм сражения в ближайших пролетарских революциях. Вот какие выводы действительно вытекают из опыта нашей революции,— вот какие уроки должны быть усвоены самими широкими массами»¹⁸³. А чтобы последнее осуществлялось на практике, необходима непрерывная будничная деятельность, развивающая революционное сознание масс. И поскольку революционеры-марксисты понимали, что «социалистическая революция не один акт, не одна битва по одному фронту, а целая эпоха обостренных классовых конфликтов, длинный ряд битв по всем фронтам»¹⁸⁴, то такую повседневную работу в массах они активно вели вплоть до победы вооруженного восстания в октябре 1917 года.

С началом первой мировой войны, этого, по образному выражению В. И. Ленина, всемирного «режиссера», ускорившего «в громадных размерах течение всемирной истории»¹⁸⁵, «крестьянские беспорядки» в стране еще более оживились. Начался период революционного подъема. Во второй половине 1914 года правительственными властями было зафиксировано 265 крестьянских выступлений, в 1915 году — 177, а в 1916 году — 294¹⁸⁶. «Громадная страна с 150-миллионным населением,— указывал

В. И. Ленин в статье «Революционный подъем», — разбро- санным на гигантском пространстве, раздробленным, при- давленным, бесправным, темным, отгороженным от «зло- вредных влияний» тучей властей, полиции, шпионов, — эта страна *вся* приходит в брожение. Самые отсталые слои и рабочих и крестьян приходят в прямое и косвенное со- прикосновение с забастовщиками. На сцене появляются сразу сотни тысяч революционных агитаторов, влияние которых бесконечно усиливается тем, что они неразрывно связаны с низами, с массой, остаются в их рядах, борются за самые насущные нужды *всякой* рабочей семьи, соеди- няют с этой непосредственной борьбой за насущные эконо- мические нужды протест политический и борьбу с мо- нархией»¹⁸⁷.

Придавленные бременем войны и помещичьей эксплуа- тацией, крестьяне пускали в ход чисто партизанско-пов- станческие средства и приемы борьбы: самовольно захватывали сенокосы, запахивали помещичьи земли, про- изводили порубки леса, нападали на господские имения, широко практиковали массовый террор — убивали исправ- ников, правительственных агентов и полицейскую стражу, добивались снижения арендной платы, отказывались вно- сить или отрабатывать ее. Несмотря на то что крестьяне действовали распыленно, недостаточно наступательно и организованно и тем самым не могли решить исход «вели- кой битвы», большевики оказывали им всяческую под- держку, считая массовый террор и мелкие стычки с пред- ставителями правительства, «выкуривание» помещиков из имений, захват господской земли самыми решительными формами революционных выступлений сельского населе- ния, обусловленных практикой текущего дня, обстановкой классовой борьбы. Отрицать «мелкую» борьбу деревни или недооценивать ее — значило совершенно не понимать ре- волюционной диалектики марксизма. «...Думать, что *мыслима* социальная революция, — писал В. И. Ленин, — ...без движения несознательных пролетарских и полупро- летарских масс против помещичьего, церковного, монар- хического, национального и т. п. гнета, — думать так значи- т *отречься от социальной революции*...

Кто ждет «чистой» социальной революции, тот *никогда* ее не дождется. Тот революционер на словах, не понимаю- щий действительной революции»¹⁸⁸.

Рассматривая события, происходящие после первой рос-

сийской буржуазно-демократической революции, В. И. Ленин в статье «Что делается в деревне?» отмечал, что новые факты борьбы пролетарских слоев на селе против столыпинской аграрной политики свидетельствуют о провале планов Столыпина получить «20 лет покоя» для ограбления и разорения крестьян. «Покоя» не только на 20 лет,— указывал В. И. Ленин,— но и на три года Столыпин не создал и создать не может...»¹⁸⁹ Под давлением sporодических революционных бунтов, «мелкой борьбы» в деревне царское правительство вынуждено было в 1915 году временно приостановить землеустроительные работы в тех случаях, если нет согласия крестьян на их проведение. В ноябре 1915 года В. И. Ленин писал: «Теперь мы снова идем к революции. Это все видят. *Сам Хвостов* (министр внутренних дел.— *Я. П.*) говорит о настроении крестьян, напоминающем 1905—1906 годы»¹⁹⁰.

Столыпинская реформа и мировая война ускорили процесс расслоения крестьянства, что объективно «усилило классовую борьбу внутри него, пробудило очень многие политически спавшие элементы, приблизило к городскому пролетариату сельский...»¹⁹¹. Разоблачая меньшевиков и их идейных союзников, не желавших вести революционную работу в деревне, В. И. Ленин писал: «А в этом сейчас гвоздь. Пролетариат борется и будет беззаветно бороться за завоевание власти, за республику, за конфискацию земель, *то есть* за привлечение крестьянства, за *исчерпание* его революционных сил, за участие «непролетарских народных масс» в освобождении *буржуазной* России от *военно-феодального империализма* (-царизма)»¹⁹²

Борьба крестьян за землю, за ликвидацию остатков крепостничества, уклонение от рекрутской повинности в этот период во многих случаях носили характер партизанских выступлений. Революционное по своей сути партизанство сельских пролетариев, органически переплетаясь с подпольной деятельностью большевиков, с массовыми демонстрациями и уличными столкновениями, стачками и забастовками рабочих, с диверсиями и «промышленным террором», волнениями в армии, отражало особенность и оригинальность каждого дня классовой борьбы, полноту революционного процесса, вырастание одной формы пролетарской борьбы из другой, их тесную взаимосвязь. Партизанские выступления в определенной степени помогали политическому авангарду трудящихся нащупывать самое

ценное для революции и самое уязвимое для противника — объекты обороны и нападения, помогали накапливать резервы обученных и сплоченных борцов. Многие из этих партизанско-повстанческих выступлений и локальных восстаний были несвоевременны, разрозненны, изолированы от рабочего движения и заранее обречены на поражение. Но, давая критическую оценку этим героическим выступлениям, поддерживая и организуя их, большевики руководствовались ленинским указанием о том, что «капитализм не устроен так гармонично, чтобы различные источники восстания сами собой сливались сразу, без неудач и поражений. Наоборот, именно разновременность, разпородность, разноместность восстаний ручается за широту и глубину общего движения; только в опыте революционных движений несвоевременных, частных, раздробленных и потому неудачных, массы приобретут опыт, научатся, соберут силы, увидят своих настоящих вождей, социалистических пролетариев и подготовят тем общий натиск, как отдельные стачки, демонстрации городские и национальные, вспышки в войске, взрывы в крестьянстве и т. д. подготовили общий натиск в 1905 году»¹⁹³.

Политическим итогом этих бунтарских выступлений на селе являлось не только исчезновение у крестьян чувства своей революционной неполноценности и бессилия. Естественным и устойчивым результатом их борьбы становилось сознание того, что освобождение от вековой нужды и угнетения — всеобщее дело, а отсюда — необходимость активизации и объединения всех антиправительственных сил.

Являясь составной частью революционного движения, партизанская борьба как в городе, так и в деревне, переплетаясь с другими формами массового движения, объективно содействовала возникновению в России подлинно революционной ситуации. Последняя же, по словам В. И. Ленина, должна, как правило, заключаться в том, что для революции «обычно бывает недостаточно, чтобы «низы не хотели», а требуется еще, чтобы «верхи не могли» жить по-старому»¹⁹⁴. В условиях обострения, выше обычного, нужды и бедствий угнетенных классов, значительного повышения активности масс, «в «мирную» эпоху дающих себя грабить спокойно, а в бурные времена привлекаемых, как всей обстановкой кризиса, так и самими «верхами», к самостоятельному историческому выступле-

нию»¹⁹⁵, самой насущной обязанностью всех партийцев является вскрывание перед массами наличия революционной ситуации, разъяснение ее ширины и глубины. В такие периоды, указывал В. И. Ленин, социал-демократы должны «будить революционное сознание и революционную решимость пролетариата, помогать ему переходить к революционным действиям и создавать соответствующие революционной ситуации организации для работы в этом направлении»¹⁹⁶. Ибо без этих объективных перемен, «независимых от воли не только отдельных групп и партий, но и отдельных классов, революция — по общему правилу — невозможна»¹⁹⁷.

С глубокой иронией отвечал В. И. Ленин тем мелкобуржуазным попутчикам, лебезившим перед монархией, которые доказывали ненужность использования многообразных форм и средств массовой борьбы и особенно конспирации большевистской партии, которые объявляли революционеров-марксистов заговорщиками. Когда буржуазные партии в период первой русской революции стали на путь тайных переговоров с российским самодержцем о пределах «свобод», которые тот должен предоставить, В. И. Ленин их незамедлительно разоблачил: «Да, да, недаром г. Струве недавно упрекал в «Освобождении» «крайние партии» (т. е. социал-демократов в особенности) в неумеренном пристрастии к узкой, заговорщической, якобинской «конспирации». Мы, социал-демократы, конспирируем от царя и царских ищеек, заботясь в то же время о том, чтобы народ знал все о нашей партии, об оттенках внутри ее, о развитии программы и тактики ее, даже о том, что сказал тот или другой делегат партийного съезда на этом съезде. Гг. просвещенные буржуа, освобожденцы, конспирируют... от народа, ничего не знающего в точности о пресловутой «конституционно-демократической» партии, но зато они откровенничают с царем и с ищейками царя. Ну, как же не демократы?»¹⁹⁸

Известно, что поражение первой пролетарской революции в России обескуражило многих. Среди революционно настроенной интеллигенции получило особое распространение ликвидаторство, направленное на роспуск нелегальной партии и переход исключительно к легальным формам деятельности. С другой стороны, подняли голову сторонники крайнего радикализма, которые отрицали необходимость использования в классовой борьбе легальных воз-

можностей и стремились, отгородившись от масс, вести революционную борьбу, опираясь только на узкие нелегальные организации. В. И. Ленин последовательно боролся против обеих этих крайностей, подчеркивая, что они означают разрыв с революционным марксизмом. Под его руководством большевики сплачивали свои ряды, восстанавливали партийные организации, разгромленные реакцией, укрепляли организационно и идеологически единство партии. В июле 1909 года на совещании расширенной редакции «Пролетария» В. И. Ленин следующим образом определил задачи в этой области:

«Очередной нашей задачей является сохранение и укрепление РСДРП. В самом выполнении этой большой задачи есть один крайне важный момент: это борьба с *ликвидаторством* обоих оттенков — с ликвидаторством справа и с ликвидаторством слева. Ликвидаторы справа говорят, что нелегальной РСДРП не надо, что центром тяжести социал-демократической деятельности должны быть исключительно или почти исключительно легальные возможности. Ликвидаторы слева выворачивают дело наизнанку: легальные возможности для них не существуют в партийной деятельности, нелегальность во что бы то ни стало — для них все. И те и другие — ликвидаторы РСДРП, приблизительно в равной мере, ибо без планомерного, целесообразного сочетания легальной и нелегальной работы при теперешнем, навязанном нам историей, положении никакое «сохранение и укрепление РСДРП» — немыслимо»¹⁹⁹.

В годы нового революционного подъема большевистские организации под руководством В. И. Ленина преодолели трудности периода контрреволюции и с новыми силами, с воодушевлением стремились повсеместно укрепить свое влияние на трудящиеся массы, вовлекая их во все виды и формы классовой борьбы. Размах движения, оживление деятельности легальных организаций, однако, сопровождалось опасностью переоценки легальных методов работы, усиления ликвидаторских тенденций. В. И. Ленин вновь и вновь обращал внимание на эту опасность, ведя беспощадную борьбу против нее. «Ликвидаторство есть отрицание или умаление подполья, т. е. нелегальной (единственно существующей) партии. Только подполье вырабатывает *революционную* тактику и несет ее в массы как через нелегальную, так и через легальную печать»²⁰⁰, — писал В. И. Ленин.

В итоге неустанной борьбы против ликвидаторства большевистские организации приобрели решающее влияние в легальных рабочих обществах и других массовых организациях, завоевали на свою сторону подавляющее число сознательных рабочих. Бесчисленные фракционные группы, состоявшие главным образом из интеллигенции и эмигрантов и именовавшие себя социал-демократами, чем меньше было их фактическое влияние на пролетариат России, тем громче шумели, нападая на большевиков и на революционную ленинскую линию. По их просьбе II Интернационал летом 1914 года устроил в Брюсселе примирительное совещание. К этому совещанию В. И. Ленин подготовил доклад ЦК РСДРП, в котором по поводу расхождений по организационным вопросам отмечалось, в частности, следующее: «Наша партия в современной России, где не легализована даже партия умереннейших либералов, может существовать лишь как нелегальная партия. Оригинальность, своеобразие нашего положения... состоит вот в чем. Наша нелегальная социал-демократическая рабочая партия состоит из *нелегальных* рабочих организаций (часто называемых «ячейками»), которые окружены более или менее густой сетью *л е г а л ь н ы х* рабочих обществ (страховых касс, профессиональных союзов, просветительных обществ, спортивных обществ, обществ трезвости и пр.)...

Посредством легальных обществ обеспечивается известное *п р и к р ы т и е* нелегальных организаций и широкая, легальная, проповедь идеи рабочего сплочения в массах...

Кто выступает в легальной печати *против* «подполья» или за «открытую партию», тот прямо *д е з о р г а н и з у е т* нашу партию, и таких людей мы не можем не считать *н е п р и м и р и м ы м и* врагами нашей партии»²⁰¹. Это была подлинно марксистская оценка положения вещей.

Брюссельским совещанием руководил К. Каутский, который в противовес большевикам признавал правоту фракционных групп независимо от того, что за ними не стояли трудовые массы. В этот период В. И. Ленин уже имел отчетливое представление об оппортунизме Каутского. В письме к И. Арманд, представлявшей в Брюсселе большевиков, он писал: «...Сей дурак не умеет понять разницы между признанием *подполья* и поиском *н о в ы х* форм *прикрытия* этого подполья и организации его»²⁰². Желая примирить фракции, Каутский внес соответствующее пред-

ложение и провел его голосованием. Однако большевики отказались выполнять это беспринципное решение.

Первая мировая война внесла принципиальные изменения как в международное рабочее движение, так и в борьбу трудящихся России. Внимание В. И. Ленина в значительной мере было обращено к этим проблемам. Вскоре после начала войны он отметил, что II Интернационал развалился, поскольку большинство его вождей предало социализм, стало на путь сотрудничества с национальной буржуазией. Перечисляя обстоятельства, приведшие к этому предательству и свидетельствовавшие о нем, В. И. Ленин указывал, в частности, что оппортунисты превращали «...необходимое использование буржуазного парламентаризма и буржуазной легальности в фетишизирование этой легальности и забвение обязательности нелегальных форм организации и агитации в эпохи кризисов»²⁰³.

В. И. Ленин научно обобщил многолетний опыт революционной борьбы в России, проанализировал его и сделал достоянием международного революционного движения. Позднее, при образовании III Интернационала и в процессе его деятельности, Владимир Ильич постоянно оказывал помощь коммунистическим авангардам различных стран и центральным органам Интернационала, передавал им российский опыт и способствовал усвоению ими уроков, вытекающих из этого опыта. Определяя задачи III Интернационала, он писал: «...Надо соединять легальную и *нелегальную* работу. Этому учили большевики всегда... Над этим смеялись герои подлого оппортунизма, самодовольно превознося «законность», «демократию», «свободу» западноевропейских стран, республик и пр. Теперь уже только прямые мошенники, обманывающие рабочих фразами, могут отрицать, что большевики оказались правы. Нет ни одной страны в мире, самой передовой и самой «свободной» из буржуазных республик, где бы не царил террор буржуазии, где бы не запрещалась свобода агитации за социалистическую революцию, пропаганды и организационной работы в этом именно направлении. Партия, которая доньше не признала этого при господстве буржуазии и не ведет систематической, всесторонней *нелегальной* работы, вопреки законам буржуазии и буржуазных парламентов, есть партия предателей и негодяев, которые словесным призыванием революции обманывают народ»²⁰⁴.

Для В. И. Ленина применительно как к российскому революционному движению, так и к международному рабочему движению одним из решающих критериев революционности и последовательности классовой боевитости было создание и упрочение нелегальных организаций, овладение всеми формами и средствами массовой борьбы, выходящими за рамки закона. От этого принципа он не отходил, считая, что иначе не может быть и речи о подлинно революционной партии, способной мобилизовать массы на борьбу за социальное переустройство общества.

Обогащенная революционным опытом, партия большевиков во главе с В. И. Лениным в период между первой и второй пролетарскими революциями в России, и особенно в годы империалистической войны, вела напряженную работу по военному обучению и политическому сплочению всех революционных сил. В ленинских работах этого периода — «Поражение России и революционный кризис», «О двух линиях революции», «Несколько тезисов», «Прикрытие социал-шовинистской политики интернационалистскими фразами» и других — дан глубокий анализ сущности противоречий и революционного кризиса в России, определены движущие силы назревавшей социалистической революции и условия ее победы.

В своих статьях В. И. Ленин неоднократно обращал внимание большевистских организаций на необходимость умело сочетать в революционных ситуациях все богатство способов, форм и приемов пролетарской борьбы. При этом, как и прежде, он призывал большевиков в рамках единого стратегического плана строжайше учитывать конкретную политическую обстановку, научиться с максимальной быстротой и в то же время глубоко понимать динамику и диалектику борьбы, в нужный момент дополнять одну форму борьбы другой. Позднее, призывая политический авангард мирового пролетариата относиться к стратегии, тактике и политике как к науке и искусству, В. И. Ленин говорил, что «тактика должна быть построена на трезвом, строго объективном учете *всех* классовых сил данного государства (и окружающих его государств, и всех государств, в мировом масштабе), а также на учете опыта революционных движений»²⁰⁵.

В июне 1915 года в разгар империалистической войны В. И. Ленин написал известную работу «О поражении своего правительства в империалистической войне». Глу-

боку проанализировав ход событий, он сделал весьма существенный вывод: «Революция во время войны есть гражданская война *, а *превращение* войны правительств в войну гражданскую, с одной стороны, облегчается военными неудачами («поражением») правительств, а с другой стороны,— *невозможно* на деле стремиться к такому превращению, не содействуя тем самым поражению»²⁰⁶.

Объективно революционные события в России развивались по пути насильственного свержения реакционного господствующего режима. Но революционеры-марксисты понимали, что нельзя сводить все формы классовой борьбы только к вооруженному восстанию. Такая тактика неизбежно превращалась бы в путчизм, далекий от понимания реальных условий общественного развития, не учитывающий зрелости материальных и субъективных предпосылок революции. Сама практика революционного движения полностью подтверждала жизненность ленинского положения о том, что все формы классовой борьбы «взаимно связаны и неизбежно должны переходить друг в друга» и, «смотря по изменению условий движения», взаимодополнять, взаимообуславливать друг друга²⁰⁷.

Большевики активно использовали все средства борьбы, в том числе легальные, а также и такие немирные, как отдельные элементы гражданской войны, партизанские действия, насильственный, хотя и не обязательно вооруженный, захват тех или иных государственных учреждений, средств массовой информации, предприятий и т. д. Говоря о возможности и необходимости в известных исторических условиях вести борьбу за социализм путем гражданской войны, В. И. Ленин писал: «Гражданская война против буржуазии есть *тоже* один из видов классовой борьбы...»²⁰⁸ Именно из этого исходил он, выдвигая лозунг о превращении империалистической войны в гражданскую, которая «может выступать с открытым изложением наро-

* Как показано выше, партизанское движение В. И. Ленин относил к одной из решительных форм гражданской войны. Гражданская же война «естественно отличается от других войн тем, что формы сражений гораздо разнообразнее» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 49). Эту же мысль В. И. Ленин проводил и в работе «Новый подъем», подчеркивая, что «гражданская война отличается от обыкновенной войны неизмеримо большей сложностью», что в ней невозможно провести грань «между числящимися в рядах воюющих и нечислящимися» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 13, стр. 72—73).

ду своих конечных целей, привлекая этим симпатии трудящихся...»²⁰⁹.

В. И. Ленин подчеркивал, что «в эпоху войны» социализм невозможен «без гражданской войны против архиреакционной, преступной, осуждающей народ на несказанные бедствия, буржуазии»²¹⁰. Критикуя каутскианцев*, утверждавших, что гражданская война грозит потерпевшему поражение полным уничтожением, В. И. Ленин указывал, что Каутский забывает, что «гражданская война закаляет эксплуатируемых, учит их создавать новое общество без эксплуататоров»²¹¹. Исходя из того, что в ходе борьбы пролетариата за демократию и социализм почти невозможно обойтись без использования всех средств борьбы, в том числе и гражданских войн, В. И. Ленин в письме А. М. Коллонтай весной 1915 года подчеркивал: «Как можно «признавать» классовую борьбу, не понимая неизбежность ее превращения в известные моменты в гражданскую войну?»²¹²

Мысли аналогичного порядка в отношении гражданской войны В. И. Ленин высказал и в статье «Военная программа пролетарской революции», написанной в сентябре 1916 года. «Кто признаёт борьбу классов,— подчеркивалось в статье,— тот не может не признавать гражданских войн, которые во всяком классовом обществе представляют естественное, при известных обстоятельствах неизбежное продолжение, развитие и обострение классовой борьбы»²¹³. Это положение подтверждено всеми великими революциями. Отрицать гражданские войны или забывать о них, говорил В. И. Ленин, значит впасть в крайний оппортунизм и совершенно отречься от социалистической революции. «Нельзя серьезно относиться к серьезной войне,— писал В. И. Ленин,— не используя малейшей слабости противника, не ловя всякого шанса, тем более, что нельзя знать наперед, в какой именно момент и с какой именно силой «взорвет» здесь или там тот или иной склад пороха»²¹⁴.

Империалистическая война с объективной неизбежностью чрезвычайно ускоряет и невиданно обостряет классовую борьбу пролетариата против буржуазии, указывал В. И. Ленин в своих знаменитых «Письмах из далека», на-

* Несколько позднее В. И. Ленин указывал, что «каковы бы ни были субъективные «благие» намерения Троцкого и Мартова, объективно они своей уклончивостью поддерживают русский социал-империализм» (В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 30, стр. 58),

писанных в марте 1917 года. Эта война должна превратиться в войну гражданскую между противостоящими классами. Такое превращение начато февральско-мартовской буржуазно-демократической революцией в России. «...Всякий крутой поворот истории, — подчеркивалось в «Письмах из далека», — всякая революция в том числе, дает такое богатство содержания, развертывает *такие неожиданный-своеобразные сочетания форм борьбы и соотношения сил борющихся* (выделено мною. — Я. П.), что для обывательского разума многое должно казаться чудом»²¹⁵.

Резкое ухудшение положения трудящихся масс, разруха, голод, вызванные империалистической войной, подавление политических свобод, попытки установить контрреволюционную диктатуру буржуазии и помещиков — вот те объективные факторы, которые в 1917 году толкали трудящихся России к отходу от буржуазных и мелкобуржуазных партий и переходу на сторону подлинно революционной партии — партии Ленина.

Ярким проявлением размежевания революционных и контрреволюционных сил был отход широких слоев крестьянства от буржуазных и мелкобуржуазных партий, их переход на сторону большевиков. Крестьянство на своем собственном опыте убеждалось, что оно ничего не может получить от буржуазного Временного правительства: ни земли, ни хлеба, ни мира. В стране поднималось мощное революционное движение крестьян, повсеместно развертывались крестьянские партизанско-повстанческие выступления. Пламенный язык восстаний лучше всего передавал революционный характер настроения крестьянства, его переход на сторону революции. «...Самый крупный факт современной жизни в России, — писал В. И. Ленин накануне Октябрьского вооруженного восстания, — есть *крестьянское восстание*. Вот объективный, не словами, а делами показанный переход народа на сторону большевиков»²¹⁶.

Продолжение Временным правительством губительной империалистической войны революционизировало также и широкие массы солдат, тех же рабочих и крестьян, переодетых в военную форму. Армия отказывалась выполнять преступные планы генералитета, перестала быть твердой и надежной опорой буржуазного строя. Широкие массы солдат и матросов, изнуренных войной, переходили на сторону большевиков.

Поляризация революционных и контрреволюционных сил привела к созданию широкого, мощного фронта сторонников социалистической революции, руководимых рабочим классом и его коммунистическим авангардом. Важнейшим элементом революционной ситуации второй половины 1917 года являлось массовое революционное движение, рост политической активности трудящихся, создание могучей армии социалистической революции. В конце сентября 1917 года В. И. Ленин писал: «Большинство народа за нас»²¹⁷. При этом он подчеркивал, что за большевиков выступают наиболее активные революционные элементы народа. В стране полыхало крестьянское восстание, постоянно происходили стачки, забастовки, грандиозные демонстрации и манифестации, повсюду ширилось всенародное брожение, направленное против существующего строя. Все эти симптомы, писал В. И. Ленин в статье «Кризис назрел», указывают «на то, что общенациональный кризис назрел», показывают наличие «глубочайшего поворота в общенациональном настроении», что «мы в большинстве в стране...»²¹⁸.

Таким образом, в итоге огромного комплекса мероприятий, проделанных В. И. Лениным и руководимой им партией большевиков за период 1905—1917 гг., в России были созданы все материальные предпосылки для победоносного вооруженного восстания. В числе важнейших из них являлось то, что трудящиеся массы во всех отношениях были непосредственно подведены к восстанию. Выражаясь словами В. И. Ленина, в стране был налицо субъективный фактор социалистической революции, т. е. «способность революционного класса на революционные массовые действия»²¹⁹. В качестве реальной вооруженной силы рабочий класс и его партия имели свое детище — Красную гвардию, которая в 1917 году составила костяк революционной армии*. Отряды Красной гвардии находились в революционной готовности почти во всех промышленных центрах страны: в Петрограде, Москве, Центральном про-

* Революционная армия, указывал В. И. Ленин, представляет собой военную силу «революционного народа (а не народа вообще), которая состоит: 1) в вооруженном пролетариате и крестьянстве, 2) в организованных передовых отрядах из представителей этих классов, 3) в готовых перейти на сторону народа частях войска. Взятое все вместе, это и составляет революционную армию» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 11, стр. 365).

мышленном районе, на Кавказе, в Донбассе, на Урале, в Саратове, Царицыне, Минске и других городах. Под руководством Военной организации при ЦК РКП(б) и местных партийных организаций они были укомплектованы по производственно-профессиональному принципу строго на добровольных началах. Характерно, что в рядах Красной гвардии было немало участников партизанско-повстанческих действий 1905—1907 и последующих годов. Перед Великим Октябрем красногвардейские отряды насчитывали около 200 тысяч бойцов и командиров²²⁰. Вместе с революционными солдатами и матросами красногвардейцы являлись ударной силой пролетарской революции.

* * *

Взяв военно-теоретическое наследие К. Маркса и Ф. Энгельса не как догму, не с целью приспособить его к повседневной российской революционной практике, а как руководство к действию в самом широком смысле, В. И. Ленин в новую историческую эпоху проанализировал, глубоко и всесторонне раскрыл социально-классовую природу партизанской войны, источники ее силы и мощи, методы и приемы партизанских действий. Народное партизанское движение с его потенциальными задатками всегда возникает из объективных революционных предпосылок, неизменно принимает сознательный политический характер. Оно требует, указывал В. И. Ленин, определенной экономической и социально-политической ситуации: волюнтаристская и военно-техническая стороны никогда не могут сами по себе заменить конкретно-исторические условия. Бессознательные же классовые выступления не всегда можно подвести под понятие партизанской войны, даже если они приобретают и носят отдельные ее черты. Революционная партизанская борьба, а следовательно, и ее наиболее развитая, высшая форма — война, теснейшим образом связана с общенациональным революционным кризисом, является результатом движения масс, представляет собой решительное столкновение антагонистических классов.

Самой главной, определяющей чертой партизанской борьбы, перерастающей в соответствующих условиях в массовое движение (войну), является, по мнению В. И. Ленина, ее глубокая народность, участие в ней трудовых масс, осознавших настоятельную необходимость социально-

го переустройства общества. Без этого последнего условия невозможно увлечь «большинство народа» с позиций благожелательного созерцания этой борьбы на путь активного участия в революции. Само собой разумеется, что процесс завоевания большинства масс, подчеркивал В. И. Ленин, надо рассматривать в динамике, в диалектическом единстве массы и политического авангарда, а не впадать в бланкизм и оппортунизм. Это результат комплексного взаимодействия программы, агитации и революционных действий политического авангарда рабочего класса, который помогает трудящимся массам учиться на собственном опыте, а не бездействовать в ожидании кризиса или стихийного взрыва возмущения.

В каких бы сложных социально-политических условиях партизанская война ни велась, она постоянно втягивает в борьбу широкие слои населения и тем самым создает благоприятные возможности для революционной пропаганды и агитации среди трудящихся, для революционного творчества самих масс, для выбора разнообразных форм и приемов действий и места сосредоточения патриотов. Собственный опыт масс, участвовавших в партизанской войне, выковывал их высокую политическую сознательность, помогал им выпрямиться во весь рост, развернуть свои силы, вырабатывал непреклонное желание сражаться до победного конца, до полного свержения прогнившего буржуазного строя, возбуждал и воспитывал в них чувства гнева и негодования, священный огонь ненависти к эксплуататорам, без чего невозможна победа социалистической революции.

Одно из преимуществ партизанской войны В. И. Ленин видел в безграничных возможностях пополнять действующие отряды и дружины людьми и оружием, расширять фронт народного движения путем вовлечения в него все новых и новых контингентов. К числу прерогатив партизанской войны он относил и то, что партизанско-повстанческие отряды и боевые дружины обладают огромными возможностями для маневра и нанесения неприятелю быстрых и внезапных ударов. Все это — ленинские характеристики партизанского движения.

Подобно Марксу и Энгельсу, В. И. Ленин был чужд односторонности в подходе к исторической действительности, более сложной, богатой и многообразной, чем серая и сухая схема, которой оперировали западноевропейские ревизионисты и оппортунисты, с одной стороны, и предста-

вители мелкобуржуазных партий и анархистов России — с другой. Владимир Ильич не ограничивал партизанское движение ни организационными формами и приемами борьбы, ни количеством участников и их вооруженностью, ни географически. Анализируя различные способы и приемы партизанских действий, В. И. Ленин особое внимание обращал на их активность и наступательность. Он отмечал, что действия партизанско-повстанческих отрядов, боевых дружин и отдельных партизан-боевиков, если они ведутся в подходящий момент и тесно связаны с массами, не дают противнику покоя, парализовывают промышленную жизнь, останавливают всю машину местного самоуправления, создают по всей стране тревожное состояние. Никакое государство, подчеркивал он, не выдержит длительное время этой упорной борьбы. Партизанское движение — естественный продукт определенных исторических условий. Оно представляет собой неотъемлемую и «неизбежную» часть общего хода революции.

В. И. Ленин всесторонне обосновал объективную необходимость партийного руководства партизанским движением. Он со всей решительностью подчеркивал, что партийное руководство — основное и непреложное условие успеха революционной партизанской борьбы. Политический авангард согласовывает партизанские действия со своей программой вооруженного восстания, ориентирует партизан и повстанцев в исторической обстановке, указывает классовую цель. Партийное руководство придает партизанскому движению идейность, организованность и целенаправленность, облагораживает его просветительным влиянием социализма.

В работе «Партизанская война» В. И. Ленин писал, что во время острейших битв с реакционными силами «идеалом партии пролетариата является *воюющая партия*»²²¹. Большевицкая партия в интересах единого стратегического плана должна согласовывать и увязывать народные партизанские действия с революционной тактикой, т. е. тактикой, поставленной на службу стратегии, тактикой, связанной с перспективой, с подготовкой кадров революционных бойцов, с овладением всеми формами и приемами классовой борьбы.

В. И. Ленин неизменно настаивал, чтобы каждая социал-демократическая организация в ответственные исторические периоды наряду с общеполитическим руковод-

ством борьбой, с выполнением чисто партийных функций одновременно являлась бы и боевой ячейкой, шла в авангарде движения. Партия большевиков как авангард пролетариата, указывал В. И. Ленин, доказавшего в ходе революции свою способность выполнить роль вождя в массовой борьбе, обязана всеми мерами содействовать тому, чтобы эта роль осталась за пролетариатом, *«обязана всеми силами стремиться к гегемонии над демократической массой и к развитию в этой массе революционной энергии»*²²².

Вся история освободительной борьбы пролетариата России, весь опыт трех русских революций убедительно подтвердили великую жизненную силу этого ленинского положения.

Революционное
партизанство —
важный фактор
победы
в годы
гражданской
войны
и иностранной
военной
интервенции

Все силы и средства страны на дело революционной обороны

С новой силой проявились мобилизующая и направляющая роль Коммунистической партии и гений В. И. Ленина как выдающегося политического деятеля и военного стратега в период гражданской войны и иностранной военной интервенции. В дни величайшей опасности, нависшей над молодой республикой Советов, он сформулировал и всесторонне обосновал одну из общих закономерностей победоносной социалистической революции и социалистического строительства — необходимость защиты завоеваний Великого Октября от покушений внешних и внутренних врагов *. «Всякая революция, — указывал В. И. Ленин, — лишь тогда чего-нибудь стоит, если она умеет защищаться...»¹ Руководимая им партия коммунистов в деталях разработала и настойчиво претворяла в жизнь мероприятия по созданию оборонной мощи социалистического государства, предусмотрев организацию боеготовой регулярной армии, сплочение в единый военный лагерь фронта и тыла, формирование и обучение войсковых пополнений, поведение и задачи советских людей, партийных и общественных организаций в случае вынужденного отхода под напором превосходящих сил противника и др.

Являясь одновременно Председателем Совнаркома — высшего правительственного органа Советской Республики, бессменным руководителем Совета Рабочей и Крестьянской Обороны, постоянным членом Центрального Комитета партии, его Политического бюро, В. И. Ленин, таким

* Теоретически проблема защиты страны победившего социализма была решена В. И. Лениным еще до Октябрьской революции. Эта проблема составляет важнейший элемент ленинской теории социалистической революции (см.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 13, 133—134).

образом, воплощал собой удачное сочетание партийного и советского руководства всей жизнью страны. Совмещение этих высоких постов позволяло ему принимать самое деятельное участие в разработке коренных вопросов политической и военной стратегии, обеспечивать тесную связь и наиболее полный контакт между партийно-советскими органами и учреждениями в центре и на местах, вникать во все стороны деятельности Главного командования Красной Армии и оставшихся во вражеском окружении коммунистов, возглавлявших всю революционно-освободительную борьбу в тылу противника. Партийные и советские работники, а также профессиональные военные всегда поражались той необычной глубине и скорости, с какими В. И. Ленин ориентировался в самых трудных для молодой Советской Республики ситуациях. «...Ленин,— указывал в своих воспоминаниях М. Д. Бонч-Бруевич,— не будучи военным, но живо интересуясь всем происходящим, очень быстро схватывал создавшуюся обстановку и очень быстро делал соответствующие выводы»².

Скупые строки партийных документов и военных депеш, а также современники * тех грозных и величественных дней свидетельствуют, что вождь партии и народа наряду с осуществлением общеполитического руководства борьбой в захваченных противником районах страны с исключительным вниманием вникал во все «мелочи» организации, руководства и координации партизанского движения, принимал меры по обеспечению отрядов оружием и снаряжением, подвергал серьезнейшему анализу все имеющиеся в его распоряжении данные о действиях пар-

* Например, Л. А. Фотиева, работавшая в первые годы Советской власти в качестве секретаря Совнаркома и Совета Оборона и одновременно являвшаяся личным секретарем В. И. Ленина, в своих воспоминаниях указывает на необыкновенно обширную военную переписку Владимира Ильича. «По почте, по телеграфу, по прямому проводу,— пишет Л. А. Фотиева,— он посылал свои запросы на места, требовал точных сведений и отчетов, давал указания и товарищеские советы, предостерегал от ошибок, от чрезмерного оптимизма и недооценки сил противника, поздравлял с победой. За 1918—1920 гг. В. И. Ленин направил на места около 500 писем и телеграмм по вопросам обороны и укрепления тыла, адресованных... в более чем 97 населенных пунктов. А сколько еще было его телеграмм по вопросам обороны, адресованных «Всем губкомам и всем губисполкомам», сколько указаний было дано им по телефону или при личных беседах!» (Л. Фотиева. Из жизни В. И. Ленина. М., 1967, стр. 65).

тизан. Глубокий интерес В. И. Ленина к этому вопросу обуславливался прежде всего тем, что массовая регулярная армия социалистического типа молодой республики Советов как орудие диктатуры пролетариата только начинала создаваться и крепнуть. Стихийно же возникшая в порядке самообороны (и только потом втянутое в русло партийного руководства), в защиту первого в мире государства рабочих и крестьян борьба красных партизан на разных этапах гражданской войны во многих районах страны перерастала во всеобщее движение, выливалась в вооруженное восстание, в войну широких народных масс. Обращая внимание на этот факт, В. И. Ленин в своем выступлении на пленуме Всероссийского Центрального Совета Профессиональных Союзов 11 апреля 1919 года говорил: «Я позволю себе коснуться несколько разных эпох по отношению к нашим военным задачам. Первую нашу военную задачу, которая стоит перед нами, мы решали тем же партизанским нерегулярным восстанием (подчеркнуто мною.— Я. П.), как сейчас на Украине решают тамошние товарищи. Там мы имеем не столько войну, сколько партизанское движение и стихийное восстание. ...Она [Украина] не перешла от периода партизанщины и стихийных восстаний к регулярной армии...»³

Вооруженные силы партизан и повстанцев*, действовавших в тылу противника, представляли огромный военный лагерь, который в ряде районов страны перерастал в устойчивые боевые партизанские фронты: Алтайский, Тасеевский, Восточно-Забайкальский, Амурский, Сучанский, Уссурийский — на Востоке; Кубанский, Ставропольский, Дербентский — на юге; Гомельско-Черниговский — в районе украинско-белорусского Полесья, и т. д. Партизаны освобождали значительные территории, на которых явочным порядком восстанавливалась Советская власть. Возни-

* Руководство партизанством войскового типа — выделенные из состава регулярных войск боевые единицы для рейдирующих или кратковременных военных действий в тылу противника или на его флангах — в интересах более четкого изложения материала в настоящей работе не рассматривается. Такие партизанские подразделения в большинстве своем действовали в соответствии с заранее разработанным планом. Вся их работа строилась на основе воинской выучки и дисциплины, воинских организационных штатов: отделение, взвод, рота, батальон, полк и т. д. Подчинялись и подотчетны они были, как правило, командованию Красной Армии.

кали целые освобожденные районы и советские республики: Рудобельская — в Белоруссии, Донецкая — на Украине, Тассеевская и Степно-Баджейская — в Сибири, Дальневосточная — на Дальнем Востоке и т. д.

Партизанская тактика и сложившаяся на базе революционной самодеятельности масс в первые месяцы существования Советской Республики добровольческая система формирования боевых сил революции в виде красногвардейских отрядов и партизанских подразделений были неизбежными и единственно возможными в период «красногвардейской атаки» на капитал. «Надо понять то,— говорил В. И. Ленин,— что когда идет восстание за Советскую власть, партизанство необходимо»⁴.

Эти ленинские взгляды в качестве руководящих указаний полностью разделяли и творчески претворяли в практику как ответственные партийно-советские работники, так и местные партийцы, видные военачальники периода гражданской войны и вооруженной иностранной интервенции. Например, один из активных организаторов и строителей Красной Армии С. И. Гусев в статье «Уроки гражданской войны» указывал, что «на другой день после социальной революции, в условиях отсутствия определенной, точно фиксированной линии фронта, ...в силу классовой обстановки гражданская война богата партизанскими действиями (местные восстания в тылу)»⁵, которые партия большевиков умело использовала в борьбе с объединенными силами взявшихся за оружие внутренних и внешних врагов Страны Советов.

Превратившись в особый вид активных революционных выступлений против интервентов и внутренней контрреволюции, партизанское движение и народные восстания, наряду с боевыми действиями красногвардейских отрядов и первых регулярных частей Красной Армии, играли исключительно важное военно-политическое значение. Они носили черты величайшей, поистине народной революции.

Выдающийся деятель Коммунистической партии и Советского государства, крупнейший военный теоретик М. В. Фрунзе еще в период гражданской войны обращал внимание на тот факт, что историю революционного партизанства, а также накопленный у нас огромный опыт по ведению и руководству народной партизанской войной, по борьбе с антисоциальными явлениями, с накипью в партизанском движении необходимо должным образом изучать

и обобщать, дабы можно было извлечь из него уроки на будущее. «Действия партизан в Сибири, — подчеркивал М. В. Фрунзе, — борьба в казацких областях, «басмачество» в Туркестане, «махновщина» и вообще бандитизм на Украине и пр. представляют необъятное поле для изучения и получения соответствующих обобщений теоретического порядка. Но обязательным условием плодотворности этой идеи «малой войны», повторяю, является заблаговременная разработка ее плана и создание всех данных, обеспечивающих успех ее широкого развития...»⁶

Центральный Комитет партии, Советское правительство и В. И. Ленин, стоявший во главе обороны страны, наряду с созданием Вооруженных Сил победившего пролетариата (а решение этого вопроса требовало довольно длительного времени и на первых порах было сопряжено со многими трудностями *) предпринимали все от них зависящее, чтобы революционно-освободительному партизанскому движению придать строго организованный характер, сделать его массовым и управляемым. ЦК РКП(б) и лично В. И. Ленин не только давали директивы и указания, руководили разработкой и осуществлением стратегических планов, но и постоянно вникали в вопросы оперативного искусства. Они принимали необходимые меры к тому, чтобы партизанская борьба велась под руководством партии большевиков и шла в интересах Советов, чтобы действия крупных партизанских формирований во вражеском тылу непременно увязывались с боевыми действиями наступающих с фронта войск Красной Армии.

Творчески развивая теорию марксизма, В. И. Ленин подчеркивал, что революционная практика является лучшим средством борьбы против догматизма, абстрактности, отрыва теории от жизни. Он показал, что теория не долж-

* Выдающийся советский полководец М. Н. Тухачевский так характеризовал первые регулярные части Красной Армии: «Сотни и тысячи отрядов самой разнообразной численности, физиономии, дисциплины и боеспособности — вот внешний вид нашей Красной Армии до осени 1918 года» («Герои гражданской войны». М., 1963, стр. 16). На слабую техническую оснащенность и не весьма высокий уровень боевой подготовки первых подразделений Красной Армии указывал также и сам Владимир Ильич Ленин. «Красная Армия — безусловно великолепный боевой материал, но материал сырой, необработанный», — писал он 1 марта 1918 г. (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 409).

на быть догмой, что она «окончательно складывается лишь в тесной связи с практикой действительно массового и действительно революционного движения»⁷, что с Октябрьской революцией «наступил именно тот исторический момент, когда теория превращается в практику, оживляется практикой, исправляется практикой, проверяется практикой...»⁸.

С целью осуществления конкретного руководства партизанскими силами на первоначальном этапе борьбы с внутренними и внешними врагами республики Советов при оперативном отделе Народного комиссариата по военным и морским делам (Опероде *) по указанию В. И. Ленина был создан Центральный штаб партизанских отрядов (ЦШПО). После подписания Брестского мира, когда в стране начало широко разворачиваться военное строительство, ЦШПО был переименован в Особое разведывательное отделение Оперода. Ленинская идея централизации и упорядочения управления партизанско-повстанческой борьбой на ее ранней ступени получила, таким образом, практическое воплощение. По рекомендации В. И. Ленина начальником Центрального штаба партизанских отрядов был назначен помощник комиссара Балтийского флота П. И. Шишко — бывший гельсингфорский матрос с миноносца «Достойный», член ЦИК первых двух созывов. Его помощником стал политический комиссар при главном военном инструкторе Петроградского района — потомственный революционер А. И. Ковригин, которого Владимир Ильич знал лично по Петрограду в период Октябрьского вооруженного восстания⁹.

Центральный штаб партизанских отрядов (а затем Особое разведывательное отделение) на основании ленинских указаний и рекомендаций разрабатывал и представлял в Оперод свои соображения по организации партизанских формирований и их боевому использованию. После утверждения Оперодом представленных предложений штаб с помощью курьеров и специальных связных рассылал конкретные директивы местным партийным и совет-

* Оперод был создан в январе 1918 г. Осуществлял общее руководство боевыми действиями на фронтах гражданской войны и до создания полевого штаба Революционного Военного Совета Республики (РВСР) — 2 сентября 1918 г. играл, по сути, роль Генерального штаба Красной Армии. В октябре 1918 г. Оперод вошел в состав штаба РВСР.

ским организациям и непосредственно партизанско-повстанческим отрядам.

Для оказания действенной помощи партизанам и повстанцам при Особом разведывательном отделении А. И. Ковригиным была организована специальная краткосрочная школа подрывников. В этой школе проходили военную и политическую подготовку также прибывавшие в центр за конкретными указаниями и материальной помощью периферийные партизаны и повстанцы. Тренировка курсантов проводилась днем и ночью. В распоряжении обучающихся имелось два полевых орудия, винтовки и пистолеты. Занятия по изучению материальной части оружия проходили в закрытом помещении, а для получения практических навыков будущие партизаны выезжали за город.

Поскольку среди курсантов партизанской школы находились временные попутчики и союзники большевиков, особенно из числа прибывавших с мест, а также представители других политических партий (например, меньшевики и левые эсеры), то это накладывало исключительно большую ответственность на большевистскую ячейку школы, ее руководящий состав и преподавателей. Учитывая это обстоятельство, партийно-руководящее ядро особое внимание уделяло целенаправленной политической работе со слушателями школы, подбирало на пост командиров групп и отрядов наиболее стойких и преданных делу революции товарищей. Вопросами финансирования партизанской школы и лиц, которым предстояло после ее окончания действовать в неприятельском тылу, в большинстве случаев занимался секретарь ЦК РКП(б) Я. М. Свердлов¹⁰.

В конце 1918 года по предложению Центрального Комитета РКП(б) накопленный опыт партизанской войны был обобщен в новом Полевом уставе Красной Армии (часть I-я, Маневренная война). В устав ввели специальный раздел «Партизанские действия». В нем указывалось, что основной задачей партизанских действий «является нанесение противнику возможно большего материального вреда и поселение у него в тылу беспорядка и замешательства, а также порчи его коммуникационных путей для прекращения подвоза к фронту и отвлечения возможно больше сил противника для охраны тыла»¹¹.

Несколько позднее, в первой половине 1919 года, обобщая опыт освободительной борьбы в тылу белогвардейцев

и интервентов, авторитетной комиссией из числа партийно-советских работников и военных специалистов была разработана специальная «Инструкция по организации местных партизанских отрядов»¹². В ее основу легли марксистско-ленинские идеи о роли народных масс в революционно-освободительной борьбе. Инструкция давала общие указания и рекомендации местным большевистским организациям, как лучше использовать разведывательные возможности партизан, как осуществлять нападения на казачьи эскадроны, уничтожать гарнизоны и телефонную связь противника, совершать поджоги на железнодорожных станциях и т. д. Главным, на что акцентировалось внимание в этом документе, являлось то, что ревкомы, местные партийные и советские организации ориентировались на развертывание в неприятельском тылу широкой партизанско-повстанческой войны. «Партизанскими отрядами,— говорилось в инструкции,— должна быть покрыта, по возможности, вся территория в тылу противника. Только дерзкие и решительные действия имеют шансы на успех и окажут существенную помощь Красной Армии»¹³. С этой целью следует «развить **широкую агитацию** в крестьянских и рабочих массах о наиболее приемлемых способах и приемах борьбы с противником», вселять в них твердую уверенность, что сотнями дерзких налетов и внезапных нападений многочисленных отрядов, созданных на строго добровольных началах, можно не только утомлять и дезорганизовывать, но и существенно ослаблять врага. Необходимо, указывалось в инструкции, чтобы «**массы, имея перед собой пример деятельности местных отрядов, сами создавали многочисленные партизанские отряды**»¹⁴.

Первоначально такие территориальные партизанско-повстанческие отряды призваны были решать задачи преимущественно оборонительного и разведывательного порядка. В оперативно-тактическом отношении они действовали самостоятельно, без вмешательства со стороны командования воинских подразделений, но поддерживая с ними тесную связь. Подразделения партизан-повстанцев непосредственно подчинялись ревкомам, а при их отсутствии — местным Советам и партиейкам. Ревкомам, Советам и партиейкам (а в условиях вражеского тыла — подпольным парторганами) как проводникам политической линии большевистской партии предписывалось вооружать

партизан, подбирать командный состав, следить за тем, чтобы местные отряды, сильные своей неразрывной связью с массами, многочисленностью и мобильностью, преждевременно и без особой нужды не превращались в громоздкие единицы, не становились малоподвижными.

Трижды по указанию В. И. Ленина за 1919—1921 гг. переиздавалась работа В. Н. Клембовского «Партизанские действия», выпущенная в свет в 1894 году. Дополненная данными о партизанах периода первой мировой войны, книга служила своеобразным пособием для организаторов и руководителей партизанской борьбы в тылу противника.

Все это значило, что комплексом мероприятий и действий, связанных с революционным партизанством, Коммунистическая партия добивалась главного: чтобы партизанская борьба развивалась строго в интересах Советов, выходила за рамки чисто боевых действий, чтобы «малая война», тесно сочетаясь с политической борьбой, повлекала для разрешения революционных вопросов широкие народные массы и на определенном этапе переходила в новое качество — превращалась в организованное, подлинно народное движение, возглавляемое и направляемое партийно-советскими органами. В зависимости от условий боевой обстановки, численности и вооруженности партизан, накала и размаха борьбы с контрреволюцией и интервентами рекомендовалось ставить партизанам задания оперативного порядка. Практика показала, что с подобными заданиями они справлялись успешно.

Умело защищать социалистическое Отечество

Следует, однако, подчеркнуть, что из всех задач, которые на разных этапах гражданской войны ставились перед партизанами и повстанцами ЦК партии, Советским правительством и В. И. Лениным *, основ-

* Общеизвестно, что нет ни одного вопроса, связанного с историей героической борьбы советских людей против интервентов и белогвардейцев, начиная с решения основных, стратегических задач и кончая проблемами вооружения и снабжения армии, организации освободительной войны в тылу врага, в решении которых главная роль не принадлежала бы В. И. Ленину, стоявшему во главе первого в мире государства рабочих и крестьян. Эта огром-

ными являлись — всемерное содействие молодой Красной Армии, согласование боевых выступлений партизан с целями и задачами регулярных войск. «Вся работа партизан, — подчеркивал в своих воспоминаниях С. И. Аралов, — подчинялась интересам Красной Армии и должна была согласовываться с ее боевыми целями. Владимир Ильич требовал от нас [работников Оперода] всемерного содействия партизанам оружием, боеприпасами, взрывчатыми веществами, деньгами, опытными кадрами. Он требовал

ная, поистине титаническая деятельность Председателя Совета Обороны нашла отражение в многочисленных ленинских произведениях и документах периода гражданской войны, в воспоминаниях его соратников. Все это общедоступно, в том числе и буржуазным авторам. Однако до сих пор под видом «новых» результатов «научных исследований» — этот поток зарубежной литературы о Ленине особенно усилился в связи с 50-летием Великого Октября, 100-летием со дня рождения В. И. Ленина и 50-летием образования СССР — широкому кругу читателей предлагались самые разнообразные «аргументированные» оценки деятельности Владимира Ильича, в том числе и в годы гражданской войны. При всем их различии можно выделить несколько общих точек зрения, вскрыть определенные тенденции.

Одна из них состоит в следующем: Ленин как руководитель разгрома внутренней контрреволюции и иностранной интервенции создан-де значительно позже, уже после его смерти. Об этом, в частности, пишет английский историк Д. Эрикссон. «Военный Ленин», — пишет он, — подобно самому «ленинизму», был создан ретроспективно, по политическим мотивам...» (J. Erikson. Lenin as Civil War Leader.— В кн.: «Lenin. The Man, the Theorist, the Leader». London, 1967, p. 159).

Но ведь хорошо известно, что уже у истоков создания партии нового типа, когда была поставлена задача установления диктатуры пролетариата, В. И. Ленин со всей настоятельностью привлек внимание большевиков к военным вопросам. При этом он указывал, что партия большевиков никогда не должна опускаться до «игры в военные заговоры», а самым обстоятельным образом заниматься военными проблемами. Поставив эту задачу перед партией, Ленин сам показал пример и образец усвоения военного опыта прошлого. Но он не только прибегал к военному опыту, не только обобщал его теоретически, но и принимал самое активное участие в практике военного дела. Выше нами показано, что еще в революции 1905—1907 гг. Владимир Ильич руководил военными и боевыми организациями партии, составлял практические инструкции по боевой подготовке рабочих отрядов и дружин, рекомендовал изменения в тактику (например, об использовании баррикад после опыта декабрьского вооруженного восстания в Москве). Именно Ленину принадлежат обобщающие положения о значении партизанской войны. Но, разумеется, полководческое его искусство особенно ярко и широко проявилось в годы гражданской войны, потребовавшей напряжения всех сил трудящихся страны Советов.

также обязательной, самой тесной связи наших товарищей с подпольными большевистскими организациями в тылу врага»¹⁵.

В то трудное время вождь партии и глава государства неоднократно указывал, что в деле защиты социальных завоеваний рабочих и крестьян необходимо использовать буквально все силы и средства, все богатство революционных форм и приемов борьбы с врагами трудового народа. «Умейте защищать ваше отечество»¹⁶, — призывал трудя-

Другая предвзятая тенденция современной буржуазной историографии заключается в том, что будто бы Ленин был лишь вождем Октября и что он вовсе не знал, как можно отстоять завоевания революции. Так, Дж. Кип в статье «Ленин как тактик» цитируемой нами книги пишет: «Горькая правда состоит в том, что Ленин знал, как взять власть, но не знал, как можно ею распорядиться» (J. Keep. Lenin as Tactician.— Ibidem, p. 153). Свое высказывание сей «ученый муж» стремится прикрыть маской «объективности», соглашаясь с тем, что Ленин был руководителем восстания в Петрограде, но отказывая ему в позитивной цели завоевания власти. Не считая нужным полемизировать с автором, мы лишь напомним, что цель завоевания власти большевиками исключительно четко была определена В. И. Лениным накануне пролетарской революции: избавление народа от оков капитализма, построение социалистического общества.

Все эти «положения» буржуазной историографии, служащие отправной точкой для «определения» роли В. И. Ленина в руководстве борьбой советского народа в годы гражданской войны и империалистической интервенции, отнюдь не являются новыми. На протяжении многих десятилетий фальсификаторы истории Советской страны упорно твердили (правда, не приводя сколько-нибудь весомых доказательств), будто бы В. И. Ленин утверждал, что победившая социалистическая революция в России немедленно вызовет мировую революцию. Но ведь общеизвестно, что Владимир Ильич всегда учил, что Великий Октябрь — лишь начало, составная часть пролетарской революции в мировом масштабе. Однако он никогда не считал, что установление Советской власти в России немедленно и автоматически вызовет международную революцию. Более того, именно В. И. Ленин осудил и решительно выступил против «левых коммунистов» и Троцкого, строивших пагубные расчеты на перманентную революцию, без которой российская революция якобы обречена на провал. Повторять эти старые измышления о «порочности» ленинской стратегии в наши дни, когда сотни миллионов людей идут по пути социализма, значит расписываться в своем полном невежестве. Позволительно спросить: у кого еще, как не у В. И. Ленина, можно найти столь яркие подтверждения предвидения хода развития мировой истории?

Картина современного мира со всей полнотой подтверждает точность социально-политического анализа В. И. Ленина и основанных на нем прогнозов. «Как ни противоречива картина мира в наши дни, — отмечал Л. И. Брежнев в докладе на торжественном

щихся В. И. Ленин. Ибо с пролетарской точки зрения «гегемония в войне принадлежит тому, кто борется всех энергичнее, кто пользуется всяким поводом для нанесения удара врагу»¹⁷. И политический авангард пролетариата — партия коммунистов в своей политике и практической деятельности свято следовала существу ленинских призывов и указаний. Создавая и укрепляя регулярную Красную Армию, партия предпринимала решительные меры к тому, чтобы в тылу противника полыхало пламя народной вой-

заседании, посвященном столетию со дня рождения Владимира Ильича Ленина, — главные ее черты, главная, решающая тенденция развития именно таковы, как предвидел Ленин» (Л. И. Брежнев. Ленинским курсом. Речи и статьи, т. 2. М., 1970, стр. 585).

Абсолютно не выдерживает никакой критики и такое преднамеренное умаление роли В. И. Ленина, встречающееся в работах зарубежных авторов: Ленин политик, а не военный стратег. Уже приводимый нами Эриксон утверждает: «Для Ленина война оставалась... комбинацией военной, экономической, дипломатической и психологической деятельности. Будучи последователем Клаузевица, он полностью признавал тезис о том, что «война есть политика, продолжающаяся другими средствами. ...Ленин позволял себе отвлекаться от чисто военно-технической стороны дела. Многие из его «военной деятельности» имело поэтому весьма невоенный вид...» (J. Erikson. Lenin as Civil War Leader.— Ibid., pp. 180, 182).

Закономерно возникает вопрос: поскольку В. И. Ленин считал войну комбинацией ряда факторов, то как можно противопоставлять один из этих факторов другим? Но ведь сила ленинского военного гения как раз и состояла в цельности его учения о войне.

У некоторых буржуазных авторов отчетливо прослеживается их стремление «оторвать» В. И. Ленина от политического авангарда трудящихся — партии коммунистов. При этом нередко используется и такой прием: В. И. Ленина объявляют великим, талантливым руководителем, но действующим в одиночку. По утверждению американского историка Л. Фишера, в период гражданской войны и иностранной интервенции Владимир Ильич «действовал как военно-политический штаб, состоящий из одного человека» (L. Fischer. The Life of Lenin. New York — London, 1964, p. 150).

Для Фишера осталось книгой за семью печатями не только существо самого Ленина как гениального мыслителя и величайшего практика эпохи, но и созданной им партией нового типа. Если лидеры II Интернационала лишь пустозвонили о революционных действиях народных масс, о необходимости готовить вооруженное восстание, то руководимая В. И. Лениным партия большевиков открыто провозгласила в своей программе установление диктатуры пролетариата, осуществила ее на практике и обеспечила защиту завоеваний Октября. «Само мировоззрение партии неуклонно вело к тому, — справедливо подчеркивает крупнейший советский историк-октябрист академик И. И. Минц, — что Ленин был не только теоретиком, не только обобщил военный опыт, но и вместе с партией практически руководил всей борьбой по разгрому интервентов

ны, вовлекала в патриотическое движение все, что было честное и революционное в пролетарской массе городов и деревень.

Связь с действующими в тылу подпольными партийными органами и партизанско-повстанческими формированиями в основном осуществлялась с помощью специальных ходоков и курьеров, которые направлялись из Центра в тыл врага через пропускные пункты. Такие пункты существовали в районах Сенно Смоленской губернии, Почена Черниговской губернии, а также в Псковской губернии; в районе боевых действий 6-й армии, а позднее — 3-й, 4-й и 5-й армий Восточного фронта и в других местах¹⁸.

При изучении самого процесса развития, а также осуществления партией практического руководства партизанским движением в период гражданской войны обращает на себя внимание та постоянная и необычайно глубокая

и белогвардейцев. Еще перед Октябрем, призывая партию к организации вооруженного восстания и предвидя неизбежность сопротивления врагов победившей революции, Ленин писал, что в случае войны «мы будем самой «военной» партией, мы поведем войну действительно революционно» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 245). И с самого начала этой революционной войны он стал ее руководителем» (Цит. по кн.: «Из истории гражданской войны и интервенции 1917—1922 гг.». М., 1974, стр. 14). В годы борьбы с внутренней и внешней контрреволюцией не было ни одного военного вопроса, который бы не решался Лениным совместно с Центральным Комитетом партии. В марте, выступая на VIII съезде партии, Владимир Ильич говорил: «На каждом заседании ЦК по каждому крупному вопросу стратегии, — не было ни разу, чтобы не было заседания ЦК, либо Бюро ЦК — ни разу не было, чтобы мы не решали основные вопросы стратегии» («Ленинский сборник», XXXVII, стр. 137).

Тенденция исказить, умалить величие ленинского военного гения прослеживается и у ряда других буржуазных историографов. А отсюда перед советскими учеными-обществоведами со всей очевидностью встает задача: ни в коей мере не ослаблять, а постоянно, систематически разоблачать любого рода инсинуации буржуазных фальсификаторов, как святыню беречь в чистоте и непоколебимости имя, дела и бессмертное учение великого Ленина. Эта задача четко сформулирована Л. И. Брежневым в Отчетном докладе на XXIV съезде КПСС. «Мы живем, — говорил Л. И. Брежнев, — в условиях неухающей идеологической войны, которую ведет против нашей страны, против мира социализма империалистическая пропаганда, используя самые изощренные приемы... Долг наших работников пропагандистского, агитационно-массового фронта — давать своевременный, решительный и эффективный отпор этим идеологическим наскокам... И делать это надо убежденно, убедительно, доходчиво и ярко» (Л. И. Брежнев. Ленинским курсом. Речи и статьи, т. 3. М., 1972, стр. 296).

озабоченность, с которой ЦК партии и В. И. Ленин относились к вопросу организации и успешному ведению народной борьбы в тылу противника, снабжению партизан и повстанцев руководящими кадрами, боеприпасами, снаряжением и обмундированием. Приведем лишь несколько фактов и документов, которые ярко характеризуют неустанную деятельность Коммунистической партии и ее вождя в этом направлении. Например, в середине дня 25 июня 1918 года на имя председателя Мурманского краевого Совета за подписью В. И. Ленина была послана телеграмма, предписывавшая принять неотложные меры для решительного отпора английским оккупантам¹⁹. И буквально через полсутки, в порядке проверки выполнения данного указания, в ночь с 25 на 26 июня, Владимир Ильич по прямому проводу запрашивает Мурманск о получении его телеграммы, интересуется предпринятыми мерами. Во время переговоров по прямому проводу он уточняет свои указания относительно путей и форм организации отпора войскам противника²⁰.

Во второй половине лета 1918 года в ЦК партии и СНК вновь стали поступать тревожные сведения с северного участка фронта. Местные руководящие органы и командование Красной Армии информировали, что противник стремится к соединению своих войск, находившихся на Урале и в Архангельске, что у них нет сил помешать этому соединению. И если своевременной помощи они не получают, то в ближайшее время образуется сплошной фронт Архангельск — Пермь — Урал. В сложившейся обстановке В. И. Ленин рекомендует произвести ряд действий партизанского характера с целью задержания противника. По его указанию управляющий делами Совнаркома в первых числах августа запрашивает Архангельский губисполком и горвоенкомат: «Закрывается ли устье Двины, не является ли необходимым произвести заграждение последнего где-нибудь далее, выполнено ли задание взорвать два ледокола в устье Двины при отступлении»²¹.

Ход боевых действий на севере страны и в последующем вынуждал партию и Советское правительство принимать экстренные меры по отражению наступления противника. В предписании командующему Московским военным округом Н. И. Муралову от 29 августа 1918 года Председатель Совнаркома решительным образом требовал:

«Тов. Муралов!

Окажите, пожалуйста, содействие подателю, т. Малышеву *, который организует снабжение подрывным материалом для группы, едущей в Котлас. *Дело архиспешное.*

Надо, чтобы *без потери времени* получилось подрывное имущество из Вязьмы (*с е г о д н я* же, с нарядом от Вас, Малышев, поедет в Вязьму)»²². Такая срочность была продиктована тем, что северный участок фронта приобретал стратегическое значение, а в Котласе были сосредоточены громадные запасы боеприпасов и взрывчатых веществ. Для спешного разрешения вопроса Владимир Ильич предлагал Н. И. Муралову незамедлительно дать телеграмму в Курск для вызова оттуда инструктора по подрывному делу Соболева, а также выделить один скорый вагон группе подрывников, направляемых в район Котласа с целью проведения диверсий.

Проявляя особое беспокойство о положении дел на севере страны, В. И. Ленин в тот же день направил командирующему северо-восточным участком фронта М. С. Кедрову телеграмму. Он требовал от командующего фронтом не только присылать отчеты о проделанной работе по укреплению оборонительной линии, но и сообщать фактические данные о том, какие меры предпринимаются для организации борьбы в тылу противника на случай отступления армии, какие железнодорожные пункты *«обеспечены»* подрывниками, чтобы в случае движения англо-французов большими силами мы взорвали и разрушили *серьезно такое-то* (какое именно, надо дать отчет, и где именно) мостов, верст железных дорог, проходов среди болот и т. д. и т. п.»²³.

С мандатами, подписанными В. И. Лениным, с поручением «особой важности» в район Котласа и Северной Двины летом 1918 года были направлены два стойких большевика — С. Г. Уралов (Кисляков) и А. П. Ногтев. Во исполнение ленинских указаний и рекомендаций из числа вятских рабочих был создан подвижный партизанский отряд, который возглавил местный партийный руководитель П. П. Капустин. Отряд оперировал в районе Котласа, проводя диверсии, налеты, засады и другие операции партизанского типа²⁴.

* Малышев С. В. (1877—1938), член партии с 1902 года, активный участник первой русской и Октябрьской революций. В рассматриваемый период работал уполномоченным Наркомпрода.

Вспоминая о тех напряженных днях, С. И. Аралов пишет: «Очень волновали Ленина дела на Севере — высадка английских войск, их продвижение вглубь, боязнь за Волгу, Котлас, где находились огромные запасы взрывчатки, снарядов. Он давал тут же распоряжения, через некоторое время проверял, помогал создавать отряды на Севере, посылая туда рабочих, вызывал по прямому проводу С. М. Кедрова, указывал, чтобы политотдел VI армии создавал партизанские отряды в тылу англичан, американцев. И политотдел VI армии организовал партизанский отряд, создал боевую группу разведчиков, которая проникала в самые глубокие тыловые части англичан, доставала нужные сведения, разбрасывала листовки. Это все делалось по заданиям В. И. Ленина»²⁵.

Комплекс мероприятий, своевременно предпринятых Коммунистической партией, позволил в дальнейшем развернуть довольно широкое партизанское движение на территории Архангельской губернии. Партизаны активно поддерживали наступление войск 6-й армии на Шенкурск, а затем на Архангельск. Особенно успешные операции против англо-французских войск проводил Шелексинский отряд О. Н. Палкина. Партизаны вели упорные бои также в долине реки Печоры, в Пинежском и Мезенском уездах, на Терском берегу Белого моря. Одним из наиболее активно действовавших партизанских подразделений являлся отряд рабочих Кандалакши и крестьян-рыбаков деревни Кольвицы. Организаторами этого отряда были коммунисты, бежавшие из мурманской тюрьмы. Партизанские отряды Мурманского края, в частности Кандалакшский отряд, систематически срывали движение поездов на железнодорожном участке Имандра — Кандалакша. В конце 1919 года большинство партизанских отрядов края влилось в красноармейские полки 6-й армии²⁶.

Глава Советского правительства не только интересовался и оперативно вмешивался в вопросы организации освободительного движения на местах, но и в ряде случаев лично давал конкретные указания и инструкции о развертывании партизанской и подпольной борьбы в тылу вражеских армий, рекомендовал для этого преданных революции людей. Например, в первых числах июля 1918 года по указанию В. И. Ленина Московский военный округ создал вооруженный летучий отряд, которому предстояло проводить партизанские действия в тылу белогвардейцев на

Кубани. По рекомендации Владимира Ильича во главе этого отряда был поставлен мужественный борец за упрочение завоеваний Октября член партии большевиков с 1907 года Г. В. Иванов (Кавказский)²⁷. Летом 1919 года, когда события особый драматизм приобрели на юге страны, В. И. Ленин писал в Реввоенсовет республики: «Я знаю одного товарища *досконально*, как человека совершенно исключительной преданности, *отваги* и энергии (насчет взрывов и смелых налетов особенно)».²⁸ Речь шла об отважном Камо (С. А. Тер-Петросяне). В. И. Ленин в своей записке предлагал дать возможность Камо в течение определенного времени поучиться командному делу, после чего поручить ему организовать особый партизанский отряд для действий в тылу деникинских войск.

Указание В. И. Ленина было выполнено. Московский городской комитет РКП(б) совместно с Камо к концу августа 1919 года из твердой духом и преданной делу революции молодежи создал боевой отряд в количестве до 40 человек. Камо на имя Петрова был выдан написанный рукой В. И. Ленина особый мандат. В нем указывалось, что предъявитель данного документа лично известен Владимиру Ильичу, а поэтому все советские и военные учреждения должны безоговорочно «оказывать тов. К. Петрову полное доверие и всяческое содействие»²⁹. Исходя из указаний В. И. Ленина 5 сентября 1919 года Реввоенсовет республики принял следующее постановление: «Тов. Камо назначается начальником всех партизанских отрядов (групп смельчаков), входящих в состав внутреннего фронта, причем на тов. Камо возлагается наблюдение за тем, чтобы означенные отряды действительно выполняли партизанскую работу»³⁰. Возглавляемый С. А. Тер-Петросяном и С. Махарадзе партизанский отряд был направлен в тыл деникинских войск.

О том, насколько серьезное внимание вопросу ведения партизанско-повстанческой войны в тылу противника на первом году Советской власти уделяли Центральный Комитет и В. И. Ленин, свидетельствует множество и других фактов, примеров и документов. Председательствуя на экстренном заседании Совнаркома в ночь на 19 февраля 1918 года в связи с ультиматумом германского правительства и начавшимся наступлением немецких войск, В. И. Ленин настаивает на необходимости оказания сопро-

тивления противнику всеми средствами, невзирая на то, каким бы слабым оно ни было ³¹.

Интересы революции требовали уделить первоочередное внимание защите западных рубежей страны. Внимательно следя за развитием событий в этом районе, партия и правительство принимают ряд экстренных мер по отражению немецкого наступления, в том числе и путем применения партизанских методов и приемов борьбы. В этом плане представляется интересным привести ряд следующих фактов, свидетельствующих о том, как оперативно вмешивался в вопросы организации народной борьбы в тылу вражеских войск Владимир Ильич. На другой день после нарушения условий перемирия кайзеровскими войсками председатель Дриссенского городского Совета Витебской губернии Л. Б. Урбан направил в адрес Совета Народных Комиссаров телеграмму: «Немцы заняли Двинск и продолжают дальнейшее движение. Телеграфируйте срочно, как поступить Дриссенскому Совдепу, секциям, казначейству в случае приближения немцев к Дриссе. Председатель Дриссенского Совдепа Урбан» ³². В. И. Ленин незамедлительно, в тот же день, 19 февраля 1918 года послал в адрес Л. Б. Урбана краткую ответную телеграмму: «Оказывайте сопротивление, где это возможно. Вывозите все ценное и продукты. Остальное все уничтожайте. Не оставляйте врагу ничего. Разбирайте пути — две версты на каждые десять. Взрывайте мосты. Ленин» ³³.

21 февраля 1918 года в ответ на сообщение председателя Эстляндского краевого исполкома Я. Я. Анвельта о захвате германскими войсками Вердера В. И. Ленин отдает директивное распоряжение по прямому проводу в Ревель: «Двинуть части против врага и опрокинуть его. Если это трудно сделать — испортить все дороги, произвести ряд партизанских набегов с тем, чтобы не дать врагу укрепиться на материке» ³⁴.

В последние дни февраля В. И. Ленин принимает офицеров французской военной миссии капитана Ж. Садуля и лейтенанта Ж. де Люберсака и ведет с ними беседу по поводу предложения французских офицеров-подрывников о разрушении железнодорожных путей, чтобы препятствовать продвижению немцев ³⁵.

Меры аналогичного порядка, обусловленные общими задачами в области обороны социалистического Отечества, предпринимались партией и правительством и по защите

восточных рубежей страны. Так, в начале апреля 1918 года В. И. Ленин, предвидя империалистическую интервенцию на Востоке, от имени ЦК РКП(б) и СНК РСФСР направляет директиву Владивостокскому Совету, в которой предупреждает дальневосточных коммунистов, что предстоит длительная и упорная борьба с империалистами Японии и других стран. В этой же директиве он ставит конкретные задачи перед местными Советами и партийными организациями. «Мы считаем положение весьма серьезным,— подчеркивал В. И. Ленин,— и самым категорическим образом предупреждаем товарищей. Не делайте себе иллюзий: японцы наверняка будут наступать. Это неизбежно. Им помогут, вероятно, все без изъятия союзники. Поэтому надо начинать готовиться без малейшего промедления и готовиться серьезно, готовиться изо всех сил»³⁶. В случае отступления врагу не надо оставлять ничего. С этой целью необходимо готовить «подрыв и взрыв рельсов, увод вагонов и локомотивов, готовьте минные заграждения около Иркутска или в Забайкалье... Помощь нашу мы обусловим вашими практическими успехами...»³⁷. Указания Ильича во многом были реализованы.

В июле 1918 года, когда «внешний враг Российской Советской Социалистической Республики» в лице англо-французского и японо-американского империализма наступал «на мирную Россию так же зверски и грабительски, как наступали германцы в феврале, с тем, однако, отличием, что англо-японцам нужен не только захват и грабеж русской земли, но и свержение Советской власти», всем губернским и уездным Совдепам и всему населению Советской России за подписью В. И. Ленина и Я. М. Свердлова была направлена директива-наставление, содержащая прямой призыв к народной партизанской войне в тылу врага. В ней, в частности, указывалось, что местное население «при попытке врага перейти в наступление... обязано под руководством своих Советов строжайше соблюдать следующий приказ:

...Рельсы разбирать.

Мосты минировать и взрывать.

Леса и посевы за спиной неприятеля сжигать.

Всеми силами и средствами затруднять врагам движение вперед. Устраивать засады. Действовать огнестрельным и холодным оружием.

...Поголовно истреблять шпионов, провокаторов, бело-

гвардейцев, контрреволюционных предателей, которые оказывают прямое или косвенное содействие врагу»³⁸.

Решающую роль в успешном отражении вооруженного натиска внутренней и внешней контрреволюции партия и В. И. Ленин видели в объединении усилий всех трудящихся, в переходе широких народных масс от стихийного к сознательному участию в защите революционных завоеваний. Впервые в мировой истории трудовые массы в таких масштабах активно участвовали в вооруженной борьбе в рядах Красной Армии, в партизанских подразделениях, самоотверженно трудились в тылу. В полной мере на практике подтвердилось ленинское предвидение того, что судьбы войны в современную эпоху решают народы, классовая сознательность и организованность трудящихся, их тесный союз. Этот союз утверждался и закалялся в ходе борьбы с остатками свергнутых классов и интервентов. «Гражданская война,— подчеркивал В. И. Ленин,— спаяла рабочий класс и крестьянство, а в этом залог непобедимой силы»³⁹.

В то же время следует еще раз подчеркнуть, что, считая партизанское движение одним из важных компонентов, составным звеном революционно-освободительной борьбы трудящихся, всемерно поддерживая и поощряя это глубоко патриотическое движение, В. И. Ленин никогда не придавал ему самодавляющего значения. «Было бы величайшей наивностью, даже преступлением,— писал В. И. Ленин в феврале 1918 года,— легкомысленное отношение к данной, *настоящей, упорной, кровавой* войне.

Войну надо вести по-настоящему, или ее совсем не вести. Середины тут быть не может»⁴⁰. Исходя из этих ленинских указаний, ЦК партии и Советское правительство твердо и неукоснительно проводили курс на закладывание прочного фундамента регулярной армии победившего пролетариата. В этом они видели залог полного успеха на фронтах гражданской войны.

Как известно, крупной победой политического курса Коммунистической партии и В. И. Ленина в строительстве регулярной и боеспособной Красной Армии явились решения V Всероссийского съезда Советов (4—10 июля 1918 г.). Большинство голосов делегатов при упорном противодействии фракции левых эсеров и малочисленных представителей других мелкобуржуазных партий (меньшевиков, анархистов и т. д.) съезд постановил создать в

кратчайший срок на основе обязательной повинности трудящихся массовую постоянную Красную Армию. Левые же эсеры и их единомышленники категорически выступали на съезде как против самой идеи создания регулярной армии Советской страны, так и против централизма в организации вооруженных сил, твердой дисциплины, назначения командного состава, привлечения старых военных специалистов. Не признавая необходимости создания регулярной армии, они отстаивали автономность местных отрядов, добровольчество, стихийную партизанщину, выборность командного состава. Полная несостоятельность и вред таких предложений были глубоко разоблачены в докладах и выступлениях В. И. Ленина и многих других членов коммунистической фракции съезда. В. И. Ленин в своем заключительном слове, обращаясь к левым эсерам, говорил: «Ваши призывы о создании партизанских отрядов для борьбы с регулярной империалистической армией смешны каждому солдату»⁴¹.

Ленинскую линию на создание постоянной и боеспособной Красной Армии и поощрение всех подлинно революционных форм и средств борьбы, в том числе и партизанских, Коммунистическая партия неуклонно выдерживала в течение всего периода гражданской войны и иностранной вооруженной интервенции.

Против кайзеровских войск и польских интервентов

Директивные указания Центрального Комитета партии, Советского правительства и лично В. И. Ленина являлись боевой программой действий для всех военных органов, местных партийных организаций и исполкомов Советов депутатов трудящихся. Например, Центральный комитет действующей армии и флота при Ставке, руководствуясь ленинскими директивами и наставлениями, создал в феврале 1918 года Верховный Военный Совет по ведению партизанской гражданской войны. В телеграмме, направленной вечером 20 февраля 1918 года в адрес Совета Народных Комиссаров и главнокомандующим фронтами, говорилось: «...В Могилеве образован Верховный Военный Совет в составе 15 товарищей, которому передается вся полнота власти по ведению партизанской

гражданской войны против контрреволюционных немецких войск и своей буржуазии»⁴².

Принимая меры по отражению удара войск немецких интервентов, главнокомандующий Западным фронтом А. Ф. Мясников 23 февраля издал приказ, адресованный войскам фронта и всем трудящимся Белоруссии. Приказ требовал от отрядов красногвардейцев и партизан самоотверженно защищать молодое социалистическое государство, решительно преградить врагам пролетарской революции все подступы, ведущие в глубь страны. С этой целью необходима самая напряженная и широкая мобилизация всех сил, способных отстоять завоевания трудового народа. Учитывая, что старая армия разложилась и ее уже по сути дела нет, говорилось в приказе, на повестку дня стала задача создать новую, высокодисциплинированную революционную армию. «Нам нужны сильные духом, крепкие волею и спаянные стальной дисциплиной партизаны,— требовал приказ.— ...Так диктует нам революция и наши социалистические стремления. Такая дисциплина требует от каждого партизана самого быстрого, точного и безусловного исполнения всех боевых распоряжений его революционного и социалистического начальника... Во имя этой справедливой борьбы мы встаем на защиту западных границ революционной России — от Витебска и до Гомеля...»⁴³

Ответом на призывы, с которыми В. И. Ленин от имени СНК обратился к трудящимся страны в своем знаменитом воззвании «Социалистическое Отечество в опасности», а также на приказы военного командования и постановления местных партийных и советских органов явился массовый патриотический подъем рабочих и передовых слоев беднейшего крестьянства Белоруссии. Вместе с другими народами Советской России трудящиеся Белоруссии направили все усилия на разгром интервентов и внутренней контрреволюции. Как это осуществлялось на практике, видно из следующих конкретных мероприятий, проводимых Советской властью и местными партийными органами.

Например, для руководства обороной Могилева и губернии Могилевский губисполком и городской Совет 22 февраля 1918 года на объединенном совещании с представителями воинских частей выделили 7 ответственных работников, которые совместно с ЦК действующей армии и флота

образовали губернский военно-революционный комитет (ВРК) ⁴⁴. В губернии было введено осадное положение. ВРК передавалась вся полнота гражданской и военной власти. «Военно-революционный комитет,— говорилось в сообщении об организации ВРК,— организуя партизанскую войну против немецких юнкеров и контрреволюционных польских легионеров, берет на себя защиту и охрану населения Могилевской губ[ернии]» ⁴⁵. На следующий день, 23 февраля, начальник полевого революционного штаба Западного фронта М. К. Тер-Арутюнянц информировал по телефону Народный комиссариат по военным и морским делам РСФСР, что в Могилевской губернии объявлена всеобщая мобилизация. Он сообщал о повсеместном бодром настроении рабочих и крестьян, указав при этом, что «формируются на местах партизанские отряды. Принимаются спешные меры к укреплению важнейших стратегических пунктов» ⁴⁶.

Насколько быстро и решительно была проведена работа местными партийными и советскими органами Белоруссии по формированию революционных частей и партизанских отрядов в первые дни наступления немецких войск, видно из документов тех дней. Вот некоторые из них. «...Партизанский отряд на Северном фронте у м. Улла вернулся в Витебск,— доносила Ставка 23 февраля по прямому проводу в Наркомвоенмор.— Высылаем новый. Другой партизанский отряд с пулеметами занимает Бочейково. В Новоселках, 25 вер[ст] западнее Витебска формируется новый партизанский отряд» ⁴⁷. «Крестьяне-партизаны донесли,— отмечалось в оперативной сводке за 2 марта 1918 года, что ими взорван участок железнодорожного пути между Бахмачем и Гомелем...» ⁴⁸ «Спешно формируются отряды красногвардейские и партизанские» ⁴⁹,— указывал в своем сообщении в Наркомвоенмор от 8 марта начальник Витебского гарнизона.

Действенные меры по организации отпора немецким агрессорам принимались и в последующий период. Наряду с добровольческими частями молодой Красной Армии активную «малую войну» с оккупантами вели и партизанские отряды. Последние в большинстве своем состояли из рабочих, а также крестьян-бедняков, у которых слишком свежо было в памяти тяжелое прошлое. И, несмотря на то, что местным партийным и советским органам приходилось формировать партизанские подразделения в усло-

виях наступления противника, готовых сражаться с кайзеровскими войсками было много. Так, не желая возврата буржуазно-помещичьего строя, крестьяне Вировлянской волости Городокского уезда во второй половине февраля 1918 года организовали партизанский отряд. В Витебский губернский Совет было послано прошение выделить для вооружения бойцов отряда 300 винтовок. Общее собрание крестьян-бедняков Хлыстовской волости Оршанского уезда также приняло решение о создании в волости партизанских отрядов. Всего в партизанских формированиях, созданных в Витебской губернии к концу марта 1918 года, насчитывалось свыше 2400 человек⁵⁰.

Партизанские отряды, сформированные в Могилевской губернии, столкнувшись с превосходящими силами противника, вначале вынуждены были отступить за реку Днепр. Перегруппировав и пополнив собственные силы за счет возвратившихся с фронта революционно настроенных солдат и крестьян-бедняков, они заняли и в течение продолжительного времени удерживали в своих руках оборонительный рубеж вдоль левого берега Днепра на участке Копысь — Рогачев. С помощью подручных средств под покровом ночной темноты патриоты совершали дерзкие налеты на опорные пункты и гарнизоны противника, расположенные на правом берегу реки⁵¹.

Формирование партизанских отрядов в Белоруссии шло повсеместно. К концу лета — первой половине осени 1918 года подпольные коммунистические организации, руководствуясь указаниями ЦК РКП(б) и Северо-Западного областного комитета партии, создали разветвленную сеть партизанских отрядов. По далеко не полным данным, только в районе Минска дислоцировались и вели успешную борьбу с оккупантами 25 партизанских отрядов. На территории Полоцкого уезда насчитывалось до 13 тысяч партизан. Крупные партизанские формирования активно действовали в районах Гомеля, Орши, Слуцка, Речицы, Новогрудка, Молодечно, а также в Полесье⁵². В некоторых из них насчитывалось до 700 и более человек. Например, в Гомельском уезде Перестовский отряд, возглавляемый старым большевиком Прокопцевым, имел в своем составе 750 человек, в Федоровском отряде числилось 500 человек, Дятловичском — 200 и т. д.⁵³. В деревне Рудобелка Бобруйского уезда при активном участии революционно настроенного демобилизованного солдата М. А. Левкова была

создана подпольная большевистская организация. Во главе ее стал Максим Левков. Партийная организация в короткий срок создала сначала один, а спустя некоторое время несколько партизанских отрядов, объединившихся в Рудобельскую бригаду. Командовать ею стал М. А. Левков. На вооружении бригады были не только винтовки, но и пулеметы⁵⁴.

Однако таких крупных партизанских формирований было немного. В основном на оккупированной территории Белоруссии действовали небольшие местные отряды и конные дружины. Они не имели единой организационной структуры и зачастую копировали подразделения Красной гвардии. Эти партизанские единицы обладали еще не высокой боеспособностью, не всегда имели необходимые средства передвижения, запасы снаряжения, продовольствия и одежды. В отдельных партизанских формированиях было еще очень много стихийного и неорганизованного. В некоторых районах повстанческое и партизанское движение носило ярко выраженный очаговый характер, иными словами, борьба начиналась и велась в таких районах не повсеместно.

Основной костяк командного состава партизанских отрядов в тылу противника состоял из тех, кто их сам создавал. Господствовал принцип выборности (это было характерно для большинства районов страны, где шла партизанская война), причем решающее значение имели не теоретическая подготовленность, не бывшие чины и звания, а непоколебимая выдержанность и революционная преданность, проявленные на деле организаторские и командные способности, популярность среди партизан-повстанцев и т. д. Правом выбора, а также смещения обладали (в зависимости от обстановки) в одних случаях общие собрания бойцов отряда, в других — ревкомы, подпольные парторганы, нелегальные съезды представителей повстанцев и партизан, выборные штабы.

Партизанские комиссары имелись в отрядах лишь в виде исключения. Сплошь и рядом они не были членами РКП(б), что объясняется в основном малочисленностью подпольных большевистских организаций и условиями обстановки. Таким же редким исключением являлись в самих партизанско-повстанческих подразделениях и официально оформленные партийные организации и органы для веде-

ния политической и агитационно-массовой работы *. Не было в отрядах, как правило, и таких важнейших органов, характерных для регулярной армии, как штабы, военные трибуналы, особые отделы, несущие наравне с институтом комиссаров и политорганами ответственность за поддержание морального духа и высоких боевых качеств бойцов-партизан. Все это, естественно, не могло не сказываться на морально-политическом состоянии, а следовательно, и на боеспособности партизанских подразделений.

Однако было бы неверным полагать, что коммунисты, участвовавшие в партизанском движении, были предоставлены сами себе и не вели среди партизан никакой партийной работы вообще. Массово-политическая работа в отрядах, несомненно, проводилась. Правда, проводилась она не в широких масштабах и своеобразными методами, обусловленными труднейшими условиями обстановки. Время от времени коммунисты, находившиеся в подпольных организациях, а также занимавшие командные посты в партизанских подразделениях, проводили совещания, обменивались мнениями, намечали определенную линию по тому или другому вопросу, приходили к общим решениям и проводили их в жизнь. При этом в большинстве случаев они не вели протоколов и не принимали никаких письменных резолюций или решений. Что касается рядовых коммунистов-партизан, то они периодически получали индивидуальные поручения, необходимость которых подсказывалась самой обстановкой. Эти поручения давал старший по должности коммунист младшему.

Кроме подготовленных руководителей и рядовых членов партии к массово-политической работе широко привлекались преданные беспартийные большевики, составлявшие подавляющее большинство по отношению к коммунистам. Несмотря на несистематичность, эта работа, наряду с осуществлением общего руководства со стороны подпольных парторганов, оказывала решающее влияние на партизанское движение. Именно большевики, опираясь на

* Аналогичное положение было на Украине и в Сибири (см., например, В. А. Антонов-Овсеенко. Записки о гражданской войне, т. 2. М., ВВРС, 1924, стр. 43, 62—63 и др.; М. И. Стишов. Большевицкое подполье и партизанское движение в Сибири в годы гражданской войны (1918—1920 гг.). М., 1962, стр. 224—226).

поддержку революционно стойких пролетарских масс города и деревни, придали этому движению размах и глубину, строго советскую направленность, превратив его в мощный фактор борьбы против белогвардейцев и чужеземных войск под лозунгом: «За власть Советов!»

Несмотря на все трудности и имевшие место недостатки и упущения, партизанско-повстанческие отряды и группы продолжали создаваться и крепнуть. В борьбе с многочисленными врагами только что родившегося первого в мире государства рабочих и крестьян они приобретали необходимый тактический опыт и навыки ведения партизанской войны. Пролетарские массы Белоруссии, взявшие в годы немецкой оккупации в руки оружие и горячо поддержанные большинством трудового населения, решительно стали на путь изгнания захватчиков, повсеместного проведения в жизнь задач Великой Октябрьской социалистической революции, закрепления завоеваний ее в виде известных им программных лозунгов большевиков и декретов Советской власти о земле, о мире и т. п. В этом был залог их силы и непобедимости.

Белорусские повстанцы и партизаны проявляли в борьбе с оккупантами смекалку и находчивость, необычайный героизм и самоотверженность. Наряду с дерзкими ночными налетами на обозы, склады, гарнизоны и опорные пункты врага они вели также активную диверсионную работу на его коммуникациях, а нередко стремительной атакой освобождали целые города и населенные пункты. Так, на участке железной дороги Гомель — Жлобин в июле 1918 года партизаны взорвали бронепоезд противника. Другой партизанский отряд, проводивший операции между станциями Зябровка и Тереховка, в ночь с 16 на 17 августа пустил под откос немецкий воинский эшелон. В результате смелого налета партизанского отряда был освобожден от вражеских войск Чечерск. В августе вильгельмовские насильники и грабители были изгнаны из деревень Столобунь, Ацишинка и Дубровка. После разгрома противника в селе Гладково на Могилевщине партизаны провели собрание крестьян, на котором был избран волостной Совет. Восстановив Советскую власть в селе Гладково, партизаны повели решительное наступление на предместье Могилева — Луполово, которое по Брестскому договору отходило к РСФСР, но находилось в руках кайзеровских войск. В итоге напряженных боев Луполово партизанами было осво-

бождено, восстановлена там Советская власть и создана местная партийная организация*.

Размаху и углублению партизанского движения в тылу немецких оккупантов способствовала огромная организаторская и политическая работа, проводимая подпольными большевистскими организациями. Уже к лету 1918 года под руководством Северо-Западного областного комитета партии, возглавляемого А. Ф. Мясниковым, В. Г. Кнориним, И. Я. Алибеговым и другими, на временно захваченной врагом территории Белоруссии была создана широкая сеть подпольных партийных организаций. Накануне оккупации Минска областной комитет партии оставил в городе группу партийцев во главе с Б. З. Райцесом. Весной 1918 года обком партии направил для ведения нелегальной организационно-партийной работы в Бобруйске, Могилеве, Борисове, Шклове опытных большевиков, в том числе П. Ф. Ревинского, П. И. Семенова и других стойких коммунистов.

Нелегальные комитеты и организации большевиков были созданы и проводили соответствующую организационно-партийную работу также в Гомеле, Бобруйске, Могилеве, Гродно, Полоцке, Мозыре, Пинске, Барановичах и других городах. Они имели связь с ЦК РКП(б) и Северо-Западным комитетом партии. Отдельные из них время от времени направляли своих членов в Москву для связи и информации о состоянии освободительного движения в тылу немецких оккупантов. О том, что эта связь была сравнительно устойчивой и население оккупированных районов знало о событиях в центре страны, говорит следующий факт. 10 октября 1918 года коммунисты захваченных немцами районов Могилевской губернии, обрадованные дошедшими до них известиями о выздоровлении В. И. Ленина, написали ему приветственное письмо. Они писали: «Дорогому вождю пролетариата товарищу Ленину

* Вопрос об организационно-политической работе подпольных большевистских организаций и групп в городах и других населенных пунктах, а также о боевой деятельности партизанских отрядов в период оккупации Белоруссии кайзеровскими войсками достаточно подробно освещен в монографии И. М. Игнатенко «Беднейшее крестьянство — союзник пролетариата в борьбе за победу Октябрьской революции в Белоруссии (1917—1918)». Минск, 1962; в монографии С. Почанина «В грозном восемнадцатом». Минск, 1968.

шлем горячий привет, наилучшие пожелания и поздравления с выздоровлением»⁵⁵.

Подпольные партийные и повстанческие комитеты, партийные организации и ячейки создавались не только в губернских и уездных городах, но и в сельской местности. Так, в селе Скородное Мозырского уезда подпольный повстанческий комитет осуществлял политическую работу по подготовке крестьян к восстанию. Стоявшие во главе комитета коммунисты Р. Витко, И. Куколка, Л. Беляк, Л. Шульга и другие непосредственно вели агитацию среди бедняков. Через отделение связи, где работал член комитета И. Старовойтов, комитет поддерживал отношения с РСФСР. Оттуда он получал в большом количестве газеты и другую агитационную литературу. Комитет имел довольно тесную связь с Киевским, Житомирским и Овручским большевистскими центрами. Замирьевский партийный комитет создал коммунистические ячейки в Городее, Клецке, Мире, на железнодорожной станции Столбцы, в деревнях Липы, Погорельцы, Симаково, Островки, Молявщина, Жуковичи, Еськовичи и других.

Большое значение в развертывании партизанского движения и внесении в него элементов революционной организованности и целенаправленности, а также в повышении уровня политической и организаторской работы среди повстанческих рабочих и крестьян имела I подпольная конференция РКП(б) Минского района. Она состоялась 15 июля 1918 года в Минске. Кроме большевиков города на ней были представлены 75 сельских партийных организаций, объединявших около 500 членов партии Новогрудского, Борисовского и Игуменского уездов Минской губернии, Опшмянского и Виленского уездов. Конференция обсудила вопрос о партийно-политической работе на оккупированной территории Белоруссии, организационно объединила большевистские организации района, высказалась за всемерную поддержку РСФСР — главной базы социалистической революции. Ввиду аграрного характера края, конференция признала необходимым образование партийных ячеек как основных организационных единиц по деревням и объединение их по волостям, уездам и т. д. Ячейки в то же время должны были служить организующими центрами для боевых дружин и партизанских отрядов, готовить трудящиеся массы ко всеобщему вооруженному восстанию в целях восстановления Советской власти⁵⁶.

Участники конференции обратились ко всем рабочим и крестьянам Белоруссии и Литвы с воззванием об организации всенародной борьбы с немецкими оккупантами. «Братья крестьяне и рабочие! Бьет последний час русской революции: Социалистическое Отечество в опасности, ему грозит гибель, — говорилось в воззвании. — Если погибнет Советская Россия, то нескоро еще удастся вам сбросить с себя немецкое иго, и долго еще вы будете страдать под гнетом кровавых немецких генералов и помещиков... Братья крестьяне, братья рабочие, напрягите свои силы, помогите России в ее кровавой борьбе с наступающими на нее врагами... Не медлите! Время не ждет. Вперед, на помощь вашим братьям, сражающимся за землю, за власть крестьян и рабочих, за торжество всемирной Социалистической Революции!»⁵⁷

Размаху освободительного движения способствовал и разработанный в начале июня 1918 года Северо-Западным областным комитетом партии «План организации партизанских действий в тылу германских войск». Согласно этому плану вся оккупированная территория Белоруссии делилась на 12 зон — районов дислокации партизанских отрядов. Главная задача партизанской борьбы определялась следующим образом: «Большая глубина занятых германцами наших областей делает крайне чувствительным сообщения германских войск, охраняющих демаркационную линию и несущих гарнизонную службу в крупных населенных пунктах оккупированной области, а поэтому настоящий план организации партизанских действий ставит главной задачей именно действия на сообщениях в широком масштабе»⁵⁸.

Массовое освободительное движение, развернувшееся на оккупированной территории Белоруссии и в соседних с ней районах Литвы, требовало более тесного объединения работы всех партийных организаций. Для координации их деятельности на оккупированной территории ЦК РКП(б) рекомендовал создать единый партийный центр коммунистических организаций Литвы и Белоруссии. Выполняя эти указания, Северо-Западный областной комитет партии с целью выработки единой программы действий большевистских организаций оккупированной территории Белоруссии и Литвы решил созвать конференцию этих организаций. Она состоялась 8—11 августа 1918 года в Смоленске. На ней присутствовало 44 делегата от 300

партийных организаций. Конференция определила единую программу действий большевистских организаций Литвы и Белоруссии по руководству освободительным движением. В качестве главной задачи нелегальных большевистских организаций конференция признала создание новых, укрепление и активизацию боевой деятельности существующих партизанских подразделений, вооружение рабочих и крестьян с целью подготовки всеобщего вооруженного восстания в тылу противника. Основным условием осуществления этой задачи должно было явиться усиление партийно-политической и организаторской работы среди населения, организационное укрепление партийных ячеек — организаторов и руководителей партизанско-повстанческой борьбы. Для улучшения руководства работой нелегальных большевистских организаций и консолидации их сил конференция приняла решение о создании постоянно действующего партийного центра — Краевого комитета коммунистических организаций Литвы и Белоруссии и об издании печатного органа комитета. В его состав вошли представители Северо-Западного комитета партии, подпольных большевистских организаций оккупированных районов Литвы и Белоруссии⁵⁹.

Конференция явилась своеобразным толчком для активизации всей партийной работы в захваченных врагом районах, способствовала установлению более тесных контактов между партийными организациями и партизанскими отрядами. Руководствуясь ее решениями, подпольные большевистские организации усилили организаторскую и политическую деятельность среди коммунистов и всех слоев трудящихся, что содействовало увеличению партизанских сил.

В тылу интервентов был проведен ряд районных, подрайонных и городских нелегальных партийных конференций и собраний. Так, на состоявшемся в конце августа в Гомеле совещании представителей нелегальных большевистских организаций и руководителей партизанских отрядов Полесского района был выработан общий план боевых действий партизан Украинско-Белорусского Полесья⁶⁰.

Большую работу по формированию партизанских подразделений проводили подпольные организации и других оккупированных районов. Например, 8 сентября 1918 года Кайковский подрайонный комитет партии (Минский уезд) провел нелегальную конференцию, на которой присутство-

вали представители партизанских отрядов и подпольных организаций населенных пунктов Гатово, Михановичи, Конаковщина, Дукора. Конференция подвела итоги боевой деятельности партизан, наметила конкретные мероприятия по усилению массово-политической работы среди населения, созданию новых партизанских отрядов и их вооружению. Начальником всех партизанских сил Кайковского подрайона конференция утвердила коммуниста Е. М. Баранова⁶¹.

Осенью 1918 года нелегальные конференции коммунистических организаций и партизанских отрядов были проведены также в Гомельском, Бобруйском, Могилевском, Рогачевском, Игуменском, Борисовском и других уездах. Их решения, несомненно, способствовали дальнейшей активизации политической работы среди трудящихся, расширению и углублению народной партизанской войны против немецких оккупантов и их прислужников⁶².

С созданием Краевого комитета в нелегальных условиях стала издаваться газета «Подпольная правда». Газета сплачивала и поднимала трудовые массы на борьбу против вражеского нашествия. «Подпольная правда» пользовалась любовью и доверием не только среди подпольщиков и партизан, но и среди широких слоев населения. Всего в тылу врага было издано 10 тысяч экземпляров «Подпольной правды»⁶³.

Революционно-освободительное движение в форме широкой партизанско-повстанческой борьбы приобрело всенародный размах и в других оккупированных кайзеровскими войсками районах. Это обусловило необходимость создания единого координационного центра, поскольку в отдельных случаях по инициативе местных партийных и советских органов создавались региональные руководящие партийные органы. Так, решением сессии ЦИК Советов Украины, состоявшейся 18 апреля 1918 года в Таганроге, вместо Народного секретариата было создано Бюро по руководству повстанческим движением в тылу германских оккупантов⁶⁴. В начале мая с членами Бюро А. С. Бубновым, В. П. Затонским, Г. Л. Пятаковым, С. Д. Мстиславским, Н. Я. Врублевским и другими встречался В. И. Ленин и имел с ними длительную беседу⁶⁵.

Исходя из насущной потребности объединения руководства народной борьбой в тылу противника в масштабе всей страны, 17 августа 1918 года в Москве под председа-

тельством секретаря ЦК РКП(б) Я. М. Свердлова было проведено совещание представителей партийных организаций оккупированных врагом районов. В нем приняли участие три делегата от Северо-Западного областного комитета, два от Центрального бюро литовских секций РКП(б), по одному от социал-демократической партии Польши и Литвы и Минской организации большевиков. На совещании были заслушаны сообщения о размахе партизанско-повстанческого движения в тылу противника, о неотложных нуждах патриотов. Давая оценку работе коммунистов в условиях подполья, делегаты указали на возрастающую роль нелегальных партийных организаций в активизации вооруженной партизанской борьбы. В связи с расширением партизанского движения, говорили делегаты, возникла настоятельная потребность в создании единого координационного центра по руководству всей борьбой трудящихся на захваченной врагом территории и такую работу надо провести как можно скорее.

Пять дней спустя, 22 августа, в Москве по инициативе ЦК РКП(б) с более широким кругом представителей временно оккупированных районов вновь был обсужден вопрос о необходимости более четкого и гибкого руководства освободительной народной войной в тылу врага, о тесном сплочении и укреплении украинских, белорусских, литовских, эстонских и еврейских подпольных организаций и партизанских подразделений. Этот вопрос ставился на повестку дня ЦК РКП(б) и в последующее время⁶⁶.

В итоге 15 сентября 1918 года при ЦК РКП(б) на правах совещательного органа было создано Центральное бюро коммунистических организаций (ЦБ). В его состав вошли представители коммунистических организаций Украины, Белоруссии, Польши, Латвии, Литвы, Эстонии и Финляндии. Центральное бюро должно было координировать и осуществлять правильную постановку коммунистической работы в подпольных организациях и партизанско-повстанческих отрядах, информировать ЦК РКП(б) о всех нуждах освободительного движения в тылу врага. Для многих работников национальных компартий Центральное бюро послужило хорошей школой, где они приобретали навыки организации совместных боевых действий против общего врага⁶⁷.

Деятельность Центрального бюро находилась под ослабленным вниманием ЦК РКП(б). Его работой живо инте-

ресовался и В. И. Ленин. В начале октября 1918 года он принял руководителей ЦБ и имел с ними длительную беседу, во время которой всесторонне обсуждались неотложные задачи по руководству освободительным движением на оккупированных территориях и были намечены конкретные меры по совершенствованию и углублению организаторской деятельности местных партийных организаций. В. И. Ленин советовал руководителям ЦБ обратить серьезное внимание на подбор стойких и опытных большевиков-организаторов для работы в условиях вражеского тыла и правильную расстановку их на местах ⁶⁸.

Претворяя в жизнь советы и указания В. И. Ленина, при постоянной помощи Центрального Комитета партии, ЦБ значительно активизировало свою работу по руководству освободительной борьбой в тылу противника. В короткий срок оно сумело послать в оккупированные местности сотни опытных организаторов, расширило подготовку кадров, увеличило снабжение партизан-повстанцев оружием, материальными средствами и литературой. Осенью 1918 года (19—24 октября) по указанию ЦК РКП(б) Центральное бюро созвало I конференцию национальных коммунистических организаций оккупированных областей. Конференция проходила с участием секретаря ЦК РКП(б) Я. М. Свердлова. Почетными председателями делегаты единодушно избрали В. И. Ленина, К. Либкнехта и Р. Люксембург ⁶⁹.

Конференция проходила под непосредственным руководством ЦК РКП(б). В. И. Ленин внимательно следил за ее работой, был знаком со всеми вопросами, которые стояли на повестке дня, и намеревался выступить на одном из заседаний. Но сложившиеся обстоятельства помешали ему осуществить свое намерение. Однако при встречах с членами президиума конференции В. И. Ленин передал ряд ценных указаний по дальнейшему руководству народной борьбой в тылу противника.

Особое внимание он обращал на необходимость глубоко и всесторонне учитывать соотношение революционных сил, сложившуюся историческую обстановку и, исходя из обстоятельств, предпринимать конкретные меры и решения. Указав, что в освобожденных районах наиболее приемлемой и целесообразной политической формой власти рабочих и крестьян являются Советы, В. И. Ленин в то же время подчеркивал, что в отдельных случаях можно пой-

ти и на временный блок с союзниками и попутчиками пролетарской революции — мелкобуржуазными партиями.

Председатель Центрального бюро С. С. Пестковский, докладывая делегатам конференции о встречах с В. И. Лениным, по этому поводу пояснял: «Тов. Ленин сказал, что мы говорим, что Советская власть — самая лучшая форма организации власти. Но в конкретных условиях нужно использовать и Учр[едительное] собр[ание]. В тех местностях, где пролетариат сильнее, там сразу можно установить власть Советов. Но в тех районах, где пролетариат слабее, там придется использовать и выборы в Учредительное собрание». В последний день работы конференции С. С. Пестковский сообщил делегатам следующее: «От тов. Ленина получено обещание, что будет сделано все, чтобы литературой оккупированные местности снабжались в достаточной степени»⁷⁰.

Выступавшие на конференции делегаты со всей серьезностью подчеркивали, что партизанско-повстанческая борьба в захваченных врагом районах является составной частью общей борьбы трудящихся всей Советской страны против иностранных интервентов и внутренней контрреволюции, за сохранение и укрепление первого в мире государства рабочих и крестьян. Выработанные конференцией решения были проникнуты духом братского единения с великим русским народом, непоколебимой уверенностью в торжестве социализма. В них подчеркивалось, что и социального и национального освобождения трудящиеся массы могут достигнуть только под знаменем пролетарского интернационализма.

В целях лучшей организации и координации народной борьбы на оккупированных территориях конференция указала на необходимость подчинить все местные пролетарские организации единому центру, которым в данное время является Советская Россия, как оплот мировой пролетарской революции. Конференция выработала основные лозунги движения: «Бей оккупантов!», «Да здравствует диктатура пролетариата!», «Да здравствует объединение с РСФСР!»⁷¹

Своей неутомимой деятельностью партийные организации на местах, вдохновляемые и поддерживаемые Центральным Комитетом РКП(б) и лично В. И. Лениным, патриотической борьбе в тылу оккупантов сумели придать широкий размах и боевую активность. Всеобщий подъем

освободительного движения трудящихся в значительной мере способствовал краху немецкой оккупации. Осенью 1918 года Красная Армия во взаимодействии с партизанскими подразделениями начала изгонять кайзеровские войска из захваченных районов.

Для осуществления руководства партизанскими силами на этом этапе борьбы Центральным Комитетом РКП(б) в октябре в юго-западные районы Полесья был направлен специальный уполномоченный ЦК А. Н. Ильин. С его помощью был создан Полесский повстанческий ревком в составе Г. М. Островского (председатель), А. Н. Ильина, К. Ф. Русакова, Н. Я. Лесковца, М. В. Вишневого и других. Все партизанские группы ревком свел в крупные боевые единицы — повстанческие отряды и полки. Были созданы 1-й и 2-й Полесские повстанческие полки, 1-й Домбровицкий коммунистический полк.

Политическую работу среди партизан-повстанцев проводил председатель Полесского ревкома Г. М. Островский, являвшийся комиссаром всех отрядов и полков. Боевую деятельность повстанческих войск направлял и координировал Военный совет, во главе которого стоял уполномоченный ЦК РКП(б) А. Н. Ильин. Почти до конца января 1919 года партизаны-повстанцы, несмотря на острую нехватку оружия, боеприпасов, снаряжения и продовольствия, громили тылы немецких войск, задерживали эшелоны с награбленным имуществом, оказывали помощь наступающим частям Красной Армии⁷².

ЦК РКП(б), Советское правительство и В. И. Ленин внимательно следили за событиями на западе страны. Они были в курсе боевых дел белорусских партизан и повстанцев, знали их трудности и нужды и по возможности оказывали им необходимую помощь. Так, 5 января 1919 года на имя В. И. Ленина и Я. М. Свердлова поступила телеграмма от председателя Военного совета повстанческих войск Белоруссии и запада Украины А. Н. Ильина с просьбой срочно оказать помощь. В ней сообщалось, что в районе полесских лесов партизанско-повстанческие войска ведут упорные бои с противником. Патриоты испытывают серьезные материальные трудности. У них не хватает опытных военных специалистов и командиров. «Повстанцы-коммунисты, — говорилось в телеграмме, — до сих пор все продовольствие получали исключительно от крестьян, и бесплатно крестьяне им оказывали всякую помощь. Но

пелъзя злоупотреблять стремлением крестьян к созданию Советской власти. Теперь мы обращаемся за товарищеской помощью к нашим братьям — рабочим Москвы и Питера. Укрепите нам тыл, пришлите денег, одежды, обуви, дайте командный состав...»⁷³ Ознакомившись с содержанием документа, В. И. Ленин, несмотря на острый недостаток в средствах, сразу же распорядился, чтобы незамедлительно были приняты соответствующие меры по оказанию помощи⁷⁴.

Телеграмма аналогичного содержания была послана В. И. Ленину председателем Пинского ревкома. Уверенные, что освободительная партизанско-повстанческая борьба увенчается успехом только при опоре на Советскую Россию, в боевом взаимодействии с ней, большевики Полесья высказывали просьбу прислать для патриотов, сражающихся под Пинском, обмундирования и денег. На этой телеграмме В. И. Ленин собственноручно наложил резолюцию: «В Реввоенсовет Республики для исполнения и на отзыв»⁷⁵.

Народная борьба за восстановление Советской власти на территории Белоруссии в форме вооруженных партизанских действий особенно большой размах приобрела за годы польской интервенции. Этому содействовал ряд политических и организационных мероприятий Центрального Комитета РКП(б), а также Компартии Литвы и Белоруссии, проделанных ими в начальный период вражеского нашествия.

Выполняя директивы и указания ЦК РКП(б), Советского правительства и лично В. И. Ленина, а также опираясь на накопленный опыт работы в массах, Коммунистическая партия Литвы и Белоруссии с первых дней вторжения польских легионов большое внимание уделяла как организации самой народной борьбы, так и обеспечению централизованного руководства освободительным движением в масштабе всех оккупированных районов. На основании указаний ЦК РКП(б) решением Компартии Литвы и Белоруссии от 11 марта 1919 года был создан специальный отдел по координации деятельности подпольных коммунистических организаций и руководству народной партизанской войной. Возглавил отдел видный партийный работник В. А. Богуцкий⁷⁶.

За время своей деятельности отдел направил в тыл противника группу стойких и опытных большевиков, зна-

чительную сумму денежных средств, оружие и литературу. В числе коммунистов, заблаговременно отобранных или посланных в оккупированные районы, были М. А. Левков, С. Л. Вилюга (Бобруйский уезд), В. Ф. Шарангович, А. С. Славинский (Минский уезд), П. А. Воробьев (Мозырский уезд), Ларин (район Пинска), Францев (район Кобрин и Березы-Картузской), Годин, Курц (район Ковно). Группа опытных и политически благонадежных организаторов была направлена также для развертывания партизанской войны в районы Слонима и Барановичей⁷⁷.

Одновременно предпринимались меры и по организации освободительной борьбы на крайнем западе Литвы и Белоруссии. «Согласно конкретно намеченному плану, — отмечалось в сообщении РВС Западного фронта от 16 мая 1919 года, — в ближайшее время готовится еще отправка ряда организаторов в район Бреста»⁷⁸.

Перечисленные и ряд других мер, предпринятых партией, несомненно, содействовали тому, что пламя народной партизанской войны в тылу врага день ото дня ширилось и крепло.

В связи с активизацией боевых действий весной 1919 года войсками польских интервентов в середине мая Политбюро ЦК КП(б) Литвы и Белоруссии специально заслушало на своем заседании вопрос «О создании партизанских отрядов в тылу противника» и приняло постановление об активизации патриотической борьбы народа в захваченных врагом районах. Вопросы развертывания партизанских действий занимали в этом документе основное место. Считать, указывалось в решении Политбюро, организацию партизанских отрядов для борьбы в оккупированных районах неотложной задачей. Чтобы не допустить в этом сложном и ответственном деле элементов неразберихи и самочинства, ЦК КП(б) Литвы и Белоруссии рекомендовал местным партийно-советским органам при создании партизанских подразделений оружие в первую очередь выдавать «коммунистическим ячейкам и отдельным известным коммунистам, каждый раз по особому решению Организационного бюро»⁷⁹.

На этом же заседании Политбюро был утвержден план организационного построения партизанских сил, разработанный совместно с РВС Западного фронта. Согласно плану, вся оккупированная противником часть Литвы и Белоруссии разделялась на ряд небольших округов, на террито-

рии которых мыслилось создание нелегальных руководящих партийно-повстанческих центров — своего рода революционных штабов. Им подчинялись подрайонные подпольные большевистские организации, в задачу которых входило осуществление непосредственного руководства освободительной борьбой на территории района⁸⁰.

Позднее, когда процесс организационного оформления нелегальных организаций близился к завершению, когда героическая борьба народа в тылу оккупантов приняла широкий размах и боевую активность, ЦК КП(б) Литвы и Белоруссии приступил (начало сентября 1919 г.) к осуществлению более гибкого и оперативного руководства партизанско-повстанческим движением. В этих целях вся оккупированная территория Литвы и Белоруссии была разделена на три обширные зоны. В первую зону вошла Тарибовская Литва — Ковенская и Сувалкская губернии, во вторую (западную) — Виленская и Гродненская, в третью (восточную) — Минская и захваченные врагом западные районы Витебской и Могилевской губерний.

Тогда же, 3 сентября 1919 года, при ЦК Компартии Литвы и Белоруссии был создан специальный партийный орган по руководству освободительной борьбой народа — Бюро нелегальной работы (БНР). Бюро находилось на неоккупированной советской территории (в Смоленске). В его состав входили секретари ЦК КП(б) Литвы и Белоруссии В. С. Мицкявичюс-Капсукас (председатель), В. Г. Кнорин, В. А. Богуцкий, позднее — Алекса-Ангартис Зигмас, Я. Г. Далецкий⁸¹.

Всю свою работу Бюро строило на основе директив и указаний ЦК РКП(б) и Советского правительства, согласовывая свои действия с командованием Западного фронта. Основной задачей БНР являлось руководство подпольной партийной работой и партизанской войной за линией фронта. Имея связь с повстанческими центрами и партизанскими подразделениями, Бюро направляло всю партийно-политическую работу в оккупированных районах с помощью агентов и специальных уполномоченных, посылало туда литературу, оружие, денежные средства и т. п.

Бюро являлось объединенным партийным органом руководства и содействия не только для партизан-повстанцев и подпольщиков Литвы и Белоруссии, но и оказывало определенное влияние на размах борьбы в ряде смежных районов Латвии, Польши и Украины (район Полесья), по-

сылая туда опытных партийных функционеров, денежные средства, литературу⁸².

Благодаря активной деятельности БНР в сравнительно короткий срок были созданы нелегальные большевистские организации в Минске, Бобруйске, Пинске, Гродно, Слуцке и других городах и населенных пунктах. В своей деятельности они были связаны с нелегальными организациями Белостока, Вильно, Бельска, Ковно, Бреста и других городов Литвы и Белоруссии.

Опираясь на активную помощь передовых рабочих и крестьян, подпольные большевистские организации сумели создать разветвленную сеть партизанско-повстанческих штабов, что позволило обеспечить партийное руководство всем освободительным движением в тылу польских интервентов. Например, в октябре 1919 года был создан Минский районный повстанческий штаб, который возглавил уполномоченный ЦК Компартии Литвы и Белоруссии В. Ф. Шарангович. Под руководством штаба в окрестностях Минска действовали партизанские отряды, возглавляемые С. Плащинским, В. Погирейчиком, И. Маслыко, А. Романовским, в Дукорской пуще — А. Блажко, С. Комлюком, А. Кривощечковым, в районе Старых Дорог — А. Половейчиком, Я. Яковлевым, А. Томиловичем и другими. Повстанческий штаб координировал боевую деятельность партизанских подразделений в Слуцком, Игуменском, Борисовском, Молодечненском, Вилейском, Докшицком, Опшмянском и других уездах⁸³.

Созданный при Бобруйском комитете КП(б) Литвы и Белоруссии партизанско-повстанческий штаб возглавлял М. А. Левков. Штаб руководил боевой работой партизанского отряда имени III Интернационала, имени Бобруйского ревкома и других (всего 80 партизанскими отрядами)⁸⁴.

Осенью 1919 года оформилась Брестская повстанческая организация. В ее состав вошли подрайонные партийные организации Пружан, Кобрина, Белостока, Бельска, Слонима, Волковыска, Пинска, Лунинца, Петрикова. Всей боевой работой партизанских отрядов, действовавших на этой обширной территории, руководил Брестский подпольный комитет КП(б) Литвы и Белоруссии⁸⁵. Организационную и партийно-политическую работу среди партизан Полесья проводил уполномоченный ЦК КП(б) Литвы и Белоруссии Францев, направленный туда в мае 1919 года⁸⁶.

Благодаря огромной организаторской и политической работе БНР, подпольных партийных организаций и партизанско-повстанческих штабов на местах народная партизанская война осенью 1919 — зимой и весной 1920 года охватила всю оккупированную польскими войсками территорию. К моменту наступления Красной Армии на Западном фронте все партизанско-повстанческие отряды были объединены в единую вооруженную организацию — Народную военную самооборону (НВС)⁸⁷. Штаб НВС координировал боевую деятельность партизан на всей оккупированной территории в период наступления советских войск. По указанию НВС партизаны совершали вооруженные нападения на гарнизоны, склады и воинские команды интервентов, совершали диверсии на коммуникациях, вели разведку в интересах Красной Армии. В дни решающих боев на западном и юго-западном направлениях патриоты вывели из строя железнодорожные линии Минск — Вильно, Минск — Барановичи, Минск — Борисов, Минск — Жлобин, разгромили ряд гарнизонов и воинских подразделений, что существенно облегчило наступление советских войск⁸⁸.

Подразделения белорусских партизан в период борьбы с польскими интервентами возглавляли такие испытанные и бесстрашные борцы за установление Советской власти в Белоруссии, как Сергей Плащинский, Василий Погирейчик, Андрей Кривошеков, Андрей Блажко, Апанас Полонейчик, Максим Ус, Максим Левков, Игнат Жинко, Семен Вилюга, Кирилл Орловский, Александр Соловей, Андрей Путьято и многие другие. Среди организаторов партизанской войны на Полесье выделялся своим мужеством и отвагой, воспетый впоследствии народным поэтом Белоруссии Якубом Коласом в повести «Дрытва», бесстрашный партизан Василий Исакович Талаш. Отряд «деда Талаша», насчитывавший свыше 300 патриотов, неоднократно совершал стремительные ночные налеты на гарнизоны и опорные пункты польских интервентов, расположенные в Мозырском уезде, уничтожал их склады с оружием и боеприпасами, внезапно атаковывал обозы и воинские разъезды противника, дезорганизовывал движение на коммуникациях и т. д. За умелое руководство партизанской борьбой и личную храбрость В. И. Талаш был награжден орденом Красного Знамени⁸⁹.

Следует подчеркнуть, что так же, как и в период не-

мецкой оккупации, в годы борьбы с польскими интервентами ЦК РКП(б) и возглавляемое В. И. Лениным Советское правительство уделяли исключительно большое внимание организации народного сопротивления во вражеском тылу. При этом учитывался уже имевшийся опыт борьбы на оккупированной территории. Например, в конце февраля — начале марта 1920 года от руководителей территориальных партийных организаций и командования Западного фронта в Москву стали поступать сведения о намерениях буржуазно-помещичьей Польши вновь двинуть свои легионы в наступление. Эти тревожные донесения настораживали Центральный Комитет партии и Советское правительство, вынуждали их предпринимать конкретные шаги по укреплению западных рубежей страны. Так, в телеграмме, направленной В. И. Лениным 11 марта члену РВС Западного фронта И. С. Уншлихту, указывалось: «Поляки, видимо, воевать будут. Мы все возможное делаем для усиления обороны. Надо также усилить чрезвычайно агитацию на польском языке. Поможем вам, если надо, людьми, деньгами, бумагой»⁹⁰. В ответной телеграмме, посланной В. И. Ленину И. С. Уншлихтом 12 марта по прямому проводу, указывалось, что такая помощь уже необходима, особенно нужны опытные коммунисты для руководства партизанско-повстанческим движением и массово-политической работой на оккупированной территории. «Успешность работы,— говорилось в телеграмме,— требует: 1) срочной присылки коммунистов поляков, белорусов, литовцев для работы за демарклинией; 2) красных офицеров для военного руководства повстанческим движением (о чем послан 24 февраля доклад в ЦК)...»⁹¹

Комплекс мероприятий ЦК партии и Советского правительства, проделанных ими по организации и руководству партизанской войной на оккупированной интервентами территории Литвы и Белоруссии, способствовал как организационному укреплению собственно партизанско-повстанческих сил, так и расширению и углублению всего народного сопротивления в тылу противника, быстрейшему освобождению захваченной им советской территории. Благодаря наличию значительных партизанских сил и их активной деятельности в тылу польских интервентов, перешедшие в наступление войска Красной Армии сумели быстро изгнать врага с оккупированных им советских районов.

В тылу колчаковских войск

Как известно, районами наибольшей продолжительности и огромного размаха партизанского движения в период борьбы с многочисленными врагами молодой республики Советов являлись Урал, Сибирь и восточные окраины царской России, где в течение 1918—1922 годов полыхало пламя большой гражданской войны. «В Сибири и на Дальнем Востоке борьба в тылу врагов,— указывал активный участник гражданской войны на Урале, в Сибири и в Приморье Г. Х. Эйхе,— ...вылилась во все-народную освободительную войну. Воедино слились в ней классовая борьба трудящихся против эксплуататоров и контрреволюционеров, с одной стороны, и борьба народов России за возвращение в лоно Советской Республики, против иностранных захватчиков, с другой стороны»⁹². Мощные партизанские соединения, которыми командовали Е. И. Мамонтов, А. Д. Кравченко, И. В. Громов, П. А. Бурлов, Д. Е. Зверев, П. Н. Журавлев, Я. Н. Коротаев, И. Ф. Киселев, С. Г. Лазо, П. П. Постышев, С. С. Киргизов, Д. С. Шилов, Амангельды Иманов, Алиби Джангильдин и многие другие прославленные герои гражданской войны, нанесли врагу огромный урон, покрыв себя неуязвимой славой⁹³.

На востоке страны, как нигде в другом районе, наряду с социально-экономическими и политическими причинами существенное влияние на грандиозный размах и боевую активность партизанского движения оказывал природно-географический фактор. Огромная территория, бескрайние леса, сопки и речные поймы, отсутствие развитых коммуникаций, плохая связь между различными районами — все это в значительной мере благоприятствовало партизанам и повстанцам, которые с оружием в руках в течение нескольких лет отстаивали власть рабочих и крестьян.

Летом 1918 года молодая республика Советов оказалась в огненном кольце фронтов. Международный империализм предпринял попытку нанести свой главный удар по Советской России на Востоке — в Поволжье, на Урале и в Сибири — силами белочешского корпуса и сформированных под его прикрытием белогвардейских войск. В. И. Ленин, объясняя причины обострения иностранной интервенции в этот период, подчеркивал, что международный империализм предпринял «одну из серьезнейших битв» против

рабоче-крестьянской власти Советов. Вся буржуазия, указывал Владимир Ильич, все бывшие Романовы, все капиталисты и помещики выступили в поддержку чехословаков, так как их мятеж они связывали с возможностью падения Советской власти⁹⁴. Внутренняя контрреволюция получила значительную военную силу, хорошо вооруженную и дисциплинированную, с помощью которой на огромной территории Сибири, Урала и Поволжья была свергнута власть Советов.

Важнейшие хлебные и сырьевые районы страны к востоку от Волги оказались отрезанными от центра Советской России. Восточный фронт становился, таким образом, главным фронтом, поскольку именно здесь летом — осенью 1918 года решалась судьба революции.

29 июля под председательством Я. М. Свердлова состоялось объединенное заседание ЦК партии, Всероссийского Исполнительного Комитета, Московского Совета фабрично-заводских комитетов профессиональных союзов. С речью о текущем моменте выступил В. И. Ленин. В своем выступлении он подчеркнул: «Хотим мы этого или нет, но вопрос так поставлен: мы находимся в войне, и судьба революции решится исходом этой войны. Это должно стать первым и последним словом нашей агитации, всей нашей политической, революционной и преобразовательской деятельности»⁹⁵. Исходя из указаний ЦК партии, объединенное заседание приняло решение: «1) Признать Социалистическое Отечество в опасности; 2) Подчинить работу всех советских и иных организаций задачам настоящего момента...»⁹⁶ Обеспокоенный событиями на Востоке, В. И. Ленин в специальном письме, направленном 1 августа работникам Восточного фронта, указывал: «Сейчас вся судьба революции стоит на *о д н о й* карте: быстрая победа над чехословаками на фронте Казань — Урал — Самара.

Все зависит от этого»⁹⁷.

Позднее он со всей решительностью подчеркнул, что «единственный шанс на полную победу — поголовное участие приуральского и уральского населения, испытывшего ужасы колчаковской «демократии», продолжение наступления на Сибирь до *полной победы* революции в Сибири»⁹⁸. Пусть советское строительство в Приуралье и на Урале запаздает, указывал В. И. Ленин, пусть оно пойдет несколько медленнее, чем в центре России. От этого социалистическая революция не погибнет. А вот «от *ослабления*

наступления на Урал и на Сибирь *мы погибнем, мы должны усилить* это наступление **силами восстающих на Урале рабочих, силами приуральских крестьян...**»⁹⁹ (подчеркнуто мною. — Я. П.).

Во исполнение принятых партией решений для руководства народной борьбой против объединенных сил контрреволюции был образован Революционный военный совет и штаб Восточного фронта. Сюда в спешном порядке направлялись наиболее стойкие части, из которых было сформировано пять полевых армий. Принимая самые энергичные меры по укреплению этого решающего фронта молодой республики, Советское правительство и ЦК партии вместе с революционными рабочими пролетарских центров направили сюда тысячи коммунистов, многих опытных партийных работников и военачальников. Они составляли ядро дивизий и армий, вокруг которого сплачивались красноармейские массы.

В такой крайне сложной обстановке большую военно-организаторскую работу по защите завоеваний рабочих и беднейшего крестьянства пришлось вести местным большевистским организациям Зауралья и Сибири. Например, южноуральские красногвардейские отряды, оказавшись в окружении врага, вынуждены были летом — осенью 1918 года, по существу, перейти к партизанским методам борьбы. Параллельно с этим в южных уездах Урала на добровольных началах шел бурный процесс формирования боевых рабочих дружин, красногвардейских и партизанских отрядов. В дальнейшем все они были переформированы и включены в состав мощного партизанского соединения под командованием выдающегося пролетарского полководца Василия Константиновича Блюхера. В Сводном Южноуральском отряде (официальное название этого партизанского соединения) насчитывалось, по официальным данным, более 12 тысяч бойцов. В его состав входили рабочие-добровольцы Челябинска, Троицка, Екатеринбургa, Верхнеуральска, Белорецка, Богоявленска и других городов южного Урала, крестьяне и казаки беднота Троицкого и Верхнеуральского уездов. В составе отряда был батальон интернационалистов из бывших военнопленных мадьяр и немцев.

В политическом воспитании партизан отряда и военном руководстве выдающуюся роль сыграли коммунисты И. В. Точисский, братья Н. Д. и И. Д. Каширины,

С. Я. Елькин, Н. В. Баранов и другие¹⁰⁰. Документально пока не удалось установить общую численность коммунистов как в частях, так и в Сводном Южноуральском отряде в целом. Однако, по словам В. К. Блюхера, еще при выходе из Оренбурга была организационно оформлена партийная организация, численность которой значительно возросла с созданием Сводного отряда¹⁰¹. В ряде полков — в Белорецком, Богоявленском, 1-м Уральском — действовали избранные партийные комитеты, а в подразделениях — бюро. В других частях Сводного отряда партийные организации хотя и не были организационно оформлены, но коммунисты в подразделениях самоотверженно выполняли свой партийный долг, боевым делом и большевистским словом показывали пример беспартийным партизанам и вдохновляли их на подвиги.

Особенностью партийно-политического строительства в Сводном отряде было отсутствие военных комиссаров. У партизан-уральцев существовало единоначалие. Командиры несли полную ответственность как за боевое, так и за идейно-политическое состояние личного состава отряда, части, подразделения. Командир Богоявленского полка М. В. Колмыков в своем первом приказе обязал весь начальствующий состав «поставить своей святой обязанностью все свободное время поднимать воинский дух среди рядовых товарищей». Командир Верхнеуральского красного казачьего партизанского полка С. П. Галунов требовал от всего командного состава повседневно беседовать с бойцами как о военном, так и о политическом положении, разъяснять, к чему мы стремимся и как можно достичь цели. Подобные приказы отдавались и по другим частям¹⁰².

После падения Уфы южноуральские партизаны оказались отрезанными от основных частей Красной Армии. Положение было отчаянным. Не хватало оружия, продовольствия, снаряжения. Со всех сторон нападали белочехи и дутовцы. В. К. Блюхер принял смелое решение — прорвать вражеское кольцо, совершить рейд по тылам врага и выйти на соединение с войсками Восточного фронта.

Коммунисты и все партизаны поддержали этот план. Осуществляя его, во второй половине сентября южноуральские партизаны совершили героический победоносный рейд по глубоким тылам противника и западнее Красноуфимска соединились с частями 3-й армии. Свыше полуторы тысячи исключительно трудных километров прошли

с боями партизаны В. К. Блюхера через хребты Южного Урала, дезорганизуя тылы врага, нанося поражения белогвардейским полкам и соединениям. 14 сентября В. К. Блюхер от имени южноуральских партизан отправил в Москву, в Совнарком В. И. Ленину, в Пермский областной комитет партии и командующим армиями приветственную телеграмму, в которой говорилось: «В Вашем лице приветствую Рабоче-Крестьянскую Советскую Республику и ее славные красные войска. Продолав беспримерный полторатысячеверстный переход по уральским горам и области, охваченной восстанием казачества и белогвардейцев, формируясь и разбивая противника, мы вышли сюда, чтобы вести дальнейшую борьбу с контрреволюцией в тесном единении с нашими родными уральскими войсками, и твердо верим, что недалек тот день, когда Красное знамя социализма снова взвоьется над Уралом»¹⁰³.

Центральный Комитет партии и Советское правительство, узнав о подвиге уральских партизан, сочли необходимым сообщить об этом беспримерном событии выздоравливающему после покушения на его жизнь В. И. Ленину. 19 сентября 1918 года Владимир Ильич имел беседу с членом Уральского комитета РКП(б) и Уральского Совета А. П. Спундэ и просил его сообщить ему более подробные сведения о Блюхере и о героическом походе под его руководством партизанских отрядов уральских рабочих¹⁰⁴. В ответ на эту просьбу Уральский областной комитет РКП(б) сообщал: «Посылаем Вам сведения о Блюхере, о котором мы сегодня с Вами говорили. Участвовал почти все время в ликвидации дутовщины... Около четырех месяцев в тылу у чехов, вышел к нам где-то около Бирска, увеличив значительно свои войска... В лице Блюхера и его полков мы имеем подлинных героев, совершивших неслыханный в истории нашей революции подвиг... Уральский областной комитет РКП(б) настаивает на том, чтобы Блюхер с его отрядами был отмечен высшей наградой, какая у нас существует, ибо это небывалый у нас случай»¹⁰⁵.

Партия и правительство высоко оценили боевые заслуги южноуральских партизан. Направленное от имени Реввоенсовета Республики послание партизанам южноуральского отряда гласило: «Ваши героические подвиги не будут забыты свободной Родиной. Высший Военно-Революционный Совет Республики приносит вам, славные солдаты Блюхера, и вашему бесстрашному командиру тов. Блюхе-

ру горячую благодарность и выражает надежду, что вскоре увидит вновь вас, оправившихся от тяжелых боев, в рядах своих революционных войск и вновь услышит о ваших великих подвигах»¹⁰⁶.

За блестящую организацию и успешное проведение боевого рейда по тылам врага ВЦИК и Реввоенсовет Республики наградили В. К. Блюхера орденом Красного Знамени. Главком Сводного Южноуральского партизанского отряда был первым в Советской стране кавалером ордена Красного Знамени. Небезынтересно отметить, что ему также выпала честь получить орден Красной Звезды № 1. В 1935 году Блюхеру в числе первых пяти наиболее выдающихся организаторов и руководителей Красной Армии было присвоено звание Маршала Советского Союза.

В военном отношении рейд южноуральских партизан знаменателен тем, что он был первым примером создания большого, хорошо сколоченного партизанского объединения, действовавшего целеустремленно, по заранее разработанному плану. На протяжении всего рейда отряд, обладая достаточной огневой мощью, безраздельно держал инициативу в своих руках, навязывал противнику свою волю — бои в невыгодных для него условиях.

Помимо чисто военного эффекта рейд южноуральских партизан сыграл важную роль в подъеме революционной сознательности трудящихся масс Урала¹⁰⁷. Как указывает советский историк И. Ф. Плотников, даже по неполным подсчетам, к лету 1919 года партизанским и повстанческим движением на Урале и в Зауралье было охвачено до 10 тысяч рабочих и крестьян¹⁰⁸.

Основную, определяющую массу участников партизанского движения на Урале и в Сибири составляло трудовое крестьянство, поскольку на Востоке, в силу отсутствия помещичьей эксплуатации, а также из-за сравнительно слаборазвитой промышленности, крестьяне были преобладающими среди прочих классов и слоев населения.

Несмотря на двойственный характер своей классовой природы, трудовые массы деревни полностью или в большинстве своем разделяли лозунги Советской власти и шли под красными знаменами большевистской партии. Выступление крестьян в форме партизанских действий против контрреволюции, по существу, являлось продолжением борьбы за установление Советской власти. Рабочий класс и его большевистский авангард видели свою задачу в том,

чтобы как можно полнее использовать революционные возможности крестьянства, подчинить его своему влиянию, превратить в надежный политический резерв, в стойкого союзника. Местные большевистские организации и ячейки в условиях жестокого колчаковского террора и насилия сплачивали мелкобуржуазные массы, вели большую организаторскую работу среди крестьян, призывали их использовать малейшую возможность для активной борьбы с белогвардейцами и интервентами.

С действовавшими партизанскими подразделениями поддерживали прочную связь подпольные партийные органы, руководившие освободительной борьбой в городах. Один из организаторов и руководителей барнаульского партийного подполья А. А. Малиновский впоследствии так характеризовал эти связи с местными партизанскими войсками: «Барнаульский комитет проводил энергичную работу по установлению живой военно-оперативной связи с партизанскими частями..., которые оперировали в районах, наиболее близких к Барнаулу. В военно-революционный штаб комитет пригласил военных специалистов, бывших офицеров, проверенных на деле. Использовали и генштабистов, сидевших в лагере военнопленных. При их участии комитет и штаб разработали стратегический план восстания в городе и план наступления партизанских отрядов на Барнаул. Одновременно комитет направил в партизанские отряды группу большевиков и военных специалистов»¹⁰⁹. Связь территориального партийного подполья с руководством партизанских отрядов Алтая поддерживалась через коммунистов А. Сухно, И. Коржаева, А. Елкина, Я. Овчукова, А. Малиновского и других¹¹⁰.

Однако партизанское движение на востоке страны не являлось уделом только революционно настроенных пролетарских масс деревни. В нем с самого начала активное участие приняли фабрично-заводские рабочие и возвратившиеся в села десятки тысяч революционно настроенных солдат, которые прошли в окопах империалистической войны серьезную школу классового прозрения. Недаром В. И. Ленин отмечал, что возвратившиеся с фронта солдаты «приносили оттуда всюду, куда только они являлись, максимум революционной решимости покончить с соглашательством, и соглашательские элементы, белая гвардия, сынки помещиков оказались лишенными всякой опоры в населении»¹¹¹. Рабочий класс являлся организующей и

цементирующей силой партизанских формирований Сибирского края, облагораживал это глубоко народное движение идеями социализма.

Революционная роль рабочего класса, его высокие моральные и политические качества позволили партии осуществлять твердое и последовательное руководство партизанской борьбой, поднять ее до уровня движения. Обобщая опыт гражданской войны, В. И. Ленин в 1922 году писал, что партия в наиболее тяжелые для Советской власти моменты всегда обращалась за поисками новых сил туда, где лежал наиболее глубокий корень пролетарской диктатуры¹¹². «В условиях господства интервентов и белогвардейцев и в силу малочисленности рабочего класса Сибири,— отмечал Г. Х. Эйхе,— были найдены соответствующие пути и возможности создания единого фронта рабочих и трудового крестьянства против общего врага при условии сохранения руководящей роли пролетариата и его авангарда и руководителя — партии большевиков. Сибирские рабочие уходили к партизанам и повстанцам, составляли там основное, наиболее сознательное и боевое во всех отношениях ядро. Рабочие Сибири оказывали повстанцам и партизанам большую помощь в самых разнообразных формах: приобретение и доставка оружия, передача инструмента и материала для патронных заводов, мастерских по ремонту оружия и т. д.»¹¹³.

Следует подчеркнуть, что особенно большую организационно-политическую работу по расширению и углублению партизанского движения на востоке страны, приданию ему организованности и целенаправленности проводили подпольные большевистские организации важнейших сибирских промышленных центров — Омска, Иркутска, Томска, Щегловска, Бийска, Барнаула и других городов. В ряде промышленных центров Урала и Сибири летом 1918 года местными большевистскими организациями и комитетами были предприняты попытки создать партизанские отряды из числа рабочих-подпольщиков и их силами начать вооруженную борьбу. Например, в Новониколаевске были сформированы и направлены в сельскую местность два партизанских отряда под командованием братьев Михаила и Владимира Кешпов. Некоторое время спустя вооруженный отряд из числа барнаульских рабочих во главе с членами нелегального горкома партии А. Ворожцовым и А. Сухно был организован Барнаульским комитетом

РКП(б). Партизанский отряд, состоявший из рабочих-шахтеров и бывших красногвардейцев, под командованием большевика А. Гончарова с осени 1918 года проводил бои и внезапные ночные налеты в Анжеро-Судженском районе Алтайской губернии. Томским большевистским подпольем был создан небольшой партизанский отряд во главе с коммунистом П. К. Голиковым, ставшим позже одним из активных руководителей партизанского движения на Алтае ¹¹⁴.

Элементами, составной частью революционного партизанства, как справедливо отмечает И. Ф. Плотников, в этот период являлись действия боевых подразделений (дружин, диверсионно-подрывных групп, небольших отрядов и отдельных боевиков), создаваемых при ревкомах и при подпольных большевистских организациях в городах и других населенных пунктах. Такие подразделения летом — осенью 1918 года были созданы и вели активную деятельность в Челябинске, Омске, Новосибирске, Томске, в забайкальских «лесных коммунах», где организационно-политическую работу проводили коммунисты С. П. Зарубин, М. И. Бородин, С. С. Киргизов, П. Я. Семенихин и другие. В ноябре 1918 года в районе Александровского завода в Алтагачанской коммуне ими был создан военно-революционный штаб. Последний проводил целенаправленную организационно-агитационную работу среди крестьян и казаков, распространял среди населения листовки, посылал своих представителей в районы рек Шилка и Аргунь, установил связь с Читинской организацией большевиков.

В итоге активной деятельности военно-революционного штаба в первой половине 1919 года на Александровском, Нерчинском и Газимурском заводах, в Курунзулае, Онон-Борзинском и других районах Забайкалья были созданы нелегальные революционные штабы и комитеты, возник ряд партизанских отрядов. Насколько быстро росли партизанские силы, хорошо видно на отряде Алтагачанской коммуны, который за короткий срок увеличился до 1250 человек.

К весне 1919 года партизанские отряды Восточного Забайкалья насчитывали 4 конных полка. Впоследствии эти формирования стали именоваться 1-й партизанской советской дивизией Восточно-Забайкальского фронта. Партизанскую дивизию возглавил соратник Сергея Лазо коммунист Павел Николаевич Журавлев ¹¹⁵.

Партизанские действия в форме диверсионно-подрывной работы разворачивались на полустанках, железнодорожных станциях и ряде участков Транссибирской магистрали¹¹⁶. Подобные действия групп и боевых дружин в городах и селениях В. И. Ленин относил к партизанской войне. «...Такие партизанские действия, — указывал он, — неизбежные при наличности двух враждебных вооруженных сил и при разгуле временно восторжествовавшей военной репрессии, в то же время служат к дезорганизации неприятеля и готовят грядущие открытые и массовые вооруженные действия»¹¹⁷.

Заложенные летом — осенью 1918 года основы массового партизанского движения на Урале и в Сибири способствовали обострению классовой борьбы между трудящимися на одном полюсе и объединенными контрреволюционными силами — на другом. Последовавшие затем вооруженные восстания в городах и других населенных пунктах * расширили и упрочили эту основу, превратили партизанскую борьбу в действительно массовое, общенародное движение, шедшее под революционным знаменем восстановления власти Советов.

Однако было бы ошибочным представлять все парти-

* Большой размах восстания приняли зимой 1918/19 г., когда колчаковцы и интервенты повели наступление против Красной Армии Восточного фронта. Руководствуясь решениями подпольных конференций, большевистские организации подготовили и подняли рабоче-солдатские восстания в Томске (в ночь на 2 ноября 1918 г.), Омске (22—23 декабря 1918 г.), Канске и на станции Иланской (27 декабря 1918 г.), Енисейске (6—28 февраля 1919 г.), Тюмени (13 марта 1919 г.), Кольчугине (6 апреля 1919 г.). Вооруженные выступления рабочих и насильственно мобилизованных в колчаковскую армию рабочих и крестьян подрывали тыл врага и тем самым оказывали существенную помощь красноармейским войскам Восточного фронта, вынуждали колчаковцев усилить гарнизоны в тыловых городах. Восстания явились могучим средством развития самосознания трудящихся масс, подняли на борьбу новые слои рабочих и крестьян. 2—9 сентября 1918 г. вспыхнуло Славгородское (Чернодольское) восстание, в октябре — Мариинское (Чумайское), в ноябре — Минусинское. В августе 1919 г. восстаниями было охвачено 36 сел и деревень Барнаульского, Бийского и Змеиногорского уездов. Все восстания, как правило, проходили под лозунгом борьбы за Советскую власть. И, несмотря на то что большинство из них потерпело поражение, местные вооруженные восстания имели огромное значение. Они воочию убедили трудящихся, что победить противника и восстановить Советскую власть можно только вооруженным путем.

занское движение на востоке страны как единую антиконтрреволюционную силу. Внимательное изучение этого сложного общественного явления показывает, что оно отражало социальную неоднородность сибирского крестьянства и казачества, а также в определенной степени и рабочих. Это приводило к острой борьбе различных тенденций в партизанском движении Томской, Алтайской, Енисейской и Иркутской губерний, а также на Южном Урале и в отдельных районах Дальнего Востока.

Пролетариат и беднейшее крестьянство, составлявшие определяющую массу участников партизанского движения, в основе своей стояли на советской платформе. Вместе с тем значительные по сибирским масштабам слои мелкобуржуазных попутчиков находились в определенной степени под влиянием эсеров, меньшевиков и анархистов. Вынужденные выступать против кровавого режима Колчака, они в то же время не поддерживали и Советскую власть. В партизанских формированиях, где анархистско-эсеровские тенденции получили на отдельных этапах гражданской войны преобладание, допускалось нарушение революционной законности, а также ослабление организованности и боеспособности. Иногда в очагах партизанского движения меньшевистско-эсеровские или анархо-кулацкие элементы пытались развалить дисциплину, деморализовать здоровую часть партизан, увести их в сторону от борьбы за Советскую власть, физически уничтожить руководителей движения. От пули взбунтовавшихся мироедов и буржуйчиков погиб отважный партизанский командир Е. П. Попов («Пугачев»), был ранен опытный руководитель патриотов, председатель Тасеевского волостного комитета В. Г. Яковенко и другие. Все это тлетворно влияло на массы, порождало опасность дискредитации партизанского движения, вызывало недовольство местного населения.

Центральный Комитет РКП(б) и лично В. И. Ленин, местные партийные организации вели беспощадную и целенаправленную борьбу как против контрреволюционной деятельности анархистов и остатков мелкобуржуазных партий, так и против псевдореволюционных заскоков «левых коммунистов», опасных проявлений позерства, безудержного ухарства, бесконтрольной партизанщины. Во всех своих циркулярных письмах и директивах ЦК партии и В. И. Ленин постоянно требовали от местных парторга-

нов и командования партизанских подразделений крепить революционную дисциплину и организованность, преодолевать любые проявления анархии и партизанщины в регулярных советских войсках. Поздравляя с крупными военными успехами армии Восточного фронта, завершившие освобождение Урала от белогвардейцев, председатель СНК в своих телеграммах от 17 и 19 июля 1919 года одновременно напоминал командованию о необходимости позаботиться, чтобы имевшая в ряде мест бесконтрольная «сибирская партизанщина не разложила наших войск», рекомендовал Реввоенсовету фронта «подробно обсудить с политработниками и осуществить конкретные меры против партизанщины»¹¹⁸. В ответной телеграмме член РВС Восточного фронта К. К. Юренев писал В. И. Ленину: «Будьте спокойны — партизанщины не допустим на Урале... Сибирскую партизанщину пресечем...»¹¹⁹

Рассматривая вопрос о морально-политическом состоянии партизанских подразделений Сибири, прежде всего надо помнить исключительно тяжелые условия, в которых они создавались и действовали. Следует также иметь в виду и тот факт, что три четверти территории юга Западной Сибири в течение полутора лет не имели твердой политической власти. Это неизбежно отложило свой отпечаток на моральное и боевое состояние партизан-повстанцев, вынуждало армейские политорганы и местные партийные организации предпринимать соответствующие меры и проводить среди партизан усиленную идейно-воспитательную работу*. «И если партизанщина в худшем понимании слова,— указывал Г. Х. Эйхе,— не получила здесь за ука-

* Например, Реввоенсоветом 5-й армии совместно с Сибревкомом в конце 1919 — начале 1920 гг. был принят ряд партийно-политических и организационных мер для ликвидации отрицательных явлений среди партизанско-повстанческих войск. После воссоединения Красной Армии с партизанскими подразделениями значительная часть последних не вливалась сразу в воинские части, а направлялась в глубокий тыл с целью определения соответствующими комиссиями их годности к последующей строевой службе. В интересах установления единого для всей Красной Армии возраста партизаны-повстанцы старше 35 лет были демобилизованы. Приказом РВС 5-й армии от 26 декабря 1919 г. (№ 1117) было предусмотрено оказание материальной помощи партизанам и повстанцам: единовременное денежное пособие, приравнивание в отношении прав и преимуществ к красноармейцам и их семьям, выдача обмундирования, лошадей и т. д. (ЦГАСА, ф. 33988, оп. 2, д. 13, л. 183).

занное время развитие и не превратилась в сибирскую махновщину или григорьевщину, то это должно быть прежде всего отнесено к историческим заслугам подпольных большевистских организаций»¹²⁰.

Выработанный В. И. Лениным и Коммунистической партией курс военно-политического руководства партизанским движением твердо и последовательно проводился в жизнь большевиками Урала и Сибири в течение всего периода гражданской войны. Чтобы парализовать анархистствующие и кулацкие элементы, собрать и консолидировать просоветски настроенных партизан и повстанцев, военнореволюционные штабы и местные партийные комитеты направляли в партизанские отряды стойких и идейно-выдержанных большевиков, специальные группы рабочих. Так, вооруженный отряд барнаульских рабочих, возглавляемый членами нелегального РКП(б) А. Ворожцовым и А. Сухно, был влит в отряд анархиста Рогова, действовавший в таежном районе на реке Чумыш (северо-восток Алтайской губернии). Результаты деятельности группы партийцев и рабочих Барнаула не замедлили сказаться. Ведя широкую политико-просветительную работу, упорную борьбу с мелкобуржуазной стихией и анархо-кулацкой вольницей, они сумели не только очистить от чуждых элементов и правильно сориентировать партизан, но и обеспечить перелом в настроении всего отряда, оторвать от роговцев здоровую в своей основе бедняцко-средняцкую часть партизан, провести большевизацию отряда. Вскоре после изолирования авантюристов и анархистов здесь была создана дисциплинированная 1-я Чумышская партизанская дивизия, командиром которой стал барнаульский рабочий, член партии с 1917 года А. И. Ворожцов («Анатолий»), комиссаром — Л. В. Решетников, посланец Барнаульского партийного комитета¹²¹.

Подобным образом вели острую борьбу с анархо-кулацкими, деклассированными и уголовными элементами, препятствовавшими росту и углублению партизанского движения, Томский, Иркутский, Новосибирский, Читинский и другие подпольные комитеты и организации большевиков. С целью пресечения антисоветских действий и эсеро-авантюристских тенденций в партизанском движении, большевизации партизанско-повстанческих формирований и оказания последним конкретной помощи они направляли в отряды, возглавляемые Новоселовым, П. Голубковым (Том-

ская губерния), Н. Каландарашвили * (Иркутская губерния), Д. Третьяковым (район Троицкосавска), Тряпицыным (Дальний Восток), своих представителей и вооруженные группы рабочих из Томска, Кемерово, Гурьевска, Черемхова, Анжеро-Судженских и Кольчугинских копей.

Большевики и сочувствующие им проводили в отрядах большую массово-политическую работу, обогащали сознание колеблющихся и неустойчивых партизан великими идеями коммунизма, усиливали партийное влияние в отрядах, разоблачали и изолировали анархистствующих командиров и их приспешников, отрывали от последних тех, кто временно поддадал под их влияние. По-настоящему овладевая движением, придавая ему организованный и политически целеустремленный характер, посланцы партии и рабочего класса искореняли его негативные стороны, поворачивали формирования партизан на путь борьбы за восстановление власти Советов. По мере развития и углубления революционно-освободительной борьбы в тылу войск белогвардейцев и интервентов отрицательных явлений в партизанском движении становилось все меньше и меньше. В этом заключалась сила партийных организаций Сибири, которые смогли пестрые, многочисленные и часто разрозненные ручейки стихийного народного протеста превратить в могучий поток сознательной всенародной войны за восстановление Советской власти **.

* Впоследствии Н. А. Каландарашвили порвал с анархистами, вступил в ряды большевистской партии и после освобождения Сибири принял активное участие в советской работе.

** Буржуазные авторы, а также представители контрреволюционных сил и эсеро-меньшевистской эмиграции, отражая классовую антисоциалистическую направленность капиталистического мира, игнорируют марксистско-ленинскую концепцию, согласно которой национально-освободительное движение является органической частью революционного процесса. Вопреки историческим фактам они, извращая сущность гражданской войны, отрицают руководящую роль Коммунистической партии в организации и развитии партизанского движения, умаляют его эффективность, пытаются противопоставить город деревне. Фальсификаторы представляют партизанское движение не как борьбу пролетариата при поддержке трудящегося крестьянства против контрреволюционных сил, за власть Советов, а как вооруженную борьбу между разными отрядами рабочих и крестьян, якобы порожденную злокозненностью большевиков.

Наиболее откровенно эту мысль высказала эсеро-меньшевистская эмиграция. На антиленинских позициях стояли и троцкисты. В отдельных статьях троцкистов содержались утверждения о яко-

Как ни трудны были условия связи с Сибирью (дальность расстояния и непрерывные военные действия), ЦК РКП(б) и лично В. И. Ленин постоянно проявляли большое беспокойство о характере партизанского движения в неприятельском тылу, уделяли максимум внимания тому, чтобы направить в нужное русло это движение. В качестве примера можно привести известный факт, когда Председатель Совнаркома 12 июня 1918 года направил в Ташкент радиogramму с просьбой любыми, прямыми или обходными, путями «немедленно связаться с Омском, Новониколаевском, Барнаулом, Иркутском, Красноярском и другими городами Сибири» и получить необходимую информацию о положении дел в неприятельском тылу¹²². Чутко прислушиваясь к голосу масс, мнениям и советам практиков, непосредственных исполнителей директив ЦК партии и Совета Народных Комиссаров, В. И. Ленин живо

бы контрреволюционности всего крестьянства в целом. Партизанское движение, в соответствии с высказываниями Троцкого, оценивалось как стихийный крестьянский бунт в защиту частной собственности.

Отдельные отголоски фальсификации истоков и корней партизанского движения находили отражение в некоторых изданиях, вышедших в двадцатые годы в Советской России. Типичным примером извращения истории этого народного движения, соотношения и расстановки классовых сил в Сибири в годы борьбы с белогвардейцами и интервентами являлась книга бывшего эсеровского деятеля Е. Колосова «Сибирь при Колчаке» (Пг., 1923). Замалчивая факты крестьянских партизанско-повстанческих выступлений, широкой волной прокатившихся в августе — сентябре 1918 г. по всей Сибири, автор попытался нарисовать фальшивую картину поддержки эсеро-меньшевистских правителей крестьянами. Он представлял дело таким образом, будто бы открытые выступления крестьян начались лишь после установления кровавой диктатуры Колчака. Более того, Е. Колосов стремился уверить читателей, что рабочий класс Сибири не принимал активного участия в борьбе против контрреволюции, а крестьянское движение возглавляли эсеры, будто бы крестьянское партизанско-повстанческое движение не ставило целью восстановления власти Советов.

Непонимание сущности и характера партизанского движения в Сибири, на Урале и северной части Казахстана проявили отдельные политработники армии и представитель Сибревкома в Степном крае (ныне Акмолинская и Семипалатинская области, входившие тогда в состав Омской губернии) В. Эльцен. Он фактически отрицал руководящую роль рабочего класса и его коммунистического авангарда в партизанском движении в тылу у Колчака (В. Эльцен. Пятая армия и сибирские партизаны.— См.: сб. «Борьба за Урал и Сибирь». М.—Л., 1926; его же: «Крестьянское движение в Сибири в период Колчака».— См.: «Пролетарская революция», 1926,

реагировал на все то ценное, нужное, полезное, что содержалось в телеграммах, письмах, докладах и сообщениях с мест событий. Многие ценнейшие установки и указания, творчески обобщенные и развитые им в документах Центрального Комитета партии и СНК, были «подсказаны» местными «корреспондентами».

До создания центрального органа по военно-оперативному и политическому руководству патриотической борьбой в тылу белогвардейцев и интервентов систематическую связь с подпольными большевистскими комитетами, а через них и с партизанскими формированиями, ЦК партии и В. И. Ленин осуществляли с помощью уполномоченных ЦК, специальных курьеров и связных. Пренебрегая опасностью, эти мужественные люди по глухим тропам уходили в тыл врага, неся с собой инструкции ЦК партии, боль-

№№ 2—3). В своей статье «Пятая армия и сибирские партизаны» он писал: «Отсутствие политического руководства города было основным моментом и главной особенностью сибирского партизанского движения. Отсюда беспартийное по своему существу (в смысле руководства) движение, неоформленность лозунгов, отсутствие строгой и определенной программы в период борьбы, случайность в подборе вождей и значительная роль последних, похожих скорее на «атаманов», чем на политических вождей восставшего крестьянства» («Борьба за Урал и Сибирь». М.—Л., 1926, стр. 268).

Политическая несостоятельность и научная беспомощность подобных выводов аргументированно опровергнута многими фундаментальными конкретно-историческими исследованиями. Среди них первое коллективное исследование — трехтомный труд «Гражданская война 1918—1921» под редакцией М. Н. Тухачевского, А. С. Бубнова, С. С. Каменева и Р. П. Эйдемана, изданный в конце двадцатых годов, обобщающие труды по истории Коммунистической партии и гражданской войны, очерки по истории местных партийных организаций, сборники документов и материалов по истории партизанского движения и борьбы за установление Советской власти на востоке страны («Партизанское движение в Западной Сибири в 1918—1920 гг.». Сб. док. Новосибирск, 1936; «Омские большевики в борьбе за власть Советов (1917—1920)». Сб. док. Омск, 1952; «Документы героической борьбы». Красноярск, 1959; «Борьба за власть Советов в Иркутской губернии (1918—1920 гг.)»; «Партизанское движение в Приангарье». Иркутск, 1959; и др.), монографические труды советских историков (Н. Н. Азовцев. В. И. Ленин и советская военная наука. М., 1971; коллективный труд «В. И. Ленин и история классов и политических партий в России». М., 1970; Л. М. Спириин. Классы и партии в гражданской войне в России (1917—1920 гг.). М., 1968; А. М. Малашко. К вопросу об образовании однопартийной системы в СССР. Минск, 1969; Л. М. Спириин. Разгром армии Колчака. М., 1957; Д. П. Жмуровский. Организаторская работа Коммунистической партии в деревне (1918—1920).

шевистскую литературу, оружие, деньги. Уже летом 1918 года ЦК направил через фронт на Урал и в Сибирь опытных партийных работников с инструкциями и материальными средствами для постановки и развертывания партийно-политической работы, а также для организации вооруженных выступлений в городах, расширения и углубления партизанского движения в сельской местности. В качестве специальных посланцев партии в Сибирь были направлены профессиональный революционер, член партии с 1904 года Ф. И. Суховерхов-Сычев и один из стойких и активнейших участников революции в Сибири Сергей Черепанов. Несколько позже, осенью 1918 года, в Сибирь прибыл Иван Борисов («Цветков»), который доставил подпольщикам деньги и директивы ЦК. Ф. И. Суховерхов-Сычев перед отправкой за линию фронта имел длительную

Минск, 1970; Ю. П. Петров. Партийные мобилизации в Красную Армию (1918—1920). М., 1956; его же: Строительство политорганов, партийных и комсомольских организаций армии и флота (1918—1968). М., 1968; М. И. Стишов. Большеви́стское подполье и партизанское движение в Сибири. М., 1962; И. Ф. Плотников. Героическое подполье. Большеви́стское подполье Урала и Сибири в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны. М., 1968; П. М. Пахмурный. Коммунистическая партия — организатор партизанского движения в Казахстане. Алма-Ата, 1965; В. П. Наумов. Летопись героической борьбы. М., 1972) и ряд диссертационных работ, многочисленные статьи в журналах и научных сборниках, воспоминания активных участников событий тех лет и т. д.

На достаточно широком конкретно-историческом материале и документах советскими историками правильно освещены важнейшие вопросы расстановки и соотношения классовых сил в стране в период борьбы с внутренней и внешней контрреволюцией, убедительно доказано, что не кто иной как Коммунистическая партия организовывала и непосредственно руководила всей национально-освободительной борьбой, проявляя неустанную заботу о подборе и расстановке руководящих кадров как в регулярной армии, так и в партизанских формированиях. Что касается социального состава партизанских отрядов и соединений, то почти все исследователи отмечают, что процентное отношение рабочего класса к остальным участникам движения не было ни преобладающим, ни даже равнозначным. Но, несмотря на сравнительно невысокий удельный вес рабочих в общей массе партизан, они играли роль гегемона по отношению к непролетарским и мелкобуржуазным слоям трудящихся. Ибо сила рабочего класса в историческом процессе, как указывал В. И. Ленин, неизмеримо больше, чем его доля в общей массе населения, поскольку это самый передовой, самый организованный класс общества, представлявший собой центр притяжения всех революционных слоев трудящихся (см.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 13).

беседу с секретарем ЦК РКП(б) Я. М. Свердловым, от которого получил подробные инструкции о развертывании народной борьбы в тылу противника.

Среди отважных курьеров, доставлявших во вражеский тыл инструкции ЦК, газеты, воззвания, деньги, типографские шрифты и т. д., а также среди ходоков, прибывавших с важными сведениями в Москву, были сибирский крестьянин Егор Черных, рабочий Петр Хотенков, коммунисты Антон Валек, Аркадий Мартинэ, Мария Авейде, Любовь Годисова, Александра Михеева и другие. Многие из них, выполняя ответственные задания партии, погибли¹²³.

Я. М. Свердлов при инструктировании партийцев, отправляемых в Сибирь для связи или на постоянно, обращал внимание на особую важность работы большевиков среди трудовых масс деревни. Он настоятельно рекомендовал руководителям местных подпольных комитетов обратить особое «внимание на крестьянское движение против Сибирского правительства»¹²⁴.

Некоторые представители ЦК направлялись в Сибирь по личному заданию В. И. Ленина. В конце 1918 года из Москвы через линию фронта в далекую Сибирь уехал инструктированный В. И. Лениным специальный уполномоченный ЦК РКП(б) Дмитрий Дмитриевич Киселев. Цель его поездки состояла в том, чтобы информировать сибирских подпольщиков и партизан о положении Советской России, успехах Красной Армии на Восточном и других фронтах, передать указания партии о необходимости усилить партизанское движение в тылу противника и тем самым содействовать победам наших войск. Д. Д. Киселев побывал в Иркутске, Чите, Красноярске, где имел встречи с руководителями большевистских комитетов и организаций. После возвращения в Москву он был принят В. И. Лениным и имел с ним беседу. Впоследствии, вспоминая об этой встрече, Д. Д. Киселев писал, что В. И. Ленин интересовался буквально всем, что имело отношение к гражданской войне, но «больше всего Владимир Ильич интересовался тем, какую форму принимает революционное движение в тылу Колчака, организуются ли в местах свержения колчаковской власти Советы или земские управы»¹²⁵.

Свидетельства курьеров и прибывавших с мест партийных работников, их советы и предложения помогали Центральному Комитету партии, СНК и В. И. Ленину знать всю правду о том, как идут дела на фронтах и в неприя-

тельском тылу, где следует усилить руководство, кого нужно поддержать ободряющим личным советом, куда необходимо спешно направить смелых и энергичных людей, деньги, оружие и т. д. В этой тесной и неразрывной связи ЦК партии и В. И. Ленина с практиками борьбы кроется один из «секретов» величайшей действенности и жизненности проводимых ими мер по вопросам революционной тактики и стратегии. «Всеми своими успехами в борьбе в тылу интервентов и белогвардейцев, — подчеркивал Г. Х. Эйхе, — подпольные большевистские партийные организации обязаны тому, что они боролись за программу и лозунги партии, говорили от имени партии, что за ними стоял авторитет партии — имя великого вождя революции Владимира Ильича Ленина. В этом ключ к пониманию и правильному освещению всего хода борьбы в тылу врагов»¹²⁶.

Секретарь ЦК РКП(б) Я. М. Свердлов, непосредственно следивший за развитием революционной партизанской войны в восточных районах страны, осенью 1918 года в письме Сибирскому комитету РКП(б) писал: «Дорогие товарищи! Ваши записки, посланные с Комарцем, получили; мы ни на минуту не забываем о вас. Посылали неоднократно деньги, мало — не по нашей вине. Теперь решили создать специальное Сибирское бюро ЦК из 5 человек... Принимаем сейчас все меры к постановке прочной связи с вами...»¹²⁷

Изучив состояние освободительной борьбы в тылу войск белогвардейцев и интервентов, ЦК партии 17 декабря 1918 года создал Сибирское бюро ЦК РКП(б). В задачу бюро входило осуществление централизованного руководства и координации деятельности подпольных большевистских организаций и партизанских формирований. Первоначально бюро находилось в Вятке, потом в Уфе, в непосредственной близости от фронта. В состав бюро входили видные партийные работники, бойцы ленинской гвардии Ф. И. Голощекин, И. Н. Смирнов, находившиеся в советской части России, а также А. А. Масленников, А. Я. Нейбут и Ф. И. Суховерхов-Сычев*, работавшие в тылу у Колчака.

* К моменту образования Сибирского бюро Ф. И. Суховерхова-Сычева уже не было в живых, о чем ЦК партии еще не знал.

Сибирское бюро ЦК РКП(б) подчинялось непосредственно ЦК партии и под его руководством возглавляло народную борьбу против белогвардейцев и интервентов. Постоянная и оперативная связь ЦК РКП(б) с бюро осуществлялась через Реввоенсовет 5-й армии¹²⁸.

По согласованию с Я. М. Свердловым и Уральским обкомом РКП(б) в начале 1919 года в Вятке, в полосе действия 3-й армии, было образовано отделение Сибирского бюро, получившее впоследствии название Урало-Сибирское бюро ЦК РКП(б). Председателем отделения был избран уральский партийный работник Н. И. Уфимцев, секретарем — первоначально С. Ф. Буранов, несколько позже — А. А. Ляк.

Центральным Комитетом партии Сибирскому бюро и его отделению поручалось установление прочной и регулярной связи с подпольными большевистскими комитетами крупных промышленных центров Урала и Сибири, партийными группами и отдельными коммунистами, работавшими на местах, руководство партизанским движением, информирование подпольщиков и партизан о положении в Советской России, передача директив ЦК, оказание помощи деньгами, людьми, оружием, организация разведки, дезорганизация вражеского тыла путем разрушения железнодорожных путей, уничтожение военных складов, разложение войск белогвардейцев и интервентов и т. д.¹²⁹.

Находившиеся на своей, не занятой врагом территории члены Сибирского бюро И. Н. Смирнов и Ф. И. Голощекин провели большую подготовительную работу по обеспечению деятельности бюро. Они неоднократно выезжали в Москву, получали указания от ЦК РКП(б), лично от В. И. Ленина и Я. М. Свердлова¹³⁰. Для организации боевой работы в тылу и помощи подпольным организациям членам бюро была выдана крупная сумма денег, а также различное имущество, в том числе и одежда для переправлявшихся в тыл коммунистов. Позднее, когда деньги были почти полностью израсходованы и Сибирское бюро запрсило ЦК о новых, более крупных суммах, по распоряжению Я. М. Свердлова от 26 января 1919 года в Уфе для бюро был открыт кредит до двух миллионов рублей. Некоторое время спустя бюро получило возможность использовать такую же сумму, спрятанную при отступлении советских войск на Южном Урале¹³¹. Всего в колчаковский тыл для подпольных организаций и партизан Сибирским бюро

ЦК РКП(б) было послано, по неполным данным, почти 8 миллионов рублей, большое количество оружия и политической литературы¹³².

С созданием полномочного органа ЦК партии — Сибирского бюро ЦК РКП(б) — заметно возросла помощь из Центра местным большевистским организациям опытными кадрами, материальными и денежными средствами. Как свидетельствует Вл. Молотов, только за первые четыре месяца 1919 года ЦК партии через фронт переправил до 70 ответственных партийных работников и крупные денежные суммы¹³³. Но подавляющая часть коммунистов для военно-организаторской работы во вражеском тылу была подобрана в Уфе и Вятке членами бюро и отделения при содействии местных партийных органов и политотделов 5-й и 3-й армий. За первый год своей деятельности Сибирское бюро и его отделение перебросили в колчаковский тыл свыше 200 человек. Среди направленных за линию фронта были руководящие партийные работники, агенты, курьеры, члены боевых групп¹³⁴.

Сибирское бюро через своих посланцев, а также ходоков и специальных направленных получало от местных большевистских организаций ценную информацию о жизни трудящихся в колчаковском тылу, о состоянии войск противника. Собранные материалы оно незамедлительно направляло в ЦК РКП(б).

В. И. Ленин был всегда хорошо осведомлен о событиях на Востоке. Историк В. С. Познанский пишет, что ЦК партии и В. И. Ленин в течение весны — лета 1918 года налаживали и укрепляли связь с Сибирью, различными путями поддерживали ее с председателем Центрсиббири Н. Н. Яковлевым, посылая ему директивные указания, денежные и материальные средства для формирования партизанских отрядов и красногвардейских частей¹³⁵. В. И. Ленин сравнительно регулярно получал корреспонденции (донесения) от члена Сибирского бюро И. Н. Смирнова, руководителей подпольных большевистских организаций, политработников Восточного фронта, старых партийцев Урала и Сибири. Как указывает Л. М. Спириин, имеются, например, пометки Владимира Ильича на письме секретаря Сибирского областного комитета партии П. Ф. Парнякова, в котором он сообщал о партийной работе и партизанском движении. Письмо послано в ЦК РКП(б) в апреле 1919 года¹³⁶. Председатель Совнаркома принимал ходоков с Урала

и Сибири, подолгу беседовал с ними, регулярно читал разведсводки Красной Армии, в которых подробно говорилось о положении дел в тылу противника. Многие документы о Сибири В. И. Ленин после прочтения направлял членам ЦК для ознакомления.

На собрании Сибирского землячества в Новосибирске в апреле 1933 года старые большевики подчеркивали, что борьба за власть Советов «с самого начала направлялась руководством Центрального Комитета партии во главе с товарищем Лениным. На Сибирь Центральным Комитетом и товарищем Лениным было обращено исключительное внимание...»¹³⁷.

Имя В. И. Ленина было самым популярным среди трудящихся восточных районов страны. На многих нелегальных съездах подпольщиков и партизан Владимир Ильич избирался почетным председателем. Некоторые партизанские отряды носили имя вождя революции. Например, в Томской губернии действовал «Российский имени Владимира Ильича Ульянова (Ленина) советский партизанский отряд», в Приморье — «Особый дальневосточный партизанский отряд имени В. И. Ленина» численностью 1300 человек¹³⁸.

Испытав на собственном опыте военную диктатуру колчаковщины, сибирские крестьяне и трудовое казачество, которое долгое время проявляло колебания, в течение лета — осени 1919 года отошли от эсеров и меньшевиков и окончательно повернули на сторону Советской власти. В одном из своих выступлений в 1919 году В. И. Ленин отмечал: «...Сведения, которые мы получаем из колчаковского тыла, говорят, что у него (Колчака.—*Я. П.*) несомненный развал, а население восстает против него поголовно, даже зажиточные крестьяне»¹³⁹.

Поворот широких масс трудового крестьянства в сторону Советской власти повлиял на соотношение классовых сил, привел к важным политическим и военным итогам. Его последствием были решающие победы над белогвардейцами и интервентами. Установление союза рабочего класса со средним крестьянством нашло конкретное выражение и в значительном размахе партизанского движения в тылу белогвардейцев, в решимости масс довести до победного конца вооруженную борьбу против объединенных сил контрреволюции. «И если что решило исход борьбы с Колчаком и Деникиным в нашу пользу, несмотря на то

что Колчака и Деникина поддерживали великие державы,— указывал В. И. Ленин,— так это то, что в конце концов и крестьяне, и трудовое казачество, которые долгое время оставались потусторонниками, теперь перешли на сторону рабочих и крестьян, и только это в последнем счете решило войну и дало нам победу»¹⁴⁰.

Широкая осведомленность Центрального Комитета РКП(б), Советского правительства и лично В. И. Ленина о событиях на Урале и в Сибири позволяла правильно оценивать обстановку в тылу врага и своевременно принимать необходимые меры по руководству нелегальными большевистскими организациями, развитию и углублению партизанского движения. Директивы ЦК партии пересылались через Сибирское бюро в местные партийные организации, в партизанские отряды и армии, численность которых на востоке страны увеличивалась из месяца в месяц.

Центральный Комитет партии и лично В. И. Ленин одобряли и поддерживали инициативу местных партийных организаций и отдельных коммунистов о создании крупных партизанских соединений. Например, 16 июня 1919 года В. И. Ленин имел обстоятельную беседу с бывшим председателем Уральского ревкома, членом ВЦИК (с октября 1918 г.) И. И. Ульяновым и другими представителями уральского революционного казачества. Во время беседы уральцы настаивали на необходимости сформировать дивизию из казачьей пролетарской массы в районе Саратова и Покровска для действий в тылу противника, в степях за Уралом. Они изъявляли желание взять на себя все заботы по созданию этого формирования¹⁴¹. Доводы уральцев Владимир Ильич нашел серьезными и заслуживающими внимания. После беседы с ними он написал записку в Оргбюро ЦК РКП(б) и Реввоенсовет Республики, в которой просил заместителя председателя Реввоенсовета Э. М. Склянского и члена РВС Восточного фронта С. И. Гусева рассмотреть это предложение, дать особые полномочия, вооружение и деньги И. И. Ульянову для формирования отряда и «решить [этот] вопрос без промедления»¹⁴².

Вскоре был создан Красный казачий эскадрон, который отличился в боях в тылу колчаковцев. В последующем он был переформирован в крупную воинскую часть и участвовал в сражениях против белогвардейцев и интервентов на других фронтах гражданской войны¹⁴³.

Исходя из ленинских указаний и рекомендаций, летом 1919 года ЦК партии принял два исключительно важных решения. 18 июля Оргбюро ЦК РКП(б) на основании отчета члена штаба сибирских партизан * коммуниста П. Ф. Лапшина (подробный письменный доклад П. Ф. Лапшина Владимир Ильич после ознакомления направил на рассмотрение в ЦК) было принято постановление «О партизанских отрядах Сибири», обязывающее Сибирское бюро оказывать партизанским формированиям всевозможную помощь¹⁴⁴. На следующий день, 19 июля, объединенное заседание Оргбюро и Политбюро ЦК РКП(б) под председательством В. И. Ленина приняло более широкое решение «О сибирских партизанских отрядах». Это был важнейший военно-политический документ, направленный в подпольные парторганы накануне наступления Красной Армии. К сожалению, приходится констатировать, что его практическое воплощение в тылу противника освещено в исторической литературе до сих пор слабо. В решении ЦК партии говорилось: «Поставить и довести до сведения партизанских отрядов Сибири, что сибирские партизанские отряды должны немедленно установить между собой постоянную связь и переход к централизации командования». ЦК партии обязал политработников Восточного фронта «выработать тезисы обращения Совета Народных Комиссаров к партизанам Сибири с целью установить их связи с местными политическими организациями о координации военных действий с тем, чтобы заранее были приняты меры обезвреживания отрицательных сторон партизанщины»¹⁴⁵.

Эти решения сыграли исключительно важную роль в расширении и углублении борьбы в тылу противника, совершенствовании структуры партизанских формирований. Начался процесс слияния разрозненно действующих отрядов в крупные партизанские соединения с единым командованием. Партизанские формирования Сибири стали объ-

* Штаб по оперативному руководству партизанским движением в Средней Сибири был создан 20 апреля 1919 г. на состоявшемся в Томске съезде руководителей партизанских отрядов и представителей нелегальных большевистских организаций (см.: Л. М. Спирин. Классы и партии в гражданской войне в России (1917—1920 гг.). М., 1968, стр. 369; М. И. Стишов. Большевистское подполье и партизанское движение в Сибири в годы гражданской войны (1918—1920). М., 1962, стр. 234).

единяться и строиться по типу Красной Армии: полки, дивизии, армии.

Следуя указаниям В. И. Ленина, ЦК партии во второй половине 1919 года одобрил инициативу местных партийных организаций о создании целых партизанских армий, дал указание о координации действий партизан и Красной Армии. 1-я крестьянская партизанская армия под командованием А. Д. Кравченко и П. Е. Щетинкина была создана в Енисейской губернии (штаб находился в Степном Баджее). Она успешно действовала летом 1919 года в районе Славгород — Камень — Алейск — Рубцовск (Алтайская губерния). Была создана Западно-Сибирская партизанская армия во главе с Е. М. Мамонтовым и И. В. Громовым. В конце года эта армия имела в своем составе 25 полков, объединенных в два корпуса и одну особую горнострелковую дивизию (всего до 25 тысяч человек). В Тасеевской Советской партизанской республике (Северо-Канский фронт) под командованием коммунистов В. Г. Яковенко, Ф. А. Астафьева, Н. М. Буда, П. И. Денисова и И. З. Нижегородова (Енисейская губерния) насчитывалось до 8 тысяч партизан. 1-я Томская партизанская дивизия под командованием В. П. Шевелева-Лубкова насчитывала 18 тысяч человек, 1-я Чумышская партизанская дивизия (командир М. И. Ворожцов) — до 10 тысяч бойцов. По несколько тысяч человек было в партизанских формированиях Омской губернии и в партизанской армии Шиткинского фронта (Иркутской губернии)¹⁴⁶. Партизаны активно действовали также в Кузбассе, в районах Тайшета, Черемхова и Иркутска, парализуя движение на Сибирской железной дороге и дезорганизуя тылы противника.

Объединение партизанских отрядов в крупные формирования способствовало усилению их ударов по врагу. Партизаны еще до подхода Красной Армии освобождали от колчаковцев целые районы, где сразу же восстанавливали Советскую власть.

Благодаря помощи, получаемой партизанами-сибиряками из советского тыла, и тому огромному повседневному вниманию, которое уделяли ЦК партии и лично В. И. Ленин развитию освободительной борьбы в колчаковском тылу, а также активной деятельности местных партийных организаций партизанское движение на востоке страны приняло всенародный размах. Об этом как нельзя лучше говорит тот факт, что к концу 1919 года вся Сибирь и Даль-

ний Восток были объаты пламенем народной войны. Общее количество партизан здесь составляло свыше 150 тысяч человек¹⁴⁷.

Массовое партизанское движение, тесно переплетаясь с саботажем на производстве, забастовками и бойкотом, с восстаниями в городах и других населенных пунктах, постоянно отвлекало с Восточного фронта большие силы противника, совершенно дезорганизовывало его тылы. Власть интервентов и белогвардейцев фактически распространялась только на крупные города и узкую полосу территории вдоль Сибирской железнодорожной магистрали, да и здесь колчаковцы подвергались непрерывным атакам партизан. Своими действиями патриоты сковывали значительную часть войск противника, не позволяя двинуть их на фронт. Например, для подавления партизанско-повстанческого движения только из состава колчаковских войск (не считая войск интервентов) было задействовано в Омском округе свыше 44 тысяч солдат, в Иркутском — более 14 тысяч, в карательной группе генерала Розанова находилось 6 тысяч, в Приамурском округе — до 9 тысяч солдат и т. д.¹⁴⁸. Эти цифры как нельзя лучше показывают, какую огромную помощь оказывали партизаны и повстанцы Красной Армии в ее борьбе с объединенными силами внутренней и внешней контрреволюции.

Все это, несомненно, свидетельствовало также и о дальнейшем углублении социалистической революции на местах, являлось ярким проявлением укрепления военно-политического союза рабочего класса с трудовым крестьянством при сохранении руководящей роли пролетариата и его авангарда — партии большевиков. Собственный опыт батраков, бедняков, середняцких масс и трудового казачества убеждал в антинародном характере колчаковского режима. Наличие во многих партизанских формированиях значительного числа рабочих, особенно в Томской губернии*, неустанная деятельность территориального большевистского подполья**, направленная на организацию и

* Профессор Л. М. Спириин указывает, что среди партизан Томской губернии рабочие составляли до 20 проц., крестьяне — 80 проц. (см.: Л. М. Спириин. Классы и партии в гражданской войне в России (1917—1920 гг.). М., 1968, стр. 370—371).

** Вопросы развертывания партизанского движения и укрепления партийного руководства обсуждались на подпольных партийных конференциях сибирских организаций РКП(б). 1-я Сибир-

упрочение союза рабочего класса и пролетариев деревни, не только обеспечили советский характер партизанско-повстанческого движения, но и превратили его в ударную силу массового антиколчаковского движения. «Мы бесконечно сильными стали потому,— указывал в июле 1919 года В. И. Ленин,— что миллионы научились понимать, что такое Колчак; миллионы крестьян Сибири пришли к большевизму,— там поголовно ждут большевиков...»¹⁴⁹

Режим Колчака был настолько жестоким, что против него не только поголовно выступили сибирские рабочие и беднейшее крестьянство, но также и зажиточная часть крестьян, интеллигенция, находившаяся ранее в союзе с буржуазией. На своей шкуре они испытали всю прелесть власти, установленной «верховным правителем России». Уральские и сибирские крестьяне, голосовавшие в ноябре 1917 года при выборах в Учредительное собрание за меньшевиков и эсеров, теперь отвернулись от них как от соучастников Колчака. Обращая внимание на этот факт, В. И. Ленин писал: «История нашей революции показала, например, что сочувствие диктатуре пролетариата со стороны большинства трудящихся на необъятных пространствах Урала и Сибири было обнаружено не голосованием, а опытом годичной власти царского генерала Колчака над Уралом и Сибирью»¹⁵⁰.

Рассматривая партизанское движение на востоке страны, нельзя попутно не указать, что реальным резервом, органической его частью являлась национально-освободительная борьба трудящихся Степного края — северных и северо-восточных районов Казахстана, в Тургайской степи. Организационно-политическую работу среди пролетариев города и деревни проводила здесь партийная организация Омской губернии, в состав которой вплоть до 1921 года входили Акмолинская и Семипалатинская области. Омская организация большевиков непосредственно влияла, помога-

ская (Западно-Сибирская) нелегальная конференция РКП(б) была проведена в сентябре 1918 г. в Томске. Во второй половине ноября в Томске состоялась 2-я Сибирская (1-я Общесибирская) подпольная партийная конференция. 20—21 марта 1919 г. во время работы VIII съезда партии в Омске была проведена 3-я Сибирская (2-я Общесибирская) подпольная конференция РКП(б), на которой присутствовали делегаты от 11 крупнейших организаций Урала, Сибири и Дальнего Востока и 3 делегата от ЦК РКП(б) Сибири (см.: И. Ф. Плотников. Героическое подполье. М., 1966, стр. 33, 110, 149).

ла коммунистам края, руководила их массово-политической и организаторской работой. Благодаря ее активной деятельности партизанско-повстанческое движение на востоке и севере Казахстана, несмотря на трудности и особенности, приобрело большой размах*.

Среди талантливых руководителей и активных участников партизанского движения в Степном крае были такие преданные делу революции большевики, как Иван Киселев, Амангельды Иманов, Беймен Алманов, Сакен Сайфулин и многие другие. В Семипалатинской области действовали партизаны под руководством большевика К. А. Вайцковского. Крупные отряды были в Семиречье и других районах.

Особая заслуга в организации и руководстве партизанской борьбой в южноуральских степях принадлежит народному герою, первому коммунисту Казахстана Алиби Джангильдину, которого В. И. Ленин знал лично по эмиграции в Швейцарии и которого в мае 1918 года Владимир Ильич назначил Чрезвычайным Комиссаром Степного края¹⁵¹. Заботясь о развитии национально-освободительного движения в Казахстане, Алиби Джангильдин дважды в 1918 году (первый раз во второй половине апреля, второй — в июне) проделал длинный и необычайно трудный путь в Москву, чтобы получить необходимую помощь у Советской России. Оба раза он был принят и имел длительную беседу с Председателем Совнаркома В. И. Лениным¹⁵². Во время летнего пребывания Алиби Джангильдина в Москве по указанию В. И. Ленина и Я. М. Свердлова Совнарком выделил ему 68 миллионов рублей, в том числе 30 миллионов для Тургайской области и 38 — для Туркестана**. Одновременно Совнарком распорядился выдать ему оружие, боеприпасы, снаряжение и медикаменты.

Для доставки всего этого груза к месту назначения по заданию В. И. Ленина в Москве был сформирован интернациональный отряд, который состоял из русских, казахов,

* Деятельность Омской партийной организации по руководству большевистскими организациями, развитию и углублению партизанско-повстанческого движения в Степном крае довольно подробно рассмотрена в монографии П. М. Пахмурного «Коммунистическая партия — организатор партизанского движения в Казахстане». Алма-Ата, 1965.

** В связи с непредвиденными обстоятельствами, возникшими во время следования отряда к месту назначения, по указанию Я. М. Свердлова деньги были сданы в Царицынский банк.

сербов, немцев, мадьяр и представителей других национальностей. По просьбе Джангильдина Всероссийское бюро военных комиссаров выделило группу военных спецов и комиссара отряда коммуниста Волкова ¹⁵³.

В конце июля 1918 года партизанский отряд, возглавляемый Алиби Джангильдином, отправился в дальний путь. Совершив труднейший переход через безводные пески и пустыни, 11 ноября 1918 года партизаны прибыли на станцию Челкар Оренбургско-Ташкентской железной дороги. На второй день Алиби Джангильдин в радиোগрамме, адресованной Председателю Совнаркома РСФСР, сообщал: «После трехмесячного перехода транспорт под моим руководством благополучно прибыл в Челкар. Три четверти его ценностей передано на Оренбургский фронт. Отряд переход вынес благополучно» ¹⁵⁴. Естественно, за этими скупыми строками скрывалась целая эпопея героизма и самопожертвования, которую совершили партизаны за время трехтысячекилометрового перехода.

Вместе с оружием, снаряжением, боеприпасами и медикаментами интернациональный партизанский отряд доставил и другой, не менее важный «груз» — ободряющие вести об укреплении молодой республики Советов, ленинские советы и наставления о строительстве новой жизни. Казахское трудовое население с радостью встречало отряд Алиби Джангильдина, где бы последний ни появлялся, оказывало материальную помощь, сообщало сведения о противнике. Сформированные и руководимые пламенными большевиками-ленинцами А. Джангильдином, Б. Алмановым, А. Имановым, И. Киселевым и другими коммунистами партизанские отряды казахских джигитов изгоняли олышордынцев и белоказаков из аулов и волостей, совместно с рабочими и революционно настроенными крестьянами разрывали советское строительство в Тургайской степи.

Руководимая коммунистическими подпольными организациями революционная партизанская война серьезным образом надломила сибирский тыл Колчака, оказала неоценимую помощь молодой Красной Армии в борьбе с белогвардейцами в Средней Азии. Владимир Ильич Ленин в ноябре 1919 года, подводя главные итоги событий двух лет гражданской войны, в докладе на II Всероссийском съезде коммунистических организаций народов Востока отметил выдающееся, всемирно-историческое значение побед, одержанных регулярными советскими войсками и

партизанами. Он, в частности, сказал: «...Революционная война, которую ведут угнетенные народы, если эта война сумеет пробудить действительно миллионы трудящихся и эксплуатируемых, эта революционная война таит в себе такие возможности, такие чудеса, что освобождение народов Востока является теперь вполне практически осуществимым с точки зрения не только перспектив международной революции, но и с точки зрения непосредственного военного опыта, проделанного в Азии, в Сибири...» В. И. Ленин при этом подчеркивал: «Мы побеждаем и будем побеждать, потому что у нас есть тыл и тыл крепкий, что крестьяне и рабочие, несмотря на голод и холод, сплочены, окрепли и на каждый тяжелый удар отвечают увеличением сцепления сил и экономической мощи, и только поэтому победы над Колчаком, Юденичем и их союзниками, сильнейшими державами мира, были возможны. Истекшие два года показывают нам, с одной стороны, возможность развития революционной войны, а с другой стороны — укрепление Советской власти под тяжелыми ударами иностранного нашествия, которое имеет целью быстро сломить очаг революции, сломить республику рабочих и крестьян...»¹⁵⁵

Народная война в тылу Деникина, Юденича и прочих

Большой размах приняло партизанско-повстанческое движение и в таких напряженных очагах гражданской войны, как Дон, Кубань, Украина, Крым и Северный Кавказ. Выступая 3 апреля 1919 года на чрезвычайном пленуме Московского Совета рабочих и красноармейских депутатов с докладом о внешнем и внутреннем положении Советской Республики, В. И. Ленин указывал: «Нужно сказать, что там (на юге страны.— *Я. П.*) все время шла партизанская война. Эта война идет на юге и сейчас. Там нет регулярных войск»¹⁵⁶.

Революционно-освободительная партизанская война шла здесь под непосредственным воздействием общих событий, происходивших как в Советской России, так и на юге страны. Борьбу трудящихся в тылу противника возглавляли подпольные большевистские организации. Однако на юге страны, в отличие от Белоруссии, Урала, Сибири

и Дальнего Востока, монолитные партизанские формирования, ревкомы, нелегальные организации и боевые группы коммунистов возникли и окрепли несколько позже. Численность их также была значительно меньше. К тому же руководящим подпольным органам приходилось действовать в иной, более сложной обстановке, чем, например, на востоке страны. Социально-классовые и национальные условия отличались здесь многими особенностями: националистическая буржуазия выступала более организованно, шире и сплоченнее был рабочий класс, разнороднее по своему составу крестьянство, имелось многочисленное казачество*, среди которого значительную силу представляла контрреволюционная казачья верхушка. В Закавказье в освободительной борьбе принимали участие горские народности, находившиеся под влиянием националистически настроенных феодально-клерикальных верхов. Вследствие этих обстоятельств руководство партизанско-повстанческим движением здесь не было таким стройным и строго централизованным, как на Востоке и в Белоруссии.

Вместе с тем и на юге страны всю борьбу народных масс в тылу врага организовала и вдохновляла Коммунистическая партия и ее Центральный Комитет. Непосредственное руководство партизанско-повстанческим движением ЦК РКП(б) осуществлял с помощью специально созданных органов — территориальных бюро, а также ревкомов, местных партийных организаций и комитетов. На Дону и в Донбассе, например, оно осуществлялось через Донское бюро, созданное с санкции ЦК РКП(б) в конце августа 1918 года. В его состав входили П. Г. Блохин, С. Л. Лукашин, И. А. Дорошев, А. А. Френкель, И. В. Решетков, С. И. Сырцов. Донское бюро находилось на советской территории и пользовалось правами областного комитета партии. Подчиняясь непосредственно ЦК РКП(б), Донское бюро в течение 1918—1919 гг. всю свою работу проводило в тесном взаимодействии с политотделом Южного фронта (позднее оно было непосредственно подчинено политотделу). Политотдел фронта помогал направлять в

* На Дону, Кубани, Терекке и в Нижнем Поволжье к 1917 г. численность казаков превышала 3 млн. чел. (см.: Л. М. Спиринов. Классы и партии в гражданской войне в России (1917—1920 гг.). М., 1968, таблица № 5).

тыл противника опытных партийных работников, оказывал содействие в распространении агитационной литературы среди вражеских войск. Этому в значительной мере способствовало то обстоятельство, что Донское бюро имело своих представителей при штабах армий Южного фронта, держало тесную связь с партизанско-повстанческими отрядами, командованием советских войск и армейскими партийно-политическими органами.

Под руководством бюро активную деятельность вели подпольные организации большевиков в Ростове-на-Дону, Новочеркасске, Таганроге, Макеевке, Миллерове и других промышленных городах. В рабочих центрах Донбасса для подготовки вооруженного восстания и развертывания широкой народной войны в тылу врага создавались военно-революционные штабы, имевшие в своем подчинении вооруженные отряды.

Донское бюро через подпольные партийные комитеты распространяло свое влияние и оказывало помощь партизанским подразделениям Кубани и ряда районов Причерноморья, переправляя туда оружие, литературу, материальные средства и самое главное — опытных и революционно стойких партийных работников. Только за июль — октябрь 1919 года оно направило в стан противника свыше 50 проверенных на деле большевиков. Из руководимых Донским бюро подпольных комитетов наиболее крупным и дееспособным был Ростово-Нахичеванский, находившийся в самом центре контрреволюции¹⁵⁷.

В первой половине 1919 года, когда сложилась особенно тяжелая военно-политическая ситуация для всей Советской России и когда «все директивы правительства направлялись к тому, чтобы главные силы устремить на Южный фронт»¹⁵⁸, по указанию ЦК РКП(б) численность партизан и нелегальных большевистских организаций на юге страны была увеличена. Заметно активизировалась и их боевая деятельность. Руководство борьбой партизан в Причерноморье, количество которых к лету возросло до 15 тысяч человек, было возложено на Екатеринодарский подпольный комитет большевиков, утвержденного ЦК РКП(б) в качестве областного Северо-Кавказского комитета партии. Для координации боевыми действиями всех партизанских отрядов, установления и поддержания с ними тесных контактов при подпольном комитете был создан военно-революционный штаб. В его подчинении находи-

лись оперативно-боевые дружины, организованные коммунистами Кубани. Дружинники совершали смелые налеты и боевые диверсии в тылу деникинских войск и являлись цементирующим началом при восстаниях ¹⁵⁹.

Развернувшееся партизанское движение в Ставропольском крае и в горах Северного Кавказа возглавлял Кавказский краевой комитет РКП(б), находившийся в Тифлисе и имевший связи с Реввоенсоветом 11-й армии. В руководстве борьбой трудящихся Кавказа активную роль играли лично известные В. И. Ленину деятели партии член Реввоенсовета 11-й армии С. М. Киров и оставшийся в захваченной врагом Ингушетии Г. К. Орджоникидзе, Нариман Нариманов, Леван Гогоберидзе, Ладо Думбадзе, Сурен Шаумян, Малакия Тороселидзе и другие бесстрашные борцы за дело партии ¹⁶⁰.

С. М. Киров в информации в ЦК РКП(б) о проделанной работе по развертыванию освободительной борьбы в белогвардейском тылу в июле 1919 года писал: «Месяца два тому назад к нам явились делегаты камышинских зеленых («красно-зелеными» именовали себя партизаны Кубани и Северного Причерноморья.— Я. П.) с целью установить с нами связь. Мы снабдили их деньгами и патронами и командировали к зеленым несколько товарищей, снабдив их соответствующими директивами» ¹⁶¹.

В короткий срок камышинцы с помощью уполномоченных Реввоенсовета 11-й армии провели реорганизацию своих отрядов, увеличив их состав за счет прибывавших добровольцев, и развернули наступательные действия против гарнизонов белогвардейцев в Урожайном, Величаевке, Ачикулаке, Архангельском, Просковье и др. К осени камышинцы очистили от белых большую территорию, захватили большое количество оружия и продовольствия.

Политотдел 11-й армии по инициативе С. М. Кирова создал полуторамесячную школу для подготовки партизанских кадров. Подводя итоги работы школы, Сергей Миронович в сентябре 1919 года писал в ЦК РКП(б): «По вашему требованию нами направлены люди в Баку, Дагестан, на Северный Кавказ и в Закавказье, в Гурьев и Мугань, в Армавир и на восточное побережье Черного моря. Результаты их работы уже видим. Вся территория, куда выехали наши люди, пылает заревом партизанского движения». В этом же письме, отдавая должное беспримерным подвигам «красно-зеленых», С. М. Киров добав-

лял: «Не понимаю, почему их называют «зелеными», в то время как они «краснее красных»¹⁶².

Трудную и опасную работу в стане врага вели политически подготовленные и стойкие революционеры, члены Кавказского крайкома А. И. Микоян, Н. Ф. Гикало, Б. Э. Колмыков, Ф. Е. Махорадзе, Л. Д. Гогоберидзе и многие другие. Через советскую Астрахань, где находился С. М. Киров, они поддерживали связь с ЦК партии, с В. И. Лениным, получали от них необходимые инструкции и помощь¹⁶³. Своей неукоснительной преданностью делу революции, инициативой и неутомимой энергией, самоотверженной работой они консолидировали вокруг коммунистов революционно настроенных рабочих и крестьян, поднимали трудовые слои населения на решительную борьбу за восстановление Советской власти. Касаясь условий работы кавказских большевиков в неприятельском тылу, В. И. Ленин подчеркивал: «Мы знаем, что на Кавказе положение наших товарищей-коммунистов было особенно трудное, потому что кругом их предавали меньшевики, вступавшие в прямой союз с германскими империалистами под предлогом, конечно, защиты независимости Грузии»¹⁶⁴.

Насколько посланцы партии были близки к массам, говорят многие факты. Например, отдельные члены Кавказского краевого комитета лично возглавляли партизанские отряды. На весь Северный Кавказ гремела слава партизанского отряда, которым командовали Н. Ф. Гикало и местный коммунист-чеченец А. Шерипов. Нанеся ряд поражений белогвардейским войскам, отряд горцев-партизан в декабре 1919 года совершил дерзкий налет на тщательно охраняемую грозненскую тюрьму и освободил заключенных¹⁶⁵.

Благодаря большой политической и организаторской деятельности ЦК РКП(б) и местных большевистских организаций партизанско-повстанческое движение среди трудящихся Северного Кавказа осенью 1919 года настолько расширилось и окрепло, что противник вынужден был бросить против патриотов значительные силы, отказавшись от наступления на Астрахань. Весь Северный Кавказ, по признанию самого Деникина, представлял собой «кипящий котел»¹⁶⁶.

Активную работу по подъему широких народных масс на самоотверженную борьбу с внешней и внутренней

контрреволюцией проводил Новороссийский нелегальный комитет партии. Несмотря на аресты и провалы, в результате которых погибли многие активные коммунисты, он сумел создать боевые подпольные организации как в самом городе, так и в прилегающей к нему сельской местности. В июле 1919 года Новороссийский и Северо-Кавказский комитеты провели совместную нелегальную конференцию, на которой присутствовали делегаты от партизанско-повстанческих отрядов, действовавших в районе Новороссийск — Туапсе. Конференция преследовала цель: укрепить партийное влияние в партизанском движении, покончить с имевшим место мародерством и бандитизмом, придать борьбе строго организованный и целенаправленный характер.

Конференция учредила Главный и районные штабы партизанского движения, а также политическую коллегию, как наиболее целесообразный координирующий орган по ведению партийно-воспитательной работы среди партизан. Подпольная конференция принципиально решила вопрос о партизанском командовании. С этого времени руководящий состав партизанских отрядов подбирался и утверждался Главным штабом, а не избирался, как это было раньше. Вводилась должность комиссара ¹⁶⁷.

В Крыму организационно-координирующим центром партизанского движения являлся Симферопольский подпольный комитет большевиков, связанный с партизанскими отрядами на побережье. Большой активностью здесь отличался партизанский отряд «Красные каски», которым командовал рабочий каменоломен И. Петраченко. Отряд проводил боевые операции в районе Евпатории, а постоянной базой его были мамайские каменоломни ¹⁶⁸.

Грозное пламя народной борьбы полыхало на оккупированной территории Украины. Здесь, подобно другим захваченным врагом районам страны, организатором и руководителем партизанско-повстанческого движения являлись Центральный Комитет партии и местные большевистские организации. Серьезное внимание развертыванию и руководству народной войной в тылу противника на Украине уделял В. И. Ленин. «Неоценимое значение в создании подпольных партийных организаций и направлений их деятельности, — подчеркивается в «Очерках истории Компартии Украины», — имели руководство и помощь ЦК РКП(б) и Ленина. Центральный Комитет посылал на

Украину опытных партийных работников. Со многими из них беседовал В. И. Ленин, давал им конкретные советы и указания, касающиеся подпольной работы»¹⁶⁹.

Например, в начале июля 1918 года, накануне I съезда КП(б)У, В. И. Ленин в течение более двух часов совещался с группой партийных работников Украины. Он одобрил намерения украинских коммунистов развернуть широкое партизанско-повстанческое движение против немецких оккупантов. Одновременно Владимир Ильич дал ряд ценных указаний и рекомендаций по вопросам партийного руководства революционно-освободительной борьбой, подчеркнув при этом важность укрепления интернационального союза между русским и украинским народами¹⁷⁰. В ноябре 1918 года В. И. Ленин имел обстоятельную беседу с членом ЦК Компартии Украины В. П. Затонским. В ходе беседы он живо интересовался состоянием освободительного движения в тылу кайзеровских войск, через В. П. Затонского поставил ряд конкретных задач перед украинскими коммунистами.

Наряду с этим оказывалась и непосредственная практическая и материальная помощь. Во исполнение указаний В. И. Ленина из центра страны на Украину для руководства революционно-освободительным движением было послано свыше 800 опытных политических работников. На основании постановления СНК от 26 октября 1918 года государственное казначейство в разовом порядке выделило для украинских товарищей 1 миллион 250 тысяч рублей¹⁷¹.

Вооруженные ленинскими советами и наставлениями, получая из Советской России конкретную помощь, коммунисты Украины в короткий срок сумели создать довольно стройную структуру нелегальных партийных органов по руководству всенародной освободительной войной в захваченных врагом районах.

Важное значение в мобилизации масс на всенародную борьбу против оккупантов и гетманства на Украине имело Таганрогское совещание большевиков (апрель 1918 г.). В нем приняли участие члены ЦИК Советов Украины, Народного секретариата по военным делам, партийные и советские работники Киева, Харькова, Полтавы, Екатеринослава, Донбасса, Винницы и других городов. Участники совещания высказались за объединение всех большевистских организаций в Коммунистическую партию Украины.

На совещании был избран партийный центр — Оргбюро. В него вошли А. С. Бубнов, Я. Б. Гамарник, В. П. Затонский, С. В. Косиор, И. М. Крейсберг, Н. А. Скрышник и другие. В то же время на сессии ЦИК Советов Украины организуется Бюро для руководства партизанско-повстанческой борьбой в тылу оккупантов — «девятка». Был принят манифест «К рабочим и крестьянам Украины», призывавший их на решительную борьбу с врагами народа. Консолидации революционных сил на Украине служила и Всеукраинская конференция подпольных большевистских организаций, состоявшаяся весной 1918 года в Киеве¹⁷².

Таганрогское совещание, Киевская подпольная партконференция и ряд других мероприятий большевиков в итоге привели к тому, что уже к середине 1918 года на Украине было сформировано три зональных подпольных обкома партии: Киевский, объединявший коммунистические организации Киевской, Волынской, Подольской, Черниговской и Полтавской губерний; Донецко-Криворожский, возглавлявший нелегальные организации большевиков двух бассейнов и ряда уездов Харьковской и Екатеринославской губерний; Одесский, распространявший одновременно свое влияние и на партийные организации Херсонской и Таврической губерний. Во главе комитетов стояли испытанные, энергичные и решительные бойцы ленинской гвардии С. В. Косиор, В. Ю. Ключко, Я. Б. Гамарник.

Под воздействием областных комитетов постепенно в тылу противника возникали губернские подпольные комитеты партии. В целях улучшения руководства освободительной борьбой трудящихся отдельные губернии были поделены на районы (округа). Их возглавляли районные (окружные) комитеты партии, которые распространяли свое влияние на уезды, а через них поддерживали непосредственные связи с партизанскими отрядами¹⁷³.

Руководствуясь решениями I съезда КП(б)У, который состоялся в Москве 5—12 июля 1918 года, большевики Украины развернули активную работу по подготовке вооруженного восстания во всеукраинском масштабе. Летом этого же года создается общецентральная координационная организация — повстанческий штаб Всеукраинского центрального военнореволюционного комитета. Нейтральная зона, установленная по Брестскому миру между Украиной и Советской

Россией, превращается в своеобразный плацдарм для партизанско-повстанческих формирований.

Однако, организуя и расширяя партизанско-повстанческое движение и стачечную борьбу рабочего класса, большевики Украины отчетливо понимали, что для полного разгрома противника недостаточно разрозненных партизанских подразделений. Раздробленность и стихийность партизанских выступлений, отсутствие твердого централизованного руководства и прочных связей с партизанами-повстанцами, анархичность некоторой части командного состава не позволяли вести эффективную борьбу с регулярными войсками противника. В целях укрепления партизанско-повстанческих отрядов, придания им армейской формы организации 10 июня 1918 года в Почеп прибыл 1-й полк Червоного казачества во главе с коммунистом В. М. Примаковым. К осени в нейтральной зоне из числа партизан создаются две повстанческие дивизии по четыре полка в каждой. Партизаны Новгород-Северского района Черниговской губернии были сведены в три курени (полка) по 1000 человек: Таращанским командовал В. Н. Боженко, Богунским — Н. А. Щорс, Новгород-Северским — Т. В. Черняк. Эти курени вошли в состав 1-й Украинской повстанческой дивизии, которой командовали последовательно Н. Г. Крапивянский, И. С. Локатош и Н. А. Щорс. Подразделения партизан-повстанцев Харьковской губернии были сведены во 2-ю повстанческую дивизию¹⁷⁴.

В последующий период борьбы общим координирующим центром партизанско-повстанческого движения на Украине и в Крыму являлось созданное Центральным Комитетом КП(б)У в июле 1919 года Зафронтное бюро, возглавляемое секретарем ЦК С. В. Косиором, А. С. Бубновым, Харченко («Тарас») и другими. В сентябре оно было утверждено ЦК РКП(б). В целях большей оперативности ЦК партии возложил руководство его деятельностью на Временное бюро КП(б) Украины (партийный центр), в состав которого кроме С. В. Косиора входили и такие видные деятели партии, как Г. И. Петровский и Д. З. Мануильский.

Зафронтбюро * находилось при штабе Южного фронта

* Зафронтбюро было упразднено 10 декабря 1919 г. Вместо него, на основании решения Временного бюро, был создан Секретариат ЦК КП(б)У (см.: «Очерки истории Коммунистической партии Украины», издание третье, дополненное. Киев, 1972, стр. 292).

и имело постоянных представителей в 12-й и 14-й армиях. Эти представители согласовывали стремительные действия партизанских отрядов с боевыми операциями советских войск¹⁷⁵. Через своих уполномоченных бюро провело большую работу по укреплению большевистского подполья, расширению и активизации партизанских действий. За июль — октябрь оно послало в тыл белогвардейцев более 1000 партийных работников, причем около 400 из них были направлены непосредственно для развертывания и руководства партизанским движением¹⁷⁶.

Усилиями Зафронтбюро и его уполномоченных была создана сеть нелегальных партийных организаций и ревкомов: губернских, уездных, городских, а в ряде случаев — и волостных. На организацию партийного подполья и партизанского движения партия посылала лучших своих бойцов. В Харьковской губернии с беззаветной смелостью работали опытные партийные организаторы М. Черный, И. Козлов, А. Кравцов, П. Слинько, А. Ушеренко, в Екатеринославской — Л. Чекалин, П. Онищенко, в Одессе — В. Логинов, О. Соколовская, А. Хворостин. Многие из них отдали жизнь в борьбе за дело революции¹⁷⁷.

Несмотря на все трудности, Зафронтбюро успешно решало задачи по организации и углублению партизанского движения, использовало при этом разнообразные формы организации и методы борьбы. В Донбассе, на Екатеринославщине, в Полтавской и Харьковской губерниях накануне вторжения контрреволюционных войск по указанию бюро было заложено ряд партизанских баз и складов материально-вещевого обеспечения, создано 12 партизанских штабов. В июле 1919 года, когда, как указывал В. И. Ленин, вся страна становилась *«единым военным лагерем не на словах, а на деле»*¹⁷⁸, ЦК КП(б)У учредил Реввоенсовет и Главный штаб по руководству партизанско-повстанческим движением на территории Левобережной и ряда уездов Правобережной Украины. Во главе их стали коммунисты Г. А. Колос (командующий) и Н. М. Никитин-Макаров (начальник штаба).

Этот центр руководства партизанско-повстанческим движением находился в Кременчуге. В сентябре Реввоенсовет повстанческих войск обратился к партизанам с приказом, в котором говорилось: *«Красные повстанцы-партизаны! Вы подняли Красное Знамя... борьбы против нашествия отечественной контрреволюции, поддерживаемой*

капиталистическими странами Запада, проводимой царским генералом Деникиным. Вы уже нанесли, наносите и нанесете последний смертельный тыловой удар добровольческой армии и деникинской власти, но для того чтобы этот удар был посильней и в кратчайший срок с меньшими жертвами, нужна организованность и дисциплина в рядах повстанческо-партизанских отрядов... Все революционно-повстанческие партизанские отряды, ведущие борьбу за власть Советов, отныне переходят в полное подчинение Главного штаба партизанско-повстанческого движения...»¹⁷⁹

Для улучшения военно-оперативного руководства массовым партизанским движением губернские комитеты КП(б)У на местах создавали ревкомы. Через них партийные органы осуществляли как военно-боевое, так и политическое руководство революционно-освободительным движением.

Вся деятельность ревкомов в конечном итоге преследовала цель восстановления Советской власти. Коммунисты привлекали к участию в их работе беспартийные массы, причем не просто противников жестокого антинародного режима, а рабочих и крестьян, которые всецело стояли за утверждение пролетарской диктатуры, за установление власти Советов¹⁸⁰.

Не сковывая боевую инициативу командования партизанских формирований, Главный и территориальные штабы, революционные комитеты прилагали максимум усилий к тому, чтобы придать повстанческой борьбе подлинно революционный, организованный и целеустремленный характер, обеспечить единство действий, положить конец митингованию и отрядной неразберихе, исключить националистический авантюризм, анархистско-атаманские устремления отдельных командиров, вовлечь в освободительное движение все трудовые слои населения временно захваченной территории.

Центральный Комитет партии и лично В. И. Ленин в течение всего периода борьбы с внутренней и внешней контрреволюцией параллельно с созданием и укреплением Красной Армии огромное внимание придавали действиям партизан и подпольщиков на юге страны. Например, 11 апреля 1919 года, выступая с докладом на пленуме Всероссийского Центрального Совета Профессиональных Союзов, В. И. Ленин указывал, что коммунисты Украины в

революционной войне очень умело использовали партизанские формы и приемы борьбы, что революционное партизанство здесь тесно переплеталось с широкими восстаниями народных масс¹⁸¹. В июле 1919 года В. И. Ленин запрашивал у председателя Реввоенсовета Республики сведения о подготовленности Украины к отпору белогвардейским войскам. Его интересовало «состояние тамошних войск, способность их оказать сопротивление Деникину, приняты ли там, наконец, вполне серьезные меры..., инструктируют ли систематически рабочих и крестьян насчет тайной организации в оккупированных Деникиным местах, ...понимают ли украинские коммунисты всю серьезность положения»¹⁸².

На основе ленинских указаний ЦК РКП(б) через Зафронтбюро осуществлял постоянное руководство деятельностью коммунистов-подпольщиков и партизан-повстанцев Украины, оказывал им большую помощь. Оргбюро РКП(б) 27 октября 1919 года, заслушав доклад Зафронтвого бюро о состоянии боевой и партийно-политической работы во вражеском тылу, дало ряд важных указаний как о содержании проводимой работы, так и о развертывании широкого партизанско-повстанческого движения на захваченной деникинцами территории. Особое внимание обращалось на необходимость самого тщательного подбора коммунистов для работы в стане противника, на их твердость, инициативность, политическую зрелость и революционную непоколебимость. Оргбюро, учитывая политическое и стратегическое значение Украины как опорного пункта Антанты, приняло постановление ассигновать для ведения партийно-политической работы на Украине 5 миллионов рублей¹⁸³. Позже, подводя итоги проделанному партийей и правительством по защите южных рубежей Советской России, В. И. Ленин говорил: «...Нам не приходится раскаиваться в том, что мы все военные задачи строили таким образом, чтобы преобладающее внимание и преобладающие силы уделялись Южному фронту»¹⁸⁴.

Меры, принятые ЦК партии, а также настойчивая и самоотверженная деятельность Зафронтбюро, подпольных партийных организаций Украины, партизанских штабов и ревкомов, большая массово-политическая работа, которую проделали специально посланные в тыл коммунисты, дали свои результаты. К концу осени 1919 года пламенем народно-освободительной войны была охвачена почти вся

оккупированная территория Украины. Например, в Екатеринославской губернии сильные и хорошо вооруженные партизанские отряды действовали в Александровском, Новомосковском, Павлоградском, Лозово-Синельниковском, Мелитопольском, Никопольском и других районах.

Партизанские отряды, действовавшие в Новомосковском и Павлоградском уездах, позднее были объединены в 1-ю повстанческую советскую бригаду. В Лозово-Синельниковском районе всей деятельностью партизан руководил районный полевой революционный штаб, созданный по указанию и при участии К. Е. Ворошилова, командовавшего в то время 14-й армией Южного фронта. Штаб объединил под своим руководством две партизанские дивизии, четыре бригады и кавалерийский полк, в которых насчитывалось свыше 35 тысяч бойцов¹⁸⁵.

В осенней сводке Зафронтбюро указывалось, что район Екатеринослава объят пламенем настоящей партизанской войны. В сентябре партизаны Елисоветградского уезда Херсонской губернии, разгромив деникинцев, заняли Елисоветград, захватили при этом много оружия и боеприпасов.

Полтавская губерния, отмечалось в этой же сводке, являлась одной из сильнейших в повстанческом движении. Здесь действовали партизанские единицы, насчитывавшие в своем составе по несколько тысяч человек. В Харьковской губернии, особенно в Сумском, Изюмском, Волковском уездах, партизаны активизировали боевую работу на коммуникациях врага.

Мощное партизанское движение, руководимое коммунистами, полыхало в Киевской губернии. Созданный при Киевском губревкоме партизанский штаб руководил боевыми действиями 12 партизанских отрядов, в составе которых насчитывалось несколько тысяч человек. Штаб был связан с командованием советских войск.

В Черниговской губернии, особенно в Нежинском уезде, большие потери противнику наносили партизанские подразделения под командованием Н. Г. Крапивянского. На высокую результативность боевых действий партизан этого отряда в первой половине 1919 года обращал внимание В. И. Ленин, подчеркивая при этом, что такие партизанские отряды приносят большую пользу делу революции. «Немцы жестоко грабят народ, говорил Владимир Ильич,— указывает в своих воспоминаниях С. И. Ара-

лов, — но крестьяне-партизаны хлеба им не дают и так здорово их бьют, что против отряда Н. Г. Крапивянского действует целая дивизия. Вот такие партизанские отряды нам нужны и полезны»¹⁸⁶.

Активные боевые действия против вражеских войск в Крыму проводил партизанский отряд, возглавляемый А. В. Мокроусовым. В Николаевском уезде Херсонской губернии вели решительную борьбу с внутренними и внешними врагами трудового народа свыше 24 тысяч партизан-повстанцев¹⁸⁷.

Во главе этой огромной партизанской армии — вооруженной силы восставшей Украины — стояли мужественные коммунисты. Среди них такие бесстрашные большевики, как Ю. Коцюбинский, В. Затонский, А. Бубнов, В. Примаков, Г. Котовский, Н. Щорс, А. Пархоменко, В. Боженко, Н. Крапивянский, воспетый в народной песне А. Железняков («Железняк»), Г. Колос, В. Готван, Ф. Дыбенко и десятки других, вышедших из толчи народной, бесстрашных и талантливых партизанско-повстанческих полководцев. Многие из них впоследствии стали видными партийными и государственными деятелями, крупными военачальниками¹⁸⁸.

Важно отметить, что коммунисты Украины, подобно другим большевистским организациям страны, параллельно с партизанскими действиями вооруженных формирований широко применяли (где это было возможно) и такие известные формы классовой борьбы, как политическая и боевая работа подпольщиков, забастовочное и стачечное движение в крупных промышленных центрах и других населенных пунктах.

Попав в невыносимое положение, на решительную, освободительную борьбу поднимался рабочий класс и украинское трудовое крестьянство. Революционные по содержанию конфликты с предпринимателями и властями в городах следовали один за другим. Попытки денкинцев овладеть рабочим движением с помощью меньшевиков и эсеров, как это было, например, в Киеве (известная «кирстовщина»), не увенчались успехом. Стаечная борьба и забастовки, разгоревшиеся в Харькове, Екатеринославе, Александровске и ряде других городов и рабочих поселков, переплетаясь с действиями боевых дружин, приняли большой размах. Эти активные выступления пролетарских масс города против кровавого белогвардейского режима, несом-

ненно, в значительной мере способствовали расширению и углублению собственно партизанской борьбы, придавали ей силу и устойчивость¹⁸⁹.

Украинские коммунисты на практике последовательно выдерживали курс на объединение всех форм освободительной борьбы, на слияние их в мощный поток всенародной войны против внутренних и внешних врагов. В октябре 1919 года по инициативе Александровского комитета большевиков состоялось партийное совещание, на котором присутствовали представители Бердянской, Мариупольской и Мелитопольской большевистских организаций. В выработанной совещанием инструкции предлагалось наряду со стачечной борьбой активно поддерживать повстанческое движение в деревне, с тем «чтобы придать ему партизанско-коммунистический характер», связаться с местными коммунистами, рекомендуя им не покидать партизанские отряды, создавая в них нелегальные партийные ячейки¹⁹⁰.

Вместе с тем партизанское движение, охватившее почти всю Украину, в силу ряда объективных и субъективных факторов, не было однородным по политической ориентации и целям. Главной, решающей силой были советские партизаны. Но наряду с ними действовали многочисленные стихийно возникавшие крестьянские партизанско-повстанческие отряды, у руководства которых оказывались мелкобуржуазные попутчики: выбранные казаками и кулаками атаманы-батьки, петлюровцы, левые эсеры, анархисты-махновцы, боротьбисты (украинские левые эсеры) и т. п. И хотя социальный состав таких отрядов являлся далеко не однородным (среди партизан были зажиточные, средние и бедные крестьяне, люмпен-пролетариат и даже уголовные элементы), все они на первых порах так или иначе вели борьбу против немецких оккупантов, гетманщины и деникинщины. Однако не все они, в силу своего социально-классового происхождения, в одинаковой мере питали склонность к социализму¹⁹¹.

Коммунистическая партия, Советское правительство и лично В. И. Ленин внимательно следили за всеми явлениями, которые имели место в освободительном движении во вражеском тылу. Считая партизанскую борьбу важной вспомогательной силой Красной Армии в отражении объединенных сил внутренней контрреволюции и иностранной военной интервенции, они в то же время сурово осуждали как порочную анархо-кулацкую, так и бесконтрольную

«стихийную партизанщину», которая ничего общего не имела с подлинно патриотическим движением народных масс.

«Стихийная партизанщина» пренебрегала ролью коммунистов и политических комиссаров в партизанских отрядах как носителей духа большевистской партии, ее дисциплины, твердости и мужества в борьбе за достижение революционной цели.

ЦК партии и В. И. Ленин считали также архивредными и разного рода ухарство и атаманско-батьковские замашки отдельных партизанско-повстанческих предводителей. Последние, будучи откровенными противниками подчинения центральной власти и партийному руководству, проводили свою авантюристическую местническую политику, полагая, что они сами могут «решать все украинские вопросы, не считаясь ни с чем, что предпринимается в центре»¹⁹².

Такие сепаратистские тенденции неизбежно приводили к тому, что в освободительное движение вносились кустарщина, дезорганизация и хаос. Анархистские партизанские отряды, каждый из которых считал себя самодовлеющей боевой единицей и не признавал никакой власти, часто захватывали вагоны с оружием и военным снаряжением и, попирая общие интересы революции, самовольно присваивали для «своего отряда», нередко загромождали пути и железнодорожные станции.

Были случаи, когда партизаны анархистских и «самостийных» отрядов занимались бесчинством, проводили насильственные реквизиции, чем подрывали собственный авторитет и восстанавливали против себя местное население¹⁹³. Подобные явления представляли собой большую опасность, чем простая накипь освободительного движения, имевшая место в Сибири. С ними повседневно решительную борьбу вели украинские коммунисты.

Владимир Ильич указывал, что разгул партизанщины— результат петлюровской дезорганизации и давления немецкого империализма, недостаточно высокого пролетарского сознания. Именно «на этой почве там стихийно выростала вражда и партизанщина... Мы тысячу раз украинских товарищей предупреждали о том, что когда дело доходит до движения миллионных народных масс, то здесь мало слов, а нужен их собственный житейский опыт, чтобы люди сами проверили указания, чтобы они поверили

своему собственному опыту. Этот опыт достался украинским крестьянам чрезвычайно тяжело»^{193а}.

Партия и В. И. Ленин обращали внимание украинских большевиков на необходимость всемерно усиливать партийно-политическую работу в анархистских отрядах, считая ее одним из главных факторов повышения революционной сознательности, организованности и боевой стойкости партизан. Рекомендуя местным коммунистам проводить в партизанском движении пролетарскую линию, В. И. Ленин в то же время советовал им привлекать к себе и активно использовать мелкую буржуазию, разумно, на основе своей программы, идти на соглашение с любимыми, самыми шаткими попутчиками, если последние могут быть хотя бы временными союзниками в решении главной задачи — сохранении власти рабочих и крестьян. «Победить более могущественного противника,— указывал В. И. Ленин,— можно только при величайшем напряжении сил и при *обязательном*, самом тщательном, заботливом, осторожном, умелом использовании как всякой, хотя бы малейшей, «трещины» между врагами, всякой противоположности интересов между буржуазией разных стран, между разными группами или видами буржуазии внутри отдельных стран,— так и всякой, хотя бы малейшей, возможности получить себе массового союзника»¹⁹⁴. При заключении компромиссов и соглашений коммунисты обязаны, указывал он, глубоко анализировать обстановку и эффективно использовать их как тактическое средство. «Дело в том,— говорил В. И. Ленин,— чтобы уметь через все компромиссы, которые с необходимостью навязываются иногда в силу обстоятельств даже самой революционной партии даже самого революционного класса, через все компромиссы уметь сохранить, укрепить, закалить, развить революционную тактику и организацию, революционное сознание, решимость, подготовленность рабочего класса и его организованного авангарда, коммунистической партии»¹⁹⁵. Следуя ленинским указаниям, ЦК РКП(б) через Зафронтное бюро направлял подпольным большевистским комитетам директивы, согласно которым допускалось в каждом отдельном случае соглашение с меньшевиками и боротьбистами, вплоть до создания объединенных ревкомов, где должно быть обеспечено большинство коммунистов¹⁹⁶.

Украинские коммунисты не побоялись сесть за один стол для переговоров с такими случайными и временными

попутчиками в борьбе с Деникиным, как главари анархистов и националистической буржуазии Махно и Петлюра¹⁹⁷. Особенно показательна в этом отношении работа большевиков в «повстанческой армии батьки Махно», где кроме анархистов немало было революционно настроенных фронтовиков, которые знали большевиков как преданных бойцов за интересы народных масс и поддерживали Советскую власть. В махновских отрядах, действовавших на юге Украины, по данным Екатеринославского подпольного губкома, на декабрь 1919 года насчитывалось до 35 тысяч человек. Это была внушительная сила, на вооружении которой находилось достаточное количество стрелкового оружия, несколько десятков полевых орудий, четыре бронепоезда и около тысячи пулеметов¹⁹⁸. Добровольно подчиняясь на первых порах советскому командованию, «повстанческая армия» Махно своими боевыми действиями существенным образом дезорганизовывала и распатывала деникинский тыл, отвлекала на себя с фронта значительные силы белогвардейцев. Учитывая это, В. И. Ленин писал: «С войсками Махно временно... надо быть дипломатичным»¹⁹⁹.

Однако вооруженная борьба против Деникина не изменила кулацкой по своей классовой сущности и буржуазно-националистической по политической окраске природы махновщины. Отстаивая позиции мелкобуржуазной «безвластной анархии», значительная часть махновцев впоследствии открыто выступила против Советской власти. В декабре 1919 года Махно, испугавшись успехов Красной Армии и боясь утратить свою власть, открыл разнузданный террор против коммунистов, комиссаров и политработников, выдвинул лозунг «третьей революции» на Украине. Этот националистический лозунг активно поддержали кулаки и определенная часть зажиточного крестьянства. На практике он означал не что иное, как явное противодействие восстановлению пролетарской диктатуры.

Большевики Украины отчетливо представляли, какую угрозу таит в себе анархо-махновщина. Исходя из указаний ЦК партии и логики классовой борьбы, они выработали и настойчиво проводили в жизнь гибкую тактику по отношению к анархистам. Наиболее полное отображение она нашла в действиях Александровского подпольного комитета. Оказавшись в самом центре занятой махновскими отрядами территории, комитет в конце октября созвал партийную конференцию, на которой были представлены Мариу-

польская, Бердянская и Мелитопольская большевистские организации. Конференция выработала временную инструкцию о тактике коммунистов в лагере контрреволюции и о линии поведения партийцев, посланных в махновские отряды. Нелегальным большевистским организациям и ячейкам инструкция предписывала: всемерно поддерживать и углублять партизанско-повстанческое движение, придавая ему организованность и революционную целеустремленность; укреплять связи с коммунистами, ведущими партийно-политическую работу в повстанческих отрядах, рекомендуя им ни под каким предлогом не покидать отряды; создавать нелегальные большевистские ячейки в отрядах, путем вовлечения в борьбу широких народных масс создавать новые партизанские формирования; уметь регулировать экономическую жизнь на территории, подвластной анархо-махновцам. Тактика, выработанная подпольной конференцией, была всецело поддержана Реввоенсоветом повстанческих войск²⁰⁰.

В последующее время Реввоенсовет и Главный штаб повстанческих войск дали указание Александровскому ревкому влить в состав махновских отрядов больше твердых и преданных делу революции людей с тем расчетом, чтобы находившиеся там коммунисты могли эффективнее проводить политико-воспитательную работу среди повстанцев, консолидируя и привлекая их на сторону Советской власти. Ревком полностью выполнил эту директиву. Среди махновцев создавались нелегальные большевистские ячейки. Коммунисты и сочувствующие им вошли даже в Реввоенсовет «повстанческой армии»²⁰¹.

Важная и необходимая партийно-политическая работа в отрядах Махно была исключительно трудной и опасной, поскольку махновская контрразведка не спускала глаз с тех, кто подозревался в коммунистической пропаганде. Но коммунисты-подпольщики, верные революционному знамени и партийному долгу, презирав опасность, несли слова большевистской правды в ряды повстанцев.

Организующим центром, вокруг которого объединились коммунисты и советски настроенные партизаны-повстанцы, была «железная повстанческая дивизия». Командовал ею бесстрашный коммунист Полонский. Он поддерживал связь с местными подпольными организациями, а через них — с Александровским ревкомом и Екатеринославским губкомом. Возрастание авторитета и влияния коммунистов, рост

популярности Полонского вызвали тревогу у Махно. По его заданию контрразведка обманным путем захватила командира «железной дивизии» и группу большевиков-подпольщиков. Среди арестованных находилось два члена Александровского ревкома. Все они после изуверских пыток были расстреляны²⁰².

Однако это не устрасило борцов-патриотов. Борьбу за оздоровление крестьянских масс в анархо-махновских отрядах продолжили оставшиеся в живых коммунисты. Благодаря их активной политико-воспитательной работе «повстанческая армия» в конечном итоге распалась. Ее революционные слои влились в 46-ю дивизию и другие советские соединения. Многие махновцы разошлись по домам. Из огромной армии у Махно осталось всего лишь полторы тысячи отъявленных головорезов и деклассированных анархичных элементов, с которыми он ушел в Гуляй-Поле²⁰³. Но это не предотвратило неизбежность гибели «доблестного воинства»: самой логикой классовой борьбы «государство на тачанках» было обречено на поражение.

Продуманно гибкую тактику, подчиненную интересам борьбы с главным врагом, проводили украинские коммунисты и по отношению к петлюровским насильникам, к отрядам боротьбистов и левых эсеров-боротьбистов. Учитывая сложившуюся обстановку (особенно противоречия внутри белогвардейского лагеря), они настойчиво претворяли в жизнь указания ЦК партии о целесообразности «установить военно-деловой контакт с Петлюрой против Деникина»²⁰⁴. Одновременно в стан петлюровских войск для ведения агитационно-политической работы была направлена группа надежных и энергичных патриотов во главе с коммунистами Г. Колосом и И. Максименко.

Среди националистических партизанских отрядов боротьбистов, действовавших в Полтавской, в Екатеринославской и Херсонской губерниях, аналогичную работу, преследовавшую цель временных компромиссов, по заданию Зафронтбюро * вели местные партийные организации и большевистские ревкомы. В результате предпринятых

* В директиве Зафронтбюро ЦК КП(б)У, направленной летом 1919 года подпольным большевистским организациям, указывалось, что «допустимо соглашение с боротьбистами и боротьбистами вплоть до создания объединенного ревкома с неременным условием нашего большинства». В то же время Зафронтбюро, не питая никаких иллюзий в отношении поведения мелкобуржуазных партий, обра-

мер партизанско-повстанческие отряды боротьбистов действовали в тесном контакте с советскими партизанами, а в октябре 1919 года вместе с красноармейскими частями принимали участие в боях за Полтаву²⁰⁵.

Титаническая работа, энергия и настойчивость, с которой большевики Украины боролись с сепаратистскими тенденциями националистической буржуазии и вели работу по привлечению среднего крестьянства на сторону Советов, в конечном итоге дали свои результаты. В тылу белогвардейцев и интервентов бушевало направленное в русло Советов пламя широкой партизанско-повстанческой войны. Благодаря неустанной деятельности подпольных партийных организаций в городах, других населенных пунктах и в партизанских формированиях большевизм на Украине, указывал В. И. Ленин, стал своего рода национальным движением. Он объединил вокруг себя людей, «которые прежде о большевизме и слышать не желали»²⁰⁶.

Оценивая обстановку, сложившуюся на юге страны осенью 1919 года, В. И. Ленин выражал уверенность, что Деникина неминуемо постигнет участь Колчака. «Крестьяне восстают уже в тылу Деникина, — писал Владимир Ильич 19 октября 1919 года. — На Кавказе ярким пламенем горит восстание против Деникина. Кубанские казаки ропщут и волнуются, недовольные деникинскими насилиями и грабежом в пользу помещиков и англичан... Рабочие и крестьяне все более сплоченно, все с большим сознанием, все более решительно становятся на сторону Советской власти»²⁰⁷.

Эту же мысль В. И. Ленин со всей определенностью повторил и в своей речи 24 октября перед слушателями Свердловского университета, отправлявшимися на деникинский фронт. Он указывал, что в сознании среднего крестьянства, от позиции которого в конечном итоге зависел успех Советской власти в борьбе с белогвардейцами и интервентами, отчетливо наметились коренные сдвиги. И лучшим революционизирующим средством крестьянских масс явилась их собственная практика. Сравнив всю лживость и продажность власти Деникина с подлинно народной Советской властью, крестьянин сделал выбор в пользу последней. Он начал решительно поворачивать на един-

пало внимание украинских коммунистов на необходимость продолжения идейной борьбы с этими партиями (см.: «Літопис революції», 1929, № 5—6, стр. 276).

ственно правильный путь — путь отчаянной борьбы с контрреволюцией. «Сегодня вы могли прочитать в вечерних газетах о восстаниях в тылу у Деникина,— Украина загорается,— говорил В. И. Ленин, обращаясь к будущим фронтовикам.— Мы имеем сообщение о событиях на Кавказе, где горцы, доведенные до отчаяния, бросились в наступление и обобрали полки Шкуро, отняв у них винтовки и снаряжение. ...Положение Деникина трудное: ему придется пускать лучшие свои силы в бой, ибо Украина горит и на Кавказе восстание»²⁰⁸.

Такое состояние вражеского тыла позволило советскому командованию при планировании и проведении наступательных операций в известной степени увязывать боевые действия Красной Армии с действиями партизан-повстанцев, создавая таким образом единый, объединенный общей стратегической задачей фронт освободительной борьбы. Так, в плане наступления армий Южного фронта против войск противника от 19 октября 1919 года было прямо сказано:

«...3) обеспечить полную возможность своевременно провести железнодорожную забастовку на дорогах от фронта..., дабы препятствовать союзникам посылать помощь Деникину и Краснову...

4) чтобы заставить Краснова и Деникина отвлечь в тыл резервы и расстраивать у них управление частями на фронте, необходимо частям повстанческих формирований в харьковско-донецком районе начать действия на фронте Богучар — Миллерово — Ростов-на-Дону...»²⁰⁹.

Выполняя эту директиву-призыв, например, Черниговский губернский подпольный комитет добился от партизанских отрядов Н. Точеного, С. Покиньюбороды, Н. Осипенко, И. Осипенко, А. Хохуди согласования их боевых действий с командованием советских войск. Под руководством местных партийных организаций и ревкомов, одерживая одну победу за другой, успешно взаимодействовали с частями Красной Армии партизаны Полтавщины²¹⁰.

При подготовке контрнаступления войск Южного фронта в октябре 1919 года, когда над страной, как констатировалось в специальной резолюции Политбюро ЦК от 15 октября, нависла «самая грозная военная опасность»²¹¹, ЦК партии были даны директивные указания Центральному Комитету Компартии Украины о широкой поддержке местными партизанами наступающих советских войск. За-

фронтбюро ЦК КП(б)У в соответствии с директивой ЦК партии от 9 ноября призвало все партийные и революционные комитеты, действовавшие в подполье, активизировать в кратчайший срок массовые партизанские действия. «Находящимся в Вашем распоряжении отрядам, — указывалось в циркулярном письме, — давайте немедленный приказ к выступлениям партизанского характера, не ожидая всеобщего восстания. К всеобщему восстанию лежит путь через систематические партизанские действия малыми отрядами»²¹². Бюро требовало в первую очередь активизировать удары партизан по важнейшим железнодорожным узлам и линиям, чтобы совершенно лишить возможности противника передвигать грузы и войска и сноситься по телефону и телеграфу.

Исходя из этих указаний, партизаны Украины, численность которых к концу 1919 года достигала 50 тысяч человек, повсеместно усилили удары по белогвардейцам²¹³. С приближением советских войск, они входили с ними в непосредственный контакт и своими решительными действиями оказывали существенную помощь наступающим частям Красной Армии²¹⁴.

Освободительное движение в форме вооруженной партизанско-повстанческой и подпольной борьбы продолжалось на Украине и в период отражения нашествия легионов буржуазно-помещичьей Польши. Организаторами и руководителями народной борьбы во всех ее формах и проявлениях на оккупированной территории Правобережной Украины в это время являлись большевистские подпольные организации. В Подольской губернии, например, к концу марта 1920 года насчитывалось 8 подпольных организаций коммунистов, в Волынской — 16. Ряд дееспособных партийных организаций находился в оккупированных районах Киевской губернии.

Как и в предыдущие годы борьбы с внутренней контрреволюцией и иностранной военной интервенцией, руководство подпольными организациями и партизанскими отрядами ЦК КП(б)У осуществлял через свой военно-оперативный орган — Закордонный отдел (Закордот), созданный во исполнение решения Оргбюро ЦК КП(б)У от 26 мая 1920 года. Руководство Закордотом было возложено на пламенного революционера и стойкого коммуниста Ф. Я. Кона. Закордот действовал в тесном контакте с Реввоенсоветом Юго-Западного фронта. При Закордоте были

созданы и функционировали отделы: партийно-оперативный, агентурно-разведывательный, военно-политический и информационный. Эти отделы устанавливали и поддерживали непосредственную связь с подпольными организациями и партизанскими отрядами, добывали различные сведения, направляли агитационную работу в стане противника²¹⁵.

Подобно оккупированным землям Литвы и Белоруссии, все захваченные польскими войсками районы Украины в оперативных целях были разбиты на зоны: Волынская, Подольская, Киевская губернская (Правобережная) и Киевская городская. В каждую из этих обширных зон Закарпатом были направлены партийные группы, во главе которых стояли тройки из числа коммунистов, имевших соответствующий опыт партийной и партизанской работы²¹⁶.

В итоге активной деятельности Закарпата, подпольных большевистских организаций и направленных в тыл противника коммунистов на оккупированной территории Украины к осени 1920 года развернулась широкая народная война. В Приднепровском районе, например, ощутимые удары польским легионерам наносил партизанский отряд коммуниста Будько, увязывавший свои боевые операции с действиями ближайших советских воинских частей. В районе Никопольских плавней и железной дороги Александровск — Мелитополь боевые операции проводил сплоченный партизанский отряд, руководимый старым большевиком Химичем²¹⁷. Активную боевую работу в тылу противника вели партизанские отряды, руководимые Каменец-Подольским подпольным ревкомом. Крупнейший из них, численностью до 100 человек во главе с Ф. И. Топольщицким, базировался в Смотричском уезде. Отряд в количестве 60 партизан под командованием коммуниста Мишеня активно действовал в районе Сбруча. Партизанско-повстанческие отряды были созданы также в самом Киеве (до 200 чел.), в Житомире, в Каменец-Подольске и других городах и населенных пунктах²¹⁸.

Созданные и направляемые большевиками-подпольщиками партизанские отряды совершали смелые налеты на вражеские гарнизоны, обозы и склады, громили маршевые подразделения оккупантов, устраивали диверсии. Так, на участках Киев — Фастов, Здолбунов — Ковель партизанами на длительный срок была выведена из строя железная дорога. В ходе боевых действий партизанский отряд Изя-

славского уезда пустил под откос два вражеских эшелона, следовавших к фронту с живой силой и техникой²¹⁹. Помимо боевых действий партизаны проводили широкую агитационную работу среди местного населения, мобилизуя его на срыв экономических, политических и других мероприятий оккупантов.

Мощное революционно-освободительное движение против барона Брангеля развернулось в Крыму и прилегающих к нему районах. Например, партизанская война в Северной Таврии, в частности в Мелитопольском, Джировском и Бердянском уездах, получила широкий размах еще в ноябре—декабре 1918 года. В начале марта 1919 года войска Красной Армии совместно с партизанами взяли Федоровку, а 14 марта освободили Мелитополь — последний крупный опорный пункт на подступах к Крыму. Преследуя деникинцев, красноармейцы и партизаны 16 марта заняли Большой Устюг и вышли непосредственно к Крымскому перешейку²²⁰.

В боевых действиях регулярных войск, развернувшихся в последующий период (конец марта — апрель 1919 г.), активное участие приняли и крымские партизаны. Так, серьезную помощь Красной Армии, штурмовавшей перекопские укрепления, оказало партизанское соединение П. Тарана. Скрытно форсировав залив, партизаны незаметно пробрались в тыл западной части укреплений противника и, в момент перехода наших частей в наступление, нанесли внезапный удар по врагу, что существенно повлияло на исход всей операции²²¹.

Всю освободительную борьбу трудящихся Крыма направлял подпольный областной комитет РКП(б), объединявший партийные организации Симферополя, Севастополя, Евпатории, Керчи, Ялты и партизанских отрядов²²². Координировал партизанско-повстанческую борьбу на полуострове Крымский подотдел Закордота, созданный в первых числах июля 1920 года. Руководство подотделом ЦК КП(б)У возложил на коммунистов И. П. Павлова и Ю. П. Гавена.

Ознакомившись с работой крымских большевиков, Закордонный отдел сообщал летом 1920 года * в ЦК ВКП(б):

* Для организации революционно-освободительного движения в Крыму Коммунистическая партия после ухода советских войск летом 1919 года оставила здесь опытных большевиков, которые возглавили борьбу народа против белогвардейских войск. Однако ре-

«...Наша организация в Крыму приобрела и до сих пор пользуется огромным влиянием в среде рабочего населения... Никакие репрессии: расстрелы рабочих, отправки на фронт и пр. — не помогли»²²³. Организационное бюро ЦК РКП(б), обсудив 21 июля 1920 года доклад обкома о подпольной и партизанской деятельности в Крыму, поручило Реввоенсовету 13-й армии оказать крымским партизанам и повстанцам всемерную помощь, что в последующем и было осуществлено Загордонным отделом ЦК КП(б)У и командованием Юго-Западного фронта²²⁴.

Опираясь на помощь ЦК РКП(б) и ЦК КП(б) Украины, подпольные большевистские организации Крыма во второй половине 1920 года еще более активизировали политическую работу среди трудящихся. Размах народной борьбы в тылу врангелевских войск день ото дня ширился и креп. В соответствии с решением Крымского областного ревкома летом на полуострове наряду с созданием новых партизанских отрядов стали формироваться так называемые «зеленые» (от места дислокации — Крымские горы) повстанческие полки.

В конце лета Крымский областной партийный комитет начал объединять разрозненные партизанские отряды в единую повстанческую армию. Командующим армией партизан-повстанцев Крымревком утвердил секретаря подпольного обкома С. Я. Бабахана, комиссаром — В. С. Васильева. Но поскольку объединение партизан в повстанческую армию было сопряжено с определенными трудностями, а ведение боевых действий требовало от ее командования военных знаний и соответствующего опыта, решением ЦК КП(б)У и Реввоенсовета Юго-Западного фронта во второй половине августа в тыл врага была послана группа партийных работников вместе с новым командующим повстанческой армией, бывшим крымским партизаном, комбригом Красной Армии, кавалером ордена Красного Знамени А. В. Мокроусовым. Он завершил объединение партизанских отрядов Крыма в повстанческую армию. В руководящем ядре армии было свыше 60 коммунистов и комсомольцев²²⁵. А. В. Мокроусов, вступив в командова-

гулярную связь крымского большевистского подполья с ЦК РКП(б) и ЦК КП(б)У удалось наладить только летом 1920 года, после того как в июне в Крыму по поручению ЦК РКП(б) побывала коммунистка К. Даниленко (см.: Н. Н. Надинский. Очерки по истории Крыма, ч. II. Симферополь, 1957, стр. 237).

ние армией партизан-повстанцев, в оперативных целях разделил ее на полки: 1-й Конный, 2-й Карасубазарский, 3-й Симферопольский, 4-й и 5-й партизанско-повстанческие полки. Это сделало армию партизан мобильной и хорошо управляемой, что позволило наносить более ощутимые удары по тылам врангелевских войск ²²⁶.

Важное значение для усиления народной борьбы против белогвардейцев имели I и II областные нелегальные конференции большевиков Крыма. I конференция была созвана в начале мая и проходила в Коктебеле на даче писателя В. В. Вересаева ²²⁷. Наиболее важной была II конференция, проходившая 3—5 сентября непосредственно в расположении партизанских отрядов. В ее работе приняли участие коммунисты Симферополя, Севастополя, Керчи, Ялты и Феодосии. Участники конференции обсудили ход освободительной борьбы, ознакомились с задачами, поставленными перед крымскими партизанами и подпольщиками Закордонным отделом ЦК КП(б)У. Конференция наметила курс на расширение и углубление борьбы, обязала подпольные партийные комитеты наращивать помощь партизанам, принимать все необходимые меры по укреплению подпольных большевистских организаций, расширять массово-политическую и организаторскую работу среди трудящихся ²²⁸.

Неуклонно претворяя в жизнь решения конференции, большевистские организации Крыма увеличивали свои ряды, создавали новые боевые группы партизан-повстанцев, вели широкую разъяснительную работу среди масс. День ото дня наращивались и крепили удары партизан по тылам противника. Попытки Врангеля ликвидировать партизан были безуспешными, так как партизанам оказывало поддержку все трудовое население Крыма.

Особенно активизировалась деятельность крымских подпольщиков и партизан на заключительном этапе наступления советских войск. 11 сентября 1920 года партизаны, разгромив вражеский гарнизон, захватили Судак. В первых числах октября патриоты уничтожили 4-й карательный конный полк врангелевцев, а 12 октября, устроив засаду на судакском шоссе, разбили два полка белогвардейцев. 30 октября партизаны пустили под откос вражеский эшелон ²²⁹.

В период штурма перекопских укреплений советскими войсками руководимый Феодосийским ревкомом отряд бое-

виков совершил смелый налет на тюрьму и освободил до 100 политзаключенных, уничтожил склад боеприпасов вблизи станции Айвазовская. 9 ноября партизаны ударили с тыла по отступающему конному корпусу генерала Барбовича и разгромили его. В последующие дни партизаны А. В. Мокроусова отрезали путь отступающим войскам противника на шоссе Симферополь — Феодосия, разгромили 1-й Кубанский и 2-й Донской корпуса белых, освободили Феодосию, Карасубазар, Старый Крым и другие населенные пункты ²³⁰.

Такие активные действия партизан, несомненно, в значительной степени ускорили падение последнего оплота контрреволюции на юге и приблизили день полного освобождения Крымского полуострова советскими войсками. После соединения партизан с частями Красной Армии Крымская повстанческая армия приказом командующего Южным фронтом М. В. Фрунзе была влита в состав 4-й армии ²³¹.

В сложных условиях протекало революционно-освободительное движение на Кавказе. Здесь на все формы классовой борьбы (и на партизанскую в том числе) накладывали свой отпечаток такие факторы, как удаленность от центра Советской России, сложность местных социально-экономических и бытовых условий. Существенным образом сказывалось также и то, что горские народности и национальные меньшинства находились под сильным влиянием духовенства и местной националистической буржуазии — дашнаков, мусаватистов, кемалистов и проч. Но, несмотря на все трудности, кавказские коммунисты сумели поднять массы на решительную борьбу за установление народной, рабоче-крестьянской власти. Важная заслуга в этом принадлежала действовавшим почти повсеместно партизанско-повстанческим отрядам и городскому большевистскому подполью.

Всю деятельность большевистских организаций Закавказья по руководству партизанско-повстанческой и подпольной борьбой на заключительном этапе гражданской войны направляло Кавказское бюро ЦК РКП(б), созданное согласно решению IX съезда партии весной 1920 года взамен Кавказского краевого комитета. В состав Кавказского бюро входили стойкие большевики-ленинцы С. М. Киров, Ф. И. Махарадзе, Н. Н. Нариманов, Г. К. Орджоникидзе, М. Д. Орахелашвили, Е. Д. Стасова и другие партий-

ные работники. Местом пребывания Кавказского бюро ЦК РКП(б) было Баку²³².

Так же, как и в других оккупированных районах страны, руководимому большевиками партизанскому движению на Кавказе повседневную помощь и поддержку оказывали широкие слои трудящихся. Это глубоко народное движение было тесно связано с другими формами и приемами классовой борьбы — боевой работой большевиков-подпольщиков, народными восстаниями и т. д. В ряде случаев кавказские партизаны взаимодействовали с частями Красной Армии²³³.

Партизанские отряды занимали города

За дело ленинской партии, за власть рабочих и крестьян революционно-освободительную партизанскую войну на Дальнем Востоке вели приморские партизаны, Амурская партизанская армия и Восточно-Забайкальский партизанский фронт. К осени 1919 года в Забайкалье, Приамурье и в Приморье действовало до 200 партизанских подразделений, в составе которых сражалось свыше 50 тысяч бойцов²³⁴.

Партизанское движение на Дальнем Востоке было всенародным, что являлось ярким выражением прочности военно-политического союза рабочих и трудящихся крестьян. Одной из его характерных особенностей являлось то, что это движение с самого начала развивалось не как крестьянское, а теснейшим образом связанное с трудовыми массами городов и рабочих поселков, где гегемоном выступал рабочий класс. Совместные выступления рабочих и крестьян обуславливались: во-первых, общностью экономических и политических интересов обоих классов; во-вторых, близостью рудников, копей и фабрично-заводских предприятий, сконцентрированных в Приамурье и южной части Приморья. В силу этого в рядах дальневосточных партизан было много рабочих Владивостока, Хабаровска, металлостов Благовещенска, горняков Сучана, речников, железнодорожников²³⁵. «В партизанские отряды Приморья и Приамурья,— писал в своих воспоминаниях один из активнейших участников партизанского движения на Дальнем Востоке, а впоследствии видный политический дея-

тель Советского государства П. П. Постышев,— ушли все рабочие из городов. Рабочие в отрядах являлись основным ядром»²³⁶. Многие формирования партизан-дальневосточников брали свое начало именно из подпольных рабочих групп*, самоотверженно боровшихся с интервентами и белогвардейцами** в городах и рабочих поселках Дальнего Востока. Высокая классовая сознательность рабочих, пролетарская стойкость, организованность и дисциплина имели исключительно важное значение для развертывания активной вооруженной борьбы против интервентов и внутренней контрреволюции.

Другой важнейшей особенностью партизанской войны на Дальнем Востоке было то, что у ее истоков стоял политический штаб в лице партии большевиков. В то время как партизаны чисто крестьянского происхождения зачастую действовали «валом», «всем миром», без соответствующего плана на продолжительный период, приморцы, возглавляемые коммунистами, прежде чем начать боевые действия, в ряде районов провели большую работу по подготовке всего населения к борьбе, усилили боевую готовность отрядов, разбросанных на обширной территории, определили конкретно операционные направления предстоящих ударов, составили своего рода план действий по этапам, даже на несколько месяцев вперед. И первостепенная заслуга в этом принадлежала большевикам края. «Партизанская борьба на Дальнем Востоке,— писал П. П. Постышев,—...была организованная борьба, причем организована она была Коммунистической партией и проходила под ру-

* Численность рабочего класса на Дальнем Востоке и в Забайкалье в 1913—1914 гг. достигала 245—250 тысяч, в том числе 125—130 тысяч постоянных рабочих (76 849 железнодорожников, 45 900 рабочих золотопромышленных предприятий, 21 742 строительных, 33 тысячи рыбаков, 6 тысяч шахтеров и горняков полиметаллических рудников, 10 тысяч рабочих фабрично-заводских предприятий). И хотя значительная часть рабочих была мобилизована и не вернулась с полей сражений первой мировой войны, оставшиеся рабочие и вернувшиеся с фронта приняли самое активное участие в революционных событиях на территории края.

** На советском Дальнем Востоке в течение 1918—1922 гг. против партизан и советских войск вели борьбу: осенью 1918 г.— 163 тысячи интервентов и до 100 тысяч белогвардейцев; летом 1919 г.— соответственно 270 и 350 тысяч; в начале 1920 г.— 300 и 130—150 тысяч; в 1921—1922 гг.— 175 тысяч интервентов и 60—70 тысяч белогвардейцев (см. сб.: «Участие трудящихся зарубежных стран в Октябрьской социалистической революции и защите ее завоеваний». М., 1965, стр. 112).

ководством ее представителей. Ядро партизанских отрядов было большевистское, здоровое ядро... Партизанские отряды организовывались большевиками. Те же отряды, которые организовывались без большевиков, потом большевиками оформлялись и, безусловно, ими политически руководились. Борьба шла под лозунгом: «За власть Советов!»²³⁷

Показателем глубины этого революционно-патриотического движения являлось не только широкое представительство в нем всех трудовых классов, но и то, что руководители партизанских формирований были всегда точно осведомлены местным населением обо всем происходящем в крае: дислокации и передвижении врага, его силах и вооружении, укрепленных пунктах и т. д. Противник оказался окруженным стеной всеобщей ненависти и презрения, охвативших все трудовые слои населения. Воодушевленные успехами борьбы с интервентами и белогвардейцами, местные партизанские отряды иногда по собственной инициативе устанавливали связи с партийными организациями Владивостока, Благовещенска и Хабаровска, чтобы получить от них помощь и руководителей. Они ясно сознавали, что революционное партизанство, предоставленное самому себе, или будет уничтожено, или обернется в свою противоположность²³⁸.

С целью нанесения врагу более ощутимых ударов в середине февраля 1919 года партизаны правобережной и левобережной частей Амурской области по указанию Амурского подпольного обкома РКП(б) объединились в единую революционную армию, насчитывавшую до 8 тысяч бойцов-партизан. Во главе этой армии стал горный техник Тетюхинского рудника, член Владивостокского Совета, активный участник боев с белочехами коммунист Г. С. Драгошевский. Вскоре после объединения партизаны совершили ряд успешных операций против войск японских интервентов. Особенно чувствительные потери были нанесены противнику в боях у населенных пунктов Белогорка, Бочкарево, Павловка, Желтый Яр, Чудиновка. Только у деревни Желтый Яр, на реке Зее, в середине марта партизаны уничтожили около 800 солдат и офицеров интервентов, одного генерала, свыше 1000 человек ранили, взяли большие трофеи²³⁹.

Весной этого же года активизировалась деятельность партизан Приморья. К апрелю — маю партизанские отряды районов Сучап, Тетюха, Ольга и других разгромили кара-

тельные отряды и восстановили Советскую власть. Территория партизанско-повстанческих районов Приморья, значительно расширившись, вплотную приближалась к Уссурийской железной дороге и Сучавской железнодорожной ветке, охраняемым американо-японскими войсками. Весь Ольгинский уезд, за исключением сел Владимиро-Александровск и Шкотово, находился в руках партизан. Для налаживания нормальной жизни на освобожденной территории при ревкоме Ольгинского уезда (руководители Н. Ильюхов, Н. Слинкин, М. Иванов и др.) 4 апреля 1919 года были созданы военный, финансово-хозяйственный, гражданский и санитарный отделы. Осуществляя политику Советской власти в своем районе, ревком вынес ряд постановлений по земельному вопросу, об укреплении партизанского тыла, о мобилизации масс для борьбы против интервентов и белогвардейцев, о борьбе со шпионажем и др. Он запретил сдачу земли в аренду и предложил сельским ревкомам организовать обработку земли семей партизан, находившихся вдали от родных мест, обеспечить бесплатным пользованием землей корейских и китайских крестьян ²⁴⁰.

Важную роль в расширении партизанских фронтов и закреплении влияния Советской власти сыграли созданные в первой половине 1919 года большевиками съезды трудящихся и партизан. Такие съезды в Приморье проходили повсеместно.

В конце мая в урочище Анучино состоялся партизанско-повстанческий съезд трудящихся Приморья. В его работе приняли участие представители партизанских отрядов и сельских ревкомов Ольгинского, Иманского и Уссурийского уездов, а также Дальневосточного и Никольск-Уссурийского комитетов РКП(б). Делегаты съезда обсудили вопросы организации и ведения партизанской войны, о текущем моменте, создании прочного тыла, продовольственный вопрос, об обеспечении семей партизан. В выступлениях делегатов и отчетах с мест подчеркивалась вдохновляющая и руководящая роль большевистских организаций в партизанском движении, особенно Владивостокского комитета РКП(б) ²⁴¹.

С целью согласования действий партизанских отрядов 27 июня 1919 года в селе Сергеевка коммунисты-дальневосточники созвали I съезд трудящихся Ольгинского уезда. На нем присутствовало более 130 делегатов, представляв-

ших свыше 90 сел и деревень, подпольный комитет большевиков Владивостока, 11 партизанских отрядов, 9 революционных штабов и комитетов и 3 профсоюза. Многие делегаты пришли таежными тропами за сотни верст из мест, охваченных партизанским движением. Выражая чувства трудящихся, почетным председателем съезда делегаты избрали В. И. Ленина. В работе съезда активное участие приняли С. Лазо, М. Губельман, И. Сибирцев, А. Фадеев (впоследствии известный советский писатель) и другие большевики, посланные на съезд Дальневосточным комитетом РКП(б).

Командующим партизанскими силами съезд единодушно избрал беззаветного революционера, кристального большевика С. Лазо. Комиссаром партизанских отрядов был утвержден М. Губельман. Съезд постановил: в случае необходимости провести мобилизацию крестьян в повстанческие войска. По докладу Сергея Лазо были утверждены «Основные положения об организации и управлении партизанскими отрядами Ольгинского уезда». В положении говорилось, что командиры партизанских отрядов избираются партизанами отрядов и утверждаются ревкомрами. В помощь командиру партизаны избирают отрядный комитет. Командный состав в партизанских подразделениях подчиняется революционному исполнительному комитету Советов, который наделен полномочиями в случае необходимости отстранять командиров от занимаемого поста и предавать их суду²⁴².

На съезде было обращено серьезное внимание на укрепление дисциплины, упрочение централизованного руководства партизанским движением. «Партизанские отряды,— подчеркивалось в решении съезда,— организуются на началах строгой дисциплины, каждый отряд подчинен своему командиру, а все отряды непосредственно подчинены командующему уездом и начальнику уездного революционного штаба»²⁴³.

Большое значение для расширения и углубления партизанского движения в крае имело также решение Дальневосточного комитета РКП(б) от 22 июня 1919 года «По текущему моменту и тактике». Указывая на успехи Красной Армии на фронтах гражданской войны, на подъем партизанского движения в Сибири и на Дальнем Востоке, комитет подчеркивал, что падение колчаковского режима — вопрос самого ближайшего времени. А поэтому необ-

ходимо ускоренными темпами формировать и обучать партизанско-повстанческие войска, расширять освобождаемые районы, вовлекать в активную борьбу рабочих рудников, копей и казенных заводов.

Коммунисты и командование партизанских формирований в своей практической деятельности всецело руководствовались этим решением. Прибытие Сергея Лазо и других членов Дальневосточного комитета большевиков в Сучанскую долину и назначение Лазо главкомом партизанских сил способствовало повышению боевой активности партизан Приморья. Уже в начале лета партизаны нанесли серьезные потери интервентам в районе Шкотово, взорвали подъемные машины на Сучанской железнодорожной ветке, вследствие чего подвоз сучанского угля во Владивосток прекратился. Одновременно с боевыми операциями партизан Дальневосточный комитет РКП(б) организовал всеобщую забастовку рабочих Уссурийской железной дороги, рабочих-портовиков Владивостока и других предприятий²⁴⁴.

Несмотря на карательные операции, массовые репрессии против местных жителей, террор колчаковской контрразведки, партизанское движение на Дальнем Востоке противнику подавить не удалось. Патриотическая борьба трудящихся день ото дня усиливалась, набирала активность, ширились ряды ее участников. «Партизанское движение Приморской области, — указывалось в информационном сообщении Дальневосточного комитета РКП(б), направленном в январе 1920 года ЦК партии и Совнаркомму, — ...непрерывно крепнет и усиливается, захватывая все новые районы. В течение лета 1919 года «правительственными» (колчаковскими. — Я. П.) войсками, совместно с японскими и американскими интервентами, была проведена регулярная кампания против партизан с целью уничтожения отрядов и проведения мобилизации. Экспедиция эта сопровождалась зверствами и насилиями, столь обычными для всех «усмирителей» Сибири: порки, расстрелы мирного населения, грабежи, увод скота, сожжение отдельных дворов и даже деревень... Подводя итоги партизанскому движению в Приморской области, следует сказать, что оно сделало многое. Оно в корне расстроило движение [противника] на Уссурийской железной дороге, поставило вне сферы влияния «правительственной» власти почти всю территорию области. Население смотрит на пар-

тизан, как на своих защитников. Во всех без исключения местах движение происходит только под советскими лозунгами. Представители партии за это время успели завоевать доверие населения и партизан. Некоторые из них героически погибли. Все это, конечно, способствовало распространению и укреплению влияния Коммунистической партии, связав ее крепкими нитями с партизанами...»²⁴⁵

Героическая борьба трудящихся Дальнего Востока против интервентов и белогвардейцев с самого начала ее возникновения отличалась стойкостью, твердостью и последовательностью политического руководства. До весны 1920 года общеполитическое руководство партизанским движением осуществлял Дальневосточный областной (краевой) комитет РКП(б), подчинявшийся непосредственно Сибирскому бюро ЦК РКП(б). В составе областного комитета были созданы и проводили соответствующую работу военный и агитационный отделы, рабочий Красный Крест, транспортная секция и подотделы: снабжения партизанских отрядов, информации, явки, связи и конспирации. Они занимались обеспечением партизан оружием, боеприпасами, снаряжением, а также организацией рабочих дружин для пополнения и укрепления партизанских подразделений²⁴⁶.

В первой половине марта 1920 года по указанию Центрального Комитета партии Сибирское бюро ЦК РКП(б) образовало специальный партийный центр по руководству освободительной борьбой в дальневосточном регионе — Дальбюро РКП(б), подчиненное Сиббюро. Три члена Дальбюро — Н. К. Гончаров, А. М. Краснощеков и А. А. Ширямов — работали в Верхнеудинске (Улан-Удэ), три — П. М. Никифоров, И. Г. Кушнарев и С. Г. Лазо — во Владивостоке. Кандидатом в состав Дальбюро был утвержден безупречный большевик, имевший солидный опыт революционной работы П. П. Постышев²⁴⁷. Такое разделение было вызвано тем, что Дальневосточный край был изолирован от Забайкальской территорией, занятой семеновцами и японскими войсками, находившимися в его восточной части.

В конце июля 1920 года Дальбюро РКП(б) было преобразовано в Дальневосточное бюро ЦК РКП(б), непосредственно подчиненное Центральному Комитету партии. Первый состав Дальбюро ЦК РКП(б) был утвержден 13 августа. В него вошли такие стойкие коммунисты, как

А. М. Краснощеков, А. А. Знаменский, С. Я. Гроссман. В дальнейшем, в период борьбы с противником в 1921—1922 гг., членами Дальбюро ЦК РКП(б) работали П. Ф. Анохин, А. М. Буйко, М. И. Губельман, Н. А. Кубяк, П. М. Никифоров, Ф. Н. Петров и другие ²⁴⁸.

С первых дней своего существования Дальбюро ЦК РКП(б) принимало самые энергичные меры по организации и углублению партизанско-повстанческой борьбы в Приморье, Приамурье и всей Восточной Сибири. Уже в августе 1920 года оно направило в Центральное Забайкалье группу опытных партийных и военных работников в составе И. Ковалева, Л. Колоса, И. Кузнецова, В. Манторова, М. Тайшина и Г. Фильшина. Посланцы партии создали революционный комитет Центрального Забайкалья, который осуществлял общее руководство революционно-освободительной борьбой в Забайкалье ²⁴⁹.

Так же, как и в предшествовавший период, в годы существования Дальневосточной Республики (ДВР) непосредственное руководство партизанско-повстанческой борьбой на местах осуществляли областные и районные ревкомы и военно-революционные штабы. Они существовали или самостоятельно, или же при соответствующих партийных комитетах и подчинялись последним. Важную роль играли также городские и сельские революционные комитеты и партячейки.

Лучшие организаторские и боевые силы дальневосточных большевиков находились в партизанско-повстанческих районах. Коммунисты возглавляли партизанские формирования, руководили восстановлением органов Советской власти и всей жизнью в освобожденных районах. Значительная часть партийного актива, в том числе талантливый партизанский главком С. Г. Лазо, твердые большевики В. Владивостоков, С. Серышев, М. Губельман, И. Сибирцев, А. Фадеев, на заключительном этапе — «железный» В. Блюхер, прославленные Г. Эйхе, С. Вострецов, Я. Покус, Ф. Петров-Тетерин и многие другие, находились в партизанско-повстанческих районах. По рекомендации Далькрайкома во главе Амурского подпольного обкома РКП(б) был поставлен старый коммунист, машинист по профессии, активный участник борьбы с царским самодержавием в Забайкалье еще в 1905 году Ф. Н. Мухин.

После апрельского выступления японцев (4—5 апреля) по инициативе Дальбюро ЦК РКП(б) и Амурского ревко-

ма из разрозненных подразделений амурских партизан была воссоздана Амурская партизанская армия. В ее составе находилось девять стрелковых полков и полк кавалерии, на вооружении которых имелись артиллерия, бронепоезд — подарок чепуринских рабочих, танки, тайно вывезенные партизанами из Владивостока еще до выступления японцев 4—5 апреля. Во главе Амурской армии Дальбюро ЦК РКП(б) поставило мужественных коммунистов, испытанных борцов за Советскую власть С. Серышева, П. Постышева, Б. Мельникова, Н. Попова, М. Трилисера и других ²⁵⁰.

Слияние мелких подразделений в крупную партизанскую армию позволило партийным комитетам оперативнее руководить партизанской войной, а патриотам — наносить более ощутимые удары по белогвардейцам и интервентам ²⁵¹.

Однако следует подчеркнуть, что сведение партизанских сил в крупные соединения не являлось свидетельством установления твердой организационной структуры. Партизанские полки и дивизии, входившие в армию, не имели постоянных штатов, как не имели они твердой, сугубо воинской дисциплины и униформы ²⁵². В отличие от регулярных частей Красной Армии собственно боевые контингенты партизан, имевшие теснейшую связь с местными жителями, увеличивались или уменьшались в зависимости от глубины и размаха революционно-освободительной войны, людских и материальных ресурсов.

Такая подвижная организационная структура партизанских подразделений в значительной степени предопределяла и тактику патриотов. Небольшие и вездесущие партизанские отряды, как правило, практиковали те способности и приемы партизанской борьбы, которые в условиях данного района давали наилучшие результаты. Отряды, располагавшие небольшими боевыми силами, чаще всего устраивали засады, дерзкие и внезапные нападения с тыла, неожиданные ночные налеты и наезды, диверсии на коммуникациях, проводили массовый террор. Во всех этих случаях широко применялось как огнестрельное, так и холодное оружие, взрывчатые и зажигательные средства, обстоятельное знание обстановки и умелое ее использование, заблаговременное изучение путей отхода, хитрость и смекалка.

Крупные партизанские формирования, имевшие в своем составе большие массы подвижной «ездящей пехоты»,

пользовались более разнообразным арсеналом тактических приемов и способов боевых действий. Кроме перечисленных они широко практиковали поисковые бои, захват противника врасплох, неожиданные и стремительные удары с флангов и тыла, инициативные встречные бои, наступательные и оборонительные операции (при неудаче — отход с боем, применяя засады и арьергарды), быстрое передвижение и маневрирование, охваты и обходы противника, прорыв из окружения, преследование. Партизаны вели огромную работу по вовлечению в борьбу широких масс: подготовку и организацию различного рода саботажа на рудниках, лесозаготовках, транспорте, подготовку народных манифестаций и взрывов изнутри — восстаний.

Коммунисты-дальневосточники хорошо понимали, что координация партизанских действий с борьбой народоармейцев, выступлениями пролетариев городов и рабочих поселков является неотъемлемой частью общей стратегии, рассчитанной на окончательную победу над интервентами и белогвардейцами. Они разъясняли трудящимся, что без единства действий нельзя достигнуть ни сколько-нибудь серьезных результатов в борьбе, ни сознательной революционной активности масс, как нельзя без всего этого превратить партизанскую борьбу в широкое, подлинно народное движение, способное не только истреблять вражескую живую силу, материальные ресурсы и вооружение, но и совершенно дезорганизовать весь военно-хозяйственный организм противника. Руководствуясь этими принципами, партизаны-дальневосточники, возглавляемые испытанными большевиками, провели множество удачных операций против японо-американских интервентов и белогвардейцев.

Замечательным примером партизанской войны на Дальнем Востоке является Сучанская операция, проведенная под командованием С. Г. Лазо в районе Сучанских рудников — важнейшей топливной базы Приморья. Ее план был детально разработан заранее и заключался в следующем: максимально дезорганизовать движение на Сучанско-Уссурийской железнодорожной линии, подробно разведать силы и средства врага, измотать его в мелких и беспорядочных (с точки зрения классического военного искусства) стычках и после этого предпринять наступление на укрепленный вражеский гарнизон.

С этой целью дорога была разбита на четыре участка.

Через каждые четыре-пять дней на один из них послался партизанский отряд или группа, которые с помощью местного населения разрушали мосты, телеграфные линии, разбирали железнодорожное полотно, совершали нападения на составы, разъезды противника и т. д. Параллельно с этим велась усиленная работа по организации восстания в шкотовском гарнизоне, насчитывавшем свыше двух тысяч белогвардейцев и интервентов.

Одновременно штаб Лазо выделял небольшие разведгруппы, которые проникали в глубокий тыл противника, доходили до фортов Владивостокской крепости, совершали упреждающие нападения на японские караулы, взрывали железнодорожные мосты и воинские склады в укрепленном районе, выводили из строя отдельные орудийные расчеты и т. п. Другие поисковые группы партизан предпринимали внезапные наезды на вражеские опорные пункты и отдельные команды, с помощью местного населения добывали всевозможные данные о противнике.

И когда оборона врага была распатана, когда стали известны все его укрепленные пункты, наиболее уязвимые места, партизаны предприняли решительное наступление на Сучан. В ходе быстротечного огневого боя трехтысячный гарнизон интервентов был уничтожен, на длительное время выведена из строя Сучанско-Уссурийская железнодорожная линия. Патриоты стали фактическими хозяевами обширного края ²⁵³.

В бескомпромиссной борьбе с объединенными силами внутренней и внешней контрреволюции не обходилось без жертв и со стороны патриотов. Погибли многие партизаны, подпольщики и их вожаки — нестигаемые бойцы ленинской партии. До последнего патрона разил белогвардейцев партизан Ф. Тропот. Со словами «Я умираю за правду и за народ» погиб в колчаковском застенке мужественный патриот Г. Пика. Стойко выдержал все пытки, но партизанской тайны врагу не выдал большевик по убеждениям П. Горбачев. Колчаковцы отрезали ему уши, губы, выкололи глаза, вырвали язык. Мученическую смерть принял 65-летний партизан Андрей Андреевич Силин. Бесстрашный коммунист С. Г. Лазо вместе с двумя другими членами Военного совета Приморья большевиками В. М. Сибирцевым и А. Н. Луцким в ночь с 4 на 5 апреля 1920 года были схвачены японскими интервентами. После жестоких пыток мужественные патриоты были заживо сожжены в

топке паровоза на станции Муравьево-Амурская (ныне станция Лазо).

Но тот, кто умирал под вражескими пытками или штурмуя укрепления противника, с надеждой и уверенностью передавал эстафету борьбы тем, кто смыкал ряды и был полон решимости довести начатое дело революции до конца. Погибшие герои становились в определенном смысле олицетворением всеобщей ненависти к врагам народа, душителям социалистической революции, укрепляли уверенность патриотов в неизбежность победы над врагом.

Приведем лишь несколько примеров о знаменосцах партизанской войны на Дальнем Востоке.

На левом берегу Амура успешные операции против интервентов и белогвардейцев проводил сплоченный и дисциплинированный 1-й Тунгусский партизанский отряд, созданный в районе Тунгуски рабочим-грузчиком Хабаровского речного порта, командиром красногвардейского отряда на Уссурийском фронте И. П. Шевчуком. «Иван Павлович Шевчук,— писал П. П. Постышев,— отличался большими организаторскими способностями, смелостью и отвагой. Этот человек в борьбе за власть Советов в годы гражданской войны на Дальнем Востоке сыграл огромнейшую роль. Его имя знали все крестьяне, начиная с ребенка и кончая семидесятилетним старцем»²⁵⁴. Первым комиссаром этого отряда был в прошлом рабочий-электромонтер, а в период гражданской войны — умелый руководитель масс, коммунист с 1904 года П. П. Постышев, сумевший обеспечить политическую сплоченность бойцов-партизан, их стойкость и мужество в бою. Усилиями комиссара и коммунистов-партизан при отряде был создан и проводил активную работу политотдел. «Политотделу,— объяснял П. П. Постышев,— было трудно: не было гектографа, мало было бумаги, а о машинке и думать было нечего. Но мы писали обращения к крестьянам, писали прокламации, а для того чтобы размножить эти обращения, отобрали из отряда самых грамотных товарищей из общей массы партизан, которые в большинстве своем были малограмотны: по обыкновению в школе множились прокламации и обращения для крестьян и рабочих»²⁵⁵.

Известен в истории борьбы за власть Советов на Дальнем Востоке и 2-й Тунгусский партизанский отряд, созданный из числа рабочих стапции Зима братьями Кочневыми — Алексеем, Александром, Николаем и Григорием. Оба

партизанских отряда долгое время взаимодействовали, а после японского выступления в апреле 1920 года объединились ²⁵⁶.

Под руководством Хабаровского городского комитета партии наносили чувствительные удары по водным и железнодорожным коммуникациям противника в Приамурье до двадцати отрядов, насчитывавших несколько тысяч человек. Среди прославленных командиров отрядов были коммунисты И. С. Бессонов, Д. И. Бойко-Павлов, Д. С. Бузин, М. Д. Изотов и другие отважные партизанские вожаки ²⁵⁷.

Дальневосточные большевики * ежедневно руководили боевыми действиями патриотов, умело направляли партизанское движение в интересах Советов. Благодаря твердому политическому курсу коммунистов в действиях партизан-приморцев отсутствовали сугубо оборонительная тактика, пассивность и хаотичность. Боевую работу они проводили не от случая к случаю и не под влиянием мимолетных настроений, а на основе строгого учета сил и анализа конкретной обстановки, опираясь на свою организационную сплоченность, достаточно прочную материальную базу и тесную связь с городом. Как правило, перед серьезными операциями партизаны накапливали силы и средства, сосредотачивались и в подходящий момент переходили в решительное наступление. Они не ограничивали сферу деятельности узкими рамками «своего» района.

Так, используя кратковременные благоприятные условия военно-политической обстановки, сложившейся в январе 1920 года, Дальневосточный комитет РКП(б) мобилизовал все наличные и потенциальные революционные силы и подготовил вооруженное восстание во Владивостоке. Совместными усилиями боевых рабочих дружин, партизан и присоединившихся революционно настроенных солдат и матросов гарнизона 30 января главный порт Приморья был на время освобожден от интервентов и белогвардейцев. Ставленник Колчака генерал Розанов и его окружение бежали под защиту японских войск. Вспоминая о событи-

* К концу 1920 г. на Дальнем Востоке находилось до 9 тыс. коммунистов, входивших в состав 330 партийных ячеек, и около 200 комсомольских ячеек, объединявших 5 тыс. комсомольцев (см.: «Гражданская война на Дальнем Востоке (1918—1922)». Воспоминания ветеранов. М., 1973, стр. 16).

ях того периода, бывший член Дальбюро ЦК РКП(б) П. М. Никифоров пишет: «30 января утром в город вступила партизанская конница. Владивосток сразу изменил свое лицо. Улицы заполнились рабочими и служащими, заалели красные флаги, слышались песни и торжественная военная музыка»²⁵⁸.

Вслед за Владивостоком антинародная власть вскоре была свергнута в Хабаровске, Имане. В конце февраля партизаны освободили Николаевск-на-Амуре. К декабрю 1920 года на большей части территории Амурской области полноправными хозяевами положения были партизаны и повстанцы.

Упорные бои с противником летом 1920 года вели партизаны Восточного Забайкалья. Основные силы врага в этом регионе были брошены против партизанского корпуса Я. Н. Каратаева. Белогвардейцы ставили своей целью уничтожить партизан в «сибирской глубинке» и захватить весь район, примыкавший к железным дорогам Чита—Маньчжурия и Чита—Благовещенск. В наступлении участвовали корпус генерала Вержбицкого, казачий отряд генерала Артамонова, отряд барона Унгерна и отряд полковника Михайлова. Противник, ведя наступление с трех направлений, ценою больших потерь сумел захватить ряд станций на правом берегу Шилки и тем самым отрезал путь отступления партизанам в сторону Амура. Однако части партизанского корпуса Я. Н. Каратаева стремительным ударом разгромили преграждавшую им путь группу генерала Артамонова и ликвидировали нависшую опасность.

Противопоставив численному и боевому превосходству противника тактику подвижного маневра и внезапных налетов, партизаны Забайкальского корпуса умело выходили из-под ударов врага, сохраняя при этом свои силы и вооружение. Оставляя один район, партизаны неожиданно появлялись в другом, сеяли панику в стане белогвардейцев и наносили им ощутимый урон. Так, партизанская дивизия М. М. Якимова под Шоноктуем окружила и разгромила отряд барона Унгерна. Часть бойцов этого отряда перешла на сторону партизан.

После ряда поражений противник вынужден был отвести свои войска к Сретенску и Нерчинску²⁵⁹.

Руководимое большевиками партизанское движение в Приморье возобновилось после контрреволюционного мер-

куловского переворота (май 1921 г.). Для руководства освободительной борьбой Дальневосточное бюро ЦК РКП(б) утвердило Военный совет партизанских отрядов в составе коммунистов В. П. Владивостокова, В. М. Сибирцева и Р. А. Шепляникова. Командующим партизанскими силами был назначен коммунист А. П. Лепехин. Под его руководством к концу 1921 года в Приморье действовало до трех тысяч партизан.

В январе 1922 года был образован новый Военный совет партизанских отрядов. Действия партизан стали частью боевых операций Народно-революционной армии ДВР. Командовали всеми партизанскими силами испытанные большевики А. К. Флегонтов и М. П. Вольский (апрель — октябрь). В состав Военного совета партизанских отрядов входил секретарь Приморского областного бюро РКП(б) К. Ф. Пшеницын. Оккупированная территория Приморья в оперативных целях была разделена на восемь военных районов, в которых по общему плану были размещены отряды партизан²⁶⁰. Это позволило партизанским силам оказывать серьезную помощь Народно-революционной армии ДВР, наносить ощутимый урон противнику, который вынужден был выделять большие силы для охраны своего тыла.

На заключительном этапе гражданской войны отряды приморских партизан, действовавшие в зоне расположения японских и белогвардейских войск, совершали смелые вооруженные нападения на города, железнодорожные и водные коммуникации, на отдельные гарнизоны и воинские команды, сеяли панику в стане врага. Так, весной 1921 года патриоты осуществили успешные налеты на станцию Иман, село Анучино, развезд 26-го километра вблизи Владивостока, захватили белогвардейскую шхуну «Михаил» и, добравшись на ней до острова Аскольд, захватили японскую радиостанцию, на перегоне Мучная — Манзовка пустили под откос японский эшелон²⁶¹.

Для усиления партийного влияния в партизанских подразделениях в апреле 1922 года Дальневосточное бюро ЦК РКП(б) совместно с Военным советом Народно-революционной армии ДВР направило в партизанские районы большую группу партийных и штабных работников. В составе Военного совета партизанских отрядов был организован политотдел. Представители партии совместно с комиссарами развернули среди партизан и населения

большую политико-воспитательную работу. В партизанских районах начали издаваться большевистские газеты «Партизанский клич» (орган политотдела), «Красная звезда», «Красный Сучан», «Прианхайская правда». В партизанско-повстанческие районы доставлялась газета «Коммунист» — нелегальный орган Дальбюро ЦК партии, пользовавшаяся большим авторитетом среди партизан ²⁶².

Серьезную воспитательную работу среди партизанской молодежи проводили уполномоченные областного бюро комсомола, бесстрашные помощники комиссаров и политработников.

Одним из комсомольских вожakov Приморья был Виталий Бонивур, чье имя стало символом мужества и стойкости в борьбе за народное счастье. Отважный комсомолец погиб на боевом посту 13 сентября 1921 года, охраняя крестьянский съезд в селе Кондратьевка Никольск-Уссурийского уезда.

Располагая значительной живой силой и вооружением, партизаны совместно с народоармейцами Приморья участвовали в решающих боях под Волочаевкой, штурмовали укрепления врага под Спасском, селами Вознесенское и Монастырище, изгоняли японских интервентов из Владивостока ²⁶³. Вместе с вооруженными силами Дальнего Востока на берегах Тихого океана партизаны произвели последние победные выстрелы в гражданской войне.

Изгнание вражеских войск из Владивостока означало полную победу Советской власти в Приморье и ускорило присоединение Дальневосточной Республики к РСФСР. В. И. Ленин в приветственной телеграмме рабочим и крестьянам освобожденного Приморья от имени Советского правительства 26 октября 1922 года писал: «Занятие Народно-революционной армией ДВР Владивостока объединяет с трудящимися массами России русских граждан, перенесших тяжкое иго японского империализма» ²⁶⁴. Вскоре, 14 ноября 1922 г., Народное собрание ДВР приняло решение о воссоединении с РСФСР. 15 ноября ВЦИК объявил о вхождении ДВР в состав РСФСР. Выступая 20 ноября 1922 года на пленуме Московского Совета, В. И. Ленин говорил: «Вы знаете прекрасно, сколько жертв принесено при достижении того, что сделано, вы знаете, как долго тянулась гражданская война и сколько сил она взяла. И вот, взятие Владивостока показало нам (ведь Владиво-

сток далеко, но ведь это город-то нашенский), показало нам всем всеобщее стремление к нам, к нашим завоеваниям. И здесь и там — РСФСР. Это стремление избавило нас и от врагов гражданских и от врагов внешних, которые наступали на нас»²⁶⁵.

Торжеством Советской власти закончилась самоотверженная борьба трудового народа против внутренней контрреволюции и иностранной военной интервенции. Оккупанты были выброшены с советской территории Дальнего Востока. Не согнулась воля коммунистов и трудовых классов перед превосходящими силами противника. В славной победе над врагом и установлении власти рабочих и крестьян на всем Дальнем Востоке большая заслуга и партизан-дальневосточников. Коммунистическая партия и Советское правительство высоко оценили храбрость и мужество дальневосточных партизан во всенародной борьбе против общего врага. Только за подвиги в последних боях орденом Красного Знамени была награждена большая группа партизанских командиров и рядовых бойцов. Среди них — А. Флегонтов, М. Вольский, В. Кручина, Г. Шевченко, И. Сидоров, К. Низовский и многие другие отважные патриоты.

Рассматривая партизанское движение на востоке страны, нельзя не указать на тот факт, что вместе с трудовыми массами Сибири и Дальнего Востока активное участие в защите завоеваний Октября принимали оказавшиеся в то время в Советской России (как военнопленные царской армии или эмигранты-поселенцы) трудящиеся ряда европейских стран. Всего на востоке страны против войск интервентов и белогвардейцев сражалось около четырех тысяч интернационалистов, в основном венгров, австрийцев, немцев²⁶⁶. Они классовым чутьем уловили, поняли, что Советская Республика является также и их завоеванием, и выражали готовность защищать ее от всех врагов. «Моральной силой русского рабочего,— говорил В. И. Ленин,— было то, что он знал, чувствовал, осознал помощь, поддержку в этой борьбе, которая была оказана ему пролетариатом всех передовых стран в Европе»²⁶⁷. Активное участие патриотов-интернационалистов было обусловлено тем, объяснял Владимир Ильич, что пролетарии других стран поняли: «...Всякая победа международной буржуазии над Советской Россией означала бы величайшую

победу всемирной реакции над рабочим классом вообще»²⁶⁸.

Среди партизан-интернационалистов Приморья выделялись своей активностью и стойкостью в боях отряды из числа китайских трудящихся. Особенно ощутимый урон противнику наносили партизанские отряды под командованием Тун-ло и Суна (участники китайской революции 1911 года). Значительное число партизан-китайцев было в Амурской области, в отрядах «Старика» (командир А. Н. Бутрин), «Черный ворон» и др. В отряде «Старика» было несколько китайских подразделений.

В Ольгинском уезде был создан и активно действовал корейский партизанский отряд, в составе которого насчитывалось до 300 вооруженных корейцев.

Отмечая участие в революционной партизанской войне на Дальнем Востоке китайских и корейских граждан, Дальневосточный подпольный комитет РКП(б) в своей январской 1920 года информации в Сибирское бюро ЦК партии писал: «...Китайцы и корейцы принимали деятельное участие в партизанском движении в течение 1919 года. Первые главным образом в Никольск-Уссурийском уезде, вторые — в Ольгинском. Помимо непосредственного участия в движении, китайцы и корейцы оказывали и оказывают большую помощь своими фанзами, разбросанными повсюду, а также едой и табаком...»²⁶⁹

В интернациональном сплаве партизан-дальневосточников находились также и чехословацкие граждане, не поддержавшие мятежные белочешские войска. Из числа большевистски настроенных чехословацких солдат и офицеров коммунистами Владивостока был создан боевой партизанский отряд, насчитывавший до 400 человек. Командовал им майор В. Мировский. В течение продолжительного времени отряд Мировского мужественно сражался в составе Уссурийского партизанского фронта, участвовал в ликвидации банд атаманов Колмыкова и Орлова, где проявил выдержку и стойкость в боях²⁷⁰.

Особенно активное участие в гражданской войне на Востоке приняли венгры-интернационалисты. В пробуждении классового сознания венгерских военнопленных, воспитании их в духе пролетарского интернационализма и взаимопомощи огромная роль принадлежала ленинской партии большевиков. Она руководила революционными группами военнопленных, которые работали параллельно

с РКП(б) или же в рамках ее местных организаций. Такие группы интернационалистов действовали уже в 1917 году в Ростове-на-Дону, в томском лагере военнопленных под руководством Белы Куна, в Омске во главе с Кароём Лигетти и во многих других местах ²⁷¹.

Многочисленные документы того времени свидетельствуют, что в годы борьбы молодой республики Советов с внутренней и внешней контрреволюцией венгерские интернационалисты принимали участие в большевистском подполье в Барнауле, Томске, Омске, Иркутске, Красноярске, Чите, Благовещенске, Хабаровске, Владивостоке и других городах. В Томске, например, во главе боевого интернационального отряда стоял отважный коммунист Ференц Мюнх. В Омске революционные подразделения из военнопленных венгров формировал Карой Лигетти. Здесь же действовала боевая группа венгерских коммунистов-подпольщиков, членов Омской большевистской организации. Ее возглавляли Иштван Полачек, Йожеф Шомодьи и Андрош Кендра ²⁷².

В 1918—1919 гг. наибольшее количество венгерских бойцов-интернационалистов сражалось в рядах красных партизан Байкальского, Восточно-Забайкальского и Уссурийского фронтов. Начальником штаба Байкальского фронта был Фридьешь Омаста, его заместителем — Деже Фрид. Отрядом, прибывшим из Сретенска на Забайкальский фронт в распоряжение С. Лазо, командовал будапештский рабочий, коммунист Файер. В Южно-Канском районе активную боевую работу против колчаковцев проводил партизанский отряд, возглавляемый убежденным революционером-интернационалистом, впоследствии известным венгерским писателем-коммунистом Мате Залка.

Участвуя в боях против интервентов и белогвардейцев, венгерские интернационалисты завоевали почет и уважение среди партизан, бойцов и командиров Красной Армии, с которыми, как братья по оружию, плечом к плечу сражались месяцы, годы за установление и упрочение Советской власти. Оценивая боевые действия партизан-интернационалистов, С. Г. Лазо писал: «Хорошо дерутся интернационалисты. Среди них подавляющее число мадьяр (80—85%), остальные — австрийцы, немцы... Это придает нашим рядам интернациональный характер. Все они — бывшие солдаты, с боевым опытом. В бою они стремительны, дерутся с темпераментом. Преданы революции» ²⁷³.

После освобождения Сибири от белогвардейцев и мятежных чехословацких войск большинство венгров-интернационалистов было принято в Красную Армию. В Красноярске и Ачинске был сформирован 1-й интернациональный полк, состоявший в основном из венгров. Им командовал Иштван Варга, комиссаром был Карой Михайи. В апреле 1920 года Советское правительство доверило этому полку вооруженную охрану эшелона с золотым запасом РСФСР, отбитого у Колчака рабочими и партизанами Сибири, при перевозке его по железной дороге от Ачинска до Казани. Среди командиров и бойцов подразделений интернационального полка находились Янош Галл и Мате Залка, в годы гражданской войны в Испании ставшие генералами ²⁷⁴.

Советское правительство высоко оценило деятельность венгерских интернационалистов. За доблесть, проявленную в борьбе с внутренними и внешними врагами Советской Республики, Бела Кун, Лайош Гавро, Мате Залка, Гайош Сабата и многие другие были награждены орденом Красного Знамени *.

Как убедительно показал опыт гражданской войны, в совместной борьбе народов нашей страны за установление и упрочение Советской власти нашли яркое подтверждение мысли Ф. Энгельса о том, что *«подлинно национальные идеи... всегда являются и подлинно интернациональными идеями»* ²⁷⁵.

Боевая деятельность огромной партизанской армии на востоке страны в течение всего периода гражданской войны находилась под постоянным контролем Центрального Комитета партии и лично В. И. Ленина. Это руководство, как показано выше, вначале осуществлялось через Сибирское бюро ЦК РКП(б), а впоследствии через Дальневосточное бюро ЦК РКП(б). Только за период существования Дальневосточной Республики (1920—1922 гг.)

* После образования в марте 1919 г. Венгерской Советской Республики тысячи бывших военнопленных, прошедших большую школу революционной борьбы в Советской России, вернулись к себе на родину. Они в подавляющем большинстве вступили в ряды венгерской Красной Армии и сражались против венгерской буржуазии и господствующей олигархии. Многие из них отдали жизнь, защищая Советскую власть в Венгрии (см.: «Военно-исторический журнал», 1974, № 1, стр. 96).

ЦК РКП(б) принял около 60 решений, касающихся состояния освободительной борьбы в Приморье и деятельности Дальневосточного бюро ЦК РКП(б). Это свидетельствует о том, с каким вниманием и заботой ЦК партии и В. И. Ленин относились к трудовым массам Дальнего Востока в труднейшие для них годы ²⁷⁶.

Весной 1919 года здесь побывал посланный В. И. Лениным и Центральным Комитетом партии член Военно-революционного комитета Сибири Д. Д. Киселев. Участие Д. Д. Киселева в работе Дальневосточной партийной конференции (апрель 1919 г.), а также пребывание его среди партизан-повстанцев сыграли важную роль в активизации деятельности большевистских организаций края и углублении народной борьбы во всем Приморье. «Его приезд,— пишет М. И. Губельман,— влил много бодрости и уверенности в ряды партийных работников, отдаленных от Советской России тысячами километров. Они с радостью узнали, что против интервентов и белогвардейцев создается трехмиллионная Рабоче-Крестьянская Красная Армия, ...что партизанское движение охватило всю Сибирь, Забайкалье, Амурскую область. Д. Д. Киселев передал также указание Центрального Комитета партии усилить партизанское движение и на Дальнем Востоке» ²⁷⁷.

Выполняя решения и директивы Центрального Комитета, Дальневосточное бюро ЦК РКП(б) с помощью территориальных большевистских организаций Приморья в течение всего периода борьбы направляло и координировало всю военно-боевую работу оставленных в тылу коммунистов, партизан и повстанцев края. «И по этой причине,— пишут участники партизанского движения на Дальнем Востоке, боевые соратники С. Г. Лазо, Н. Ильюхов и М. Титов,— приморское партизанство за всю свою долгую и тяжелую историю не знало примеров сколько-нибудь значительного отступления от выдержанной политической линии... Политически партизанское движение было связано в одно целое с пролетарской диктатурой, Советской Россией, оно было мощно своей связью с социалистической революцией» ²⁷⁸.

Благодаря тому, что освободительная борьба патриотов находилась под неослабным вниманием Центрального Комитета партии и постоянным контролем подпольных большевистских организаций на местах, партизанское движение на востоке страны развивалось в интересах Советов.

Правильность партийно-политического руководства, наличие в рядах партизан значительного количества рабочих, а также коммунистов обеспечивали его массовость, организованность, целенаправленность, высокую боевую эффективность, способствовали образованию сравнительно устойчивых партизанских фронтов.

Успехи, одержанные регулярными войсками Красной Армии на Восточном фронте и партизанами в колчаковском тылу, позволили партии и правительству в нужный момент сосредоточить необходимые силы и внимание на Южном фронте, на необходимость укрепления которого В. И. Ленин уже в конце октября 1918 года требовал обратить самое серьезное внимание²⁷⁹. Наличие же на востоке страны огромных партизанских сил, прошедших серьезную школу борьбы, позволяло ЦК партии эффективно использовать их в оперативно-тактических целях. Например, в начале 1919 года Центральный Комитет, признавая особое значение Южного фронта, принял решение создать ударную группировку войск путем переброски туда ряда партизанских формирований из многих районов Сибири. Осуществляя этот маневр, в январе 1919 года армия партизан-сибиряков, насчитывавшая около 20 тысяч активных бойцов, прибыла в южные районы черноземной полосы. Здесь партизанские полки были пополнены и реорганизованы в регулярные части Красной Армии и в дальнейшем именовались Донецкой группой войск, а впоследствии — 13-й армией²⁸⁰.

* * *

Партизанское движение, возникшее в период гражданской войны и иностранной военной интервенции по инициативе революционно настроенных масс, достигло в ходе борьбы с врагом высокого уровня политической зрелости и мощного боевого размаха. Его возникновение и развитие было обусловлено факторами объективного и субъективного порядка. Зародившаяся в народной среде партизанская борьба явилась закономерным ответом рабочих и крестьян на контрреволюционные действия иноземных интервентов и белогвардейцев, стремившихся уничтожить первое в мире социалистическое государство и восстановить в России буржуазно-помещичий строй, выражением ненависти трудящихся к эксплуата-

торам. Фактор субъективного порядка как важнейшая особенность партизанского движения периода гражданской войны состоял в том, что им идейно, политически и непосредственно руководили большевики-ленинцы. Коммунистическая партия и лично В. И. Ленин на протяжении всего периода гражданской войны поддерживали и поощряли революционную инициативу масс, внимательно следили за ходом и углублением партизанской войны в тылу противника, повседневно направляли и координировали борьбу партизан, придавали ей политическую целеустремленность и устойчивость. Под руководством Коммунистической партии разрозненные партизанские отряды объединялись в крупные соединения с едиными штабами и стройной организацией. Такие партизанские формирования представляли особую опасность для врага, заставляя его оттягивать с фронта крупные силы. Благодаря мобилизующей и направляющей роли партии коммунистов партизанская война во многих районах страны нередко перерастала во всенародное восстание в тылу врага.

Для непосредственного руководства борьбой трудящихся на оккупированной территории и в тылах вражеских армий, координации ударов партизан с боевыми действиями регулярных частей Красной Армии по указанию Центрального Комитета партии были созданы специальные руководящие партийные центры — региональные бюро ЦК РКП(б): Центральное, Сибирское (Урало-Сибирское), Дальневосточное, Зафронтовое, Кавказское и другие, сроки деятельности которых более или менее совпадали со сроками ведения освободительной борьбы. Бюро ЦК поддерживали непосредственную связь с Центральным Комитетом партии и являлись органами, представлявшими его на местах. Через эти партийные центры, соответствующие отделы ЦК национальных компартий, а также с помощью специальных уполномоченных и связанных ЦК РКП(б) осуществлял руководство и оказывал практическую помощь партизанам и повстанцам, направляя во вражеский тыл опытные кадры, оружие, деньги, продовольствие и снаряжение.

Непосредственно на оккупированной территории неутомимую организаторскую и политическую работу по мобилизации масс на борьбу с врагом вели подпольные партийные организации и ячейки, действовавшие в захваченных противником городах и других населенных пунктах. Они

являлись мозгом и нервами, сердцем и душой всенародной войны в тылу врагов молодой республики Советов. Благодаря их активной деятельности, а также цементирующей и авангардной роли партийно-комсомольской прослойки в партизанских формированиях революционно-освободительное движение в форме партизанско-повстанческой борьбы приобрело всенародный характер.

Не всегда достаточно вооруженные, но сильные революционным духом, пользовавшиеся безграничной поддержкой абсолютного большинства трудовых масс, партизанские части и соединения ускоряли победную поступь революции по стране, являлись важным составным фактором полной победы рабочего класса и трудового крестьянства над темными силами контрреволюции.

В силу особенностей расстановки классовых сил, жестокости устанавливаемого внутренней контрреволюцией и иноземными интервентами оккупационного режима — а в известной мере и природно-географических условий — партизанское движение в разных районах страны имело свои характерные черты и существенные различия. Эти различия проявлялись как в глубине и размахе, так и во времени возникновения партизанской борьбы, в перерастании ее в мощное народное движение, в количественном и социальном составе его участников. Твердо и в то же время тактически гибко претворяя в жизнь ленинские принципы партийного руководства партизанским движением, Коммунистическая партия сумела преодолеть все негативные стороны этого сложного социально-политического явления. Возглавив стихийную борьбу трудящихся во вражеском тылу, партия большевиков устранила хаос и неразбериху в этом процессе, наполнила партизанскую борьбу революционным содержанием, направила в строго организационное русло, превратила в могучее, подлинно народное движение, оказавшее огромную поддержку молодым Вооруженным Силам республики Советов.

Вместе с тем партия в своей военно-боевой работе постоянно учитывала социальные, национальные и интернациональные факторы. Ни в коей мере не игнорируя моменты национального порядка, на первое место в обеспечении победы революции на местах Компартия неизменно выдвигала интернациональные интересы, интернациональную сплоченность трудящихся. Ибо полного социального и национального освобождения народные массы могли до-

биться лишь под знаменем прочного пролетарского интернационализма. Это ленинское положение, как надежную основу и главную гарантию общего успеха революционного дела, Коммунистическая партия свято соблюдала в течение всего периода гражданской войны.

Придавая огромное значение партизанской войне как одному из важных средств активной борьбы трудящихся за социальную свободу и национальную независимость, Коммунистическая партия и В. И. Ленин не переоценивали, однако, эту форму классовой борьбы, не отводили ей роль решающей силы в сражении с противником. Основной, решающей мощью в отражении объединенных сил внутренней контрреволюции и иноземных захватчиков партия и В. И. Ленин неизменно считали массовую и хорошо обученную регулярную армию. «С крепкой Красной Армией,— подчеркивал В. И. Ленин,— мы непобедимы. Без крепкой армии мы — неминуемая жертва Колчака, Деникина, Юденича»²⁸¹.

Глава III

Партизанское
движение
в годы
Великой
Отечественной
войны

Незыблемые основы марксистско-ленинского учения о партизанском движении не только прошли серьезную историческую проверку в огне гражданской войны, но также явились тем фундаментом, на котором строилась организация всей патриотической борьбы советских людей на временно оккупированной немецко-фашистскими войсками территории СССР в годы Великой Отечественной войны*.

Положив в основу всей своей деятельности бессмертные ленинские идеи и указания о защите социалистического Отечества, Коммунистическая партия проделала огромную организационно-политическую работу и добилась того, что патриотические выступления, действия партизанского характера (борьба организационно оформленных бойцов-партизан, многоплановая деятельность подпольщиков, повсеместное сопротивление оккупантам невооруженного населения) возникли в тылу противника в самом начале гитлеровской агрессии. В ходе войны мужественная борьба советских людей на захваченной территории все время углублялась, набирала силу и в итоге переросла в массовое всенародное движение — всеобщую освободительную войну за линией фронта. Эта народная война против нацистских поработителей, понимаемая как синоним *партизанской войны*, была политически целеустремленной, управляемой,

* Проблема героической борьбы советского народа в тылу немецко-фашистских захватчиков необычайно широка и многогранна. Автор в рамках настоящего исторического очерка ограничил свою задачу лишь сравнительно кратким рассмотрением определяющей черты этого сложного общественно-политического явления — партийного руководства всенародной партизанской войной на временно оккупированной гитлеровцами советской территории (в первую очередь действиями вооруженных, собственно партизанских сил).

беспощадной и всеобъемлющей. В условиях вражеской оккупации она принимала самые разнообразные формы, изобиловала большой категорией ее участников, велась всеми доступными народу средствами и приемами, оказывала огромное воздействие на все стороны общественной жизни на захваченной фашистами советской земле.

Партизанская война как совокупность борьбы вооруженных партизанских формирований, многоплановой деятельности территориального подполья и активного сопротивления захватчикам невооруженного населения («мелкая» борьба) не прекращалась в неприятельском тылу ни на один день, ни на один час. «Героически действовали в тылу врага партизаны и участники подполья,— указывается в постановлении ЦК КПСС «О 30-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне».— В массовом партизанском движении, охватившем всю оккупированную территорию, ярко проявился горячий патриотизм советских людей»¹.

Это было целеустремленное и глубоко осознанное, подготовленное всем ходом общественно-политического и социального развития страны, овеянное высокими идеалами свободы, гуманизма и патриотизма всенародное стремление любой ценой отстоять самое святое — социалистическое Отечество, завоевания Великого Октября. И ничто — ни жестокие преследования патриотов, ни массовые репрессии против местных жителей, ни шантаж, политическое заигрывание и разжигание национализма — не в силах было погасить или приуменьшить у советского народа приверженности к социалистическому образу жизни, разорвать глубочайшие корни, связывающие его с родной Советской властью, с великой партией Ленина. Могучее, жизнеутверждающее влияние идей Великой Октябрьской социалистической революции, высокая сознательность и пламенный патриотизм, беспредельная любовь к своему Отечеству, коллективизм и пролетарский интернационализм, ясное понимание политических целей и задач войны, вера в справедливость и неодолимость правого дела, в силу и мощь советского государственного и общественного строя — вот те истоки, основные условия и факторы, которые поднимали и вели советских людей на самоотверженную и бескомпромиссную борьбу против фашистских захватчиков. И главная заслуга в том, что патриотические действия советских людей в тылу оккупантов носили

характер всеобъемлющей, общенародной борьбы, ставшей важным стратегическим фактором Великой Отечественной войны, принадлежала испытанному авангарду трудящихся Страны Советов — ленинской партии, находившимся в тылу врага партийным органам и всем коммунистам, которые, говоря словами В. И. Ленина, «к сознательному отношению к войне и к активной помощи ей привлекли такую массу народа, как никогда раньше»².

Организуя, идейно вдохновляя, возглавляя и непосредственно направляя героическую борьбу народа на оккупированной врагом советской территории, Коммунистическая партия в своей повседневной деятельности неукооснительно руководствовалась опытом, накопленным в период гражданской войны и иностранной вооруженной интервенции против СССР, идейным и военно-теоретическим наследием К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина. На основе полученного в ходе войны конкретного опыта масс партия, мастерски применяя марксистский диалектический метод к решению политических и военных вопросов, развивала дальше, дополняла и совершенствовала их учение о революционных и народно-освободительных войнах. Именно благодаря ее неутомимой организаторской, идейно-политической и повседневной практической деятельности в течение всего периода вражеской агрессии в тылу гитлеровских войск полыхало неугасимое пламя невиданного в истории освободительных войн и революций партизанского движения, являвшегося одной из важных форм поддержки регулярной армии народом. Акцентируя внимание на этот факт, М. И. Калинин в годы войны писал: «И действительно, никогда в своей многовековой истории партизанское движение не было столь массовым, общенародным и никогда поэтому партизанская борьба не была столь организована и всеобъемлюща, как в этой войне»³. Вобрав в себя наиболее сильные исторические традиции страны и опыт ее героического прошлого, оно преследовало цель общенародной защиты Советской Родины, социалистических завоеваний нашего народа и являлось составной, неотъемлемой частью Великой Отечественной войны.

По своему размаху, политическим целям, социально-классовому представительству и числу участников советское партизанское движение в полном смысле слова было подлинно всенародным, что определялось самим содержанием Великой Отечественной войны и являлось ярчайшим

проявлением пламенного патриотизма, свидетельством социально-политического и идейного единства советского общества, нерушимой дружбы народов СССР. Советский народ, преисполненный чувством глубокой ответственности за судьбу родного Отечества, был един в своем стремлении разгромить любого агрессора, откуда бы он ни пришел. Он свято верил в мудрость Коммунистической партии, в прочность Советской власти и готов был защищать социалистическую Родину до последней капли крови.

Указывая на основные факторы и социально-политические аспекты, вызвавшие к жизни героическую борьбу советских людей в тылу оккупантов, Л. И. Брежнев в своей речи на торжествах, посвященных вручению городу-герою Киеву медали «Золотая Звезда», говорил: «Всенародная партизанская война населения Украины и Белоруссии, Смоленщины и Брянщины, всех временно оккупированных областей повергла в прах надежды наших врагов на то, что Советская власть не выдержит обрушившихся на нее испытаний. Эта борьба показала, как дорожат советские люди своей народной властью. Советская власть и советский народ — это единое целое. В этом нерушимом единстве источник величайшей прочности нашего общественного строя. И нет в мире такой силы, которая могла бы поколебать это единство!»⁴

На всенародную войну в тылу врага

Советское партизанское движение возникло, набирало силу и мощь с первых дней Великой Отечественной войны. Приняв освободительный, военно-политический характер, оно отличалось от известных мировой истории партизанских войн принципиально новыми формами и конкретными проявлениями, своей широтой и глубиной, единством цели, идейной однородностью его участников, строгой централизованностью, исключительной четкостью и слаженностью организационно-боевого построения, сплоченностью собственно партизанских рядов, их дисциплинированностью, высокой боевой результативностью, многообразием организационных форм, методов и приемов борьбы, нерасторжимой связью с трудовыми массами.

Главная двигательная сила, основная причина и корни этого глубоко патриотического движения, указывал М. И. Калинин, были обусловлены факторами объективного характера. Чувство сознательного патриотизма и семьи единой почти четверть века развивалось всей совокупностью политики Коммунистической партии и Советского правительства. И в дни суровых испытаний жизненной прочности социалистического строя, «в самое трудное для нашей страны время семена, посеянные в народе партией Ленина, дали свои плоды»⁵. В этом социально-политическая природа, истоки и характер советского партизанского движения, идейным вдохновителем, организатором и безраздельным руководителем которого от начала и до конца была ленинская партия (фактор субъективного порядка).

Именно ленинские идеи и указания о том, что партизанское движение должно быть «облагорожено просветительным и организующим влиянием социализма»⁶, что партизанские действия должны производиться под контролем партии и притом так, чтобы силы трудящихся не растрачивались понапрасну⁷, легли в основу разработанных Коммунистической партией практических мероприятий, во главу угла всей ее политической и организационной деятельности по развертыванию всенародной борьбы на временно оккупированной врагом советской территории. Уже в директиве СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 29 июня, содержание которой было изложено в выступлении И. В. Сталина по радио 3 июля 1941 года, местные партийные и советские органы ориентировались на то, что партизанская борьба в тылу противника должна носить не характер отдельных выступлений, а принять форму массового, всенародного движения. Советская территория должна была стать ареной бескомпромиссной битвы патриотов с немецко-фашистскими захватчиками. «В занятых врагом районах, — указывалось в директиве, — нужно создавать отряды, конные и пешие, создавать диверсионные группы для борьбы с частями вражеской армии, для **разжигания партизанской войны всюду и везде** (подчеркнуто мной. — Я. П.), для взрыва мостов, дорог, порчи телефонной и телеграфной связи, поджога складов и т. д.»⁸. Иными словами, Коммунистическая партия, давая установку на ведение партизанской войны в тылу противника, исходила из непреложного марксистско-ленинского положения, что войны

в современную эпоху ведутся народами⁹. Этот поистине исторический документ положил, по существу, начало организованному партизанскому движению, созданию крепкого политического и военного ядра на временно оккупированной противником территории.

Дальнейшей конкретизацией этой директивы-призыва явилось специальное постановление ЦК ВКП(б) от 18 июля 1941 года «Об организации борьбы в тылу германских войск». В этом программном документе ЦК партии руководствовался ленинской идеей о том, что в условиях вражеского окружения нельзя вести массовой освободительной борьбы, не создав повсюду, не на верхах только, а в самой гуще масс, нелегальной организации для пропаганды, подготовки и обсуждения хода и условий борьбы. Ибо в обстановке репрессивного режима без нелегальной организации и подпольной печати признание «массового действия» остается голой фразой. Эти основополагающие идеи В. И. Ленин выразил в следующих словах: «Чтобы поддерживать и расширять движение масс, нужна *организация и организация*. Без нелегальной партии нельзя вести этой работы и не к чему попусту говорить о ней»¹⁰. Исходя из этого основополагающего критерия, Центральный Комитет ВКП(б) перед республиканскими, областными и районными партийными организациями прифронтной полосы поставил совершенно конкретную задачу: «...Развернуть сеть наших большевистских подпольных организаций на захваченной территории для руководства всеми действиями против фашистских оккупантов». ЦК партии подчеркивал, что необходимо твердо помнить, что в общенародной войне с вероломным противником «нас беззаветно поддержат в каждом городе и в каждом селе сотни и тысячи наших братьев и друзей, попавших теперь под пяту германских фашистов и ждущих с нашей стороны помощи в деле организации сил для борьбы с оккупантами»¹¹.

Директива содержала также принципиальные указания о безраздельном партийном руководстве народной партизанской войной в тылу захватчиков. В районах, которым угрожало вражеское вторжение, ЦК ВКП(б) предлагал заблаговременно перевести на нелегальное положение часть безупречных и стойких руководящих партийных, советских и комсомольских работников, а также всех инициативных, сильных духом и твердых волей беспартийных

товарищей, которые уже проявили себя в истребительных батальонах и народном ополчении и способны возглавить массы, поднять их на самоотверженную и бескомпромиссную борьбу с врагом. «Чтобы придать всей этой борьбе в тылу германских войск самый широкий размах и боевую активность, — указывалось в директиве, — необходимо взяться за организацию этого дела на месте самим руководителям республиканских, областных и районных партийных и советских организаций, которые должны в занятых немцами районах лично возглавить это дело (подчеркнуто мною.— Я. П.), возглавить группы и отряды самоотверженных борцов, уже ведущих борьбу по дезорганизации вражеских войск и по уничтожению захватчиков»¹². Этим подчеркивались особая трудность и сложность партизанской войны, необходимость тщательного подхода к созданию партизанских отрядов и подпольных организаций, высокая ответственность коммунистов за руководство действиями народных мстителей.

Многогранной деятельности партии по организации народной войны на временно оккупированной советской территории были присущи последовательная целеустремленность и политическая ясность. Возлагая ответственность за руководство патриотической борьбой народа в тылу врага непосредственно на партийные органы, ЦК ВКП(б) исходил из указаний В. И. Ленина о том, что война есть насквозь политика и что «раз дело дошло до войны, то все должно быть подчинено интересам войны, ...ни малейшее колебание на этот счет недопустимо»¹³. Для выполнения этой важной задачи «все коммунисты прежде всего и больше всего, все сочувствующие им, все честные рабочие и крестьяне, все советские работники должны *подтянуться по-военному*, переведа *максимум своей работы*, своих усилий и забот на *непосредственные задачи войны*»¹⁴.

Именно эти критерии «воюющей партии» легли во главу угла всей научно обоснованной программы борьбы с сильным и коварным врагом, всей деятельности партийных, комсомольских и советских организаций на местах, в том числе и при создании партизанских сил. Памятуя ленинские указания о том, что коммунисты не должны иметь претензий на то, чтобы навязывать практикам какую-либо сочиненную форму борьбы или же решать из кабинета вопрос о роли тех или иных форм партизанской войны¹⁵, партия призывала советских людей повсеместно

оказывать врагу активное сопротивление всеми доступными народу методами и приемами, используя при этом различные средства, виды борьбы и формы организации.

Призывы Коммунистической партии: «В захваченных районах создавать невыносимые условия для врага и всех его пособников, преследовать и уничтожать их на каждом шагу, срывать все их мероприятия»¹⁶ явились боевой программой деятельности для низовых партийных организаций, возглавивших героическую борьбу народа в тылу фашистских захватчиков. Под руководством коммунистов и при непосредственном их участии советские люди в едином порыве любым путем, любыми средствами защитить Родину создавали партизанские отряды, диверсионные группы и нелегальные организации, повсеместно брались за оружие, чтобы беспощадно громить фашистских захватчиков.

Мобилизуя и идейно вдохновляя массы на самоотверженную партизанскую войну, Коммунистическая партия в самом начале фашистской агрессии строго определила ее место и роль в общенародной борьбе против вражеского нашествия. В своей деятельности она руководствовалась указаниями В. И. Ленина о том, что партизанские действия должны быть подчинены, увязаны и соразмерены с главными средствами борьбы¹⁷. Центральный Комитет ВКП(б) требовал от руководителей местных парторганизаций повести дело так, чтобы патриотическая борьба в тылу захватчиков «получила размах непосредственной, широкой и героической поддержки Красной Армии, сражающейся на фронте с германским фашизмом»¹⁸. Это программное требование являлось ключевым в определении роли и задач партизанских действий в Великой Отечественной войне.

Однако любые, даже самые глубокие и благородные идеи сами по себе останутся мертвой фразой, если их не донести до широких масс. Идеи обретают силу лишь тогда, учил В. И. Ленин, когда они овладевают массами¹⁹. Исходя из этой непреложной истины, партия предпринимала решительные меры к тому, чтобы идея всенародной партизанской войны стала достоянием самых широких слоев населения, оказавшегося по ту сторону фронта. Она добилась того, что вопросами мобилизации и организации масс на самоотверженную борьбу с гитлеровскими оккупантами занимались не только партийные, комсомольские и советские органы прифронтовых республик и областей, но также

и соответствующие военно-политические органы Красной Армии.

Так, уже в первых числах июля 1941 года политуправлениями Западного и Северо-Западного фронтов с целью оказания практической помощи местным партийным органам были разработаны довольно подробные памятки-инструкции по организации и деятельности партизанских отрядов и диверсионных групп. Так же, как и в основополагающих документах ЦК ВКП(б) и СНК СССР, в них подчеркивалось, что развертываемое в тылу противника партизанское движение по своей сущности и политическим целям «является всенародным движением, призванным сыграть огромную роль в освободительной борьбе советского народа». В памятках-инструкциях излагались основы организации и тактические принципы действий патриотов, содержалась ориентация на тесную связь с народом.

Согласно боевому назначению и характеру действий, указывалось в памятках, создаваемые на строго добровольных началах из идейно преданных патриотов партизанские силы должны подразделяться на боевые отряды и нелегальные диверсионные группы. Первые, как правило, базируются в труднодоступных местах и в условиях вражеского тыла ведут открытую вооруженную борьбу. Вторые, не громоздкие по своей численности, следует создавать из стойких патриотов на строго конспиративных началах в городах, райцентрах и других населенных пунктах. Их задачей должно стать разрушение линий связи, уничтожение слабо охраняемых военных объектов, отдельных лиц противника, авто- и бронемашин, совершение поджогов складов, диверсий на транспорте, захват документов и добывание всевозможных сведений, сеяние паники в стане врага, массово-политическая работа среди населения и мобилизация его на активную борьбу с захватчиками²⁰.

И хотя названные памятки-инструкции в силу необычайной сложности и быстротечности военных событий не стали достоянием партийных органов всех звеньев в прифронтовых и фронтовых районах, все же в целом они явились для территориальных организаций существенным подспорьем. В дополнение к общепартийным документам местные парторганы на ранней стадии создания партизанских сил получили конкретные рекомендации и практические советы, что, несомненно, содействовало успеху всей работы по выполнению директив партии о создании невы-

носимых условий для врага на оккупированной им советской территории.

Исключительно важное значение в развертывании всенародной партизанской войны имело обращение военных советов фронтов к красноармейцам, командирам и политработникам, сражавшимся в тылу противника. Полученное 15 июля 1941 года от Главного Политуправления Красной Армии, оно было отпечатано массовым тиражом в виде листовки и с помощью авиации заброшено на оккупированную территорию. «Надо помнить,— говорилось в обращении,— что каждая группа бойцов и каждая часть Красной Армии, оказавшиеся в тылу противника, должны рассматривать себя как выполняющие боевое задание». Делать это надо с честью, как подобает воинам Красной Армии. В случае невозможности пробиться на соединение с главными силами советских войск обращение, в полном соответствии с директивой ЦК партии и Советского правительства от 29 июня, ориентировало: «В захваченных немцами районах создавайте невыносимые условия для врага и всех его пособников... Разрушайте коммуникации и средства связи врага. Рвите его провода. Валите телефонные столбы, устраивайте завалы. Поджигайте склады, нападайте на транспорты и обозы, дезорганизуйте движение на тыловых коммуникациях противника, нагоняйте на него панику». Обращение оканчивалось призывом: «Товарищи! Будьте верными воинской присяге. С честью и славой выполняйте свою боевую задачу в тылу врага. Громите, уничтожайте фашистских разбойников везде, где только можно... Народ следит за вашими действиями. Священный долг перед Родиной зовет вас к подвигам и победам над немецкими оккупантами...»²¹

Идею всеобъемлющей народной войны в тылу гитлеровцев широко пропагандировали в начале фашистской агрессии центральные и территориальные издания, в том числе и печатный орган Центрального Комитета партии — газета «Правда». «Партизанская война, — писала «Правда» 11 июля 1941 года, — это исключительное проявление народной сметки, ловкости, хитрости, безудержной отваги и конспирации. Партизанская война есть не только война отрядами. Это война каждого двора, дома, куста, поголовная война всех мужчин и женщин, всего населения против насильников и грабителей, забравшихся на нашу родную землю. Эта война не знает и не должна знать пощады к

врагу, ко всему, чем он владеет, что может укрепить его силы».

Месяц спустя, 11 августа, «Правда», призывая народ к активной борьбе с оккупантами, в редакционной статье писала: «Народный характер войны ярко проявляется в широком и могучем партизанском движении, создающем неодолимый фронт в тылу у немецко-фашистских головорезов. Враг идет по выжженной земле. Опасность подстерегает его на каждом шагу. Отважные партизаны разрушают его коммуникации, наносят врагу удар за ударом — всегда неожиданный, всегда меткий».

Выдвинув научно обоснованную программу всенародной, Великой Отечественной войны против немецко-фашистских агрессоров, Коммунистическая партия и Советское правительство предпринимали все меры к тому, чтобы не на словах, а конкретно на деле в минимально короткий срок превратить всю страну в единый военный лагерь, в том числе и путем разжигания самоотверженной и героической борьбы народных масс на временно оккупированной врагом советской территории. В своей многотрудной деятельности они свято следовали ленинскому положению, что любой, даже самый правильный и необходимый лозунг, бросаемый коммунистами в массы, «имеет свойство застывать, делаться мертвым», если его каждодневно не подкреплять конкретными делами. В противном случае не только нельзя научиться побеждать, но и «нельзя обеспечить правильную политику партии»^{21а}.

Организация руководящего партийного подполья

Директивы ЦК ВКП(б) и Советского правительства вооружали партийные, советские и комсомольские органы прифронтовых республик и областей конкретной программой действий. Давая установку на создание подпольных партийных органов, ЦК ВКП(б) тем самым уже в начале борьбы с немецко-фашистскими агрессорами настойчиво претворял в практику ленинские идеи о большевистском руководстве партизанским движением. Партийные и советские органы на местах, выполняя требования и рекомендации ЦК ВКП(б) и СНК СССР, несмотря на крайне тяжелые условия начального периода

войны, горечь неудач и поражений, делали все от них зависящее и человечески возможное, чтобы организовать и возглавить героическую борьбу советского народа в тылу противника, придать ей массовый характер, идейность и политическую целеустремленность, а руководящим партийным органам — стройную систему. В своей деятельности они исходили из того, что в условиях жестокого режима, невиданного насилия и разбоя «только подполье вырабатывает *революционную* тактику и несет ее в массы»²².

Исходя из этого, применительно к конкретным условиям и обстановке, принимались соответствующие решения, намечался комплекс конкретных мероприятий. Например, в Белоруссии, территория которой с первых часов войны стала ареной ожесточенных сражений, созданием руководящего ядра коммунистического подполья и организацией борьбы народа в тылу противника занимался непосредственно Центральный Комитет КП(б)Б. Специальной директивой (директива № 1) от 30 июня 1941 года ЦК КП(б) Белоруссии перед местными организациями республики поставил задачу: «В целях руководства деятельностью партизанских отрядов и диверсионных групп в районах, занятых врагом, для борьбы с частями вражеской армии, для разжигания партизанской войны всюду и везде, для взрыва мостов, дорог, порчи телеграфной связи, поджога складов, для создания невыносимых условий для врага и всех его пособников, для преследования и уничтожения врага на каждом шагу, для срыва всех его мероприятий во всех городах, районных центрах, рабочих поселках, ж.-д. станциях, в совхозах и колхозах под ответственность первых секретарей обкомов, горкомов и райкомов [КП(б)Б] заблаговременно создать из лучших людей надежные подпольные ячейки и явочные квартиры»²³.

Задача создаваемых нелегальных органов состояла в том, чтобы повсеместно руководить патриотической борьбой народа против захватчиков. Вместе с тем парторганы и подпольные организации должны были действовать и как боевые единицы. Такую задачу, как известно, выдвигал в свое время перед партийными организациями В. И. Ленин. Владимир Ильич требовал, чтобы в ответственные исторические периоды организации большевиков «выступали, как *воюющая сторона*, не упускающая ни одного случая нанести ущерб силам неприятеля»²⁴.

Поставив перед подпольем широкую военно-боевую

задачу, вытекающую из директивы СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 29 июня 1941 года, ЦК Компартии Белоруссии указывал, что работу по созданию подполья необходимо разворачивать без промедления. При создании нелегальных ячеек в целях их большей конспирации следует подбирать коммунистов, которые малоизвестны в данном городе, районе (но хорошо знакомые с районом предстоящей деятельности), допуская переброску нужных людей из других районов и предприятий. В угрожаемых оккупацией городах и районах для руководства работой подпольных ячеек первыми секретарями обкомов назначаются руководящие городские и районные парторганы — тройки в составе секретаря райкома (горкома) и товарищей по военным и организационным вопросам. Лица, отобранные для подпольной работы, должны быть проинструктированы, заблаговременно снабжены соответствующими документами, перейти на нелегальное положение, законспирировавшись на тайных квартирах. Всех товарищей, выделенных для работы в оккупированных районах, инструктируют лично первые секретари обкомов партии, объясняя условия, формы и задачи нелегальной работы во вражеском тылу. Для ведения массово-политической работы среди населения в городах и районных центрах рекомендовалось создавать тайные типографии, оставлять технику по изготовлению необходимых для патриотов документов. В качестве материальной базы для таких типографий ЦК Компартии республики предлагал приспособить и заблаговременно укрыть в надежных местах районные типографии. Связь с вышестоящими парторганами держать через специальных связников и посыльных.

Необходимость заблаговременного проведения подобной работы обуславливалась тем, что ни одно народно-освободительное движение «не может быть прочно без устойчивой и хранящей преемственность организации руководителей», ибо чем шире масса людей, «вовлекаемая в борьбу, составляющая базис движения и участвующая в нем, тем настоятельнее необходимость в такой организации и тем прочнее должна быть эта организация»²⁵.

Претворяя в жизнь эти требования, областные и районные комитеты КП(б)Б, первичные партийные и комсомольские организации в минимально короткий срок проделали большую и сложную работу по формированию руководящих подпольных партийных и комсомольских

органов. Поскольку подготовка и переход на нелегальное положение были делом новым, необычайно сложным и не все руководящие работники на местах отчетливо представляли себе, с чего и как начинать, для оказания непосредственной помощи в областные и районные центры восточной части республики в первых числах июля выехали секретари ЦК КП(б)Б и другие ответственные партийно-советские работники. В Витебске, например, с этой целью побывали секретари ЦК Компартии республики П. К. Пономаренко, В. Г. Ванеев и И. И. Рыжиков. В. Г. Ванеев, П. З. Калинин, И. И. Рыжиков совместно с первым секретарем Витебского обкома партии И. А. Стуловым провели кустовое инструктивное совещание актива по вопросам организации руководящего партийного подполья в Орше и Богусhevске, созданию в этих районах партизанских отрядов.

Многое сделали по оказанию практической помощи партийным руководителям районного звена в Могилевской, Гомельской и Полесской областях в июле—августе секретари ЦК Компартии Белоруссии П. К. Пономаренко, Н. Е. Авхимович, В. Г. Ванеев, В. Я. Власов, И. П. Ганенко, П. З. Калинин, Г. Б. Эйдинов, ответственные партийные работники республики К. Г. Алексеев, Г. М. Бойкачев, В. С. Забелло, наркомы И. А. Крупеня, П. С. Хотько, И. Е. Кудряков и другие. Секретари ЦК В. Г. Ванеев и В. Я. Власов принимали 24 июля 1941 года участие в работе бюро Полесского обкома партии, обсуждавшего и утверждавшего на своем заседании состав областного и районных парторганов, которым предстояло проводить работу в тылу оккупантов. Кропотливо подбирали коммунистов для отправки их на оккупированную территорию секретарь Полесского обкома КП(б)Б П. А. Левицкий и И. И. Рыжиков, который в качестве постоянного представителя ЦК находился в области до конца августа 1941 года.

Комплекс организационно-политических мероприятий, проведенных в необычайно сжатые сроки Центральным Комитетом КП(б)Б, позволил создать в Гомельской, Минской, Могилевской, Полесской и Пинской областях областные подпольные органы. В 89 восточных районах Белоруссии были созданы нелегальные руководящие районные парторганы (чаще — парттройки) *. Общее число комму-

* В силу ряда обстоятельств (быстрое продвижение противника в глубь страны, жесточайший оккупационный режим, отсутствие устойчивой связи и взаимной информации с вышестоящими парт-

нистов, заблаговременно отобранных из числа добровольно изъявивших желание остаться на оккупированной территории, проинструктированных в ЦК и обкомами КП(б)Б непосредственно для организации и руководства борьбой народа в тылу захватчиков, превышало 1200 человек²⁶. Этот боевой и авторитетный костяк должен был стать организующим и одновременно твердым руководящим ядром, цементирующей силой патриотов в их борьбе против немецко-фашистских захватчиков. Оставленным на оккупированной территории предстояло создавать подпольные группы и ячейки, налаживать в стане врага разведку, подбирать связных, организовывать партизанские отряды, руководить их боевой деятельностью, вести политическую работу среди населения. Нелегальные партийные органы, коммунистические ячейки в городах и других населенных пунктах, партийные организации и группы партизанских формирований составляли, таким образом, на оккупированной территории большевистское подполье. В этой конкретной форме, если можно так выразиться, и присутствовала партия в захваченных врагом районах.

Активную работу по заблаговременному созданию руководящего коммунистического подполья вели партийные организации всех прифронтовых республик и областей страны. Так, на Украине через три дня после начала войны, 25 июня, секретарь ЦК КП(б)У М. С. Гречуха провел в Новоград-Волынском совещание секретарей обкомов партии западных областей республики. На совещании были обсуждены мероприятия по созданию руководящего партийного подполья и партизанских отрядов в районах, которым угрожала оккупация. 27 июня Каменец-Подольский обком партии с участием прибывшего в область сек-

органами, а также отсутствие достаточных навыков конспирации и опыта нелегальной работы в стане коварного и изощренного врага и т. п.) не всем заранее созданным руководящим партийным органам как областного, так и районного звена удалось до конца организационно оформиться и приступить к нелегальной деятельности. Из 9 создаваемых в предоккупационный период областных подпольных парторганов (предполагалось, что в Минской, Могилевской и Пинской областях будут действовать межзональные областные парторганы (центры) и 89 районных парторганов сумели закрепиться и начать в 1941 году политическую и военно-организаторскую деятельность всего лишь 3 областных (Гомельский, Минский и Пинский — по октябрь включительно) и свыше 40 районных и городских подпольных партийных органов.

ретаря ЦК М. С. Спивака проинструктировал и направил в районы организаторов подполья и партизанских отрядов. 28 июня Политбюро ЦК Компартии Украины провело совещание секретарей обкомов партии Левобережной Украины, которым были даны конкретные установки по подготовке и развертыванию партизанского движения. Многие секретари местных партийных организаций получили instructивные указания непосредственно в ЦК КП(б)У.

Для организации сети партийных органов на оккупированной территории и создания партизанских отрядов 30 июня была учреждена специальная оперативная группа ЦК КП(б)У в составе А. Н. Зеленко, Л. П. Дрожжина, М. С. Спивака, Т. А. Строкача и других. Под руководством секретарей ЦК КП(б)У М. А. Бурмистенко и Д. С. Коротченко оперативная группа совместно с секретарями обкомов партии тщательно разбиралась с положением в каждой области, проводила instructивные совещания с будущими организаторами патриотической борьбы в тылу противника.

Совместно с секретарями обкома, горкома и райкомов большую работу по заблаговременному созданию руководящих подпольных партийных органов в Донбассе проводила прибывшая сюда в июле специальная группа ЦК ВКП(б) в составе Ем. Ярославского, Р. А. Руденко, Я. В. Сторожева и других²⁷.

Всего усилиями партийных органов Украины в период с июня по сентябрь 1941 года было сформировано 23 областных, 685 городских и районных подпольных партийных комитетов*, 4316 первичных организаций и групп, которые объединяли свыше 40 тысяч коммунистов²⁸.

Более 200 коммунистов и комсомольцев было оставлено для подпольной деятельности в Крыму. Многие из них являлись старыми большевиками, имевшими опыт нелегальной партийной работы в годы царизма и в период гражданской войны. Для руководства партизанской войной в тылу врага бюро Крымского обкома ВКП(б) утвердило подпольный обком партии во главе с И. А. Козловым — членом партии с 1905 года, прошедшим большую школу партийного подполья в годы борьбы с царизмом и

* Всего на Украине в 1941 году смогли до конца организационно сформироваться и приступить к руководству партизанским движением 13 обкомов, более 110 окружкомов, горкомов, райкомов и других подпольных партийных органов.

гражданской войны. Членами нелегального обкома стали опытные партийные работники Е. В. Ефимова и В. С. Колесниченко²⁹.

Несколько большим временем, чем приграничные республики, располагали для создания руководящего партийного подполья центральные и западные области Российской Федерации, которым угрожала вражеская оккупация. В большинстве из них были заранее образованы оперативные группы обкомов, которые непосредственно занимались вопросами комплектования подполья.

В Смоленской области организацией руководящего звена партийного подполья занималась оперативная группа обкома партии, в состав которой входили секретари З. Ф. Слайковский, В. И. Иванов, Ф. И. Крылов, Г. И. Пайтеров и С. А. Деньгин. В начале июля ЦК ВКП(б) командировал в помощь Смоленскому обкому 16 инструкторов-организаторов во главе с кандидатом в члены ЦК ВКП(б) И. С. Хохловым. Совместно с оперативной группой они провели ряд кустовых совещаний первых секретарей райкомов партии и председателей райисполкомов, на которых были обсуждены практические мероприятия по созданию партийного подполья и организации народной борьбы в тылу противника.

Территория области была разделена на две зоны — Северо-Западную и Юго-Западную, в каждой из которых функционировали специально созданные оперативные штабы³⁰. Усилиями инструкторов ЦК ВКП(б), оперативной группы обкома и штабов на нелегальное положение было переведено около половины секретарей горкомов и райкомов партии. Из 185 довоенных секретарей райкомов и горкомов партии к концу осени 1941 года на подпольную работу и в партизанские отряды было направлено более половины.

Секретарь Смоленского обкома партии Д. М. Попов в своем сообщении в ЦК ВКП(б) 15 августа писал: «Во всех районах, оккупированных противником, созданы подпольные организации»³¹. В докладной записке обкома партии в ЦК ВКП(б) за декабрь 1941 года указывалось, что общее число коммунистов, оставленных в подполье, составило 220 человек, 1200 коммунистов находилось в партизанских отрядах³². К этому времени в 32 районах области действовали подпольные райкомы партии, в 7 районах организационно-политическую работу вели члены бюро РК

ВКП(б), функционировало 114 первичных партийных организаций³³.

Партийным организациям прифронтовых и фронтовых республик и областей, занимавшимся организацией патриотической борьбы, приходилось действовать в исключительно сложных условиях. В пограничных республиках, на территории которых с первых дней гитлеровской агрессии развернулись жестокие бои, естественно, удалось сделать немного. В Латвии, например, были оставлены коммунисты и комсомольцы для создания подполья и партизанских отрядов лишь в отдельных районах республики³⁴. В не менее сложном положении оказались Литва, Эстония и Молдавия.

Многое удалось сделать по созданию коммунистического подполья в Калининской области, территория которой была лишь частично оккупирована врагом. Подбором кадров в руководящий состав подполья занимались лично секретари обкома партии И. П. Бойцов, П. С. Воронцов, А. С. Журавлев и другие ответственные партийные работники. За период с августа по октябрь 1941 года в 34 районах, полностью или частично подвергшихся оккупации, было подготовлено для действий в тылу противника 22 горкома и райкома партии, 24 райкома комсомола. Для организаторско-политической работы в условиях оккупации было оставлено 48 секретарей горкомов и райкомов партии, большое число партийного, советского и хозяйственного актива³⁵.

Серьезное внимание созданию руководящих подпольных органов уделяли партийные организации Орловской, Тульской и Курской областей. На основе довоенных партийных организаций были сформированы руководящие партийные органы, разветвленная сеть нелегальных организаций и групп.

Огромная работа по заблаговременному созданию коммунистического подполья была проведена Московским городским и областными комитетами партии. На случай захвата врагом Подмосковья было признано целесообразным сформировать для руководства народной борьбой окружные комитеты партии. Всего в области в предоккупационный период было создано 4 окружка партии: Северо-Западный, Западный (Можайский), Юго-Западный и Южный (Серпуховский). Кроме того, в каждом городе и районе были созданы подпольные райкомы и горкомы партии (4 гор-

кома и 16 райкомов), большое число нелегальных партийных организаций и групп ³⁶.

В соответствии с директивными указаниями ЦК ВКП(б) важные мероприятия по формированию руководящего партийного подполья были проведены в Ленинградской области. В течение июля — августа на нелегальное положение удалось перевести 32 райкома партии, в том числе Лужский объединенный партийный комитет. Уже во время оккупации был создан Псковский межрайонный партийный комитет. Нелегальные партийные органы возглавили 86 секретарей райкомов и горкомов, руководивших ими до войны. Вместе с ними в подполье ушло около трех тысяч коммунистов. Среди них одна четвертая часть руководящих работников области — секретари РК ВКП(б), председатели райисполкомов, заведующие отделами райкомов и горкомов партии, инструкторы и т. д. Они являлись тем ядром, вокруг которого в последующем сложились и окрепли в тылу врага многочисленные партизанские силы ³⁷.

Одновременно с партийными органами в угрожаемых оккупацией районах в подполье уходили и комсомольские организации.

Приведенные данные свидетельствуют об оперативности и широком размахе, который придали Центральный Комитет ВКП(б), ЦК компартий союзных республик и областные комитеты созданию партийного подполья — организующего и руководящего ядра всенародного партизанского движения на временно оккупированной советской земле. Естественно, не все заранее созданные руководящие партийные (в равной мере и комсомольские) органы смогли организованно перейти на нелегальное положение, закрепиться и приступить к исполнению своих функций. Но все же, несмотря на быстротечность событий, исключительной трудные условия начального периода войны, гитлеровский террор и связанные с ним невосполнимые жертвы и потери, уже в 1941 году на захваченной гитлеровцами территории сумели развернуть организаторскую и массово-политическую работу 18 подпольных обкомов, свыше 260 окружкомов, горкомов, райкомов и других подпольных партийных органов, большое количество нелегальных партийных организаций и групп. Всего к концу первого года войны в тылу врага действовало только официально учтенных около 65 500 коммунистов, ставших знаменосцами

всенародной партизанской войны в тылу гитлеровских захватчиков ³⁸.

Необходимо иметь в виду также и тот факт, что наряду с имевшим место частичным распадом руководящих подпольных органов (в равной мере и нелегальных патриотических организаций и групп) происходил и другой процесс. Под воздействием директив и указаний партии, а также под влиянием заранее созданного партийного подполья или же просто по инициативе отдельных активных рядовых коммунистов, советских работников, воинов-окруженцев, людей разных профессий и возрастов в тылу врага самостоятельно создавались руководящие парторганы, нелегальные организации и группы. В Белоруссии, например, уже в начальный период войны самостоятельно возникшие подпольные партийные органы и инициативные группы активно действовали в Бресте, Витебске, Минске, Могилеве и в других оккупированных районах.

Аналогичное положение наблюдалось и в других захваченных фашистами республиках и областях. Характерно, что создание подпольных партийных органов, ячеек и групп по инициативе оставшихся в тылу врага коммунистов продолжалось в течение всего периода вражеской оккупации. Величайшее сознание своего гражданского долга, чувство ответственности за судьбу социалистического Отечества, за дело партии и всего народа побуждало этих мужественных людей, имевших подчас небольшой опыт партийной и советской работы или вовсе не испушенных в ней, создавать и возглавлять партийные комитеты и организации, развивало в них качества волевых, решительных организаторов и руководителей.

Созданная Коммунистической партией разветвленная сеть руководящих подпольных органов, несмотря на понесенный в начале войны урон, являлась тем ядром, которое непосредственно придавало партизанской войне подлинно всенародный характер (как по ее содержанию и размаху, так и по вовлечению в ее ряды представителей всех классов и слоев советского общества), идейность и целеустремленность, организованность и высокую боевую эффективность. Наличие на оккупированной территории руководящих партийных органов, первичных партийных организаций партизанских формирований и коммунистических групп и ячеек в населенных пунктах позволяло Коммунистической партии постоянно укреплять и расширять

связи с массами, охватывать своим влиянием всю оккупированную территорию и на этой основе возглавлять снизу доверху священную войну народа в вооруженном тылу противника.

Созданному под непосредственным руководством ЦК ВКП(б) и территориальных партийных организаций руководящему ядру коммунистического подполья характерен был в работе строжайший централизм. Правилom были кооптация, назначение. Вместе с первичными организациями партийные органы всех звеньев представляли Коммунистическую партию на территории, временно захваченной врагом. Строго единой структуры, обязательной для всего коммунистического подполья, создаваемого накануне оккупации того или иного региона страны, естественно, не было. Творчески применяя накопленный в годы борьбы с царизмом, а также в период иностранной военной интервенции и гражданской войны опыт, Коммунистическая партия в предоккупационный период создавала самые разнообразные нелегальные парторганы, многие из которых не укладывались в привычные рамки партийного строительства предвоенного времени. В новых, необычных условиях партия изыскивала такие организационные формы, которые наилучшим образом способствовали бы решению главной задачи — оказанию максимальной помощи Красной Армии, разгрому врага. «Приспособление к местным условиям организационных форм нелегального строительства, — подчеркивал в свое время В. И. Ленин, — является безусловно обязательным»³⁹.

Но при всем различии рожденные в напряженных условиях начального периода войны структурные принципы руководящего партийного подполья, призванного осуществлять политическое и непосредственно практическое руководство всей героической борьбой народа в тылу врага, в общих чертах выглядели следующим образом: областные подпольные партийные органы (обком, центр, штаб); окружные, районные и городские, а позднее межрайонные; ячейковые организации и ячейки.

Областной подпольный партийный орган (обком, центр, штаб), как правило, был значительно сужен по сравнению с довоенным и состоял из одного-двух, а иногда и более секретарей, нескольких членов или работников довоенного состава обкома партии, представителей советских органов и комсомола. Подпольный обком осуществлял общее руко-

водство действиями партизанских сил в масштабе данной местности. Через связанных и уполномоченных он держал связь с городскими и районными подпольными органами. С помощью последних нелегальный обком координировал политическую и боевую деятельность территориальных подпольных организаций и групп.

Окружные, районные и городские, а также межрайонные подпольные органы, созданные заранее или засланные из-за линии фронта, равно как и возникшие самостоятельно, в своей основе мало чем отличались от областных и строились по территориальному принципу. Нелегальные окружкомы, горкомы, райкомы, организационные партийные тройки, а позднее и межрайкомы были новыми, не предусмотренными Уставом ВКП(б) партийными органами, вызванными к жизни требованиями чрезвычайной обстановки, конкретными условиями патриотической борьбы в тылу врага. Взяв на себя функции партийных комитетов, они обычно возглавляли и направляли народную войну на территории своего района (или группы районов), руководили внутрипартийной жизнью в первичных парторганизациях партизанских формирований. С помощью специальных связанных нелегальные окружкомы, райкомы, межрайкомы направляли также деятельность подпольных организаций и групп в городах и других населенных пунктах, устанавливали связи с оставшимися в тылу отдельными коммунистами, советскими и комсомольскими работниками, вели массово-политическую работу, вовлекали в борьбу широкие массы трудящихся.

На партийные органы областного, а чаще всего районного и межрайонного звена в большинстве своем опирались территориально-производственные конспиративные организации и группы (ячейки), созданные накануне оккупации в городах, на железнодорожных станциях и в сельских населенных пунктах, а также присланные из советского тыла или возникшие самостоятельно по инициативе отдельных коммунистов. При создании таких нелегальных организаций и групп партия в первую очередь обращала внимание на их численный состав и полнейшую конспирацию. В. И. Ленин писал, что «при широком составе организации невозможна строгая конспирация...»⁴⁰. Ибо последняя «обратно пропорциональна многочисленности членов кружка и прямо пропорциональна отдаленности целей кружка от непосредственной борьбы»⁴¹.

Нелегальные низовые коммунистические организации и ячейки проводили многоплановую конспиративную работу и одновременно служили организующими центрами для создания новых боевых групп подпольщиков и партизанских отрядов. Наряду с организаторской и массово-политической работой они, опираясь на свой актив, выполняли различные боевые задания — разведывательного, диверсионно-террористического * и агитационного характера, информации и связи, собирали и хранили оружие, взрывчатку и т. д.

Такая структура подпольных партийных органов была характерна почти для всех временно оккупированных районов Советского Союза. Позже, уже в ходе войны, довольно широкое распространение получил институт уполномоченных ЦК и партийных организаторов. Уполномоченные и парторганизаторы в ряде случаев были наделены правами органов, которые они представляли, пополняли состав действующих партийных комитетов. В случае необходимости на некоторое время они брали на себя функции подпольных органов в тех местах, где таковые не были созданы или же только начинали складываться.

Характерной особенностью сформированных заблаговременно подпольных партийных (в равной степени и комсомольских) организаций являлось то, что руководители всех, без малейшего исключения, его звеньев рекомендовались и утверждались вышестоящими партийными органами, что накладывало на них особую ответственность перед Центральным Комитетом партии.

Принимая во внимание военно-стратегическое положение прифронтовых и фронтовых районов и областей, а также политические, экономические, природные и другие условия, в которых предстояло действовать нелегальным партийным органам в тылу оккупантов, подавляющее большинство из них, в отличие от периода гражданской войны, по рекомендации ЦК и областных комитетов партии базировалось непосредственно в партизанских формированиях, опиралось на их защиту и материальную силу. Это их делало одновременно и боевыми подразделениями сражающейся партии. В большинстве случаев руководители и

* Террор партизаны и подпольщики применяли в ходе массовой борьбы как средство правосудия над фашистами и их прислужниками.

члены подпольных организаций, обладая авторитетом и опытом руководства массами, уже в 1941 году становились командирами, а чаще всего — комиссарами партизанских отрядов. Их организаторская и политическая работа предопределяла широту и боевую активность всенародной войны в тылу захватчиков.

Например, в партизанском отряде Рогачевского района (Гомельская обл.) комиссаром, а затем командиром отряда был первый секретарь довоенного райкома партии С. М. Свердлов. В Гомельской области на должности комиссаров отрядов находились секретари Лоевского (Н. И. Анищенко) и Тереховского (Д. Д. Шустов) райкомов партии, в Полесской области — секретари Ельского (З. Я. Черноглаз) и Наровлянского (Г. Р. Чернявский) райкомов партии, в Витебской области — секретарь Меховского РК КП(б) И. Т. Гуцев и другие⁴². Около десяти секретарей райкомов партии являлись командирами первых партизанских отрядов в оккупированных районах Смоленской области и свыше десяти — в Калининской⁴³. В составе партизанских отрядов Московской области находились 69 секретарей горкомов и райкомов партии, которые наряду со своими чисто партийными функциями выполняли обязанности командиров и комиссаров отрядов⁴⁴.

По мере расширения и углубления народной войны в тылу врага роль подпольных партийных органов и их руководителей все время возрастала. Секретари райкомов партии становились командирами и комиссарами партизанских отрядов, полков и бригад, уполномоченные ЦК, секретари обкомов и межрайкомов — командирами партизанских соединений областного и межрайонного масштаба. Благодаря этому в вооруженных формированиях народных мстителей было осуществлено слияние политического руководства с военным.

Создание партизанских сил

Параллельно с организацией и становлением партийного подполья в прифронтовых республиках и областях велась с учетом возможностей и местных условий огромная работа по выполнению директивных указаний Коммунистической партии и Советского правительства о создании собственно партизанских сил. «Все местности Бе-

лоруссии,— говорилось, например, в директиве № 2 ЦК КП(б)Б и СНК БССР от 1 июля 1941 года,— занятые врагом, должны немедленно покрыться густой сетью партизанских отрядов, ведущих непрерывную ожесточенную борьбу на уничтожение врага»⁴⁵.

Партия видела свою задачу в том, чтобы идея всеобъемлющей народной войны как можно быстрее овладела массами, чтобы патриотическую борьбу народа поднять до уровня движения. Она указывала конкретные способы и приемы этой войны, помогала преодолеть у некоторой части людей подавленное настроение, укрепить их уверенность в неизбежности нашей победы, найти свое место в борьбе с захватчиками. Так, Центральный Комитет Компартии и правительство Белоруссии в директиве № 2 ориентировали местные партийные и советские органы на то, что работу по организации партизанских отрядов и групп следует начинать сейчас же, не теряя ни минуты времени, вовлекая в нее наиболее широкие слои населения. Надо создавать партизанские отряды, указывалось в директиве, искать врага, быстро и решительно уничтожать его везде и всюду, где для этого представляется хотя бы малейшая возможность.

И в этом партийном документе, так же как и в директиве № 1, ЦК Компартии и правительство Белоруссии указывали, что для ведения партизанской войны против гитлеровцев наряду с созданием вооруженных партизанских отрядов и групп, предназначенных для совершения открытых (применительно к условиям вражеского тыла) боевых действий, в районах и селах должны быть созданы подпольные организации, партийные и комсомольские ячейки, главной задачей которых должны стать скрытые диверсионно-боевые действия, оказание помощи партизанским формированиям, мобилизация масс на беспощадную расправу с врагом. С этой целью, требовала директива, всем коммунистам и комсомольцам, которые не подлежат призыву в армию, но в принципе способны носить оружие, следует остаться на территории, оккупированной врагом.

Партия призывала советских людей уничтожать захватчиков везде и всюду, не давать им покоя ни днем ни ночью. В борьбе с оккупантами она рекомендовала использовать не только огнестрельное, но и подручное холодное оружие: нож, топор, лом, косу, вилы и т. п. «Для уничтожения врага не стесняйтесь прибегать к любым средствам:

душите, рубите, жгите, травите фашистскую гадину. Пусть почувствует враг, как горит под ним наша земля.

Действуйте смело, решительно, победа [будет] за нами. Нет такой силы, которая могла бы покорить советский народ»⁴⁶. Призывая на решительную и бескомпромиссную борьбу с оккупантами, партия исходила из того, что именно вероломный фашизм ворвался в мирный советский дом, стал сеять смерть и разрушение, готовить народу позорное рабство, а потому все виды, средства и приемы борьбы с ним необходимо считать целесообразными и вполне оправданными.

Непоколебимая уверенность партии в неизбежность нашей победы, этого испытанного и закаленного в классовых боях политического авангарда трудящихся, ее мудрость и твердая воля вливались как свежая кровь в сердца советских патриотов.

Однако, чтобы поднять массы на всенародную войну с захватчиками, мало было общих призывов, официальных директив и указаний, исходящих от вышестоящих органов. Требовались громадная и кропотливая работа на местах, разъяснения всей сути предпринимаемых партией мер. С этой целью руководящие партийные органы в начале войны неоднократно посылали в районы своих представителей, которые наряду с проверкой исполнения решений в каждом конкретном случае давали местным организациям и партийно-советским работникам необходимые пояснения, советы и рекомендации, сами принимали непосредственное участие в комплектовании партизанских отрядов и групп. Насколько позволяла военная обстановка, обкомы и ЦК национальных компартий заслушивали отчеты отдельных партийных комитетов о создании вооруженных партизанских формирований.

Например, 18 июля 1941 года бюро ЦК КП(б)Б заслушало отчет Гомельского обкома партии об организации партизанской борьбы на территории области на случай захвата ее противником. Положительно оценивая проделанную работу, ЦК партии вместе с тем нацелил Гомельский обком на более рациональное использование времени и возможностей в организации партийного подполья и партизанских сил, предложил обратить серьезное внимание на создание баз продовольствия и тайников оружия, определение районов дислокации и предстоящих боевых действий партизанских отрядов⁴⁷.

Неделю спустя, 26 июля, в Гомеле первый секретарь ЦК КП(б) Белоруссии П. К. Пономаренко заслушал сообщения секретарей областных и районных комитетов партии восточных областей республики и провел с ними инструктивное совещание по вопросу организации и расширения народной войны в захваченных гитлеровцами районах. Был намечен ряд конкретных мероприятий по обеспечению партийным руководством партизанскими отрядами и подпольными организациями. Сразу же после окончания работы совещания значительная часть его участников через образовавшиеся во фронтовой линии бреши была направлена в оккупированные районы для налаживания связей с действующими партизанскими отрядами и создания новых. На продолжительное время во вражеский тыл посылались секретари ЦК партии и комсомола, заведующие отделами ЦК КП(б)Б, наркомы и другие ответственные партийно-советские работники Белоруссии⁴⁸.

Месяцем позже, 26—27 августа, бюро ЦК КП(б)Б вновь рассмотрело вопрос о мерах по организации и усилению партийного руководства патриотической борьбой народа в оккупированных районах, по поддержанию устойчивой связи с нелегальными организациями и партизанскими формированиями. С этой целью из числа руководящих партийно-советских работников республики было создано две группы по пять человек в каждой. Одну из них (руководитель — первый секретарь Гомельского ОК КП(б)Б Ф. В. Жиженков) ЦК направил в 21-ю армию Брянского фронта, вторую (руководитель — первый секретарь Брестского ОК КП(б)Б М. И. Тупицын) — в политуправление Центрального фронта. Перед группами стояли задачи: устанавливать и поддерживать контакты с партийным подпольем и вооруженными партизанскими подразделениями, осуществлять общую координацию их действий и массово-политической работы среди местного населения⁴⁹.

Одновременно руководители Компартии и правительства Белоруссии неоднократно выступали по радио, на страницах центральных и республиканских газет с разъяснениями и указаниями трудящимся массам, что следует делать, чтобы разжечь в тылу захватчиков пожар партизанской войны. 22 июля газета «Правда» опубликовала статью П. К. Пономаренко «Разгорается пламя партизанской борьбы в Белоруссии». 27 июля статью перепечатала газета «Советская Белоруссия». В августе на страницах

«Правды», «Звезды» и «Советской Белоруссии» выступили секретарь ЦК КП(б) Б Г. Б. Эйдинов, председатель Президиума Верховного Совета БССР Н. Я. Наталевич, секретарь Полесского обкома партии Ф. М. Языкович и другие ответственные партийно-советские работники. О боевых успехах партизанского отряда «Красный Октябрь» в «Правде» рассказал секретарь Октябрьского райкома партии Т. П. Бумажков⁵⁰.

Центральные *, республиканские и областные газеты на своих страницах публиковали также призывы и обращения ветеранов партии, писателей и поэтов, бывших партизан и подпольщиков. «Гнев, возмущение и ненависть сжимают наши сердца, — писали в своем обращении к населению республики белорусские партизаны периода гражданской войны. — В жилах стынет кровь при одной мысли о том, что творят гитлеровские разбойники... Кликнем же клич по всему нашему краю, и пусть услышат его и стар и мал: все, кому дорога родная земля, наша свобода и честь — берите в руки оружие!.. Поднимайтесь, партизаны, на Великую Отечественную войну, помогайте Красной Армии навсегда расправиться с подлыми фашистами. Берите с собой сыновей, дочерей и внуков ваших и идите в леса! Собирайтесь в боевые отряды!»⁵¹

Важное значение в становлении партизанских сил и **укреплении** в них строгой дисциплины и порядка имела разработанная в ЦК КП(б) Б и опубликованная в «Звезде» первая «Присяга белорусского партизана»⁵². Ее текст был отпечатан потом в виде листовки и разбросан советской авиацией в районах Бобруйска, Могилева, Витебска, Полоцка, Орши и других местах⁵³. Слова партизанской присяги являлись торжественным обещанием, клятвой патриота перед Родиной, перед собственной совестью, товарищами по борьбе.

Особенно серьезное внимание уделялось партией вопросу подбора командно-политического состава партизанских подразделений. Их руководителями в первую очередь назначались бывшие командиры и военнослужащие Красной Армии. Комиссарами становились, как правило, партийные работники. Бюро областных комитетов партии обсуждали

* Только газета «Правда» во втором полугодии 1941 г. опубликовала свыше 100 статей и корреспонденций о народной партизанской войне и военно-политическом положении на оккупированной территории.

и утверждали персонально каждого командира и комиссара. Руководством их каждодневной деятельности служила «Памятка командиру и комиссару партизанского отряда», разработанная в первой половине августа 1941 года военным отделом ЦК КП(б)Б⁵⁴. В ней указывалось, что общеполитическое и военно-оперативное руководство партизанскими действиями на оккупированной территории каждого района осуществляет подпольный партийный орган районного звена. В случаях отсутствия последнего партизанскую борьбу в таком районе возглавляет и координирует подпольный обком партии. «Памятка» ориентировала партийных работников на строго добровольный и индивидуальный подбор личного состава отрядов. Из лиц, изъявивших желание стать вооруженными партизанами, но которых по разным причинам нельзя было зачислять в отряд, рекомендовалось создавать группы содействия партизанским отрядам. «Памятка» содержала также — в самой общей форме — и некоторые элементы партизанской тактики, материального обеспечения, снабжения оружием и продовольствием, учила простейшим видам конспирации.

Комплекс организационно-политических мероприятий и распространение в массах идей партии развернуть в тылу оккупантов всенародную борьбу нашли горячий отклик и всемерную поддержку самых широких слоев населения. Все честные люди — рабочие, колхозники, служащие и интеллигенция — были преисполнены твердой решимости вступить в решительную схватку с ненавистным врагом. И чем глубже противник проникал на советскую территорию, тем ощутимее для него становилось это сопротивление. Партия же коммунистов свою главную задачу видела в том, чтобы политически и организационно возглавить и координировать это глубоко патриотическое движение масс, наполнить его коммунистической идейностью, сделать его высокоорганизованным и стойким и, что не менее важно, способствовать дальнейшему росту народной инициативы. В то же время партия, исходя из объективных предпосылок, стремилась найти, определить и подсказать массам наиболее целесообразные формы организации и эффективные методы и приемы борьбы, направить удары патриотов по наиболее важным и уязвимым для оккупантов местам. Именно только при таком условии партизанское движение — постоянный спутник революционных и национально-освободительных войн — могло принять ши-

рокий, всенародный размах, стать действенным военно-политическим фактором и оказать максимальную помощь героически сражавшейся Красной Армии*.

В начале войны, когда немецко-фашистские войска развивали наступление на всех направлениях, особо важное значение Коммунистическая партия придавала созданию собственно вооруженных партизанских сил — определяющей, наиболее решительной форме ведения народной войны в тылу врага. Своими действиями партизаны призваны были облегчить борьбу регулярных советских частей, ока-

* В послевоенное время книжные рынки Западной Европы и Америки оказались завалены разного рода сочинениями, в той или иной мере затрагивающими тему всенародной войны против гитлеровских захватчиков на временно оккупированной советской территории. Здесь и аналитические работы профессиональных буржуазных историков, и «документальные» обзоры маститых публицистов, социологов, юристов, экономистов, и воспоминания битых фашистских генералов и прислужников столпов нацизма, и «исследования» различных антисоветских институтов и центров, и т. д. Все они грубо, причем зачастую с преднамеренно фальшивых позиций, искажают подлинную историю всеобщего сопротивления советских людей немецко-фашистским захватчикам. Ряд представителей буржуазной историографии, скрывая истинные причины возникновения всенародного партизанского движения, заведомо ложно пытаются доказать, что самоотверженная борьба советских людей в тылу гитлеровских войск могла бы и не возникнуть или свелась бы к отдельным незначительным «инцидентам», если бы не «роковые» ошибки, чудовищная жестокость и бессмысленные репрессии, которые, мол, совершали фашисты на каждом шагу. Именно проводя «неразумную», «негибкую» оккупационную политику по отношению к местному населению, гитлеровцы вызвали на себя ответные действия мирных жителей.

Например, бригадный генерал английской армии Ч. Диксон и доктор О. Гейльбрунн в книге «Коммунистические партизанские действия» пишут, что якобы «немцы своими действиями сами способствовали развитию партизанского движения на всей оккупированной территории Советской России. Они были не в состоянии ликвидировать угрозу, возникновению которой они сами же в значительной мере способствовали» (Ч.-О. Диксон, О. Гейльбрунн. Коммунистические партизанские действия. М., 1957, стр. 232).

Сотрудник Русского института при Колумбийском университете (США) Вальтер Якобс в монографии «Современная партизанская война» откровенно выдвигает квазинаучную концепцию о том, что будто бы призыв Коммунистической партии «развязать партизанскую войну в тылу врага не получил народной поддержки до тех пор, пока существо нацистской политики не стало известно гражданам Советского Союза и военнослужащим Красной Армии» (Modern Guerrilla Warfare. Fighting Communist Guerrilla Movement. 1941—1961. Ed. by F. M. Osanka. New-York, 1962, p. 41).

С ними солидаризируются американские историки Александр

зать существенную помощь в стабилизации фронта. Однако организация партизанских отрядов и групп затруднялась отсутствием подготовленных кадров. Для практического разрешения этой сложной задачи руководящие партийные организации прифронтовых республик и областей в начале войны создавали специальные партизанские школы, учебные пункты и краткосрочные курсы, где сотни будущих партизан и подпольщиков в течение нескольких дней проходили подготовку методам и приемам партизанской войны, получали минимум необходимых навыков и

Даллин, Герхард Вейнберг, Курт де Вит, Вильгельм Моль и другие. Очень рельефно вышеуказанную точку зрения они выразили в коллективной монографии «Советские партизаны во второй мировой войне». Преднамеренно фальсифицируя социально-политические корни советского партизанского движения, идеологи антикоммунизма «разъясняют» массовому читателю, что советский народ на захваченной гитлеровцами территории первоначально вел себя пассивно. «В тех районах, — пишут авторы, — которые оккупировали немцы в первые месяцы войны, большая часть населения не поддерживала ни Советскую власть, ни немцев». В качестве дополнительных причин, способствовавших возникновению и развитию широкого фронта народного сопротивления, американские авторы настойчиво пропагандируют известный тезис о военных неудачах на восточном фронте. «...Большинство населения, — утверждают они, — оставшегося на территории, занятой немцами, ...было пассивным, не желая сотрудничать ни со старым, ни с новым господином до тех пор, пока победа одного из них не стала очевидной» (Soviet Partisans in World War II, Ed. by Jhon Armstrong. The University of Wisconsin Press, Madison, 1964, p. 296).

Политической основой этих антисоветских выпадов является, как справедливо отмечает белорусский исследователь В. Ф. Романовский, желание приписать советским людям антикоммунистическую ориентацию, поставить под сомнение пламенный патриотизм советских людей, единство целей Коммунистической партии и советского народа, их неразрывную связь. Вымыслы буржуазных фальсификаторов опровергаются самой историей, реальными фактами минувшей войны. Например, о какой «антисоветской ориентации» населения Белоруссии может идти речь, если только за июнь — август 1941 года в ряды действующей армии из республики влилось до 500 тыс. человек, а всего в Красную Армию в годы войны вступило свыше 1 млн. 100 тыс. человек трудящихся Белоруссии, более 440 тыс. человек активно сражалось с врагом в рядах партизан и подпольщиков (см.: В. Ф. Романовский. Против фальсификации истории Белоруссии периода Великой Отечественной войны. Минск, 1975, стр. 12—13).

Аналогичное положение было и в других советских республиках и областях, подвергшихся немецко-фашистской оккупации. Советские люди, верные идеям коммунизма, в едином порыве выступили на защиту своей Родины, завоеваний Великого Октября.

С фальсификаторских позиций выступает бельгийский реак-

знаний по владению оружием, подрывному делу, боевой разведке, связи и конспирации. Например, в Белоруссии по инициативе ЦК КП (б) Б такая подготовка партизанских кадров была налажена уже в первой половине июля 1941 года. Размещалась «лесная» школа недалеко от Гомеля, в деревнях Чонки, Марковичи. В Мозыре существовал ее филиал. Белорусская (Центральная) партизанская школа (Оперативно-учебный центр) и ее мозырский филиал, несмотря на краткосрочность своего существования,

сионный историк А. Бернар. В многотомной работе «Война тотальная и война революционная» (раздел «Причины поражения Германии в России») он пишет: «Когда немцы вступили в Белоруссию и на Украину... они были, это неопровержимый факт, встречены благожелательно». И только бесчеловечные приказы Гитлера и Гимmlера, гнусные дела СС и СД якобы послужили причиной возникновения широкого партизанского движения (Bernard, N. Guerre totale et guerre revolutionnaire, v I—III, Bruxell—Paris, 1965—1967, p. 468).

Ложный тезис о том, что мощное советское партизанское движение — суть не связанные с народом «бандитские действия», производное «ошибок» главарей фашистской Германии в проведении ими «некорректной» оккупационной политики и установлении жестокого террористического режима на захваченной советской территории, усиленно проповедуется и другими буржуазными историографами. В их числе западногерманский историк Г. Готтберг (H.—L. von Gottberg. Das Wesen des Sowjetischen Partisanenkampfer.— «Wehrkunde», 1958, № 12, s. 691), бывший офицер буржуазной Латвии, а с момента нападения фашистской Германии на СССР — командир карательных подразделений и частей В. Ределис (Redelis, V. Partisanenkrieg. Heidelberg, 1958), другой каратель и исследователь партизанского движения Н. Галай (Galay, N. The partisan force.— The Soviet Army, London, 1957) и многие другие. По их утверждению, при более «разумной» и «гибкой» политике нацистов выступления в тылу вражеских войск могли и не возникнуть или свелись бы к отдельным эпизодическим «инцидентам».

Бесспорно, чудовищные злодеяния оккупантов, чинимые над мирным населением, действительно вызвали к мщению. Сердца советских людей при виде всего, что творили фашисты, естественно, были преисполнены чувством жгучего гнева и классовой ненависти. Но массовые репрессии против мирного населения, изуверский «новый порядок» лишь усиливали эти священные чувства мести и презрения к поработителям, являлись дополнительными факторами для расширения и углубления всенародного сопротивления захватчикам. Партизанскую войну, указывал В. И. Ленин, вызывают объективные исторические условия, могучие экономические и политические причины (см.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 14, стр. 7). М. И. Калинин в годы войны писал, что не «разбойный разгул немецко-фашистской армии, ее звериная жестокость в отношении населения занятых областей, жестокость, от

сыграли исключительно важную роль в подготовке боевых кадров подпольщиков и организаторов партизанской борьбы на территории республики. К середине августа только в районе Гомеля было обучено 1045 человек, которые вошли в состав 131 диверсионно-организаторской группы. Мозырский филиал партизанской школы в течение месяца подготовил для борьбы в тылу противника 34 небольших партизанских отряда и группы — около 440 человек⁵⁵.

После оккупации территории республики гитлеровски-

которой даже камни вопиют о мщении, толкает самых мирных людей на самоотверженную борьбу с гитлеровскими бандами. ...Насилие и жестокости, чинимые немецкими оккупантами над мирным населением, являются лишь дополнительным фактором в развитии партизанской борьбы. Основные источники, столь обильно питающие партизанское движение, лежат значительно глубже, они находятся в недрах самого народа» (М. Калинин. О партизанской борьбе.— «Партийное строительство», 1942, № 9—10, стр. 37).

Всенародное партизанское движение являлось одним из глубочайших проявлений патриотизма, закономерным стремлением советского народа защитить исторические завоевания Великого Октября, свободу и национальный суверенитет Советской Родины. С первых и до последних дней вражеского нашествия советские люди знали, «куда идти, в каком сражаться стане». «Партизанское движение народно,— указывал М. И. Калинин,— политически оно тесно связано со всеми трудящимися Советского Союза. Оно вырастает из простого наглядного сопоставления народом фашистского режима с советским строем, где советский гражданин чувствовал и чувствует себя хозяином. Как же может свободный, жизнедеятельный человек, будь то мужчина или женщина, примириться без жестокой борьбы не на жизнь, а на смерть с фашистским рабством! Этого никогда не было в прошлом на Руси, тем более не будет этого сейчас, в свободной Советской стране» (М. И. Калинин. О партизанской борьбе.— Газ. «Известия», 16 мая 1942 г.).

Это лишь отдельные аспекты, по которым буржуазные авторы фальсифицируют историю советского партизанского движения. Их круг значительно шире. Советские ученые-обществоведы довольно активно отражают нападки апологетов империализма по этому важному разделу отечественной военной истории. Например, обстоятельно и довольно подробно этот вопрос рассмотрен в кандидатской диссертации А. В. Семеновой «Фальсификация истории Белоруссии периода Великой Отечественной войны современной реакционной историографией США» (Минск, 1967); в работе В. Ф. Романовского «Супраць фальсіфікацыі гісторыі савецкага партызанскага руху» (Минск, 1962); в статьях А. А. Курносова и Е. С. Лагутина «Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны и буржуазная историография». — «История СССР», 1960, № 3; их же: «К вопросу об эффективности партизанского движения на территории Советского Союза». — В кн.: «Против фальсификации истории второй мировой войны» (М., 1964) и в других работах советских историков.

ми войсками Белорусская партизанская школа продолжала свою работу в прифронтовых районах Российской Федерации, а позднее — в Москве. Подготовленные «лесной» школой организаторские отряды и группы, попадая в благоприятную среду народной инициативы и безграничной поддержки местного населения, быстро росли, и многие из них впоследствии превратились в крупные партизанские формирования.

Наподобие Белорусской партизанской школы в августе 1941 года в Пуца-Водица под Киевом Центральным Комитетом КП(б) Украины была также организована специальная школа по обучению кадров для подпольной и партизанской борьбы в тылу немецко-фашистских оккупантов. В ее программу входили такие предметы, как тактические приемы партизанской борьбы на захваченной гитлеровцами территории, организация партийно-политической работы среди местного населения, изучение истории партизанского движения в революционных и национально-освободительных войнах. Позднее подготовкой кадров для боевой подпольной и партизанской работы на Украине занимались специальные курсы руководящих работников, организаторов и связных. Они сыграли важную роль во всей дальнейшей деятельности республиканской партийной организации по осуществлению партийного руководства партизанским движением. Только в западные области Украины ЦК КП(б)У направил в течение лета 1941 года для работы в подполье и партизанских отрядах 800 партийных и советских работников⁵⁶.

Учебные центры, «лесные» школы и краткосрочные курсы по подготовке партизанских кадров были созданы также партийными органами в Воронежской, Орловской, Тульской, Калининской и других прифронтовых областях⁵⁷. Два учебных пункта по обучению будущих партизан и подпольщиков были созданы Смоленским обкомом партии⁵⁸.

Подготовку на этих курсах и в школах прошли сотни патриотов, изъявивших желание бороться с врагом на оккупированной советской территории. В основном это были партийно-советские работники, активисты. Кроме непосредственного участия в борьбе им предстояло еще стать организаторами, своеобразным катализатором в поддержании патриотического порыва масс, углублении народной инициативы, разжигании пожара всеобщей войны

в тылу противника *. «Когда здесь и там начинают вспыхивать огоньки народного возмущения и открытой борьбы,— указывал В. И. Ленин,— всего прежде и всего более нужен сильный приток свежего воздуха, чтобы эти огоньки могли разгореться в широкое пламя!»⁵⁹

Однако патриотов, имевших опыт партизанской войны, было немного. Это были буквально единицы: в Белоруссии — В. З. Корж, на Украине — С. А. Ковпак и С. В. Руднев, на Смоленщине — Н. З. Коляда, в Крыму — А. В. Мокроусов и И. Г. Генов. Основную же массу будущих партизан и подпольщиков составляли партийно-советские, комсомольские и хозяйственные работники, люди самых мирных профессий, которые добровольно, из глубоких идейных побуждений изъявили желание сражаться с врагом на оккупированной территории и которым предстояло овладеть в ходе борьбы трудной и сложной партизанской наукой побеждать сильного и опытного врага.

Большую помощь в организации партизанской борьбы оказывали военные политорганы. По решению ЦК ВКП(б) при Главном Политическом управлении Красной Армии, а также при политуправлениях фронтов в августе 1941 года были созданы отделы (в политотделах армий — отделения) по работе среди населения оккупированных областей и партийно-политическому руководству партизанским движением. Руководство этими отделами и отделениями осуществлялось непосредственно одним из членов военного совета и начальников соответствующих политорганов. Это были первые мероприятия партии, направленные на централизацию руководства партизанской борьбой **.

Созданные в начальный период войны партизанские отряды и группы обычно были небольшие: от 10 до 30—50, в отдельных случаях — до 100 человек. Они росли и крепли в ходе борьбы.

Отряды и группы комплектовались исключительно на добровольных началах. Ядро их составляли коммунисты, партийно-советский и комсомольский актив, хозяйственные работники. Ряды партизан пополнялись также и теми коммунистами и советскими активистами, которые по раз-

* Подробнее о работе партизанских школ смотри в книге «Война в тылу врага», 1-й выпуск. М., 1974, стр. 31—33.

** Указанные отделы и отделения существовали до мая 1942 г., когда их функции перешли к штабам партизанского движения.

ным причинам не смогли уйти на восток и остались в тылу врага без специального задания.

Основой многих партизанских отрядов явились добровольческие народные формирования — истребительные батальоны и ополченческие подразделения. Только в Белоруссии на базе добровольческих формирований возникло до 30 партизанских отрядов и групп. Значительное число бойцов-истребителей и ополченцев перешло на путь партизанской войны в Крыму, в Орловской, Смоленской и других областях. Всего в ряды советских партизан в начале фашистской агрессии влилось свыше 25 тысяч бойцов из истребительных батальонов и народных ополчений⁶⁰.

Ряд партизанских отрядов сложился из бойцов, командиров и политработников Красной Армии. Оказавшись по различным причинам в тылу вражеских войск, они руководствовались общими призывами партии и немедленно становились на путь партизанской борьбы. Обладая организаторскими способностями, военными знаниями и боевым опытом, военнослужащие оказывали большую помощь подпольным партийным органам в укреплении существующих и создании новых отрядов, вносили в партизанские ряды дух дисциплины, порядка и организованности. Многие военнослужащие занимали командные и политические должности, помогали налаживать штабную работу, совершенствовали тактическое мастерство партизан.

Огромных масштабов мероприятия политического и организационного порядка, которые провела Коммунистическая партия в первые месяцы войны по созданию активно действующего патриотического фронта борьбы в тылу захватчиков, уже в начальный период агрессии дали положительные результаты. В большинстве оккупированных районов чувствительные удары по врагу нанесли или заблаговременно созданные, или же возникшие на основании общих директив партии по инициативе самих патриотов партизанские отряды и боевые группы подпольщиков.

Много вооруженных партизанских формирований вело, например, боевую работу в Белоруссии. Только число учтенных партизанских отрядов и групп, которые были обучены в партизанских школах и созданы обкомами и райкомами партии в предоккупационный период 1941 года, составляло около 430, с количеством бойцов в них свыше 8300 человек. Большую часть партизан составляли

рабочие, служащие, партийно-советский актив, учащаяся молодежь. Значительное число партизанских отрядов возникло самостоятельно и в 1941 году еще нигде не состояло на учете. Об активной боевой деятельности таких отрядов в разных районах Белоруссии убедительно говорят и вражеские документы того времени.

Большую и важную работу по созданию партизанских сил провели партийные и советские органы Украины. Всего на Украине было организовано более 830 отрядов и 1700 диверсионных и истребительных групп. В них числилось свыше 35 тысяч человек ⁶¹.

Под руководством Крымской областной партийной организации еще до оккупации полуострова было создано до 30 партизанских отрядов, насчитывавших почти 4 тысячи бойцов. Общее руководство и координация их боевой работы были возложены на Центральный штаб партизанского движения в Крыму, созданный обкомом осенью 1941 года. Командующим всеми партизанскими силами обком ВКП(б) утвердил опытного коммуниста-организатора, участника вооруженного восстания в Петрограде в 1917 году, партизана времен гражданской войны и активного участника национально-освободительного движения в Испании А. В. Мокроусова, возглавлявшего в первый период фашистской агрессии народное ополчение Крыма. Комиссаром партизанского штаба был назначен секретарь Симферопольского горкома партии С. В. Мартынов. В оперативных целях все отряды народных мстителей были разделены на 4 партизанских района. Во главе каждого из них стоял штаб в составе командира, комиссара и начальника штаба, непосредственно подчиненный главному партизанскому командованию Крыма ⁶².

В подвергшихся оккупации центральных и западных районах Российской Федерации наиболее многочисленные партизанские силы были созданы в Ленинградской области. Отряды и группы создавались как в районах области, так и непосредственно из числа ленинградских рабочих и служащих, а затем переправлялись в тыл противника. Уже к середине июля силами Ленинградской партийной организации было укомплектовано 6 партизанских полков (4000 человек). В последующем число партизанских подразделений значительно возросло. Они были сравнительно хорошо вооружены.

В августе из партизанских формирований области соз-

даются первые в Отечественной войне крупные партизанские соединения — 1-я и 2-я партизанские бригады. Последняя являлась наиболее боеспособной и сыграла важную роль в развертывании партизанского движения и в создании на юге области партизанского края (командир Н. Г. Васильев — армейский политработник, комиссар С. А. Орлов — секретарь Порховского райкома, член Ленинградского обкома партии). В середине осени бригада объединяла девять отрядов — свыше 1000 партизан. Всего в 1941 году, по далеко не полным данным, партизанские формирования Ленинградской области насчитывали более 14 тысяч человек⁶³.

Значительные партизанские силы вели активную боевую деятельность в Смоленской, Орловской, Калининской, Московской областях и других районах Российской Федерации. Создаются партизанские отряды в Прибалтике, в Молдавской и Карело-Финской республиках. Всего к концу 1941 года на оккупированной территории действовало только учтенных более 3,5 тысячи партизанских отрядов и групп общей численностью свыше 90 тысяч человек⁶⁴.

Параллельно с созданием собственно партизанских сил — вооруженных инициативно-организаторских групп, отрядов, бригад — партийные организации прифронтовых республик и областей формировали боевые подпольные группы в городах и рабочих поселках, на железнодорожных станциях и промышленных предприятиях — везде, где можно было наносить ущерб оккупантам (в городах — по производственно-территориальному признаку, в сельской местности — по населенным пунктам).

Подбор кадров для деятельности в подполье являлся делом сложным и трудным. К этим людям предъявлялись особые требования: безграничная преданность Родине, делу партии, непоколебимость воли и твердость характера, несгибаемое мужество, готовность к самопожертвованию. Кроме того, исключительно многое надо было знать и уметь.

Цементирующим началом нелегальных организаций и групп были оставленные для работы в тылу противника партийные и партийно-комсомольские группы (ячейки). Коммунисты были несгибаемыми носителями идей партии, стойкими ее представителями в среде патриотических сил. Они сплачивали вокруг себя и мобилизовывали на решительную борьбу беспартийные массы.

Первоначально боевые группы подпольщиков, как и партизанские отряды, были небольшими: от трех до десяти — пятнадцати человек, тщательно законспирированные. В процессе борьбы многие из них объединялись и на их основе возникали довольно мощные боевые организации. На базе других создавались партизанские подразделения.

Поскольку подпольные организации и группы находились в городах и других населенных пунктах, в которых размещались штабы, материально-технические базы, склады оружия, боеприпасов и разного рода тыловые службы, а также пущенные в ход гитлеровцами промышленные предприятия, то все это создавало для советских патриотов реальные возможности для ведения эффективной борьбы с фашистскими поработителями. И подпольщики в течение всей войны активно использовали эти возможности. Наряду с широкой массово-политической работой среди населения, направленной на срыв политических, военных и экономических мероприятий оккупантов, они физически уничтожали гитлеровцев и их прислужников, выводили из строя оборудование промышленных предприятий; портов, узлов связи, эксплуатационное хозяйство железных дорог, совершали диверсии на транспорте, в штабах, на военных складах и в хранилищах и т. д.

Так, действовавшие на крупнейшем в Белоруссии Оршанском железнодорожном узле под руководством мужественного патриота Константина Заслонова боевые группы подпольщиков только за период с декабря 1941 по февраль 1942 года пустили под откос 6 вражеских эшелонов и вывели из строя 170 паровозов, взорвали несколько складов с боеприпасами и продовольствием. Одновременно патриоты вывели из строя поворотный круг на станции, дизельмоторную электростанцию, водоснабжение всего узла, уничтожили свыше 400 гитлеровских солдат и офицеров⁶⁵.

Тихая, или так называемая «тайная», «конспиративная», война, ни на минуту не замолкая, гремела мощными взрывами, автоматными очередями и pistolетными выстрелами, всполохами ночных пожаров в Минске и Орле, Киеве и Витебске, Гомеле и Одессе, Либапе и Кировограде, Могилеве и Керчи, в десятках других крупных оккупированных городов и сотнях населенных пунктов. «Здесь бухает ежедневно, иногда даже тяжелое орудие», — жаловался в своем письме из Минска чиновник немецкого тор-

гового общества «Восток», описывая дерзкие действия подпольщиков. Тысячами всяких способов и приемов бесстрашные патриоты наносили врагу ощутимый урон в снаряжении, боеприпасах, живой силе и технике. Мужество и героизм их не знали предела. Казалось, что советские патриоты превращались в бессмертных богатырей, и никакие угрозы, никакой террор и издевательства, чинимые оккупантами, не способны удержать их от выполнения своего долга перед матерью-Родиной.

Сотни и тысячи бесстрашных подпольщиков по поручению руководящих подпольных партийных органов и партизанского командования работали в оккупационном аппарате. Находясь в городских управах, на биржах труда, в комендатурах и других учреждениях врага, они, каждодневно рискуя собой и жизнью своих близких, доставали бланки паспортов, пропусков и других документов, выявляли предателей, узнавали о готовящихся против населения и партизан облавах и карательных операциях, доставляли партизанам разведданные, медикаменты и т. д.

Все это, бесспорно, делало борьбу подпольщиков составной и неотъемлемой частью единого исторического явления — партизанской войны, а ее мужественных участников объективно ставило в единый строй народных борцов. Иначе и быть не могло. Ибо и по своему содержанию, и по диалектическому единству и взаимодействию, и по конечным политическим целям борьба подпольщиков вплотную примыкала к действиям вооруженных партизанских сил, разумеется, непременно сохраняя при этом свои специфические черты и особенности, как масштабы деятельности, степень активности, структурные принципы и т. п.

Не будучи абсолютно тождественной вооруженным партизанским действиям, борьба подпольщиков в сущности была направлена на решение одной и той же задачи: уничтожение гитлеровских оккупантов, быстрейшее освобождение советской земли от фашистской нечисти. При решении этой основной задачи как партизаны, так и подпольщики в большинстве случаев пользовались одними и теми же средствами и приемами борьбы, неизменно опираясь в своей деятельности на поддержку и активное участие всего находившегося в тылу врага народа, у которого они черпали свои силы. Иначе и быть не могло, ибо каждое партизанское формирование, любая подпольная группа и организация происходили из народа, от начала и до конца

были плотью и кровью связаны с ним. В этом — существенное выражение всенародности партизанской войны в тылу гитлеровских оккупантов.

Комплекс политических и организационных мероприятий, которые в оперативном порядке проделала партия в предоккупационный период по созданию руководящих подпольных органов, вооруженных партизанских формирований и жизнедеятельных своей неистребимостью подпольных групп и организаций в городах и других населенных пунктах, во многом predetermined успешное развертывание общенародной войны в тылу вражеских войск. Многосоттысячная армия советских партизан и подпольщиков создала в вооруженном тылу гитлеровцев невидимый и неодолимый патриотический фронт, который проходил через леса, города, села, через каждую крестьянскую хату. Всюду шла упорная схватка с врагом не на жизнь, а на смерть. В этой священной народной войне против фашистских захватчиков советские люди убедительно показали свою верность идеям Ленина, преданность Советской власти, социалистическому образу жизни.

Многогранная деятельность партии по мобилизации патриотических сил на всенародную войну в тылу врага лишний раз опровергает ложную версию буржуазных реакционных историков и мемуаристов, будто Коммунистическая партия и Советское правительство в начале немецко-фашистской агрессии находились в состоянии шока и растерянности и потому не могли, мол, твердо и оперативно руководить организацией самоотверженной борьбы советского народа. Если бы в легенде о «растерянности» и «подавленном состоянии» советского государственно-политического аппарата и военного руководства был хотя бы гран правды, то закономерно было бы спросить: кто же тогда все-таки сумел решить задачи невероятной сложности и масштабности, кто осуществлял руководство в начале войны героическим отпором Красной Армии вероломному врагу, срочно создавал, выдвигал к фронту и развертывал многочисленные резервы, ставшие решающим фактором срыва пресловутого плана «Барбаросса» уже к зиме 1941 года? Кто же, как не Советское правительство, ЦК ВКП(б) и руководимые ими территориальные партийные организации осуществили беспрецедентную в истории по масштабам и срокам эвакуацию на восток производительных сил страны и параллельно с этим организовали и воз-

главили патриотическое сопротивление советского народа в тылу захватчиков?

Бесспорно, что все это могло быть и являлось следствием гигантской и целеустремленной, стратегически дальновидной деятельности партии коммунистов-ленинцев и находившихся на всех участках партийно-государственной, военной и хозяйственной работы ее кадров. Эта ее организаторская работа опиралась на патриотизм всего народа, на беспредельную преданность советских людей своей социалистической Родине, идеям партии Ленина. Без этого основного и важнейшего фактора было бы невозможно мобилизовать советских людей на поистине всенародную, Великую Отечественную войну и в конечном итоге одержать победу над сильным и коварным врагом.

Первые успехи народных бойцов

Главарь фашистской Германии, ее генералитет, положившие в основу плана «Барбаросса» доктрину «блицкрига», подавление возможных партизанских выступлений рассматривали как побочную, не заслуживающую серьезного внимания вермахта полицейскую акцию *

* «Для немецкого командования,— указывал после войны бывший гитлеровский генерал Рендулич,— партизанское движение и движение сопротивления были совершенно неожиданными. Ему пришлось уже в ходе самой борьбы изучать формы партизанской борьбы, так как найти какой-либо исторический пример подобной «войны из-за угла» оно не могло» (см.: «Итоги второй мировой войны». — Сб. статей. М., 1957, стр. 135). Другой генерал фашистского вермахта, Гудериан утверждает, что партизанская война, сильно влиявшая на моральный дух фронтовых солдат и ставшая уже в начале войны «настоящим бичом», поставила немецко-фашистские войска «перед совершенно неизвестными до сего времени проблемами» (см.: «Коммунист Белоруссии», 1974, № 8, стр. 83). Неизвестные английские военные историки Ч.-О. Диксон и О. Гейльбрунн также отмечают, что, «когда в 1941 году германские армии вторглись в СССР, они не опасались широкого партизанского движения...» (Ч.-О. Диксон и О. Гейльбрунн. Коммунистические партизанские действия. М., 1957, стр. 29).

О том, что при планировании агрессии гитлеровское командование допустило «просчет» и оказалось недостаточно подготовленным к борьбе против мощного партизанского движения на оккупированной территории СССР, «не учло» это «грозное оружие противника», говорилось также и в «Боевом наставлении по борьбе с

которую, по их мнению, могли легко выполнить служба безопасности, специальные отряды полиции и полевая жандармерия. Однако уже 1 июля 1941 года начальник генерального штаба сухопутных войск Германии генерал-полковник Ф. Гальдер вынужден был констатировать, что немецким войскам «серьезные заботы доставляет проблема умирения тылового района» и что «одних охранных дивизий совершенно недостаточно для обеспечения [порядка на] всей занятой территории. Нам придется для этого выделить несколько дивизий из состава действующей армии»⁶⁶.

Выводы Гальдера основывались на тревожных сообщениях с Восточного фронта. Так, 29 июня командование группы армий «Центр» докладывало главному командованию сухопутных войск (ОКХ), что в отличие от кампаний на Западе окруженные силы русских оказывают яростное сопротивление, повсеместно переходя к партизанским методам борьбы. В последующие дни подобные сообщения стали поступать с других участков советско-германского фронта.

5 июля 1941 года, вернувшись из краткосрочной поездки на Восточный фронт, генерал-фельдмаршал фон Браухич доложил в Берлине, что безопасность в тылу группы армий «Центр» не обеспечена должным образом. 15 июля 1941 года иностранный отдел «Ост» верховного командо-

партизанским движением на Востоке», разработанном главным командованием сухопутных войск Германии в конце 1942 года уже на основе имевшегося опыта такой борьбы (см.: «Критика буржуазных концепций истории и политики КПСС». Л., 1974, стр. 335).

Важно отметить, что эти мнения базировались на ошибочных предположениях, бытовавших в правящих кругах фашистской Германии, относительно характера и размаха предполагаемого народного сопротивления гитлеровскому оккупационному режиму. Разрабатывая план «Барбаросса», фашистские стратеги явно недооценивали морального и идейно-политического единства советского народа, его любви к социалистической Родине, преданности партии Ленина, идеалам коммунизма. Незадолго до начала агрессии против СССР Гитлер, выступая 17 марта 1941 г. перед генералами вермахта, суммарно эту мысль выразил буквально в следующих словах: «Мировоззренческие узы еще недостаточно прочно сплавивают русский народ. После устранения функционеров (партийно-советских работников.— *Ред.*) он будет расколот» (см.: Норберт Мюллер. Вермахт и оккупация. М., 1974, стр. 111). Иллюзорность этого мнения со всей очевидностью проявилась уже в самом начале «восточного похода».

вания сухопутных войск (ОКХ) предоставил верховному командованию вермахта (ОКВ) первый обобщенный доклад о действиях советских партизан. На основании этого доклада в войска была послана срочная директива, предписывавшая вести активную борьбу против партизан. В ней подчеркивалось требование «фюрера» считать эту борьбу обязанностью не только охранных соединений и полиции, но и регулярных полевых войск, содержались указания создавать базы и опорные пункты для борьбы с партизанами и т. д. Три дня спустя фон Браухич через генерала для особых поручений Мюллера издал специальное указание о действиях против лиц, принадлежащих к партизанским отрядам, а также против всех тех, кто оказывает содействие и помощь партизанам⁶⁷. 23 июля 1941 года генеральный штаб сухопутных войск Германии, подготавливая доклад Гитлеру, вновь вынужден был признать, что немецкие войска столкнулись с непредусмотренным планом войны фактором — повсеместными партизанскими выступлениями⁶⁸.

В последующие недели участились сообщения с Восточного фронта об активных действиях советских партизан. Так, 4-я танковая группа с северного участка фронта докладывала в конце июля о планомерных действиях партизанских групп, дезорганизующих движение на ее коммуникациях. 31 июля командование группы армий «Север» сообщало о нападении на немецкие войска за линией фронта. При этом речь шла не о единичных выступлениях партизанского типа, так как уже 6 августа командование этой группы армий вынуждено было издать специальную инструкцию об организации и тактике боевых действий против советских партизан и о необходимости их быстрой ликвидации⁶⁹.

В середине сентября 1941 года, на третий месяц войны, верховное главнокомандование вооруженных сил Германии с тревогой констатировало нарастание мощного партизанского движения на захваченной немецкими войсками советской территории. Оно вынуждено было указать на массовость партизанской борьбы в оккупированных районах, разнообразие ее форм и приемов, четкость руководства. Все эти моменты были новыми в партизанском движении. «С началом войны против Советской России на оккупированных Германией территориях, — говорилось в приказе Кейтеля от 16 сентября 1941 года, — повсеместно

вспыхнуло коммунистическое повстанческое движение. Формы действий варьируются от пропагандистских мероприятий и нападений на отдельных военнослужащих вермахта до открытых восстаний и широкой войны силами банд» (так фашистские оккупанты называли партизанские отряды.— *Ред.*). Огромную опасность развернувшейся партизанской войны гитлеровское командование видело в массовом саботаже, срыве экономических и политических мероприятий оккупантов. В приказе особо подчеркивалось, что «речь идет о массовом движении, централизованно руководимом из Москвы». Отсюда делался весьма знаменательный вывод, что во все возрастающей степени возникает серьезная «угроза для немецкого руководства войной».

Эта угроза «проявляется во всеобщей неуверенности оккупационных войск и уже привела к отвлечению сил на главные очаги восстания»⁷⁰. Иными словами, речь шла о факторе, содействовавшем срыву намеченных сроков военного и политического разгрома Советского Союза. Кейтель категорически требовал пустить в ход самые крутые меры для подавления партизанского движения в кратчайшие сроки, наивно полагая, что «только таким способом... может быть восстановлено спокойствие».

Бить серьезную тревогу у противника, несомненно, были все основания. Огромная организационно-политическая работа партии, проделанная ею в необычайно сжатые сроки и умноженная на пламенный патриотизм советских людей, позволила народным мстителям уже в начальный период фашистской агрессии развернуть активную политическую и боевую деятельность в оккупированных врагом районах. Ощущая острый недостаток в вооружении, медикаментах, продовольствии, одежде, обуви и в средствах ведения массово-политической работы среди местного населения, партизаны ни на один день не прекращали удары по врагу. Численному превосходству и лучшей вооруженности фашистов советские патриоты противопоставили свою организованность, целеустремленность и традиционную партизанскую тактику — смелость и инициативу, маневренность, умение застать противника врасплох, лучшее знание и использование местности, заблаговременное изучение путей отхода и т. п. Уже летом 1941 года народные борцы, совершая дерзкие диверсии и внезапные налеты, уничтожали вражеские штабы и комендатуры, склады с

оружием и военным снаряжением, выводили из строя мосты, линии связи, дезорганизовывали движение на коммуникациях. Из засад патриоты наносили смелые удары по маршевым колоннам, воинским обозам, авто- и бронемашинам, уничтожали фашистских солдат и офицеров, служащих оккупационной администрации.

В числе первых советских патриотов, развернувших в начале войны успешные партизанские действия, были бойцы отряда «Красный Октябрь», возглавляемого секретарем Октябрьского райкома партии Т. П. Бумажковым и председателем райисполкома Ф. И. Павловским. На рассвете 18 июля партизаны совместно с воинским подразделением подполковника Л. В. Курмышева нанесли внезапный удар по штабу вражеской части, расположенному в деревне Оземля. В результате решительных действий патриотов противник потерял до 80 своих солдат и офицеров, свыше 50 броне- и автомашин, 2 радиостанции, 12 мотоциклов, 45 обозных лошадей с повозками и грузом. В качестве важнейших партизанских трофеев была оперативная штабная карта с планом вражеского наступления на гомельско-черниговском направлении. Захваченные пленные и штабные документы были незамедлительно переправлены командованию советских войск⁷¹.

В последующий период партизаны отряда «Красный Октябрь» провели серию диверсионных актов и успешных операций: взорвали несколько мостов и эвакуированный спиртзавод, в Старых Дорогах разгромили штаб немецкого полка, в деревне Глуша Бобруйского района — штаб батальона, вывели из строя большое количество транспортных средств, убили и ранили много солдат и офицеров противника.

Всего в течение лета сорок первого года партизаны отряда совместно с действующими в тылу гитлеровцев красноармейцами истребили свыше 300 фашистов, взорвали 20 мостов и переправ, уничтожили более 20 вражеских танков, несколько десятков автомашин и броневиков, большое количество мотоциклов. Наряду с этим партизаны выводили советских воинов из вражеского тыла, неоднократно осуществляли успешную разведку в интересах Красной Армии⁷².

За умелое руководство действиями патриотов, личное мужество и отвагу Т. П. Бумажков и Ф. И. Павловский 6 августа 1941 года были первыми из советских партизан

периода Великой Отечественной войны удостоены звания Героя Советского Союза.

Прославились в начале гитлеровского нашествия своими исключительно смелыми действиями партизанские отряды, возглавляемые старейшими коммунистами, участниками партизанского движения периода гражданской войны В. З. Коржем (Пинская обл.) и легендарным М. Ф. Шмыревым (Витебская обл.). Базируясь в районах значительного скопления вражеских войск и интенсивного их передвижения, партизаны совершали систематические диверсии, внезапные огневые налеты, организовывали засады на дорогах, уничтожали живую силу и технику противника. Периодичность и ощутимость партизанских ударов вынудили оккупантов в конце лета 1941 года дороги Сураж — Усвяты, Сураж — Велиж и Усвяты — Велиж объявить запретной зоной, вывесив везде огромные предостерегающие объявления: «Зона партизан». Предостережения противника были не напрасны. Один только отряд «бабки Миная» за август — сентябрь путем засад и диверсий уничтожил в Суражском районе до 70 вражеских солдат и офицеров, около 10 автомашин, 4 моста, телефонную станцию, разогнал три сельских управы ⁷³.

Решительные боевые действия против гитлеровских захватчиков развернул летом — осенью этого же года партизанский отряд «Большевик» (командир И. С. Федосеев, комиссар С. Ф. Антонов), состоявший из рабочих и служащих Гомеля. В отряде «Большевик» находились гомельские подпольные обком и горком партии, областной и городской комитеты комсомола, которые каждодневно направляли боевую и политическую деятельность патриотов.

Набирало силу партизанское движение и в других оккупированных районах республики. Это наглядно прослеживается даже по сухим, сугубо официальным документам противника. 28 августа командующий охранными немецкими войсками в Белоруссии в своем донесении вышестоящей инстанции указывал, что приходится вести очень частые бои с сильными «бандами партизан» в районе Руденска, Узды, Смолевич, Логойска, Зембина. «Отряды партизан чаще всего встречаются в районе Слуцка, Старобина, ...в лесах западнее и северо-западнее Минска. Партизаны при приближении наших патрулей и сторожевых команд бесследно исчезают в непроходимых лесах» ⁷⁴, — горько сетовал Бехтельсхейм.

Своими смелыми действиями белорусские партизаны в начальный период фашистской агрессии не только держали в напряжении охранные, жандармско-полицейские и специальные части, но и уничтожали продвигавшуюся к фронту живую силу и технику, деморализовывали войска вермахта. Этим самым оказывалась существенная помощь героически сражавшейся Красной Армии. Коммунистическая партия и Советское правительство высоко оценили эту помощь, наградив в августе 1941 года большую группу белорусских партизан орденами и медалями. В ответ на высокие награды Родины партизаны Белоруссии еще более активизировали удары по оккупантам.

Героическое сопротивление народа в форме вооруженных партизанских действий, подпольной борьбы и саботажа невооруженного населения разворачивалось с первых дней оккупации и в других захваченных врагом советских республиках и областях. Оно становилось новым стратегическим фактором, с которым гитлеровскому командованию не приходилось встречаться в таких масштабах во всех предыдущих захватнических кампаниях. Самоотверженная борьба народа в тылу вражеских войск потребовала от военно-политического руководства фашистского рейха привлечения значительных сил, что, естественно, не предусматривалось ранее.

С конца лета 1941 года в борьбу против советского партизанского движения наряду с охранными войсками и чисто карательными органами и их вооруженными подразделениями активно включается вермахт. О нескрываемых тревогах высокопоставленных чинов фашистской Германии по поводу развития партизанского движения в оккупированных советских районах достаточно красноречиво свидетельствуют записи в дневнике начальника генерального штаба сухопутных сил Германии Гальдера. 1 августа 1941 года Гальдер, аккуратный как всегда, записал: «В тылу между озером Ильмень и Нарвой действуют партизаны. Они совершают неприятные для нас налеты на железные дороги...» В графе за 28 сентября опять указывается, что «...партизаны снова и снова нарушают движение по железным дорогам» в тыловых районах группы армий «Центр»⁷⁵. 3 октября Гальдер записывает: «Переброска испанской дивизии и 277-й пехотной дивизии несколько затягивается вследствие разрушений на железной дороге (действия партизан)». 14 декабря он с горечью констатирует, что в

Великих Луках партизаны сожгли паровозное депо и вагоноремонтные мастерские ⁷⁶.

Большую роль в срыве вражеских планов захвата Ленинграда летом 1941 года сыграли партизанские формирования. План их действий был разработан и координировался военными советами и штабами Северо-Западного направления, Северного и Северо-Западного фронтов, К. Е. Ворошиловым, А. А. Ждановым, М. М. Поповым, А. А. Кузнецовым, Т. Ф. Штыковым, Н. Ф. Ватутиным и другими военными и партийными руководителями. В конце июля в соответствии с общими задачами Красной Армии, героически сражавшейся на Северо-Западном направлении, первый массированный удар по тылам группы армий «Север» нанесли шесть партизанских полков, сформированных для этой цели из числа ленинградских рабочих, общей численностью до 6 тысяч человек. В последующий период в соответствии с планом, разработанным штабом Северного фронта и Ленинградским горкомом партии, удар по тылам 4-й танковой группы — основной ударный кулак гитлеровских войск на ленинградском направлении — нанесли 27 ленинградских городских партизанских отрядов — более 1500 человек ⁷⁷. Эти удары слились с борьбой местных партизанских формирований.

Об успехах боевой деятельности ленинградских партизан красноречиво свидетельствуют документы противника. Так, в военном дневнике ОКВ 29 июля констатировалось: «В тылу 4-й танковой группы наблюдается планомерная деятельность партизанских сил, прерывающая движение по дорогам» ⁷⁸. Вражеское командование признавало, что с первых дней августа советские партизаны контролировали почти весь район в тылу 4-й танковой группы.

В оккупированных районах Ленинградской области уже в первый период войны сложилось централизованное партийное руководство партизанским движением, позволившее соподчинить действия партизан тем задачам, которые решала Красная Армия. В конце сентября 1941 года Ленинградский обком ВКП(б) создал военно-боевой орган — областной партизанский штаб с соответствующими представительствами при военных советах фронтов и армий, войска которых сражались на территории области. Руководителем штаба партизанского движения был утвержден секретарь Ленинградского обкома партии М. Н. Никитин, а членами штаба — заведующий военным отделом обкома

М. Ф. Алексеев, начальник разведывательного отдела Ленинградского фронта П. П. Евстигнеев и начальник областного управления Наркомата внутренних дел П. Н. Кубаткин⁷⁹. Подчиняясь непосредственно Ленинградскому обкому ВКП(б), штаб партизанского движения в то же время согласовывал свою деятельность с военными советами Ленинградского и других фронтов, находившихся на территории области.

С организацией Ленинградского штаба партизанского движения был упразднен существовавший (с конца августа 1941 года) при Военном совете фронта отдел по организации и руководству партизанским движением. Окончательно сложился единый партийный орган*, руководивший партизанской войной в тылу вражеских войск на территории области.

Республиканский штаб партизанского движения был создан в начале вражеской агрессии также в Карело-Финской АССР, утвержденный Ставкой ВГК в мае 1942 г.⁸⁰

Этим самым были сделаны первые шаги по пути централизации руководства партизанской борьбой, согласованию действий патриотов с операциями регулярных войск. Подобная система руководства партизанским движением в последующем получила распространение и в других оккупированных республиках и областях, где по решению ГКО в течение второй половины 1942 года были созданы соответствующие штабы партизанского движения.

Патриотам Ленинградской области принадлежит и другое важное в истории советского партизанского движения начинание: уже летом — осенью 1941 года отдельные отряды были объединены в партизанские бригады. Всего было создано 12 партизанских бригад, из которых 6 действовали непосредственно в тылу противника, а остальные являлись своего рода резервными⁸¹. Укрепление партизанских сил позволило повысить уровень партийного руководства ими и в то же время сохранить за партизанскими формированиями инициативу боевой деятельности в трудной и напряженной войне с гитлеровскими захватчиками,

* В конце июля 1941 г. при Ленинградском обкоме партии была создана тройка по руководству партизанским движением в области (руководитель — секретарь обкома Г. Х. Бумагин, члены — М. Ф. Алексеев и Л. И. Кожевников), которая до создания штаба проделала значительную работу по организации народной борьбы в тылу противника.

улучшить взаимодействие с подразделениями и частями советских войск. Умело применяя разнообразные формы и приемы партизанской войны, народные мстители Ленинградской области за первые четыре месяца войны, по далеко не полным данным, уничтожили свыше 4300 гитлеровских солдат и офицеров, 50 самолетов, столько же танков и бронемашин, около 700 автомашин с горючим и боеприпасами, 7 штабов вражеских частей и соединений, подорвали и сожгли до 120 мостов. Значительные потери противнику были нанесены и во время совершения диверсий на коммуникациях⁸².

Но партизаны не только уничтожали живую силу, вооружение и технику противника. Действия патриотов затрудняли и руководство фашистскими войсками. Командующий группой армий «Север» фон Лееб, который в начале вторжения довольно часто совершал поездки в штабы армий, корпусов и даже дивизий, для того чтобы на месте решать неотложные оперативные вопросы, в конце лета 1941 года счел за благо, опасаясь партизан, прекратить эти поездки, несмотря на то что обычно его сопровождал большой вооруженный эскорт. Западногерманский историк Герлиц, характеризуя положение в тылу немецких войск в начальный период войны, пишет: «В Ленинградской области партизанская деятельность была временами столь активной, что командующий группой армий «Север» фельдмаршал фон Лееб вынужден был прекратить свои поездки на фронт»⁸³.

Прекратили или резко ограничили поездки в подчиненные им войска командующие армиями, командиры корпусов и даже дивизий. Гитлеровским генералам пришлось почти полностью отказаться от рассылки приказов и распоряжений с помощью мотоциклистов, которые становились довольно легкой добычей партизан.

Самоотверженную борьбу с гитлеровскими оккупантами вели народные мстители Украины. Особенно активизировалась их деятельность в период битвы за Москву. В октябре 1941 года усилились партизанские действия в Кировоградской, Днепропетровской, Полтавской и Харьковской областях.

Так, 20 октября партизаны отряда Д. А. Кривули, оперировавшего в Петропавловском районе Днепропетровской области, совместно с подразделением инженерных частей Южного фронта взорвали мост через реку Бык. Осенью

1941 года отряд под командованием С. А. Ковпака подорвал ряд мостов через реки Сейм и Клевень на тракте Путивль — Рыльск, что внесло дезорганизацию в перевозки врага. В ноябре этого же года патриоты Харьковской области на длительное время вывели из строя вражеские аэродромы в Харькове, Чугуеве, Рогане, уничтожили железнодорожный мост через Северный Донец у Чугуева. В это же время одесские партизаны пустили под откос вражеский спецэшелон. В начале декабря народные мстители Алексеевского района Харьковской области на участке Беспаловка — 113-й километр взорвали железнодорожное полотно и уничтожили воинский эшелон противника.

В форме внезапных налетов, засад и диверсионно-подрывных актов наращивали удары по врагу и патриоты других оккупированных районов Украины. «Черниговский обком действует на своей территории. При обкоме отряд в четыреста человек. О результатах борьбы сообщим дополнительно»⁸⁴, — радировал в штаб Юго-Западного фронта в ноябре 1941 года секретарь подпольного обкома партии А. Ф. Федоров. Партизаны, базировавшиеся в лесах Черниговской области, в октябре — ноябре пустили под откос вражеский эшелон, сожгли лесопильный завод и водокачку, взорвали два склада с боеприпасами, в начале декабря разгромили гарнизон противника в райцентре Погорельцы.

Успешные действия черниговских партизан в значительной мере были обусловлены объединением местных отрядов. По инициативе секретаря обкома А. Ф. Федорова подпольный обком принял решение о слиянии корюковского, перелюбского, холминского, рейментаровского и областного отрядов в один отряд. Впоследствии на его базе возникло одно из крупнейших соединений Украины⁸⁵.

Ширилась и день ото дня крепла партизанская война во фронтовом тылу сильнейшей группировки вражеских армий «Центр» — в оккупированных районах Смоленской, Калининской, Орловской, Тульской, Курской и Московской областей. Командующий тылом группы армий «Центр» генерал Шенкендорф в начале октября 1941 года с тревогой сообщал в вышестоящие инстанции, что все подчиненные ему дивизии втянуты в затяжные бои с партизанами, и чтобы покончить с партизанскими «бесчинствами» в этом районе, охранных войск явно недостаточно. Высказывать опасения подобного рода Шенкендорф имел все основания.

В ходе битвы под Москвой народные мстители нанесли этой группе гитлеровских армий огромный урон в живой силе и боевой технике, не говоря уже о моральном ущербе. Только партизаны Подмосковья, действовавшие в непосредственной близости от фронта, истребили свыше 17 тысяч вражеских солдат и офицеров, уничтожили 6 самолетов, 22 танка и бронемашин, более 100 орудий, около 300 минометов, пулеметов, пустили под откос 5 поездов противника, взорвали 34 склада и базы с горючим и боеприпасами⁸⁶. Общие же потери, нанесенные гитлеровцам народными мстителями центральных областей Российской Федерации за время Московского сражения, составили свыше 40 тысяч вражеских войск, более 2 тысяч автомашин, около 150 танков и бронемашин, 52 самолета, 122 воинских склада, свыше 1000 мостов, в том числе 29 железнодорожных. Партизаны пустили под откос большое количество эшелонов противника⁸⁷. Если еще к этим данным прибавить потери группы армий «Центр», понесенные ею от ударов партизан Белоруссии и северных районов Украины, то, несомненно, общие итоги значительно увеличатся.

Активные действия советских партизан уже в начальный период Великой Отечественной войны вынудили вражеское командование предпринять ряд изменений в запланированном соотношении сил между фронтом и тылом. Число собственно охранных дивизий в течение зимы 1941/42 г. увеличилось с девяти до двенадцати (позже — до пятнадцати). С целью более интенсивного использования охранных войск им было придано значительное число подразделений и частей стран-сателлитов фашистской Германии, а также резервные войска и отдельные фронтовые части (всего шесть дивизий). Какие размеры приняло применение фронтовых частей для подавления народного сопротивления в оккупированных районах, видно даже на одном примере 11-й армии, которая в ноябре 1941 года выделила до корпуса немецких и румынских войск для борьбы с партизанами, действовавшими на Крымском полуострове⁸⁸.

Таким образом, активные партизанские действия, развернувшиеся в начальный период Великой Отечественной войны на оккупированной советской территории, оказывали реальную помощь Красной Армии в срыве расчетных сроков бредового плана «молниеносной» войны. Повсеместная героическая борьба советского народа в тыловых рай-

онах вражеских войск побудила главнокомандующего сухопутной армией фашистской Германии генерал-фельдмаршала фон Браухича утвердить 25 октября 1941 года специальные «Руководящие указания по борьбе с партизанским движением» *. Они без промедления были разосланы в действующие войска до батальона включительно.

Перед полевыми войсками была поставлена задача: «...Иметь в виду всем учреждениям и командным пунктам сухопутных войск на Востоке, что они должны *быть готовы в любую минуту драться с партизанами*». «*Борьба против партизан не должна ограничиваться лишь собственной защитой*,— без обиняков требовал Браухич.— *Необходимо навязывать им свою инициативу...*» ⁸⁹.

С этого времени вражеское командование при планировании наступательных операций против советских войск стало предусматривать «умиротворительные» акции, выделяя дополнительно контингенты войск для подавления партизанского движения. Например, при планировании Московской операции (кодовое название «Тайфун») немецко-фашистское командование наметило ряд специальных мер, направленных на уничтожение партизан в тылу группы армий «Центр» ⁹⁰.

Однако никакие меры, направленные на ликвидацию героического сопротивления советских людей, не приносили противнику сколько-нибудь заметных результатов. Об этом свидетельствует множество документов самого противника. Например, в сообщении службы безопасности и СД командованию группы армий «Центр» за декабрь 1941 года констатировалось, что «вопреки ранее высказанным предположениям об ослаблении партизанской деятельности с наступлением зимних холодов, следует отметить, что активность партизан во многих районах осталась на прежнем уровне». Этот же карательный орган в своем донесении за январь 1942 года в вышестоящие инстанции делал еще более откровенное признание: «Вывод о том, что с наступлением холодов деятельность партизан ослабнет, не только не подтвердился, а более того, следует указать, что положение в этом отношении значительно обострилось. И это происходит несмотря на то, что глав-

* В отдельных источниках этот документ именуется по-разному: «Основные положения по борьбе с партизанами», «Наставления по борьбе с партизанами», «Директивы по борьбе с партизанами» и т. п.— *Ред.*

ные усилия партизан все еще направлены на создание устойчивых запасов продовольствия и зимней одежды».

Подобные признания звучали и из уст многих высокопоставленных чинов. Так, бывший начальник транспортных перевозок в тылу группы армий «Центр» Герман Теске, на собственном опыте испытавший результаты советского партизанского движения, в своих размышлениях об опыте минувшей войны пишет: «Первое сражение, которое проиграл немецкий вермахт во второй мировой войне, было сражение против русских советских партизан зимой 1941/42 г. Последовали и дальнейшие поражения в этом виде борьбы. ...В основном они состояли в том, что с самого начала инициатива находилась у партизан и осталась у них до конца войны»⁹¹. Признание более чем откровенное!

Огромное значение для расширения и углубления патриотического движения в тылу оккупантов зимой 1941/42 года оказал победоносный исход Московской битвы. Весть о разгроме гитлеровских полчищ на полях Подмосковья быстро разнеслась по всем захваченным врагом районам. Героическая победа Красной Армии окончательно развеяла миф о несокрушимости германских войск, вдохнула бодрость, уверенность у советского народа в неизбежность нашей победы, в прочность социалистического строя. После Московского сражения фронт партизанской войны стал быстро расширяться и крепнуть. Набирая с каждым днем силу, он превращался в важный стратегический фактор Великой Отечественной войны.

Несгибаемые носители идей партии

Большое внимание партия уделяла четкости и слаженности организационно-боевого построения вооруженных партизанских сил, укреплению их командными кадрами. Во главе партизанского формирования (отряда, полка, бригады) с самого начала их возникновения стояли командир и комиссар, подбираемые и утверждаемые партийными органами из числа опытных коммунистов-организаторов. Командир, как правило, сосредоточивал в своих руках общие военно-командные и административные функции. Всю партийно-политическую и идейно-воспитательную работу среди личного состава партизанских под-

разделений осуществляли комиссары — полномочные и деятельные полпреды партии в тылу захватчиков. Их обязанности выполняли главным образом секретари довоенных райкомов и горкомов партии и другие партийные работники. В ряде подразделений комиссарами были военные политработники.

После подпольных партийных органов институт комиссаров являлся важнейшим звеном партийного руководства партизанским движением. Большевицкая принципиальность и организованность, беспредельная преданность Родине, партии и народу, бесстрашие в бою и готовность к самопожертвованию во имя победы — вот те благородные черты, которые были присущи партизанским комиссарам периода Великой Отечественной войны. Людьми с «чистой совестью», людьми «особого закала» называли бойцы отрядов и соединений партизанских комиссаров.

Вводя это звено политических бойцов в партизанские ряды, партия наделила их высокими и ответственными полномочиями. Наряду с командиром комиссар не только непосредственно участвовал и показывал личный пример в бою, но и наравне с ним нес полную ответственность за выполнение подразделением любого задания, за непоколебимость и стойкость партизан в схватке с противником, за их готовность выполнить самые сложные задачи по борьбе с оккупантами. Комиссар всемерно помогал командиру точно выполнить приказ, укреплял авторитет партизанского командования, воспитывал и обучал личный состав, выдвигал на командные должности лучших партизан, проявивших себя дисциплинированными и способными в военном деле, содействовал их боевому мастерству. Партизанский комиссар закалял дух патриотов, повседневно нес в партизанские массы великие идеи ленинской партии, воспитывал у них жгучую ненависть к врагу, несокрушимую уверенность в неизбежность победы над вероломным агрессором.

Центральной задачей идеологической деятельности комиссаров являлось последовательное укрепление первичных партийных организаций, которые составляли основу партии и были, как указывал В. И. Ленин, «опорным пунктом для агитационной, пропагандистской и практически-организационной работы среди масс»⁹².

Комиссары осуществляли практическое проведение линии партии, претворение в жизнь директив вышестоящих

партийно-политических органов. Организуя и возглавляя партийно-политическую работу внутри партизанских формирований, комиссары совместно с подпольными партийными органами и бюро первичных партийных организаций несли ответственность за политико-моральное состояние партизан, обеспечивали активное идейное воздействие на все слои населения, оказавшегося на временно оккупированной противником территории. Умело применяя коллективные и индивидуальные методы идейного влияния, они координировали усилия агитаторов и политинформаторов, органически сочетали их массово-политическую работу среди бойцов-партизан и среди местного населения. В своей повседневной работе комиссары использовали все формы и средства идеологического влияния партии на массы, поддерживали у советских людей высокий патриотический дух, воспитывали у них чувство классовой неприязни к немецко-фашистским поработителям, вовлекали в ряды партизан и подпольщиков новые контингенты патриотов, мобилизовывали население на срыв военных, политических, экономических и других мероприятий оккупантов.

Возложив на партизанских комиссаров большие и ответственные задачи, партия наделила их одновременно и рядом широких и чрезвычайных полномочий. Комиссары пользовались всеми правами наравне с соответствующими командирами. Нередко при выполнении боевого задания комиссар брал на себя функции вышедшего из строя командира. Все приказы по партизанскому формированию подписывались командиром и комиссаром. Последний принимал активное участие во внутрипартийной жизни партизанского подразделения: подписывал решения бюро первичной организации о приеме в партию и об исключении из нее, подбирал парторгов, контролировал и направлял работу партизанских газет, устную и печатную пропаганду, инструктировал докладчиков, агитаторов и пропагандистов, сам выступал с докладами и беседами перед разными аудиториями и т. д. Комиссар, опираясь на партийный актив, стоял на страже социалистической законности и правопорядка в партизанских формированиях. Сила влияния комиссаров на партизан заключалась прежде всего в том, что они выступали непосредственными представителями партии, носителями ее героических традиций, негибаемой твердости и мужества в борьбе с врагами социалистической Родины.

Принимая во внимание то обстоятельство, что большой процент партизан составляли комсомольцы и несоюзная молодежь *, Центральный Комитет ВЛКСМ специальным постановлением от 12 июля 1942 года ввел институт помощников комиссаров по комсомолу. «Ввести в партизанских отрядах и бригадах, — указывалось в постановлении ЦК ВЛКСМ, — помощников комиссаров отрядов, бригад по комсомолу. Помощников комиссаров по комсомолу выдвигать из числа комсомольцев, отличившихся в боях против немецко-фашистских захватчиков»⁹³. Звено помощников комиссаров по комсомолу существовало до полного освобождения советской земли от гитлеровских оккупантов. Оно являлось важным фактором для ведения эффективной партийно-политической работы среди молодежи. Как и комиссары, их помощники по комсомолу полностью себя оправдали в борьбе в тылу немецко-фашистских захватчиков.

Работа комиссара планировалась подпольным райкомом партии и проводилась по соответствующей программе. Иногда для этого составлялись «Памятки» и «Наставления». Интересной в этом плане является «Памятка политрука», которая была составлена и распространена среди политработников, агитаторов и пропагандистов 100-й партизанской бригады имени С. М. Кирова Минской области, где комиссаром был Г. Н. Машков. В ней, в частности, говорилось: «Когда вы что-либо не знаете по своей теме, намеченной к занятиям, обязательно обратитесь за помощью к старшему товарищу. Мы уверены в том, что при вашей любви к своей почетной работе на основе данных вам указаний в «Памятке» вы с честью оправдаете доверие»⁹⁴. «Памятка» рекомендовала политруку совместно с командиром своего подразделения уделять как можно больше внимания партизанам. Мужественных и инициа-

* Например, в партизанских формированиях оккупированных краев и областей РСФСР молодежь составляла до половины всех партизан. Такое же процентное соотношение молодежи было среди личного состава белорусских партизан. Комсомольская прослойка в партизанских формированиях составляла примерно 25—30 процентов от общего числа партизан (см.: «Очерки истории Коммунистической партии Белоруссии», ч. II. Минск, 1967, стр. 384, 395; Н. И. Макаров. Коммунистическая партия — организатор и руководитель всенародной борьбы на оккупированной врагом территории РСФСР в годы Великой Отечественной войны. Автореферат докторской диссертации. М., 1973, стр. 34).

тивных, проявивших себя в борьбе с врагом, выделять среди других, выдвигать на командные должности и представлять к правительственным наградам.

Комиссары партизанских бригад представляли в подпольные партийные органы ежемесячные отчеты, в которых указывалось, какие мероприятия проведены в партизанских подразделениях, сколько прошло партийных собраний, какое количество стойких и преданных борцов принято в партию и т. д. В свою очередь комиссары бригад получали информационные записки от комиссаров отрядов о проделанной ими работе в своих подразделениях.

Насколько высоко Коммунистическая партия ценила роль комиссаров в партизанском движении, говорит тот факт, что даже после восстановления в Вооруженных Силах принципов единоначалия (октябрь 1942 г.) комиссары в партизанских формированиях были сохранены. Это вытекало из своеобразия обстановки и особенностей деятельности партии по руководству всенародной борьбой в тылу вражеских войск. Обосновывая необходимость сохранения института комиссаров в партизанских отрядах и бригадах, начальник ЦШПД П. К. Пономаренко в докладной записке на имя И. В. Сталина от 5 января 1943 года указывал: «Партизанское движение есть народное движение; строится оно на других основах, чем Красная Армия... Здесь главную роль играет, безусловно, политическая работа. Она решает успех дела... Руководящая роль в организации движения в тылу врага принадлежит партии в лице подпольных партийных центров, партийных уполномоченных, партийных комитетов и подпольных партийных организаций. Их руководящая роль и влияние в партизанском движении наиболее полнокровно может осуществляться через комиссаров отрядов, облеченных наряду с командирами всей полнотой власти»⁹⁵.

Получив соответствующие указания Верховного Главнокомандующего, руководство ЦШПД 6 января 1943 года издало приказ о сохранении института политических комиссаров в партизанских формированиях как проводников линии Коммунистической партии в рядах народных мстителей. И, как показали опыт и итоги борьбы в тылу противника, партизанские комиссары полностью справились с возложенными на них задачами. Сосредоточив в своих руках командно-административные и партийно-политические функции, комиссары охватили своим влиянием ши-

рокий и многогранный круг вопросов сложной и многообразной боевой и политической деятельности партизан, вели большую работу среди местного населения.

Рабочий класс, крестьянство и трудовая интеллигенция выдвинули из своей среды целую плеяду блестящих политических руководителей масс в условиях вражеской оккупации — партизанских комиссаров. Партия и Советское правительство по достоинству оценили их заслуги в организации и руководстве народной борьбой на временно оккупированной гитлеровцами советской территории. Подавляющее большинство партизанских комиссаров награждено орденами и медалями, многие удостоены высокого звания Героя Советского Союза. Только среди отважных партизан Белоруссии Звездой Героя награждено шесть партизанских комиссаров. Мужественными патриотами и умелыми политическими вожаками масс показали себя комиссар отряда «Красный Октябрь», секретарь Октябрьского райкома партии Т. П. Бумажков, комиссар партизанской бригады имени К. К. Рокоссовского, впоследствии секретарь Вилейского подпольного обкома комсомола П. М. Машеров (ныне кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК Компартии Белоруссии), комиссар партизанской бригады «Железняк», секретарь Бегомльского подпольного райкома партии С. С. Манкович, комиссар 1-й Антифашистской бригады И. М. Тимчук, комиссары спецотрядов «Боевой» и «Третий» В. Л. Неклюдов и О. С. Бычок.

Легендарной славой овеяны имена Героев Советского Союза комиссара 3-й Латвийской партизанской бригады Отомара Опкална, комиссаров 3-й, 5-й Ленинградских партизанских бригад А. Г. Григорьева и И. И. Сергунина, комиссара объединенных партизанских отрядов Орловской области А. Д. Бондаренко.

В первом ряду отважных и непоколебимых борцов с немецко-фашистскими захватчиками в оккупированных районах Украины стоят имена партизанских комиссаров В. Н. Дружинина, С. В. Руднева, Е. И. Анисименко, З. А. Богатыря, Л. Е. Кизя, Я. И. Мельника и других.

Строгим и умелым воспитателем масс был мужественный сподвижник прославленного Ковпака, один из выдающихся партизанских комиссаров Семен Васильевич Руднев — человек большой души и твердой воли. Интересна биография этого безупречного бойца ленинской партии,

вобравшая в себя черты десятков сотен славных героев. Родился Семен Руднев в большой трудовой семье, жившей в Путивльском районе. В юности, в самом начале первой мировой войны, он уехал к старшему брату в Петроград. Работал на заводе учеником, а к концу войны был уже красногвардейцем, вместе со своим братом участвовал в штурме Зимнего дворца, в подавлении корниловского мятежа, в боях с белогвардейцами. Тогда же вступил в Коммунистическую партию, гражданскую войну провел на фронтах — воевал против Колчака, Деникина, Юденича. Позже Семен Руднев окончил Военно-политическую академию, служил в пограничных войсках в Крыму и на Дальнем Востоке, участвовал в боях у озера Хасан. Только перед Великой Отечественной войной вернулся он в родной Путивль, и отсюда начался его славный партизанский путь.

Однажды во время боя у села Веселое Семен Васильевич Руднев был тяжело ранен. Вспоминая об этом факте, С. А. Ковпак писал: «Он терпел, должно быть, адскую боль, но видно было, что его больше мучило то, что в решающий момент боя ему приходится лежать в хате. Для такого человека, как он, это было невыносимо. Партизаны понимали состояние комиссара, всем хотелось сделать что-нибудь такое, чтобы он меньше волновался. При малейшей возможности люди прибегали к нему, сообщали, что все в порядке, оборона держится крепко, а он махал рукой, отсылая на линию огня.

До конца боя не оставляло наших людей это беспокойство за комиссара, и люди дрались, не щадя себя»⁹⁶.

Характеризуя С. В. Руднева как воспитателя масс, П. Вершигора вспоминал образ Макаренко. А чтобы сильнее подчеркнуть душевное обаяние, умение увлечь за собой партизан, он прибегал к сравнению комиссара с горьковским романтическим героем Данко: «А впереди них (партизан. — Я. П.) шел красивый сорокалетний мужчина, с черными жгучими волосами, с черными усами, энергичный и простой, непримиримый и страстный, шел, высоко неся свое мужественное, горящее ненавистью к врагу и любовью к родине сердце, освещая путь своим бойцам, не давая им стать обывателями партизанского дела»⁹⁷. Таких бойцов ленинской партии насчитывалось в партизанской армии сотни и тысячи. Многие комиссары партизанских формирований и их помощники по комсомолу, политруки

рот, взводов пали смертью храбрых, защищая честь и свободу социалистической Родины.

Большую роль в становлении и углублении партизанского движения, в придании ему идейной направленности играли первичные партийные и комсомольские организации — душа и цементирующая сила партизанских формирований. Наличие значительной партийно-комсомольской прослойки в рядах народных мстителей позволило подпольным райкомам и обкомам партии создать партийные и комсомольские организации (на первых порах группы и ячейки) во всех партизанских формированиях. Действовали они инициативно и слаженно. Авторитет парторганизации, личный пример коммунистов в бою оказывали решающее влияние на жизнь, дисциплину, моральное состояние и боевую активность всех партизан.

Основной формой внутрипартийной работы были собрания. На них обсуждались итоги боевой деятельности, ставились политические задачи.

За счет отважных и идейно стойких патриотов, проверенных в сложной обстановке вражеской оккупации, парторганизации увеличивали свои ряды. Это свидетельствовало о непререкаемом авторитете ленинской партии, каким она пользовалась среди советских людей в условиях вражеского окружения. Например, парторганизация Белоруссии за период работы в подполье приняла в свои ряды 12 500 членов и кандидатов в члены партии⁹⁸. Десятки тысяч юношей и девушек влились в ряды комсомола. Свыше 6 тысяч человек было принято в партию в оккупированных районах Ленинградской, Смоленской, Калининской, Орловской, Курской, Московской областей⁹⁹. Большое количество мужественных и стойких патриотов приняли в свои ряды подпольные парторганизации Украины. Только партийные организации партизанских соединений под командованием А. Ф. Федорова и А. Н. Сабурова приняли в члены и кандидаты в члены партии около 860 человек. Более 250 лучших партизан и подпольщиков принял в партию Холменский подпольный райком КП(б)У¹⁰⁰. Значительное количество отличившихся патриотов было принято в партию подпольными парторганизациями Крыма¹⁰¹.

Рост рядов партии в тылу врага свидетельствовал о боеспособности партизанских и подпольных партийных организаций, об их близости к народу, авторитете самих

коммунистов, о вере советских людей в неизбежность нашей победы, в торжество идей марксизма-ленинизма.

Партийные организации были зачинателями многих боевых дел народных мстителей. Особенно большую инициативу они проявили в создании диверсионных групп. Во всех отрядах и соединениях первые диверсионно-подрывные группы состояли, как правило, из коммунистов и комсомольцев. Во многих партизанских подразделениях по почину парторганизаций на коммунистов и комсомольцев были заведены личные счета, так называемые «счета мести», «лицевые счета», в которых учитывалась их боевая работа.

Несмотря на то что в партизанских формированиях коммунисты составляли сравнительно небольшой процент *, сила их влияния была велика. Суровая практика борьбы со злейшим врагом человечества — германским фашизмом со всей убедительностью подтвердила правоту марксистско-ленинского положения, что сила политического авангарда трудящихся неизмеримо больше, чем его доля в общей массе населения. Эта сила политического «авангарда раз в 10, в 100 раз и более велика, чем его численность.

Возможно ли это? Может ли сила сотни превышать силу тысячи?

Может и превышает, *когда сотня организована.*

Организация удесятворяет силы» ¹⁰².

Находившиеся во вражеском тылу бойцы ленинской партии проявили исключительную сплоченность и организованность, умение поднять энергию, героизм, решительность масс. Коммунисты воодушевляли партизан и всех

* Точный процент коммунистов в рядах партизан определить трудно, поскольку до настоящего времени нет строго определенной цифры общей численности организационно оформленных партизан и подпольщиков. По имеющимся данным, за весь период войны среди партизан Украины коммунисты составляли около 7%. В рядах народных борцов Белоруссии коммунистов насчитывалось свыше 9%. По подсчетам Н. И. Макарова, в шести областях РСФСР (Ленинградской, Смоленской, Калининской, Орловской, Курской и Московской) число членов и кандидатов в члены партии за все годы войны составило 12% от общего количества партизан (см.: «История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945», т. 6, стр. 274; Н. И. Макаров. Коммунистическая партия — организатор и руководитель всенародной борьбы на оккупированной врагом территории РСФСР в годы Великой Отечественной войны. Автореферат докторской диссертации. М., 1973, стр. 31).

находившихся на оккупированной территории советских людей, организовывали массы на самоотверженную борьбу с захватчиками. На протяжении всей войны они действовали как боевой союз единомышленников, не знавший колебаний и разногласий, твердо веривший в торжество правого дела — победу над врагом.

Подпольные партийные органы, первичные парторганизации партизанских формирований, партизанские комиссары и политруки, нелегальные партийные организации и ячейки, действовавшие в городах и иных населенных пунктах, проявляли неустанную заботу о том, чтобы ленинское уставное требование оберегать твердость, выдержанность и чистоту партийных рядов, поднимать звание и значение члена партии все выше, выше и выше было нормой поведения коммунистов, чтобы каждый боец ленинской партии с честью и достоинством носил и оправдывал это высокое звание ^{102а}.

Об авангардной роли коммунистов, силе их влияния на массы говорят сотни и тысячи примеров из истории народной войны в оккупированных гитлеровцами районах. «Коммунисты отрядов боевыми делами оправдали высокую честь принадлежать к партии большевиков,— отмечается в истории партизанской бригады имени В. И. Чапаева, действовавшей в Смоленской области.— Во всех боях, во всех засадах, проводимых отрядами, коммунисты всегда были в первых рядах, проявляли храбрость и отвагу, увлекая за собой других» ¹⁰³. В итоговом отчете командования 3-го партизанского района Крыма подчеркивается, что «работа парторганизаций отрядов весь период была направлена на обеспечение авангардной роли коммунистов и обеспечение выполнения боевых заданий командования. В период трудностей, тяжелой боевой обстановки коммунисты, политработники своим личным примером воодушевляли бойцов, укрепляли их волю, вселяли уверенность в успех» ¹⁰⁴.

В первых шеренгах несгибаемых борцов с немецко-фашистскими захватчиками шли коммунисты, находившиеся и в других оккупированных советских областях и республиках. Их авангардная и направляющая роль, непревзойденные мужество и бесстрашие материализовывались в самоотверженную борьбу с врагом десятков и сотен тысяч патриотов. В этом огромная заслуга ленинской партии — испытанного полководца и вождя миллионов трудящихся Страны Советов.

Организационно-политическое укрепление партизанских сил

Начиная с весны 1942 года патриотическая борьба советских людей в тылу врага поднимается на новую высоту. Происходит бурный рост численного состава партизан, воссоздаются временно прекратившие свою деятельность отряды, возникают новые подпольные партийные комитеты и организации, расширяется их агентурная и разведывательная сеть, более гибкой и более зрелой становится партизанская тактика. В активную народную войну начинают включаться целые селения, партизанские ряды пополняются бежавшими из вражеского плена советскими военнослужащими. Все это в итоге привело к тому, что весной — в начале лета 1942 года оперативные плацдармы патриотов значительно расширились и упрочились, увеличив их наступательные возможности. Партизанская война в целом приобретала стабильность, устойчивые организационные формы, становилась весомым и действенным военно-политическим фактором общенародной борьбы с германским фашизмом. «Под неослабным воздействием партизан находится весь ближайший тыл противника, — указывалось, например, в докладной записке ЦК КП(б)Б от 15 июня в Ставку Верховного Главнокомандования. — Партизанское движение непрерывно расширяется, им охвачены глубокие районы вражеского тыла...»¹⁰⁵ Ровно через полмесяца, 1 июля 1942 года начальник ЦШПД П. К. Пономаренко в своей информации Государственному Комитету Обороны вновь отмечал, что «партизанское движение развернулось в могучую силу и база дальнейшего расширения партизанского движения, особенно в Белоруссии и на Украине, является огромной»¹⁰⁶, что народные мстители в силах летом 1942 года довести дезорганизацию вражеских тылов до катастрофического состояния.

О трудностях, с которыми столкнулись гитлеровские политики и стратеги в первую военную зиму и весной сорок второго в результате героической борьбы Красной Армии и мощного народного сопротивления на оккупированной ими советской территории, свидетельствуют многие другие документы и факты. В их числе и признания самих главарей третьего рейха. Так, один из наиболее фанатичных столпов нацизма, шеф гитлеровской пропаганды Геббельс в марте 1942 года в своем дневнике записал:

«Опасность со стороны партизан увеличивается с каждой неделей. Партизаны безраздельно господствуют во всех оккупированных районах России. Этой зимой партизаны поставили нас перед большими трудностями, которые отнюдь не уменьшились с началом весны»¹⁰⁷. Убедительное признание! «Сегодня партизанская война,— доверительно сообщал Розенбергу 30 мая 1942 года редактор одной из фашистских газет, издаваемых в Белоруссии,— охватывает всю Белоруссию, почти все леса заполнены ими (партизанами.— Я. П.). Отдельные районы находятся в их полном владении. Внезапным атакам партизан подвергаются целые города. Нападают на немецкие военные отряды и на гражданские управления, проводят митинги среди оседлого населения... Партизанская война грозит превратиться в настоящий тыловой фронт для немецкой армии»¹⁰⁸.

Серьезная тревога относительно положения в тылу германских частей и соединений слышалась также и в сообщениях командующих войсками вермахта. Так, генерал-фельдмаршал Клюге в своем донесении от 16 июля вынужден был с горечью признать, что «приказ Сталина о создании в тылу немецкой армии невыносимых условий близок от выполнения». Аналогичным образом характеризовали состояние армейского тыла весной — летом 1942 года командующие группами армий «Юг» и «Север».

Фашистские заправилы и стратеги вовсе не ошибались в своих мрачных прогнозах. Уже в первой половине 1942 года на базе массового партизанского движения под руководством Коммунистической партии повсеместно, первоначально в Смоленской области и Белоруссии, а затем и в других оккупированных районах, началось создание крупных партизанских бригад и соединений. Этот исторический акт знаменовал собой принципиально новый этап в развитии советского партизанского движения. Бригада как более высокая организационная форма построения партизанских сил позволяла, с одной стороны, эффективно координировать боевую деятельность отрядов, а с другой — сохранять за ними максимальную самостоятельность и инициативу. Рождение крупных и мобильных соединений, способных наносить сильные концентрированные удары по противнику и совершать широкие по охвату и масштабные по своему оперативно-тактическому значению операции, убедительно свидетельствовало о все возрастающей роли подпольных партийных органов в руководстве героич-

ческой борьбой народа в тылу врага, о колоссально увеличившейся боевой силе партизанского движения.

Новая военно-организационная и политическая структура партизанской армии открывала широкие возможности для роста партизанских сил, укрепления партийного ядра среди патриотов, для дальнейшего наращивания атакующих ударов по фашистским захватчикам как собственно вооруженными партизанскими формированиями, так и совместно с территориальными боевыми группами подпольщиков, стимулировала и увеличивала возможности активного сопротивления оккупантам невооруженного населения.

Народные мстители, действуя объединенным фронтом, громили вражеские гарнизоны и опорные пункты, выводили из строя тысячи солдат и офицеров, уничтожали военную технику и боеприпасы, дезорганизовывали движение на коммуникациях, мобилизовывали население на саботаж хозяйственных и военно-политических мероприятий оккупантов. Возникновение крупных партизанских соединений позволяло патриотам отвоевывать у противника и удерживать в своих руках обширные территории, что, несомненно, ускоряло создание партизанских краев и зон, втягивало в партизанскую войну новые, более широкие контингенты населения.

В ходе ожесточенной борьбы с немецко-фашистскими захватчиками Коммунистическая партия неуклонно совершенствовала и оттачивала методы партийного руководства всеобъемлющей народной войной, увязывала действия партизан и подпольщиков с операциями Красной Армии. В целях централизации руководства партизанской войной в тылу врага в масштабе всей временно оккупированной территории СССР и координации боевых действий патриотов по указанию ЦК ВКП(б) решением ГКО от 30 мая 1942 года при Ставке Верховного Главнокомандования был создан Центральный штаб партизанского движения (ЦШПД) — военно-боевой орган партии. Его начальником был утвержден волевой и энергичный, принципиальный и всесторонне подготовленный партийный работник, член ЦК ВКП(б), первый секретарь ЦК КП(б) Б. П. К. Пономаренко, сыгравший важную роль в развертывании всенародной войны на временно оккупированной территории СССР. Членами штаба стали коммунисты В. Т. Сергиенко, Т. Ф. Корнеев. Несколько позднее для повседневной прак-

тической работы в ЦШПД были созданы соответствующие отделы и управления, во главе которых стояли опытные партийные и военные работники.

В задачу ЦШПД входило: установление надежной двусторонней связи с партизанскими формированиями, оперативное руководство их боевой деятельностью, обобщение и распространение опыта партизанской борьбы, снабжение патриотов оружием, боеприпасами, медикаментами, кадрами, перегруппировка сил народных мстителей, координация действий партизанских отрядов с регулярными частями Красной Армии. Вся деятельность Центрального штаба проводилась в соответствии с постановлениями ЦК ВКП(б) и ГКО по вопросам партизанского движения, приказами Наркома Оборона. Свою работу ЦШПД осуществлял во взаимодействии с руководящими партийными органами республик и областей, подвергшихся оккупации, военными советами фронтов и армий.

Организаторская деятельность партии была неотделима от политической. Такая практика базировалась на ленинском указании о том, что «нельзя точно разграничить, какой вопрос политический и какой организационный», поскольку в деятельности партии «любой политический вопрос может быть организационным, и наоборот»^{108а}. Руководствуясь этим положением, осенью 1942 года по указанию Центрального Комитета партии при ЦШПД было создано Политическое управление (позже — Политический отдел) во главе с секретарем ЦК КП(б) В. Н. Малиным. Непосредственной задачей этого политического органа ЦШПД являлось: развитие и руководство агитационно-пропагандистской работой среди партизан и местного населения в тылу противника; оказание эффективной помощи республиканским и областным партийным органам в подготовке кадров подпольных партийных организаторов и связников, засылке подготовленных групп подпольных работников в тыл врага; установление связи с засланными ранее или оставленными заблаговременно для нелегальной работы обкомами, горкомами и райкомами партии или уполномоченными; руководство деятельностью комиссаров партизанских отрядов; оборудование подпольных типографий и организация издания газет, листовок и других печатных материалов; засылка в тыл партийных изданий; разработка материалов для печати и радио и т. п.¹⁰⁹

Вслед за созданием ЦШПД в течение лета — осени

1942 года были сформированы штабы партизанского движения при соответствующих фронтах, а позднее республиканские и областные штабы партизанского движения — рабочие органы ЦК и областных комитетов партии. Организационная структура всех партизанских штабов была почти одинаковой. Разница заключалась лишь в штатной численности личного состава. Подчиненность фронтовых партизанских штабов была двойная: ЦШПД и военным советам соответствующих фронтов. Штабы возглавляли секретари или члены ЦК компартий союзных республик, крайкомов и обкомов: на Украине — Т. А. Строкач *, в Белоруссии — П. З. Калинин, Литве — А. Ю. Снечук, Латвии — А. К. Спрогис, Эстонии — Н. Г. Каротамм, Карелии — С. Я. Вершинин, в Ленинградской области — М. Н. Никитин, Орловской — А. П. Матвеев, Смоленской — Д. М. Попов, Старопольском крае — М. А. Суслов, Краснодарском — П. И. Селезнев, Крымской АССР — В. С. Булатов.

Республиканские и областные штабы, подчинявшиеся в оперативном отношении Центральному штабу, действовали под руководством соответствующих центральных и областных комитетов партии. Являясь их военно-оперативными органами по организации и руководству народной борьбой в тылу гитлеровских захватчиков, партизанские штабы тем самым давали возможность Коммунистической партии координировать партизанское движение в масштабе всей оккупированной фашистскими войсками советской территории. В то же время такая форма руководства патриотической борьбой в тылу врага базировалась на сложившихся в довоенные годы прочных связях местных партийных органов с населением, позволяла учитывать местные особенности, в результате чего фронтовое командование более полно и целеустремленно могло использовать возможности партизан в интересах Красной Армии. Штабы партизанского движения позволяли также планировать и осуществлять крупные операции партизан и подпольщиков, увязывать действия народных мстителей со стратегическими задачами, решаемыми регулярными советскими войсками. Партизанские штабы обобщали и внедряли в практику накопленный отрядами и бригадами опыт, готовили кадры

* В январе 1943 года на Украине были созданы областные штабы партизанского движения (см.: «Очерки истории Коммунистической партии Украины». Киев, 1961, стр. 505).

специалистов для ведения партизанской войны, организовывали материально-техническое снабжение народных мстителей и т. д.

Вопрос о контакте партийных органов с командованием фронтов и армий разрешался введением в состав военных советов руководителей республиканских и некоторых областных штабов, представителей ЦШПД. Созданием представительств Центрального, республиканских и областных штабов при военных советах фронтов и армий было завершено образование гибкой и централизованной системы руководства партизанским движением. Представительства партизанских штабов были созданы на Сталинградском (Ф. В. Ляпин, а с 12.10.1942 г. Т. П. Кругляков), Северо-Кавказском (П. И. Селезнев), Воронежском (А. М. Некрасов), Северо-Западном (А. Н. Асмолов), Западном (Д. М. Попов), Калининском (С. О. Бельченко), Брянском (А. П. Матвеев) и на других фронтах. С перемещением линии фронта на территорию Украины и Белоруссии и созданием новых фронтов постоянные представительства штабов партизанского движения были организованы и активно действовали на 1-м Прибалтийском, 1-м, 2-м и 3-м Белорусских, 1-м, 2-м и 3-м Украинских фронтах. В ряде военных советов армий существовали представительства (оперативные группы) Центрального, республиканского и областных штабов. Оперативные группы и представительства штабов партизанского движения осуществляли руководство действиями партизан в полосе определенного фронта. В оперативном отношении они подчинялись как штабам партизанского движения, так и военным советам соответствующих фронтов.

Таким образом, гибкая система связи и единого централизованного руководства шла к народным мстителям от вышестоящих постоянно действующих военно-оперативных органов партии — штабов партизанского движения, а также от заинтересованного в непосредственной поддержке партизанами командования фронтов и армий. Оперативно-стратегическое задание партизанским силам — откуда бы оно ни исходило: от руководящего ли партийного органа, партизанского ли штаба, фронтового или армейского командования — непосредственно осуществлялось через штабы партизанского движения или представительства ЦШПД на фронтах и в армиях, согласовываясь в необходимых случаях с Центральным штабом партизанского движения.

Такая организация управления исключала разнობой, дублирование и противоречивость в руководстве партизанскими силами и в постановке задач перед народными мстителями.

Непосредственно на местах самоотверженной борьбой народа против фашистских захватчиков руководили действовавшие в тылу врага партийные органы, которые по радио были связаны с соответствующими штабами партизанского движения.

Боевым помощником партии в мобилизации масс и в первую очередь молодежи на всенародную партизанскую войну являлся ленинский комсомол. Под руководством центральных и областных партийных комитетов и при активной деятельности нелегальных партийных и соответствующих комсомольских органов были созданы и по-боевому действовали в тылу врага сотни подпольных обкомов, межрайкомов, горкомов и райкомов комсомола, десятки тысяч первичных комсомольских организаций, объединявших сотни тысяч отважных патриотов.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что создание постоянно действующих органов по руководству партизанским движением как в масштабе отдельных фронтов, республик и областей, так и в пределах всех оккупированных районов страны не повлекло за собой какого-либо ослабления внимания вышестоящих органов партии к руководству самоотверженной борьбой народа в тылу врага. ЦК ВКП(б), а также находившиеся в советском тылу республиканские и областные комитеты партии изо дня в день внимательно следили за малейшими изменениями в партизанском движении, были в курсе всех событий, происходивших на оккупированной территории, хорошо знали командно-политические кадры и те трудности, которые испытывали народные мстители. Исходя из этого, принимались соответствующие меры, которые благотворным образом влияли на боевую и массово-политическую работу советских патриотов в захваченных врагом районах. Например, по указанию Центрального Комитета ВКП(б) начиная с весны 1942 года народные мстители стали организованно и в обязательном порядке принимать присягу, явившуюся одной из важных форм укрепления дисциплины и правопорядка в партизанских рядах. Не было на оккупированной территории ни одного партизанского отряда, почти ни одной подпольной организации, где бы советские патриоты не при-

нимали присяги. Разумеется, принятие присяги ни в какой мере не противоречило добровольческому характеру партизанского движения, ибо это была клятва на верность социалистическому Отечеству, Коммунистической партии, своему народу, товарищам по оружию. И хотя текст партизанской клятвы в каждой оккупированной республике и области СССР был свой собственный, суть присяги народных мстителей была единой: беспощадное истребление врага всеми силами и средствами, полное освобождение Родины от немецко-фашистских захватчиков, уничтожение нацистского господства в Европе.

Например, в присяге партизан Орловской области говорилось: «Я, гражданин великого Советского Союза, верный сын героического русского народа, клянусь, что не выпущу из рук оружия, пока последний фашистский гад на нашей земле не будет уничтожен.

Я обязуюсь беспрекословно выполнять приказы всех своих командиров и начальников, строго соблюдать воинскую дисциплину...

Я клянусь всеми средствами помогать Красной Армии уничтожать бешеных гитлеровских псов, не щадя своей крови и своей жизни.

Я клянусь, что скорее умру в жестоком бою с врагом, чем отдам себя, свою семью и весь советский народ в рабство кровавому фашизму...»¹¹⁰

Важное значение для углубления и расширения партизанского движения имело созданное Центральным Комитетом ВКП(б) в конце августа — начале сентября 1942 года в Кремле представительное совещание руководящих работников подпольных партийных органов, командиров и комиссаров крупных партизанских формирований Белоруссии, Украины, Смоленской и Орловской областей. В нем приняли участие члены Политбюро ЦК ВКП(б), ответственные работники аппарата ЦК, Государственного Комитета Оборона и ЦШПД, многие прославленные партизанские командиры. Участники совещания имели встречу и продолжительную беседу с И. В. Сталиным, К. Е. Ворошиловым и другими руководящими деятелями партии и правительства. Опираясь на лепинское указание о том, что сила коммунистов состоит в их умении «совершенно трезво учитывать самые тяжелые поражения, учась на их опыте тому, что следует изменить в нашей деятельности», и что «нельзя научиться решать свои задачи по-

выми приемами сегодня, если нам вчерашний опыт не открыл глаза на неправильность старых приемов»^{110а}, ЦК Коммунистической партии и Советское правительство умело руководили как событиями на фронтах Великой Отечественной, так и скрупулезно изучали все аспекты партизанской войны в тылу оккупантов. Этой цели и было посвящено августовско-сентябрьское совещание в Москве. Совещание обобщило опыт и подвело итоги продолжавшейся больше года героической борьбы советских людей в тылу врага, разработало мероприятия по дальнейшему совершенствованию руководства и усилению партизанского движения, определило основные направления деятельности подпольных партийных органов в соответствии со стратегическими замыслами Верховного Главнокомандования.

В итоге обстоятельного обсуждения вопросов, связанных с героической борьбой народа в тылу гитлеровских войск, 5 сентября 1942 года был издан приказ Председателя ГКО «О задачах партизанского движения». «Этот приказ, — указывает П. К. Пономаренко, — стал программой действий для партизанских отрядов, подпольных организаций, организаторов народной борьбы в тылу врага и штабов партизанского движения»¹¹¹.

В приказе были подведены итоги деятельности подпольных партийных органов по руководству боевой и политической работой партизан, конкретизированы их задачи на новом этапе борьбы. Отмечая рост сопротивления советских людей немецко-фашистским захватчикам, перед партийными органами ГКО ставил задачу поднять партизанское движение на качественно новую ступень: организационно укреплять существующие вооруженные партизанские силы, каждодневно направлять и координировать их боевую деятельность, добиваться, чтобы народная война в тылу врага стала еще более масштабной и глубокой, чтобы она охватила широчайшие слои населения, стала массовой и всенародной также и по количеству ее участников.

Наряду с организацией новых партизанских отрядов приказ нацеливал нелегальные обкомы и райкомы партии на создание среди населения надежных боевых резервов. Руководящие подпольные органы должны повести дело так, требовал приказ, чтобы не было ни одного города и сельского населенного пункта на временно оккупирован-

ной территории, где бы не существовало в скрытом виде боевого партизанского резерва *.

Особое внимание в приказе обращалось на охват всевозможными партизанскими действиями больших и малых городов, железнодорожных станций. Основными направлениями партизанской деятельности должны были стать: все-

* В последние годы в литературе на партизанскую тематику и в ходе дискуссий поставлен ряд вопросов: о характере советского партизанского движения, о руководящих подпольных партийных органах, о соотношении борьбы собственно партизанской и борьбы подпольной, о роли и месте сопротивления оккупантам «мирных» граждан, о периодизации этого исторического явления, о самом понятии «партизанское движение (война)» и многие другие. Некоторые авторы трудов по истории героической борьбы советского народа в тылу гитлеровцев партизанскую войну — это сложное общественно-политическое явление, серьезнейшим образом влиявшее на состояние всего вражеского тыла, — с ее размахом, богатством форм борьбы склонны ограничивать лишь вооруженными действиями организационно оформленных бойцов-партизан. С этим вряд ли можно согласиться. Ибо, исходя из такого критерия, партизанское движение — действительно война, которая втягивает в свое русло широкие народные массы, — более многостороннее и объемное явление, чем только вооруженная борьба, — вольно или невольно сводится только к чисто боевым вооруженным действиям и не более. Как следствие такого рода взглядов, круг участников партизанского движения ограничивается лишь находившимися непосредственно под ружьем бойцами-партизанами. В. И. Ленин, анализируя уроки гражданской войны и характеризуя роль масс в исторических событиях, на VIII Всероссийском съезде Советов говорил: «Чем больше размах, чем больше широта исторических действий, тем больше число людей, которое в этих действиях участвует...» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 140).

Естественно — и это никто не может отрицать, — что организованные и руководимые партией вооруженные выступления бойцов в гражданской одежде являлись главной силой всенародной партизанской войны в тылу врага, наиболее решительной формой ее ведения. Но, как известно, вооруженная борьба патриотов требовала определенной организации, умелой тактики, обусловленных своими особыми законами и правилами. Совершенно очевидно тот факт, что для ведения успешной партизанской войны с оккупантами — а, по нашему мнению, ее никак нельзя ограничивать только вооруженными действиями партизанских подразделений, будь то успешная засада, внезапный огневой налет, диверсия, поисковый рейд с целью заставить противника врасплох, отражение карательной экспедиции или какие-либо другие способы и тактические приемы партизанской войны, — патриоты не только должны были быть объединены в партизанские формирования, соответствующим образом обучены и вооружены, но и иметь самое необходимое — продовольствие, одежду, обувь. С возникновением партизанского фронта продовольственно-вещевое обеспечение пар-

мерная дезорганизация вражеского тыла и в первую очередь — коммуникаций и связи, уничтожение воинских штабов, гарнизонов, аэродромов, опорных пунктов, казарм и оккупационных учреждений, колонн и отдельных подразделений противника, складов оружия и боевого обеспечения, внедрение надежных людей в гитлеровскую адми-

тизаны, как правило, получали на добровольных началах (а в освобожденных и контролируемых ими районах — в строго централизованном порядке) от коренного, местного населения. Кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК Компартии Белоруссии П. М. Машеров на торжественном собрании, посвященном 30-летию освобождения Белоруссии от немецко-фашистских захватчиков и присвоению городу Минску почетного звания «Город-герой», указывал: «Партизаны и подпольщики тысячами нитей были связаны с народом. Отряды и группы народных мстителей постоянно росли, черпали силы из большого людского массива, накаленного пламенем ярости и презрения к поработителям» («Советская Белоруссия», 29 июня 1974 г.).

Дважды Герой Советского Союза, прославленный вожак украинских партизан А. Ф. Федоров отмечает, что размах и успехи советского партизанского движения «стали возможны прежде всего благодаря тому, что население оккупированных районов с самого начала оказывало нам (партизанам.— Я. П.) восторженную поддержку. В партизанах оно видело представителей Советской власти и все их распоряжения считало непреложным законом. Нередко к нам обращались по вопросам, относящимся к компетенции Советской власти. И мы проводили среди населения большую организаторскую и массово-политическую работу, оказывали ему продовольственную, медицинскую и другую помощь. Вместе с населением партизаны отмечали советские праздники» («Коммунист Украины», 1974, № 10, стр. 64).

Секретарь Гомельского подпольного обкома партии А. А. Куцак в своей докладной в ЦК КП(б) Белоруссии в сентябре 1942 года отмечал: «...Несколько слов об обстановке в партизанском районе. Население, ненавидящее немецких захватчиков, с большой радостью встречало партизан и помогало нам всеми средствами... При появлении в любом населенном пункте наших товарищей им подсказывали, где, у кого можно достать оружие. Были случаи, когда старики, дети приносили по 2—3 патрона и отдавали партизанам... Словом, чувствовалась единая спементированная семья партизан и населения...» («Октябрь», 1974, № 10, стр. 119—120).

Бывшие секретари Полесского подпольного обкома партии И. Д. Ветров и Н. И. Малинин справедливо отмечают, что ведение партизанской войны в тылу врага являлось делом всего народа. Имея в виду кровнородственные связи народных мстителей и местного населения, они указывают, что во всенародной партизанской войне «трудно было отличить партизан от мирного населения. Партизаны были в каждой семье. Все, способные носить оружие, находились в партизанских отрядах» (цит. по кн.: Д. Наумов. Лесная война. Алма-Ата, 1972, стр. 45).

Уместно отметить, что из числа этих же «мирных» жителей

нистрацию, усиление разведки в интересах Красной Армии. Приказ требовал коренным образом улучшить координацию боевой деятельности партизан с действиями регулярных советских войск, настойчиво и повседневно совершенствовать тактику партизанской войны. Крупным партизанским формированиям рекомендовалось практиковать

партизаны должны были иметь (и имели) постоянный боевой резерв. В Белоруссии, например, в таких резервах в разное время побывало в общей сложности свыше 400 тысяч человек, которые, как указывает П. К. Пономаренко, не только числились в партизанском «запасе», но и «принимали активное участие в больших и малых операциях партизан, заготавливали продовольствие, охраняли семейные лагеря...» («Звезда», 19 июня 1969 г.). «Таким образом,— пишет П. К. Пономаренко,— армия активных бойцов — партизан и подпольщиков, поддерживаемых всем населением,— составляла 844 тысячи человек» («Освобождение Белоруссии», изд. 2-е, исправленное и дополненное. М., 1974, стр. 159; «В боях за Белоруссию», изд. 2-е, дополненное и исправленное. Минск, 1974, стр. 116).

Такая же картина была и в других оккупированных советских республиках и областях. В Латвии, например, 12 тысячам организационно оформленным бойцам-партизанам активную помощь оказывало 10 тысяч человек партизанских резервов. «Значит,— указывает латвийский историк А. К. Рашкевиц,— общее количество активных участников партизанского движения Латвии в годы Великой Отечественной войны превысило 20 тысяч» («Материалы из истории Коммунистической партии Латвии». Рига, 1969, стр. 223).

Приведенные выше, а также много других примеров и фактов говорят о том, что в тылу оккупантов шла настоящая война, что вооруженные партизаны и подпольщики, их резервы были, по существу, единым боевым коллективом, опиравшимся на поддержку коренного населения. Иными словами, они питались соками той среды, из которой вышли.

Наконец, не следует забывать о такой крайне необходимой категории участников партизанского движения, как институт постоянных связных, агентурных и маршрутных разведчиков, тайных осведомителей, держателей явочных квартир, проводников и т. д. Достаточно сказать, что лишь в оккупированных районах Белоруссии только связных и агентурных разведчиков, зарегистрированных в БШПД, а также состоявших на учете у командования партизанских формирований, было около 39 тысяч (см.: ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 3500, оп. 11, д. 10, л. 186). Несомненно, каждый из сотен и тысяч этой категории борцов, осуществлявших связь «леса» с «городом» и «селом», хорошо знал, что в случае попадания в руки фашистов его неминуемо ждет смерть. Тем не менее эти мужественные патриоты, постоянно рискуя собой и своими близкими, собирали и передавали партизанам оружие и медикаменты, проникали в расположение врага, чтобы добыть сведения для партизан, выводили народных мстителей по тайным тропам к вражеским гарнизонам и объектам, в любое время выполняли самые сложные задания партизанского командования. Формально не числясь пар-

глубокие боевые рейды по тылам противника. Приказ нацеливал командование отрядов и бригад на переход от оборонительной тактики к ведению широких наступательных операций.

Исключительное внимание обращалось в приказе на важность целеустремленной политической работы среди

тизанами, они время от времени в интересах общего плана борьбы привлекались и для выполнения задач чисто боевого и диверсионного порядка, т. е. объективно являлись участниками партизанского движения.

Аналогичное положение было и с партизанскими резервами. Например, в Белоруссии к лету 1944 года около 80 тысяч партизанского резерва находилось при отрядах и подразделениях. Здесь они проходили боевую и политическую подготовку, выполняли вспомогательные задания, несли охрану семейных лагерей, находившихся в партизанских зонах, и т. д. (см.: ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 3500, оп. 3, д. 78, л. 334). Своей беспрекословной волей и жгучей ненавистью к поработителям они вместе с бойцами-партизанами и подпольщиками приближали зарю победы над врагом.

Внимательный анализ документов подпольных партийных органов и партизанских формирований, сама логика самоотверженной освободительной войны отчетливо показывают, что для превращения вооруженных партизанских действий в подлинно всенародное движение подпольные партийные органы и организации, командование партизанских отрядов и соединений не только увеличивали в ходе борьбы ряды подпольщиков, собственно вооруженных бойцов-партизан и совершенствовали организационное построение патриотических сил, но и стремились вовлечь в народную войну с врагом как можно более широкие массы населения, не ограничивая при этом ее (борьбу) лишь чисто вооруженными выступлениями. Подпольные партийные органы, являвшиеся организующей и одновременно действующей силой всенародного сопротивления против фашистских захватчиков, собственно партизанские формирования, нелегальные патриотические организации и группы параллельно с боевыми и диверсионно-подрывными действиями проводили широкую агитационную и массово-политическую работу. Достаточно отметить, что буквально в каждой, дошедшей до наших дней истории партизанского формирования, вслед за описанием боевой деятельности идут сведения о массово-политической работе, проводимой патриотами данного отряда или соединения, о деятельности народных мстителей по сбору разведанных для Красной Армии, разложению вражеских формирований и т. д. В своей деятельности находившиеся в тылу врага партийные органы и отдельные коммунисты совершенно закономерно руководствовались ленинским указанием, что в условиях войны все должно быть подчинено войне и только войне и что, когда дан лозунг движения, когда намечены его непосредственные цели, любое участие в народно-освободительной войне, любое ее средства предпочтительнее выжиданию. Для коммунистов, всех трудящихся Советской страны, где бы они ни находились — на фронте ли, в советском тылу или на оккупированной территории, не существовало

местного населения. Руководящие подпольные партийные организации должны были на конкретных фактах и примерах разоблачать ложь геббельсовской пропаганды, поддерживать на должной высоте советский патриотизм и пролетарский интернационализм, классовую ненависть к фашистским захватчикам, мобилизовывать на беспощадную

вопроса: следует ли начинать борьбу. Решение бороться до окончательной победы было принято ими в самом начале вражеской агрессии. Важно было только правильно найти свое место в общенародной борьбе, чтобы можно было с полной отдачей своих сил и умения громить фашистских захватчиков. Участие в партизанской войне являлось долгом, священной обязанностью, повседневной нормой поведения каждого советского человека, способного носить оружие или что-либо делать для того, чтобы пламя народного гнева разгоралось все мощнее. Оставаться же в бездействии, когда идет всенародная война, в какой бы форме это бездействие ни выражалось, под тем лишь предлогом, что нет подходящих условий для организованной борьбы, считалось равносильным предательству.

Важно подчеркнуть, что Коммунистическая партия, вдохновляя и направляя самоотверженную борьбу народных мстителей, твердо следовала ленинскому указанию о том, что партия ни в коем случае не должна насильственно «навязывать практикам какую-нибудь сочиненную форму борьбы, или даже... решать из кабинета вопрос о роли тех или иных форм партизанской войны» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 14, стр. 11—12), а непременно обязана давать широкий простор инициативе и творчеству местных партийных организаций и комитетов, самих народных масс. Исходя из этого, в тылу оккупантов применялись самые разнообразные средства, организационные формы и приемы народной войны. На их огромное многообразие и взаимосвязь, на многоплановость партизанского движения указывают многие документы военного времени, а также практики-организаторы, руководители и участники героической эпопеи советского народа в тылу гитлеровских оккупантов.

Так, в проекте положения о Центральном штабе партизанского движения указывалось, что «всенародный характер партизанского движения в городе и деревне порождает многообразие форм партизанской борьбы: саботаж, бойкот, срыв мероприятий, невыполнение распоряжений немецких оккупантов и разного рода диверсии. Высшей формой народной партизанской войны является вооруженная борьба партизанских отрядов, групп и подпольных антифашистских организаций» («Война в тылу врага», 1-й выпуск. М., 1974, стр. 224). «Формы партизанского движения, — говорил М. И. Калинин, — очень многообразны. Профессор Киевского медицинского института П. М. Буйко с первых же дней войны добровольно ушел на фронт, попал в плен и бежал оттуда. Горя ненавистью к немецким захватчикам, он пошел на подпольную работу. Устроившись врачом в районную больницу города Фастова, Буйко организовал лечение раненых бойцов и командиров Красной Армии. Он спас тысячу человек местной молодежи от утона

борьбу широкие массы с целью создания в тылу гитлеровцев невыносимых условий. Для этого рекомендовалось организовать повсеместное издание на оккупированной территории газет, листовок, воззваний и других печатных материалов, шире развернуть устную агитационно-массовую работу¹¹².

в Германию, установил связи с партизанами, переправлял к ним людей. Когда его деятельность была раскрыта, он и сам (в июне 1943 года) ушел к партизанам» (М. И. Калинин. О воспитании коммунистической сознательности. М., 1974, стр. 267). Как видим, подпольная форма борьбы здесь рассматривается как составная часть (вид) всенародной партизанской войны в тылу оккупантов.

Нам представляются убедительными в этой связи выводы П. К. Пономаренко, сделанные им в годы войны. Говоря о многообразии форм и методов партизанского движения, он писал: «Глубоко народный характер партизанского движения ярче всего проявляется в огромном, неисчерпаемом разнообразии форм и методов борьбы с фашистами. Тут следует отметить и невыполнение распоряжений оккупационных властей, и срыв экономических мероприятий захватчиков, и организацию диверсий, и нанесение ущерба врагу повсеместно всеми возможными средствами, и, наконец, сильнейшую форму партизанского движения — вооруженную борьбу партизанских отрядов» (П. К. Пономаренко. Партизанское движение в Великой Отечественной войне. М., 1943, стр. 36). Характерно, что эту же мысль П. К. Пономаренко в годы войны повторял неоднократно. Так, выступая 4 февраля 1944 года на X сессии Верховного Совета СССР, он говорил: «В тылу немецких захватчиков белорусский народ развернул всенародное партизанское движение. Сотни тысяч народных мстителей, партизан и партизанок, ведут яростную, непримиримую партизанскую войну с захватчиками во всем многообразии ее средств и методов...» («Правда», 5 февраля 1944 г.). С аналогичных позиций рассматривал он героическую партизанскую войну и в статье «Освобождение Белоруссии», опубликованной в «Правде» 5—6 июля 1944 года. П. К. Пономаренко писал: «Белорусский народ в тылу врага повсеместно развернул беспощадную партизанскую войну с немецкими захватчиками и ведет ее с первого дня войны со все нарастающей силой. Партизанская война приняла всенародный характер, выросла в грозную силу, явилась одним из важнейших условий разгрома врага». При этом он подчеркивал, что «источник огромной силы партизанского движения — в глубоко патриотическом народном его характере, в том, что активность и инициатива народных масс возглавляются ленинской большевистской партией, осуществляющей руководство народным движением» («Правда», 5 июля 1944 г.).

Четверть века спустя, 4 июля 1969 года, выступая на торжественном собрании, посвященном 25-летию освобождения Советской Белоруссии от немецко-фашистских захватчиков, П. К. Пономаренко говорил: «Всем известен огромный размах партизанского движения в Белоруссии. В рядах народных мстителей боролось с врагом свыше 370 тысяч и мужественно действовало в подполье 70 тысяч человек. Партизанские резервы составляли 400 тысяч

Приказ «О задачах партизанского движения» явился вторым после директивы ЦК ВКП(б) от 18 июля 1941 года основополагающим документом по организации и совершенствованию руководства освободительной борьбой советского народа в тылу немецко-фашистских захватчиков. Весь его дух, все содержание говорили о том, что пар-

жителей республики. Что это были за резервы? Разве это не были те же партизаны? Вот, например, когда командир бригады, ставший потом Героем Советского Союза, тов. Жунин вел свою бригаду на разгром станции Славное, за партизанами следом шло более 600 крестьян с топорами, ломами, кирками, пилами. Они должны были после того, как бригада ворвется на станцию Славное, подвергнуть все тотальному разрушению, то есть, чтобы не остались не разрушенными ни стрелки, ни водокачка, ни рельсы. Так оно и было» («Советская Белоруссия», 5 июля 1969 г.).

В многочисленных статьях академика Ем. Ярославского, написанных им в годы минувшей войны, также указывается, что «партизанская война — это всенародная война в тылу врага» (Ем. Ярославский. Великая Отечественная война против гитлеровской армии. М., 1942, стр. 16), что «партизанское движение — это всенародное массовое движение» (Ем. Ярославский. Поднялись народы против фашизма.— В сб.: «Всенародная партизанская война». М., 1941, стр. 9; его же: «Великая Отечественная война советского народа против гитлеровской Германии». М., 1942, стр. 11) и что оно вовсе не сводится только к вооруженным действиям бойцов-партизан.

Эта же мысль красной нитью проходит через подавляющее большинство исторических работ, посвященных партизанской эпопее, изданных в послевоенные годы, а также в воспоминаниях участников и руководителей всенародной войны в тылу врага. «Как бы ни были велики итоги боевой деятельности партизан, они не исчерпывают всего существа содержания партизанского движения,— указывает, например, бывший заместитель начальника Западного штаба партизанского движения генерал-майор А. А. Прохоров.— Военно-политическое значение партизанского движения заключается в том, что оно не позволило гитлеровской Германии использовать в полной мере захваченную огромную территорию Советского Союза с ее богатейшими природными ресурсами..., не позволило также оккупантам эксплуатировать, в планируемых ими размерах, оставшиеся на оккупированной территории десятки миллионов советских людей... Жгучая ненависть советских людей к оккупантам и горячее желание защитить свою Родину породили и питали мощное всенародное партизанское движение» («Шли на битву партизаны». Брянск, 1972, стр. 129). Первый секретарь Минского подпольного обкома партии, Герой Советского Союза В. И. Козлов в своих воспоминаниях указывал, что по призыву Коммунистической партии «на всей территории Белоруссии развернулась всенародная партизанская война» («Полки идут на Запад». М., 1964, стр. 301).

Уместно отметить, что точно таких же принципов—принципов многоплановой народной войны против оккупантов — придержи-

тизанское движение, проникнутое единством воли сверху донизу и управляемое партией через ее военно-боевые органы — штабы партизанского движения и находившиеся в тылу врага партийные организации, должно затронуть буквально все стороны жизни советских людей на оккупированной врагом территории и оказать еще более значимую

живались при организации антифашистского движения Сопротивления и большинство коммунистических партий поработенных стран Европы. Например, в вышедшем 10 августа 1941 года первом номере «Бюллетеня Главного штаба НОПО (Народно-освободительных партизанских отрядов.— Я. П.) Югославии» основные задачи партизан определялись следующим образом: «Уничтожить все, что может служить оккупантам (железные дороги, мосты, фабрики, заводы, склады вооружения и боеприпасов), срывать реквизиции зерна и скота; партизанские отряды должны стать ядром для перерастания вооруженного восстания во всенародную освободительную войну» («Советские люди в освободительной борьбе югославского народа». М., 1973, стр. 15). Созданный французскими коммунистами подпольный Национальный военный комитет ФТПФ («Франтирер э партизан франсэ») главной своей задачей при организации и ведении партизанской войны считал:

«1. Всеми средствами воспрепятствовать угону населения в Германию. 2. Максимально саботировать производство, уничтожить средства производства и транспорта, которые использует неприятель. 3. Создать как среди неприятеля, так и среди... соотечественников необходимую атмосферу, чтобы... весь французский народ способствовал освобождению страны...» (цит. по кн.: Шарль Тийон. Французские франтиреры и партизаны в борьбе против немецко-фашистских оккупантов. М., 1963, стр. 238).

Очень важно при рассмотрении данной проблемы иметь в виду, что если партизанское движение — только вооруженная борьба, то, стало быть, им должно было руководить исключительно командование партизанских формирований. Но, как известно, командование партизанских групп, отрядов, бригад и других формирований руководило только боевыми действиями патриотов в соответствии с директивами подпольных партийных органов. Организационно-политическое руководство партизанской войной осуществлялось Коммунистической партией в лице территориальных подпольных парторганов и находившихся в тылу противника ее кадров.

Следовательно, при узком понимании партизанской войны как только вооруженных действий организационно оформленных бойцов-партизан исподволь игнорируются не только все другие формы участия в ней, но и в куцем, урезанном виде освещается огромная организационно-политическая деятельность партии по вовлечению в партизанское движение широких народных масс, принижается роль «партизанского тыла» — всевозможное и многостороннее участие в партизанской войне невооруженного населения оккупированных врагом районов, без которого (населения) невозможно было бы ни само партизанское движение, ни его огромный размах и глубина.

помощь Красной Армии. Учитывая накопленный опыт борьбы и реальное соотношение сил противоборствующих сторон, приказ нацеливал руководящие подпольные органы и партизанские штабы на превращение массового партизанского движения в стратегический фактор Великой Отечественной войны.

К этому следует добавить, что подобно тому как не всякая вооруженная борьба — суть война, так и не всякие вооруженные действия в тылу противника можно считать партизанской войной. Без идейной убежденности, без конкретной политической цели самый острый бой, по словам В. И. Ленина, в любом конфликтном столкновении будет не войной, а просто дракой. Основываясь на этом, Владимир Ильич никогда не сводил войну — чрезвычайно сложное и многообразное общественно-историческое явление — лишь к боевым действиям вооруженных сил воюющих государств. Выступая против Плеханова, Каутского и других представителей и лидеров II Интернационала, рассматривавших первую мировую войну с антимарксистских позиций, В. И. Ленин подчеркивал, что *«война есть просто продолжение политики другими»* (именно насильственными) *«средствами»*. ...Именно такова была всегда точка зрения Маркса и Энгельса, *каждую войну рассматривать как продолжение политики данных, заинтересованных держав — и разных классов внутри них — в данное время»* (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 224). Политика же, опираясь на глубинные экономические основы, воплощает в себе отношения огромных человеческих масс, т. е. отношения классов и государств.

Война — объемное и очень большое слово. «С большими словами, — учил В. И. Ленин, — надо обращаться осмотрительно» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 11, стр. 366).

Война как общественное явление имеет генетические, функциональные, структурные и иные связи с другими явлениями общественной жизни. Выделить из всей системы связей войны связи причинные можно лишь при условии, если строжайше будет соблюден принцип единства исторического и логического методов исследования. Применение исторического и логического методов познания в их тесной взаимосвязи позволяло В. И. Ленину из всей системы связей исследуемой им первой мировой войны выделить ее связи с экономикой и политикой господствующих классов воюющих государств и вскрыть ее конкретные причины, сущность и характер.

Как известно, объективной основой единства исторического и логического методов исследования является единство истории и логики развития самой реальной действительности. В силу этого любое военно-историческое событие представляет собой проявление внутренних закономерностей истории и как таковое тесно связано с другими явлениями общественно-исторического процесса. Оно представляет собой воплощение не одного какого-либо объективного закона истории, а результат одновременного действия многих законов, в том числе и таких, которые присущи только данному явлению. И поскольку возникновение, функционирование и развитие любого военного явления обусловлено действием не

Приказ Верховного Главнокомандующего явился конкретной программой деятельности для партийных органов всех звеньев, руководящих штабов партизанского движения, командования партизанских формирований. 14 ноября его основные положения были изложены в редакционной статье «Правды», озаглавленной «За всенародное парти-

одних только объективных законов, а целого комплекса обстоятельств (оснований, причин, условий и т. п., без чего существование его просто невозможно), то сущность каждого явления, как отмечал В. И. Ленин, многопорядкова, а процесс его познания есть углубление мысли «от явления к сущности, от сущности первого, так сказать, порядка, к сущности второго порядка и т. д. *без конца*» (Полн. собр. соч., т. 29, стр. 227). Без выяснения сущности войны, учил В. И. Ленин, основанной на строгом учете характера и задач исторической эпохи, в которой война происходит, без тщательного анализа всей предшествовавшей политики государств, ведущих войну, и целей, преследуемых ими в войне, нечего и толковать о марксистском понимании войны (см.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 278).

Данное В. И. Лениным классическое определение войны позволяет ясно увидеть природу всякой войны, неразрывную связь войны и политики, ибо вне политики определенных классов войны не существует. Любая война, независимо от того, какие цели в ней преследуются и какими средствами борьбы они достигаются, всегда есть продолжение политики определенных классов насильственными средствами. В этом и заключается сущность войны как общественно-политического явления, в этом ее внутренняя, глубинная основа. Это положение, несомненно, сохраняет свою силу и по отношению к партизанской войне.

Но хотя война, как указывал В. И. Ленин, «насквозь есть политика» (Полн. собр. соч., т. 32, стр. 281) — это все же не обычная форма политической борьбы, а особый вид политики, характеризующийся применением вооруженного насилия. Ибо без вооруженного насилия нет войны. В то же время вооруженная борьба обладает относительной самостоятельностью, ей присуща своя внутренняя логика развития, она имеет свои субъективные законы. Однако из этого вовсе не следует, что можно ставить знак равенства между войной и вооруженной борьбой. Вооруженная борьба не исчерпывает всего содержания войны; между этими понятиями нет полного совпадения. Понятие «война» шире, нежели понятие «вооруженная борьба». Во-первых, в процессе войны вооруженная борьба тесно переплетается с экономической, научно-технической, дипломатической и идеологической борьбой, усилия фронта объединяются с усилиями тыла. Во-вторых, цели вооруженной борьбы, ее формы и способы, размах, глубина, темп, ожесточенность определяются политикой, а не просто качеством оружия и «человеческого материала». Эту закономерность В. И. Ленин сформулировал так: «Война кажется тем «военнее», чем она глубже политическая; — тем «политичнее», чем она *менее* глубоко политическая» (Ленинский сборник, XII, стр. 397). Отождествлять войну с вооруженной борьбой — значит игнорировать объективный критерий для выяснения

занское движение». Содержание приказа и передовой газеты «Правда» средствами массово-политического воздействия было доведено до широких слоев населения, всех партизан и подпольщиков.

В связи с расширением и углублением партизанской войны в тылу оккупантов в интересах ее централизации постановлением ГКО от 6 сентября 1942 года была учреж-

классово-политической сущности войны, ее социального характера, деления войн на справедливые и захватнические, ибо таким критерием, как известно, является политика, которая осуществляется в войне. В противном случае Великую Отечественную войну пришлось бы сводить лишь к вооруженным действиям на советско-германском фронте, а ее участниками считать только находившихся непосредственно под ружьем кадровых бойцов и командиров Красной Армии. Но ведь общеизвестно, что минувшая война вошла в историю нашей страны как Великая Отечественная именно потому, что борьба с вражеской агрессией являлась делом всенародным. Фронт и тыл были единым могучим коллективом.

Раскрытая В. И. Лениным сущность войны — ее устойчивый и подвижный характер — в полной мере относится и к определению сущности партизанского движения. Анализируя сущность понятия партизанской войны, мы имеем дело с научной абстракцией, всеобщим понятием, которое воплощает в себе богатство особенного и отдельного. Однако, взятое вне связи с другими понятиями, это всеобщее не исчерпывает существенных особенностей каждой конкретной войны. Чтобы преодолеть неполноту категории «сущность партизанской войны», нужно рассматривать ее в движении, во взаимосвязях с другими понятиями, прежде всего с категорией «политическое содержание партизанской войны». «С марксистской точки зрения, — писал В. И. Ленин, — необходимо в каждом отдельном случае, для каждой войны особо, определить ее политическое содержание» (Полн. собр. соч., т. 30, стр. 262). Классово-политический подход к партизанской войне как многогранному общественно-историческому явлению, рассмотрение ее в качестве составной, неотъемлемой части Великой Отечественной войны — главное требование диалектико-материалистической методологии в определении сущности партизанской войны. Но, чтобы познать все стороны партизанской войны, необходимо проследить, как ее сущность проявляется непосредственно в вооруженной борьбе бойцов-партизан, в действиях подпольщиков, как эта борьба влияет на экономическую, идеологическую, политическую и другие формы народной борьбы в тылу врага. Иначе говоря, необходимо видеть все многообразие сущности партизанской войны, видеть те ее специфические средства, которыми достигаются политические цели противоборствующих сторон.

В свете вышеизложенного мы полагаем, что отождествление понятий «всенародное партизанское движение (война)» с вооруженными действиями, вооруженной борьбой организационно оформленными бойцов-партизан как методологически, так исторически и логически неравномерно. Такое отождествление волюно или неволюно ведет к односторонности в оценке слагаемых сил, средств

дена должность Главнокомандующего партизанским движением. На этот пост Ставка Верховного Главнокомандования назначила старейшего большевика, прославленного героя гражданской войны Маршала Советского Союза К. Е. Ворошилова. В подчинение Главкома перешли все партизанские формирования, штабы и их службы.

Осуществляя руководство боевой деятельностью народ-

и приемов партизанской войны, к затушевыванию ее классовой природы, к отрыву бойцов-партизан от широких народных масс. Оно затрудняет проникновение в глубь самого социального явления, мешает вскрыть его особенности, не позволяет видеть разницу между законами всенародной партизанской войны и законами вооруженной борьбы и сферами их действия, не дает возможности учитывать их влияние на одну или некоторые из сфер общественной жизни.

Несомненно также, что за боевой работой организационно оформленных партизанских формирований крылось не только уничтожение вооруженным путем живой силы и техники противника, но и нечто значительно большее, особенно там, где шла настоящая партизанская война. Подобно тому, как успехи Красной Армии на фронте оказывали решающее влияние на ход и исход Великой Отечественной войны в целом, так и организованная партизанская борьба, переросшая в ходе войны в ряде оккупированных районов страны во всенародное движение, затрагивала на всю глубину буквально каждый из пластов жизни советского народа, находившегося в тылу врага. Во многих оккупированных районах борьба вооруженных партизанских формирований являлась стержневой, определяющей по отношению к другим формам и средствам народного сопротивления, создавала моральную и боевую атмосферу, способствовавшую консолидации масс и мобилизации их на активное сопротивление захватчикам: стимулирующе влияла на степень активности подпольщиков, размах сопротивления невооруженного населения, накладывала выразительную печать на общее состояние вражеского тыла, т. е. составляла лицо всего этого исторического явления. Общеизвестно, что В. И. Ленин, так же как Маркс и Энгельс, в свое время подчеркивал, что для марксиста важнее всего выяснить, что именно выражает «содержание исторического процесса в данный конкретный момент», что является специфическим и стоит в центре того или иного явления, что определяет главное направление его развития, его главные исторические особенности и т. д. (см.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 139, 142).

Представляется, что вышеизложенное позволяет утверждать, что рассматриваемое нами историческое явление в целом — героическая борьба советских людей в тылу врага в годы Великой Отечественной войны — можно с полным основанием характеризовать как всенародная партизанская война.

Вместе с тем следует отметить, что, несмотря на очевидную связь, сходство и взаимообусловленность различных средств, организационных форм и приемов всенародной партизанской войны, на наш взгляд, было бы явным упрощением, методологически и исто-

ных мстителей, Главком и штабы партизанского движения провели серьезную работу по упорядочению организационной структуры партизанских сил с учетом условий, в которых приходилось им действовать. Наряду с крупными партизанскими формированиями шло создание сравнительно небольших подвижных подразделений. Отдельные громоздкие соединения Калининской, Орловской и Смолен-

рически неверным сводить их все (в масштабе всех оккупированных районов) к сугубо партизанским. Организуя и идейно вдохновляя народную войну в тылу противника, непосредственно руководя ею, Коммунистическая партия свято соблюдала важнейшее указание В. И. Ленина, что марксизм никогда не зарекался и не зарекается ни от каких форм народной борьбы. (см.: Полн. собр. соч., т. 14, стр. 1—2).

Исходя из этого основополагающего принципа, Коммунистическая партия в своей теоретической и организационно-политической деятельности, опираясь на инициативу масс, поощряла, в нужное время находила, рекомендовала, умело развивала и динамично сочетала на практике именно те формы массового сопротивления захватчикам, которые в каждом конкретном районе страны, в конкретно-исторических и соответствующих географических условиях возникали в ходе войны и являлись наиболее целесообразными и эффективными с точки зрения решения основной стратегической задачи — изгнания оккупантов из пределов Советской страны, полного военного и политического разгрома германского фашизма.

Отсюда со всей очевидностью вытекает тот факт, что как нельзя слишком упрощенно, так и неправомерно чрезвычайно расширительно трактовать понятия «партизанские действия», «партизанская борьба», «партизанские выступления», подводить под них все средства, приемы и организационные формы народного сопротивления. При рассмотрении сущности бытующих в исторической литературе понятий «всенародное партизанское движение», «всенародная партизанская война», «народная война», «всенародная борьба» и т. п. необходимо прежде всего, по нашему убеждению, исходить из ленинского положения, что всякая война — «...вещь архинестрая, разнообразная, сложная» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 49, стр. 369), видеть всю цепь исторических факторов и событий в их частном и в целом, в их причинных связях и конечных результатах, выделять из этих фактов и событий главные, доминирующие.

В. И. Ленин учил, что всякое общественное явление может быть правильно понято лишь тогда, когда оно рассматривается исторически. Весь дух марксизма, вся его методология требуют, чтобы каждое положение рассматривалось строго исторически, лишь в теснейшем взаимодействии с другими, лишь в связи с конкретным опытом истории (см.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 49, стр. 329). Все труды Маркса, Энгельса, Ленина пронизаны именно историческим методом анализа общественных явлений и событий.

На этом основании нам представляется ошибочным утверждение отдельных историков, что будто только факты есть историче-

ской областей были разукрупнены. В то же время представительству ЦШПД на Карельском фронте (С. Я. Вершинин), учитывая особенность театра партизанских действий, было предложено расчленив оперировавшую в этом районе партизанскую бригаду на ряд мобильных отрядов. Указанная реорганизация была продиктована трудностями ведения партизанских действий в ближайшем оперативном

ское, а выводы из них — суть логическое. Неточность такого утверждения, по нашему мнению, состоит в том, что каждый факт в отдельности есть лишь фрагмент действительности (истории), ее дискретная, статичная часть. Чтобы правильно осветить развитие того или иного исторического события, необходимо факты привести в определенную систему, т. е. расположить их не только в хронологической последовательности, но также и систематизировать их на основе общности родовых признаков, общественно-исторической значимости и т. п. Иными словами, показать развитие событий посредством одних только «голых» фактов просто невозможно. Для этой цели их необходимо сопоставлять, ставить в определенную связь друг с другом в соответствии с уже имеющимися знаниями, определенными принципами. Нет приема более несостоятельного в области общественных явлений, учил В. И. Ленин, «как выхватывание отдельных фактов, игра в примеры». «Факты,— указывал он,— если взять их в их *целом*, в их *связи*, не только «упрямая», но и безусловно доказательная вещь». В исследовании общественных явлений надо попытаться установить такой фундамент из точных и бесспорных фактов, на который можно было бы опираться. «Чтобы это был действительно фундамент, необходимо брать не отдельные факты, а *всю совокупность* относящихся к рассматриваемому вопросу фактов, *без единого* исключения, ибо иначе неизбежно возникнет подозрение, и вполне законное подозрение, в том, что факты выбраны или подобраны произвольно, что вместо объективной связи и взаимозависимости исторических явлений в их *целом* преподносится «субъективная» стряпня...» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 350, 351).

Всесторонний учет объективных предпосылок исторического явления, роли элементов субъективного фактора в нем, выяснение того, как и почему данное явление возникло, какие этапы в своем развитии оно проходило, что в нем было главным, определяющим, анализ диалектической взаимосвязи и взаимообусловленности всего многообразия форм организации, методов и приемов активного соприкосновения немецко-фашистским захватчиком в масштабе всех, без исключения, оккупированных советских районов позволяет делать вывод: патриотическое движение советского народа в тылу немецко-фашистских захватчиков по своим истокам, содержанию, политическим целям, социально-классовому представительству и числу его участников было всеобъемлющим, поистине общенародным. «Общенародно то движение,— указывал В. И. Ленин,— которое выражает объективные нужды всей страны, направляя свои тяжелые удары против центральных сил врага... Общенародно то движение, которое поддерживается сочувствием огромного большинства населения» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 22, стр. 283).

тылу фашистов: нехватка опытных кадров для руководства крупными соединениями, недостаток устойчивых средств связи для координации действий народных мстителей и т. п. Что же касается глубокого тыла противника, особенно в освобожденных и контролируемых партизанами краях и зонах, то там продолжали успешно действовать крупные партизанские формирования. Однако и здесь при-

Партизанское движение в тылу гитлеровских оккупантов изобиловало огромным многообразием организационных форм, средств, методов и приемов освободительной народной войны. Основными и наиболее ярко выраженными из них являлись: многоплановая, организационно управляемая и наиболее результативная из всех форм народной войны, являвшаяся в большинстве случаев определяющей по отношению к другим формам (видам) борьбы народа против оккупантов, борьба вооруженных партизанских сил; разносторонняя (организационно-политическая и диверсионно-боевая и т. д.) деятельность территориального подполья; всевозможное сопротивление оккупантам невооруженного населения, из которого были выходцами и на которое в свою очередь постоянно опирались партизаны и подпольщики.

Несомненно, каждая форма патриотического сопротивления врагу (организованная и неорганизованная) имела свою, присущую ей степень активности, размах и глубину, внутреннюю структуру и специфику, подчинялась своим правилам и основным принципам, требовала большой изобретательности, огромного мужества, готовности к самопожертвованию. В то же время все они (формы, методы и приемы борьбы с захватчиками) находились в неразрывном единстве. Патриотов сплачивало и объединяло в первую очередь то общее, что было основным, определяющим для всего этого общественно-исторического явления в целом: истоки, идейные основы, направляющие силы, стратегические принципы, главные и конечные цели общенародной борьбы, которую вел весь советский народ против гитлеровской Германии.

Исходя из этих критериев, явление в целом с полным основанием можно характеризовать как всенародную партизанскую войну во всем ее грозном величии и неисчислимом многообразии. «На временно оккупированной территории Белоруссии дни и ночи пылало пламя небывалой по своим масштабам и характеру всенародной партизанской войны... Это была подлинно массовая, в полном смысле этого слова всенародная война,— справедливо подчеркивал кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК Компартии Белоруссии П. М. Машеров в своей речи 28 июня 1974 года на торжествах, посвященных 30-летию освобождения республики от гитлеровских оккупантов и присвоению Минску почетного звания «Город-герой». — И героем в ней был каждый, кто мог и не мог стоять в военном строю: боец партизанского отряда, и деревенский парнишка, ставший связным, и седовласый дед, указавший партизанам тропы через непроходимые болота, и женщина, ухаживавшая за раненым. Героями были все, в ком жила великая любовь к Родине и жгучая классовая ненависть к фашистам» («Советская Белоруссия», 29 июня 1974 г.).

нимались все меры к тому, чтобы отряды, входившие в состав соединения, могли действовать и как самостоятельные боевые единицы. Одновременно Главкомом совместно со штабами партизанского движения был предпринят ряд мер по укреплению партизанских сил кадрами, снабжению патриотов оружием и боеприпасами, средствами связи, периодической литературой. Все это, естественно, положи-

Из всего рассмотренного нами выше логически вытекает вывод, что героическая борьба организационно оформленных и управляемых партизанских сил, многоплановая патриотическая деятельность подполья, массовое сопротивление оккупантам невооруженного населения — формы (виды) народной войны, звенья одной цепи, составные части единого целого, а партизан, подпольщик, агентурный разведчик, связной, проводник, невооруженный житель и т. п. — несомненно, категоричность участников (с их специфическим функциональным назначением) этого сложного и величественного исторического явления — *всемирной войны, героической борьбы всего народа, всемирной партизанской войны*. По нашему мнению, при целостном и глубоком рассмотрении данного явления между этими понятиями-терминами применительно к Великой Отечественной войне нет ни непроходимой «китайской стены», ни резкого контраста, ни взаимоисключения, ни существенного смыслового различия. В то же время при строгом подходе нельзя не заметить, что термин-понятие «всемирная борьба» более общезначимого порядка и не отражает в полной мере всю глубину, специфичность и сложность общественно-исторического явления, каким была партизанская война периода Великой Отечественной. Это наглядно видно даже из того, что в настоящее время мы говорим и пишем (и совершенно правильно и закономерно): всемирная борьба за мир на земле, всемирная борьба за успешное претворение в жизнь решений XXIV съезда КПСС, всемирная борьба за досрочное выполнение пятилетнего плана и т. д. Применительно к рассматриваемому нами вопросу термин-понятие «всемирная борьба» больше всего подходит к характеристике Великой Отечественной войны в целом. «Великая Отечественная война — это *всемирная борьба* (выделено мной — Я. П.) за свободу и независимость социалистической Родины, — подчеркивал в своей речи 17 апреля 1975 года член Политбюро ЦК КПСС, Министр обороны СССР А. А. Гречко на научно-теоретической конференции, посвященной 30-летию победы советского народа над фашистской Германией. — В ней принимал активное участие весь советский народ. Вместе с воинами на фронте ковали победу в тылу страны рабочие, крестьяне, интеллигенция. Мужественно боролись партизаны, подпольщики на временно оккупированной противником территории. Советские люди в едином строю самоотверженно защищали свою Родину» («Красная звезда», 18 апреля 1975 г.).

Помимо указанных выше мотивов мы называем рассматриваемое нами явление *партизанской войной*, в равной мере как и *всемирной борьбой* в тылу врага, *всемирной войной*, *всемирной*

тельным образом сказалось на дальнейшем развитии патриотического движения в тылу оккупантов.

Во второй половине ноября 1942 года во избежание излишней централизации должность Главкома партизанского движения была упразднена. Все органы руководства партизанской войной, кроме Украинского штаба партизанского движения, и все партизанские силы перешли в подчинение ЦШПД.

ным патриотическим движением против захватчиков, еще и на том основании, что В. И. Ленин, как показано нами выше, давая ключ к пониманию общественных явлений, неоднократно напоминал диалектикам-марксистам, что при рассмотрении исторических явлений непременно надо учитывать их объективное содержание, определить их «движение», т. е. видеть то, что стоит в центре, что является базисным, основным по отношению к содержанию явления (содержание — совокупность всех элементов, сторон, процессов, составляющих данный предмет, явление), что *определяет направление его развития*, что составляет *главные особенности его развития*.

При всестороннем анализе рассматриваемого явления отчетливо видно: во-первых, действия вооруженных партизанских формирований как по числу участников бойцов-партизан, так и по их военно-политической значимости были основными, доминирующими, если можно так выразиться, по отношению ко всем остальным формам (видам), методам и приемам патриотической борьбы; являясь наиболее решительной формой ведения всенародной войны в тылу захватчиков, они в течение всего периода общенародной борьбы с врагом стояли в центре внимания партии, лучшие и основные ее силы, оставленные для организации и ведения непримиримой борьбы с оккупантами, находились в рядах вооруженных бойцов; во-вторых, многочисленные партийные и другие документы периода войны и послевоенных лет, а также периодическая печать и официальные издания, как правило, в подавляющем большинстве случаев, последовательно классифицируют данные понятия-термины как однопорядковые, не делая между ними существенного различия и взаимоисключения; в-третьих, не делали и не делают существенного различия между ними выдающиеся деятели Коммунистической партии и Советского государства, видные советские полководцы и военачальники (см., например, работы М. И. Калинина периода войны, а также Л. И. Брежнева «Ленинским курсом. Речи и статьи», т. 1. М., 1970, стр. 132—133, 237, 238; А. А. Гречко «Вооруженные Силы Советского государства». М., 1974, стр. 150—152, а также речи и статьи А. Н. Косыгина, К. Т. Магурова, М. А. Суслова, В. В. Щербицкого, П. М. Машерова и др.); в-четвертых, все формы патриотических выступлений советского народа в тылу оккупантов по своим методам и средствам борьбы были в подавляющем большинстве или идентичны, или же близки и схожи, находились в тесной взаимосвязи, дополняли и углубляли друг друга, нередко одна из них переходила в другую.

Наконец, нельзя не указать и на тот факт, что вооруженные

18 сентября ЦШПД утвердил конкретный план мероприятий по реализации приказа «О задачах партизанского движения». Были намечены конкретные меры по налаживанию устойчивой двусторонней связи с подпольными парторганами и партизанскими формированиями, по подготовке партизанских кадров, увеличению материально-технического обеспечения народных мстителей. Серьезное внимание ЦШПД уделял увеличению выпуска агитацион-

партизанские действия, партизанская борьба перерастают в движение, во всеобщую народную войну лишь там, где они ведутся трудовыми массами. Партизанскую войну нельзя искусственно инспирировать ни в какие времена. Известно, что в годы гражданской войны и иностранной военной интервенции свергнутые эксплуататорские классы пытались использовать партизанские способы борьбы против Советской власти (бело-зеленое движение на Северном Кавказе, махновщина на Украине, антоновщина в Тамбовской губернии, басмачество в Средней Азии и др.). Основу их составляли представители контрреволюционных классов, тесно связанных с иностранными интервентами. Естественно, что все эти контрреволюционные силы не получили поддержки народа и, едва возникнув, быстро вырождались в бандитизм.

Те же причины лежали в основе краха буржуазно-националистического движения бандеровцев, действовавших в годы Великой Отечественной войны главным образом в западных областях Украины. Находясь в услужении у немецко-фашистских оккупантов, стремясь к возрождению старого эксплуататорского строя, бандеровцы, в корне враждебные народу и лишённые его поддержки, представляли собой, по существу, бандитские группы и были сравнительно быстро обезврежены.

Полным провалом закончилась и затея правящей клики фашистской Германии, которая, будучи на краю катастрофы, под влиянием эффективности партизанского движения в СССР и движения Сопротивления в Европе пыталась развернуть партизанскую войну против армий антигитлеровской коалиции, и прежде всего против Красной Армии, путем создания специальной организации, так называемого «Вервольфа» («Оборотень»). «Вервольф», по замыслам гитлеровцев, должен был стать ядром «фашистского движения сопротивления». Руководство этой организацией было поручено ярому фашисту Приюцману, «прославившемуся» ранее в борьбе против патристического движения на Украине. В распоряжение «Вервольфа» были предоставлены огромные средства, созданы крупные материально-технические базы, главным образом в горных районах Германии. «Вервольф» располагал необходимым временем для организации партизанской войны. Для ее развертывания создавались специальные вооруженные формирования, боевые группы и организации. Однако правители фашистской Германии, преследовавшие в войне захватнические, человеконенавистнические, антинародные цели, не смогли развернуть партизанское движение против Красной Армии и войск союзнических государств антигитлеровской коалиции. Этот замысел потерпел полный крах.

но-пропагандистской литературы, мерам по ее доставке за линию фронта. Одновременно план предусматривал направление в отдельные оккупированные районы организаторских групп с уполномоченными Центра с целью подготовки и осуществления ряда крупных операций в тылу захватчиков и дальнейшего расширения и углубления партизанской войны¹¹³.

Мероприятия аналогичного порядка были разработаны и претворялись в жизнь республиканскими и областными органами руководства партизанским движением.

Усиление партийного руководства народной войной

Расширение и углубление патриотической борьбы, превращение всенародного по характеру и политическим целям партизанского движения в масштабное и высокоэффективное, подлинно всенародное и по числу его участников являлось первостепенной задачей руководящих партийных работников и всех коммунистов, находившихся во вражеском тылу. Важную роль в ее решении играли пленумы и бюро ЦК компартий союзных республик и областных комитетов. На пленумах и заседаниях бюро тщательно изучался и обобщался опыт народной борьбы в тылу вражеских войск, обсуждались вопросы боевой деятельности подпольных организаций и партизанских отрядов, принимались соответствующие решения. Так, состоявшийся 16—17 апреля 1942 года в Москве IX пленум Смоленского обкома партии обстоятельно обсудил доклад первого секретаря Д. М. Попова «Задачи областной партийной организации в Великой Отечественной войне».

Антинародная сущность партизанской войны, которую хотели развязать фашистские заправилы на собственно германской территории, в корне подрывала самую возможность ее развертывания.

Эти примеры как нельзя лучше подтверждают слова В. И. Ленина о том, что «нельзя вести массы на грабительскую войну... и надеяться на их энтузиазм» (Полн. собр. соч., т. 34, стр. 197). Ибо только сознательное участие в партизанском движении народных масс, которые ясно видят перед собой справедливую цель борьбы, может быть верным залогом ее успеха, поскольку истоки партизанской войны, как указывал В. И. Ленин, кроются в конкретных исторических условиях, в могучих социально-политических факторах (см.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 14, стр. 7).

Докладчик и выступавшие в прениях подвели итоги девяти-месячной работы, проделанной коммунистами области по организации партизанского движения в тылу оккупантов. Пленум обязал руководителей подпольных партийных организаций, комиссаров и всех коммунистов партизанских отрядов «широко развернуть политическую работу среди населения оккупированных районов, всемерно разоблачать фашистский «новый порядок», срывать все мероприятия, проводимые оккупантами, широко организовывать повстанческое движение, истреблять немецких оккупантов и их ставленников, восстанавливать Советскую власть»¹¹⁴.

Важное значение для улучшения политической и организационной работы партии в захваченных гитлеровцами районах имели также решения X пленума Смоленского обкома ВКП(б), состоявшегося 25 октября 1942 года в райцентре Кондрово. И на этом пленуме наряду с членами обкома присутствовали секретари подпольных партийных органов, командиры и комиссары партизанских формирований. Решение пленума было отпечатано в виде листовок большим тиражом и распространено среди населения оккупированных районов. Его читали в партизанских отрядах, на нелегальных собраниях в селах и городах области¹¹⁵.

Состоявшийся в декабре 1942 года VII пленум Орловского областного комитета партии обсудил доклад секретаря обкома А. П. Матвеева об очередных задачах областной партийной организации. В решении было записано: «Пленум с удовлетворением отмечает улучшение руководства партизанским движением. Партизаны Орловщины своими боевыми делами завоевали почетное место в славной семье народных мстителей и получили высокую оценку партии и правительства». Вместе с тем пленум обязал областной комитет партии настойчиво «продолжать работу по созданию новых партизанских отрядов и вести дело к тому, чтобы партизанское движение стало всенародным»¹¹⁶.

Огромную роль в развитии массового партизанского движения в оккупированных гитлеровцами районах Российской Федерации сыграли решения бюро и пленумов Калининского, Курского и Крымского обкомов партии, состоявшихся в 1942 году. Они подвели итоги борьбы и наметили планы дальнейшего развертывания коммунистического подполья и партизанских действий, спасения мирных жителей от истребления и насильственного угона на фашистскую каторгу¹¹⁷.

Осенью 1942, весной и летом 1943 года ЦК Коммунистической партии Украины заслушал отчеты Черниговского, Сумского и Каменец-Подольского подпольных обкомов КП(б)У, командиров и комиссаров отдельных партизанских соединений. Деятельность подпольных партийных организаций и партизанских формирований Украины неоднократно обсуждалась также на заседаниях Политбюро ЦК ВКП(б) ¹¹⁸.

Исключительно важное значение в развитии всенародного партизанского движения в Белоруссии сыграл V пленум ЦК КП(б)Б, состоявшийся в Москве в конце февраля 1943 года. В его работе наряду с членами и кандидатами в члены ЦК участвовали прибывшие из вражеского тыла секретари подпольных партийных органов, командиры и комиссары партизанских бригад и отрядов. Пленум обстоятельно обсудил вопрос «Об обстановке и задачах работы партийных органов и партийных организаций в оккупированных районах Белоруссии». Он обязал партийные организации направить все усилия на дальнейшее расширение и организационное укрепление партизанского движения, на разжигание всенародной войны во всех без исключения районах Белоруссии, наметил конкретную программу действий народных мстителей в тылу гитлеровских войск. Пленум рассмотрел формы организационного построения партизанских сил, подчеркнул, что на данном этапе борьбы, «учитывая наличие больших скрытых резервов и огромное повышение боевой активности народа против немецких захватчиков, необходимо создавать новые партизанские отряды, выделяя из существующих отрядов проверенных командиров и комиссаров, коммунистов и комсомольцев в качестве организаторов...» ¹¹⁹. Исходя из этого, рекомендовалось увеличить сеть руководящего партийного подполья, улучшить партийное влияние в нелегальных комсомольских организациях республики. «Считать первоочередной задачей, — подчеркивалось в решении пленума, — усиление руководящей роли партийных организаций партизанским движением и политической работой в тылу. С этой целью провести дополнительно насаждение конспиративных центров, комитетов партии *, подпольных пар-

* К концу февраля 1943 г. в оккупированных районах Белоруссии организаторскую и политическую работу среди партизан и населения вели 7 подпольных обкомов, 5 межрайкомов, 3 горкома и 66 райкомов партии.

тийных организаций и уполномоченных партийных органов, несущих перед ЦК ответственность за политическую работу и партизанское движение во всех областях, районах и городах Белоруссии»¹²⁰.

Одновременно пленум нацелил подпольные партийные органы и организации на необходимость усиления политической работы в массах, особенно в западных областях республики, определил задачи и направления боевой деятельности партизан и подпольщиков в связи с изменением обстановки на фронте в пользу Красной Армии.

Материалы V пленума ЦК Компартии Белоруссии были широко обсуждены в каждой нелегальной парторганизации, на общепартийных собраниях, в беседах с отдельными коммунистами и партизанами. В тех случаях, где позволяла обстановка, были проведены районные подпольные партийные собрания, собрания командно-политического актива партизанских формирований. 20 мая Любанский нелегальный РК КП(б)Б провел в деревне Полично районное партийное собрание с повесткой дня: «Решения V пленума ЦК КП(б)Б и задачи партизан в тылу врага». На собрании присутствовало 92 коммуниста. В прениях по докладу секретаря подпольного райкома А. А. Боровика выступило 18 человек.

Нелегальные районные партийные собрания прошли также в Старобинском, Стародорожском (Минская обл.), Чериковском (Могилевская обл.), Сенненском (Витебская обл.) и других оккупированных районах республики¹²¹. В процессе изучения материалов V пленума коммунисты обстоятельно проанализировали деятельность партийных организаций, подвергли критике имевшие место недостатки, наметили конкретные мероприятия по их устранению.

Активно проходили общие собрания первичных парторганизаций. В партийных организациях партизанских подразделений Витебской области при обсуждении решений V пленума из 1600 присутствовавших на собраниях выступило 413 коммунистов. Особое внимание выступавшие обратили на отстающие участки деятельности отрядов, подчеркнув, что каждый коммунист непременно должен быть примером для остальных бойцов-партизан. Были проанализированы также упущения внутрипартийной и политической работы в отрядах и среди местного населения¹²².

В своих первомайских призывах 1943 года ЦК ВКП(б) вновь нацелил действовавшие в тылу партийные и комсо-

мольские органы, все население оккупированных районов на расширение партизанских действий, на превращение их во всенародную войну. «Русские, украинцы, белорусы, молдаване, литовцы, латыши, эстонцы, карелы, — указывалось в первомайских призывах ЦК партии, — временно подпавшие под ярмо немецко-фашистских мерзавцев! Раздувайте пламя всенародного партизанского движения!»¹²³

Претворяя в жизнь призывы и руководящие указания Коммунистической партии, находившиеся в советском тылу партийные органы Белоруссии, Украины, Прибалтийских республик и оккупированных областей РСФСР усилили подготовку и отправку в тыл противника кадров подпольщиков и специалистов партизанских методов и приемов борьбы. Региональные подпольные партийные органы и первичные организации неустанно совершенствовали организационные формы и приемы партизанской войны непосредственно в тылу, вовлекали в движение новые сотни мужчин и женщин, юношей и девушек. Например, только в Белоруссии за сравнительно небольшой период — с ноября 1942 по март 1943 года — количество вооруженных партизан, по данным БШПД, увеличилось более чем на 21 тысячу человек, а их учетные резервы возросли в 5 раз. Такой приток свежих сил позволил сформировать около 100 новых отрядов. К весне 1943 года в 522 партизанских отряда входило почти 70 тысяч, а в зарегистрированные резервы — свыше 150 тысяч патриотов. Одновременно подпольные парторганизации КП(б)Б добились заметного повышения уровня боевой деятельности партизан¹²⁴.

Значительно увеличилась к лету 1943 года армия народных бойцов в оккупированных районах Российской Федерации. Только перед Брянским, Западным и Калининским фронтами действовало до 92 тысяч партизан, с которыми Центральный и областные штабы партизанского движения имели устойчивую двустороннюю связь. Скрытые партизанские резервы составляли здесь около 60 тысяч человек¹²⁵. Количество партизан в оккупированных районах Ленинградской области увеличилось к этому времени до 35 тысяч человек¹²⁶.

Организационно-политические мероприятия Центрального, республиканских и областных комитетов партии, повседневная деятельность подпольных обкомов, горкомов, райкомов и других нелегальных партийных органов при-

вели к увеличению подпольных парторганизаций, боевых групп патриотов, действовавших в городах, на железнодорожных станциях и в других населенных пунктах. Параллельно с этим шел процесс создания и организационного оформления объединенных (региональных, межрайонных, зональных) штабов партизанского движения. Подпольными партийными органами они создавались с целью координации боевых действий советских патриотов как в пределах территории отдельных районов и областей, так и в масштабе нескольких районов одной области или смежных областей. Так, 10 марта 1942 года в целях создания единого руководства партизанскими силами трех областей было созвано совещание секретарей подпольных РК ВКП(б), командиров и комиссаров отрядов Сумской (Червоный, Ямпольский, Путиловский), Курской (Хомутовский) и Орловской (Севский район и отряд имени К. Е. Ворошилова) областей. Совещание учредило объединенное командование партизанскими отрядами, действовавшими в зоне Хинельских лесов. Командиром был назначен капитан И. А. Гудзенко, комиссаром — политрук М. П. Лукашев, заместителями — Л. Я. Иванов и Г. Ф. Покровский, начальником штаба — капитан Наумов¹²⁷. В итоге мощного подъема всенародного партизанского движения к весне — лету 1942 года с огромной территории северо-западнее Брянска были изгнаны гитлеровские оккупанты и создан обширный партизанский край. Территория его простиралась с севера на юг до 140 километров, с запада на восток — до 100. Партизаны удерживали в своих руках до 500 населенных пунктов, в которых насчитывалось до 200 тысяч жителей¹²⁸.

В середине мая 1942 года по поручению Орловского обкома партии и командования Брянского фронта находившаяся в тылу оперативная группа обкома провела совещание с секретарями подпольных райкомов партии и командным составом партизанских формирований. На нем присутствовало свыше 70 человек. Совещание приняло решение создать штаб объединенных отрядов по руководству партизанской войной в южных и юго-западных районах Орловской области. С 19 ноября 1942 года приказом Главнокомандующего партизанским движением К. Е. Ворошилова он был переименован в штаб объединенных партизанских бригад. Командиром объединенных партизанских бригад был назначен Герой Советского Союза

Д. В. Емлютин, комиссаром — Герой Советского Союза, первый секретарь Трубчевского подпольного райкома партии А. Д. Бондаренко, начальником штаба — майор В. К. Гоголюк, редактором газеты «Партизанская правда» — Н. П. Коротков. Одновременно было принято решение об активизации и координации деятельности партизанских формирований¹²⁹.

Рост партизанских сил и их организационно-политическое укрепление происходили и в последующий период борьбы с оккупантами. Например, в Белоруссии под руководством подпольных партийных органов в конце 1942—первой половине 1943 гг. повсеместно завершилось создание стройной и гибкой системы управления партизанскими подразделениями снизу доверху. В период бурного роста вооруженных партизанских сил сложились партизанские соединения и их штабы в масштабе целых областей или группы смежных районов внутри областей. Например, зимой 1942/43 года организационно были оформлены Гомельское и Полесское областные партизанские соединения, весной — летом 1943 года — Барановичское, Брестское, Белостокское, Вилейское и другие. Общее руководство ими осуществляли областные подпольные комитеты партии. Первые секретари нелегальных обкомов, как правило, являлись командирами партизанских соединений (Минского — В. И. Козлов, Р. Н. Мачульский, Гомельского — И. П. Кожар, Полесского — Ф. М. Языкович, а с 5 сентября 1943 года — И. Д. Ветров, Барановичского — В. Е. Чернышев, Вилейского — И. Ф. Климов, Брестского — С. М. Сикорский). Пинское соединение возглавил один из первых зачинателей партизанской войны в Белоруссии, член Пинского подпольного обкома партии В. З. Корж. Во время его пребывания в советском тылу (май — сентябрь 1943 г.) областное соединение возглавлял первый секретарь Пинского подпольного обкома КП(б)Б А. Е. Клещев. Фактически командиром Белостокского областного соединения партизан был член подпольного обкома Ф. Ф. Кагуста. Боевой деятельностью партизанских сил на территории Могилевской области руководила военно-оперативная группа (ВОГ), созданная в апреле 1943 года при Могилевском подпольном обкоме. Возглавляли Могилевскую ВОГ первоначально член подпольного обкома П. В. Яхонтов, а затем — кадровый военный, член подпольного обкома партии С. Г. Сидоренко-Солдатенко¹³⁰.

Несколько иначе, по сравнению с другими оккупированными районами, сложилась форма партийного руководства партизанским движением в Витебской области. Здесь в 1943 году был глубоко внедрен в практику институт ответственных организаторов подпольного обкома партии. Вся территория области разделялась на четыре куста по 5 смежных районов в каждом: Витебский, Оршанский, Лепельский и Полоцкий. Областной центр являлся самостоятельной единицей, где общую координацию действий патриотов осуществляли три ответственных организатора. На каждый район куста назначался один ответственный организатор, который почти безвыездно находился в партизанских подразделениях своего района. Помимо партийных ответственных организаторов в бригадах и отрядах часто и подолгу бывали секретари подпольного обкома партии и комсомола, которые проводили соответствующую работу с командно-политическим и личным составом партизанских подразделений¹³¹.

В этот же период для усиления оперативного руководства борьбой партизан в ряде областей Белоруссии были созданы зональные штабы. Они осуществляли непосредственную координацию боевых действий групп партизанских отрядов и бригад*. Так, в мае 1943 года на основании решения штаба Полесского областного соединения из партизанских подразделений (пять бригад и один отдельно действующий отряд), действовавших на правом берегу

* В ряде случаев для отражения карательных экспедиций врага или проведения партизанами крупных боевых операций Центральный, республиканские и областные штабы партизанского движения поручали своим уполномоченным, а также наиболее опытным партизанским командирам и комиссарам координацию действий целых группировок партизанских формирований. Например, в октябре 1943 года для проведения масштабной операции по одновременному разгрому ряда гарнизонов противника общеперативное руководство партизанскими силами Оршанско-Сенненской зоны ВШПД поручил комбригу Чашникской бригады Ф. Ф. Дубровскому. Для координации боевых действий 16 партизанских бригад Полоцко-Лепельской зоны в период отражения карательной экспедиции гитлеровцев по указанию ЦШПД в ноябре 1943 года была создана оперативная группа ЦК КП(б)Б и ВШПД во главе с опытным вожаком белорусских партизан — уполномоченным ЦК КП(б)Б, представителем ЦШПД В. Е. Лобанком (см.: В. Е. Лобанок. Партизаны принимают бой. М., 1972, стр. 21—29; ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 3500, оп. 3, д. 118, л. 148; оп. 4, д. 17, лл. 497—513).

реки Припять, был создан региональный штаб по руководству партизанскими силами Южно-Припятской зоны (командир И. С. Дьяченко, комиссар А. М. Беленчик, являвшийся помощником уполномоченного ЦК КП(б)Б по Гомельской области)¹³². Барановичский подпольный обком партии весной 1943 года в северной группе районов области создал 5 партизанских зон — Столбцовскую, Ивенецкую, Лидскую, Щучинскую и Слонимскую. Во главе зон были утверждены члены нелегального обкома — В. З. Царюк, Г. А. Сидорок, С. П. Шупеня, Е. Д. Гапеев и Д. М. Армянинов. Координацию партизанских действий в южной группе районов осуществлял один из секретарей подпольного обкома Р. А. Баранов¹³³. Осенью 1943 года зональное руководство партизанскими силами вошло в практику деятельности Вилейского обкома партии. Во главе Центральной зоны стоял секретарь обкома А. А. Манахов, Северной и Юго-Восточной — члены обкома В. А. Титовец и П. А. Жукович. Руководство всех трех зон было подчинено подпольному обкому партии и совместно с его военно-оперативным отделом непосредственно разрабатывало все вопросы деятельности патриотов.

В Могилевской области оперативное руководство борьбой партизанских соединений и самостоятельно действующих отрядов осуществляли военно-оперативные группы — ВОГи, созданные летом 1943 года Могилевским обкомом партии при подпольных райкомах КП(б)Б. Всего в области было создано и проводило соответствующую военно-оперативную работу девять ВОГ районного и межрайонного значения¹³⁴.

На ряд крупных зон была разделена и оккупированная территория Минской области: Слуцкую, Борисовско-Бегомльскую, Минскую (Червенскую). Находившийся при Минском подпольном обкоме партии штаб по руководству партизанскими отрядами координировал действия народных мстителей в южных районах Минской и — до марта 1943 года — в смежных районах Полесской областей¹³⁵.

В ряде захваченных районов Белоруссии общеполитическое руководство освободительной борьбой народа осуществляли межрайкомы. Всего на оккупированной территории республики под руководством подпольных обкомов КП(б)Б в разное время действовало 16 межрайонных подпольных комитетов партии¹³⁶.

В соответствии с указаниями ЦК ВКП(б) подпольные межрайкомы создавались и в других оккупированных районах страны. На территории нынешней Брянской области было создано и вело активную организационно-политическую работу три межрайкома партии, в Ленинградской области — двенадцать¹³⁷. Они были новой формой партийного строительства, вызванной к жизни самой практикой деятельности партии в условиях вражеского тыла. Осуществляя общее руководство военно-оперативной работой зональных партизанских штабов и отдельных партизанских формирований, межрайкомы как бы дополняли военно-организаторскую и политическую деятельность подпольных райкомов партии, устраняли их промахи и недостатки и являлись своеобразным промежуточным направляющим звеном между ними и нелегальными областными комитетами партии. С созданием подпольных межрайкомов (окружкомов) в захваченных врагом районах был окончательно оформлен и партийно-политический аппарат партизанских формирований. В его состав входили: комиссар соединения, бригады, полка, отряда; комиссары отдельных отрядов или батальонов, входивших в соединение, бригаду, полк; политруки рот, помощники комиссаров по комсомолу (они же секретари комсомольских бюро), первичная партийная организация формирования во главе с секретарем, парторганизации в подразделениях — батальонах, отрядах и партгруппы в ротах, взводах во главе с парторгом, строившие работу в соответствии с Уставом партии. Вся деятельность партийно-политического аппарата партизанского формирования направлялась подпольными райкомами партии. Общеполитическое руководство и контроль в масштабе группы районов (зон) и отдельной области осуществлялись подпольными межрайкомами (окружкомами) и обкомами партии.

В партизанских формированиях базировались и под руководством парторганов вели активную политическую работу среди партизан и населения редакции печатных органов — изданий подпольных райкомов партии, а во многих случаях и партизанских газет. Помимо газет они издавали листовки, сводки Совинформбюро, «молнии», «боевые листки». Агитационно-массовую работу среди народных мстителей и местного населения вели также созданные из числа опытных и политически грамотных бойцов-партизан агитколлективы и лекторские группы, функцио-

нировавшие помимо отделов агитации и пропаганды при подпольных партийных органах ¹³⁸.

Большое значение в повышении политической и боевой активности коммунистов и всего личного состава партизанских подразделений имели расширенные партийные совещания и подпольные партконференции во вражеском тылу. Они проводились почти во всех оккупированных районах страны. В ноябре 1941 года в Самарском лесу состоялась нелегальная конференция коммунистов левобережной части Днепропетровской области. Конференция обсудила вопрос о состоянии и задачах народной борьбы в тылу противника, приняла решение о слиянии всех небольших партизанских отрядов и мелких групп в крупное соединение ¹³⁹.

Летом 1942 года на партийную конференцию собрались коммунисты первичных парторганизаций партизанских подразделений, дислоцировавшихся в брянских лесах. Присутствовало 152 делегата. В качестве гостей в работе конференции приняла участие группа коммунистов Сумской области во главе с С. А. Ковпаком ¹⁴⁰.

Актуальные задачи по углублению и расширению партизанской войны на оккупированной гитлеровцами территории Украины обсуждались на кустовом партийном совещании 22 районов Киевской, Винницкой и Черкасской областей (август 1942 г.), на нелегальной конференции коммунистов-подпольщиков Житомирской области (май 1943 г.), на партконференции партизанского соединения имени В. И. Ленина в Винницкой области и других подпольных форумах украинских коммунистов ¹⁴¹.

Атмосфера высокой требовательности, строгой взыскательности и самокритичности царила на 1-й партийной конференции 2-й Ленинградской партийной бригады, состоявшейся в июне 1942 года. В ее работе приняло участие 56 коммунистов, избранных на партийных собраниях в отрядах. Конференция по-деловому обсудила итоги боевой и партийно-политической работы за первую половину текущего года, определила дальнейшие задачи коммунистов. С отчетным докладом по повестке дня выступил комиссар бригады С. А. Орлов. Выступавшие в прениях (выступило 8 чел.) говорили о диверсионно-боевых делах подразделений народных мстителей, которые они представляли, о массово-политической работе, проводимой ими среди партизан и местного населения, о задачах коммунистов бри-

гады по усилению боевых действий отрядов, укреплению дисциплины и правопорядка, о стремлении идти дальше, устранять недостатки, изыскивать резервы для расширения борьбы с гитлеровскими оккупантами. По обсуждавшемуся вопросу конференция приняла соответствующее постановление, а также приветствия в адрес ЦК ВКП(б), Ленинградского обкома партии и Военного совета Северо-Западного фронта. Открытым голосованием была избрана партийная комиссия в составе 5 человек ¹⁴².

О повышении авангардной роли коммунистов в борьбе с оккупантами шел серьезный разговор в декабре 1942 года на партийной конференции партизанской бригады, которую возглавлял Ф. С. Данченков (Орловская обл.). Коммунисты говорили о необходимости полнее использовать накопленный опыт партизанской войны, совершенствовать дальше боевое мастерство бойцов-партизан, с честью выполнять высокую миссию коммуниста — быть всегда впереди, быть там, где труднее, отдавать все силы борьбе с врагом. В принятом конференцией решении подчеркивалось: «Партконференция призывает каждого члена партии и кандидата ВКП(б) и комсомольцев возглавить борьбу [масс] за быстрейшее изгнание с советской земли немецких оккупантов. Каждый коммунист и комсомолец должен быть образцом в выполнении боевых приказов командования бригады. Коренным образом улучшить воспитательную работу среди личного состава подразделений бригады...» ¹⁴³

По-деловому прошла осенью 1943 года конференция коммунистов смоленского партизанского полка «Тринадцать». В докладе командира полка С. В. Гришина принципиальному анализу были подвергнуты итоги боев в тылу противника с 1 мая по 11 ноября, с момента выхода полка из Смоленской области в Белоруссию. Важно отметить, что выступавшие в прениях говорили не только об успехах, но и подвергли острой критике тех коммунистов, которые свыклись с более или менее благополучными общими итогами боев, с положением «середнячков» и не проявляли особых устремлений к тому, чтобы подняться над уже достигнутым. «Доклад командира полка обсуждался бурно, — вспоминает участник этой конференции Н. И. Москвин. — Выступали комбаты, ротные и взводные командиры, пулеметчики и подрывники. Здесь вещи назывались своими именами. Говорили не только о героических усилиях, но и просчетах. Несмотря на безусловные боевые заслуги,

ряду командиров не хватало выдержки, упорства... Для каждого командира, говорили коммунисты, мало обладать личным бесстрашием, надо еще в любой обстановке сочетать гражданское мужество с партийной ответственностью за судьбы людей. Иначе нельзя быть командиром... Конференция высоко оценила деятельность командования полка и работу политсостава, отметила мужество и отвагу большинства коммунистов и комсомольцев и беспристрастно указала на промахи, допущенные товарищами. Это была настоящая школа партийной закалки командного и политического состава»¹⁴⁴.

Об авангардной роли коммунистов и комсомольцев, об усилении ударов по врагу шел принципиальный разговор и на последующих партийных конференциях этого соединения: с января 1943 года по март 1944 года в партизанском полку «Тринадцать» было проведено 4 партийных конференции¹⁴⁵.

Активной была партийная жизнь у коммунистов непокоренной республики-партизанки — Белоруссии. В канун Нового года, 31 декабря 1942 года на первую подпольную конференцию собрались в Усакинском лесу 30 коммунистов Кировского района, представлявших 8 первичных парторганизаций, в которых насчитывалось к тому времени около 100 членов и кандидатов партии. В работе конференции приняли участие помощник уполномоченного ЦК КП(б)Б по Могилевской области М. И. Кудин, секретарь Кличевского подпольного РК КП(б)Б Я. И. Заяц и командир 277-й партизанской бригады (Кировский район) И. З. Изох. На повестке дня стоял один вопрос: «Роль и задачи партийных организаций в партизанской борьбе». С обстоятельным анализом состояния и перспектив партизанского движения на территории района выступили секретарь Кировского подпольного РК КП(б)Б А. И. Бычков, члены райкома партии Е. С. Добринский и С. И. Свирид¹⁴⁶. В постановляющей части резолюции, принятой конференцией, подчеркивалось, что основными задачами райкома партии, командного и политического состава отрядов, первичных парторганизаций рот и других подразделений должно быть настойчивое и повседневное укрепление дисциплины и примерного поведения коммунистов в бою, расширение и углубление партизанской войны на территории района, увеличение партийных рядов за счет преданных Родине и отличившихся самоотверженностью в

бою партизан, усиление воспитательной работы среди комсомольцев и несоюзной молодежи, активизация диверсионной работы на вражеских коммуникациях¹⁴⁷.

В начале февраля 1943 года первую подпольную партийную конференцию провели коммунисты Рогачевского района Гомельской области. Ко времени ее проведения только в рядах вооруженных партизан насчитывалось до 50 коммунистов. Шел большой разговор о конкретных делах и задачах коммунистов. Выступавшие в прениях коммунисты вносили предложения, как улучшить работу райкома, усилить активность партийных и комсомольских организаций, сделать еще более масштабным и глубоким партизанское движение на территории района. Вспоминая об этом важном событии, бывший секретарь Рогачевского подпольного РК КП(б) И. Т. Зуевич пишет: «Обычный класс сельской школы... На стене — портрет Владимира Ильича Ленина... Битком набит школьный класс партизанами и подпольщиками. Вот на одной трехместной скамейке Александр Мальцев и Марк Рубис, представляющие Озеранскую подпольную группу. Рядом Михаил Дойников из Фалевич о чем-то вполголоса спорит с Яковом Михеевым из Станькова. Далее на тесных скамейках — Петр Лукашев, Кузьма Пресняков, Галина Лысенкова, Иван Ярымов. Почти из каждой деревни и поселка, из каждой роты и взвода есть представители коммунистов... Если бы не оружие у каждого, если бы не пропахло большинство из нас дымом лесных костров, можно подумать, что это обычная партийная конференция... Первый партийный форум в тылу врага. Значит, мы — сила, если вокруг противник, а коммунисты района собрались решать свои дела...»¹⁴⁸

Выполняя решения партийной конференции, подпольный райком улучшил работу с беспартийным активом. Ряды коммунистов пополнялись за счет лучших партизан. На одном из очередных заседаний райкома в партию была принята медсестра А. Дегтярева, находившаяся в отряде с весны 1942 года и участвовавшая во многих боях. Коммунистом стал и Д. Золотарев — смелый, решительный партизан. «Он был выдвинут, — пишет И. Т. Зуевич, — на должность командира взвода, а потом командовал ротой. В кандидаты были приняты также разведчик А. Кудрявцев, подрывник А. Добкин, отважные партизаны А. Ткачев, М. Шевелев. Так пополнялась семья коммунистов на оккупированной врагом земле... В декабре 1943 года у нас

состоялось собрание партийного актива, обсудившее ход выполнения решений партконференции. К этому времени в партизанских отрядах насчитывалось 180 коммунистов»¹⁴⁹.

Аналогичные партийные конференции были проведены в 1942—1943 гг. на оккупированной территории Кличевского, Березинского и Осиповичского районов Могилевской области, в ряде районов Витебской, Полесской и Минской областей¹⁵⁰.

В практику партийной работы в тылу врага широко вошли также зонально-кустовые совещания представителей подпольных партийных и комсомольских органов, командиров и комиссаров партизанских бригад и отдельно действующих отрядов. Они, как правило, проводились секретарями подпольных обкомов партии совместно с ответственными организаторами или инструкторами по отдельным районам или группе смежных районов. Такое расширенное совещание секретарей подпольных райкомов партии, командиров и комиссаров партизанских формирований провел в апреле 1943 года по прибытии из Москвы во вражеский тыл секретарь Полесского обкома КП(б)Б Ф. М. Языкович. На совещании были подведены итоги всей предшествовавшей партийной работы и борьбы партизанских отрядов, поставлены конкретные задачи на ближайшее будущее¹⁵¹.

Два совещания (первое 7 апреля, а второе 10 июля) секретарей подпольных райкомов и бюро первичных парторганизаций совместно с командирами и комиссарами партизанских отрядов провел в 1943 году Могилевский подпольный обком КП(б)Б. Эти объединенные партийные форумы явились своего рода семинарами, на которых давался обстоятельный анализ роли коммунистов в партизанском движении, шел обмен опытом руководства всенародной войной против гитлеровских захватчиков¹⁵².

Ряд зональных партийных совещаний был проведен в оккупированных районах Витебской области. Первое такое смешанное совещание секретарей подпольных партийных органов, командиров и комиссаров партизанских формирований провел в середине мая 1943 года в Лепельской зоне секретарь Витебского обкома партии И. Б. Позняков. В июле 1943 года было проведено объединенное совещание секретарей Чашникского, Сенненского и Толочинского подпольных райкомов партии. Осенью этого же года объ-

единенное совещание секретарей подпольных райкомов партии и командно-политического состава партизанских бригад Полоцкого куста провел секретарь обкома партии Я. А. Жилинин¹⁵³.

Весной 1944 года Барановичский подпольный обком партии провел кустовое совещание секретарей подпольных райкомов партии, командиров и комиссаров партизанских формирований Лидской зоны. На совещании присутствовали секретари шести подпольных РК КП(б)Б, командиры и комиссары партизанских бригад имени С. М. Кирова, Ф. Э. Дзержинского, «Вперед», имени В. П. Чкалова, М. И. Калинина и других. Совещание обсудило состояние и задачи народной борьбы, массово-политической работы среди населения, вопросы организационно-партийной работы, наметило меры по оказанию помощи населению в проведении весеннего сева¹⁵⁴.

Нелегальные партконференции, расширенные зональные и кустовые совещания с участием секретарей подпольных райкомов партии и комсомола, первичных организаций и ячеек, командиров и комиссаров партизанских формирований проводились также и в ряде других оккупированных районов страны¹⁵⁵. Все они, с одной стороны, были направлены на усиление партийного руководства партизанскими формированиями, на углубление и расширение активного общенародного фронта сопротивления захватчикам. С другой же стороны, Коммунистическая партия в тяжелейших условиях вражеской оккупации настойчиво претворяла в жизнь ленинские заветы о том, что коммунисты должны постоянно держать и укреплять связь с массами, уметь работать с ними, поддерживать высокий моральный дух людей, мобилизовывать их на выполнение самых неотложных задач.

«Жить в гуще, — писал В. И. Ленин, —

Знать настроения.

Знать все.

Понимать массу.

Уметь подойти.

Завоевать ее абсолютное доверие.

Не оторваться руководителям от руководимой массы, авангарду от всей армии труда»¹⁵⁶.

Эту линию партия твердо и последовательно выдерживала в течение всего периода общенародной войны против немецко-фашистских агрессоров.

В то же время подпольные партийные конференции, зонально-кустовые совещания являлись и своего рода смотром зрелости и боевитости самих парторганизаций. содействовали увеличению партийной прослойки среди патриотов. Это хорошо видно на примере роста парторганизаций в районах Смоленской области. Если на 15 декабря 1942 года в здешних партизанских отрядах насчитывалось 122 первичные парторганизации, то за 45 дней (к 1.II.1943 г.) их число увеличилось на 17. В течение 1943 года в оккупированных районах Псковской области количество подпольных партийных ячеек возросло на 139. За это же время численность коммунистов увеличилась на 3468 человек ¹⁵⁷.

Огромная организаторская, политическая и военно-боевая работа партии и находившихся в тылу ее кадров содействовала как бурному росту собственно партизанских сил, так и увеличению количества подпольщиков, размаху активного сопротивления захватчикам «мирных» граждан. В итоге обширные территории были отвоеваны у врага и на них возрождена Советская власть. Например, Белоруссия в годы фашистской оккупации превратилась в поистине партизанскую республику. Желавших сражаться с врагом в составе партизанских подразделений были сотни и тысячи патриотов. Подпольные партийные органы делали все от них зависящее, чтобы максимально удовлетворить эти глубоко патриотические устремления, дать возможность как можно большему числу людей с оружием в руках громить ненавистных захватчиков. «Прошу вас оказать помощь оружием и боеприпасами,— сообщал в конце октября 1943 года в БШПД секретарь Минского подпольного обкома партии Р. Н. Мачульский.— Народ хочет воевать. Нужна только соответствующая материальная помощь» ¹⁵⁸. И такая помощь из советского тыла шла непрерывно. В течение только 1943 года материально-технический отдел БШПД отправил народным мстителям республики свыше 26 тысяч единиц различного стрелкового оружия и огромное количество боеприпасов к нему, более 320 тонн тола, около 70 тысяч диверсионных мин, свыше 77 тысяч ручных гранат, более 220 минометов, большое количество других видов оружия, боеприпасов и снаряжения ¹⁵⁹. Все это позволило вооружить и поставить в партизанский строй огромную армию народных борцов,

добиться того, что на всей оккупированной территории Белоруссии полыхало неугасимое пламя народной войны.

В захваченных врагом районах усилиями подпольных партийных органов и всех коммунистов было создано и вело активную боевую работу 1255 партизанских отрядов. При этом 997 из них входили в состав крупных партизанских соединений — бригад, которых насчитывалось 213 (по уточненным данным). 258 отрядов действовали как самостоятельные боевые единицы. В составе всех партизанских формирований числилось 374 тысячи вооруженных партизан и партизанок¹⁶⁰. Организационно оформленную армию народных бойцов дополняли территориальные партийные, комсомольские и антифашистские организации и группы, а также подпольщики-одиночки. Этой категории патриотов насчитывалось свыше 70 тысяч. Таким образом, организованная и хорошо управляемая армия народных мстителей Белоруссии, героически боровшаяся против гитлеровских оккупантов в их тылу, составляла более 444 тысяч патриотов. Каждый четвертый из них являлся коммунистом или комсомольцем. Кроме того, партизаны и подпольщики Белоруссии имели в каждом населенном пункте свой актив из местных жителей, который состоял в отрядах и подпольных организациях на постоянном учете и в разной форме принимал участие в борьбе с захватчиками. Это были скрытные боевые резервы — неиссякаемый источник пополнения людских ресурсов народных мстителей, своеобразный второй эшелон партизанской армии. За три года борьбы в такие резервы были вовлечены около 400 тысяч «мирных» граждан¹⁶¹.

Благодаря активной и целенаправленной деятельности партийных организаций большой размах в ходе войны приняло партизанское движение в оккупированных районах Украины и Российской Федерации. Например, всего в оккупированных районах РСФСР сражалось с врагом в партизанских подразделениях свыше 250 тысяч человек. Более 35 тысяч советских патриотов числилось в подпольных организациях, которые вели боевую и политическую работу в захваченных гитлеровцами городах и селениях Советской России¹⁶².

Свыше 600 тысяч партизан и подпольщиков действовало на оккупированной врагом территории Украины¹⁶³. «Организующей, ударной силой партизанских отрядов,— отмечалось на XVI съезде Коммунистической партии

Украины, — были коммунисты»¹⁶⁴. Всего на оккупированной территории республики в составе подпольных ячеек и первичных организаций партизанских отрядов было оставлено более 40 тысяч коммунистов.

Около 12 тысяч вооруженных партизан вели боевую работу в составе отрядов и бригад в захваченных врагом районах Латвии¹⁶⁵.

Как указывает в своих воспоминаниях бывший председатель Президиума Верховного Совета Литовской ССР Ю. Палецкис, «во всех организованных формах партизанского движения в республике участвовало более 10 тысяч человек»¹⁶⁶.

Значительные силы партизан и подпольщиков действовали в Эстонии и Молдавии.

Наряду с расширением и углублением партизанского движения Коммунистическая партия в течение всего периода борьбы с врагом проводила огромную работу по укреплению и совершенствованию структуры партийного подполья, приданию руководящим подпольным органам стройной системы. Начиная со второй половины 1942 года происходит процесс повсеместного создания и организационного укрепления полнокровных подпольных партийных органов — обкомов, горкомов, окружкомов, межрайкомов, райкомов партии. Так же, как и в начальный период войны, они в подавляющем большинстве случаев находились в партизанских формированиях. Оттуда они поддерживали двустороннюю связь с Большой землей, осуществляли непосредственное руководство партийно-политической работой первичных парторганизаций, вооруженными действиями партизан и подпольщиков.

На Украине, например, для усиления связи с подпольными партийными органами и укрепления оперативного руководства партизанским движением, согласно решению Политбюро ЦК ВКП(б), в октябре 1942 года был создан нелегальный Центральный Комитет партии. Активную работу в тылу врага вели десятки областных, сотни городских и районных нелегальных партийных органов и тысячи низовых подпольных ячеек¹⁶⁷.

Чем занимались партийные органы как подлинно руководящие штабы партизанской борьбы в тылу оккупантов, хорошо прослеживается в воспоминаниях секретаря Черниговского подпольного обкома партии А. Федорова. Отображая партийный штаб в действии, он пишет:

«Что представлял собой в то время подпольный обком партии?»

Посторонний человек сказал бы, что это была маленькая группа людей, которая как будто ничем не отличалась от окружавших ее нескольких сот партизан. Не все члены обкома занимали высокие посты. А по одежде, по манере держаться, по образу жизни они были такими же партизанами, как и все остальные.

Но когда эта группа уединялась, все кругом знали, что она решает важные вопросы жизни всего отряда, а может, и не только отряда, не обязательно секретные, но уже непременно важные, очень серьезные вопросы.

Когда обком вызывал любого партизана, будь он партийный или беспартийный, тот подтягивался, собирался с мыслями... Не только рядовые партизаны, но и командиры, лихие вояки, получив вызов на заседание обкома, немедленно бросали все дела и в любое время дня и ночи отправлялись в путь, как бы далек он ни был.

Обком мог вызвать человека даже из тех отрядов, которые не подчинялись нашему командованию, даже из тех сел, где вообще не было никаких партизан. И если вызванный действительно ненавидел немцев и любил Родину, если он хотел активно бороться с врагом, то оставлял семью и порою с риском для жизни пробирался в тот лес, где в данное время находился обком...»¹⁶⁸

Руководящее влияние подпольных органов распространялось практически на все области и районы Белоруссии. В разное время на оккупированной территории республики действовали 10 подпольных обкомов, 193 межрайкома, горкома и райкома партии. В партизанских подразделениях насчитывалось свыше 1200 первичных партийных организаций. Более 180 территориальных парторганизаций вели боевую и массово-политическую работу в городах, райцентрах и других населенных пунктах. В общей сложности в оккупированных районах Белоруссии находилось свыше 35 тысяч коммунистов¹⁶⁹. Этот отряд мужественных и идейно стойких партийных бойцов безраздельно руководил героической борьбой народных масс во всех ее формах и проявлениях. Среди умелых и опытных политических и боевых вожakov масс были такие коммунисты, как И. Д. Варвапеня, И. Д. Ветров, С. Г. Войтехович, П. А. Жукович, И. П. Кожар, А. Е. Клещев, В. И. Козлов, И. П. Козинец, В. З. Корж, И. Ф. Кли-

мов, В. Е. Лобанок, Р. Н. Мачульский, Д. С. Мовчанский, В. Е. Самутин, С. И. Сикорский, В. Е. Чернышев, Ф. М. Языкович и десятки других партийных работников.

Создание и организационное укрепление подпольных партийных органов, деятельность по руководству народной борьбой в тылу врага находились в центре внимания и других региональных партийных организаций. В Ленинградской области к весне 1943 года во вражеском тылу под руководством обкома партии действовало 12 межрайонных подпольных партийных органов. Во всех 12 полностью оккупированных районах Калининской области к февралю 1943 года существовали нелегальные райкомы ВКП(б). В Смоленской области военно-организаторскую работу вели два подпольных окружкома, один горком и семнадцать райкомов партии. Всего в оккупированных районах РСФСР (в прифронтовой полосе группы армий «Центр») действовало 4 подпольных обкома, 19 окружкомов, 98 горкомов и райкомов ВКП(б) и около 400 парторганизаций, объединявших около 5 тысяч коммунистов¹⁷⁰.

Сеть партийных подпольных органов была создана в Прибалтийских республиках, в Молдавии, Крыму, Краснодарском крае и в других захваченных врагом областях и районах РСФСР¹⁷¹.

Бессмертные слова В. И. Ленина о большевистской партии, сказанные им на заре пролетарской революции, являлись программой поведения всех находившихся на оккупированной территории коммунистов, боевым девизом партийных органов и организаций, действовавших в подполье. «Мало ведь назвать себя «авангардом», передовым отрядом,— писал В. И. Ленин,— надо и действовать так, чтобы *все* остальные отряды видели и вынуждены были признать, что мы идем впереди»¹⁷².

Окончательно оформленные и утвердившиеся подпольные партийные органы всех звеньев решали в тылу фашистских войск большие и сложные политические, организационные и военно-оперативные вопросы партизанского движения. Они подбирали и утверждали командование партизанских формирований, создавали в подразделениях первичные партийные организации и направляли их работу, обеспечивали выполнение директив и указаний партии и правительства и штабов партизанского движения, осуществляли непосредственное руководство подпольными организациями и группами в городах и населенных пунктах

тах, утверждали секретарей подпольных горкомов и райкомов комсомола, контролировали и направляли работу комсомольских организаций. Словом, вся деятельность народных борцов в оккупированных гитлеровцами районах постоянно находилась в поле зрения подпольных партийных органов.

В тыл противника направлялись и подолгу находились секретари национальных компартий. Так, в марте 1942 года в тыл врага вместе с оперативной группой был направлен второй секретарь ЦК КП(б) Литвы И. Адомас-Мескунас, павший смертью храбрых в борьбе с захватчиками. Весной 1943 года в оккупированных районах Украины побывала группа партийных и комсомольских работников во главе с секретарем ЦК КП(б)У Д. С. Коротченко. С группой партийно-советских работников в неприятельском тылу продолжительное время находился секретарь ЦК КП(б) Молдавии И. И. Алешин, героически погибший на заключительном этапе борьбы. На оккупированную гитлеровцами территорию вылетали секретари ЦК КП(б) Б Н. Е. Авхимович, И. П. Ганенко, подолгу бывали в тылу захватчиков в качестве уполномоченных ЦК КП(б) Б секретари ЦК ЛКСМБ М. В. Зимянин, К. Т. Мазуров, Ф. А. Сурганов и другие руководящие работники Белоруссии.

Подпольные партийные органы, уполномоченные и парторги, первичные организации, комиссары партизанских формирований и их помощники по комсомолу являлись тем партийно-политическим аппаратом военного периода, который позволял партии, ее Центральному Комитету осуществлять непосредственную связь с массами, предметно и постоянно руководить огромной армией партизан и подпольщиков в целом и каждым отрядом или группой в отдельности. Всеохватывающее руководящее партийное подполье обеспечивало непрерывный рост партизанских сил, углубление всенародной войны на захваченной гитлеровцами советской территории, ее высокую организованность и эффективность, превращало партизанское движение в грозную для врага силу. Удары патриотов по врагу все время нарастали. День ото дня они приобретали все более наступательный и повсеместный характер.

Западногерманский военный историк Э. Хессе, которого никак нельзя заподозрить в особых симпатиях к

СССР, вынужден, однако, констатировать, что успех советского партизанского движения всецело зависел от мобилизующей и руководящей роли Коммунистической партии. «Советско-русское партизанское движение,— пишет Э. Хессе,—...на оккупированной немецкими войсками территории находилось в руках энергичных политических руководителей, которые с целью подготовки народной войны остались среди населения или после оккупации вермахтом возвратились в свои, родные, или указанные им сверху районы. Уже одним своим присутствием они наглядно доказывали народу, что Советское государство и его политическая доктрина даже на оккупированной немцами территории не стерты с лица земли»¹⁷³.

Битва бескровного фронта

Следует подчеркнуть, что исключительно важным средством расширения и углубления всенародной войны в тылу вражеских войск была правдивая по содержанию, доходчивая по форме и средствам партийно-политическая работа партии среди партизан, подпольщиков и местного населения. Она являлась составной и неотъемлемой частью всей партийной работы по мобилизации и организации масс на общенародную борьбу против гитлеровских захватчиков и их прислужников. Иными словами, многоплановая работа партии на идеологическом фронте являлась составным элементом войны. В своей политической деятельности Коммунистическая партия свято выполняла ленинский завет, что социалистическое государство сильно убежденностью и сознательностью широких масс. «Оно сильно тогда,— указывал В. И. Ленин,— когда массы все знают, обо всем могут судить и идут на все сознательно»¹⁷⁴. Говоря о значении массово-политической работы партии большевиков в годы гражданской войны, В. И. Ленин подчеркивал: «Причина наших побед: прямое обращение нашей партии и Советской власти к трудящимся массам с указанием на всякую очередную трудность и очередную задачу; умение объяснить массам, почему надо налечь изо всех сил то на одну, то на другую сторону советской работы в тот или иной момент; умение поднять энергию, героизм, энтузиазм масс, сосредоточивая

революционно напряженные усилия на важнейшей очередной задаче»¹⁷⁵.

Руководствуясь этими основополагающими ленинскими принципами, партия всю свою политическую деятельность в тылу противника направила на то, чтобы идеи партии превратить в идеи масс, чтобы мобилизовать и организовать их на претворение в жизнь этих идей и вытекающих из них конкретных задач. Партия предпринимала все усилия к тому, чтобы постоянно держать массы в курсе событий, происходящих на фронтах Великой Отечественной войны, укреплять у советских людей, оставшихся на временно оккупированной территории, стойкость духа, активный социалистический интернационализм и патриотизм, твердую уверенность в неизбежность разгрома фашистской Германии, помочь каждому найти свое место во всенародной борьбе против гитлеровских захватчиков. Выполнению этих задач партии облегчала ее предвоенная деятельность, которая была направлена на выработку социалистического сознания у советских людей, на формирование их прочного марксистско-ленинского мировоззрения. За двадцать три года Советской власти Коммунистической партии в этом отношении удалось сделать многое. В противном случае в условиях войны уже поздно было бы начинать такую работу и ожидать от нее быстрых и эффективных результатов. Ибо мировоззрение, как подчеркнул В. И. Ленин, «нельзя выработать в несколько месяцев горячки»¹⁷⁶.

Предметная и дальновидная, широкая по охвату и эффективная по значимости идейно-политическая работа в тылу оккупантов стала возможной благодаря наличию сети коммунистического подполья. Находившиеся в тылу коммунисты активно использовали в своей деятельности весь арсенал средств идеологического влияния, имевшийся в их распоряжении. Важную роль в проведении этой работы играли агитационно-пропагандистские группы, созданные при подпольных партийных органах и нелегальных организациях. Большую политическую работу среди сельского населения вели партийные организации, агитколлективы и лекторские группы партизанских формирований, а в городах и поселках — территориальные подпольные организации и группы. В Белоруссии, например, группы агитаторов и политинформаторов существовали во всех бригадах и отрядах. Только в оккупированных райо-

нах Витебской области при партизанских подразделениях было создано и вело активную массово-политическую работу 108 агитколлективов и 6 лекторско-пропагандистских групп, общей численностью 1565 человек¹⁷⁷. Они втягивали в агитацию и пропаганду не только коммунистов, но и тысячи беспартийных патриотов. В. И. Ленин в органическом слиянии практической деятельности партии с идейно-пропагандистской работой коммунистов видел твердую гарантию успешного руководства борьбой трудящихся масс. Он писал: «...Не подлежит ни малейшему сомнению, что коммунистическая *партия*, которая хочет быть на деле авангардом, передовым отрядом революционного *класса*, ...обязана уметь и пропагандировать, и организовать, и агитировать...»¹⁷⁸

Человек коммунистической убежденности, воинствующий патриот, активный организатор, авторитетный представитель Советской власти в тылу врага или ставший на этот путь по велению совести и своего гражданского долга, чтобы воспитывать у масс непоколебимую твердость, волю, способность преодолевать невероятные тяготы и лишения, объединять силы народа в его борьбе против фашистских оккупантов за победу своей страны в тяжелейшей войне, а не только созерцательный беседчик и информатор-чтец — вот тот тип коммунистического агитатора, который складывался и утверждался в условиях самоотверженной, героической борьбы с гитлеровскими поработителями, который обеспечивал успех мобилизации и организации широких трудовых масс оккупированных районов страны на всенародное участие в войне против фашистской Германии.

«Наша политическая пропаганда и агитация, — писал в период войны П. К. Пономаренко, — приобрели огромное значение во временно оккупированных областях: они неустанно разоблачают кровавые замыслы и подлые дела врага, укрепляют в народе веру в восстановление Советской власти... Пламенными пропагандистами и агитаторами во временно оккупированных районах стали тысячи людей из народа. Матери, потерявшие детей и все, что было дорого, призывающие к священной мести, воспламеняли сердца... Старики, много видевшие на своем веку, умудренные жизненным опытом, прожившие большую часть своей многотрудной жизни до революции, имеющие возможность многое сравнить и попавшие в настоящее

время в страшные тиски немецкой оккупации, стали непреклонными бойцами и прекраснейшими пропагандистами и агитаторами»¹⁷⁹.

Формы, методы и средства массово-политической и идейно-воспитательной работы партии в неприятельском тылу были самыми разнообразными. Они зависели от конкретно складывавшейся обстановки. Наиболее распространенными из них в сельской местности были беседы с населением, а в освобожденных от фашистов населенных пунктах — митинги, собрания, лекции, доклады, в ряде случаев (где позволяла обстановка) — концерты художественной самодеятельности, коллективное прослушивание радиопередач из Москвы, просмотр советских кинофильмов. Например, в освобожденных народными мстителями от вражеских войск районах и в партизанских подразделениях Витебской области только в 1942 году было поставлено 132 киносеанса документального фильма «Разгром немцев под Москвой»¹⁸⁰. В городах и рабочих поселках преобладали тайное распространение газет, листовок, воззваний и прокламаций, сводок Совинформбюро, пропаганда героики партизанской войны, разоблачение подлых замыслов оккупантов, лживой геббельсовской демагогии и сути гитлеровского национал-социализма, зверств немецко-фашистских захватчиков. При этом партия в своей идейно-политической работе важное внимание уделяла тому, чтобы дать отпор бешеному наступлению нацистской идеологии, уберечь от тлетворного влияния фашистской пропаганды отсталую или морально подавленную часть населения оккупированных районов. В. И. Ленин учил коммунистов: «Бороться с реакцией значит прежде всего оторвать массы идейно от реакции»¹⁸¹.

Проводившие во вражеском тылу агитационно-массовую работу пропагандисты и агитаторы различными способами и приемами раскрывали сущность фактов и явлений действительности, давали возможность почувствовать социальный смысл «живых картин» этой жестокой действительности. В условиях безудержного террора и массовых репрессий они, говоря словами В. И. Ленина, направляли «все свои усилия на то, чтобы, пользуясь этим, всем и каждому знакомым фактом, дать «массе» *одну идею*» (в данном случае — идею всенародной и бескомпромиссной борьбы с агрессором), «*возбудить* в массе недовольство и возмущение этой вопиющей несправедливостью»¹⁸². Под-

польные партийные органы, комиссары и политруки партизанских формирований, возглавлявшие и направлявшие среди партизан и местного населения политическую и агитационную работу, исходили из ленинского указания, что заменить ее «невозможно ничем другим ни теперь, ни когда бы то ни было в иное время»¹⁸³. Охватывая жизнь трудящихся на оккупированной гитлеровцами территории во всей ее полноте и глубине, различными средствами воздействуя на людей, политическая работа партии в целом формировала и укрепляла единое классовое самосознание личности, укрепляла ее идейно-политическое убеждение, звала на смертный бой с ненавистным врагом.

Именно благодаря широкой, предметной и доходчивой агитационной и вдохновляющей массово-политической работе партии среди партизан и населения, умноженной на пламенный патриотизм советских людей и уверенность в победе, вся организаторская и практическая деятельность партии на оккупированной гитлеровцами территории дала такие великие итоги: в тылу врага бушевал шквал массовой, священной всенародной войны. Выступая на торжествах, посвященных 30-летию освобождения Белоруссии от немецко-фашистских захватчиков и присвоению Минску почетного звания «Город-герой», кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК Компартии Белоруссии П. М. Машеров справедливо подчеркивал: «Не безумство храбрых одиночек и безотчетная ярость обреченных поднимали советских людей на борьбу с поработителями. Их поднимала прежде всего и главным образом коммунистическая убежденность, преданность Советской власти, идеалам социализма. Это был отпор врагу, посягнувшему на святая святых — завоевания Великого Октября, отпор глубоко осознанный, подготовленный всем ходом социалистического развития нашей страны, всем укладом советской жизни, направляемой Коммунистической партией. Это была подлинно массовая, в полном смысле этого слова всенародная война... Ни жестокие преследования, ни оголтелая фашистская пропаганда и разжигание национализма, ни массовые репрессии против мирных жителей — ничто не смогло поколебать в наших людях приверженности коммунистическим идеалам, приверженности к социалистическому образу жизни, разорвать то, что прочно связывало их с родной Советской властью, с партией Ленина, с завоеваниями социализма. Именно в

этом — самые глубокие корни всенародного партизанского движения»¹⁸⁴.

В продолжение всей войны идейно-политическая работа партии в захваченных врагом районах была большой и многосторонней.

Почти во всех партизанских формированиях была хорошо поставлена политическая информация. Комиссары соединений и отрядов, политруки подразделений систематически сообщали всему личному составу о текущих событиях, о боевых действиях Красной Армии, о жизни советского тыла. Особое внимание уделялось сводкам Совинформбюро. Принимая их по радио, политбойцы тотчас же размножали их и рассылали по подразделениям. Лучшие партизаны-агитаторы зачитывали полученные из Москвы известия перед местным населением, где каждое слово выслушивалось с огромным вниманием. Благодаря инструктажам, которые систематически проводились комиссарами и политруками в подразделениях, партизанские агитаторы всегда были в курсе жизни всей страны, положения на фронте, в соседнем формировании. Это позволяло им оперативно и полно отвечать на все интересующие партизан и местных жителей вопросы.

Наряду с «живой» массово-политической работой, газетами и листовками из советского тыла огромное значение в повышении политической активности, идейной стойкости, в мобилизации масс на самоотверженную борьбу с оккупантами имела подпольная и партизанская печать, а также оперативная «малая печать» — рукописные журналы, стенгазеты и «боевые листки». Например, в партизанских формированиях Белоруссии кроме печатных газет издавалось свыше 30 журналов и более 100 рукописных газет¹⁸⁵. Выпуск подпольных и партизанских газет, несмотря на их сравнительно небольшие тиражи и формат, полиграфическое несовершенство и нерегулярность выхода, были одной из важнейших составных частей идейно-политической деятельности Коммунистической партии. Они являлись той трибуной, с которой партия могла обращаться со словами правды и призыва к самым широким трудовым массам. Организуя работу подпольной партийной и партизанской печати, партия руководствовалась ленинским указанием о том, что без газет невозможно «систематическое ведение принципиально выдержанной и всесторонней пропаганды и агитации»¹⁸⁶. Несомненно,

что без политико-массовой, организующей и мобилизующей роли подпольных и партизанских газет народное сопротивление оккупантам во всех его формах и проявлениях не было бы таким масштабным по размаху, мощным в боевом отношении и политически целенаправленным.

Подпольные и партизанские газеты выходили во многих временно оккупированных районах СССР. Большое их количество издавали подпольные партийные комитеты и партийные организации партизанских формирований Белоруссии. Всего на оккупированной территории БССР выходило свыше 160 газет — больше, чем в любой другой захваченной врагом области или республике¹⁸⁷. При этом подпольные партийные комитеты сумели наладить в основном регулярный выпуск газет (не реже 1—2 раза в месяц) и сравнительно большими тиражами. Так, в 1943 году вышло 100 номеров газеты «Звезда» общим тиражом 57 тысяч экземпляров¹⁸⁸.

Около 60 газет, игравших важную роль в организации народного сопротивления против немецко-фашистских захватчиков, издавали подпольные партийные органы Украины. Свыше 80 газет печаталось в оккупированных районах Российской Федерации¹⁸⁹. В 1943 году стали издаваться подпольные газеты в республиках Советской Прибалтики и в Молдавии. Всего в период Великой Отечественной войны на временно захваченной советской территории издавалось около 400 подпольных и партизанских газет¹⁹⁰.

Подпольная большевистская печать, которую в свое время В. И. Ленин образно называл «частичкой громадного кузнечного меха, раздувающего каждую искру классовой борьбы и народного возмущения в общий пожар»¹⁹¹, носила действенный, целенаправленный характер. Тысячами незримых нитей она связывала коммунистов и беспартийную партизанскую массу с населением. Печать проникала в города, где стояли крупные фашистские гарнизоны, в областные центры, где находились гегитскомиссариаты. Несмотря на неистовства оккупантов, их карательных и разведывательных органов, большевистская подпольная и партизанская печать делала свое великое дело.

Нелегальные обкомы и райкомы партии, первичные парторганизации партизанских формирований проявляли неустанную заботу о развитии своих печатных органов, улучшении их содержания и повышении идейной направ-

ленности. Редакторами газет, как правило, были коммунисты — члены партийных комитетов. Многие подпольные обкомы и райкомы партии намечали тематику и утверждали планы работы своих газет, обсуждали публикуемые материалы, тексты листовок, воззваний, обращений к населению и партизанам. Благодаря строгому соблюдению принципа партийности печатной пропаганды, постоянному контролю за ее направленностью и содержанием подпольная и партизанская печать являлась мощным оружием в ожесточенной и упорной борьбе против гитлеровских захватчиков.

Помимо подпольной и партизанской печати важную роль в мобилизации масс на всенародную войну в тылу врага играли печатные издания Большой земли, предназначенные для оккупированных районов. В советском тылу печатались специальные газеты политуправлениями фронтов, спецвыпуски республиканских и областных газет, адресованные населению и партизанам оккупированных районов страны. Их количество превышало цифру 60¹⁹². Кроме того, за годы оккупации территории Украины, Литвы, Крыма, Смоленской, Московской и Ленинградской областей партийные комитеты этих республик и областей отпечатали на Большой земле и распространили в тылу врага среди партизан и населения свыше 358 миллионов листовок, газет, брошюр и воззваний¹⁹³. Поступавшие из советского тыла газеты, листовки, брошюры и т. п. играли огромную роль в укреплении связей партии с массами, развивали у трудящихся оккупированных районов интернациональные чувства, воспитывали любовь и уважение к великому русскому народу, упрочали высокие качества советского человека — борца, патриота, идейно убежденного в правоте своего дела, глубоко сознающего личную ответственность за судьбу социалистической Родины. «Листовки, распространяемые бандитскими (партизанскими. — *Ред.*) подстрекателями, обладают огромной силой», — жаловался на совещании окружных комиссаров в Минске (8—10 февраля 1943 года) вражеский верховод из Глубокого (Вилейская область). Здесь же в тон ему вторил другой гитлеровский высокопоставленный чиновник Шлегель: «Пропаганда, проводимая нами до сих пор, не имеет никакого влияния в сельской местности», поскольку там «положение всецело контролируется партизанами».

Об очевидных успехах массово-политической работы

партии на оккупированной территории говорит множество фактов и примеров, в том числе и признания самого противника. «Все больше приходится удивляться,— сетовало в январе 1943 года командование ГФП-723 (группа тайной полевой полиции, зверствовавшая в южной части Витебской и смежных с нею районах Могилевской областей),— как быстро и хорошо русское население узнает о событиях на фронте и в нашем тылу. Банды (партизанские формирования.— *Ред.*) и их пособники, собственно, и являются распространителями этих новостей... Враждебно настроенные к немцам элементы торжествуют, и словами и делами демонстрируя свои убеждения». Через полгода обстановка в районе действий этой группы, несмотря на старания оккупантов, вовсе не изменилась. Об этом красноречиво говорят все те же признания командования ГФП-723. Июль: «Настроение и поведение населения... снова ухудшились...» Август: «Настроение и доверие к немцам еще более ухудшились. В первую очередь это объясняется обстановкой на фронте, а также активизацией бандитской деятельности и усилением вражеской пропаганды»^{193а}.

Не менее минорные аккорды, свидетельствующие о драматизме событий, звучали в донесениях противника из других оккупированных районов. «...Русское население относится к нам крайне враждебно и совершенно не может считаться политически благонадежным»,— указывал в июле 1943 года начальник осиповичской полевой комендатуры. Гитлеровский полковник безоговорочно признавал, что такое положение является прямым следствием активной деятельности партизан, которые в контролируемых ими районах «ведут себя... как полновластные хозяева»^{193б}. Подобного рода признаниям нет конца.

Важным средством в политической работе партии среди народных мстителей и населения оккупированных районов являлось радио — газета «без бумаги, без проволоки и без расстояний».

В сложившихся условиях советское радиовещание выполняло ту огромную роль, которую отводил ему В. И. Ленин, говоря о радио как о неопенимом оружии борьбы с нескончаемой кампанией клеветы, лжи на Страну Советов со стороны буржуазных правительств. В беседе с Б. И. Рейнштейном Владимир Ильич впервые выдвинул идею использования в контрпропаганде «газеты без бума-

ги», «...которую никакие пограничные таможенные чиновники «изъять» не могут, которую никакие цензоры и правительство запретить не могут, «газеты», для которой никакие пограничные законы цензуры и прочее не писаны»¹⁹⁴.

Начиная с июля 1941 года для советских людей, оказавшихся на временно оккупированной гитлеровцами территории, центральное радиовещание 5—7 раз в сутки проводило передачи на русском, украинском, белорусском, молдавском и языках Прибалтийских республик. На украинском языке радиовещание велось более 6 часов в сутки, на белорусском — 3—5 часов. Для партизан и населения оккупированных районов Российской Федерации ежедневно проводилось 5 передач на русском языке¹⁹⁵.

Передачи по Всесоюзному радио включали важнейшие документы Коммунистической партии и правительства, обзоры центральных газет, сводки Совинформбюро, материалы о внутреннем и международном положении Страны Советов, боевых действиях Красной Армии, о героях фронта и тыла. Сообщались также сведения об успехах народных мстителей, о зверствах гитлеровцев на советской земле. С большим интересом слушали партизаны в землянках и у лесных костров письма и выступления родных и близких, находившихся в советском тылу. Московские передачи велись дифференцированно, с учетом национальных, социальных, возрастных и других особенностей различных слоев и групп населения.

В конце 1941 — начале 1942 года возобновили работу эвакуированные в глубь страны радиокомитеты республик и областей, захваченных гитлеровцами. Украинский радиокомитет с ноября 1941 года начал вести передачи через саратовскую радиостанцию имени Тараса Шевченко и московскую «Радянська Україна». В течение 1942 года его политическое вещание составило свыше 1500 часов¹⁹⁶. Весной 1943 года вступила в строй в городе Калач украинская радиостанция «Дніпро». Наряду с другими сообщениями она включала в свои передачи материалы для партизанских газет, пропагандистов и агитаторов. Серьезное внимание уделялось оставшейся в тылу молодежи. Для юношей и девушек Украины за годы войны этими тремя радиостанциями было осуществлено 510 передач, организовано более 200 выступлений рабочих предприятий, эвакуированных в советский тыл, воинов-украинцев, предста-

вителей интеллигенции, колхозников и учащейся молодежи¹⁹⁷.

В начале января 1942 года из Москвы на волне 48,15 метра в эфире прозвучали позывные еще одной советской радиостанции. Для оккупированных районов Белоруссии возобновила передачи радиостанция «Савецкая Беларусь», которая продолжала свою работу до 20 сентября 1944 года — время переезда в Минск.

Основу вещания радиостанции «Савецкая Беларусь» составляли передачи политического отдела редакции, который готовил выпуски оперативной информации и специальные программы для народных мстителей. Непосредственно руководивший белорусским радиовещанием отдел агитации и пропаганды ЦК КП(б)Б неоднократно организовывал выступления участников партизанской войны. По мере роста объема белорусского вещания были созданы отдел молодежного вещания, литературно-драматический и музыкальный отделы. В феврале 1942 года ЦК Компартии Белоруссии утвердил объем суточного радиовещания, который составлял два с половиной часа, а к осени 1943 года был увеличен до семи часов. Радиостанция «Савецкая Беларусь» передавала в эфир к этому времени ежедневно семь специальных передач.

Важное значение в работе белорусской радиостанции с первого дня ее вещания отводилось информационной службе. Был введен ряд постоянных информационных рубрик: «Вести с Советской Родины», «По Советскому Союзу», «Сообщения из-за границы», «Со всего света». Для редакций подпольных газет проводились специальные сеансы передач важнейших пропагандистских и информационных материалов, призывов ЦК ВКП(б), обращений ЦК Компартии Белоруссии, Советского правительства, сводок Совинформбюро и т. д.¹⁹⁸

Коллектив радиостанции «Савецкая Беларусь», состоявший из опытных журналистов С. К. Майхровича, В. П. Полесского-Станкевича, М. А. Машары, В. С. Бурносова, К. Л. Губаревича, А. В. Березкина, М. В. Рымара, М. К. Астапенко и других, строго придерживался ленинского указания о ведении действенной пропаганды, о дифференцированном подходе к различным группам населения, разумном учете их социальных особенностей. В программы включались передачи для народных мстителей, находившихся на оккупированной территории рабочих,

крестьян, интеллигенции, молодежи, томившихся во вражеских застенках советских военнопленных. Например, отдел молодежного вещания только с 1 февраля по 20 июня 1943 года провел 505 радиопередач, в которые вошли 1083 статьи, стихотворения и корреспонденции на различные темы.

Специальные передачи из советского тыла проводились также для партизан и населения Прибалтики, Молдавии, Крыма, оккупированных районов Московской, Ленинградской, Смоленской, Калининской и других областей. Они в основном соответствовали программам Всесоюзного радио, но в то же время включали и специальные материалы для той или иной республики или области. Народным мстителям и населению давались практические советы по организации активного сопротивления захватчикам. Перед микрофоном выступали руководители национальных компартий, советских и общественных организаций, деятели науки, искусства и культуры. Например, для оккупированных районов Литвы только за 10 месяцев 1942 года было проведено 163 таких передачи¹⁹⁹.

Передачи советского радио принимались в партизанских формированиях и подпольных организациях. Материалы широко и творчески использовались партийной и партизанской печатью. Через нее партизанские агитаторы, лекторы и политинформаторы доводили сведения до всего личного состава партизанских подразделений и местного населения. Подпольные партийные органы и первичные партийные организации практиковали выезд в деревни, когда позволяла обстановка, с радиоприемниками и громкоговорителями, проводили массовое слушание передач, посвященных знаменательным датам, победам Красной Армии, успехам тружеников советского тыла.

Определенные специфические особенности выделяли радиовещание среди других средств массово-политической пропаганды, которые использовала партия в своей работе среди партизан и населения во вражеском тылу. Прежде всего — это тотальность радио, для которого «никакие пограничные законы, законы цензуры и прочее не писаны», возможность оперативно — не только на общедоступном русском, но и на родных языках — информировать советских людей, оказавшихся на временно оккупированной гитлеровцами территории страны, о всех событиях, которые имели место на фронте, в советском тылу, в захвачен-

ных врагом районах; высокая мобильность радиовещания, гибкость радиопропаганды. Все это позволяло партии в самый короткий срок сконцентрировать усилия патриотов на самых важных участках борьбы с оккупантами.

Глубокая и целенаправленная, разнообразная по формам, методам и средствам, широкая по охвату, высокоидейная по содержанию, агитационно-массовая и политическая работа партии являлась могучим средством мобилизации масс на всенародную борьбу с оккупантами. Она, как подчеркивал М. И. Калинин, преследовала единственную цель, «чтобы все и всеми силами помогали осуществлению... главной всенародной задачи — разгрому немецких захватчиков»²⁰⁰. Ценность новых форм и методов массово-политической работы заключалась в их исключительной оперативности и эффективности. Обогащенный ими арсенал средств идеологического влияния Коммунистической партии обеспечил такое участие всего народа в войне, которого, говоря словами В. И. Ленина, «...ни при одном политическом режиме не было и в десятой доле, как при Советской власти»²⁰¹. Как указывал В. И. Ленин в период гражданской войны, на практике оправдалось «одно из самых глубоких положений марксизма, в то же время являющееся самым простым и понятным. Чем больше размах, чем больше широта исторических действий, тем больше число людей, которое в этих действиях участвует...»²⁰².

Но большевистская агитация и пропаганда не только звала к действию. Коммунистическая партия правдиво освещала положение дел на фронте, указывала широким массам конкретные пути участия в общенародной борьбе на каждом этапе войны. В этом заключалась сила и высокая эффективность идейно-политической работы партии в тылу врага. Пламенное большевистское слово находило горячий отклик среди всех слоев населения. Под воздействием агитации и пропаганды, успехов Красной Армии в партизанские формирования вступали десятки тысяч новых борцов, множились ряды подпольщиков, повсеместно усиливалось сопротивление советских граждан кровавому фашистскому режиму.

Благодаря огромной идейно-политической деятельности подпольных партийных органов, первичных партийных организаций и партизанских комиссаров, агитколлективов и политинформаторов формирования народных мстителей и боевые группы подпольщиков, опираясь на постоянную

помощь и поддержку всего населения, действовали в своем преобладающем большинстве как сплоченные, организованные и морально стойкие коллективы. Патриоты хорошо знали и понимали задачи борьбы и конечные цели, за которые они сражались. Дисциплина и боевой дух партизан, несмотря на все тяготы и лишения, были неизменно высокими, желание бороться и победить — непоколебимым. Это порождало среди народных мстителей массовый героизм, самоотверженность, стойкость и выдержку в боях. Поэтому к данному периоду можно с полным основанием отнести следующие слова В. И. Ленина, высказанные им в годы гражданской войны и иностранной военной интервенции: «Ясность пропаганды и агитации есть основное условие. Если наши противники говорили и признавали, что мы сделали чудеса в развитии агитации и пропаганды, то это надо понимать не внешним образом, что у нас было много агитаторов и было истрачено много бумаги, а это надо понимать внутренним образом, что та правда, которая была в этой агитации, пробивалась в головы всех. И от этой правды отклониться нельзя»²⁰³.

В тесном взаимодействии

Огромная организаторская и политическая работа партии, животворный советский патриотизм обусловили в течение всего периода Великой Отечественной неуклонный рост и углубление народной войны в тылу врага, ее высокую эффективность. Наличие военно-боевых органов партии — Центрального, республиканских и областных штабов партизанского движения и их оперативных групп при военных советах соответствующих фронтов и армий — позволяло партии гибко и оперативно осуществлять в нужный момент тактические перегруппировки и рейды партизан по глубоким тылам врага, четкое взаимодействие с Красной Армией, стратегическое использование партизанских сил в важнейших боевых операциях. Этому способствовали как надежная двусторонняя радиосвязь партизанских формирований с Большой землей, так и размещение ЦШПД в непосредственной близости от Ставки Верховного Главнокомандования.

К сожалению, массовые координированные операции партизан, проводившиеся в теснейшей оперативной (а во

многих случаях и тактической) взаимосвязи с наступательными действиями советских войск, в воспоминаниях, исследовательских работах и обобщающих трудах по истории Великой Отечественной войны освещаются еще крайне скупо. За всестороннее освещение участия партизан в крупнейших операциях регулярных войск не берется и автор настоящей работы. Однако он считает необходимым остановиться на отдельных примерах, тем более, что без показа таких примеров будет явно неполной, урезанной партизанская война, не до конца раскрыта ее роль в общенародной борьбе с врагом. Вместе с этим автор имеет также в виду и тот факт (не раскрывая, однако, его в деталях), что успехи Красной Армии на фронте в течение всей войны прямо пропорционально влияли на размах и глубину патриотической борьбы во вражеском тылу.

Активными действиями в тылу оккупантов советские партизаны оказали существенную помощь защитникам Сталинграда и Кавказа, во время прорыва блокады героического Ленинграда. Сковав крупные силы врага, патриоты лишили его возможности беспрепятственно перебрасывать подкрепления с центрального участка фронта для усиления южных группировок. Несмотря на недостаток резервов для питания фронта, фашистское командование вынуждено было бросить на борьбу с партизанами регулярные части вермахта. Отдавая должное широкому патриотическому движению трудящихся в этот период на временно оккупированной советской территории, Маршал Советского Союза М. В. Захаров на научной конференции, посвященной 25-летию победы над фашистской Германией, отмечал: «На этом этапе борьбы огромных масштабов достигло массовое партизанское движение — всенародная борьба в тылу врага, — ставшее крупным, самостоятельным военно-политическим и стратегическим фактором достижения победы»²⁰⁴.

В преддверии Сталинградской битвы командование 201-й охранной дивизии докладывало в штаб группы армий «Центр»: «Уже в течение многих месяцев части бессленно несут охрану железнодорожной линии, в которой заняты все до единого человека днями напролет. Большинство караулов и гарнизонов опорных пунктов... весь день несут постовую службу, день и ночь патрулируют в предполье или вдоль железнодорожной насыпи, из ночи в ночь находятся в боевой готовности в укрепле-

ниях, ожидая в любой момент нападения из засады хитро замаскировавшегося противника или взрыва мины...»²⁰⁵.

В начале января 1943 года, когда под натиском советских войск гитлеровцы стали поспешно отступать с Северного Кавказа, партизаны Кабардино-Балкарии активизировали свои удары. Сводный партизанский отряд под командованием коммуниста Г. М. Царяпина оказал активное содействие наступающим частям 2-й гвардейской стрелковой дивизии. Вместе с советскими бойцами партизаны штурмовали Нальчик и утром 4 января 1943 года полностью очистили город от фашистов. За время активных действий в период напряженных боев под Сталинградом кабардино-балкарские партизаны разгромили три вражеских штаба, захватили важные документы, отбили у противника 68 тысяч голов крупного рогатого скота и лошадей, уничтожили свыше 700 немецких солдат и офицеров, взяли пленных²⁰⁶.

В период наиболее тяжелых оборонительных боев под Сталинградом народные мстители Белоруссии по указанию ЦШПД совершили свыше 1100 диверсий на железнодорожных коммуникациях противника. Только в сентябре 1942 года партизанские действия вылились в 129 крушений эшелонов, до 16 километров перебитых рельсов, 48 тысяч часов, затраченных оккупантами на ликвидацию последствий партизанских налетов. На 318 условных суток прервали патриоты движение вражеских эшелонов по железным дорогам Белоруссии. В это же время группа армий «Центр» педополучила 329 составов. Диверсии вызвали тяжелые осложнения в снабжении фронтовых частей противника продовольствием: из 181 состава с продуктами до фронта дошло в эти дни только 58. Вследствие возросших партизанских ударов по коммуникациям фронтовые части недополучили 15 составов с боеприпасами и 2 состава с вооружением, что означало потерю свыше 200 единиц артиллерийского вооружения, огромного количества стрелкового оружия и боеприпасов. На фронт не попало 22 эшелона с автотехникой — до 500 грузовых и легковых автомашин, около 100 авторадиостанций, свыше 1000 мотоциклов. Противник потерял 6 составов со стройматериалами для полевых укреплений и ряд других воинских грузов²⁰⁷.

В сентябре 1943 года, в период наступления советских войск на Юго-Западном и Западном направлениях, коман-

дование Северо-Западного фронта разработало план операций 1, 2, 3, 4, 6-й партизанских бригад в связи с переброской противником войск с Ленинградского, Волховского и Северо-Западного фронтов на другие направления и на случай перехода войск СЗФ в наступление с целью преследования противника с началом его отхода на запад²⁰⁸. В плане были предусмотрены конкретные задачи борьбы народных мстителей на коммуникациях противника и порядок их действий во время отступления вражеских войск.

Накануне решающих боев за полное освобождение Ленинграда от вражеской блокады советские партизаны по указанию ЦШПД почти полностью парализовали железнодорожные и шоссейные коммуникации противника, а с переходом советских войск в общее наступление — воспрепятствовали переброске оперативных резервов противника²⁰⁹. В последующий период наступательные действия Ленинградского и Волховского фронтов протекали в тесном взаимодействии с ленинградскими партизанами, причем контакт этот в определенной степени являлся образцовым. Бывший командующий Волховским фронтом К. А. Мерецков отмечал, что наступление, предпринятое советскими войсками с целью прорыва кольца вражеской блокады, было тесно увязано с ударами партизан с тыла. Эта серия ударов наносилась партизанами по приказу ЦШПД во исполнение директив Ставки и Генерального штаба. Высоко оценивая результаты взаимодействия партизан с регулярными войсками, К. А. Мерецков писал: «Мне кажется, что по гармоничности эта совместная операция имеет мало себе равных»²¹⁰.

Для конкретного обсуждения планов крупных наступательных операций руководители Центрального, республиканских и областных партизанских штабов привлекались неоднократно. Так, в начале апреля 1943 года при выработке плана предстоящей весенне-летней кампании в штабе Центрального фронта присутствовал начальник ЦШПД П. К. Пономаренко. По договоренности с Генштабом, указывал Маршал Советского Союза Г. К. Жуков, Центральному штабу партизанского движения было дано задание выяснить наличие и расположение резервов в глубине войск противника, ход перегруппировок и сосредоточение войск, перебрасываемых из Франции, Германии и других стран. В обсуждении плана предстоящих боевых

действий совместно с Военным советом Воронежского фронта и представителем Ставки Г. К. Жуковым 12 апреля 1943 года принимал участие начальник Украинского штаба партизанского движения Г. А. Строкач. Вспоминая о событиях весны 1943 года, Маршал Советского Союза Г. К. Жуков писал: «Вообще мощь наших ударов по врагу значительно усиливалась действиями партизанской армии, организуемых и направляемых из центра при постоянной и неутомимой работе местных подпольных партийных организаций. Укреплялись взаимодействия партизан и регулярной армии, которой они оказывали содействие в получении данных о противнике, грома его резервы, перерезая коммуникации, срывая переброску войск и оружия»²¹¹.

После утверждения Ставкой плана летней кампании Центральному и Украинскому штабам партизанского движения, исходя из общего замысла вооруженной борьбы на весенне-летний период, было дано указание разработать планы для нанесения массированных ударов по коммуникациям противника. Согласованные по месту и времени с операциями Красной Армии, эти удары должны были расстроить регулярное снабжение и эвакуацию гитлеровских войск, нарушить управление войсками и дезорганизовать маневр силами и средствами по фронту и в глубину.

В конце апреля 1943 года оперативный план действий на предстоящий период, разработанный Украинским штабом партизанского движения, был передан на рассмотрение в ЦК КП(б)У и после внесения соответствующих корректив и дополнений 26 апреля 1943 года утвержден Политбюро ЦК ВКП(б)²¹². Он предусматривал силами украинских и молдавских партизан*, действующих в северо-западных и юго-западных районах Украины, общей численностью свыше 50 тысяч человек, одновременным ударом вывести из строя 26 крупнейших железнодорожных узлов, в том числе таких, как Шепетовский, Ковельский, Здолбуновский, Коростенский, Сарненский и другие. Кроме того, патриотам предложено было уничтожить 97 важнейших железнодорожных и шоссежных мостов²¹³.

Выполняя указания партизанского штаба, патриоты Украины нанесли мощные удары по коммуникациям вра-

* В составе Украинского штаба партизанского движения в это время находилась оперативная группа по руководству партизанской борьбой в Молдавии.

га. Сотни вражеских эшелонов с живой силой и техникой не дошли к фронту. Партизаны вывели из строя крупные железнодорожные станции, пропускная способность на многих участках резко снизилась. Всего в 1943 году украинские партизаны произвели более 3,6 тысячи крушений вражеских поездов — почти в 16 раз больше, чем в 1942 году ²¹⁴.

Огромное влияние оказали советские партизаны на ход такого крупнейшего сражения Великой Отечественной и всей второй мировой войны, каким явилась Курская битва. В соответствии с замыслом Ставки Верховного Главнокомандования на проведение весенне-летней кампании, и в частности битвы под Курском, Центральному и Орловскому штабам партизанского движения и представительству Украинского ШПД при Военном совете Воронежского фронта было дано указание организовать в тылу противника, прежде всего в оккупированных районах Орловской и Харьковской областей, массовые диверсии и систематические удары по важнейшим транспортным артериям. Штабы партизанского движения, конкретизировав это задание, довели его до соответствующих подпольных партийных органов, партизанских бригад и отдельно действующих отрядов. Параллельно с этим партизанские штабы, опираясь на помощь фронтов, увеличили снабжение патриотов оружием, боеприпасами, снаряжением и средствами связи. Все это в итоге привело к тому, что буквально на всех этапах Курского сражения — как в период подготовки и проведения, так и во время отступления войск противника — партизаны по указанию Центра и территориальных подпольных партийных органов наносили мощные удары по врагу, действовали в соответствии с планом командования советских войск ²¹⁵.

В этой связи нам представляется целесообразным несколько подробнее остановиться на оценке взаимодействия партизан и советских войск, которую дал бывший начальник транспортных перевозок в тылу группы армий «Центр» Г. Теске. Уже после разгрома гитлеровской Германии он вынужден был признать, что «русское командование исключительно осмысленно использовало свои силы в целях парализации движения на ж.-д. коммуникациях». Это «осмысленное использование сил», пишет Теске, заключалось в тесном взаимодействии регулярных советских войск и партизан и оно исходило «из опера-

тивной точки зрения»²¹⁶. В качестве примера он приводит факт, когда в середине марта советская авиация, используя достоверные данные, полученные от партизан, «очень умело меняла объекты нападения», обнаруживая при этом хорошее взаимодействие с действиями партизан. «Русская авиация, например,— указывает Теске,— в один из (мартовских 1943 г.— *Я. П.*) дней подвергла бомбардировке ж.-д. мастерские в Рославле, чтобы помешать быстрому восстановлению подвижного состава. На следующую ночь она подвергла бомбардировке все железнодорожные станции и вокзалы на ж.-д. линии Смоленск—Рославль на протяжении 60 км и разрушила, по меньшей мере ж.-д. связь, вывод из строя которой был ощутимее, чем повреждение ж.-д. колеи, так как пропускная способность дороги зависела от хорошо действующей ж.-д. связи. На третью ночь она атаковала, конечно, хорошо известный ей склад боеприпасов в Брянске, который был не только разрушен, но и в течение нескольких дней рвущимися снарядами было парализовано движение по прилегающей к складу ж.-д. линии... Почти равноценной оказалась в это время и деятельность умело направляемых Москвой русских партизан. К примеру: важная и с высокой пропускной способностью ж.-д. линия снабжения Минск—Гомель—Брянск—Орел еще в тылу постоянно выводилась из строя партизанами. Особенно огромного успеха добились партизаны в конце марта 1943 года под Брянском», где партизанская деятельность «была исключительно активной», поскольку «расположенные южнее Брянска огромные лесисто-болотистые массивы представляли хорошее убежище для крупных партизанских соединений»²¹⁷.

Теске подробно останавливается на успешной операции партизан по взрыву двух важных железнодорожных мостов через Десну у Выгонич. Он указывает, что эти хорошо охраняемые немцами мосты, расположенные друг от друга на расстоянии приблизительно в 100 метров, в ночь на 21 марта 1943 года были внезапно атакованы многочисленным и хорошо вооруженным партизанским формированием, и после 3—4-часового боя мосты (один длиной 86,4 метра, второй — 96,2 метра, высота над уровнем воды 10,5 метра) были взорваны. Потребовалось 5 дней напряженной работы, чтобы с помощью огромного штабеля балок восстановить движение по одному из них со сниженной пропускной способностью. На восстановление движе-

ния через второй мост потребовалось еще больше времени—12 дней. «Эта операция партизан,— подчеркивает Теске,— наглядно показывает, как русские... старались максимально подорвать боевую мощь фронтовых частей» ²¹⁸.

Справедливости ради следует сказать, что рассматриваемая Теске операция брянских партизан была осуществлена патриотами не 24, а 8 марта 1943 года. В ее проведении участвовали партизаны бригады имени Щорса совместно с группой партизан бригады имени Кравцова, а также 1-й отряд имени Ворошилова из бригады «Смерть немецким оккупантам». Проведя тщательную разведку, объединенные силы партизан атаковали мосты не с востока, откуда противник больше всего ожидал нападения, а, совершив трудный и опасный переход по еще замерзшей Десне, с запада. В ходе боя народные мстители истребили до 300 немецких солдат и офицеров, охранявших мосты, а также уничтожили охранные сооружения. Вслед за железнодорожными мостами патриоты взорвали 4 моста на большаках Брянск—Почеп, Брянск—Трубчевск ²¹⁹.

Операции подобного рода совершались также и партизанами других оккупированных районов. Гитлеровское командование не могло приступить к осуществлению плана «Цитадель», пока не провело операцию против орловских партизан, действовавших в тылу группы армий «Центр». Причем операцию против орловских партизан вражеское командование рассматривало как составную часть своего летнего наступления. Во исполнение чего на борьбу против партизан в мае—июне оно вынуждено было бросить более 10 дивизий — целую армейскую группу войск ²²⁰. К тому же среди этих соединений находились и те войска, которые предназначались для наступательных действий по плану «Цитадель». Целый месяц противник вел ожесточенные бои в брянских лесах. Командир 442-й дивизии с нескрываемой тревогой доносил в высшие командные инстанции: «На протяжении прошедших полутора лет несколько раз наши войска пытались ликвидировать партизанские отряды в так называемых брянских лесах... Попытки истребить партизан ни разу не имели успеха, а только принесли нам большие потери. Партизаны продолжают занимать огромное пространство за спиной 2-й танковой армии. В связи с этим линии движения и подвоза блокируются противником. Подобное положение... представляет огромную опасность для армии» ²²¹.

Важнейшими контрпартизанскими акциями противника были также ряд крупных карательных операций против белорусских партизан, осуществленных по указанию Гимmlера в преддверии битвы на Курской дуге. В их числе тщательно спланированная оперативным управлением генштаба сухопутных сил Германии и руководимая самым высшим начальником СС и полиции в генеральном округе «Белоруссия» фон Готтбергом крупномасштабная операция «Коттбус» (май—июнь 1943 г.), охватившая ряд районов Витебской, Минской и Вилейской областей, карательные операции «Гюнтер» (июнь — июль) и «Зейдлиц» (первая половина июля). Вслед за ними в июле — августе 1943 года на территории Барановичской области гитлеровцы провели крупную операцию против партизан и местного населения под кодовым названием «Герман». Общее руководство ею осуществлял фон Бах-Зелевский, а непосредственно действиями карателей руководил палач Готтберг. В проведении этих операций участвовали крупные силы артиллерии, танков и авиации вермахта, конномеханизированные части и подразделения службы безопасности и СД, различные «добровольческие» формирования²²².

Готовясь к наступлению в районе Курска, немецко-фашистское командование провело также ряд карательных экспедиций в тылу группы армий «Юг». Здесь в массовых «расчистках» от партизан армейского тыла участвовало до 10 вражеских дивизий. С воздуха позиции народных мстителей подвергались массированным ударам бомбардировочной авиации²²³.

Комплексом контрпартизанских акций гитлеровцы рассчитывали уничтожить основные силы советских патриотов, терроризировать и запугать местное население и тем самым максимально обезопасить тыл группы армий «Центр». Однако все замыслы оккупантов потерпели полнейший провал. Партизаны не только не были разгромлены, а, наоборот, под руководством подпольных партийных органов, опираясь на помощь и поддержку местных жителей, еще более активизировали удары по врагу. И это вынужден был признать сам противник.

Так, в дневнике германского верховного главнокомандования отмечалось, что партизаны своими действиями серьезно затрудняли материальное обеспечение немецких войск накануне наступления под Курском. «Особенно сократилось снабжение горючим,— отмечается в дневнике,—

которое было крайне затруднено в результате действий партизан. 6-й воздушный флот еще в июне 1943 г., до начала операции «Цитадель», израсходовал 8634 т авиационного горючего, но получил за то же время только 5722 т. Поэтому тактическое использование авиации регламентировалось наличием горючего»²²⁴.

Чтобы исправить это положение, гитлеровцы вынуждены были большими контингентами регулярных частей вермахта вести затяжные боевые операции против советских партизан. Сосредоточивая войска и технику в районе предстоящей операции «Цитадель», противник должен был маневрировать, растягивая свои коммуникации, обходя устойчивые районы базирования партизанских сил. Это последнее обстоятельство, наряду с другими факторами, вынудило фашистское командование перенести расчетный срок осуществления плана «Цитадель». Кроме того, дивизии, предназначавшиеся для наступления и участвовавшие в карательных операциях против народных мстителей, понесли значительные потери. А главное — свое влияние стал оказывать моральный фактор: немецко-фашистские солдаты воочию убедились, что партизан уничтожить им не удалось, что на оккупированной ими территории продолжает полыхать яркое пламя народной войны.

На совещании в ставке «фюрера» в конце июля 1943 года командующий группой армий «Центр» генерал-фельдмаршал фон Клюге не без оснований жаловался Гитлеру: «...В тылу у меня повсюду партизаны, которые все еще не только не разбиты, но все более усиливаются... Войска уничтожаются у брянских лесов, наводненных партизанами»²²⁵. Клюге нарисовал Гитлеру тяжелую картину положения группы армий «Центр» и выразил сомнение в возможности проведения мероприятий по эвакуации, категорически возразил против изъятия дивизий из тыловых районов центрального участка фронта, ибо это грозит тяжелым поражением.

Не изменилось положение гитлеровцев на оккупированной советской территории и непосредственно во время Курского сражения. О тесном взаимодействии советских войск с партизанами в этот период довольно подробно говорится в обобщающей записке начальника штаба 1-го Белорусского фронта М. С. Малинина «О взаимодействии партизан Белоруссии с войсками 1-го Белорусского фронта». Генерал М. С. Малинин указывает, что такое четкое вза-

имодействие на довольно большом расстоянии было возможным благодаря постоянной связи командования фронта с подпольными парторганами и партизанскими командами. Особенно тесной эта связь становится с приближением линии фронта к районам, «занятым и освоенным партизанами».

«Начиная с лета 1943 года и весь 1944 год,— указывается в записке,— славному боевому пути войск 1-го Белорусского фронта сопутствуют успешные действия партизан. Наиболее значительное взаимодействие партизан с войсками фронта было:

а) в летне-осеннем наступлении 1943 года (Севско — Глуховско — Бахмачевском, на Киевском направлении), когда войска фронта вышли на р. Днепр;

б) в Гомельско — Речицкой операции;

в) в Мозырь — Калинковичской операции;

г) в Бобруйской операции...»²²⁶.

М. С. Малинин подчеркивает, что массовые разрушения на коммуникациях, осуществленные партизанами в период «рельсовой войны», серьезно осложнили перегруппировку войск противника. Из-за удлинения срока прохождения эшелонов резервы гитлеровцев прибывали на угрожаемые участки фронта с большим опозданием и не смогли влиять на развитие наступления войск Центрального (1-го Белорусского) фронта. «Массовые удары партизан Белоруссии по железнодорожным магистралям,— указывалось в записке,— дали ощутимые результаты и способствовали успешным операциям войск фронта. К этому следует добавить, что нарушение движения по важнейшим магистралям, проходящим в Белоруссии, оказало также влияние на принятие решений противником»²²⁷.

Такое же положение было характерно в большинстве случаев и для других участков советско-германского фронта. Оно сохранялось вплоть до полного изгнания захватчиков из пределов Советской страны.

В канун начала операции «Багратион», 20 июня 1944 года народные мстители Белоруссии по указанию Главного Командования Красной Армии провели одну из крупнейших операций в истории «рельсовой войны». В результате мощного партизанского палета на оккупированной территории республики на длительное время были полностью парализованы почти все железнодорожные коммуникации, в том числе на таких важнейших направле-

ниях, как Полоцк — Молодечно, Глубокое — Вильнюс, Минск — Орша, Минск — Брест, Пинск — Брест. Причем, как и в предыдущих больших наступательных операциях советских войск, партизаны действовали по строго намеченному плану. Так, в целях сохранения в тайне стратегического замысла Ставки на летний период советское командование на время запретило партизанам препятствовать переброске немецких войск с южного участка фронта в район Бреста. «Но когда эти соединения,— замечает Теске,— в конце июня срочно понадобились для укрепления прорванного фронта группы армий «Центр», партизаны массовыми диверсиями парализовали все железнодорожные линии, ведущие к фронту»²²⁸.

Передислокация партизанских сил, увеличение зоны боевого и хозяйственного контроля

В числе важнейших инициатив и конкретных мероприятий Коммунистической партии, направленных на расширение и углубление всеародной партизанской войны, явилась проведенная во второй половине 1943 года передислокация партизанских формирований. Она осуществлялась как в пределах отдельных оккупированных областей и республик, так и за их границами.

Опыт показал, что при осуществлении оперативного руководства боевой деятельностью партизан, а также при проведении массово-политической работы среди населения необходимо непременно учитывать довоенное административное деление оккупированной территории. Границы областей и районов, как правило, не совпадали (да и не могли совпадать) с зонами базирования и деятельности народных мстителей. К тому же последние довольно часто и надолго меняли свою конфигурацию в результате боев с карателями или по оперативно-стратегическим соображениям. Исходя из этого, партия считала нецелесообразным общее руководство партизанскими действиями ставить в прямую зависимость от расположения фронтовых объединений, т. е. держать партизанские силы только в прифронтовом и фронтовом тылу, не считаясь со сложившимися еще в мирное время территориальными принципами партийного руководства. К тому же это противоречило

бы самой природе партизанского движения, главной силой которого являлось коренное население, сдерживало бы его размах.

Проникновение партизанских отрядов и бригад в другие районы и «освоение» ими последних в значительной мере способствовало как дальнейшему расширению зоны боевых действий патриотов и активизации работы территориального подполья, так и притоку новых людских контингентов в ряды вооруженных бойцов-партизан, расширяло поле деятельности подпольных партийных органов всех звеньев, способствовало усилению военно-организаторской и политической работы партии среди местного населения.

Этот своеобразный маневр партизанскими силами осуществлялся Компартией чаще всего в виде боевых рейдов — организованных стремительных передвижений партизанских формирований по оккупированной территории, проводимых на значительное удаление от места постоянного базирования с целью решения ряда задач борьбы с врагом. Блестящие по своему боевому эффекту и политической значимости, партизанские рейды летом — осенью 1943 года осуществили многие формирования народных мстителей. Среди них: партизанское соединение А. Ф. Федорова из житомирского Полесья в Волинскую область (июнь — июль), соединение Я. И. Мельника из украинского Полесья в район Винницы (июнь — август), соединение С. А. Ковпака из Полесья в Карпаты, до венгерской границы (июнь — сентябрь), соединение В. Е. Самутина и Ф. Ф. Капусты из Минской области в Белостокскую (сентябрь — ноябрь), соединение под командованием Ф. Ф. Тараненко с территории Минской в Брестскую область (сентябрь — декабрь).

Большая работа по указанию БШПД была проведена по разукрупнению и передислокации партизанских сил в масштабе Витебской и смежной с ней Вилейской области. Всего из восточных областей в западные под руководством подпольных парторганов Белоруссии было передислоцировано до 20 крупных партизанских формирований и 15 организаторских групп²²⁹.

С целью усиления боевых действий на железнодорожных участках Красногвардейск — Нарва, Плюсса — Мшинская и активизации партизанской войны в этих районах в октябре 1943 года по указанию Ленинградского

штаба партизанского движения около 1200 партизан из полосы Северо-Западного фронта было перегруппировано в прифронтовые полосы Ленинградского и Волховского фронтов²³⁰.

Перемещение партизанских сил из одного района в другой и «освоение» ими новых территорий совершалось в различных районах по-разному. Например, в Латвии с целью вовлечения в партизанскую войну населения северных районов республики летом — осенью 1943 года по указанию ЦК Компартии Латвии широкое применение получила новая форма организации партизанских сил — система подотрядов. Из состава действовавших отрядов в северные районы направлялись инициативные группы по 5—6, иногда 10 опытных партизан-организаторов. После ознакомления с обстановкой и проведением соответствующей разведывательной и организационно-подготовительной работы к «первопроходцам» прибывали новые группы. Таким путем в каждом новом районе закладывалось прочное партизанское ядро — подотряд. Численно небольшие и мобильные подотряды имели все необходимое: штабы, подрывные группы и опытных партизан — будущих командиров подразделений — для развертывания в крупное формирование. Увеличивая свои ряды за счет местных патриотов, новые партизанские отряды в свою очередь служили исходным пунктом для создания следующей группы подотрядов. Применение системы подотрядов и передислокация их в новые районы привели к тому, что в короткий срок партизанской войной была охвачена значительная территория северной Латвии²³¹.

Характерно, что в период перебазирования партизанских сил из одного района в другой контроль над ними со стороны партийных органов не только не ослабевал, а наоборот, рейдирующее партизанское формирование все время находилось в поле зрения партийных комитетов. Например, в истории 16-й Смоленской партизанской бригады (командир Шлапаков, комиссар Тимошенко), которая в 1943 году боевым рейдом передислоцировалась из Смоленской области в Вилейскую, указывается: «На протяжении всего периода существования бригада в целях поддержания на должном уровне партийной и комсомольской работы внутри соединения, а также оформления приема в партию и комсомол, имела постоянную связь с рядом подпольных райкомов партии. Так, на территории

Касплянского района Смоленской области бригада поддерживала связь с Касплянским райкомом. На территории Витебской области она имела связь с Сенненским и Ушачским райкомами партии, в Вилейской области — с Свирским райкомом партии»²³².

С передислокацией партизанских формирований тесно связано и другое большое мероприятие Коммунистической партии — районирование партизанских сил. Оно заключалось в равномерном распределении партизанских подразделений по областям и районам, в закреплении за ними определенных населенных пунктов для защиты мирных граждан от террора и репрессий оккупантов, систематического проведения массово-политической работы, сосредоточения усилий патриотов в нужное время на наиболее важных объектах, согласования борьбы крупных партизанских группировок с действиями Красной Армии. Командование партизанских отрядов и бригад несло полную ответственность за состояние дел в этих районах. Например, в Белоруссии в результате успешной борьбы патриотов и проведенного районирования свыше 60 процентов еще оставшейся к концу 1943 года в руках противника территории республики находилось под контролем партизан. Общая площадь контролируемых советскими партизанами оккупированных районов Белоруссии превышала территорию Дании, Голландии и Бельгии, вместе взятых (свыше 108 тыс. кв. км)²³³. Это позволяло штабам партизанского движения планировать одновременные и большие по охвату территории боевые операции и гибко руководить их осуществлением.

Районирование партизанских сил сыграло огромную роль в создании новых, а также в упрочении и расширении существующих партизанских краев и зон, что имело не только оперативно-стратегическое, но также важное политическое и военно-экономическое значение. Партизанские края и зоны (освобожденные и контролируемые патриотами территории) представляли собой важнейшие материальные базы для народных мстителей, куда, как указывал М. И. Калинин, «немцы не смели и нос сунуть»²³⁴.

В партизанских зонах ковалось стратегическое оружие неодолимости. Каждая партизанская зона, сплоченная партией в боевой лагерь, противостояла немецко-фашистским захватчикам как форпост Советской власти, как плацдарм партизанской войны. Партизанские зоны — это

утраченное врагом оперативное пространство, выпущенные из рук инициатива, политическое влияние, базы экономической эксплуатации и грабежа. Эта истина не попиралась даже и самим противником. Весной 1942 года главное управление полиции безопасности и СД с тревогой сообщало, что «большие области оккупированной до сих пор территории заражены партизанами или находятся под их господством. Небольшие немецкие части... ни при каких обстоятельствах не могут вступить в занятые партизанами области. В противном случае они подвергаются опасности быть уничтоженными без остатка. Само собой разумеется, невозможно также эти области охватить пропагандой или экономическими мероприятиями...»²³⁵. Население партизанских краев и зон кормило, одевало и обувало партизан, заботилось о раненых. Партизанские края были опорой, мощным резервом для пополнения людьми не только местных партизанских подразделений, но и рейдирующих, десантных и даже фронтовых частей Красной Армии. Так, кавалерийский корпус П. А. Белова за пять месяцев пребывания в оккупированных районах Смоленской области за счет местных жителей и партизан пополнил свои части 11 тысячами человек²³⁶.

К концу 1943 года на территории Белоруссии существовало свыше 20 обширных партизанских зон. Среди них: Борисовско-Бегомльская (около 6 тыс. кв. км), Кличевская (более 3 тыс. кв. км), Ушачская (свыше 3,2 тыс. кв. км), Южно-Минская (более 4 тыс. кв. км), Южно-Полесская (около 2 тыс. кв. км), Ивенецко-Налибокская, Сенненско-Оршанская и другие. Например, Кличевскую зону охраняло около 18 тыс., Ушачскую — 17, Борисовско-Бегомльскую — 14, Ивенецко-Налибокскую — 10 тысяч партизан. Совместными усилиями русских, белорусских, украинских и латышских партизан были созданы огромные партизанские зоны в районах Белоруссии и смежных с нею соседних братских республик и областей. В результате объединения отдельных из них возникли целые партизанские края: в четырехугольнике Олевск—Овруч—Мозырь—Туров партизанский край охватывал 14 районов, где проживало до 200 тыс. человек. На стыке Белоруссии, Латвии и Российской Федерации был создан братский партизанский край площадью в 10 тысяч квадратных километров. Обширный лесной партизанский край — 170 километров в длину и 70 — в ширину — создали народные мстители

Курской и Орловской областей совместно со своими побратимами из Сумской области. Огромный партизанский край существовал в междуречье Днепра, Припяти и Десны и в ряде других, временно захваченных врагом районах.

Возникшие в тылу оккупантов партизанские края и зоны имели большое политическое значение. Уже сам факт существования освобожденных территорий в тылу захватчиков наносил огромный удар по гитлеровской пропаганде, подрывал престиж оккупантов. Противник тщетно стремился уверить советских людей в безвозвратную гибель советского строя и тем самым вызвать состояние безнадёжности, морального упадка, сломить волю народа к сопротивлению.

Освобожденные края и контролируемые партизанами зоны играли важную роль в срыве многих операций по ограблению и угону в фашистское рабство советских людей, мобилизации их в различные «добровольческие» формирования и других политических, экономических и военных мероприятий врага. Секретарь Барановичского подпольного обкома партии, Герой Советского Союза В. Е. Чернышев так писал по этому поводу: «Районирование имеющихся наличных сил позволило народным мстителям быстро и оперативно срывать намечаемые врагом мероприятия, своевременно разоблачать и расстраивать все их провокационные планы. Попытки гитлеровцев ограбить население, захватить у него хлеб, скот, имущество, вывезти советских людей в фашистскую неволю — всегда встречали решительный отпор со стороны советских партизан. Партизаны защищали население от фашистских грабителей, проводили массово-политическую работу, пополняли свои ряды и в строгом соответствии с советскими законами создавали здесь свои продовольственные базы»²³⁷. В. Е. Чернышев указывал, что районирование партизанских сил ни в коей мере не сковывало инициативы партизан, не липало их подвижности и маневренности в проведении боевых операций.

В освобожденных от оккупантов районах усилиями партийных комитетов и командования партизанских формирований восстанавливались и разворачивали свою деятельность партийные и советские органы, открывались больницы, фельдшерские пункты и амбулатории, возобновлялись работы мельницы, мастерские, налаживался выпуск газет и т. д. Однако восстановленная на отвоеванной

у врага территории Советская власть не была похожа на власть трудящихся мирного времени, а представляла собой власть военного периода, по образному выражению М. И. Калинина, «ощетинившуюся всеми доступными видами вооружения для борьбы с заклятым врагом». Советская по своей сути — вот что было главным у возрожденной власти (далеко не всегда и не везде была возможность облечь органы власти в привычную форму Советов депутатов трудящихся). В условиях освобожденных партизанами краев и зон Советскую власть олицетворяли, как правило, вышедшие из подполья партийные органы и командование партизанских формирований, опиравшиеся на единодушную и восторженную поддержку жителей городов и селений.

В бурном водовороте военно-политических событий, разворачивавшихся во вражеском тылу, процесс восстановления Советской власти осуществлялся по-революционному, по-большевистски смелыми и решительными действиями. Красный флаг над зданием сельсовета, городского или поселкового органа родной Советской власти становился символом грядущей всенародной победы, свидетельством непреодолимой силы и жизнеспособности нашего общественного и государственного строя, нашей социалистической Отчизны. Партизан, пробившийся с красным советским флагом в стан врагов и уничтоживший фашистскую свору, в глазах населения деревень и городов был посланцем Советской Родины, представителем ленинской партии, негнбаемым носителем ее идей. «Даже в самом глубоком тылу, — писал М. И. Калинин, — партизанское движение внедряет, увеличивает уверенность тылового населения в том, что захват данной территории временный, оно организует непосредственно народные силы против фашистских захватчиков.

Партизаны — это как бы представители Советской власти во вражеском тылу; в лице партизан сельское и городское население временно оккупированных районов видит Советскую власть, а в соответствии с этим укрепляет дух борьбы, растет уверенность, что немцы будут изгнаны. Это имеет громадное значение»²³⁸.

О том, что партизаны и местные жители в освобожденных районах составляли единый боевой коллектив, говорят многие факты и документы тех огненных лет. Например, секретарь Смоленского обкома партии Д. М. Попов, со-

общая в ЦК ВКП(б) об успехах народных мстителей, в марте 1942 года писал: «В тылу врага партизанами полностью освобождено несколько районов и тысячи населенных пунктов, где восстановлены и работают все органы Советской власти. Партизанами проведены тысячи собраний трудящихся, на которых рассказано о положении дел на фронтах Отечественной войны.

Партизанами выпущены десятки тысяч листовок, тысячи газет, рассказывающих о разгроме немецких войск под Москвой и о зверских убийствах, грабежах и издевательствах, чинимых немецкими оккупантами над мирными жителями...»²³⁹

В принятом 3 апреля 1942 года Кличевским подпольным райкомом партии и исполкомом районного Совета постановлении «О восстановлении Советской власти в районе» (Могилевская обл.) указывалось: «...Объявить с сего дня на территории Кличевского района Советскую власть восстановленной. Район [объявить] на военном положении. Руководство всей политической, оборонной и хозяйственной деятельностью как в районном центре, так и на местах сосредоточить в районных и местных органах Советской власти... Вся деятельность районных и местных органов власти в военный период должна быть направлена на мобилизацию трудящихся района на оборону нашей Родины вплоть до окончательной победы над врагом, а именно: а) сбор оружия и боепитания на территории района; б) содействие партизанским отрядам во всех их действиях; в) создание необходимой базы для питания партизанских отрядов; г) оказание материальной помощи семьям красноармейцев, красных партизан и лицам, пострадавшим от террора немецких фашистов...; д) удовлетворение всех трудовых, культурных и бытовых нужд трудящихся района... В целях охраны населенных пунктов от фашистских оккупантов организовать при каждом населенном пункте красные партизанские отряды самозащиты...»²⁴⁰

Множество таких островков Советской власти, сотнями километров отдаленных от линии фронта, было создано усилиями действовавших партийных органов и партизан в тылу противника. Фашистские захватчики видели в них ни мало ни много как «рассадник» большевистской «заразы», удобные «плацдармы» для совершения партизанских налетов на гарнизоны и рейдов по глубоким немец-

ким тылам. Насколько тревожило гитлеровцев такое положение в их тылу, хорошо видно из донесения отдела иностранных войск «Восток» (IV) в ставку Гитлера от 22 мая 1943 года. В нем указывалось, что в течение зимы образовались обширные партизанские зоны вокруг Брянска, в треугольнике между Припятью и Днепром, а также юго-западнее Бобруйска, вокруг Орши и Невеля. В ряде случаев, сообщал отдел, отмечается расширение таких зон за счет передислокации партизанских сил из отдаленных районов. «Бандитская территория,— отмечалось в донесении,— в связи с численным ростом и усилением банд растянулась и захватила районы, до этого не зараженные бандитами... В особенности это касается района Днепра, на участке между Киевом и Оршей и прилегающих районах... Банды в районе севернее Киева создали «бандитскую республику» с собственным управлением. В других районах бандиты вооружили гражданское население, чтобы оно могло защищаться от репрессий «фашистских захватчиков»... Обширные области, начиная восточнее Днепра и до районов западнее Великих Лук, Минска, Брест-Литовска, северной Украины, а также районы южнее и западнее Брянска, сильно заражены бандитской деятельностью и большие области заняты бандитами». Отдел предостерегал: «Последствия этого факта, сказавшиеся в хозяйственной и транспортно-технических областях, служат предметом особого обсуждения компетентных органов»²⁴¹.

И «компетентные органы» всех рангов и назначений обсуждали, часто и подолгу решали этот больной для фашистов вопрос. На основании принятых ими директив и высказанных рекомендаций фашистские изверги жестоко преследовали патриотов, творили зверскую расправу над советскими людьми, намереваясь тем самым сломить их волю к сопротивлению, предотвратить расширение фронта народной войны. Однако все меры и устремления гитлеровцев были тщетными, ибо не было той силы, которая могла бы погасить в советских людях приверженность к социалистическому образу жизни, разорвать глубочайшие корни, связывающие их с родной Советской властью, с партией великого Ленина.

В поддержании высокой сознательности и пламенного патриотизма, беспредельной преданности коммунистическим идеалам и уверенности в неодолимости правого

дела первостепенная роль принадлежала Коммунистической партии, сумевшей с честью провести наш народ через все военные невзгоды и испытания. Не было задач и мероприятий, которые бы решались в годы войны без участия коммунистов. Так, в отвоеванных и возрождаемых в тылу врага советских районах партийные органы следили за тем, чтобы правильно распределялись скот, зерно, сельскохозяйственный инвентарь, надлежащим образом использовались пахотные земли — основной источник продовольственного обеспечения народных мстителей и местного населения. Партийные органы и командование партизанских отрядов принимали все необходимые меры к тому, чтобы вовремя провести сев и уборку урожая, обеспечить детей-сирот и стариков продовольствием и т. п.

Серьезная работа в этом направлении проводилась, например, в партизанских краях Орловской и Смоленской областей. На расширенном заседании бюро Навлинского РК ВКП(б) Орловской области в апреле 1942 года было принято специальное постановление, предусматривавшее ряд мер по подготовке и проведению весеннего сева. На учет были взяты лошади и инвентарь, организован сбор семян, из числа партизан созданы специальные передвижные группы, на места направлены партийные активисты. В результате принятых мер весенне-полевые работы в контролируемом партизанами районе прошли успешно²⁴².

По мере необходимости партийные и советские органы своими решениями вводили временную продрозверстку — обязательные поставки партизанам хлеба, мяса, молока, а иногда и овощей, лечебных ягод — черники, черной рябины, смородины, малины. Прозверстка утверждалась для каждого сельсовета. Последний, в свою очередь, доводил план обязательных поставок каждой деревне или возрожденному колхозу. Планы обязательных поставок для партизанских отрядов обсуждались на общих собраниях, которые решали, кто сколько и чего должен сдать по разверстке. При этом учитывалось количество трудоспособных членов семьи, местонахождение главы семьи. В ряде районов Псковской, Калининской, Смоленской, а также в освобожденных районах Витебской и Гомельской областей в местных водоемах проводилась ловля рыбы для партизан. Каждый восстановленный колхоз, имевший водоем, получал на этот счет обязательный план. Иногда в помощь местным рыбакам партизанское командование

выделяло специальные наряды партизан, которые в течение указанного времени занимались рыбной ловлей.

Весь этот комплекс мероприятий действовавших в тылу врага партийных органов позволял положительным образом решать продовольственную проблему, создавать необходимые запасы для каждого партизанского отряда, что, несомненно, сказывалось на повышении боевой активности народных мстителей. Партизанка-разведчица А. Т. Значкова (Смоленская обл.) по этому поводу в своих воспоминаниях отмечает: «При восстановлении Советской власти в партизанских краях жить и бороться партизанам стало легче. Продукты питания стали поступать партизанам организованно. Это отразилось на их активности»²⁴³.

Партизаны также не оставались в долгу перед местными жителями. Захватывая у противника имения, продовольственные базы и склады, они раздавали населению скот, зерно, муку, соль, табак и другие продукты. На постоянном учете у подпольных парторганов и партизанского командования находились одинокие старики, семьи красноармейцев, вдовы и дети погибших партизан. Они не только освобождались от продразверстки, но и в первую очередь получали помощь от партизан. В этой взаимной связи и поддержке заключались неодолимая сила нашего строя, ленинская дружба народов, которые в свою очередь порождали мощь и непобедимость советского партизанского движения.

Освобожденные края и контролируемые партизанами зоны были мощными очагами для ведения массово-политической и воспитательной работы в тылу врага. Профессор П. Р. Шевердалкин, в прошлом активный участник партизанского движения на территории Ленинградской области, в одной из своих работ указывает, что в возникшем еще осенью 1941 года Ленинградском партизанском крае подпольными партийными органами и организациями повсеместно проводились митинги и собрания, коллективное прослушивание московских радиопередач и даже просмотр советских кинофильмов. Партийные работники, комиссары партизанских отрядов и бригад, политруки подразделений знакомили население с положением на фронте и в советском тылу, рассказывали о героической борьбе народных мстителей на оккупированной территории, призывали народ всячески противодействовать фа-

пистетским захватчикам, множить ряды партизан, создавать дружины и отряды самообороны для охраны своих селений от вторжения гитлеровских карателей²⁴⁴.

На отвоеванной у врага территории силами партийно-комсомольских органов и советского актива возобновлялась работа школ. Местные учителя и учителя-партизаны с помощью населения находили и приводили в порядок столы, школьные парты, классные доски, учебники, собирали детей и начинали занятия с ними. Необычайно трудной была эта работа в условиях вражеского тыла, ибо начинать ее приходилось практически с нуля. Вот как об этом писал в своем донесении в ЦК ЛКСМБ от 22 ноября 1942 года член Минского подпольного обкома партии, секретарь ЦК ЛКСМБ К. Т. Мазуров (ныне член Политбюро ЦК КПСС, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР):

«Со школами работа начата. Работает 8 школ в Октябрьском районе. Еще, по нашим предположениям, должно быть открыто столько же школ во всех районах нашей (Минской.— Я. П.) зоны... Трудности:

1. Помещения и все, что в них было,— разбито.

2. Учебников, учебных пособий, бумаги, карандашей — нет. Как мы выходим из положения? Ищем так же, как ищем оружие...»²⁴⁵

И все же, несмотря на эти трудности, школы работали. Дети советских людей учились в Ленинградском партизанском крае и в освобожденных районах Смоленской области, на Украине и в Белоруссии. Разумеется, все школы были начальными, только с первыми четырьмя классами образования. Но их функционирование значило многое: народная власть жила на этих освобожденных от гитлеровцев островках советской земли, заботилась о настоящем и думала о будущем народа, что в свою очередь самым непосредственным образом влияло на размах и углубление патриотической борьбы, приближало желанный день победы над врагом.

Возобновление работы школ, демонстрация в партизанских зонах кинофильмов, выпуск печатных газет и рукописных журналов, импровизированные клубы и концерты художественной самодеятельности, митинги и доклады, наконец, изготовление партизанами и подпольщиками оружия, боеприпасов, всевозможных документов — все это убедительное свидетельство высокого интеллекта и боль-

пой общей культуры народных мстителей. Оно лишней раз опровергает лживые утверждения гитлеровцев, подхваченные и приумноженные в послевоенные годы реакционными буржуазными историографами, что советские партизаны представляли собой лишь засланных Москвой безумцев-фанатиков, которым-де вообще был чужд нормальный человеческий облик. М. И. Калинин в годы войны по этому поводу справедливо замечал, что крестьяне, рабочие и интеллигенция, участвующие в партизанском движении, «проявляют такое мастерство в умении использовать все находящиеся в наличии средства и условия ведения боя, от которого немецкому командованию нездоровится... Значит, у советского населения высоко не только моральное состояние, но и его интеллектуальное развитие»²⁴⁶.

Борьба на транспорте

Одной из важных задач, решаемых Коммунистической партией с целью создания невыносимых условий в тылу немецко-фашистских захватчиков и оказания помощи регулярным советским войскам, была дезорганизация работы коммуникаций противника, уничтожение его живой силы и техники по пути следования к фронту. Выдвижение этой задачи в число первоочередных обуславливалось рядом обстоятельств: огромной ролью транспорта в современной войне (интенсивными перевозками большого количества воинских грузов и людского состава); довольно густой сетью и растянутостью коммуникаций гитлеровцев на советской территории*, на которой, ни на один день, ни на один час не затихая, бушевал шквал народной войны; наличием усовершенствованных минновзрывных средств и т. д. Все это и предопределило тот факт, что пути сообщения противника (водные, шоссейные, магистральные и рокадные железные дороги) на всем их протяжении были превращены в арену непрерывной битвы, сопровождавшейся крушением эшелонов,

* Протяженность только железных дорог на оккупированной гитлеровцами советской территории на ноябрь 1941 г. составила около 43 тыс. километров (см.: «Война в тылу врага», 1-й выпуск. М., 1974, стр. 174).

уничтожением судов, автоколонн, одиночных машин и мотоциклов, массовым разрушением станций, рельсов, шпал, мостов, ремонтных мастерских, водонапорных башен и т. п.

Успех борьбы советских патриотов на коммуникациях германской армии со всей очевидностью подтвердил сделанные в свое время Ф. Энгельсом выводы о том, что военный успех противоборствующих сторон, состояние вооруженных сил, их стратегия и тактика находятся в прямой зависимости «от достигнутой в данный момент ступени производства и от средств сообщения»²⁴⁷.

Указывая на значение парализации транспорта в ходе партизанской войны, Ф. Энгельс писал: «И если восстанет население районов, оккупированных неприятелем, или хотя бы только будут постоянно прерываться его коммуникационные линии, то предельная черта, за которой вторгшийся противник становится бессильным, еще более приблизится»²⁴⁸.

Удары по транспортным путям противника народные мстители начали наносить с самого начала фашистской агрессии. Объектами нападения были как железные дороги всех направлений, так и шоссейные, грунтовые и речные пути. Дезорганизуя перевозки врага, патриоты применяли самые различные средства, методы и приемы борьбы: на железных дорогах — уничтожение эшелонов, мостов и разрушение полотна минновзрывными средствами, развинчивание стыков рельсов и отвод их в сторону, подкопы под них, выдергивание костылей и унос отдельных звеньев полотна; на шоссейных дорогах и реках — обстреливание из засад авто- и мотоколонн, одиночных автомашин и речных судов, устройство завалов и замаскированных ям, применение всевозможных ежей, колючек и т. п. Партизаны и подпольщики широко практиковали также выведение из строя паровозов и вагонов прямо на станциях, порчу семафоров, нарушение водоснабжения, телефонно-телеграфной связи, саботирование ремонтных и восстановительных работ.

Бесчисленное множество диверсий, нападений из засад и актов саботажа, их повсеместность ставили гитлеровскую армию в крайне затруднительное положение. Вскоре после начала войны — 25 июня 1941 года — германское военное командование в докладе Гитлеру вынуждено было констатировать, что активные действия советских парти-

зан представляют серьезную опасность для немецких коммуникаций ²⁴⁹.

Характерно, что диверсионная работа народных мстителей на транспорте в тылу врага в ходе войны все время возрастала. Как свидетельствуют подсчеты И. Г. Старикова, за первую военную зиму советские партизаны и подпольщики только на железных дорогах путем крушений в общей сложности уничтожили более 200 паровозов и 1200 вагонов с живой силой, боевой техникой и боеприпасами, горюче-смазочными материалами и другими грузами. Кроме того, в результате партизанских диверсий по пути к фронту было переформировано свыше 30 эшелонов, более 160 эшелонов прибыли в действующую армию в неполном составе, на разные сроки опоздали 1200 воинских поездов ²⁵⁰.

С наступлением весны 1942 года половодье партизанской борьбы начало разливаться в огромное бушующее море народной войны. Благодаря мобилизующей и организующей роли Коммунистической партии, неутомимой деятельности подпольных партийных органов, напряженной работе первичных партийных организаций в это время возникли крупные партизанские соединения, были укреплены существующие и созданы новые формирования партизан и групп подпольщиков. Монолитная сплоченность советского народа вокруг ленинской партии, рост и организационное укрепление нелегальных партийных органов * и собственно партизанских сил явились решающей предпосылкой для наращивания атакующих ударов по вражеским транспортным путям и в первую очередь — по железным дорогам.

На это народных мстителей нацеливали и органы руководства партизанской войной. Так, начальник ЦППД в своем приказе от 1 августа 1942 года призвал весь командный состав партизанских сил, всех патриотов, не считаясь ни с какими трудностями, «усилить партизанскую войну в тылу немецких захватчиков, разрушать средства связи и транспорта врага» ²⁵¹. Этой же теме была посвящена и

* К маю 1942 г. на оккупированной советской территории организационно-партийную работу проводили опергруппы ЦК КП(б) Литвы и ЦК КП(б) Латвии, 12 обкомов, 185 межрайкомов, окружкомов, горкомов, горрайкомов, райкомов и других нелегальных партийных органов (см.: «История Коммунистической партии Советского Союза», т. 5, кн. I, стр. 680—694).

передовая газеты «Правда» от 13 августа 1942 года, озаглавленная «Партизаны, крепче удары по врагу!». В ней указывалось: «Танковый или пехотный полк фашистов на поле сражения — серьезная сила, но танковый или пехотный полк, следующий по железной дороге к линии фронта на платформах или в вагонах, может быть уничтожен группой партизан в несколько человек». Поэтому «рвать железные дороги, пускать под откос эшелоны, идущие на фронт с живой силой и техникой, дело чести партизан. Нужно добиться вывода железных дорог, водокачек, станционных сооружений из строя на продолжительное время».

Патриоты боевыми делами отвечали на призывы партии. Это хорошо прослеживается как по многочисленным материалам руководящих партийных органов и донесениям партизанского командования, так и по документам самого противника. Например, из доклада руководителей транспортной службы группы армий «Центр» министру путей сообщения Германии от 28 июля 1942 года отчетливо явствует, что число налетов партизан на подведомственные транспортной службе железные дороги увеличилось с 5 в январе 1942 года до 304 в июле. «При этом следует особенно учитывать, — отмечалось в докладе, — что за последнее время значительно возросла сила налетов и соответственно усугубились их последствия. Потери в людях и особенно в драгоценной материальной части очень велики»²⁵².

Не менее красноречивые признания на сей счет содержатся и в дневнике боевых действий командующего войсками тылового района центральной армейской группировки генерала Шенкендорфа:

«30.7.1942 г. ...Заявки на выделение конвойных и сопроводительных команд возрастают. Транспортная комендатура Минска постоянно требует выделения конвойных и сопроводительных команд...

31.7.1942 г. Диверсии на железных линиях группы армий «Центр» снова возросли...

10.8.1942 г. ...В связи с частыми нападениями на автомашины на шоссе Орша—Витебск... эта дорога закрыта для движения всех видов транспорта...»²⁵³

Подобным признаниям врага нет конца.

Не в лучшем положении находились транспортные перевозки противника и на других участках советско-гер-

манского фронта. Так, действуя в полосе Северо-Западного фронта, советские патриоты за первое полугодие 1942 года пустили под откос 18 воинских эшелонов и взорвали 10 железнодорожных мостов. В полосе Ленинградского и Волховского фронтов за это же время было подорвано 26 вражеских эшелонов²⁵⁴.

Насколько ощутимой была мощь ударов народных мстителей по коммуникациям противника за первую половину 1942 года видно из послевоенных признаний гитлеровского генерала Л. Рендулича. «Весной 1942 года они (партизаны.— *Ред.*) уже представляли серьезную опасность для тыловых коммуникаций немецкой армии,— писал Рендулич.— Поэтому для решительной борьбы с ними немецкому командованию приходилось стягивать в уже оккупированные районы большие силы, а для проведения крупных операций в областях, где движение приняло наиболее угрожающие размеры,— снимать отдельные части с фронта»²⁵⁵.

Важное значение для развития и углубления народной войны в тылу оккупантов имел приказ ЦШПД от 1 августа 1942 года «Об активизации действий партизанских отрядов в тылу врага», основное содержание которого было изложено в передовой «Правды» от 13 августа 1942 года. Наряду с постановкой общих задач ЦШПД ориентировал народных мстителей на усиление борьбы в первую очередь на транспорте противника. Каждый спущенный эшелон, указывалось в приказе,— это десятки единиц вражеской техники, сотни тонн боевого груза, множество гитлеровских солдат, не попавших на фронт. Уничтожение гитлеровцев в пути окажется мощной поддержкой героически сражающейся Красной Армии.

Выполняя указания ЦШПД, партийные органы и организации оккупированных советских республик и областей развернули широкую работу среди партизан и населения, преследовавшую цель максимально дезорганизовать вражеские перевозки. Так, в письме ЦК КП(б)Б, принятом 9 августа 1942 года в развитие приказа ЦШПД от 1 августа и направленном в подпольные партийные органы и командованию партизанских формирований, указывалось: «...Немедленно начать жесточайшие удары по железным и шоссейным дорогам, по поездам и автотранспорту врага, поставив своей задачей не пропустить ни одного поезда с живой силой, техникой и боеприпасами врага к линии

фронта. Систематической организацией крушений, взрывов и поджогов наносить удары повсеместно и непрерывно по всей глубине вражеского тыла, по всем железным и шоссейным дорогам». Центральный Комитет КП(б)Б призывал партизан не ограничиваться подрывом путей, сходом с рельсов паровоза и части поезда, обязательно уничтожать состав, особенно паровозы, взрывать и простреливать котлы паровозов, сжигать цистерны с горючим, уничтожать живую силу состава и поездную охрану. Боевая техника представляет силу лишь на поле боя. Находясь же в эшелонах, вражеские пушки и танки безвредны и могут быть уничтожены сравнительно небольшой группой партизан, даже не вступая в боевые соприкосновения с противником. Задача партизан — срывать снабжение войск противника путем вывода из строя мостов, дорожных сооружений, разрушения линий связи, уничтожения складов боеприпасов, снаряжения, продовольствия и горючего. ЦК КП(б)Б выражал твердую уверенность в том, что народные мстители приложат максимум усилий и старания к выполнению поставленных задач и тем самым приблизят день окончательного разгрома врага. Письмо заканчивалось призывом: «Действуйте смелее, товарищи! Выше знамя партизанской войны! Сильнее удары по врагу!»²⁵⁶

И советские патриоты конкретными делами отвечали на эти призывы. Только на железных дорогах в Белоруссии число ударов в августе по сравнению с маем 1942 года возросло почти в три раза и составляло до 20 диверсий в сутки²⁵⁷. Именно такое состояние железнодорожных коммуникаций позади линии фронта вынудило руководство военных сообщений центральной армейской группировки в донесении в штаб группы армий «Центр» от 29 августа указать, что «вся железнодорожная сеть в тылу группы армий «Центр» между Брестом и фронтом подвергается систематическим нападениям в широком масштабе. Усиление нападений в треугольниках Невель — Полоцк — Витебск и Витебск — Орша — Смоленск превратило эти дороги в зону военных действий. В результате стало невозможным регулярное движение на участке Орша — Смоленск, который является частью основной железнодорожной артерии фронта»²⁵⁸.

Важно отметить, что подпольные партийные органы и партизанское командование, организуя и направляя ди-

версионную работу патриотов, большое внимание уделяли уничтожению мостов и переправ, вывод из строя которых вызывал напряженность на коммуникациях в течение длительного времени. Густая сеть дорог, пересекавших множество естественных преград, позволяла партизанам совершать такие диверсии повсеместно. В двадцатых числах мая группа партизан Барановичской области под руководством политрука Ф. Романенко сожгла деревянный 120-метровый мост «Мыто» на реке Дитва, имевший важное значение на шоссе на магистрали Лида—Гродно ²⁵⁹.

Необычайно дерзкую по замыслу и высокоэффективную по результатам операцию совершили летом 1942 года объединенные силы партизан Россонского, Дриссенского и Освейского районов. В ночь с 3 на 4 августа патриоты взорвали 110-метровый мост на железнодорожной линии Двинск (Даугавпилс) — Полоцк, прервав тем самым движение на дороге на три недели.

Во время проведения операции особой активностью отличилась ударная группа (130 чел.) под командованием П. М. Машерова. Совершив внезапный огневой налет на вражескую охрану, партизаны в быстротечной схватке уничтожили до 70 гитлеровцев и овладели подступами к мосту. Специальная группа подрывников на заблаговременно подготовленном плоту доставила к главной бетонной опоре тол и взорвала ее. Два пролета моста длиной в 50 метров рухнули в воду ²⁶⁰.

Запись, сделанная на следующий день в дневнике боевых действий командующего охранными войсками тыла группы армий «Центр», гласила: «В ночь с 3 на 4.8.1942 г. партизанская банда, насчитывавшая 200 чел., вооруженных тяжелым пехотным оружием и артиллерией, совершила нападение на ж.-д. мост через Дриссу... Охрана моста... сражалась до последнего патрона, однако не могла воспрепятствовать взрыву моста. В результате диверсии движение на ж.-д. линии прекращено самое малое на три недели» ²⁶¹.

Движение через мост, на котором взорванный бык был заменен клетью из шпал, было возобновлено лишь в одну колею со сниженной пропускной способностью дороги с 60 до 8 эшелонов в сутки ²⁶².

В период Сталинградского сражения и развернувшегося затем общего наступления советских войск ЦК Коммунистической партии страны и штабы партизанского дви-

жения поставили перед народными мстителями задачу всеми силами и средствами препятствовать противнику подвозить подкрепления, затруднять его маневры по фронту, срывать эвакуационные перевозки. И советские патриоты с честью выполняли эту задачу. Они значительно усилили удары по вражеским гарнизонам, железнодорожным станциям, транспортным артериям. Так, группа отрядов Минской и Полесской областей под общим руководством уполномоченного ЦК КП(б)Б, секретаря Минского подпольного обкома партии Р. Н. Мачульского в ночь на 3 ноября 1942 года взорвала 132-метровый железнодорожный мост через Птичь на магистрали Брест — Гомель. В декабре этого же года рейдирующее соединение С. А. Ковпака на подступах к железнодорожному узлу Сарны подорвало ряд мостов, в том числе через реки Горынь и Случь.

Серьезным образом дезорганизовывали перевозки противника партизаны западных областей Белоруссии, северо-западных областей Украины, народные мстители Смоленской, Орловской областей, Крыма, Северного Кавказа и других оккупированных районов. Например, только партизаны Северного Кавказа, препятствуя противнику концентрировать войска и боевую технику в районах активных боевых действий, пустили под откос 16 воинских эшелонов, взорвали 78 мостов²⁶³.

В тяжелейших условиях зимы 1942/43 года советские партизаны и подпольщики непрерывно наращивали число диверсий на железных и шоссейных дорогах, на станциях, в депо и автогаражах, в ремонтных мастерских. Об этом как нельзя лучше говорят все те же документы противника. Так, в донесении командующего тылом группы армий «Центр» в ставку Гитлера от 1 февраля 1943 года сообщалось, что начиная с весны 1942 года район, расположенный в треугольнике железных дорог Витебск — Невель — Полоцк, все чаще подвергается нападению крупных партизанских сил. «Активность партизанских отрядов, — сетовал командующий, — увеличивается с каждым днем. Команды подрывников начали ежедневно взрывать железнодорожные линии в этом треугольнике железных дорог, движение по шоссейным дорогам вдоль этих железных дорог возможно только при усиленном конвое. Хозяйственное и административное управление в указанном районе стало совершенно ненадежным. Хозяйственные инстан-

ции при группе армий «Центр» отказались от этого района»²⁶⁴.

Партизаны держали также под своим неослабным контролем и речные магистрали в тылу оккупантов, что самым серьезным образом сказывалось на их хозяйственном использовании и в целом отражалось на экономике противника. Хозяйственная инспекция группы армий «Центр» в донесении экономическому штабу «Восток» от 17 мая 1943 года сообщала: «Особенно отрицательные последствия партизанская деятельность имеет в лесном и деревообрабатывающем хозяйстве. Сплав леса в 1943 году полностью парализован. Положение с круглым лесом на лесозаводах, лежащих на водных артериях, катастрофическое... Обеспечение Украины круглым и грубым лесом стало невозможно, так как сплав леса, являющийся единственным транспортным средством, практически парализован партизанами»²⁶⁵.

В конце зимы — начале весны 1943 года партизаны и подпольщики по указанию партийных органов и штабов партизанского движения усилили удары по коммуникациям, ведущим к Курскому выступу, где противник накапливал войска для развертывания летнего наступления. Как свидетельствуют данные генеральной дирекции железных дорог «Восток», партизанские действия на коммуникациях разворачивались с нарастающим итогом: в феврале 1943 года партизаны совершили до 500, в апреле — около 700, в мае — 1045, в июне — свыше 1060 налетов и диверсий на железных дорогах. Причем документально установлено, что большая часть этих ударов приходилась на дороги, шедшие к Курской дуге²⁶⁶. Характеризуя обстановку, сложившуюся к началу лета 1943 года в тыловых районах группы армий «Центр», Г. Теске писал: «В мае 1943 года в результате усилившихся действий партизанских отрядов... стала невозможна какая-либо планомерная работа на тыловых коммуникациях». По признанию того же Теске, в июле транспортные магистрали центральной армейской группировки немцев оказались еще в более плачевном состоянии. Народные мстители подорвали в тылу этого участка фронта 44 железнодорожных моста, вывели из строя 298 паровозов, 1223 вагона, около 600 раз прерывали движение на железнодорожных линиях на 12 часов, 144 раза — на 24 часа, 44 раза — более чем на 24 часа²⁶⁷.

Всевозможные меры, предпринимаемые германским командованием с целью обезопасить движение транспорта, не дали сколько-нибудь заметного результата. Налеты партизан на вражеские коммуникации непрерывно усиливались. Поистине грандиозных размахов они достигли во время знаменитой «Рельсовой войны» — хорошо спланированной операции по одновременному массовому разрушению железнодорожных магистралей в наиболее критический для войск противника период Курской битвы — во время перехода Красной Армии в контрнаступление.

Своего рода инициатором операции «Рельсовая война» выступила Компартия Белоруссии. На заседании бюро ЦК КП(б)Б 24 июня 1943 года было принято специальное постановление «О разрушении железнодорожных коммуникаций методом рельсовой войны», в котором одобрен разработанный Белорусским штабом партизанского движения план массового разрушения коммуникаций противника. ЦК КП(б)Б призвал всех партизан и партизанок Белоруссии, командно-политический состав и командиров диверсионных групп усилить работу по разрушению железных дорог и железнодорожного хозяйства в наиболее уязвимых для врага местах и подчеркнул, что «коренная дезорганизация ж.-д. коммуникаций врага составит историческую заслугу белорусских партизан в Великой Отечественной войне советского народа против немецко-фашистских поработителей»²⁶⁸.

«Это постановление, — отмечает П. К. Пономаренко, — подкрепленное огромной организаторской работой ЦК КП(б)Б и республиканского партийного и советского актива, мобилизовало парторганизации, командный и политический состав партизанского движения на проведение «Рельсовой войны», явилось одним из главных условий того, что «Рельсовая война» в Белоруссии приняла невиданные по размаху и остроте масштабы»²⁶⁹.

Замысел ВШПД был всецело поддержан в Центральном штабе партизанского движения. 14 июля 1943 года, в разгар Курского сражения, когда у противника ощущалась наиболее острая потребность в железнодорожных перевозках, ЦШПД издал приказ «О партизанской рельсовой войне на коммуникациях врага». Формированием народных мстителей и подпольщикам вменялось в обязанность «одновременно с другими диверсиями проводить систематическое и повсеместное разрушение рельсов на же-

лезных дорогах врага путем перебивания рельсов пополам». С целью одновременного привлечения крупных партизанских сил и для достижения внезапности ЦШПД предлагал первую операцию провести одновременно по сигналу Центрального штаба, а после этого — действовать непрерывно, всеми средствами уничтожая рельсы. При этом подпольные партийные органы и командование партизанских формирований нацеливались на то, чтобы они следили и регулярно сообщали в штабы партизанского движения «о возникающих скоплениях эшелонов врага для бомбежки их советской авиацией»²⁷⁰. К операции предполагалось привлечь не только народных мстителей Белоруссии, но и партизан Калининской, Ленинградской, Орловской и Смоленской областей, которые должны были одновременным массированным ударом вывести из строя железные магистрали в тылу групп армий «Центр» и «Север» и тем самым дезорганизовать снабжение врага.

Параллельно с постановкой этой задачи ЦШПД с командованием фронтов уточнил перед всеми партизанскими силами направления и участки, наиболее уязвимые для противника, направил в тыл врага дополнительно инструкторов-подрывников для ускорения подготовки партизан к массовым диверсиям и расширил охват радиосвязью партизанских бригад и отрядов. По просьбе партизанского командования были скорректированы участки ударов, исходя из предложений о наиболее целесообразных объектах с точки зрения их значения, подходов или дальности расстояния. Главное внимание было обращено на то, чтобы вовремя обеспечить переброску самолетами минно-взрывных средств для проведения операции, средств радиосвязи, опытных инструкторов-подрывников.

Благодаря помощи военного командования и напряженной работе штабов партизанского движения тол специальной укаповки был своевременно изготовлен и доставлен в отряды и бригады. Находившиеся в распоряжении ЦШПД самолеты, а также войсковая авиация дальнего действия, фронтовая авиация Западного, Калининского, Центрального, Северо-Западного и других фронтов блестяще справились с задачей и доставили необходимый груз по назначению к началу «Рельсовой войны». Только в оккупированные районы Белоруссии, в места наибольшего сосредоточения партизан с 16 июля по 5 августа 1943 года было заброшено с помощью авиации 144 тонны мин-

новзрывных средств*. Всего на проведение первого и второго этапов «рельсовой войны» (август — октябрь 1943 г.) БШПД воздушным путем отправил для белорусских партизан более 177 тонн тола, свыше 41 тысячи диверсионных мин, большое количество бикфордова и детонирующего шнура, минометов, стрелкового оружия и другого снаряжения²⁷¹.

Помимо материально-технического обеспечения народных мстителей партийные органы оккупированных республик и областей перед проведением «Рельсовой войны» через подчиненные им штабы партизанского движения и при содействии командования Красной Армии проделали огромную работу по засылке во вражеский тыл радистов, медиков, специалистов минноподрывного дела. В действующих на Большой земле партизанских школах из числа добровольцев (в большинстве своем это были выходцы из тех оккупированных гитлеровцами районов, в которых им предстояло действовать) в течение первой половины 1943 года был подготовлен большой контингент инструкторов и партизан-подрывников. Все они с помощью авиационно-транспортных средств заблаговременно были доставлены в партизанские формирования, где развернули интенсивную работу по созданию в партизанских подразделениях групп подрывников и общему ознакомлению всех патриотов с минновзрывным делом. В итоге к началу операции «Рельсовая война» буквально в каждом подразделении партизан имелись обученные диверсионно-подрывные группы.

Например, в отрядах Гомельского партизанского соединения (командир — секретарь подпольного обкома КП(б)Б И. П. Кожар) было создано и обучено 49 диверсионных групп, в 1-й Гомельской партизанской бригаде

* Первый самолет приземлился в Белоруссии на партизанском аэродроме Кличевской зоны (Могилевская обл.) в июле 1942 г. С этого времени было положено начало почти регулярной доставки ценных грузов с Большой земли. К июню 1944 г. белорусские партизаны принимали самолеты из советского тыла на 22 посадочных площадках. С лета 1942 г. по 15 апреля 1944 г. авиатранспортные средства доставили партизанам Белоруссии более 54,5 тыс. винтовок, около 30 тыс. автоматов, 1568 ручных и станковых пулеметов, 946 противотанковых ружей, более 33 млн. различных патронов, 226 т тола, 33 т медикаментов и другое военно-боевое снаряжение (ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4, оп. 29, д. 27, л. 102).

(командир П. А. Балыков) — 120 человек, в 10-й Журавичской (командир И. М. Гаврилов) — 270, что в общей сложности по бригадам составляло 47 обученных групп. От 150 до 300 партизан прошли диверсионно-подрывную подготовку в партизанских бригадах Витебской области²⁷². Сотни и тысячи людей обучались подрывному делу и в других партизанских формированиях Белоруссии.

Местные механические мастерские и кузницы изготовляли крепления толковых шашек к рельсам. Велась непрерывная разведка на железных дорогах, уточнялись порядок охраны, расположение гарнизонов, система обороны и пути подхода к ним, наличие естественных укрытий и т. д.

Отдельные партизанские формирования сумели в период подготовки к «Рельсовой войне» провести пробные испытания действия людей по использованию ими полученных из советского тыла толковых шашек. Например, партизаны 1-й Осиповичской бригады (Могилевская обл.), как явствует из донесения в БШПД командира соединения Н. Ф. Королева, утром 18 июля 1943 года на бездействующей ветке Осиповичи — Гродзянка провели девять экспериментальных взрывов. Испытания подтвердили все прогнозы²⁷³.

Наряду с этим летом 1943 года ЦК КП(б)Б направил во вражеский тыл 32 своих представителя с приказом и инструкциями на проведение «Рельсовой войны». Вместе с руководителями подпольных партийных органов они побывали в каждом партизанском соединении и поставили перед командно-политическим составом конкретные задания на первый этап «Рельсовой войны». Подпольные обкомы, межрайкомы и райкомы партии в свою очередь направили в каждое партизанское формирование своего представителя — секретаря или члена подпольного партийного органа, который находился там неотлучно до конца операции²⁷⁴.

Аналогичные мероприятия провели накануне «Рельсовой войны» партийные организации и штабы партизанского движения других республик и областей. Прделанная ими многоплановая подготовка содействовала успеху операции по массовому и одновременному подрыву рельсов и железнодорожного хозяйства в тылу оккупантов.

Внимательно изучив предложения ЦШПД и ход подготовки к «Рельсовой войне», Ставка Верховного Главноко-

мандования включила операцию по массовому подрыву рельсов в общий план разгрома белгородско-харьковской и орловской группировок противника, освобождения Левобережной Украины и восточных районов Белоруссии. Начать «Рельсовую войну» Ставка наметила в период перехода советских войск в общее наступление, в момент появления у противника наиболее острой потребности в железнодорожных перевозках.

В ночь на 4 августа 1943 года десятки бригад и сотни отрядов, оседлав коммуникации на всю оперативную глубину (до 750 километров), нанесли по железным дорогам мощный массированный удар. Партизаны провели операцию, включающую взрыв рельсов, уничтожение мостов, водокачек, стрелок, семафоров, разгром станций, подвижного состава, истребление вражеской охраны. В итоге пропускная способность железных дорог, по которым патриоты наносили удары, снизилась от 40 до 70 процентов, на многих из них, по свидетельству самого противника, положение было «крайне напряженным»²⁷⁵. По данным вражеского командования, в результате первого массированного удара партизан по главным железнодорожным артериям, обеспечивающим фронт людьми, техникой и боеприпасами, произведенного в ночь с 3 на 4 августа, движение поездов в тылу центральной армейской группировки было полностью прервано на 48 часов²⁷⁶. В дневнике боевых действий верховного командования вермахта за 5 августа отмечалось, что «за последние ночи существенно изменилось положение на железных дорогах из-за молниеносной серии взрывов, которые парализовали все движение в тылу группы армий «Центр»²⁷⁷. 16 августа в том же дневнике ОКВ констатировалось: «Положение с транспортом на Востоке очень тревожное вследствие постоянного роста партизанского движения»²⁷⁸.

Только белорусские партизаны, по свидетельству самого противника, в августе пустили под откос 195 воинских эшелонов²⁷⁹. На самом же деле эта цифра была значительно выше. Народные мстители Белоруссии подорвали в этот период более 760 эшелонов и два бронепоезда, главным образом на дорогах, шедших к Курской дуге, что привело к резкому падению их пропускной способности. В июле 1942 года по дороге Брест — Гомель прошло до 800 эшелонов, а в это время 1943 года — всего 148²⁸⁰. Как свидетельствуют официальные данные ЦШПД, в общей

сложности только 3 августа этого же года было перебито свыше 42 тысяч рельсов²⁸¹. Это заметно повлияло на пропускную способность дорог в Белоруссии.

Ощутимый урон врагу в период «Рельсовой войны» нанесли брянские партизаны, находившиеся в подчинении Западного штаба партизанского движения, а также партизаны Смоленской области, в том числе действовавшие на территории Белоруссии. Среди отличившихся в этой операции были: Смоленский партизанский полк И. Ф. Садчикова, партизанский полк «Тринадцать» С. В. Гришина, 4-я и 5-я Клетнянские партизанские бригады, Дятковская партизанская бригада, отряды имени А. В. Суворова, имени Г. И. Котовского и другие партизанские соединения и отряды.

Операция «Рельсовая война» продолжалась в течение всего августа 1943 года с нарастающим итогом. Всего на 31 августа, как свидетельствуют суммарные сведения партизанского командования, было перебито более 171 тысячи рельсов, или 1060 километров железнодорожного пути в одну колею, в том числе: патриотами Белоруссии — около 106 тысяч, Калининской области — до 20 тысяч, Орловской — 15 841 рельс, Смоленской — свыше 11 700, Ленинградской — более 11 тысяч, Украины — около 8 тысяч рельсов²⁸².

В начале осени, когда войска Воронежского, Степного и Центрального фронтов начали осуществлять выход к рубежу Днепра, партизаны Белоруссии по указанию ЦК КП(б)Б вновь произвели массовые диверсии на железнодорожных магистралях противника. Это был второй этап «рельсовой войны», известный под условным названием «Концерт». Он длился до конца октября 1943 года. К участию в операции «Концерт» ЦШПД привлек и формирование народных мстителей Латвии, Литвы, Эстонии, Карелии и Крыма.

Всего за два этапа «рельсовой войны» на фронт не попали тысячи эшелонов врага. Например, партизаны Белоруссии кроме взорванных более 211 тысяч рельсов (общие данные партизанского командования) пустили под откос свыше двух тысяч эшелонов с живой силой и техникой противника, разбили и вывели из строя свыше 1700 паровозов, более 15 тысяч вагонов, платформ и цистерн, разрушили сотни железнодорожных мостов, десятки водокачек и водонапорных башен. В результате этого военные пере-

возки немецко-фашистских захватчиков в разгар Курской битвы по железным дорогам Белоруссии сократились почти на половину²⁸³.

Как указывает тот же Теске, немецкая железнодорожная служба «Центр» в своем сентябрьском донесении в ставку Гитлера вынуждена была констатировать, что на транспорте «положение продолжает оставаться напряженным, что обусловлено партизанскими диверсиями... Несмотря на то что партизанская деятельность уменьшилась по сравнению с предыдущим месяцем, однако в действительности, учитывая значительное сокращение территории, отмечается рост диверсий на ж.-д. линиях. Характерным является то, что, в соответствии с обстановкой на фронте, партизаны каждый раз наносят удары в новом месте, ...причем боевое использование партизан осуществляется оперативным руководством. Этим самым часто на долгое время выводятся из строя ж.-д. линии, которые имеют решающее значение для осуществления тактических мероприятий по быстрой переброске частей и военного снаряжения... В целом в сентябре месяце... на оперативно важных ж.-д. магистралях Минск — Гомель и Могилев — Жлобин число партизанских диверсий возросло на 50%, что является новым доказательством того, что партизанское движение с русской стороны использовалось как оперативное средство борьбы...»²⁸⁴.

Такие блестящие итоги рельсовых ударов стали возможными благодаря следующим предпосылкам: ко времени начала «Рельсовой войны» был повсеместно завершен процесс организационного оформления подпольных партийных органов; партизанское движение в масштабе большинства оккупированных районов стало массовым и хорошо управляемым из единого центра; партизанские силы имелись вблизи важнейших железнодорожных коммуникаций противника, в городах и населенных пунктах действовало множество групп подпольщиков. Лишь в редких случаях для выхода на «железку» требовалось совершить марш в 70—80, редко более 100 километров. В подрыве рельсов и уничтожении железнодорожного хозяйства участвовали огромные партизанские силы: в первом этапе операции участвовало почти 170 партизанских бригад, отрядов и групп численностью около 96 тысяч человек, во втором — 193 бригады и самостоятельно действующих отряда общей численностью свыше 120 тысяч партизан²⁸⁵.

Важное значение в успешном проведении «партизанских концертов» имел и тот факт, что в налетах на коммуникации противника участвовали не только сотни тысяч партизан и подпольщиков, но и десятки тысяч советских граждан, не входивших в партизанские формирования и подпольные организации. В этом проявились результаты огромной политико-воспитательной деятельности подпольных партийных комитетов, партизанских комиссаров, первичных партийных организаций. «Организационно-политическая работа Минского подпольного обкома партии содействовала тому,— писал в своих воспоминаниях бывший секретарь Минского подпольного обкома КП(б)Б Герой Советского Союза В. И. Козлов,— что кроме партизан в «рельсовой войне» участвовала большая армия подпольщиков и связных из городов, местечек и деревень. Есть много примеров, когда вместе с партизанами на железную дорогу выходило и население соседних деревень или городских поселков. Выходили, понятно, без тола, без мин, а со своим оружием: с лопатами, топорами, ломami и выводили из строя большие участки железной дороги. Без активной помощи населения «рельсовая война» на Минщине и вообще в Белоруссии не могла бы приобрести такого широкого размаха»²⁸⁶.

В ходе «рельсовой войны» жители оккупированных районов по указанию партизанского командования растаскивали рельсы, сжигали склады шпал и лесопильные заводы, выводили из строя линии связи, раскапывали насыпи, как проводники кратчайшим путем выводили партизан к намеченному участку железнодорожного полотна и т. д. Приведем лишь несколько примеров. Партизаны бригады имени И. В. Сталина Брестской области во время массового разрушения коммуникаций врага при участии местного населения (около 500 чел.) на железнодорожном участке Брест—Влодава уничтожили 3 моста, в районе населенных пунктов Збунин—Дубица раскопали шоссе, соорудив препятствие площадью 350 квадратных метров. На шоссе Брест—Влодава, Влодава—Малорита вырыли 25 препятствий типа противотанковых рвов, уничтожили 2,5 километра связи, разрушили 2 шоссеиных моста²⁸⁷. Народные мстители 125-й Полесской партизанской бригады под командованием Героя Советского Союза Ф. И. Павловского совместно с невооруженным населением на железнодорожном участке Филипповичи — разъезд Бобрки

разрушили насыпь, растащили и спрятали рельсы на протяжении 18 километров пути ²⁸⁸. Местные жители и партизаны из Пинского соединения вывели из строя 5 плузов на Днепровско-Бугском канале, в результате чего канал на протяжении 120 километров длительное время бездействовал, а находившиеся на этом участке суда и грузы стали добычей партизан ²⁸⁹.

Подобно тому как ход Великой Отечественной войны в целом, так и непосредственный опыт партизанского движения на временно оккупированной гитлеровцами советской территории все очевиднее подтверждали правоту и непреходящую жизненную силу ленинских слов, что война наших дней есть народная война и что «когда миллионы трудящихся объединяются, как один человек, идя за лучшими людьми своего класса,— тогда победа обеспечена» ²⁹⁰. Народные массы не только представляют решающую силу, но и определяют судьбы войн.

Необычайно широкие размеры в период Курской битвы приобрела диверсионная деятельность патриотов-подпольщиков на предприятиях и железнодорожном транспорте. В итоге их активных действий противник терпел большой урон в живой силе и технике. «Акты диверсий,— сообщал в августовском отчете командир одного из охранных соединений группы армий «Центр»,— предпринимались чрезвычайно дерзко» ²⁹¹. Вот один из многих примеров. Действовавшая в Осиповичах по заданию командования 1-й Бобруйской партизанской бригады (командир — Герой Советского Союза В. И. Ливенцев) подпольная группа во главе с комсомольцем Федором Крыловичем в ночь на 30 июля 1943 года двумя магнитными минами заминировала эшелон с горючим. В результате взрыва и возникшего пожара были полностью уничтожены четыре вражеских эшелона: один с горюче-смазочными материалами, два с авиабомбами и снарядами и один, как указывает бывший офицер генерального штаба сухопутных войск Германии Э. Миддельдорф, «чрезвычайно ценный эшелон с танками «тигр» ²⁹². Во время этой диверсии фашисты потеряли 30 танков «тигр», т. е. столько, сколько выпускала их в то время танковая промышленность Германии за один месяц. В основе действий патриотов-подпольщиков были заложены воля и неутомимая организующая работа Осиповичского подпольного партийного и комсомольского комитетов, тесная связь подпольщиков с партизанами. Сообщая

о результатах этой операции в БШПД, член Минского подпольного обкома партии, секретарь ЦК комсомола Белоруссии К. Т. Мазуров указывал: «Очень хорошо идет работа под руководством П. Ф. Воложина * в Осиповичах. Комсомольские подпольные организации на узле сделали для Родины неопенимую работу, проявив при этом исключительный героизм»²⁹³.

В результате блестяще проведенной под руководством ЦШПД операции «Рельсовая война» и последующих активных диверсионных действий партизан на транспортных магистралях врага к январю 1944 года было взорвано более 363 тысяч рельсов, что составило 2270 километров железнодорожного пути в переводе на одну колею. Оперативные перевозки противника в августе — сентябре 1943 года сократились на 40 процентов²⁹⁴. Одновременно под откос были пущены тысячи эшелонов, выведены из строя сотни локомотивов, водонапорных башен, подъемно-транспортного оборудования. Даже матерый антисоветчик и фальсификатор Д. Каров в книге «Партизанское движение в СССР в 1941—1945 гг.», изданной в Мюнхене в 1954 году, вынужден признать, что в период отступления немецких войск из-под Курска партизаны во многих местах и одновременно совершили на железных дорогах огромное число диверсий, вызвавших полное прекращение движения в течение 4922 часов и частичное — в течение 2668 часов. Из-за активных действий партизан немецкое командование, указывает Каров, не смогло вывезти поврежденную технику, раненых и не оказало вовремя помощи двум дивизиям, находившимся в критическом положении.

Документально установлено, что для восстановления железнодорожного транспорта, разрушенного народными мстителями, гитлеровцы вынуждены были снимать вторые пути, а в ряде мест — полностью разбирать железнодорожные линии. Например, колея Псков — Полоцк была полностью разобрана. Рельсы, шпалы, прокладки, костыли и все железнодорожное оборудование оккупанты перевезли на другие участки. Аналогичным образом противник поступил при отступлении и с участком железной дороги Орел — Брянск. Все это были вынужденные меры. Чтобы

* Секретарь Могилевского подпольного обкома комсомола, уполномоченный ЦК ЛКСМБ по Осиповичско-Бобруйской зоне (прим. Ред.).

наладить работу восточных коммуникаций, оккупанты только в августе 1943 года для подвозки рельсов использовали до 5 тысяч двухосных платформ и сотни локомотивов²⁹⁵.

Героические действия партизан и подпольщиков на путях сообщения противника не только снижали их пропускную способность, но и наносили ощутимый урон гитлеровцам в живой силе и технике. Патриоты вынуждали врага непрерывно отвлекать на охрану коммуникаций крупные воинские контингенты с фронта. Например, летом 1943 года в Ленинградской области, в районах активных действий партизан немецко-фашистские захватчики вынуждены были охранять каждый километр железнодорожного пути, строить вдоль полотна оборонительные сооружения. На каждую сотню километров пути враг выделял до двух полков полевых войск²⁹⁶. Такое же положение наблюдалось и в других оккупированных областях. К лету 1943 года в тыловом районе группы армий «Центр» белорусские партизаны сковывали свыше 80 тысяч, смоленские—60 тысяч, брянские — более 50 тысяч вражеских солдат и офицеров²⁹⁷.

В районах активных действий народных мстителей оккупанты создавали опорные пункты и вооруженные заставы, располагая их друг от друга в нескольких километрах. В ночное время через каждые 200—300 метров выставлялись посты в два-три человека. Помимо этого участки между заставами контролировались подвижными группами гитлеровцев на мотодрезине, на которой был установлен крупнокалиберный пулемет.

Отвлекая крупные силы противника с фронта, советские партизаны тем самым внесли важный вклад в историческую победу под Курском. Высокую оценку боевой помощи советских партизан войскам Красной Армии во время Курской битвы дал Маршал Советского Союза Г. К. Жуков: «Победе советских войск под Курском, Орлом и Харьковом во многом способствовали партизаны, действовавшие в тылу противника. Особенно большую «рельсовую войну» вели они в Белоруссии, Смоленской, Орловской областях и Приднепровье»²⁹⁸.

Замечательные успехи борьбы народных мстителей на коммуникациях противника были вполне закономерны. В операциях «рельсовой войны» глубоко воплотилась и со всей силой проявилась решающая роль неослабного пар-

тийного руководства народной войной в тылу врага. Именно благодаря кипучей организаторской, политической, идеологической и военной деятельности, которую ежедневно, ежечасно вела Коммунистическая партия на оккупированной территории среди боровшегося народа, были достигнуты та высокая степень организованности и монолитности патриотов, то непреоборимое их могущество и непревзойденное военное мастерство, которые позволили с успехом осуществить «рельсовую войну» и добиться крупных результатов.

Нельзя не отметить, что «партизанские концерты» имели не только чисто военное, но и огромное морально-политическое значение. Их раскаты, мощным эхом разнесшиеся по всей оккупированной территории, дошли до каждого советского человека, вселяли в сердца людей, томившихся в оккупации, боевой дух, укрепляли их веру в победу, вдохновляли на борьбу с гитлеровцами новые сотни и тысячи патриотов, становившихся под боевые партизанские знамена.

Вместе с тем «рельсовая война» и непрекращающиеся партизанские диверсии на транспорте ухудшили и без того невысокое моральное состояние немецко-фашистских войск. «Таинственное ужасное проклятие тяготеет над нами в Белоруссии», — писала уже летом 1942 года одна из фашистских газет.²⁹⁹ «Смерть, направляемая невидимой рукой, витает повсюду. Здесь нам нет пощады», — с ужасом отмечал корреспондент румынской фашистской газеты «Вяца» после своего кратковременного пребывания в оккупированном Крыму³⁰⁰.

Кроме того, «рельсовая война» имела огромное экономическое значение. Это значение состояло в том, что активные действия советских партизан помешали гитлеровцам осуществить в планируемых размерах экономическое использование временно оккупированных советских районов. К тем непреодолимым трудностям, с которыми захватчики столкнулись при эксплуатации природных богатств, грабеже продовольствия, промышленной продукции и других ценностей, прибавилась еще и проблема транспортировки награбленного, которую противник так и не сумел разрешить до конца войны.

По мере продвижения советских войск на запад и освобождения нашей территории удары по коммуникациям врага усиливались. Они не только срывали перевозки вра-

га, но и в значительной степени расстраивали работу его тыла. В течение шести недель 1944 года, начиная с 14 января, одни лишь ленинградские партизаны пустили под откос 133 эшелона, взорвали и разрушили 200 мостов, 1620 автомашин, 60 тысяч рельсов и 15 железнодорожных станций. Ощутимыми были удары белорусских партизан. За первые четыре месяца 1944 года они уничтожили около 100 эшелонов с живой силой и боевой техникой, более 400 железнодорожных мостов и свыше 4 тысяч автомашин. Вражеское командование предпринимало целый ряд мер, чтобы уничтожить патриотов и укрепить свой тыл. Из 68 дивизий врага, находившихся к лету 1944 года на территории Белоруссии, 18 (с учетом специальных полицейских формирований) действовали против партизан³⁰¹.

Однако усилия противника не увенчались успехом. Вспоминая о том времени, Маршал Советского Союза К. К. Рокоссовский писал, что, «несмотря на чудовищный террор, гитлеровским оккупантам не удалось сломить боевого духа наших героических партизан. Народные мстители днем и ночью не давали покоя врагу и этим оказывали большую помощь нашим войскам»³⁰².

В едином строю

Во всенародном партизанском движении, как и в ходе Великой Отечественной войны в целом, в полной мере проявилась нерушимая социальная и интернациональная общность советских людей. Воспитанные партией в духе ленинских принципов социалистического патриотизма и интернациональной солидарности, в народной борьбе в тылу врага участвовали все классы и слои советского общества: рабочие, крестьяне и интеллигенция, мужчины и женщины, партийные и беспартийные, люди различных возрастов и профессий.

По данным ЦШПД, до 15 января 1944 года в составе боевых партизанских формирований насчитывалось: рабочих — 30,1 процента, колхозников — 40,5, интеллигенции и служащих — 29,4 процента. Мужчин партизан было 90,7 процента, женщин — 9,3 процента³⁰³. И хотя, как видно из приведенных данных, рабочий класс численно не преобладал в общей массе народных мстителей, он, в

силу своей авангардной роли в обществе, играл главенствующую роль и в партизанском движении. «...Именно рабочие во главе с коммунистами были ядром, передовой, самой организованной силой всенародного сопротивления врагу, — пишет П. М. Машеров. — Многие партизанские отряды фактически выросли из подпольных рабочих групп, действовавших в условиях сурового оккупационного режима в городах и заводских поселках. Так, рабочие минских заводов и фабрик составляли почти половину боевого состава партизанских подразделений, созданных по инициативе Минского подпольного горкома партии. Рабочую гвардию неизменно отличали высокая классовая сознательность, пролетарская стойкость, дух организованности и дисциплины, что имело исключительное значение для консолидации и единства действий [участников] партизанского движения...»³⁰⁴.

Фашизм, развязав тотальную войну против СССР, получил ее в полном объеме в виде всенародной защиты социалистической Родины. Находившиеся на временно оккупированной территории советские люди боролись не с врагом вообще, посягнувшим на нашу землю, а за многонациональную Советскую Родину, за социалистическую политическую систему.

В многочисленных рядах партизан и подпольщиков плечом к плечу против гитлеровцев на равных началах сражались русские, украинцы, белорусы, казахи, грузины, армяне, азербайджанцы, узбеки и представители других национальностей Советского Союза. Только в Белоруссии, по праву снискавшей себе славу непокоренной партизанской республики, в отрядах, бригадах и соединениях, подпольных организациях были представители более чем 70 национальностей и народностей³⁰⁵.

Примерно аналогичное соотношение в национальном составе было в партизанских формированиях Российской Федерации, Украины, в республиках Советской Прибалтики. В рядах народных мстителей Северного Кавказа боролись с врагом сыны и дочери 30 народов нашей страны³⁰⁶.

По далеко не полным данным, среди украинских партизан было 36 592 русских, 19 174 белоруса и представители 59 других национальностей³⁰⁷. Интернациональным был состав народных мстителей Крыма. Большое число мужественных партизан полуострова составляли за-

кавказцы — грузины, азербайджанцы, армяне. Многие из них командовали подразделениями и отдельными формированиями патриотов. Среди них известные командиры крымских партизан А. Картвелишвили, И. Чхаидзе, В. Талахадзе, П. Гвалия, партизанские комиссары А. Чачхиани, А. Тварадзе, командиры подразделений Г. Бохуа, Н. Опинани, С. Понхадзе, А. Хунджуа и другие ³⁰⁸. Многонациональными были соединения С. А. Ковпака, А. Н. Сабурова и А. Ф. Федорова. Среди партизан этих соединений почти одну треть составляли сыны и дочери белорусского народа ³⁰⁹. «В моем партизанском соединении было немало бойцов-белорусов,— писал С. А. Ковпак.— Это — храбрые, отважные люди, и я вспоминаю их с гордостью... Смелость, мужество и отвага никогда не покидали их...» ³¹⁰⁻³¹¹.

Мужеством и отвагой среди партизан-ковпаковцев отличался уроженец ленинградского пригорода Колпино, русский по национальности, беспартийный Н. С. Орлов. Он прошел здесь путь от командира отделения до командира диверсионной группы при штабе соединения. За боевые подвиги удостоен высокого звания Героя Советского Союза.

Общие цели борьбы сплачивали в единое интернациональное братство все нации и народности Страны Советов независимо от того, в своей ли республике или на территории других они сражались против гитлеровских захватчиков. Интернационализм народов первой в мире страны социализма, их непреклонная решимость во что бы то ни стало защитить родину Великого Октября являлись важнейшим фактором героической победы советских людей над ударными силами мирового империализма. «Если говорить о главном герое Великой Отечественной войны,— отмечал Л. И. Брежнев,— то этим бессмертным героем является вся дружная семья народов, населяющих нашу страну и спаянных нерушимыми узами братства... Ленинская национальная политика партии выдержала испытание войной. Фашизму не удалось вбить клин между социалистическими нациями. Их братский союз показал свою силу и жизнеспособность, явился одним из главных источников победы над фашистскими захватчиками» ³¹².

Нерушимая дружба и сотрудничество, гармоничные отношения между классами и социальными группами, нациями и национальностями советских народов, боровшихся в тылу вражеских войск, наглядно прослеживаются на

примерах буквально каждой республики и области. Так, в 1942 году интернациональная семья белорусских партизан получила прекрасное пополнение за счет молодых патриотов-добровольцев, прошедших соответствующую подготовку на Особом белорусском сборе в советском тылу: комсомол Москвы направил в Белоруссию партизанский отряд имени Николая Гастелло. Боевым рейдом добровольческий отряд прошел свыше тысячи километров по вражеским тылам на территории Витебской, Могилевской, Минской и Полесской областей, громя на своем пути колонны противника и его опорные пункты. Впоследствии отряд, пополнив свои ряды местными жителями, вырос в партизанскую бригаду № 121 имени А. Ф. Брагина.

Осенью того же года на оккупированную территорию Белоруссии прибыли и развернули активную боевую работу партизанские отряды, созданные из комсомольцев и молодежи других областей РСФСР: отряд имени С. М. Кирова из комсомольцев Кировской области, переросший затем в бригаду одноименного названия; комсомольско-молодежный отряд из Новосибирска имени С. Г. Лазо и добровольческий отряд омских комсомольцев «Сибиряк», влившиеся впоследствии на Витебщине в состав партизанской бригады имени Ленинского комсомола ³¹³.

Многие бывшие партизаны, сражавшиеся с гитлеровцами в смоленско-брянских лесах, до сих пор хорошо помнят строгого и ласкового начальника медсанбата партизанского формирования Алию Рустамбекову, азербайджанку по национальности, которая вернула в боевой строй десятки раненых партизан и оказывала медицинскую помощь местным жителям. На берегах Даугавы, в составе партизан бригады Оттомара Ошкална храбро боролся с врагом азербайджанец Газаифар Шабанов. На литовской земле отдал свою жизнь за Родину командир партизанского отряда грузин Георгий Дваладзе ³¹⁴. В Уваровском районе Московской области бессмертный подвиг во имя светлого будущего совершила славная дочь латышского народа партизанка-подпольщица Алиса Драйман. Свой вклад в разгром гитлеровцев у стен города Ленина внесли командиры партизанских отрядов Ленинградской области латыши Владимир Бунден, Игнат Урбан и Карлис Рекке ³¹⁵. Только в одной сравнительно немногочисленной 7-й Ленинградской партизанской бригаде сражались представители 23 национальностей Советской страны ³¹⁶.

На непокоренной белорусской земле в борьбе с жестоким и коварным врагом защищали социалистическое Отечество и обессмертили свои имена славные сыновья и дочери многих народов советской земли. В тылу вражеских войск на территории Белоруссии пролег боевой путь московской комсомолки Елены Колесовой. Летом 1942 года мужественная патриотка и ее боевые подруги пустили под откос 11 эшелонов противника, подорвали 4 автомашины врага, уничтожили несколько десятков гитлеровцев. В сентябре того же года Елена Колесова героически погибла в бою с фашистами в деревне Выдрица. Отважная комсомолка посмертно удостоена звания Героя Советского Союза.

Одним из замечательных организаторов партизанского движения на севере Минской области был уроженец села Диканька Полтавской области коммунист В. Т. Воронянский. Храбростью и отвагой в боях с фашистами на белорусской земле отличился славный сын Ферганы Мамадали Тапвалдыев. В рядах белорусских партизан он стал коммунистом. За мужество и отвагу, проявленные в борьбе с фашистскими захватчиками в тылу врага, Мамадали Тапвалдыеву присвоено звание Героя Советского Союза. В Белоруссии свято чтут память и гордятся героями-партизанами, увенчанными «Золотой Звездой», чеченцем коммунистом Османом Касаевым, пустившим под откос 33 вражеских эшелона, уроженцем Казахстана Ф. Озмилем, последней гранатой подорвавшим себя и группу фашистов, мужественным сыном армянского народа Генрихом Захаряном, отдавшим свою жизнь за свободу и счастье социалистической Родины, а также Владимиром Талаквандзе, Хачиком Матевосяном, Леваном Хуцишвили, Иваном Шубитидзе, Иваном Садчиковым и десятками, сотнями, тысячами других отважных сынов и дочерей многонациональной Страны Советов.

Незабываемую страницу в летопись всенародной войны на Украине вписали бойцы и командиры интернационального отряда партизан, в составе которого находился доблестный сын великого русского народа, совершивший бессмертный подвиг во славу Родины, легендарный Н. И. Кузнецов. В этом же отряде на украинской земле бесстрашно сражались с немецко-фашистскими захватчиками русские А. Лукин и Л. Шершнева, украинцы Н. Приходько и Н. Гнедюк, армянин Н. Саргасян и казах

Д. Абраимов, поляки К. Домбровский и Я. Каминский, испанец Антонио Бланко и 17 его товарищей³¹⁷.

Созданные общими усилиями народных мстителей Российской Федерации, Украины, Белоруссии, Литвы и Латвии партизанские края на временно оккупированной территории не только позволяли патриотам осуществлять прочные боевые контакты, но и были надежной базой для партизан братских республик и областей. В трудные моменты они здесь базировались и вели совместные боевые действия. Воздавая должное братскому гостеприимству брянских и белорусских партизан, командир украинского партизанского соединения, Герой Советского Союза М. И. Наумов указывает, что «в первую очередь мы, украинские патриоты, должны выразить огромную благодарность Брянскому краю и Белоруссии за то, что партизанские отряды Украины нашли там приют и поддержку в тяжелое для них время, помощь вооружением, боеприпасами и, главное, людьми»³¹⁸.

От Мозыря и Пинска, Сарн и Овруча, на стыке пяти областей — Полесской, Пинской, Ровенской, Житомирской и Киевской — простирался братский партизанский край, охватывавший территорию более 50 тысяч квадратных километров. На отвоеванной у противника территории, состоявшей из 14 районов, действовали все законы Советской власти, функционировал партизанский аэродром, на который с Большой земли доставлялись медикаменты, боеприпасы, оружие. «Местечко Лельчицы (Полесская обл.— Я. П.), — пишет в своих воспоминаниях командир Молдавского партизанского соединения Я. П. Шкрятчак, — с конца 1942 года было партизанской столицей. Здесь постоянно стоял штаб Бегмы, действовал партизанский аэродром, принимавший на посадку самолеты с Большой земли. Самолеты наведывались в Лельчицы довольно регулярно, часто дневали у партизан. Сюда прилетали члены Политбюро ЦК КП(б) Украины Коротченко, Корниец, Гречуха... Сюда в начале 1943 года пришел из Сумской области со своим соединением Ковпак. Отсюда он ходил в Карпаты и вернулся обратно. Сюда пришел проделавший большой рейд по Левобережной и Правобережной Украине Наумов. Тут формировались крупные силы партизанских отрядов под руководством секретаря Ровенского обкома партии Бегмы. Сюда приходил и уходил беспокойный Сабуров. В феврале 1943 года здесь стал сколачивать молдавский

партизанский отряд Макар Кожухарь. Формировались и уходили на Украину отсюда другие партизанские отряды — А. Горобчака (Буйновского), Жукова, Мельника, Иванова... Приходил сюда и Федоров-Черниговский, стоявший в те дни где-то под Ковелем...»³¹⁹

На территории Белоруссии находились промежуточные базы литовских и латышских партизан. Здесь провели свою первую партизанскую зиму (1942/43 г.) отряды литовских партизан «Вильнюс», «Бичюляй» («Друзья»), группы Дубровского (командир Т. Голубовас), Мипкаса (командир В. Мичунас) и другие. В нарочанских лесах Вилейской области долгое время базировалась оперативная группа ЦК КП(б) Литвы (руководители М. Шумаускас и Г. Зиманас), которая в апреле 1943 года приземлилась на самолете в Бегомльском районе на партизанском аэродроме³²⁰. На белорусской земле начинался боевой путь латышского партизанского отряда во главе с Героем Советского Союза Вилисом Самсоном. В Витебской области делала свои первые шаги оперативная группа ЦК КП(б) Латвии — организационный штаб по руководству патриотической борьбой народа на временно оккупированной латвийской земле³²¹. «Отношения с местными жителями Белоруссии, — сообщали в своем донесении в Латвийский штаб партизанского движения прославленные партизанские вожаки Латвии О. Опскалн и В. Лайвиньш, — сложились теплые и хорошие... Всюду, где мы когда-либо располагались, нас встречали как дорогих гостей»³²².

На территории украинского и белорусского Полесья зародились весной 1943 года и организационно окрепли два молдавских партизанских соединения, которые вплоть до передислокации в Молдавию действовали в тесном содружестве с белорусскими и украинскими партизанами. «Молдавские партизанские отряды, — отмечают историки Молдавии, — совместно с украинскими и белорусскими партизанами вели бои с врагом, в ходе которых личный состав постепенно овладевал мастерством ведения партизанской войны»³²³.

Развитию и укреплению интернационального и боевого содружества братских союзных республик и областей исключительное внимание уделяли ЦК ВКП(б), партийные комитеты оккупированных республик и областей и их военно-оперативные органы — штабы партизанского движения. Например, БШПД в течение всего периода борьбы

в тылу врага поддерживал постоянную связь с обкомами партии прифронтовых областей Российской Федерации, ЦК Компартии Украины, Латвии, Литвы, Молдавии, а также с их штабами партизанского движения.

Естественно, что такое нерасторжимое братство и подлинный интернационализм могли возникнуть, слиться воедино и выдержать все испытания только в результате коренного преобразования старого общественного строя в новый, социалистический, а вместе с ним породить и новый тип патриотизма — социалистический. Характеризуя понятие патриотизм, В. И. Ленин указывал, что это — «одно из наиболее глубоких чувств, закрепленных веками и тысячелетиями обособленных отечеств»³²⁴. Особенно ярко проявляется патриотизм в войне, в которой трудовые массы защищают свои кровные интересы. Ибо такая война «является войной за социалистическое отечество, за социализм, как отечество, за Советскую республику, как *отряд* всемирной армии социализма»³²⁵. Корни животворного социалистического патриотизма были заложены в тех гигантских изменениях, которые произошли в Советской стране в области экономики, культуры и идейно-политическом росте трудящихся — творцов, созидателей и защитников своей прекрасной Родины. Именно социализм, подчеркивается в Тезисах ЦК КПСС «К 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина», «породил новый тип патриотизма, органически слитого с интернационализмом»³²⁶.

Говоря об интернациональном характере советского партизанского движения, нельзя не указать на то, что в нем участвовали также и многие граждане оккупированных гитлеровцами европейских стран — Чехословакии, Польши, Венгрии, Югославии, Франции, Бельгии, Австрии, Румынии и других государств. Их борьба с германским фашизмом на оккупированной территории СССР стала ярким проявлением боевого содружества и братства, одним из конкретных выражений того интернационального союза народов, который, как подчеркивал В. И. Ленин, «бесконечно важнее, чем вопрос о государственных границах»³²⁷.

В итоге большой и целенаправленной работы подпольных партийных органов и партизан много поляков и граждан других государств, движимых величайшим чувством патриотизма и собственного достоинства, национальной

гордости и классовой ненависти к фашизму, было вовлечено в вооруженные партизанские подразделения на Украине. Из их числа на оккупированной территории Ровенской и Житомирской областей весной 1943 года был создан польский партизанский отряд, который к августу того же года вырос в мощное соединение из трех отрядов. Осенью 1943 года партийные органы и командование Чернигово-Волынского соединения создали польскую партизанскую бригаду имени Ванды Василевской. Начав свой боевой антифашистский путь на территории Белоруссии, в соединении Героя Советского Союза А. Н. Сабурова борьбу с гитлеровскими захватчиками на Украине продолжил словацкий партизанский отряд, сформированный из перешедших на сторону партизан солдат и офицеров 101-го словацкого полка. Командовал им бесстрашный патриот своей родины, словацкий офицер Ян Налепка. Находясь в рядах советских партизан, он стал коммунистом ³²⁸.

Поистине полный интернационал представляло собой украинское партизанское соединение, которым командовал Герой Советского Союза Петр Вершигора. Начальником штаба здесь был Герой Советского Союза белорус Василий Войцехович, командиром 1-го полка — Герой Советского Союза грузин Давид Бакрадзе, начальником штаба полка — русский Иван Бережной, комиссаром одного из полков — венгр Иосиф Тоут, командиром роты разведчиков — немец Роберт Клейн, полковым врачом — чех Бернард Зимма, переводчиком соединения — Вальтер Брун, разведчиками — французы фельдфебель Мишель Легре и лейтенант граф Жан-Пьер де Шаррон, офицером связи штаба полка — итальянец Дипетро Джовани, переводчиком полковой разведки — поляк Янек и много других представителей разных народов и национальностей ³²⁹. Стойкость, мужество, героическая борьба советских людей на фронте и во вражеском тылу поднимали моральный дух поработанных народов, выводили их из состояния пассивности, вносили в их сознание уверенность в победу над фашизмом, вдохновляли на активную борьбу против гитлеровцев.

Бывшие партизаны Крыма и сейчас с большой теплотой вспоминают своих боевых побратимов — румынских товарищей. Плечом к плечу с советскими партизанами в Крымских горах сражались с немецким фашизмом Георге Маринеску, Константин Козьма, Ион Борбу, Авраам Ильи,

Ион Сепан, Михаил Опреску, Эду Демитреску, Михаил Муцон, Константин Василеску, Ион Чопле, Игнат Илзи, Савва Хараламбис и многие другие. Этот боевой отряд патриотов-антифашистов вошел в ряды партизан в результате целенаправленной работы симферопольских подпольщиков и командования Северного соединения крымских партизан, во главе которого стоял обком партии ³³⁰.

В 1943 году на сторону крымских партизан перешла и активно боролась с гитлеровцами группа солдат и командиров — 23 человека — словацкой дивизии «Быстра» во главе с Яном Замечником. В своем письме на имя командира Чехословацкого корпуса Людвиг Свободы от 26 ноября 1943 года патриоты-интернационалисты писали: «В этом году мы перешли на сторону крымских партизан. Мы всей душой ненавидим немцев, врагов нашей Родины, и вместе с русскими товарищами ведем смертельную борьбу против гитлеровской Германии. Мы сражаемся за свободу и счастье, за нашу родную Чехословакию, за полный разгром фашизма» ³³¹. Словацкие патриоты совместно с партизанскими подразделениями русских и армян мужественно и результативно боролись с врагом на Крымском полуострове в течение всей зимы 1943/44 г. После освобождения Крыма советскими войсками все партизаны-словаки в марте 1944 года влились в корпус генерала Людвиг Свободы и в его составе совместно с войсками 1-го Украинского фронта принимали участие в освобождении Чехословакии.

Большую и плодотворную работу по вовлечению патриотов-антифашистов в партизанскую войну проводили подпольные партийные органы Белоруссии. Из числа иностранных граждан, перешедших на сторону партизан, здесь создавались даже специальные подразделения — взводы, роты, батальоны, отдельные отряды. Например, в Пинской партизанской бригаде был сформирован и бесстрашно сражался с немецко-фашистскими захватчиками польский отряд имени Тадеуша Костюшко, в бригаде имени В. В. Куйбышева Пинской области — Логишинский польский отряд. В Барановичской области активно действовал против гитлеровцев польский отряд имени Ванды Василевской. Много поляков было и в других партизанских подразделениях. Всего, по неполным данным, в рядах белорусских партизан против общего врага — фашизма непреклонную борьбу вели свыше трех тысяч поляков ³³².

В интернациональной семье белорусских партизан с темными силами нацизма сражалось свыше 500 словаков и чехов, около 60 французов, много сербов, греков, испанцев, австрийцев, немцев-антифашистов и представителей других национальностей. В некоторых партизанских отрядах Белоруссии были сформированы чехословацкие подразделения: диверсионная группа под командованием Рудольфа Врански в 78-м отряде Копаткевичской бригады, взвод словаков во главе с Войтехом Шатара в бригаде «Дяди Коли», словацкая рота, которой командовал Ладислав Сташко, в бригаде имени М. В. Фрунзе, взвод чехов в отряде Героя Советского Союза С. А. Ваупшасова и другие. 48 граждан Чехословакии было выдвинуто на командные должности в партизанских подразделениях.

На сторону советских партизан переходили и многие антифашистски настроенные немецкие солдаты. Все они — партизаны из числа иностранных граждан — вели борьбу классового порядка против общего врага — германского фашизма. На советской земле они боролись за свою родину, за новую жизнь. Многие из них, защищая интернациональное единство международного пролетариата и всех трудящихся, показали образцы мужества и беззаветной отваги. «Они ясно отдавали себе отчет в том, — указывал дважды Герой Советского Союза С. А. Ковпак, — что, уничтожая фашистских оккупантов в лесах Брянщины или Орловщины, Волыни или Полесья, они вносят вклад в освобождение своих стран от гитлеровской тирании. В этой справедливой борьбе многие из них отдали самое дорогое, что есть у человека, — жизнь. В западных областях России, на Украине, в Белоруссии заботливо охраняются могилы этих мужественных людей — наших братьев по борьбе...»³³³

Коммунистическая партия Советского Союза и правительство СССР высоко оценили героическую борьбу патриотов-антифашистов. Только в Белоруссии за участие в партизанском движении и совершенные подвиги в боях против гитлеровцев орденами и медалями Советского Союза награждены 703 поляка, 184 словака, 33 чеха, 36 греков, 25 немцев, 24 испанца, 14 французов, 6 югославов, 8 австрийцев и многие представители других народов³³⁴. Двое борцов-антифашистов, участвовавших в советском партизанском движении — словак Ян Налепка и немец Фриц Шменкель — удостоены высшей государственной

награды. Им посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

В свою очередь в Европе нет ни одной страны, подвергшейся фашистской оккупации, где бы в движении Сопротивления не участвовали коммунисты и беспартийные, замечательные сыны советского народа. В партизанских отрядах и антифашистских организациях европейских государств они боролись за быстрейшее освобождение своей Советской Родины от фашистского ига. Например, один из руководителей партизанского движения в Лигурии Дж. Сербандини пишет: «Нет в Италии края, в котором не помнили бы своего Михаила, Сашу, Виктора, Григория. Русские имена попеременно с итальянскими можно видеть на многочисленных мемориальных досках на горных кладбищах в Альпах и Апеннинах. На могилах павших советских бойцов всегда свежие цветы как знак вечной памяти и признательности»³³⁵. То же самое можно сказать о Югославии, Франции, Польше и других странах, где участвовали в движении Сопротивления советские люди.

Интернациональный характер советского партизанского движения, тесное боевое содружество партизан с Красной Армией убедительно проявлялись на заключительном этапе войны, когда по мере выполнения боевых задач в Советские Вооруженные Силы влились сотни и тысячи патриотов, действовавших в тылу противника. По далеко не полным данным, только из числа белорусских партизан в действующую армию ушло около 200 тысяч человек призывного возраста. Например, 3-я и 61-я армии приняли в свои ряды более 30 тысяч партизан³³⁶. Это были «обстрелянные» в боях, хорошо подготовленные кадры, прошедшие суровую школу борьбы с немецко-фашистскими захватчиками, знавшие все повадки врага. Когда два советских воина водружали Знамя Победы над рейхстагом, они как бы олицетворяли собой боевую дружбу и тесное взаимодействие регулярных войск и партизан. Один из них, Мелитон Кантария, был кадровый солдат. Другой, Михаил Егоров, в прошлом боец-партизан Смоленского полка И. Ф. Садчикова. Вступив на путь борьбы с врагом в рядах народных мстителей на территории Смоленской области, он сражался вместе с белорусскими партизанами на территории соседней, Витебской области, участвовал в подрыве 6 вражеских эшелонов, в разгроме гарнизонов противника, доставлял партизанскому командованию

«языков». После соединения партизанского полка И. Ф. Садчикова с советскими частями Егоров вступил в Красную Армию и вместе со своими товарищами по оружию прошагал трудными дорогами войны от Полоцка до Берлина. Совместно с Мелитоном Кантария он, поднявшись на купол рейхстага, водрузил на нем Знамя Победы.

Боевое интернациональное содружество партизан братских республик и областей в годы Великой Отечественной войны имело огромное военно-политическое и историческое значение. Оно продемонстрировало всему миру несокрушимую силу дружбы советских народов, их готовность, несмотря ни на какие трудности и невзгоды, отдать все силы защите социалистического Отечества.

На заключительном этапе борьбы

Огромная и многоплановая деятельность подпольных партийных органов, всех коммунистов, находящихся на оккупированной гитлеровцами советской земле, умноженная на грандиозные успехи Красной Армии на фронте, и патриотизм всего советского народа весьма плодотворно сказывались на состоянии героической борьбы народов в тылу противника. Несмотря на значительное сокращение оккупированной территории и понесенные в боях потери, к концу 1943 года в захваченных гитлеровцами районах действовали сотни партизанских отрядов и соединений, большое количество боевых подпольных организаций и групп. Направляемые нелегальными партийными органами, партизанские формирования в большинстве своем были «обстрелянными», опытными боевыми коллективами, в совершенстве овладевшими тактикой, приемами и методами партизанских действий. Крупнейшие из них — 858 отрядов и бригад — имели двустороннюю радиосвязь с Центральным, республиканскими и областными штабами партизанского движения³³⁷. Такая высокая степень централизации партийного и военного руководства партизанскими силами позволяла ЦК ВКП(б) и Ставке Верховного Главнокомандования осуществлять как тактически-оперативное, так и стратегическое взаимодействие с войсками Красной Армии. Начиная со второй

половины 1943 года это взаимодействие стало планомерным и систематическим.

Целенаправленность партизанских ударов по врагу достигалась путем согласования планов Центрального, республиканских и областных штабов партизанского движения с замыслами Ставки, военных советов фронтов и армий. Так, украинские партизаны по указанию республиканского штаба партизанского движения подготовили и удержали до подхода частей Красной Армии 25 переправ через Днепр, Десну и Припять (в том числе 10 переправ через Днепр севернее и южнее Киева). В ходе наступательных операций по расширению плацдармов на правом берегу Днепра (октябрь — декабрь 1943 г.) партизаны совместно с регулярными войсками участвовали в освобождении многих населенных пунктов. Например, Житомирское соединение партизан под командованием А. Н. Сабурова, отрезав пути отступления врагу западнее и юго-западнее Овруча, одним из первых ворвалось в город и вместе с частями 13-й армии 17 ноября 1943 года освободили его от противника ³³⁸.

Заслуживает внимания опыт тесного взаимодействия партизан с советскими войсками в наступательной операции под Ленинградом и Новгородом в январе — феврале 1944 года. С началом наступления ленинградские партизаны парализовали передвижение противника по железным и шоссейным дорогам на участках Кингисепп — Гдов, Струги — Красное — Псков, Луга — Плюсса, Батецкая — Сольцы, Дно — Дедовичи и др. По отдельным участкам Балтийской и Варшавской железных дорог гитлеровцы в течение нескольких суток не могли пропустить ни одного эшелона. Народные мстители 12-й бригады в период отхода вражеских войск заняли населенные пункты и переправы на оборонительном рубеже по юго-западному берегу реки Луга. С подходом наступающих частей 68-й стрелковой дивизии партизаны совместно с населением быстро восстановили разрушенные мосты через реки Луга, Долгая, Саба, Самро ³³⁹.

Замечательным образцом стратегического взаимодействия партизан с регулярными войсками Красной Армии явилась Белорусская наступательная операция (кодовое название «Багратион»). Разрабатывая эту операцию, Ставка учитывала, что в Белоруссии, в непосредственном тылу группы армий «Центр», действуют имеющие богатый бое-

вой опыт, хорошо вооруженные и связанные с руководящими центрами двусторонней радиосвязью 144 партизанские бригады и 80 отдельных отрядов, десятки тысяч подпольщиков. Свыше 250 тысяч человек составляли скрытые боевые резервы народных мстителей³⁴⁰. Перед этой высокоорганизованной армией советских патриотов Ставка Верховного Главнокомандования на весь период наступления поставила задачу: непрерывными диверсиями дезорганизовать оперативные тылы противника и срывать подвоз его резервов к линии фронта и оперативные переброски войск между фронтами³⁴¹.

Во исполнение этого приказа БШПД разработал конкретный план действий белорусских партизан. В конце мая 1944 года план был согласован с командованием наступавших в Белоруссии фронтов. В форме директивных указаний ЦК КП(б)Б он был доведен до всех подпольных партийных комитетов и командования партизанских формирований. Одновременно на партизанские базы по воздуху было доставлено более одной тысячи тонн груза, главным образом взрывчатки и боеприпасов.

Осуществление задачи по разгрому главных сил фашистской группировки армий «Центр» и освобождению Белоруссии было возложено на войска четырех фронтов — 1-го Прибалтийского, 3-го, 2-го и 1-го Белорусских, на авиацию дальнего действия и Днепровскую военную флотилию. «Сюда же, — указывает Маршал Советского Союза А. М. Василевский, — подключались силы партизан», которые оказали «огромную помощь советским войскам при проведении операции»³⁴². «Несмотря на постоянные жестокие расправы, — пишет А. М. Василевский, — массовые казни, угон мирного населения в Германию, размах партизанского движения в Белоруссии принял поистине характер всенародного движения... На протяжении всей операции партизаны всячески помогали нашему командованию и войскам, непрерывно снабжая их достоверными и очень ценными сведениями о группировках противника, громили его штабы, нарушали связь, а иногда и непосредственно действовали в бою совместно с частями Красной Армии»³⁴³. Эффективность действий белорусских партизан обуславливалась тем, подчеркивает А. М. Василевский, что «план их действий, разработанный Белорусским штабом партизанского движения, был согласован с командованием наступавших в Белоруссии фронтов»³⁴⁴.

Важнейшее значение в этом плане придавалось дезорганизации транспорта противника, лишению его оперативного маневра и подвозу резервов. Выполняя директивные указания ЦК Компартии Белоруссии и БШПД, белорусские партизаны в ночь на 20 июня, накануне общего наступления Красной Армии, нанесли по коммуникациям противника массированный удар. Было взорвано свыше 40 тысяч рельсов. А всего за время операции «Багратион» патриоты уничтожили более 160 тысяч рельсов³⁴⁵. В нужный момент на фронт не попали сотни железнодорожных составов противника с живой силой и техникой.

Одновременно партизанами было пущено под откос большое количество воинских составов противника. О его потерях можно судить по тому факту, что только с 26 по 28 июня, по данным БШПД, патриотами было уничтожено 78 эшелонов врага. «Донесения, поступавшие в оперативный отдел БШПД в те дни,— пишет бывший начальник оперативного отдела БШПД А. Брюханов,— показывали, что на подавляющем большинстве железных дорог движение вообще прекратилось... Партизаны Белоруссии заставили противника почти полностью прекратить на территории республики какие-либо перевозки, в которых очень нуждались немецко-фашистские армии...»³⁴⁶

Большое значение этого «заключительного» партизанского налета на железнодорожные магистрали вынужден был признать даже сам противник. Начальник транспортного управления группы армий «Центр» Герман Теске впоследствии писал: «...На участке группы армий «Центр» в конце июня 1944 года мощный отвлекающий партизанский налет на все важные дороги на несколько дней лишил немецкие войска всякого управления»³⁴⁷.

Активное взаимодействие белорусских партизан и подпольщиков с войсками Красной Армии осуществлялось и в период непосредственного освобождения территории Белоруссии от немецко-фашистских захватчиков. Народные мстители плечом к плечу с советскими войсками вели упорные бои по очищению от гитлеровцев городов, железнодорожных станций и других населенных пунктов, громили отступающие вооруженные колонны врага, сообщали разведанные о противнике, возводили мосты и переправы, прокладывали дороги и гати в топких местах, служили проводниками и т. д.

Ожесточенный характер носили, например, бои на севере Вилейской области — в районах Шарковщины, Бра-слава, Опсы, Видзы, Иказни, Перебродья, большаков Друя — Слабодка, Браслав — Иказнь. Здесь с отступавшими войсками противника сражались партизаны бригад «За Родину», «Спартак», имени Жукова. Патриоты удерживали в своих руках все дороги, ведущие к Даугавпилсу — крупному узлу обороны захватчиков. Они дезорганизовывали отступление врага из-под Витебска, панося ему одновременно серьезный урон. 2 июля в район боев подоспели войска Красной Армии. Вместе с народными мстителями они отбросили наседавшие на партизанские плацдармы гитлеровские войска и очистили от них территорию Браславского и смежных с ним районов.

Столь же эффективным было взаимодействие партизан с нашими войсками при освобождении Вилейки, Докшиц, Кличева, Логойска, Лиды, Осиповичей, Пинска, Слуцка, Столбцов, Червеня и ряда других райцентров. А такие райцентры, как Любча, Кареличи, Копыль, Старобин, Свирь, Красная Слобода, Островец, Илия, Узда и другие, партизаны освободили и прочно удерживали в своих руках до прихода советских частей³⁴⁸.

Особенно большую помощь советским войскам оказали партизаны при ликвидации минского «котла» — 105-тысячной группировки противника, оказавшейся в окружении юго-восточнее Минска. Превосходно ориентируясь на местности, народные мстители выводили наши части в те места окружения, где их враг меньше всего ожидал. Исключительное мужество и находчивость при подавлении ожесточенного сопротивления противника проявили патриоты 1-й и 2-й Минских партизанских бригад, имени Н. Щорса, бригад «Буревестник», «Беларусь», «Смерть фашизму» и ряда других партизанских формирований. В общей сложности только в период ликвидации минского «котла» белорусские партизаны истребили свыше 5 тысяч гитлеровцев. Число пленных превышало 2 тысячи человек. Были захвачены большие трофеи. Общие же потери, нанесенные противнику белорусскими партизанами в ходе операции «Багратион», составили более 15 тысяч убитыми и свыше 17 тысяч пленными.

Рассматривая участие народных мстителей в операции «Багратион», нельзя не отметить высокое боевое мастерство командования партизанских формирований, возрос-

шее оперативное искусство БШПД и его оперативных групп, прикомандированных к военным советам фронтов. В этом прежде всего большая заслуга принадлежала начальнику БШПД П. З. Калинину, представителям БШПД при военных советах фронтов: на 1-м Прибалтийском — И. И. Рыжикову, 1-м Белорусском — И. М. Дикану, 2-м Белорусском — А. А. Прохорову, на 3-м Белорусском — А. А. Архангельскому, а также представительствам БШПД при военных советах армий.

За оперативными группами были закреплены и подчинены им непосредственно партизанские формирования определенных районов или группы смежных районов. Опергруппе БШПД при штабе 1-го Прибалтийского фронта подчинялись партизанские отряды и бригады Вилейской, Витебской и северной части Минской областей, дислоцировавшиеся к северу от железной дороги Вильнюс — Минск — Орша. Оперативной группе на 3-м Белорусском фронте были подчинены бригады Ф. С. Новикова (Круглянская ВОГ), «Чекист», «Разгром», «Гроза», 2-я имени К. С. Заслонова, 16-я Смоленская бригада *, действовавшие на территории южных районов Витебской и в Могилевской областях, формирования народных мстителей северных районов Барановичской области. Опергруппе, руководимой полковником А. А. Прохоровым, подчинялись отряды и бригады соединения Могилевской области и отдельные бригады, базировавшиеся юго-восточнее Минска. Партизаны Полесского, Минского (южного), Пинского, Брестского и Белостокского соединений, южных районов Барановичской области в оперативном отношении подчинялись опергруппе БШПД при штабе 1-го Белорусского фронта ³⁴⁹.

Оперативные группы Белорусского штаба партизанского движения под руководством ЦК КП(б)Б занимались обеспечением партизан оружием и боеприпасами, выполнением оперативных планов по борьбе с оккупантами. Одновременно они увязывали действия патриотов с действиями советских войск, обрабатывали и передавали командованию фронтов и в БШПД оперативные и разведывательные данные, получаемые от партизанского командования и подпольщиков.

Исключительно велика была организующая и руково-

* До весны 1943 года бригада именовалась 5-я Смоленская.

дящая роль подпольных партийных и комсомольских органов, партизанских комиссаров, низовых (первичных) партийных организаций, сумевших в нужный момент мобилизовать на местах все силы и средства советских патриотов на выполнение выдвинутых БШПД задач по выводу из строя коммуникаций противника. Максимально используя свои права, огромный авторитет и влияние в партизанском движении, подпольные комитеты, партийно-комсомольская прослойка в партизанских подразделениях и на заключительном этапе борьбы с немецко-фашистскими захватчиками показали непревзойденный образец твердого и умелого руководства всенародной войной, с точки зрения оперативного использования закаленных в борьбе партизанских сил в интересах Красной Армии.

Благодаря титаническим усилиям и целенаправленной деятельности политического аппарата партии и ее кадров в тылу врага тесное взаимодействие партизан с войсками Красной Армии на основе четко разработанных планов проводилось также и в период освобождения Правобережной Украины и Молдавии. Особенно важную роль во время наступления советских войск сыграли здесь боевые действия партизанских соединений под командованием В. А. Бегмы, С. А. Олексенко, А. Ф. Федорова, И. Ф. Федорова, П. П. Вершигоры, М. И. Наумова и других.

{ Около 4 тысяч партизан оказывали активное содействие нашим войскам в освобождении Крыма. «Огромную и активную помощь советским войскам,— пишет А. М. Василевский,— на протяжении всей операции оказывали крымские партизаны»³⁵⁰. Среди них прославились своей неодолимой стойкостью и мужеством патриоты Аджимушкских каменоломней Керченского полуострова. Указывая на их заслуги, член Политбюро ЦК КПСС, Маршал Советского Союза А. А. Гречко при вручении городу-герою Керчи ордена Ленина и медали «Золотая Звезда» говорил: «Большой вклад в дело победы внесли крымские патриоты — один из боевых отрядов партизанского движения, развернувшегося под руководством Коммунистической партии в годы войны в тылу врага. Партизаны Керчи, действиями которых по заданию Крымского областного комитета партии руководил один из старых большевиков Иван Андреевич Козлов, наносили по врагу дерзкие удары, не давая оккупантам покоя. Они были до-

стойными продолжателями боевых традиций керченских партизан гражданской войны»³⁵¹.

Родина по достоинству оценила мужество и героизм народных мстителей Крыма: 6 партизан удостоены звания Героя Советского Союза, 14 — ордена Ленина, 17 — Красного Знамени, 23 — Отечественной войны I степени, 63 — II степени, сотни патриотов получили другие правительственные награды³⁵².

Надежным помощником и резервом при наступлении Красной Армии были народные мстители Прибалтийских республик. Например, одиннадцать литовских партизанских отрядов приняли активное участие в совместных боях с советскими войсками при освобождении Вильнюса³⁵³.

Наличие республиканских и областных партизанских штабов, их представительств при военных советах фронтов и армий, регулярная двусторонняя связь с руководящими подпольными партийными центрами, а последних — непосредственно с партизанскими формированиями и подпольными организациями — все это представляло такую систему организации руководства всенародной борьбой в тылу противника, какой до этого не знала история войн и революций. Эта система надежно обеспечивала координацию партизанских действий в соответствии со стратегическими задачами, решаемыми Красной Армией.

Действия партизан настолько органически вплетались в операции регулярных советских войск, были так тесно связаны с задачами фронтов и армий и играли настолько важную роль, особенно при наступлении, что этого не в силах замолчать даже бывшие военные руководители фашистской Германии. «...Централизованность руководства партизанскими отрядами была очевидна, — вынужден признать гитлеровский генерал Л. Рендулич, — ибо при подготовке и проведении какого-либо значительного наступления немецких или русских войск партизаны в этом районе немедленно активизировали свои действия...»³⁵⁴.

В тон ему вторил известный танковый стратег вермахта Гейнц Гудериан: «Во второй мировой войне малая война за линией фронта приняла особенно широкие масштабы. Она оказала решающее влияние на исход целых сражений, например, в 1944 году на центральном участке Восточного фронта... Это заставило использовать для борьбы с партизанами целые соединения, которые были крайне необходимы на фронте»³⁵⁵.

Глава IV

Анатомия
фашистской
«контр-
партизанской»
стратегии
и ее крах

В поисках выхода из создавшегося положения на временно оккупированной советской территории фашистское главное командование в течение всей войны лихорадочно предпринимало всевозможные меры по подавлению мощного партизанского движения. Все эти меры, начиная от строгих служебных предписаний, памяток и инструкций и кончая массовыми репрессиями против мирного населения, карательными экспедициями, созданием специальных подразделений и привлечением больших контингентов регулярных войск, преследовали одну цель: любыми средствами и способами побыстрее погасить пожар народной войны в захваченных районах, подорвать моральное и идейно-политическое единство советского народа, сломить его волю к сопротивлению.

В послевоенные годы многие реакционные историки Запада (Дж. Армстронг, Дж. Бариц, А. Бернар, Н. Вакар, В. Герлиц, Ч. Диксон, О. Гейльбрунн, А. Кларк, А. Даллин, Х. Ренч, В. Ределис, Э. Хессе, Г. Буххейт, К. Центнер, Т. Хиггинс, Э. Хауэлл, В. Бурке, Э. Цимке, Л. Шапиро, В. Якобс и другие), а также бывшие гитлеровские генералы, различные «правоведы», публицисты и «исследователи» второй мировой войны, выполняя социальный заказ агрессивных империалистических кругов, задним числом пытаются предоставить индульгенцию германскому фашизму и «доказать», что якобы позорная политика геноцида, изуверская «тактика выжженной земли», которую повсеместно проводили гитлеровцы на временно оккупированной советской земле, были ни чем иным, как следствием политических и тактических «промахов» органов, находившихся в ведении Розенберга и Гиммлера, как ответная мера немцев на «пезакопные действия» и бесчис-

ленные «жестокости» партизан. Не будь, мол, массовых партизанских выступлений с их «жестокостями», противоречащих «гуманным», рыцарским «обычаям войны», германские войска не совершили бы столь тяжких злодеяний на советской земле. Империалистические идеологи от истории и «специалисты» международного права игнорируют ту бесспорную и общеизвестную истину, что любая агрессивная война сама по себе является грубейшим нарушением прав народа, а следовательно,— преступное действие.

Стремление любой ценой, любыми путями реабилитировать фашистский военно-полицейский аппарат, совершивший чудовищные злодеяния в оккупированных районах, характерно для подавляющего большинства буржуазных «партизановедов». В качестве подходящего довода для этого они выдвигают заведомо ложный тезис о том, что партизанская война «незаконна», что она противоречит морали и международному праву. И поскольку-де партизаны не соблюдали законов и обычаев войны, их нельзя было считать ее «законными участниками»¹.

Нет сомнения, что подобные измышления зиждятся на стремлении «реабилитировать немецкую нацию», на грубом, заведомо преднамеренном искажении исторической истины. Последняя же заключается в том общеизвестном факте, что высшее право народа — его право на самозащиту, на сопротивление агрессору любыми средствами, и партизанская война, как одна из важнейших форм такой защиты, признана и закреплена международными соглашениями, в том числе и Гаагскими конвенциями 1899 и 1907 гг., подписанными и ратифицированными многими государствами, в том числе и Германией. Боровшиеся в тылу фашистских войск патриоты действовали точно в соответствии с положениями, определенными статьей I к IV приложению Гаагского соглашения 1907 года о законах и правилах ведения сухопутной войны. Более того, когда партизаны проводили операции против фашистов и освобождали от захватчиков целые районы, их действия вполне соответствовали также статье II этого документа².

Столь всенародная, вспыхнувшая на всей временно оккупированной территории партизанская война во всем ее многообразии как специфическая форма освободительной борьбы против гитлеровского нашествия являлась вполне законной со стороны советских людей, подвергшихся вар-

варской агрессии. Партизанские средства, методы и приемы борьбы выражали неотъемлемое право советского народа защитить свою свободу и национальную независимость, суверенное право, на которое в своих трудах указывал еще Ф. Энгельс³ и законность которого в новых условиях ведения войны полностью признавалась и признается международными правовыми нормами, прогрессивными политическими деятелями и учеными-обществоведами подавляющего большинства государств земного шара.

Бесспорным является тот факт, что ярые антисоветчики и воинствующие антикоммунисты разглагольствуют о «незаконности» народного партизанского движения как с целью деформации подлинной картины преступлений нацистов на временно оккупированных ими территориях, так и с желанием приуменьшить гордость советского народа за беспримерный партизанский подвиг в годы минувшей войны, с намерением ослабить верность молодого поколения боевым традициям своих отцов и дедов. Апологетам фашизма очень хотелось бы, чтобы в случае возникновения нового мирового пожара подобный массовый подвиг в тылу агрессора нигде не повторился бы вновь.

«Сработанные» идеологами империализма «концепции» по проблеме советского партизанского движения до сих пор все еще нередко используются определенными, и порой весьма влиятельными, кругами в западных странах. Вот почему сейчас, как никогда, важно тенденциозным измышлениям апологетов германского фашизма и кое-где поднимающим голову современным неофашистам противопоставить марксистскую трактовку проблемы и показать подлинное лицо фактов и событий, имевших место на оккупированной гитлеровцами советской территории*.

* Следует отметить, что рассматриваемые в настоящем разделе вопросы в той или иной степени уже подвергались анализу в ряде сборников документов, в монографических работах советских и зарубежных исследователей. В них характеризуется как общая оккупационная политика гитлеровцев, так и ее особенности в различных странах, попавших под фашистское ярмо, разоблачается человеконенавистническая, варварская практика нацистских поработителей. Вместе с тем автор, исходя из лепинского указания о необходимости «объяснить людям со всей конкретностью еще и еще раз, как обстояло дело во время последней войны и почему оно не могло обстоять иначе» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 318), считает целесообразным еще раз обратить внимание на ряд важных моментов настоящей проблемы, не ставя, однако, своей целью охватить глубоко все вопросы столь многоплановой темы.

Программа „обезлюживания“ оккупированных территорий

Чтобы показать всю вздорность и тщетность ложных утверждений о всенародной войне в тылу гитлеровских оккупантов, в самой краткой форме обратимся к важнейшим документам и подлинным историческим фактам. А они в своей совокупности ступень за ступенью убедительно свидетельствуют о том, что фашистская «контрпартизанская» стратегия шла значительно дальше, чем ликвидация возникшего на оккупированной советской территории партизанского движения.

Еще задолго до нападения на СССР эта стратегия была сформирована в недрах центрального аппарата вермахта и представляла собой продукт коллективного творчества многочисленных командно-политических органов империалистической Германии и финансового капитала, т. е. основывалась на общих агрессивных планах фашизма, преследовавших насильственную «германизацию» нового «жизненного пространства» на Востоке, физическое уничтожение целых народов и этнических групп. Так, в приложении к меморандуму верховного командования вермахта «Проблемы организации руководства войной» от 19 апреля 1938 года говорилось, что всякая война является «законом природы, который можно ограничить, но нельзя устранить совершенно, ибо война служит делу сохранения нации и государства или обеспечивает его историческое будущее.

Эта высокая моральная цель (!? — Я. П.) придает войне отличительный признак и служит ее нравственным (!) оправданием... Война ведется всеми средствами: не только силой оружия, но также средствами пропаганды и экономического воздействия»⁴. Далее в приложении пояснялось, что целью войны является не только уничтожение вооруженных сил противника, но и лишение его материальных источников мощи и моральных сил его народа. Лейтмотивом ведения войны должен быть принцип целесообразности: при необходимости можно пойти на все. Последнее слово всегда должно принадлежать силе оружия. «Поэтому требованиям вермахта, — указывалось в этом документе, — обеспечить достижение победы должно быть предоставлено преимущество перед всем остальным»⁵.

Подобные инструкции, ориентировавшие на то, что «война не должна знать в своем ходе никакой пощады по

отношению к вражескому народу», содержались также и в руководстве, изданном в 1939 году генеральным штабом Германии для командного состава вермахта на период войны. Главный тезис этого руководства также состоял в том, что для соблюдения правил войны в конечном счете определяющим является фактор военной и политической целесообразности ⁶.

Линия на попрание элементарных интересов иных народов отчетливо прослеживается и во многих других документах фашистского руководства. В книге бывшего президента данцигского сената Г. Раушнинга (в свое время весьма приближенного к нацистской верхушке), изданной в США незадолго до начала агрессии гитлеровской Германии против СССР под названием «Голос разрушения», приводилось следующее заявление Гитлера: «Мы обязаны истреблять население, это входит в нашу миссию охраны германского населения. Если меня спросят, что я подразумеваю под истреблением населения, я отвечу, что я имею в виду уничтожение целых расовых единиц. Именно это я и собираюсь проводить в жизнь,— грубо говоря, это моя задача... Если я посылаю цвет германской нации в пекло войны, без малейшей жалости проливая драгоценную немецкую кровь, то, без сомнения, я имею право уничтожить миллионы людей низшей расы, которые размножаются, как черви...» ⁷ Сумасбродный маньяк цинично заявлял, что лично он освобождает немецких солдат от «унижающих арийца ограничений химеры совести и морали». Раушнинг рассказал о готовящейся «технике обезлюживания», о таких действиях, которые приведут к уничтожению целых народов, о «праве победителей» на это и т. д.

Делать такие выводы в 1940 году Раушнинг имел все основания. Ибо еще 13 июня 1935 года, основываясь на катехизисе немецких фашистов — книге Гитлера «Майн кампф» («Моя борьба»), принципы ведения агрессивных войн довольно отчетливо изложила нацистская газета «Дойче фюльксрафт». «Тотальная война закончится полной победой,— подчеркивала редакционная статья.—...Под полной победой подразумевается полное истребление побежденного народа, его окончательное исчезновение с исторической сцены» ⁸.

Эти и подобные им теоретические установки нацизма нашли свое концентрированное выражение в скрупулезно

разработанном в первой половине 1940 года зловещем документе — «Генеральном плане «Ост», который, судя по сохранившимся замечаниям к нему, предусматривал конкретные меры по колонизации и истреблению миллионов славянских народов. Над разработкой «путей», методов и «техники» истребления народов «иной крови» по указанию фашистского руководства и командования вермахта «трудилась» целая армия всевозможных специалистов в области технологии массовых убийств. Ими были «изобретены» машины-«душегубки», газ «циклон», крематории и другие средства массового уничтожения покоренных народов.

Одни народы фашисты планировали уничтожить полностью, другие — ликвидировать как нации. Некоторые народы они хотели обессилить, уничтожив их интеллигенцию, преградив доступ к образованию и превратив их в рабочий скот. Министерство по делам оккупированных восточных областей, называвшееся сокращенно «восточным министерством», возглавляемое А. Розенбергом, в основу своей деятельности положило старый принцип: «разделяй и властвуй», в который было добавлено требование — «уничтожай». Проектировалось оккупированные советские территории временно поставить под управление «имперских комиссаров». После окончания войны, чего, по планам гитлеровцев, следовало ожидать осенью 1941 года, прибалтийские республики и Крым предполагалось сразу же превратить в районы немецкой колонизации. Белоруссия, Украина и Туркестан должны были стать буферными государствами, полностью подчиненными Германии. Их границы предполагалось отодвинуть далеко на Восток, чтобы уменьшить территорию собственно России, которая обрекалась на ликвидацию как государство. На территории кавказских республик Розенберг предлагал создать государственное объединение, федеративно связанное с Германией, во главе с гитлеровскими уполномоченными. «Генеральный план «Ост» предусматривал выселить в течение 30 лет около 31 миллиона человек с территории Польши и западной части Советского Союза (80—85 процентов польского населения, 65 процентов населения западной Украины, 75 процентов Белоруссии, значительную часть населения Латвии, Литвы и Эстонии) и поселить на эти земли 10 миллионов немцев-колонистов. Оставшееся здесь население (по расчетам составителей плана —

15 миллионов человек) предполагалось постепенно онемечить путем проведения целого ряда специальных мероприятий⁹.

В мае 1940 года в своей записке «Некоторые соображения об обращении с местным населением восточных областей» Гиммлер предлагал идти напролом в деле колонизации и истребления славянских народов. Он писал, что важнейшей задачей «восточной политики» является очищение присоединенных территорий на Востоке от лиц «чужой крови»¹⁰. Касаясь вопроса — онемечивать ли завоеванные народы или уничтожить их, — нацистский палач Гиммлер указывал: «Или мы склоним на свою сторону лиц хорошей крови, которых мы можем использовать для нас самих, и предоставим им место среди нашего народа, или, господа, вы можете это назвать жестоким, ... — мы истребим их»¹¹.

На практике это должно было выглядеть следующим образом. Например, в Белоруссии, которая одна из первых на территории СССР должна была стать «экспериментальным полем», моделью того «нового порядка», который нес германский фашизм народам мира, гитлеровцы намеревались в Минске поселить 50 тысяч немцев и временно оставить для использования в качестве рабочей силы 100 тысяч местных жителей. В Гомеле намечалось поселить 30 тысяч колонистов и оставить в живых 50 тысяч коренных жителей, в Могилеве — соответственно 20 тысяч и 50 тысяч, в Витебске — 20 тысяч и 40 тысяч, в Полоцке — 10 тысяч и 25 тысяч, Орше — 10 тысяч и 20 тысяч. Такая же участь ожидала и другие города и населенные пункты СССР. В Ленинграде, например, намечалось поселить 100 тысяч немецких колонистов и оставить для их обслуживания 400 тысяч местных жителей. В Волхове, Великих Луках, Дне, Новгороде, Старой Руссе, Невеле, Чудове — соответственно 5 и 15 тысяч, в Смоленске — 15 и 60 тысяч и т. д.¹². Те, кому суждено было «получить» жизнь, должны были служить дешевой рабочей силой для «расы господ». Столица Советской державы — Москва, по замыслу гитлеровцев, подлежала полному уничтожению и созданию на ее месте водохранилища.

Наряду с политикой физического истребления советских людей агрессоры планировали проведение ряда мер, направленных на сокращение биологического потенциала страны, на торможение естественного прироста населения.

Циничная и бесчеловечная по своей жестокости гитлеровская программа «решения национального вопроса» предвидела и такие средства, как отделение мужчин от женщин, детей от родителей, принудительная стерилизация, депортация населения, насильственный вывоз в первую очередь молодежи в Германию на принудительные работы, а также с целью онемечения и т. д. Проведением этих мер фашисты надеялись «подорвать силы русского народа» и тем самым «сохранить на длительное время немецкое господство».

Характерно, что преступные планы и принципы гитлеровской политики геноцида по отношению к славянским народам все время уточнялись, дополнялись и «шлифовались». Так, 13 марта 1941 года верховное главнокомандование гитлеровской армии в порядке дополнения к директиве № 21 (план «Барбаросса») издало «Инструкцию об особых областях». Согласно этой «инструкции», в захваченных районах устанавливалась система жестокого оккупационного режима. Органам Гиммлера поручались «особые задачи», которые вытекали «из борьбы до последнего между двумя противоположными политическими системами». ОКВ и ОКХ издали серию приказов, предписывавших вермахту активно участвовать в осуществлении программы политического террора и массовых экзекуций в отношении советских людей¹³. Вся полнота власти на оккупированной территории должна была находиться у командующих войсками вермахта и политической полиции. Им же предоставлялась полная свобода действий и неограниченное право в отношении гражданского населения.

Выступая перед «цветом нации» — генералами вермахта 30 марта 1941 года, Гитлер подчеркивал, что предстоящая война против СССР будет представлять собой столкновение двух диаметрально противоположных идеологий, беспощадная война с целью уничтожения большевизма, в которой «жестокость — благо для будущего». Он призвал действовать без сантиментов, безжалостно уничтожать «большевистских комиссаров» и коммунистическую интеллигенцию. Присутствовавший на «большом совещании у фюрера» генерал Ф. Гальдер записал в своем дневнике, что Гитлер вынес «уничтожающий приговор большевизму...». Гальдер отметил для себя, что шел откровенный разговор «о борьбе па уничтожении». И если арийцы не

будут так смотреть на вещи, то, несмотря на то что они разобьют противника, «через 30 лет снова возникнет коммунистическая опасность». А посему необходимо вести «войну не для того, чтобы законсервировать своего противника»¹⁴.

Незадолго до вторжения гитлеровцев на советскую территорию Гиммлер, культивировавший зоологическую ненависть к другим народам, с нескрываемым цинизмом заявил на совещании высших руководителей СС в Везельбурге, что одной из задач похода на Восток является уничтожение 30 миллионов славян, «зараженных марксизмом»¹⁵. Фактически речь шла об уничтожении всех тех, кто был настроен против нацизма. А ведь это были целые народы!

В изданных 1 июня «Двенадцати заповедях поведения немцев на Востоке и их обращении с русскими» шестая заповедь гласила: «...Вы должны с сознанием собственного достоинства проводить самые беспощадные мероприятия, которые требует от вас Германское государство...»¹⁶ Двумя неделями раньше «родилась» зловещая по своим целям и последствиям директива начальника штаба верховного главнокомандования вооруженных сил Германии фельдмаршала Кейтеля «О военной подсудимости в районе «Барбаросса» и об особых полномочиях войск». Она требовала беспощадного отношения к гражданскому населению и уничтожения не только тех, кто оказывал сопротивление фашистским властям, но и их родных и близких. Директива предписывала уничтожать партизан и всех «подозреваемых» в сочувствии к ним, по распоряжению любого командира незамедлительно расстреливать всех сопротивляющихся террористическому режиму «расы господ». Более того, каждый офицер мог решать, должен ли быть «немедленно расстрелян» любой «подозреваемый» советский гражданин или же временно ему можно даровать жизнь. Разрешение немедленно расстреливать и «подозреваемых» служило основанием для неограниченного террора и убийств.

Судебное разбирательство и вынесение приговора по действиям советских граждан категорически запрещались: мирные жители фактически отдавались на произвол гитлеровских конкистадоров. С офицеров и солдат вермахта директива снимала всякую ответственность за совершенные ими злодеяния. Дословно в ней говорилось: «Возбуж-

дение преследования за действия, совершенные военнослужащими и обслуживающим персоналом по отношению к враждебным гражданским лицам, не является обязательным даже в тех случаях, когда эти действия одновременно составляют воинское преступление или проступок»¹⁷. В качестве следствия из этой установки вытекает, что руководящие органы вермахта принимали самое непосредственное участие в разработке зловещих планов по массовому истреблению советских людей.

По мере приближения дня фашистского вторжения на территорию СССР поток приказов, инструкций и распоряжений о проведении варварской политики геноцида возрастал.

6 июня 1941 года был издан так называемый «Приказ о комиссарах», который спустя два дня, 8 июня шеф ОКХ (главное командование сухопутных сил) фельдмаршал Браухич разослал подчиненным ему командующим армиями для их сведения и исполнения. Этот чудовищный документ предписывал офицерам вермахта беспощадно, без суда и следствия, немедленно уничтожить всех советских политических работников, расстреливать командиров Красной Армии как опасных для рейха элементов¹⁸.

18 июня 1941 года Гитлер подписал «Инструкцию о поведении немецких войск в России», в которой, как и в ранее изданных, утверждалось право немецких солдат грабить советских людей и истреблять их. Офицерам немецкой армии вменялось в обязанность уничтожить советских граждан по своему усмотрению, им разрешалось принимать карательные меры и массовые экзекуции по отношению к мирным жителям, сжигать деревни и разрушать города, отбирать у населения имущество и продовольствие, в принудительном порядке угощать граждан на каторжные работы в Германию. «Эта борьба требует, — подчеркивалось во втором пункте «инструкции», — беспощадных и энергичных схваток с большевистскими подстрекателями, партизанами, диверсантами, евреями и полного уничтожения всякого пассивного или активного сопротивления»¹⁹.

Спору нет, и в агрессивных войнах прошлого имели место зверства захватчиков. Но еще история никогда не знала случая, чтобы дикое варварство скрупулезно планировалось как норма поведения оккупационных войск. Даже из далеко не полного перечня приведенных выше и

ряда других ²⁰ официальных документов отчетливо видно, что расовая дискриминация и неразрывно связанные с нею разнузданный фашистский террор, зловещие планы истребления миллионов советских людей являлись не плодом разгоряченной фантазии отдельных физиологически ненормальных людей, а реальной и заранее намеченной программой германского империализма, неотъемлемой частью фашизма. Кох, Кубе, Розенберг, Бах-Зелевский и другие более или менее высокопоставленные проповедники расизма, теории «жизненного пространства» и культа насилия отнюдь не искажали произвольно глобальную стратегию и политику германского фашизма, а педантично и всеми доступными им средствами ревностно проводили ее в жизнь на оккупированных территориях. В приговоре Международного Военного Трибунала в Нюрнберге справедливо подчеркивалось, что совершенные гитлеровцами на временно оккупированной территории СССР «преступления являлись частью плана, заключавшегося в намерении отделаться от всего местного населения путем изгнания и истребления его для того, чтобы колонизировать освобожденную территорию немцами» ²¹.

Сумасбродные расистские теории и программные принципы «восточной политики» нашли свое практическое воплощение в самых отвратительных формах с момента вступления фашистской армии на советскую землю. В процессе войны гитлеровцы дополняли и уточняли ранее разработанные преступные планы, приказы и инструкции, педантично совершенствовали приемы и технику истребления советских людей. Их деяния поощрялись в высших командных инстанциях Германии.

На четвертый день войны из ставки Гитлера последовал приказ о передаче «всей полноты власти на оккупированной территории командующим войсками вермахта». В их задачу входило так называемое обеспечение безопасности захваченных районов, что по гитлеровской терминологии всегда означало террор и массовые экзекуции ²².

На состоявшемся в штаб-квартире Гитлера 16 июля 1941 года совещании, судя по стенограммам, царило циничное веселье. Главари нацистской Германии заранее считали себя победителями. Выступая перед Герингом, Розенбергом, Ламмерсом, Кейтелем, Борманом и другими, «фюрер» подчеркивал, что поведение немецких солдат на Востоке должно строго основываться на конечных це-

лях войны. Он недвусмысленно ориентировал высшее руководство третьего рейха на необходимость использовать выступление народных масс в целях маскировки своих зловещих планов. «Русские в настоящее время отдали приказ о партизанской войне в нашем тылу,— говорил он.— Эта партизанская война имеет и свои преимущества: она дает нам возможность истреблять все, что восстает против нас»²³. Представители военной иерархии пришли к заключению: необходимо как можно быстрее «замирить гигантское пространство». Одновременно был выработан и метод: «Лучше всего этого можно достигнуть путем расстрела каждого, кто бросит хотя бы косой взгляд»²⁴. Кейтель тут же внес предложение: «Местные жители должны знать, что будет расстрелян всякий, кто проявит бездействие, и что они будут привлекаться к ответственности за каждый проступок»²⁵. Важнейшую роль в осуществлении этой разбойничьей политики нацистское руководство отводило вермахту — главному инструменту фашистского господства,— подчеркивая при этом, что «солдат ведь всегда обеспечивает режим»²⁶. Комментарии здесь излишни, ибо запланированные репрессии должны были выражать сущность нацистского господства.

Ровно через день после этого совещания, 18 июля 1941 года германское верховное командование в духе указаний «Фюрера» издало приказ «О советских партизанских отрядах». Приказ приравнивал партизан к вооруженным бандитам и ориентировал войска вермахта на беспощадное и поголовное их истребление. Не было забыто в нем и мирное население. «Гражданских лиц,— говорилось в приказе,— которые каким бы то ни было способом оказывают содействие партизанским отрядам, поддерживая этим нерегулярные военные действия, следует... точно так же рассматривать как вооруженных бандитов»²⁷. Приказ был незамедлительно разослан в войска действующих на Востоке армий, до роты включительно.

Преступный характер гитлеровских планов по отношению к мирным гражданам отчетливо прослеживается также и в дополнении Кейтеля к директиве № 33 от 23 июля 1941 года, которая ориентировала оккупантов на применение беспощадных мер по отношению к населению, оказывающему любое сопротивление немецким войскам. Шеф верховного главнокомандования (ОКВ) требовал от солдат и офицеров вермахта любыми мерами сломить вся-

кое сопротивление советских людей *. Этого следует добиваться, настаивал Кейтель, «не путем судебного наказания виновных, а распространением со стороны оккупационных властей такого страха и ужаса, который отобьет у населения всякое желание противодействовать». Он нацеливал командующих войсками вермахта на то, чтобы они сами изыскивали «средства для обеспечения порядка в охраняемых районах, не запрашивая новых охранных частей, а применяя соответствующие драконовские меры» ²⁸.

Основные принципы в проведении массовых экзекуций отчетливо прослеживаются и в распоряжении ОКХ, отданном через два дня после приказа Кейтеля от 23 июля. Распоряжение требовало, чтобы помимо беспощадного подавления активного сопротивления немецким войскам незамедлительно пресекались любые акции, направленные на подрыв мощи вермахта. Всех подозрительных, виновность которых трудно или нельзя установить, но которые представляют опасность «с точки зрения их взглядов и поведения», следовало без промедления передавать в распоряжение подразделений СС.

Жесткие меры террора устанавливались указом Розенберга от 23 августа 1941 года. За малейшее нарушение оккупационных порядков виновных рекомендовалось карать смертью. Аналогичную линию поведения рекомендовала инструкция статс-секретаря Бакке о поведении должностных немецких лиц на Востоке в обращении с русски-

* Вымысел буржуазных фальсификаторов о том, что будто вермахт вообще «терял все полномочия власти в тех областях, которые были переданы гражданскому управлению» (см., например, В. Retlinger, Ein Haus auf Sand gebaut. Hitlers Gewaltpolitik in Russland 1941—1944, Hamburg, 1962, s. 88), и потому не несет никакой ответственности за совершенные там преступления против мирного населения, опровергается множеством документов, в которых обозначены полномочия вермахта на оккупированной территории. Уже в директиве Кейтеля от 14 марта 1941 г. от командования войсковых частей требовалось сотрудничать с рейхскомиссариатами в выполнении ими «политических задач» (карательной политики.— Я. П.). 4 апреля 1941 года было подписано соглашение между ОКХ и СС о том, что айзатцгруппы (отряды по уничтожению людей) подчиняются армейскому командованию. Так официально был установлен контакт, который после 22 июня сразу принес плоды. Айзатцгруппы и зондеркоманды уже в первые месяцы военных действий на Востоке докладывали: отношения с армией «превосходные», «тесные», даже «почти сердечные» (см.: Чарльз Р. Аллен. Хойзингер из четвертого рейха. М., 1967, стр. 118).

ми. «Вы должны уяснить себе, — поучал Бакке, — что вы на целые столетия (! — *Я. П.*) являетесь представителями Великой Германии и знаменосцами национал-социалистской революции новой Европы. Поэтому вы должны с сознанием своего достоинства проводить жестокие и самые беспощадные мероприятия, которых требует от вас государство»²⁹.

В таком же духе были выдержаны циркуляры и инструкции, исходившие от других высокопоставленных чинов и инстанций фашистской Германии.

По замыслам гитлеровской верхушки массовый террор и садистская жестокость, уничтожение населенных пунктов вместе с жителями должны были навести неимоверный страх и ужас на население оккупированных районов и, таким образом, затормозить развертывание и углубление патриотической борьбы в тылу оккупантов. В своем приказе от 16 сентября 1941 года «О подавлении коммунистического повстанческого движения» Кейтель требовал: «...Повсюду пустить в ход самые крутые меры для подавления в кратчайший срок этого (партизанского. — *Я. П.*) движения... Следует по первому поводу немедленно принять самые суровые меры для утверждения оккупационных властей и предотвращения дальнейшего расширения движения. При этом следует учитывать, что на указанных территориях человеческая жизнь ничего не стоит, и устрашающее воздействие может быть достигнуто только необычайной жестокостью». В качестве искупления за жизнь убитого немецкого солдата Кейтель рекомендовал подвергать смертной казни 50—100 заложников. К тому же сам «способ приведения приговора в исполнение должен еще больше усилить устрашающее воздействие»³⁰.

С каждой очередной неудачей гитлеровцев на фронте режим кровавого террора и массовых репрессий при установлении «нового порядка» нарастал. В первых числах декабря 1941 года на свет появилась изощренная по жестокости директива Кейтеля «Ночь и туман». «В оккупированных областях гражданские лица не немецкой национальности, выступающие против империи или оккупационных властей... подлежат принципиально смертной казни»³¹. 12 декабря была издана еще одна директива о расстрелах. Подобные приказы, инструкции и распоряжения время от времени дополнялись, конкретизировались и действовали в течение всего периода фашистской оккупа-

ции. Сплошь и рядом все эти омерзительные, человеконенавистнические директивы ревностно проводились в жизнь не только СС, СД, айнзатцгруппами, айнзатцкомандами, но и с тупой убежденностью в своем расовом превосходстве регулярными частями вермахта.

В настоящем историческом очерке нет возможности подробно остановиться на всех целевых людоедских установках, исходивших от командных инстанций фашистской Германии. Но даже краткий перечень приведенных выше документов и материалов из черной книги преступлений фашизма со всей очевидностью показывает, что германский генералитет еще задолго до возникновения на оккупированной гитлеровскими войсками территории массового партизанского движения тщательно разработал открытую террористическую программу, планы варварского уничтожения миллионов советских людей. Адская машина по истреблению человеческих жизней была пущена в ход в первые же дни осуществления плана «Барбаросса».

Как видим, не составляет особого труда доказать, что стратегические планы и конкретные деяния германского империализма — а фашизм как террористическая диктатура монополистической буржуазии был его детищем — убедительнейшим образом подтверждали выводы В. И. Ленина о том, что «класс, который господствует, определяет политику и в войне»³² и что монополистический капитал и его порождение — империализм — это жесточайшая «реакция по всей линии при всяких политических порядках»³³. «И во внешней политике, и во внутренней, одинаково, — указывал В. И. Ленин, — империализм стремится к нарушениям демократии, к реакции. В этом смысле неоспоримо, что империализм есть «отрицание» демократии вообще...»³⁴ Что касается германского милитаризма, то его зловещая физиономия исчерпывающе была обрисована В. И. Лениным еще в период первого крестового похода империалистических государств против Страны Советов. В «Письме к американским рабочим» В. И. Ленин отмечал, что «германские разбойники побили рекорд по зверству своих военных расправ»³⁵.

Указывая на специфические черты и формы проявления внешней функции германского империализма, уместно подчеркнуть непреходящее значение марксистско-ленинских выводов о том, что современный милитаризм в обеих своих наиболее типичных функциях (как агрессив-

ная сила на внешней арене и как орудие жестокого угнетения прогрессивных общественных сил внутри страны) представляет собой явление, органически присущее самой капиталистической системе³⁶, что обе его функции, несомненно, являются результатом единой политики господствующих классов. При этом подавление всех прогрессивных сил внутри страны в то же время является решающим условием для начала и претворения в жизнь как экспансии в другие государства, так и функций угнетения.

Вдумываясь в цифры и факты бесчисленных злодеяний, совершенных германским фашизмом перед человечеством, невольно задаешься вопросом: как же все-таки могло получиться, что талантливая и высококультурная нация, подарившая миру столько гениальных умов, могла значительной своей частью скатиться в помойную яму фашизма; как могло произойти, что шовинистические взгляды и устремления моральных подонков стали господствующими в сознании людей и растоптали, задушили все живое, честное, передовое; каков был тот нравственный и психологический процесс, который проходил в рядовом человеке, превращая его в послушное орудие нацизма? Вполне понятен тот факт, что моральное растрепывание миллионов простых немцев не произошло само собою и как-то вдруг. Этот процесс продолжался, безусловно, в течение многих лет и обуславливался рядом причин. Мы остановимся лишь на наиболее основных из них.

Во-первых, в разбитой и униженной Версальским договором Германии сравнительно легко было обмануть изнуренную, изголодавшуюся народную массу предоставлением ей всеобщей трудовой занятости (разумеется, это было достигнуто на щедрое финансирование германских и иностранных милитаристов-воротил банковского и промышленного капитала), отвлекая ее шовинистическим национализмом от интернациональной солидарности с трудящимися других государств, от широкой классовой борьбы внутри своей страны.

Во-вторых, немалая заслуга в одурманивании людей принадлежала бешеной нацистской пропаганде, развернутой на колоссальные средства, отпускаемые промышленниками. Безудержная геббельсовская демагогия каждодневно отравляла сознание миллионов немцев, методично готовила их к убийствам и насилию, грабегам и разбою. В немецком народе, и особенно в армии, в течение многих

лет всячески культивировались и воспитывались самые низменные страсти. Используя государственный аппарат, все средства идеологического и морального воздействия, апеллируя к национальным и расовым предрассудкам, устойчивым привычкам, обычаям и психологическим особенностям людей, нацисты разжигали отвратительные человеческие инстинкты, развращали сознание немецкого народа, в первую очередь молодежи. Идеологи и политики фашистской Германии в своих выступлениях неоднократно подчеркивали необходимость воспитания у молодежи чувства национального превосходства, призывали растить и закалять ее для насилия и жестокости по отношению к другим народам. Стремясь привить немцам ложное чувство расового превосходства, нацисты стали на путь жестокого преследования евреев в собственной стране. Террор и незаконные против евреев и других национальностей в Германии явились своего рода «стажировкой», подготовкой к предстоящим истребительным кампаниям в странах Западной Европы и на территории СССР. Ни для кого не является секретом, что при помощи реакционной человеконенавистнической идеологии, проповеди шовинизма и оголтелого национализма, расистских и реваншистских идей, в сочетании с безудержной демагогией и репрессиями, германскому фашизму удалось как в идеологическом, так и в организационном отношении сколотить многочисленные кадры преступников, полных лютой ненависти и злобы к другим народам, и прежде всего к советским людям. В быту фашистские палачи выглядели буднично, как заурядные обыватели, приверженные привычкам, как люди, которым непонятно проявление гуманной мысли и человеческого сострадания. Эти вышколенные преступники состояли не только из числа эсэсовцев. Они были и в мундирах вермахта, и в элегантных смокингах, и во фраках чиновников государственных учреждений. Вымуштрованные погромщики и убийцы являлись прямыми исполнителями преступной, авантюристической политики германского империализма, олицетворением варварства и бесчеловечности.

Несомненно, что определенное влияние на формирование самых низменных инстинктов у солдат и офицеров вермахта оказали традиции германского милитаризма, дух прусской военщины. Германский фашизм и его детище — вермахт хорошо усвоили и взяли себе на вооружение ос-

повные постулаты военной политики кайзера Вильгельма II, с которыми он выступал еще в начале первой мировой войны. «Все должно быть утоплено в огне и крови. Необходимо убивать мужчин и женщин, детей и стариков. Нельзя оставить ни одного дома, ни одного дерева»³⁷, — поучал Вильгельм II.

Фашизм как метод политического господства империалистической буржуазии идейно примыкал к ницшеанству. Именно Фридрих Ницше (1844—1900 гг.), фанатичными последователями которого в период гитлеризма были нацисты из ведомства Геббельса, указывал «властителям» принципы моральной идеологии, которым они должны-де следовать, чтобы отстоять свое господство и удерживать массы в повиновении. Предвосхищая идеологию и практику германского фашизма, Ницше указывал, что «господа земли» должны составлять сплоченный замкнутый коллектив. Среди равных себе они должны строго придерживаться определенных обычаев, традиций и обнаруживать высокие человеческие качества: верность, любовь, дружбу, великодушие. Но вне своего круга «господа земли» освобождаются от всяких социальных и моральных уз. По отношению к другим человеческим индивидуумам они должны быть подобны хищным зверям. «Сверхчеловеку» нет дела до объективной истины, существующей вне его и независимо от него. Для него нет никаких общечеловеческих принципов добра и зла: он сам создает свою «истину», свое «добро». «Сильные» не должны и не имеют право стеснять себя в средствах подавления слабых, на их стороне сама жизнь с ее вечным законом воли и власти. «Главное в хорошей и здоровой аристократии то, — поучал Ницше, — что она чувствует себя *не функцией... а смыслом* и высшим оправданием, — что она со спокойной совестью принимает жертву бесконечного количества людей, которые *ради нее* должны быть придавлены, принижены до положения несовершенных людей, рабов, орудий... Отдельный человек устраниется в этом случае, как неприятное насекомое; он стоит слишком низко, чтобы иметь право возбуждать тяжелые ощущения у властителя мира»³⁸.

Все эти идеи о «воли к власти» и завоеваниях, о воспитании новой расы, о расовой чистоте и морали господ, о «высшем смысле жизни» и т. д. были всецело взяты на вооружение идеологами и политиками фашистской Германии и непосредственно практически осуществлялись в кро-

вавой внутренней и внешней политике. Фашистское государство по своему характеру представляло общественную систему, в которой преступление и варварство были возведены в ранг державной политики, проходили красной нитью через всю экспансионистскую программу нацистской партии.

Таким образом, комплекс организационно-практических и идеологических мероприятий в сочетании с другими факторами позволил германскому фашизму увлечь за собой довольно значительную часть немецкого народа. В Обращении Центрального Комитета Коммунистической партии Германии к немецкому народу от 13 июля 1945 года говорилось: «Наше несчастье состояло в том, что многие миллионы немцев оказались в плену нацистской демагогии, что яд звериной расовой теории, теории «борьбы за жизненное пространство» смог отравить душу народа. Наше несчастье состояло в том, что широкие слои населения потеряли элементарное чувство порядочности и справедливости и последовали за Гитлером, когда он обещал им, в результате войны и грабежа, хорошо накрытый стол к обеду и ужину за счет других народов»³⁹.

Однако в полной мере зловещим планам нацизма не суждено было осуществиться. Беспредельный героизм и упорство, проявленные в боях с врагом воинами Красной Армии, мужество и стойкость советских партизан и подпольщиков, их неразрывная связь со всем населением временно оккупированных районов привели к крушению бредовых планов «молниеносной» войны и всей фашистской стратегии на Востоке. И вот именно этот провал, а не «жестокость» советских партизан вызвал усиление массового террора и садистских репрессий по отношению к коренному населению и военнопленным со стороны гитлеровцев.

Вермахт — главный инструмент по „умиротворению“ захваченных районов

Гитлеровские войска, непосредственно принимавшие участие в осуществлении захватнической экспансии на Востоке, не гнушались ничем при претворении в жизнь генеральной линии германского милитаризма.

При этом, как мы указывали ранее, фашистское командование, чтобы предоставить своим войскам полную свободу в осуществлении политики массового истребления населения и снять с них всякую ответственность за преступные действия, предписывало к партизанам относить любого советского человека. На совещании военных юристов и офицеров гитлеровской контрразведки, проходившем накануне нападения империалистической Германии на СССР, Мюллер, генерал для особых поручений, заявил: «Под понятие «партизан» подпадает каждый, кто, будучи гражданским лицом, затрудняет сам или подстрекает других затруднять действия германских вооруженных сил»⁴⁰. Подобное признание уже после войны сделал и бывший эсэсовский генерал фон Бах-Зелевский. Когда на Нюрнбергском процессе ему был задан вопрос, как немецкие войска отличали партизан от мирного населения, он ответил, что такого разграничения не было. Если нас, пояснял он, обстреливали из леса, из деревни, из местечка — это означало, что все, кто там находился, считались партизанами. И, естественно, к ним применялись меры возмездия⁴¹.

Следует иметь в виду, что, основываясь на общих указаниях и конкретных политических директивах, фашистские генералы сами также вырабатывали соответствующие инструкции и наставления, нацеливавшие солдат вермахта на беспощадное истребление советских людей, непосредственно руководили массовыми репрессиями. В изданном 19 июля 1941 года командующим 16-й армией (группа армий «Север») генералом Бушем наставлении «О мероприятиях против партизанского движения в тыловом районе армии» говорилось: «В тех местах, где германские вооруженные силы подвергаются вероломному нападению, а обстоятельство не позволяют быстро установить персональных виновников — незамедлительно проводить... массовые репрессии»⁴².

В этом же духе был составлен признанный «образцовым» приказ командующего 6-й армией (группа армий «Юг») генерал-фельдмаршала Рейхенау от 10 октября 1941 года о поведении подчиненных ему войск на Востоке. В духе требований Гитлера в нем указывалось, что главной целью германского вторжения в Россию является полное искоренение большевистской политической системы и ее влияния на другие народы, особенно — «на ев-

ропейскую культуру». В этом «спасительном» походе перед немецкими солдатами возникают задачи, выходящие за рамки обычных обязанностей войны: немецкий солдат «не только воин, действующий по всем правилам военного искусства, но и носитель не знающих компромисса идей нации». В силу этого солдаты фюрера «должны ясно понимать необходимость сурового... возмездия по отношению к еврейско-большевистскому недочеловеку». Ретивый генерал поучал своих подчиненных, что уничтожению подлежат также и все то, что могло бы напоминать советским людям о прежнем государственном режиме: атрибуты Советской власти, в том числе и здания, исторические памятники, библиотеки, художественные ценности и т. п. Любое противодействие со стороны населения — пресекать жесточайшим образом. «Для уничтожения партизан нужно, — настаивал Рейхенау, — применять такие способы борьбы, которые никогда не соответствовали нашему народу и никогда не применялись немецкими солдатами против враждебного нам населения»⁴³.

На этом документе мы останавливались так подробно не только потому, что в нем, как ни в одном другом подобном документе, суммированы политические, классовые цели германского милитаризма, но также и из-за того резонанса, который он произвел на высшие военные инстанции. Уже на третий день после появления на свет приказа Рейхенау командующий группой армий «Юг» ознакомил с ним всех командующих армиями и командиров корпусов, указав при этом, что он «полностью согласен» с содержанием его, а также с тем, чтобы отдавать подобные приказы по мере необходимости.

В конце октября 1941 года генерал-квартирмейстер ОКХ Вагнер, действуя в соответствии с указаниями Браухича, распространил положения этого приказа на все группы армий, танковые группы и тыловые немецкие войска. Уместно отметить, что приказ Рейхенау настолько соответствовал собственным взглядам большинства высокопоставленных чинов вермахта, что, например, Манштейн и Гудериан взяли его за основу почти без изменений. Другие действовали в его духе. «Всякий, кто будет встречен позади линии фронта с оружием в руках, — наставлял в ноябре 1941 года своих подчиненных командующий 4-й немецкой армией фон Клюге (группа армий «Центр»), — или будет совершать враждебные действия по отношению к герман-

ской армии — подлежит расстрелу на месте. Во всех этих случаях действовать беспощадно»⁴⁴.

Генералитет вермахта, командующие группами армий и воинских соединений требовали от солдат и офицеров не задумываться над тем, против кого они применяют оружие, призывали безжалостно истреблять любого советского человека. В одном из обращений командования гитлеровской армии к солдатам и офицерам вермахта говорилось: «У тебя нет сердца и нервов, на войне они не нужны. Упичтожь в себе жалость и сострадание — убивая всякого русского, советского, не останавливайся, если перед тобою старик или женщина, девочка или мальчик — убивай, этим ты спасешь себя от гибели, обеспечишь будущее своей семьи и прославишься навеки»⁴⁵.

Таков был «кодекс чести», таковы были «рыцарство» и «благородство», которыми столь часто любили похвастаться «чувствительные душой» гитлеровские генералы, которым-де были глубоко противны «антигуманные» методы и средства партизанской войны.

Имея полную свободу действий в выполнении преступных приказов и инструкций, гитлеровские солдаты и офицеры не считались ни с какими законами и требованиями человеческой морали. Классовая и национальная ненависть, предвзятость, обусловленные фашистским идеологическим дурманом, оказали роковое воздействие на поведение военнослужащих немецко-фашистских войск. Орды отборных головорезов, воспитанные в духе милитаризма и звериной ненависти к советским людям, отравленные ядом нацизма, убежденные в своей расовой исключительности, совершали массовые убийства советских граждан. Они с садистским наслаждением издевались над стариками, детьми, женщинами и несовершеннолетними девушками-подростками.

Начиная с лета 1941 года под эгидой борьбы с партизанами гитлеровцы стали регулярно практиковать карательные операции и массовые экзекуции против мирных жителей. Кроме айнзатцгрупп и зондеркоманд для этой цели привлекалось большое количество регулярных войск вермахта, нередко даже вооруженных танками, авиацией и артиллерией. Первая такая крупная операция под кодовым названием «Припятские болота» («Припятзумпфе») была проведена в конце августа — начале сентября в районе пинских болот и реки Припять. В ней приняли участие

два кавалерийских полка 1-й кавбригады СС, моторизованные и артиллерийские части 162-й и 252-й пехотных дивизий, флотилия на реке Припять. Гитлеровцы с огнем и мечом прошли с запада на восток по территории Пинской, Полесской, части Минской и Гомельской областей, оставляя позади себя руины сожженных деревень и сел, тысячи «попутно» расстрелянных и зверски замученных ни в чем не повинных советских граждан. Один из «усмирителей», командир кавалерийской бригады штандартенфюрер СС Фегелейн итогом своей операции считал 13 798 уничтоженных местных жителей⁴⁶. Разумеется, со стороны немецких солдат «серьезных потерь не было».

И все же, несмотря на это, он вынужден был признать явную неудачу проведенной операции. В своем донесении в высшие командные инстанции от 3 сентября 1941 года Фегелейн писал: «Захват и уничтожение партизанских групп при чрезвычайно плохих дорогах (?! — Я. П.) и в условиях лесистой местности является почти невозможным». Донесение заканчивалось мрачным итогом: «Как указывалось выше, появление в этой местности мелких банд будет иметь место и в будущем, и этого нельзя предотвратить»⁴⁷. Неудачливый «умиротворитель» ошибся лишь в одном: район белорусского и украинского Полесья в ближайшем будущем стал местом дислокации и активных боевых действий не мелких партизанских групп, а многотысячных партизанских соединений. Под руководством подпольных партийных органов патриоты освободили от оккупантов и прочно удерживали в своих руках огромную территорию, которую гитлеровцы, несмотря на все их старания, так и не смогли отвоевать у партизан.

Тщательно спланированные карательные операции, сопровождавшиеся массовыми репрессиями против мирных жителей, регулярно проводились немецко-фашистскими войсками во всех временно оккупированных советских районах. Один за другим следовали и жесточайшие контрпартизанские приказы, инструкции и наставления. В первые месяцы фашистской агрессии карательная операция была проведена в Беловежской пуще и прилегающих к ней районах. В августе 1941 года подразделения 221-й и 286-й охранных дивизий организовывали карательные операции в Ивацевичском районе (Барановичская обл.) и Лепельском (Витебская обл.). В это же время носители «пового порядка» силами подразделений 162-й и 252-й пехотных

дивизий с огнем и мечом прошлись по деревням и селениям Богушевского района. В итоговом сообщении об этой карательной экспедиции указывалось о расстреле более 13 тысяч человек гражданского населения и более 700 советских военнопленных. Фашисты предали огню деревни Голощекино, Застенки, Скрыги, Новязки, Тесы, ряд хуторов⁴⁸. Изуверство палачей не знало предела.

Горела земля под ногами захватчиков в оккупированных районах северного участка советско-германского фронта. Командующий войсками группы армий «Север» генерал-фельдмаршал Лееб вынужден был 7 августа 1941 года отдать подчиненным ему войскам предостерегающий приказ: «Возросшая деятельность партизан делает невозможным проезд через сельские местности отдельных солдат и мелких отрядов». Проезжать через села рекомендовалось лишь после того, как «ближайший орган военной власти» сможет «установить безопасность данного села»⁴⁹.

Чтобы обезопасить оперативный тыл, в конце осени — начале зимы 1941 года силами армейских подразделений группы армий «Север» была проведена «очистительно-умиротворяющая» операция против партизан Ленинградской области. При наведении «порядка» озверелые банды головорезов под предлогом борьбы с партизанами уничтожили сотни мирных граждан, сожгли десятки селений⁵⁰.

Перечень карательных экспедиций, проведенных оккупантами уже в 1941 году, можно было бы продолжить. Однако и приведенных примеров вполне достаточно, чтобы убедиться в том, что это не были случайные акции войск немецко-фашистской армии. Это были хорошо продуманные и организованные действия, которые планировались и проводились с согласия вышестоящего командования вермахта.

Так продолжалось в течение всего периода гитлеровской агрессии. Оккупанты надеялись, что путем преследований, массовых репрессий и травли им удастся ликвидировать «неожиданно появившиеся» патриотические силы сопротивления. Получилось же наоборот: накал партизанской войны с каждым днем нарастал. И противник не в силах был ни затормозить, ни справиться с этим процессом.

В принятых 25 октября 1941 года генеральным штабом германской сухопутной армии и подписанных Браухичем «Руководящих указаниях по подавлению партизанского движения» подчеркивалось, что «борьба против партизан

не должна ограничиваться лишь собственной защитой... Враг должен быть искоренен полностью»⁵¹. Исполнители пошли значительно дальше: на дорогах позади линии фронта не должен появляться «ни один русский». Задержанных мужчин в гражданской и полугражданской одежде в возрасте от 17 до 50 лет, если они даже не вызывают никакого подозрения в принадлежности к партизанам, рекомендовалось тотчас же отправлять в концлагерь. Женщин и подростков — передавать в распоряжение старост и комендатур с последующей отправкой на работы в рейх. Тех же, кто вызывает подозрение в содействии партизанам или же хранит оружие, «хотя бы только бритву за голенищем», приказывалось расстреливать на месте, не взирая на пол и возраст, а самих партизан — вешать. Все казни производить публично, трупы казненных не убирать, а выставлять на обозрение. Устрашение усиливать путем вывешивания подписей на груди казненных: «Так наказывают партизан!»⁵²

Естественно, после каждого очередного приказа или инструкции на гражданское население с новой силой обрушивался коричневый смерч, иступленная злоба врага.

С целью упрочения оккупационного режима захваченная советская территория была покрыта густой сетью опорных пунктов и военных комендатур. В качестве территориальных оперативных штабов для находившихся в тыловых районах частей и подразделений вермахта, а также воинских учреждений служили районные, а иногда и областные комендатуры. Помимо этого на оккупированной территории размещалось большое количество городских и местных комендатур с военно-полицейскими гарнизонами.

В соответствии с директивой Кейтеля от 13 марта 1941 года влияние кадровых войск распространялось также и на области, которые находились в ведении «восточного министерства». В интересах этого в рейхскомиссариатах (позднее также и в генеральном комиссариате «Белорутения») были введены специальные командующие от вермахта с соответствующими контингентами войск и чрезвычайно широкими полномочиями: командующие имели право самостоятельно отдавать распоряжения по всем вопросам, которые они считали целесообразными непосредственно для вермахта и упрочения оккупационной власти.

Командующие вермахта, однако, ни в коем случае не ограничивались лишь решением чисто военных задач.

Напротив, директива Кейтеля от 13 марта 1941 года настоятельно нацеливала на:

а) тесное сотрудничество с рейхскомиссаром, поддержка его в решении политических задач;

б) использование [захваченной советской] земли и охрана ее хозяйственных ценностей для нужд германской экономики...

в) использование земли для снабжения войск по требованию главного командования сухопутных сил»⁵³.

Эти задачи еще раз были подтверждены также и в приказе Гитлера «О передаче всей полноты власти на оккупированной территории командующим войсками вермахта» от 25 июня 1941 года. В нем указывалось, что командующие войсками вермахта на оккупированных советских территориях имеют всю полноту военной и административной власти. Их прямой обязанностью является «как обеспечение безопасности с военной точки зрения оккупированной территории, так и защита ее от внезапного нападения извне». Командующие «обязаны оказывать помощь рейхскомиссарам в решении ими административных и политических задач и являются единственными представителями интересов вермахта»⁵⁴.

Число «законных представителей интересов вермахта» на оккупированной советской земле исчислялось сотнями тысяч. Например, в Белоруссии, которую по признанию командующего войсками вермахта в генеральном комиссариате «Остланд» генерала Бремера в середине сентября 1941 года еще «никак нельзя было рассматривать как умиротворенную страну»⁵⁵, действовали (помимо подразделений тайной полевой полиции, жандармерии, войск СС и специальных подразделений по борьбе с партизанами) части трех охранных (221-й, 286-й и 403-й), двух пехотных (339-й и 707-й) дивизий, многочисленные резервные артиллерийские, танковые, авиационные и пехотные части и подразделения вермахта. В последующий период потенциал регулярных войск вермахта наращивался: на оккупированную территорию Белоруссии поэтапно были введены подразделения еще двух охранных дивизий, увеличен контингент резервных войск вермахта. Наряду с отвлечением на «очаги восстания» регулярных войск вермахта противник практиковал активное использование для этих целей формирований стран-сателлитов фашистской Германии. Какие размеры приняло применение охранных со-

единений и фронтовых частей для подавления партизанских действий, говорят такие факты, как: в ноябре 1941 года командование 11-й армии выделило до корпуса немецких и румынских войск для борьбы с крымскими партизанами; к февралю 1942 года число охранных дивизий с девяти было увеличено до двенадцати.

Такое положение было характерно для всего периода гитлеровской оккупации советской территории.

Командующие войсками вермахта в тесном сотрудничестве с имперскими комиссарами, командованием СС, службой полиции безопасности и СД, не гнушаясь совестью и не думая о возможном возмездии, в течение всей войны отдавали самые разбойничьи приказы (и активно участвовали в их осуществлении) об уничтожении всех, кто хотя бы в какой-либо форме противодействовал установлению «нового порядка» на захваченной территории. Оккупационные части немецкой армии составляли главную опору репрессивного режима. Германская военщина принимала самое непосредственное участие в ликвидации советских выборных органов, государственных и общественных учреждений, в замене их реакционными оккупационными органами управления, в ограничении свободы передвижения, в организации принудительных работ, в массовых преступных «усмирительных» акциях против мирного населения.

Но, несмотря на все мероприятия оккупантов и их репрессивные меры, упорная и самоотверженная борьба народа в различных организационных формах и проявлениях день ото дня ширилась и крепла. И этот факт не в силах были ни скрыть, ни замолчать даже сами главари «третьего рейха». Штабы групп армий и оккупационные органы скрупулезно и педантично «обобщали опыт» и совершенствовались «контрпартизанскую» тактику. 10 мая 1942 года по указанию «фюрера» генеральный штаб сухопутных сил определил «усовершенствованный» метод действий против советских патриотов: прежде всего необходимо раздробить партизанское формирование на мелкие части, а затем уничтожить их порознь. В журнале боевых действий ОКВ 8 июня 1942 года записано: «...В партизанских котлах в тыловой области севернее Брянска и южнее Дорогобужа наши войска смогли добиться дальнейшего захвата местности и положить начало сужению котла. Несмотря на стойкое сопротивление, удалось занять много населенных пунк-

тов, установить связь между отдельными, двигающимися друг к другу ударными клиньями и таким путем создавать новые, меньшие котлы»⁵⁶.

Но «умиротворение» достигалось дорогой ценой. В силу этого Гитлер, определяя 16 июня 1942 года задачи группы армий «Центр», придавал важнейшее значение «очищению тыловой области за 4-й армией» (смоленско-вяземское направление)⁵⁷.

Начиная с весны — лета 1942 года в терминологию гитлеровского штаба сухопутных сил появляется понятие: «тыловой фронт», которому суждено было прочно укрепиться до самого конца войны. На «тыловом фронте» летом 1942 года для ведения борьбы с партизанами было задействовано, по неполным данным, до 350 тыс. фашистских солдат. Кроме того, для этих целей по линии ведомства Гимmlера было выделено свыше 327 тыс. человек. В начале июня штаб 4-й армии сообщал в вышестоящие инстанции: «тыловой фронт»: наши силы, введенные для сужения котла в районе Дорогобужа, Ельни, смогли продвинуться дальше, наступая с севера, востока и юга»⁵⁸.

Однако ОКХ плохо был осведомлен о силах и планах советских партизан. Только во второй половине июня 1942 года ему удалось определить: рейдирующую группировку партизан в количестве 4 тысяч человек западнее города Кирова возглавляет генерал П. А. Белов. Его цель — с боями прорваться на соединение с советскими войсками. Более чем скромный успех антипартизанских действий привел в конце августа 1942 года штаб ОКВ к выводу: «В борьбе с повстанцами (Югославия.— Я. П.), как и с партизанами в России, мы недостаточно тверды. Цель может быть достигнута только жесточайшими действиями и отрицанием всех европейских сдерживающих моментов»⁵⁹.

Активные действия партизан у Ельни вынудили противника бросить против них 19-ю танковую дивизию и ряд подразделений вспомогательных войск. Регулярные донесения командования группы армий «Центр» в штаб ОКХ на протяжении ряда месяцев 1942 года полны сообщений о «партизанских концертах» на железнодорожных коммуникациях на территории Орловской области, об упорном сопротивлении народных мстителей Белоруссии, а также северо-восточнее Вязьмы и в других районах. «На южном участке группы армий,— сообщал Клюге 7 июля,— ведется упорная борьба с партизанами». Ровно через три дня по-

следовало новое донесение: «На шоссе Рославль — Брянск идет сражение между нашими войсками и сильным партизанским соединением»⁶⁰.

Подразделения вермахта были втянуты в затяжную борьбу с партизанами до тех пор, пока кавалерийская группа П. А. Белова не соединилась с частями Красной Армии на фронте. Начальник генштаба сухопутных сил 16 июня 1942 года в своем дневнике записал: «На фронте группы армий «Центр» войска русского генерала Белова снова прорвались в направлении Кирова. Нам это не делает чести!»⁶¹ И 17 июня: «Кавалерийский корпус генерала Белова действует теперь западнее Кирова. Как-никак он отвлек на себя в общем 7 немецких дивизий»⁶².

Выражая благодарность П. А. Белову за активные действия корпуса и приданной ему «Особой группы партизанских отрядов» в тылу врага, командование Западного фронта подчеркивало: «Благодаря прорыву корпуса в тыл противника в районах Вязьма, Дорогобуж, Ельня и других на новую ступень поднялось и расширилось партизанское движение; его воздействие на противника с каждым днем усиливается»⁶³. Военный совет фронта нацеливал командование корпуса на продолжение работы по усилению активности партизан, расширению районов их боевой деятельности.

Испытывая большие затруднения в боеприпасах и средствах, партизаны, однако, в течение весны — лета 1942 года все же сумели держать войска группы армий «Центр» в состоянии растущего напряжения. И только когда 30 июля советские войска перешли в наступление, начав Ржевско-Сычевскую наступательную операцию, положение партизан заметно улучшилось. Историограф гитлеровской Германии Хельмут Грейнер в журнале боевых действий ОКВ отмечал: «Главный участок борьбы находится в группе армий «Центр», на рубеже 9-й армии, восточнее Зубцова и севернее Ржева, где русские с 30 июля атаковали крупными силами пехоты и танков и к 4 августа осуществили широкий и глубокий прорыв»⁶⁴. Генерал Варлимонт пояснял положение войск вермахта: «Глубокое нападение партизан потрясло тыл и снабжение фронта особенно в этом районе»⁶⁵. Попытка гитлеровцев перейти 11 августа в наступление вскоре провалилась. Войска фон Клюге оказались под ударами с фронта и тыла.

Командование армейской группировки «Центр» 15 ию-

ля 1942 года доносило в «Вольфшпанце» («Волчье логово» — ставка Гитлера.— *Я. П.*), что оно ввело в дело «боеспособные дивизии для оперативного боевого использования против партизанских соединений»⁶⁶. Регулярные войска провели здесь в течение августа, по данным штаба, 25 крупных «антипартизанских» акций, в которых участвовало 67 батальонов и 4 роты вермахта. Тот же журнал боевых действий ОКВ 14 августа 1942 года констатировал: «Тыловые коммуникации группы армий («Центр».—*Я. П.*) сильно разрушены партизанами; в настоящее время в тыловом районе группы армий «Центр» прерваны все железнодорожные линии, кроме одной-единственной. Для борьбы с партизанами должны быть привлечены войска из генерал-губернаторства»⁶⁷. Вечером того же дня Клюге заявил генеральному штабу сухопутных сил: имеющимися в наличии силами он «больше не в состоянии удерживать позиции 3-й танковой и 9-й армий» и потребовал резервных войск. Но переброска обещанных двух дивизий по единственно свободной от партизан железной дороге отняла слишком много времени⁶⁸.

Словно из рога изобилия сыпались донесения — одно другого хуже — от командующих тыловыми районами групп армий, охранными дивизиями, от айнзатцгрупп, зондеркоманд и командования других вспомогательных подразделений гитлеровцев. Все это побудило Гитлера издать очередную директиву — «Руководящие указания по усилению борьбы с бандитской деятельностью на Востоке» — печально известная директива Гитлера за № 46 от 18 августа 1942 года. В ней подчеркивалось, что партизанское движение на захваченной советской территории превратилось в серьезнейшую опасность для оккупационной политики, снабжения фронта и хозяйственного использования страны. Исходя из этого, перед регулярными войсками вермахта ставилась вполне конкретная задача: «Борьба против банд, как и боевые действия против врага на фронте, является делом военного командования. Она должна быть организованной и вестись предусмотренными для этих целей штабами оперативного руководства». Заключение «Руководящих указаний» требовало: до наступления зимы всеми силами и средствами ликвидировать партизанское движение в оккупированных районах СССР. А поэтому «в угрожаемых бандитской деятельностью районах не должно быть ни одного немца, который в какой-либо фор-

ме не участвовал бы в борьбе против банд»⁶⁹. Более чем конкретное требование к доблестным солдатам «фюрера»! Совершенно очевидно, что главный смысл его сводился к установлению массового и еще более свирепого террора на оккупированной территории, который гитлеровцы широко практиковали при подавлении всенародного партизанского движения.

В соответствии с директивой № 46 общее руководство по борьбе с партизанами в прифронтовой полосе возлагалось на оперативный отдел генерального штаба, возглавляемый Хойзингером. На основании этой директивы ему были подчинены, а следовательно и командующим войсками, все полицейские силы, дислоцировавшиеся в прифронтовом районе. Одновременно прямая ответственность за проведение карательных операций, которая до этого лежала в большинстве случаев на командующих войсками оперативного тыла, была возложена непосредственно на командующих армиями и группами армий.

Во исполнение указаний Гитлера оперативный отдел генерального штаба сухопутных войск Германии в форме служебного предписания осенью 1942 года разослал командующим действовавшими на нашем фронте армиями «Боевое наставление по борьбе с партизанским движением на Востоке». В нем, по сравнению с ранее принятыми директивами, были значительно расширены задачи фашистских войск в плане использования их против советских партизан и подпольщиков. И вновь террор утверждался как лучшее средство по «умиротворению». Директива требовала «при всех комендатурах, охранных и других дивизиях, находящихся в тылу и ведущих борьбу с партизанами, срочно сформировать карательные отряды», вооружение коих «должно быть особенно хорошее и разумно подобрано». И в этом служебном предписании особый акцент делался на массовые экзекуции по отношению к советским людям, как их требовал верховный главнокомандующий в своем дополнении к приказу за № 46. «...Только там, где борьба с партизанской деятельностью началась и проводится с беспощадной жестокостью — успехи ее налицо. Они облегчают положение немецких войск, сражающихся на фронте. Поэтому на всей восточной территории война против партизан является борьбой за полное уничтожение одной из сторон»⁷⁰, — говорилось в боевом наставлении.

Приказ от 16 декабря 1942 года, подписанный Кейтелем, содержал те же драконовские указания о том, что войска вермахта в борьбе с партизанским движением «имеют право и обязаны применять... любые средства, без ограничения также против женщин и детей, если это только способствует успеху...

Проявление любого вида мягкотелости является... преступлением по отношению к германскому народу и солдату на фронте... Ни один немец, участвующий в боевых действиях против банд, за свое поведение в бою против бандитов и их сообщников не может быть привлечен к ответственности ни в дисциплинарном, ни в судебном порядке»⁷¹.

Как видим, чем мощнее нарастал шквал народной войны в тылу оккупантов, тем интенсивнее шел процесс совершенствования методов борьбы с патриотами, дальнейшего втягивания гитлеровского военного руководства и войск вермахта в борьбу против народа, отстаивающего честь и свободу своей социалистической Родины.

Отрезок времени с весны 1942 до осени 1943 года был периодом очень активных усилий вражеского командования по ликвидации мужественной борьбы советских людей в тылу гитлеровских войск. Путем применения превентивных средств — расширением масштабов репрессивных мер, осуществлением тактики «выжженной земли», безудержной политической и социальной демагогией, подавлением в зародыше всякой мысли о сопротивлении — оккупанты надеялись потушить пожар народной войны, изолировать партизан и подпольщиков от местного населения, лишить их помощи и всесторонней поддержки. Типичным образчиком вражеского намерения полностью (в который раз!) покончить с героической борьбой народа на оккупированной гитлеровцами советской территории являлся изданный 27 апреля 1943 года главным командованием сухопутных сил Германии и подписанный самим Гитлером приказ о противопартизанской войне. От командования действующих войск вермахта этот приказ категорически требовал: «1. Считать борьбу с бандитизмом равнозначной боевым действиям на фронтах. Ею должны руководить оперативные отделы штабов армий и групп армий. Эта борьба должна вестись систематически. 2. Все пригодные для этой цели силы должны быть использованы». Кроме того: «Следует создать подвижные оперативные груп-

пы, которые способны немедленно в ударном порядке начать действия против обнаруженных банд»⁷². По указанию Гитлера в действующую армию были командированы специальные уполномоченные с целью проверки исполнения этого приказа.

Во исполнение указаний «фюрера» в районе оперативных действий, в тылу армий и армейских групп, а также на территории генерального округа Белоруссии были созданы и активно действовали специально обученные и хорошо вооруженные небольшие истребительные отряды — «ягдкоманды». Идея их создания принадлежала фашистскому палачу, пачальнику оперативного управления генштаба сухопутных сил Хойзингеру. Создавались «ягдкоманды» воинскими частями вермахта или полицейскими формированиями для уничтожения небольших партизанских сил, для расправы с населением партизанских зон, для осуществления провокаций с целью компрометации советских патриотов. Как видно из «Инструкции для истребительных команд» верховного командования сухопутных войск от 31 августа 1942 года, а также из других документов генералитета фашистской Германии, в состав команд входило от 40 до 100 солдат и офицеров, хорошо подготовленных и физически выносливых, ознакомленных с местностью, на которой предстояло действовать. Создавались эти истребительные отряды во всех охранных и прочих дивизиях, в полках и даже батальонах.

Провал гитлеровских планов по ликвидации партизанского движения

Ревностно повинаясь приказам и наставлениям Гитлера и его приближенных, войска вермахта с немецкой педантичностью и пунктуальностью вместе с частями СС и СД самым бесчеловечным образом, огнем и мечом расправлялись с советскими людьми: грабили и жгли селения, зверски уничтожали не только взрослое мужское население, способное носить оружие, но и стариков, женщин и детей. Осуществляя на практике запланированную накануне войны политику геноцида, войска вермахта в своем изуверском отношении к советскому народу всецело и неизменно руководствовались дьяволь-

ским принципом: «Чем больше погибнет людей, тем легче будет проводить колонизацию»⁷³. В этом заключалась кровавая сущность фашизма. И именно поэтому, а не по причине деятельности партизан, их «коварства» и «жестокостей», противоречащих рыцарским «обычаям войны», фашистские сатрапы расстреляли, сожгли живыми, заморили голодом и зверски замучили в концлагерях миллионы советских граждан, разрушили сотни городов, памятников культуры, стерли с лица земли тысячи деревень и поселков, уничтожили на многие сотни миллиардов рублей материальных ценностей. Всюду, где ступала нога оккупанта, оставались опустошенная земля, кровь и пепел.

Только в Белоруссии общий ущерб, причиненный оккупантами экономике республики за годы войны, составил свыше 75 миллиардов рублей, что равно 35 годовым бюджетам БССР предвоенного времени. В развалины были превращены белорусские города, преданы огню и разрушению 9,2 тысячи сел и деревень. Многие сотни из них постигла трагедия Хатыни, которую фашистские палачи сожгли вместе со всеми жителями. Около трех миллионов человек осталось без крова. Оккупанты разрушили более 10 тысяч промышленных предприятий. Они разграбили все колхозы, совхозы, машинно-тракторные станции. Захватчики за годы «хозяйничания», по существу, разграбили и уничтожили все общественное достояние белорусского народа. Еще более тяжелыми были потери в людях. Гитлеровцы уничтожили свыше 2 миллионов 230 тысяч жителей Белоруссии, погиб каждый четвертый человек⁷⁴.

На Украине за годы оккупации гитлеровцы, по далеко не полным данным, варварски уничтожили свыше 5 миллионов человек, более двух миллионов человек вывезли на каторгу в Германию. В областях РСФСР гитлеровцы истребили около 1,7 миллиона мирных граждан.

В общей же сложности на территории СССР, подвергшейся оккупации, гитлеровцы истребили около 9 миллионов мирных жителей, в том числе детей, женщин, стариков⁷⁵. Сотни тысяч советских граждан, насильственно вывезенных за пределы страны, погибли в фашистских лагерях смерти — Освенциме, Дахау, Майданеке, Бухенвальде, Маутхаузене, Заксенхаузене и других. Более 4 миллионов советских граждан были насильственно депортированы в фашистскую Германию, где многие из них нашли смерть в так называемых трудовых лагерях.

Неисчислимы и материальный ущерб, нанесенный нацистами нашему народу. Плоды созидательного труда миллионов людей и многих поколений были превращены в руины. Гитлеровцы сожгли и разрушили 1710 советских городов и поселков городского типа, более 70 тысяч сел и деревень, свыше 6 миллионов зданий. Около 25 миллионов человек остались без крова. Более 32 тысяч промышленных предприятий, 98 тысяч колхозов, 1876 совхозов, 2890 МТС, 4100 железнодорожных станций и множество других народнохозяйственных ценностей были взорваны, сожжены, разграблены или разрушены фашистами на территории СССР. В результате развязанной германским милитаризмом разбойничьей войны Советский Союз потерял около 30 процентов своих национальных богатств⁷⁶.

Нет сомнения, что жертвы, принесенные на алтарь победы, могли бы оказаться значительно большими, если бы на оккупированной советской территории гитлеровцы не оказались в пучине всенародной войны. В данном случае достаточно сослаться всего лишь на один пример. Из общей численности белорусских партизан около 80 тысяч патриотов несли охрану семейных лагерей, а также защищали от репрессий население деревень, находившихся в зонах партизанского контроля⁷⁷. Такое же положение наблюдалось и в других оккупированных районах Советского Союза. В силу этого многие миллионы советских граждан были спасены от фашистского варварства как в результате быстрого наступления Красной Армии, так и, несомненно, благодаря активным действиям партизан, подпольщиков, групп самообороны и героического сопротивления всего населения находившегося на оккупированной врагом территории.

Борьба с советским партизанским движением являлась неотъемлемой частью агрессивной войны, которую вела фашистская Германия против СССР. Для насильственного насаждения «нового порядка» и усмирения «непокорных» гитлеровское руководство ввело даже пост «главнокомандующего подавлением всех партизанских сил на Востоке». На эту должность в конце октября 1942 года был назначен известный фашистский палач Бах-Зелевский — начальник СС и генерал полиции в тылу группы армий «Центр». Особо уполномоченному рейхсфюрера СС по борьбе с партизанами подчинялись все эсэсовские и полицейские силы, постоянно использовавшиеся в «особо опасных» районах

тыла группы армий «Центр». Для взаимоотношений военных органов и этих частей характерно определение, разработанное Бах-Зелевским и Шенкендорфом 27 октября 1942 года, по которому их использование в прифронтовом районе должно было осуществляться на основе взаимной согласованности по указаниям своего командующего.

И хотя размах и глубина партизанского движения с неизбежностью обуславливали тот факт, что борьба противника с советскими патриотами представляла собой далеко не полицейскую акцию, а являлась уделом больших контингентов охранных и полевых войск вермахта, несущих всю ответственность за подавление массового народного сопротивления, штаб фон Бах-Зелевского все же проделал немало. Базируясь основным своим составом в Восточной Пруссии (вблизи Лютцена) и имея своих представителей в Минске и Могилеве, штаб разрабатывал и организовывал непосредственное осуществление ряда «усмирительных» акций против партизан и местного населения в тылу группы армий «Центр», направлял своих консультантов в охранные и воинские подразделения и т. д.⁷⁸

Штабом в ход было пущено все: тщательно спланированные карательные операции, лживая пропаганда и демагогия, безудержный террор и провокации, засылка в партизанские отряды гитлеровской агентуры и т. п. Палач Гиммлер дошел до того, что в своем приказе от 13 августа 1942 года «по психологическим мотивам, на основании указаний фюрера» нижестоящим инстанциям дал официальную команду: «...Введенное большевиками, возвышенное и прославляемое ими слово «партизан» в дальнейшем не употреблять», а всех советских патриотов, оказывающих любое сопротивление в тылу немецких войск, презрительно именовать «бандитами», «грабителями», «поджигателями»⁷⁹ и т. п. Этим самым гитлеровцы стремились подчеркнуть, что партизаны действуют в отрыве от народа, без его опоры и поддержки.

Но поразительно: все мероприятия и намерения противника сломить патриотический дух советских людей ни к чему не приводили. Изощренные методы «контрпартизанской» войны неизменно разбивались о неукротимые волны всенародной патриотической борьбы. Не понимая природы и движущих сил советского партизанского движения, фашистское военное руководство оказалось не в

состоянии ликвидировать или заметно ослабить героическую борьбу народа на оккупированной немецко-фашистскими войсками советской территории.

Подпольные партийные и комсомольские органы, партизанские командиры и комиссары не только каждодневно руководили всенародным патриотическим движением, но и умело разоблачали все идеологические ухищрения врага. Несмотря ни на что, бескомпромиссная борьба советских людей не прекращалась ни на один день, ни на один час. В силу этого гитлеровцы вынуждены были постоянно делать упор на акции чисто военного характера, используя для подобных операций не только полицейские, охранные и специальные силы, но и фронтовые части вермахта, вооруженные танками, артиллерией и авиацией. Проводя такие «операции», вражеские регулярные войска варварски расправлялись с местным населением: расстреливали, вешали, сжигали живыми, угоняли молодежь и дееспособную часть мирных граждан на каторжные работы в Германию, намереваясь тем самым не только терроризировать население, но и ослабить приток людских континентов в ряды вооруженных бойцов-партизан. Вот один из бесчисленного множества примеров: в докладе оперативного отдела группы армий «Центр» от 6 февраля 1943 года указывалось, что в ее полосе по состоянию на январь 1943 года в качестве «партизан» уничтожено более 100 тысяч человек, десятки тысяч отправлены в Германию⁸⁰. Не менее «успешно» действовали немецкие войска и в тылу других участков советско-германского фронта.

В последующий период 1943 года фашистское командование провело серию крупномасштабных «усмирительных» акций. Оно сосредоточило против советских патриотов помимо многочисленных карательных войск, охранных соединений и спецчастей СС и СД полмиллиона солдат вспомогательных войск и 25 дивизий из состава действующих армий — около десятой части всего личного состава, сражавшегося на советско-германском фронте. Следовательно, 10 процентов войск вермахта были заняты не в боях против Красной Армии, а вели борьбу с партизанами и подпольщиками, устанавливали репрессивный режим «расы господ» на временно оккупированной советской земле⁸¹. Кроме того, согласно статистике военного историка ГДР Г. Кюнриха, специально против народных мстителей гитлеровское военное руководство использовало в общей

сложности около 328 тысяч эсэсовцев, солдат и офицеров СД, полиции и жандармерии, около 500 тысяч различных вспомогательных войск⁸². Таким образом, если сравнить общую численность регулярных войск вермахта, участвовавших в подавлении советского партизанского движения, в пропорциональном отношении к чисто карательным и вспомогательным войскам, то становится совершенно очевидным, что абсолютно никаких доказательных обоснований не имеют под собой попытки бывших фашистских генералов и вторящих им в тон буржуазных фальсификаторов истории второй мировой войны в целом, и советского партизанского движения в частности, взвалить всю меру ответственности за массовые репрессии в оккупированных районах только на гестапо и службу безопасности. Офицеры и солдаты вермахта грубейшим образом нарушали международные правовые нормы и потому в равной степени с СС и СД ответственны за все те многочисленные тягчайшие злодеяния, которые фашизм совершил перед человечеством. Генералы, офицеры и солдаты вермахта, как подчеркивается в приговоре Международного военного трибунала, «опозорили почетную профессию воина. Без их военного руководства агрессивные стремления Гитлера и его сообщников были бы отвлеченными и бесплодными... Истина состоит в том, что они активно участвовали в совершении всех этих преступлений или были безмолвными и покорными свидетелями совершившихся преступлений в более широких и потрясающих масштабах, чем мир когда-либо имел несчастье знать»⁸³.

Однако ни «усмирительные» экспедиции, ни волны жестоких репрессий, ни пушки, танки и самолеты не смогли сломить волю народа — пламенного патриота своей социалистической Родины, не в силах были ослабить боевую активность народных мстителей. Партизанские ряды неуклонно росли и крепили, удары патриотов по врагу непрерывно усиливались, расширялись партизанские края и зоны.

В этом отношении весьма показательны мероприятия противника по ликвидации партизанских сил, проводимые им в первой половине 1944 года. Так, в апреле — мае оккупанты, используя временное затишье на фронтах, в преддверии перехода советских войск в наступление на центральном участке фронта, крупными силами обрушились на основные районы базирования партизанских фор-

мирований. Главные удары с участием регулярных войск были направлены в это время против партизан и населения Витебской, Минской, Могилевской, Брестской и Полесской областей, а также против патриотов Правобережной Украины. Намереваясь очистить свой оперативный тыл *, самую крупную за все время войны карательную операцию — «Праздник весны» («Фрюлингфест») — противник обрушился против обширной Полоцко-Лепельской партизанской зоны, на территории которой базировалось 16 партизанских бригад и один полк, оперативная группа БШПД общей численностью до 17 тысяч человек. Партизаны этой зоны охраняли около 80 тысяч населения, проживающего на территории зоны. Задачу по ликвидации зоны гитлеровцы намеревались осуществить в преддверии летней кампании, поскольку здесь с середины 1942 года фактическими хозяевами были партизаны. И несмотря на то что в декабре 1943 — феврале 1944 года противник большими силами пять раз пытался прорвать оборону Полоцко-Лепельской зоны, успеха достичь он так и не

* Тот факт, что в период проведения контрпартизанских акций гитлеровцы не только жестоко расправлялись с партизанами, но и «обезлюживали» прочесываемые районы, не в силах замолчать даже буржуазные авторы, откровенно извращающие историю советского партизанского движения. Так, западногерманский историк Э. Хессе пишет: «При проведении крупных карательных экспедиций против партизанских зон, которые осуществлялись совместными усилиями частей полевой полиции, СС или армейскими соединениями по типу «загона в котел», прежде всего считалось необходимым лишить партизанские отряды и группы свободы маневра и навязать им бои в крайне невыгодных для них условиях. Предпосылкой успеха таких операций являлось одновременное занятие круговых позиций (блокирование) всеми участвующими в операции частями. Подвижные резервы, находящиеся в постоянной боевой готовности в опорных пунктах вне кольца окружения, обязаны были уничтожать каждую партизанскую группу, прорывавшуюся сквозь кольцо окружения.

Сверх боевой задачи войскам, участвующим в такого рода операциях, поручалось... не оставлять в них (партизанских зонах.— *Ред.*) ни жилья, ни скота, ни продовольствия, а мужское население призывного возраста принудительно отправлять на работы в Германию... В ходе таких карательных акций не следует обращать внимания на то, что сельскохозяйственное производство в прочесываемых районах захиреет... Фронтные части должны угонять все население из очищаемых районов... Все трудоспособное мужское население партизанских районов должно передаваться имперскому рейхскомиссару для использования па работах на условиях воспноленных, а для женского населения предусматривалась отправка на работы в Германию» (Hesse, E. Op. cit, s. 201—202).

сумел. Более того, патриоты, умело применяя партизанскую тактику внезапных ударов и непрерывного маневра, только в январе 1944 года истребили свыше 6 тысяч вражеских солдат и офицеров, уничтожили большое количество техники⁸⁴.

Потерпев неудачу в зимних боях с партизанами, в апреле 1944 года оккупанты силами крупных армейских формирований и охранных войск, эсэсовских, полицейских и специальных подразделений в общей сложности до 60 тысяч человек двинулись против партизан. Общее руководство «усмирительным» походом осуществлял командующий 3-й танковой армией генерал-полковник Рейнгард. Ожесточенные бои партизан против превосходящих сил захватчиков длились свыше двадцати дней. Подвергаясь непрерывным атакам гитлеровской авиации, танков и пехоты, партизаны героически сражались, отстаивая свою зону.

В кровопролитных боях партизаны выдержали бешеный натиск карателей. Это явилось результатом самоотверженности и героизма бойцов-партизан, твердого руководства действиями патриотов со стороны объединенного командования, регулярной и ощутимой помощи со стороны Красной Армии.

Операция не оправдала своего оптимистического названия «Праздник весны». В начале мая партизаны прорвали кольцо и вышли из окружения, уведя с собой свыше 15 тысяч населения⁸⁵. Хотя потери партизан были значительными, но оккупанты понесли еще более крупный урон. Им не удалось разгромить партизан и уничтожить население зоны, подорвать моральный дух патриотов и сколько-нибудь нарушить их прочный союз с местными жителями.

Не принесли ожидаемого успеха противнику и остальные карательные операции, проведенные им против советских патриотов в 1944 году. В итоге многочисленных боев с партизанами гитлеровцы понесли крупные потери, измотали свои войска физически, надломили солдат психологически, что в конечном счете также имело большое значение для успеха предстоящего наступления Красной Армии.

Тщетными оказались старания оккупантов покончить с советским партизанским движением путем активного его подрыва изнутри: засылки в партизанские формирования под видом бежавших военнопленных гитлеровских аген-

тов, шпионов и диверсантов; повсеместного использования гнусной системы заложничества, круговой поруки, распространения сфабрикованных нелепых слухов о партизанском командовании; создания из числа специально обученных головорезов лжепартизанских отрядов. Как и прежде, в задачу последних входило: дискредитация советских партизан путем массовых бесчинств, мародерство, насильствования и т. д. В Белоруссии, например, такие отряды осенью 1943 года были направлены гитлеровцами в Полоцко-Лепельскую партизанскую зону, в районы Себежа, Слонима и другие места. Однако все эти провокационные приемы фашистов не принесли им желаемого результата. Вражеские агенты, шпионы и диверсанты были тотчас же раскрыты партизанской разведкой, бдительностью самих патриотов и преданы справедливому партизанскому суду⁸⁶. Лжепартизанские отряды, не имея социальной базы для длительного существования, были распознаны местным населением и разгромлены народными мстителями.

Столь же ожесточенной, не прекращающейся ни на один день шла «тайная» борьба с врагом в больших и малых городах и селениях. «...У нас в Минске бухает ежедневно, — жаловался в августе 1943 года один из чиновников экономического общества «Восток» в письме к своим родным. — Ночью треск, как в окопах, иногда бьют даже орудия, а может быть, это рвутся их проклятые мины. Их тут полно. Взорвали электростанцию, неделю не было тока. Взорвали паровой котел молокозавода. В воскресенье вечером у офицерского клуба взлетела на воздух машина, ожидавшая полковника, а у водокачки — паровоз. Много немцев застреляно прямо на улицах из-за угла или в самих домах. Мне с моими нервами приходит конец... Так выглядит это — позади фронта»⁸⁷.

Точно так же чувствовали себя захватчики в Орше и Киеве, Витебске и Днепропетровске, Гомеле и Краснодаре, в сотнях других оккупированных городах и поселках.

Пытаясь локализовать углублявшееся и расширявшееся партизанское движение и надежнее обезопасить от патриотов еще не находившиеся под постоянным партизанским контролем районы оперативного тыла, противник предпринимал попытку организовать действенную «самозащиту». Например, в конце января 1944 года командованием группы армий «Центр» был разработан план организации «военных поселений», которые должны были играть

роль своеобразного защитного барьера от народных мстителей. Детально разработанный проект предусматривал выселение всех «ненадежных элементов» из этих зон и заселение их коллаборационистами. В качестве вербовочной приманки наряду с другими видами поощрения было наделение земельным участком. План предусматривал объединение целых групп таких поселений в целостные оборонительные пояса, где в качестве связующих звеньев, а также средств обеспечения надлежащего порядка и принуждения должны были служить сильные немецкие поселения и целая система опорных пунктов.

Однако вследствие активного сопротивления партизан и местного населения проект о создании «стратегических деревень», рекомендованный ОКХ командованию всех групп армий в качестве образцового, не был выполнен врагом. Из-за указанных причин несколько предпринятых в оперативном тылу группы армий «Центр» экспериментов пришлось вскоре прекратить. Такая же участь ожидала этот план противника и в тылу других участков советско-германского фронта⁸⁸.

Не принесли желаемого результата гитлеровцам и их попытки использовать в качестве опоры и поддержки при подавлении партизанского движения жалкую кучку коллаборационистов из числа отщепенцев советского общества: контрреволюционные и националистические элементы, уголовников, представителей свергнутых классов. Не помогло им также и создание различного рода марионеточных «правительств», «партий», «союзов» и т. п.*

Полное фиаско потерпела и вражеская попытка оказать воздействие на молодежь. Воспитанная в духе беспредельной преданности коммунистическим идеалам, любви к социалистической Родине и ненависти к ее врагам, советская молодежь решительным образом сорвала все попытки гит-

* Некоторые западные авторы, искажающие события и факты, имевшие место на оккупированной фашистами советской территории, откровенно пытаются представить буржуазных националистов и их пособников в качестве некоей «третьей силы», которая якобы враждебно относилась и к Советской власти, и к захватчикам. Однако неисчислимое множество исторических фактов убедительно показывает всю тщетность подобных утверждений. Крайне редкая и робкая «оппозиционность» отдельных буржуазно-националистических группировок по отношению к оккупантам являлась всего

леровцев и их пособников создать профашистские молодежные организации. Например, создаваемый в Белоруссии фашистский «Союз белорусской молодежи» («СБМ») в результате работы, проведенной по указанию ЦК КП(б)Б комсомолом и молодежью партизанских отрядов и подпольных организаций, был разгромлен в самом зародыше. Его руководители, набранные гитлеровцами среди охвоста белогвардейской эмиграции и остатков классово-враждебных советскому строю элементов, были выловлены партизанами и уничтожены. И сам вдохновитель создания «СБМ», палач белорусского народа Вильгельм Кубе нашел бесславную смерть от рук советских патриотов.

Как сигнал непоправимого бедствия звучало откровенное признание имперского министра по делам оккупированных восточных областей А. Розенберга о том, что «в результате 23-летнего господства большевиков население Белоруссии в такой мере заражено большевистским мировоззрением, что для местного самоуправления нет ни организационных, ни персональных условий» и что «позитивных элементов», на которые можно было бы опереться, «в Белоруссии не обнаружено»⁸⁹. В тон ему вторил при жизни фанатичный душитель белорусского народа Кубе. В декабре 1942 года он докладывал в Берлин: «...Настроение широких слоев населения здесь в большинстве, если не на 100 процентов, негативное по отношению к немецкой администрации. На многих предприятиях, особенно на хлебозаводе «Автомат» и обувной фабрике (Минска — Я. П.), влияние коммунистов среди рабочих распространено очень широко»⁹⁰. И это в Белоруссии, народ которой,

лишь торгом за меру оплаты их соучастия в массовых злодеяниях гитлеровцев. В большинстве же случаев эта «оппозиционность» широким набором приемов и средств инспирировалась самими оккупантами с тем расчетом, чтобы создать буржуазным националистам ореол «народных защитников», опутать сетями людей, стремившихся к борьбе с захватчиками, и таким путем использовать реакционно-националистические организации для подрыва морально-политического и идейного единства советских людей, ослабить патриотическую борьбу против фашистов. Разумеется, все гнусные деяния буржуазных националистов, открыто или замаскированно сотрудничавших с оккупантами, умело и вовремя разоблачались и сводились на нет подпольными партийными органами, конкретными действиями народных мстителей (подробнее об этом см.: «Война в тылу врага», 1-й выпуск. М., 1974, стр. 395—446; докторскую диссертацию В. Ф. Романовского. Немецко-фашистская оккупационная политика и ее крах в Белоруссии (1941—1944 гг.). Минск, 1974).

как наивно полагали гитлеровцы накануне своего вторжения в СССР, «самый тихий и безропотный» во всей Европе, из которого, как из глины, можно лепить что угодно. Но, как справедливо отмечал в годы войны председатель Президиума Верховного Совета БССР Н. Наталевич, «белорусы слишком далеко оказались от той «глины», из которой гитлеровские горе-горшечники собирались лепить «горшки» для арийцев. Наоборот, белорусы оказались тверже гранита, инициативными и способными мастерами в той же глине (которой, к слову сказать, в Белоруссии очень много) укладывать немецко-фашистских разбойников сотнями тысяч...»⁹¹.

«Украинская молодежь в своем поведении сохранила традиции, приобретенные ею в период Советской власти,— с горечью признавал Гиммлер.— Молодежь желает возврата советской системы. В критические дни на Восточном фронте настроения молодежи в основном были пробольшевистскими»⁹².

Несостоятельными оказались надежды гитлеровцев на «контрреволюционные традиции» и бытовавшие в прошлом национальные конфликты кавказских народов и населения предкавказских районов. На Дону, Кубани, Тереке и Кавказе так же активно, как и в других оккупированных районах страны, развернулась самоотверженная борьба народных мстителей. Только в районе Краснодара активно действовало свыше 80 партизанских отрядов, насчитывавших более 5500 бойцов. Партизанские формирования оперировали также на оккупированной территории Кабардино-Балкарской АССР, Карачаевской и Черкесской автономных областей. В Чечено-Ингушетии действовало 28 партизанских отрядов⁹³.

Терпя неудачу в подавлении партизанских сил, фашисты постоянно вымещали свою злобу на местном населении. Наряду с подразделениями головорезов полиции безопасности и СД своими зверствами на Кавказе особенно «прославился» батальон «Бергман». В Пятигорске, Нальчике, Кисловодске и других населенных пунктах профессиональными убийцами этого батальона были уничтожены тысячи жителей, в том числе и раненые красноармейцы. Однако подобные жестокости не приуменьшали патриотических устремлений советских людей: антифашистская борьба кавказских народов в течение всего периода оккупации непрерывно расширялась и углублялась.

Так было на всей временно оккупированной советской территории. Воспитанный партией в духе монолитного идейно-политического единства, беспредельной любви к социалистической Родине и преданности Коммунистической партии, советский народ высказал свое отношение к фашизму в форме непримиримой классовой борьбы. Народная война в тылу врага за национальный суверенитет органически соединялась с борьбой советских людей за сохранение социалистических завоеваний. Социальная среда, которая возникла в результате построения нового общества и установления морально-политического и идейного единства советского народа, позволила Коммунистической партии создать для гитлеровцев на оккупированной территории СССР неодолимый второй фронт.

Ситуация, которая сложилась на захваченной фашистами советской земле, во многих отношениях отвечала тому определению партизанской войны, которое Ф. Энгельс дал в 1870 году, характеризуя жестокость прусских войск при подавлении сопротивления французского народа. «Дело обстоит так,— писал Ф. Энгельс,— что своими зверствами и жестокостями пруссаки не только не подавили народного сопротивления, но удвоили его энергию... Жестокое обращение уже оказало свое действие, и партизанская война с каждым днем принимает все большие размеры»⁹⁴. Далее он указывал, что стоит только разбудить дух народного сопротивления, как даже огромная армия, численностью до 200 тыс. человек, не в состоянии добиться быстрых успехов при захвате чужой территории. Ф. Энгельс отмечал, что в таких ситуациях очень скоро наступает время, когда войска вторгшегося противника окажутся слабее тех сил, которые им сможет противопоставить обороняющаяся сторона. Как быстро это произойдет, зависит от размаха народного сопротивления.

На практике воочию подтвердилось и другое, сформулированное Энгельсом положение, что везде и всюду, где народ энергично вел освободительную партизанскую войну, там противник очень скоро убеждался в том, что, руководствуясь старинным кодексом крови и огня, победы достичь практически невозможно⁹⁵.

Крах экономической политики оккупантов

Всенародная партизанская война в тылу немецко-фашистских войск не позволила в значительной степени реализовать нацистские планы хозяйственно-экономического использования оккупированных советских территорий, беспощадного ограбления местного населения. Срыв этих планов существенным образом повлиял на ход и исход войны в целом.

Огромная массово-политическая работа Коммунистической партии, а также успехи диверсионно-боевой и массово-политической деятельности народных мстителей привели к тому, что не состоявшееся в партизанских формированиях и в подпольных организациях население городов и деревень саботировало все стороны экономической политики оккупантов. В результате захватчики во многих районах не смогли взять и десятой доли того, что имелось в наличии.

Естественно, это вовсе не значит, что гитлеровцы вообще ничего не сумели взять и использовать в своих интересах. Они грабили и, несомненно, грабили в огромных масштабах, и за счет награбленного в известной степени поправляли свой хозяйственно-экономический потенциал. Однако противник по причине активного и повсеместного народного сопротивления в оккупированных районах все же не смог эксплуатировать экономические и людские ресурсы в той мере, как это было предусмотрено в его планах. Об этом красноречиво свидетельствуют многочисленные донесения оккупационной администрации, военного командования и официальные признания нацистских руководителей различных рангов. Остановимся лишь на некоторых из них*.

Главная железнодорожная дирекция группы армий «Центр» в секретном донесении от 28 июля 1942 года в Берлин с горечью констатировала: «...Большое число партизанских налетов требует... почти непрерывного использования вагонов с техническим оборудованием и ремонт-

* Подробнее об этом см.: *М. М. Загорулько и А. Ф. Юденков. Крах плана «Ольденбург» (о срыве экономических планов фашистской Германии на оккупированной территории СССР)*. Изд. 2-е, М., 1974.

ных поездов. В июне около 21 800 рабочих часов, или 220 рабочих дней, ушло на восстановительные работы... На ряде участков дороги ввиду усилившихся налетов партизан строительные работы вообще не начинались... Отмечается также уход значительного числа рабочих со строительства двухколейной дороги Молодечно — Полоцк, откуда, по имеющимся данным, в течение двух-трех недель сбежало около 200 человек... Из-за налетов партизан возникают трудности с подвозом стройматериалов и доставкой рабочей силы к строительным объектам... В результате действий партизан возникают трудности в заготовке строительного леса и шпал. Наиболее удобные места лесозаготовок находятся в партизанских районах... Кроме того, в районах, находящихся под влиянием партизан, невозможно завербовать местных рабочих и служащих...»⁹⁶

Не улучшилось состояние лесного и деревообрабатывающего хозяйства на оккупированной гитлеровцами советской территории и в последующий период. Хозяйственный штаб «Восток» в своем донесении в ставку главного командования сухопутных сил Германии от 22 мая 1943 года, характеризуя последствия партизанской деятельности, указывал, что в лесной промышленности в полной мере сказалось зимнее наступление партизан. В результате этого наступления 90 процентов лесных массивов фактически находится под контролем партизан, вследствие чего заготовка древесины составила только 55 процентов от прошлогодней, а производительность лесопильных заводов упала до 42 процентов⁹⁷. Штаб «Восток» отчетливо представлял, чем это чревато: «Какую опасность этот факт представляет для угледобычи и добычи железной руды и к каким последствиям он может привести немецкую сталелитейную промышленность и производство вооружения, нет нужды в подробном объяснении... В связи с парализацией сплава леса, его поставки потребителям стали почти невозможны»⁹⁸.

Партизаны и подпольщики срывали планы оккупантов по добыче торфа, извести, кварцевого песка, производству пиломатериалов, кирпича, стекла, текстильного сырья.

Указывая на последствия партизанских действий, экономическая инспекция «Центр» в отчете хозяйственному штабу «Восток» от 17 мая 1943 года отмечала, что наиболее важные предприятия текстильной промышленности сжигаются партизанами. Энергосооружения находятся под

прямой угрозой. «В области промышленного хозяйства от партизанской деятельности сильно страдают торфозаводы,— говорилось в отчете.— Значение торфодобычи находится в прямой взаимосвязи с производством электроэнергии, так как торф является единственным топливом для выработки электроэнергии в области тыла группы армий «Центр». Без торфа невозможно производство электроэнергии, а без электроэнергии создается угроза снабжению войск и всех военных учреждений и сооружений. Учитывая такое положение, противник примерно с начала февраля этого года (1943 г.— Я. П.) участил и активизировал нападения на торфопредприятия...»⁹⁹ Из рейха были вызваны специалисты-энергетики, но и они не могли поправить сложившуюся ситуацию.

Напряженным было положение и в других оккупированных гитлеровцами советских районах. Анализируя состояние дел в тылу группы армий «Юг», хозяйственный штаб «Восток» во второй половине мая 1943 года констатировал: «...В последнее время партизаны получили значительное подкрепление. Используя лесные массивы на севере и северо-востоке, они действуют главным образом на территории хозяйственных команд Чернигова и Сумы. В Черниговской области партизаны парализовали разработку залежей фосфоритов возле дер. Раслеты, имеющих особо важное значение, которая сразу же может дать 300 т руды в месяц, а затем добыча легко может быть доведена до 1200 т в месяц. Недавно нами была потеряна и большой торфозавод, расположенный возле Чернигова... Зависимость угля горнорудной промышленности от крепящего леса зараженных партизанской деятельностью районов отчетливо показывает, насколько интенсивно уже сегодня партизаны угрожают экономике юга России»¹⁰⁰. Подобных признаний великое множество.

Попутно отметим, что советские патриоты, действовавшие в оккупированных районах юга страны, в свою очередь делали все возможное, чтобы помешать поставить экономику этих районов на службу захватчикам.

Ход событий показал, что, несмотря ни на какие старания, гитлеровцам так и не удалось поставить себе на службу промышленность оккупированной советской территории. На поставленную партией задачу «Сорвать все мероприятия оккупантов!» рабочий класс ответил повсеместными диверсиями, массовым саботажем, порчей обо-

рудования, станков, инструмента, сырья и готовой продукции, уклонением от работы. Естественно, что каждая в отдельности такая акция не причиняла серьезного урона захватчикам. Но, приняв массовый характер, подобные действия в совокупности наносили огромный ущерб гитлеровцам, во многих случаях полностью парализовывали заводы и фабрики, шахты, рудники и другие предприятия. В результате самоотверженной борьбы рабочих и инженерно-технических работников не работали многие заводы Днепропетровска, Донбасса, Кривого Рога, Одессы, Риги, Каунаса, Минска, Витебска, Смоленска, Брянска, Орла и других захваченных врагом городов и промышленных районов. Гитлеровцам не только не удалось организовать на советской земле производство оружия и военной техники, но и даже восстановление своей разбитой техники. Они вынуждены были отправлять ее на ремонт в рейх и другие европейские страны. Например, своими активными действиями рабочий класс Донбасса довел дело до того, что уголь в Донбасс ввозился из Домбровского бассейна¹⁰¹.

Самоотверженная борьба рабочего класса за срыв промышленного производства в значительной мере дополнялась и усиливалась диверсиями подпольщиков. Патриоты выводили из строя цеховое оборудование, на железнодорожном транспорте — паровозы, стрелки, семафоры, водонапорные башни, тепловые электростанции. Подпольщики уничтожали склады запчастей и готовой продукции, мешали вводу в строй объектов. Например, огромные силы и средства затратили оккупанты на восстановление Днепрогэса: принудительно мобилизовали на работу десятки тысяч местного населения и военнопленных, из рейха привезли специалистов и оборудование. Но как только одна из девяти действовавших до войны турбин была восстановлена, подпольщики тут же привели в негодность ее основные механизмы. Турбине не суждено было заработать: во время ее пуска произошла авария — мощные потоки воды свели на нет все произведенные до этого работы. Днепрогэс так и не дала тока оккупантам. Аналогичным образом действовали нефтяники Краснодарского края: «черное золото» Кубани не досталось захватчикам¹⁰².

Срыв гитлеровских планов по использованию промышленности оккупированных советских районов явился беспримерным подвигом рабочего класса и находившейся в тылу инженерно-технической интеллигенции.

Противодействие патриотов губительным устремлениям захватчиков осуществлялось под идейным и организационным воздействием Коммунистической партии в лице ее подпольных органов и нелегальных партийных организаций.

Аналогичным образом отвечало на грабительскую политику захватчиков и колхозное крестьянство. Геринг, возглавлявший аппарат по экономическому опустошению советских земель и намеревавшийся «эффективно грабить», не смог в полной мере осуществить фашистские планы по ограблению сельского хозяйства именно благодаря активности советских партизан, подпольщиков и массовому сопротивлению всего населения. Об этом говорят многочисленные факты, документы, в том числе и признания самого противника. Так, хозяйственная инспекция «Центр» в своем майском 1943 года отчете в разделе «Материальные потери» в графе о сельском хозяйстве указывала, что партизанами уничтожено 23 (в основном на территории Белоруссии.— *Я. П.*) государственных имения, 170 мельниц, 18 льнозаводов и 8 льноскладов, 7 спиртзаводов, 21 зерносклад, 98 продовольственных складов, 3 маслобойни и 415 молочно-сепараторных пунктов, 2 пекарни, 2 рыбхоза, 34 сено- и соломосклада, в государственных имениях путем пожаров и порчи материальной части выведено из строя большое количество ремонтных мастерских, машин и сельскохозяйственного инвентаря. Кроме того, согласно данным инспекции, планы заготовок и производства льна, стекла, канифоли, кварца, извести, кирпича были невыполнены от 30 до 70 процентов¹⁰³.

Размах народной войны во вражеском тылу оказал еще более серьезное влияние на состояние зернового производства. Гитлеровцы не смогли ни использовать в полной мере захваченные земли, ни получить с засеянных участков намеченную часть урожая. В августе 1942 года на состоявшемся в Берлине совещании, на котором обсуждалась продовольственная проблема, гауляйтер «Остланда» Лозе заявил: «Везде, даже значительно западнее Минска, убивают сельскохозяйственных комендантов. Уже имеются убитые областные комиссары, гибнут чиновники. Невозможно управлять Белоруссией и эксплуатировать ее земли, если не будет покончено с партизанскими бесчинствами»¹⁰⁴. Рейхсминистр Розенберг тут же добавил, что в Белоруссии партизанами убито 1500 бургомистров.

Выступая на совещании гебитскомиссаров рейхскомиссариата «Остланд» в Риге 22 января 1943 года, начальник главного отдела генерального комиссариата «Белоруссия» Фрайтаг подчеркивал, что население оккупированных районов не только является опорой и резервами партизан, но и всецело действует в русле партизанских мероприятий: срывает все военные, политические, экономические и административные мероприятия. Поэтому немецкое руководство не может рассчитывать на поддержку местных жителей, а должно делать ставку только на силу оружия¹⁰⁵.

Выражая состояние крайней безнадежности, слущкий гебитскомиссар Карл на совещании у Кубе 8—10 апреля 1943 года заявил: «Я имею в моей области несколько крупных предприятий и несколько ремесленных мастерских. Мы окружены партизанами... Партизаны взорвали машины на крупных предприятиях, тормозят их восстановление, не дают проводить сельскохозяйственные заготовки. Наше положение с каждым днем становится все безнадежнее...»¹⁰⁶

Высокопоставленные чиновники фашистской оккупационной администрации имели все основания бить подобную тревогу, ибо только в Белоруссии в результате активной деятельности партизан и саботажа местного населения в 1942—1943 хозяйственном году оккупанты недополучили зерна 63,3 процента, мяса — 64 процента, жиров — 55, жиров, включая растительные масла, — 30 процентов. Из 967 государственных имений, которыми в мае 1942 года управляло сельскохозяйственное общество «Восток», к маю 1943 года в сфере его деятельности осталось только 312¹⁰⁷. В последующем и эта цифра сократилась.

В одном только генеральном округе «Белоруссия» партизаны полностью уничтожили 180 имений. Все операции по разгрому имений осуществлялись при активной поддержке и с участием рабочих этих имений и крестьян близлежащих деревень.

Летом 1942 года, когда на всей оккупированной территории Белоруссии разгорелась ожесточенная борьба с захватчиками за сбор урожая, подпольные партийные органы и организации, командование партизанских формирований сумели придать ей вполне организованный характер и поднять до уровня борьбы вооруженной, борьбы политической. Программным стал лозунг — не дать ни одного килограмма зерна гитлеровским оккупантам, задачей — быстрейшая уборка хлеба и организация тайных хранилищ. В сентябре

1942 года секретарь Полоцкого подпольного райкома партии, комиссар 3-й Белорусской партизанской бригады Г. С. Петров докладывал: «Уборка озимых закончена, приступили к уборке яровых... Население работает дружно и дружно прячет зерно от немцев... [Оно] всячески помогает партизанам и заявляет в своих выступлениях, что немцам не даст ни одного грамма хлеба»¹⁰⁸.

Народные мстители помогали крестьянам убирать урожай, прятать его от оккупантов, организовывали обозы с сельхозпродуктами на базы партизан. «Я лично,— указывал секретарь Ушачского подпольного райкома комсомола В. Я. Василевский,— встречал такие обозы с красными знаменами. Они шли из деревень Печня, Заречаны Сорочинского сельсовета. Крестьяне из деревень, находившихся под контролем немецких гарнизонов, сдавали семенное зерно на сохранность партизанам»¹⁰⁹.

Партизаны и невооруженное население, действуя сообща, сорвали поставки сена окружному складу вермахта в Борисове, воспрепятствовали гитлеровцам убрать сено с площади в 6 тысяч гектаров и, как сообщал окружной комиссар Борисова, партизаны сами собрали урожай и «передали жандармерии, чтобы она не беспокоилась и о сборе налогов, так как таковые они тоже соберут сами».

В каких масштабах действия партизан уже в 1942 году затрудняли грабеж сельскохозяйственной продукции в тыловых районах центрального участка советско-германского фронта, хорошо прослеживается по данным, приводимым в докладе командующего оперативным тылом группы армий «Центр» от 7 ноября 1942 года командованию этой армейской группировки. «Даже по осторожной оценке,— справедливо отмечает историк ГДР Норберт Мюллер,— в результате партизанских действий на территории, находившейся в его ведении, было недополучено 21 тыс. т зерна, 22 тыс. т картофеля и 96 тыс. голов крупного рогатого скота, что обеспечило бы армию в 300 тыс. человек хлебом в течение одного года, картофелем — четырех месяцев и мясом — трех месяцев»¹¹⁰.

«В результате политико-разъяснительной работы среди населения и активных боевых действий партизанских отрядов,— указывалось в квартальном донесении Руденского нелегального райкома партии Минскому подпольному обкому КП(б)Б,— в районе полностью сорваны поставки для немецких властей хлеба, фуража, топлива, лесомате-

риалов и других видов заготовок. За последнее время (первые месяцы 1943 года.— *Ред.*) противник только вооруженным путем проводит грабежи среди мирного населения». В итоговой докладной записке за 1943 год Барановичского подпольного обкома партии Центральному Комитету КП(б)Б подчеркивалось, что прямым следствием размаха партизанского движения на территории области является срыв плана поставок мяса и хлеба за 1943 год по Столбцовскому, Ивенецкому, Кореличскому, Новогрудскому, Новомышскому, Городищенскому и ряду других районов. Намеченный противником план «выполнен только на 5—7 процентов и то не добровольно, а захватом, при помощи силы».

Подобные факты самым непосредственным образом сказывались на экономической политике оккупантов. Как явствует из достоверных сведений самого противника, общие потери гитлеровцев в тылу группы армий «Центр» в 1942/43 сельскохозяйственном году составили: зерна — 59 процентов, мяса — 75, жиров — 20, жиров, включая растительные масла, — 32 процента¹¹¹.

Не в лучшем положении находилась продовольственная проблема гитлеровцев и в других захваченных ими районах. Так, по вполне официальным данным экономического штаба «Восток», потери зерна в тылу группы армий «Север» в 1942/43 сельскохозяйственном году составили 40 процентов, жиров, включая растительные масла, — 37 процентов.

На Украине же, в силу природных особенностей, где партизанские формирования не могли длительное время удерживать или контролировать обширные районы, противнику удалось в определенной степени избежать серьезных продовольственных потерь. Однако и здесь он также не получил в запланированных размерах ни хлеба, ни мяса, ни жиров. Уже в марте 1942 года фашистская газета «Дойче Украине цайтунг» писала, что «украинские колхозники без энтузиазма относятся к снабжению германской армии. Они не желают производить больше, чем необходимо для поддержания их собственной жизни»¹¹². В мае 1943 года Кох констатировал, что на Украине вряд ли можно рассчитывать на урожай, если не удастся полностью покончить с «партизанскими действиями». В этом же месяце хозяйственный штаб «Восток» вынужден был признать, что кроме недополученного продовольствия в

результате «партизанских бесчинств» под угрозой находится 13 процентов зерна, 11 процентов мяса и 10 процентов жиров ¹¹³.

Битва за хлеб и другие виды продовольствия не прекращалась и в 1943/44 хозяйственном году. Решительное сопротивление советских людей грабительской политике захватчиков особенно усилилось в период уборки урожая 1943 года. Партийные органы призвали крестьян сорвать гнусную затею врага, намеревавшегося вывезти в Германию как можно больше зерна. 14 августа 1943 года ЦК КП(б)Б принял специальное постановление «Об урожае 1943 года», в котором обязал нелегальные партийные органы, парторганизации и партизан Белоруссии всеми мерами срывать планы и расчет оккупантов заполучить белорусский хлеб. Во вражеском тылу была развернута широкая политическая кампания под лозунгом: «Ни одного грамма хлеба немецко-фашистским захватчикам!» ¹¹⁴ Одновременно перед партизанами республики была поставлена задача помогать крестьянам в период уборочной страды, истреблять команды заготовителей, поджигать заготовительные пункты, нападать на транспорт с хлебом, защищать население от варварских набегов во время уборки урожая. Только в Минской и Могилевской областях в августе партизаны провели до 100 боев с фашистскими заготовительными командами ¹¹⁵.

Советские патриоты делом ответили на призыв партии. Противнику удалось заполучить хлеб лишь в тех местах, где были расположены крупные гарнизоны и проходили важнейшие коммуникации. На остальной же территории, находившейся под контролем партизан или в зоне их активной боевой деятельности, захватчики не смогли реализовать свои грабительские планы. Штаб группы армий «Центр» с тревогой доносил в Берлин: «...Уборка урожая, для охраны которого были приняты все меры, находится под угрозой» ¹¹⁶.

Широкий размах борьба за срыв сельскохозяйственных поставок приняла в Молдавии. Докладывая об этом, губернатор Бессарабии на заседании румынского правительства жаловался: «У крестьян Бессарабии можно получить продукты только силой» ¹¹⁷. Массовый саботаж поставок сельскохозяйственной продукции имел место в Эстонии, где за срыв продовольственных планов гитлеровцами было репрессировано несколько десятков тысяч человек.

Большая работа была проделана подпольными партийными органами и партизанским командованием с целью повсеместного проведения сева озимых под урожаем 1944 года, который предстояло убирать после изгнания оккупантов из пределов Советской страны. Особенно много усилий пришлось приложить нелегальным партийным органам и организациям, партизанам и подпольщикам, чтобы сорвать зловещий план фашистов по превращению советской земли в «зону пустыни». Как известно, в период отступления гитлеровцев из оккупированной ими территории главари третьего рейха перед войсками вермахта поставили задачу: «Противнику должна достаться на длительное время полностью непригодная для использования и жилья пустыня, где на протяжении месяцев будут взрываться мины»¹¹⁸. Разумеется, этот чудовищный приказ не был продиктован никакой военной целесообразностью. Он являлся всего лишь продолжением все той же политики тотального геноцида в отношении советского народа. И только благодаря быстрому наступлению Красной Армии, неутомимой деятельности партии в тылу врага, героической борьбе народных мстителей варварским планам гитлеровцев не суждено было осуществиться в полной мере.

Наряду с провалом экономических планов оккупантов в значительной мере были сорваны также и их планы по депатриации советских людей на невольничьи работы в Германию. Несмотря на то, что огромное число советских граждан — около 5 миллионов человек¹¹⁹ — было насильственно вывезено на фашистскую каторгу, все же многие миллионы людей избежали кошмарного ужаса гитлеровских концлагерей и рабского труда именно благодаря широкому размаху всенародной борьбы в тылу противника. Советские люди в массовом порядке укрывались в семейных партизанских лагерях, с помощью подпольщиков добывали подложные документы, симулировали различные болезни и инвалидность, скрывали возраст и т. д. Со всех оккупированных районов в Берлин непрерывным потоком шли донесения о срыве заданий по поставке в Германию дешевой «восточной рабочей силы». Так, в отчете хозяйственного штаба «Восток» главному командованию сухопутных сил от 22 мая 1943 года констатировалось, что одним из последствий развития партизанской войны в тылу Восточного фронта является и тот факт, что за отчетный период около 1,6 миллиона человек избежали мобилизации

и направления на работу. Из них на область действия хозяйственных инспекций приходится: по группе армий «Юг» — до 65 тысяч человек, «Центр» — свыше 1,5 миллиона, «Север» — более 30 тысяч человек¹²⁰. Эти сухие цифры как нельзя лучше отражают подлинное отношение советских людей к обещанному им «раю» в фашистской Германии.

В последующем картина вовсе не изменилась. Командир одного из охранных соединений центральной группировки вражеских армий в конце августа 1943 года в своем донесении командующему охранными войсками отмечал: «Естественным следствием нашего бессилия, становящегося все очевиднее с каждым днем, является все более ощутимая пассивность гражданского населения, враждебность которого по отношению к нам становится все более открытой. Примерно в такой же мере возрастает неблагонадежность местных формирований, службы порядка, добровольцев, административных чиновников и тому подобных»¹²¹.

На эту же сторону вопроса серьезное внимание обращала в свое время и хозяйственная инспекция «Центр». В своем летнем сообщении в вышестоящие инстанции о размахе и последствиях партизанской войны в разделе «Влияние партизанской деятельности на настроение и поведение населения» прямо говорилось, что в оккупированных районах «примерно 90% жителей настроены против немцев» и что «население все больше втягивается в русло партизанских мероприятий»¹²². И как следствие этого — мобилизацию на работу в Германию приходилось проводить силой.

Эти и другие подобные признания врага красноречиво говорят сами за себя. Смыкаясь с действиями собственно партизанских подразделений, подпольных организаций и групп, активное сопротивление захватчикам невооруженного населения превращало всю оккупированную территорию в арену массовой и непрерывной народной войны с фашистскими поработителями. На практике подтвердились слова В. И. Ленина, который, имея в виду народную партизанскую войну, писал, что никакое государство не выдержит длительное время этой упорной борьбы, которая останавливает промышленную жизнь, вносит деморализацию в армию и бюрократический аппарат противника, сеет недовольство положением вещей во всех кругах народа¹²³.

Некоторые итоги партизанской войны

Общие военно-политические итоги всемирной войны на временно оккупированной немецко-фашистскими войсками советской территории поистине колоссальны. Они настолько велики, что даже многие историки и исследователи из враждебного нам лагеря не в состоянии скрыть своего удивления и восхищения ими. Не в силах замолчать высокую боевую и политическую эффективность советского партизанского движения и битые фашистские генералы. «История войн не знает ни одного примера,— пишет бывший гитлеровский генерал Л. Рендучич,— когда партизанское движение играло бы такую же большую роль, какую оно сыграло в последней мировой войне. По своим размерам оно представляет собой нечто совершенно новое в военном искусстве. По тому колоссальному воздействию, которое оно оказывало на фронтовые войска и на проблемы снабжения работы тыла и управления в оккупированных районах, оно стало частью понятия тотальной войны»¹²⁴. Его мнение разделяет и известный английский военный историк Дж. Фуллер. «В России партизаны,— пишет он,— число которых все время возрастало, вселяли ужас в сердца немецких солдат... Партизаны играли такую же роль, как и стаи подводных лодок в Атлантическом океане»¹²⁵.

Буржуазные авторы не в силах скрыть также и ту огромную мобилизующую и направляющую роль, которую играла партия коммунистов в советском партизанском движении. Например, ярый идеолог антикоммунизма американский историк В. Якобсен в книге «Современная партизанская война» с горечью признает: «На том уровне, на котором партизанское движение проходило, оно является чудом организации и руководства»¹²⁶. Один из авторов монографии «Советские партизаны во второй мировой войне» Э. Цимке вынужден также констатировать, что «члены партии оставались ведущей группой в партизанском движении всю войну. Нет возражения против того, что члены партии действовали как организующая и направляющая сила»¹²⁷. Однако, будучи не в состоянии под давлением неопровержимых фактов замалчивать или отрицать роль Коммунистической партии в руководстве всенародным

партизанским движением, они пытаются извратить смысл ее политики, принципы и методы партийного руководства героической борьбой народа против гитлеровских оккупантов, поставить под сомнение монолитное единство партии и народа.

Советские ученые-обществоведы и практики всенародной борьбы в тылу немецко-фашистских захватчиков на основе объективного и глубокого анализа многочисленных фактов и документов решительно разоблачают несостоятельность буржуазных авторов, фальсифицирующих историю советского партизанского движения. А исторические факты и документы периода минувшей войны убедительнейшим образом говорят сами за себя. К указанным выше добавим лишь некоторые из них. На временно оккупированной советской территории действовало, по последним данным, свыше 1300 тысяч организационно оформленных партизан¹²⁸ и сотни тысяч подпольщиков. Выдвинутый в начале агрессии лозунг Коммунистической партии о создании для немецко-фашистских оккупантов невыносимых условий в захваченных ими районах был успешно претворен в жизнь действовавшими во вражеском тылу подпольными партийными органами и многотысячной армией советских патриотов. Эта огромная армия бесстрашных народных борцов представляла собой вооруженную часть народа. Она происходила из народа и в течение всей войны опиралась на него, олицетворяла его решимость любой ценой отстоять Родину и свои социалистические завоевания. В течение всего периода оккупации патриотическая борьба шла с неослабевающей силой и охватывала все сферы политической, идеологической, экономической и военной жизни. В нее были втянуты все слои населения.

Размеры прямого ущерба, нанесенного врагу, огромны. За годы войны советские партизаны и подпольщики произвели свыше 20 тысяч крушений вражеских поездов, вывели из строя 110 тысяч вагонов, взорвали или сожгли свыше 12 тысяч железнодорожных и шоссейных мостов, уничтожили более 65 тысяч автомашин, подорвали на минах и подбили более 2300 танков и броневедомостей, сбили и уничтожили на аэродромах свыше 1100 самолетов и т. д. За время войны народные мстители уничтожили, ранили и пленили полтора миллиона солдат, офицеров и различных чиновников гитлеровской администрации¹²⁹. (Для сравнения можно отметить, что потери гитлеровцев

от советских партизан оказались почти в 30 раз больше, чем за всю войну во Франции.)

Это — суровый и справедливый счет патриотов за все злодеяния и жестокости, которые чинили фашистские варвары на временно оккупированной советской земле.

Однако было бы ошибочным полагать, что успехи советских партизан и подпольщиков в борьбе с вероломным врагом достигались легко и без существенных потерь. В бескомпромиссной схватке с гитлеровскими оккупантами героически погибли многие десятки тысяч патриотов. Например, только в Белоруссии, даже по неполным данным БШПД, погибло в боях и пропало без вести свыше 34 тысяч народных мстителей¹³⁰. Столь же серьезные потери понесли партизаны и подпольщики и в других оккупированных советских республиках и областях.

Помимо чисто военных потерь, сорванных хозяйственно-экономических и политических планов врага боровшиеся в оккупированных гитлеровцами районах советские патриоты в течение всей войны своими активными и непрекращающимися действиями наносили противнику огромный моральный урон. Фашистские войска, попадавшие по пути следования к фронту под интенсивный огонь партизан, несли не только ощутимые потери в живой силе и технике, но и, как правило, прибывали на передовые позиции в значительной мере морально разоруженными. Не в лучшем состоянии духа возвращались в свои войска и те «прославленные» части и соединения, которые участвовали в карательных противопартизанских экспедициях, в массовых убийствах и разрушениях. Сознание противником того, что позади линии фронта отсутствует прочный и обеспеченный тыл, серьезно надламывало его психологически, создавало всеобщую, начиная от рядовых солдат и кончая командным составом, неуверенность, отнимало у него надежду на победу. Этого даже не скрывало немецкое военное командование. Например, Гудериан, занимавший видные посты в гитлеровской военной иерархии, впоследствии подчеркивал, что «по мере того, как война принимала затяжной характер, а бои на фронте становились все более упорными, партизанская война стала настоящим бичом, сильно влияя на моральный дух фронтовых солдат»¹³¹. Число подобных признаний можно увеличивать без конца.

Охватившая глубокие тылы вражеских войск, героическая всенародная партизанская война на временно оккупи-

рованной гитлеровцами советской территории дополняла боевые операции регулярных войск, была могучей поддержкой Красной Армии, надежной защитой советских людей в тылу врага, побудительным примером и большой надеждой для народов других стран, оказавшихся под игом германского фашизма.

Беззаветная и самоотверженная борьба партизан и подпольщиков получила всенародное признание, высокую оценку партии и правительства. За героизм и отвагу, проявленные в борьбе в тылу врага, свыше 50 тысяч партизан только центральных областей Российской Федерации были удостоены правительственных наград, из них 16 стали Героями Советского Союза¹³². Общее же число народных мстителей Российской Федерации, удостоенных медали «Золотая Звезда» составляет 52 человека. Высокого звания Героя Советского Союза удостоены 95 партизан и подпольщиков Украины¹³³. Более 1800 партизан и партизанок Латвии награждены орденами и медалями. Семи из них присвоено звание Героя Советского Союза. Свыше 140 тысяч народных мстителей непокоренной Белоруссии награждены орденами и медалями СССР. 87 отважных сыновей и дочерей белорусского народа удостоены высокого звания Героя Советского Союза. Характерно, что 19 из них являлись секретарями подпольных партийных органов — обкомов, горкомов, райкомов, 3 — секретарями и членами подпольных комитетов ЛКСМБ. Награждение большого числа руководящих партийных и комсомольских работников Звездой Героя и орденами, несомненно, свидетельствовало о высокой оценке Коммунистической партией и Советским правительством той роли, которую играли в организации и руководстве всенародным партизанским движением подпольные партийные и комсомольские органы. Общее же число советских партизан и подпольщиков, удостоенных правительственных наград, превышает 200 тысяч человек¹³⁴, более 230 человек награждены Золотой Звездой Героя Советского Союза.

Во всенародном партизанском движении в полной мере подтвердились выводы В. И. Ленина, что партизанская война непосредственно готовит боевых руководителей масс¹³⁵. Рабочий класс, колхозное крестьянство, трудовая интеллигенция в ходе героической борьбы выдвинули таких стойких и умелых руководителей, как Герои Советского Союза Т. П. Бумажков, А. Д. Бондаренко, Ю. Витас,

А. В. Герман, С. В. Гришин, А. Г. Григорьев, М. А. Гурьянов, К. С. Заслонов, В. И. Козлов, В. З. Корж, В. Е. Лобанок, Ф. Г. Марков, П. М. Машеров, М. И. Наумов, К. П. Орловский, С. В. Руднев, И. И. Сергунин, А. Н. Сабуров, В. Самсон, Б. Урбанявичюс, М. Ф. Шмырев и десятки, сотни и тысячи других. Два выдающихся партизанских командира С. А. Ковпак и А. Ф. Федоров были удостоены звания Героя Советского Союза дважды. Характерно, что большинство партизанских командно-политических кадров, приобрел в годы борьбы с фашизмом солидный опыт руководства массами (многие из них получили высшие офицерские и генеральские звания), в послевоенный период приумножили свою боевую славу на хозяйственном фронте, а также на ответственных партийно-советских постах.

Действовавшие на оккупированной гитлеровцами территории советские патриоты с честью и достоинством выполнили свой священный долг перед матерью-Родиной, перед историей. Своей мужественной борьбой (а многие и ценою собственной жизни) они продемонстрировали бесстрашие и негибаемую стойкость, преданность идеалам коммунизма. В память о героическом подвиге народных мстителей насыпаны курганы славы и бессмертия, воздвигнуты величественные монументы и обелиски, созданы музеи и мемориальные комплексы. Имена героев-партизан и подпольщиков рядом с именами советских воинов увековечены в мемориальных досках и стелах, в названиях парходов, школ, улиц, площадей. Все это — зримое свидетельство общенародного признания их подвига, напоминающего потомкам о негибаемой силе духа и твердой воле советского народа, который познал радость и счастье свободной жизни и который свое социалистическое Отечество не позволил и не позволит поработить никакому врагу. Но самым прекрасным памятником мужественным сынам и дочерям советского народа являются поднятые из руин и пепла города и селения, все то, что сотворено на возрожденной земле трудолюбивыми руками советских людей.

* * *

Изумившая весь мир героическая всенародная война на временно оккупированной гитлеровцами советской территории являлась закономерной ответной мерой советских людей против агрессора, посягнувшего на

священные завоевания Великого Октября. Она дополняла боевые операции регулярных войск, была могучей поддержкой Красной Армии, надежной защитой местного населения во вражеском тылу, побудительным примером и большой надеждой для народов других стран, оказавшихся под игом германского фашизма.

Широкий размах, мощь и непобедимость советского партизанского движения заключались в организующей и направляющей роли ленинской Коммунистической партии и находившихся в тылу противника ее кадров. Партия сумела сплотить и вдохновить всех патриотов на беспощадную борьбу с гитлеровцами, придать ей массовый характер, политическую целеустремленность, высокую боевую, политическую и экономическую эффективность.

Бесстрашные действия патриотов переросли в ходе борьбы в массовое, поистине всенародное движение — *войну*. Эта священная война советских людей в тылу фашистских оккупантов была непреборима потому, что она выросла из народных глубин и опиралась на народ, на силу и мощь Красной Армии, на ту огромную материальную и моральную поддержку, которую оказывал патриотам советский тыл.

Победа социализма в СССР, определившая новое качественное состояние советского общества и вызвавшая к жизни такие факторы, как социальное и морально-политическое единство, нерушимая дружба народов, социалистический патриотизм, обеспечила невиданную еще в истории сплоченность народа, его непреклонную решимость защищать свои социалистические завоевания, свою свободу и национальную независимость. Никогда народ не защищал еще столь великих идеалов и материальных благ, которыми он пользовался. Ни в одной войне народные массы не обладали качествами, которые придала советскому народу победа социализма. На защиту завоеваний Великого Октября против ударных сил мирового империализма поднялись все без исключения классы и слои советского общества, представители всех национальностей нашего государства. «Ярким проявлением советского патриотизма, — отмечал Л. И. Брежнев в своем докладе на торжественном собрании в Кремлевском Дворце съездов, посвященном 20-летию победы советского народа над гитлеровской Германией, — было массовое партизанское движение, охватившее всю оккупированную врагом территорию. В рядах пар-

тизанских отрядов, соединений, подпольных организаций боролось свыше миллиона активных бойцов. Во многих районах Украины, Белоруссии, Молдавии, Литвы, Латвии, Эстонии, Смоленской, Брянской, Орловской, Ленинградской, Калининской и ряда других областей Российской Федерации вели героическую борьбу легендарные соединения партизан.

Воскрешая славу партизан — патриотов Отечественной войны 1812 года, Отечественная война 1941—1945 годов вписала в историю нашей страны рядом с именами Дениса Давыдова и Василисы Кожинной имена Сидора Ковпака и Константина Заслонова, Николая Кузнецова и Веры Хоружей, десятков и сотен подпольщиков, командиров партизанских отрядов, советских разведчиков»¹³⁶.

В течение всей войны героическая борьба на временно оккупированной немецко-фашистскими захватчиками советской территории велась всеми доступными народу способами и приемами. Коммунистическая партия, руководствуясь ленинским положением, что история вообще, история революций, справедливых и национально-освободительных войн в частности, «всегда богаче содержанием, разнообразнее, разностороннее, живее, «хитрее», чем воображают самые лучшие партии, самые сознательные авангарды наиболее передовых классов»¹³⁷, создавала широчайшие возможности для военного творчества и полного проявления народной инициативы и смекалки в выборе самых разнообразных организационных форм, средств и приемов партизанской борьбы с врагом. Исходя из общих стратегических целей Великой Отечественной войны, а также в зависимости от конкретных условий на временно оккупированной территории и военных событий на фронте, партия правильно рекомендовала, умело сочетала, динамично развивала и обогащала те или иные формы организации и виды активного и самоотверженного сопротивления оккупантам, которые возникали в ходе войны в результате творческой деятельности масс. Из всего многообразия организационных форм, способов и приемов героической борьбы народа в тылу захватчиков наиболее четкими и конкретно выраженными являлись: боевые действия собственно вооруженных партизанских сил, многоплановая деятельность подпольных организаций, патриотических групп и патриотов-одиночек в городах и других населенных пунк-

тах, массовый саботаж* — срыв «мирными» гражданами военных, экономических и политических мероприятий захватчиков.

Многообразие форм организации, методов и приемов активного народного сопротивления оккупантам определялись зрелостью различных факторов: объективных, возникших в результате социально-политического и экономического развития Советской страны в предвоенные годы, и субъективных, воплощенных в сознательной и активной деятельности народных масс и их коммунистического авангарда, т. е., говоря словами В. И. Ленина, способностью «революционного класса на революционные массовые действия»¹³⁸. Существенную роль играл также и внешнеполитический фактор, поскольку симпатии прогрессивной мировой общественности были на стороне советского народа, ведущего кровопролитную и бескомпромиссную борьбу против немецко-фашистских агрессоров.

* Характеризуя составные элементы партизанского движения периода Великой Отечественной войны, член Политбюро, министр обороны СССР, Маршал Советского Союза А. А. Гречко пишет: «Партизанское движение в тылу врага выражалось в действиях партизанских формирований, деятельности подпольных групп в населенных пунктах, массовом участии населения в срыве политических, экономических и военных мероприятий оккупантов. Эти формы борьбы охватывали подавляющее большинство советских граждан, находившихся на временно захваченной советской территории» (цит. по кн.: «9 мая 1945 года». Изд. 2-е. М., 1972, стр. 24).

Известный советский военный историк, член-корреспондент АН СССР П. А. Жилин указывает: «Небогатая густыми, трудно проходимыми лесами или непролазными болотами [Днепропетровская] область стала все же, как и вся другая территория, захваченная врагом, ареной партизанской борьбы. Она велась здесь главным образом в городах и других населенных пунктах, а ее основной силой были подпольщики, а основным орудием — диверсии и саботаж» («Новый мир», 1974, № 9, стр. 271).

Анализируя различные аспекты партизанской войны на латиноамериканском континенте, Эрнесто Че Гевара в своей работе «Партизанская война» писал: «Саботаж — неопределимое оружие в руках народов, ведущих партизанскую войну. Организация саботажа — это гражданский подпольный аспект деятельности партизан...»

С мнением Че Гевары солидаризируется также и видный кубинский историк, профессор Гаванского университета Хосе А. Табарес. Он указывает, что к партизанской войне теснейшим образом примыкают и становятся ее органической частью сотни мелких стачек, саботажей, разоружений полицейских, перестрелок с войсками и т. д. (см.: Хосе А. Табарес. Кубинская революция 30-х годов, ее последние два года. М., 1974, стр. 406).

В тех районах, где имелось достаточно естественных укрытий, преобладали действия вооруженных партизанских формирований. Являясь определяющей, наиболее решительной и эффективной формой героической войны народа в тылу противника, деятельность полнокровных партизанских подразделений во многих случаях начиналась с организационно-боевой и политической работы небольших подпольных организаций и групп, возникавших в городах и других населенных пунктах. Наряду с решением стратегических задач, с активными наступательными и позиционными оборонительными боевыми действиями, широкой агитационно-политической работой среди местного населения вооруженные партизанские силы широко практиковали диверсионные и террористические методы и приемы борьбы с целью уничтожения противника, стоявшие у подпольщиков на центральном месте. Нередко партизаны проводили боевые и диверсионные операции совместно с подпольщиками.

Собственно партизанские подразделения — вооруженные знаменосцы народного дела — создавались не просто из лучшей, до конца самоотверженной, морально устойчивой и идейно преданной делу коммунизма части советского общества. В ряды вооруженных партизан Компартия вовлекала в первую очередь наиболее выносливых и подготовленных в военном и физическом отношении граждан, способных владеть боевым оружием и готовых переносить все тяготы и лишения подвижной партизанской жизни. Немаловажное значение в этом плане имели и такие моменты, как знание местности, в которой предстоит действовать бойцам-партизанам, предвоенный род занятий, семейное положение, необходимость иметь постоянный и массовый партизанский резерв, из которого народные мстители пополняли свои ряды и т. п.

«...Партизанская война развивается очень широко, мощно и в разнообразных формах,— отмечал в годы борьбы вьетнамского народа с американскими агрессорами генерал Во Нгуен Зиап.— Все слои населения нашей страны, все национальности в нашей стране вели партизанскую войну с врагом на местах; с помощью всех видов оружия, всех боевых приемов они нападали на врага повсюду, в любое время. Поэтому партизанская война оказывает величайшее стратегическое воздействие, изнуряя врага и уничтожая его, разлагая до конца его силы, расстраивая его стратегические позиции, создавая стратегические преимущества нам, защищая и закаляя революционные народные массы» (Во Нгуен Зиап. Национально-освободительная война во Вьетнаме. Ханой, 1974, стр. 122):

В одном строю с вооруженными партизанами героическую борьбу с гитлеровцами вели мужественные и неуловимые подпольщики, действовавшие в городах, райцентрах, на железнодорожных станциях, в рабочих поселках и других населенных пунктах.

Действия подпольщиков осуществлялись в полном соответствии со стратегическими целями и тактическими задачами всей Великой Отечественной войны и партизанской, в частности. В преобладающем большинстве случаев подпольные организации и группы создавались, направлялись и координировались находившимися в партизанских формированиях руководящими нелегальными партийными и комсомольскими органами.

Подпольщики являлись ближайшим резервом и активным боевым помощником вооруженных партизан. Будучи членами подпольных организаций и групп или действуя в одиночку, советские патриоты наряду с массово-политической работой в невероятно трудных условиях постоянного соприкосновения с врагом совершали смелые диверсионные, боевые операции на железнодорожных узлах, аэродромах, воинских складах и промышленных объектах врага, уничтожали фашистских солдат и офицеров, выполняли роль связных и осведомителей, добывали и доставляли командованию партизан и Красной Армии ценную информацию и разведданные, направляли в партизанские подразделения людей, оружие, боеприпасы и медикаменты. Правда, боевая и диверсионно-террористическая работа подпольщиков осуществлялась без того оперативного размаха, которым характеризуются действия собственно партизанского фронта.

Действия народных мстителей дополнялись активным сопротивлением оккупантам сотен тысяч «мирных» граждан, действенным образом влияли на это сопротивление. Борьба вооруженных партизан и подпольщиков носила высокоэффективный характер именно потому, что бойцы в гражданской одежде и «тайный фронт» не только были кровно связаны с пародом, но и постоянно получали большую материальную помощь и поддержку всего населения, находившегося на временно оккупированной земле. Местные жители в течение всего периода войны обеспечивали партизан и подпольщиков одеждой и продуктами питания, собирали на местах бывших сражений оружие и боеприпасы, передавали им достоверные данные о противнике,

служили проводниками, связными, разведчиками, добывали и доставляли в отряды медикаменты, представляли свои квартиры для явок, выполняли разнообразную работу по заданию подпольных партийных органов и партизанского командования.

Наконец, «мирное» население нередко поднималось до уровня боевой и диверсионной деятельности партизан и подпольщиков. В деревнях и поселках оно создавало посты наблюдения, отряды самообороны и охраняло свои селения от вторжения вооруженных вражеских подразделений и служащих оккупационной администрации, целыми селениями принимало непосредственное участие в разрушении коммуникаций противника.

Местные жители городов и деревень отказывались работать на врага, саботировали военные, экономические, административные и другие мероприятия оккупационных властей. Вместе с партизанами и подпольщиками они поднимали вооруженное восстание в тылу вражеских войск, внося тем самым свой посильный вклад в разгром противника, в освобождение социалистической Родины от немецко-фашистского порабощения.

Все формы организации, виды, методы и приемы патриотической борьбы, составлявшие единый всенародный фронт в тылу врага, — широкая по масштабам и эффективная по значимости борьба вооруженных партизанских формирований, многоплановая деятельность подпольщиков в городах и других населенных пунктах, срыв невооруженным населением военных, экономических и политических мероприятий оккупантов * — были гибки, находились в генетической, тесной боевой и политической взаимосвязи, воздействовали друг на друга. Иначе и быть не могло, ибо диалектическое единство конкретных форм организации, видов и приемов борьбы, способов достижения конечной политической цели вытекало из самой сути этого глубоко народного патриотического движения.

Коммунистическая партия, плоть от плоти народа, политический авангард трудящихся, давала патриотам ясную перспективу и вдохновляющую программу деятельности. Безраздельно руководя таким сложным общественно-исто-

* Как известно, «пассивную», «мелкую борьбу» с противником, «брожение деревни» В. И. Ленин отнес к длительной партизанской войне (см.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 14, стр. 143, 153, 154, 155).

рическим явлением, каким была партизанская война в тылу врага, она как бы оранжировала составляющие его силы. Опираясь на инициативу масс, партия выбирала и подсказывала, организовывала и углубляла именно те формы организации, средства и приемы активного сопротивления захватчикам, которые возникали в ходе войны и которые в данной местности, в конкретной обстановке и на данном этапе борьбы с врагом являлись наиболее гибкими и целесообразными с точки зрения нанесения максимального ущерба противнику.

Патриотическое движение в тылу немецко-фашистских захватчиков зримо и убедительно показало, что героизму, мужеству, стойкости и непреклонной решимости советского народа любой ценой отстоять свое социалистическое Отечество нет предела. Всеобъемлющая война на временно оккупированной территории показала также, сколь глубока и неукротима была вера советского народа в победу правого дела, как велика и всесторонне была его поддержка, оказываемая борющимся в тылу врага патриотам. В реальной обстановке подтвердилась жизненная сила марксистско-ленинского положения о том, что «война наших дней есть народная война»¹³⁹ и что побеждает в ней «тот, у кого больше резервов, больше источников силы, больше выдержки в народной толще»¹⁴⁰.

Одержав победу в Великой Отечественной войне — самой тяжелой и самой жестокой из всех войн, когда-либо пережитых нашей Родиной, советский народ с полным основанием может повторить пророческие слова В. И. Ленина о том, что дело Советской власти стоит настолько прочно, «что каковы бы ни были попытки нашествия на Россию, и военные предприятия против России, а таких попыток еще, вероятно, будет не одна, но мы уже закалены нашим опытом и на основании фактического опыта знаем, что все эти попытки рассыплются прахом»¹⁴¹. На практике еще раз с особой силой подтвердилась жизненная сила марксистско-ленинского учения о том, что в напряженный период истории «только передовая часть рабочего класса, только его авангард в состоянии вести свою страну»¹⁴² и что «когда миллионы трудящихся объединяются, как один человек, идя за лучшими людьми своего класса, — тогда победа обеспечена»¹⁴³.

З а к л ю ч е н и е

Гениальный продолжатель революционного дела Маркса и Энгельса, вождь Коммунистической партии и трудящихся В. И. Ленин изучал и разрабатывал проблему партизанской войны как составную часть революционной стратегии и тактики революционного авангарда России — партии большевиков. Раскрыв объективные предпосылки и историческую закономерность возникновения партизанского движения в освободительной борьбе, он исследовал этот вопрос прежде всего применительно к российской революционной практике, конкретной исторической действительности. Как подлинный революционный марксист он диалектически гибко, с учетом малейших сдвигов в расстановке и соотношении классовых сил подходил к выбору пути, организационных форм, методов и тактических приемов революционной борьбы и, в зависимости от реально складывавшейся политической ситуации и общей исторической обстановки, рекомендовал партии активно использовать их. В работах и статьях В. И. Ленина периода первой русской революции, предоктябрьских и последующих лет, в выступлениях на партийных съездах и конференциях, митингах и собраниях сформулированы глубокие научные выводы и обобщения о социально-политической сущности и народном характере партизанской войны, доказана необходимость руководства Коммунистической партией партизанским движением, авангардной роли рабочего класса в нем.

В центре внимания В. И. Ленина были преимущественно партизанские выступления, партизанская борьба полосы пролетарской революции и периода гражданской войны. Рассматривая революцию в России как единый, непрерывный процесс, он буквально по крупицам собирал и обобщал

все новое, что зарождалось в практике массового революционного движения. Выводы и положения, сформулированные им в ходе изучения проблемы партизанского движения, служили руководством к действию в первую очередь для революционеров-марксистов России. Однако из этого вовсе не следует, что наблюдения В. И. Ленина ограничивались лишь узкой российской сферой, а его взгляды и теоретические положения имеют только национально-особенное значение.

Конкретное исследование российской революционной практики у В. И. Ленина органически сочеталось с глубоким научным анализом опыта мировой истории классовой борьбы. Иначе и быть не могло, поскольку Россия представляла собой неотъемлемое звено всей капиталистической системы и общественно-экономические противоречия, классовая борьба в ней развивались в общем русле мирового революционного процесса. Национальные же особенности ее в этом процессе, как и в ряде других вопросов, могли касаться и касались «только не самого главного»¹.

«Марксизм, как единственно правильную революционную теорию,— подчеркивал В. И. Ленин,— Россия поистине *выстрадала* полувековой историей неслыханных мук и жертв, невиданного революционного героизма, невероятной энергии и беззаветности исканий, обучения, испытания на практике, разочарований, проверки, сопоставления опыта Европы»². А отсюда со всей очевидностью вытекает тот факт, что применимость и действенность разработанного В. И. Лениным учения о партизанской войне в своих главных чертах полностью относится и к другим странам. Как ленинизм в целом, оно является глубоко интернациональным, представляет собой творческое развитие военно-теоретического наследия К. Маркса и Ф. Энгельса, носит не преходящий, а в известной степени всеобщий характер, является бесценным достоянием всего мирового революционного и освободительного движения. Большевик, указывал В. И. Ленин, «стал *мировым*». Он «дал идею, теорию, программу, тактику, отличающуюся конкретно, практически, от социал-шовинизма и социал-нацифизма... Большевик *годится как образец тактики для всех*»³.

Однако было бы ошибочным полагать, что на все времена могут быть предложены универсальные рецепты, средства и приемы борьбы. Революционная тактика, под-

черкивал В. И. Ленин, «состоит в соединении *различных* приемов борьбы, в умелом переходе от одного к другому, в неуклонном повышении сознания масс и широты их коллективных действий, из которых каждое в отдельности бывает то наступательным, то оборонительным, а все вместе ведут к более глубокому и решительному конфликту»⁴. Но как бы примеры освободительного движения других стран ни были сродни революционному пути России, не следует слепо и во всех подробностях подражать им. Не следует шаблонно и безоговорочно «копировать нашей тактики, а самостоятельно продумывать причины ее своеобразия, условия и итоги ее, применять у себя не букву, а дух, смысл, уроки опыта...»⁵⁻⁷.

В период упрочения молодой Советской Республики, решая неотложные повседневные задачи борьбы с внутренними и внешними врагами социалистической революции, с голодом и разрухой, В. И. Ленин смотрел далеко вперед, указывал коммунистическим и рабочим партиям наиболее целесообразные пути, средства и приемы борьбы за социально-политическое и национальное освобождение. В апреле — мае 1920 года, накануне открытия II Конгресса Коминтерна он написал гениальный труд «Детская болезнь «левизны» в коммунизме», задуманный первоначально как «Опыт популярной беседы о марксистской стратегии и тактике». Это произведение знаменовало собой важнейший этап в дальнейшем развитии марксистско-ленинской теории, в разработке глубинных вопросов стратегии и тактики пролетарских партий в новой исторической обстановке — в эпоху общего кризиса капитализма в условиях существования и борьбы двух общественно-экономических систем. Это ленинское произведение явилось и является поныне для революционеров-марксистов всех стран настольной книгой. В. И. Ленин передавал молодым коммунистическим и рабочим партиям богатейший опыт большевизма, призывал их вести последовательную революционную политику против всех проявлений политического сектанства, доктринерства и других ошибок. Он подверг всесторонней критике ошибки «левых», показав, что «левое доктринерство», прикрываемое мнимо революционными фразами, является отступлением от теории и практики марксизма к апархо-синдикализму и толкает коммунистические партии на пагубный для них путь изоляции от трудящихся масс.

«Опыт доказал, — указывал В. И. Ленин, — что в некоторых весьма существенных вопросах пролетарской революции *всем* странам неизбежно предстоит проделать то, что проделала Россия»⁸. После Октября ни одно явление в мире уже не может быть правильно понято, если не поставить во главу угла Советскую Россию.

Отсюда — всемирное значение основ большевистской стратегии и тактики. Большевизм ценою огромных жертв и каждодневных исканий проделал практическую историю, которая по богатству опыта, разнообразию и скорости смены различных форм революционной борьбы не имеет себе равной в мире. Не считаться с этим опытом — значит делать глубочайшую ошибку и отступать от интернационализма. Задачу своего произведения В. И. Ленин видел в том, чтобы рассмотреть опыт России в связи с некоторыми злободневными вопросами интернациональной коммунистической тактики, применить к задачам и политике революционных партий других стран то, что есть общеприменимого, общезначимого, общеобязательного в истории и современной тактике большевизма, постоянно памятуя, что «основные революционные принципы должны быть приспособлены к особенностям разных стран»⁹.

В. И. Ленин учил, что политика и тактика партии должны быть основаны на трезвом, строго объективном и научно проверенном учете всех классовых сил данной страны и других государств, а также на учете опыта революционного движения в мировом масштабе. Он резко критиковал догматизм «левых», не желавших считаться с изменяющейся обстановкой, творчески применять революционную теорию, использовать новые возникающие возможности борьбы в интересах рабочего класса. Углубляя эту мысль, Владимир Ильич сделал важнейший теоретический вывод: коммунистическим партиям, революционному классу необходимо быть максимально гибкими в своей тактике, уметь владеть всеми средствами борьбы, «*всеми*, без малейшего изъятия, формами или сторонами общественной деятельности», вливать новое содержание в старые формы и выдвигать новые формы работы, уметь соединять нелегальные и легальные способы борьбы, быть готовым «к самой быстрой и неожиданной смене одной формы другою»¹⁰, знать настроение масс, не забегать вперед, но и не отставать от темпов массового движения. Подходя к этим вопросам не умозрительно, не абстрактно-догматически, а с

позиций материалистической диалектики, В. И. Ленин со всей силой настаивал на необходимости абсолютно точного выбора марксистскими партиями и революционным классом именно тех форм и средств борьбы, которые диктуются сложившейся исторической реальностью.

Эти ленинские программные заветы, как и все остальные, относящиеся к проблеме форм (видов) и приемов классовой борьбы (в равной мере и партизанской войны), были обогащены и творчески развиты Коммунистической партией и воплощены ею в практику как в годы борьбы с внутренней контрреволюцией и иностранной вооруженной интервенцией, так и в период Великой Отечественной войны. Вся деятельность партии по организации и руководству партизанским движением, начиная от директив и кончая конкретными организационно-практическими мероприятиями, была пронизана духом ленинских идей. Направляя и организуя всенародную войну в тылу врага, Коммунистическая партия одновременно углубляла, творчески развивала и совершенствовала ленинское учение о партизанском движении. В этом заключался залог силы и непобедимости советского партизанского движения, превращение его в фактор стратегического значения. Партизанское движение периода Великой Отечественной войны — поистине народный подвиг, синтезировавший в себе и ленинское идейное наследие о партизанской войне, и мудрую работу партии, и новаторство партизанских вожakov, и ратную доблесть советских людей, их патриотизм и самоотверженность.

Развитые В. И. Лениным идеи о необходимости диалектически гибко, с учетом конкретно-исторической обстановки подходить к выбору и использованию различных форм и приемов массовой борьбы служат надежным компасом для международного рабочего и коммунистического движения. Они по сей день находятся на вооружении марксистско-ленинских партий, помогают им в борьбе за мир, социально-политическое и национальное освобождение. Разрабатывая свою стратегию и тактику, они стремятся на основе ленинского учения строго учитывать сложнейшую диалектику соотношения конкретной ситуации и исторических условий, зрелости объективных и субъективных факторов революции, специфику каждой страны. Марксистско-ленинские авангарды ведут решительную борьбу с разными «левыми» и правыми группировками, которые

всячески фальсифицируют смысл и содержание социальной революции то в духе левацкого авантюризма, то в духе реформистского оппортунизма. «Предельно наивно, — пишет один из лидеров Народной партии Ирана Эхсан Табарри, — когда хотят формально копировать ту или иную революцию только под тем предлогом, что она была победоносной в иных условиях. Умелое сочетание общих и частных законов социальной революции — ...чрезвычайно сложная вещь. Очень важно также глубоко знать свой народ и находить именно те формы революционных действий, которые наиболее ему понятны и близки. Находить специфику каждой отдельно взятой страны и применять общее положение в условиях этой специфики — вот сущность творческого марксизма»¹¹.

Современные «левые» коммунисты, особенно исповедующие маоизм, игнорируют вклад ленинского гения в сокровищницу марксизма-ленинизма. Маоисты пытаются навязать компартиям и трудящимся стран Азии, Африки и Латинской Америки свои схемы «революционной» борьбы, представляющие ревизию положений марксизма-ленинизма. Выдвигая так называемую «теорию народной войны», они отрицают необходимость учета конкретно-исторической обстановки, тщательной подготовки масс к выступлению, стремятся навязать национально-освободительному движению всех стран и континентов только одну форму действий — вооруженную борьбу. Причем решающим фактором этой «исторически целесообразной» формы выступлений против империализма «левые» ревизионисты считают не мировую систему социализма, которой принадлежит историческая инициатива, не международный пролетариат, а развивающиеся страны Азии, Африки и Латинской Америки. Они, по мнению современных «левых», составляют «хорошую мировую деревню» — основную революционную силу, противостоящую «плохому городу» — высокоразвитым странам Европы и Северной Америки.

Основываясь на этой «теории», маоисты и «левые» фразеры пренебрегают живым взаимодействием объективных условий и революционной ситуации, то есть, когда к «объективным переменам присоединяется субъективная, именно: присоединяется способность революционного класса на революционные массовые действия, достаточно *сильные*, чтобы сломить (или надломить) старое правительство, которое никогда, даже и в эпоху кризисов, не «упа-

дет», если его не «уронят»¹². Отрицая глубинные противоречия, которые в конечном счете лежат в основе происходящих национально-освободительных и революционных движений, революционную ситуацию и революционный кризис как главные предпосылки для проведения победоносного выступления пролетариата, они демагогически утверждают, что в современных условиях успешную революционно-освободительную борьбу — «народную войну» с империалистическими силами способно вести лишь объединяемое по географическому принципу и численно преобладающее крестьянство. Используя партизанские средства и приемы борьбы, оно самостоятельно выступает против городов, захватывает их и освобождает в ходе борьбы рабочий класс и интеллигенцию¹³.

«Единственная форма революции, по мнению левацких элементов,— пишет Эхсан Табари,— это... партизанская война. «Все для вооруженной борьбы!» — крикливо пишут и говорят они. Иранские маоисты много разглагольствуют об окружении деревней городов, о первостепенной роли крестьянства как основной движущей силы революции... Левацкие элементы не придают никакого значения реальным тактическим приемам борьбы. Они явно умаляют значение повседневной борьбы за демократические права, за реформы, работу в легальных профсоюзах, называя все это реформистскими и оппортунистическими загибами. Они фактически не понимают национально-демократического характера нашей революции, ее движущих сил»¹⁴.

Для подлинно марксистско-ленинских партий совершенно ясно, что сила пролетариата в историческом движении неизмеримо выше, чем его доля в общей массе населения, и что пролетариат способен стать руководителем общедемократического движения и там, где из-за недостаточного развития капитализма рабочий класс по своей численности составляет меньшинство населения страны¹⁵. Невозможно также, пренебрегая объективными условиями и ролью субъективного фактора, отдавать предпочтение одной форме борьбы в ущерб другим, механически навязывать всем народам, борющимся за свою социальную свободу и национальную независимость лишь те специфические формы борьбы, которые в свое время в благоприятных условиях были приемлемы для некоторых стран Азии. Стремление маоистов и «левых» ультрареволюционеров навязать и использовать одни и те же революционные

формы действий для всех народов является отходом от марксизма-ленинизма и, несомненно, обречено на провал. Их расчет на потенциальные революционные возможности только крестьянских масс в национально-освободительном движении на деле означает не что иное, как отрицание руководящей роли рабочего класса и его боевого авангарда — коммунистических и рабочих партий, их способности объединять вокруг себя для борьбы с империализмом все прогрессивные силы той или иной страны, в том числе и крестьянство. Прямое следствие этой «новой», более «совершенной», а в самом прямом смысле слова антинаучной, антиленинской «теории народной войны» состоит в том, что она направлена на разъединение городского пролетариата с крестьянскими массами, подрывает их союз, который является непременным условием победы революционных сил над эксплуататорскими классами.

По всем коренным вопросам революционной стратегии и тактики марксисты-ленинцы дают решительный отпор всем ревизионистским вылазкам как правого, так и «левого» направления. В Обращении Совецания коммунистических и рабочих партий 1969 года «О 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина» указывается: «Коммунисты видят свою задачу в том, чтобы в борьбе против любых противников твердо отстаивать революционные принципы марксизма-ленинизма, пролетарского интернационализма, неуклонно претворять их в жизнь, постоянно развивать марксистско-ленинскую теорию, обогащать ее на основе современного опыта классовой борьбы и строительства социалистического общества. Коммунисты будут всегда верны творческому духу ленинизма»¹⁶⁻¹⁷.

Опыт пачавшихся после второй мировой войны антиколониальных войн и революций против прогнивших марионеточных режимов убедительно подтверждает тот факт, что партизанская война, наряду с другими формами и приемами борьбы, остается в числе важнейших для народных масс Юго-Восточной Азии, Африки и Латинской Америки. Причем на отдельных этапах и в определенных условиях она поднимается до уровня главных форм революционной борьбы.

Исторический опыт и теоретически выявленная закономерность — огромное подспорье в революционной работе. Но только творческое, а не шаблонное копирование и использование этого опыта могут иметь положительное

значение при организации революционной борьбы. Поэтому, придавая огромное значение партизанским средствам, методам и приемам борьбы, никто из марксистов-ленинцев никогда не возводил и не возводит их в абсолют, как и не подвергал сомнению, что отдельные страны придут к социализму разными путями. «Можно предполагать,— отмечалось на Международном Совещании коммунистических и рабочих партий в 1969 году,— что и в будущем во многих странах путь вооруженной партизанской борьбы окажется правильным и необходимым в борьбе с империализмом. Однако было бы ошибкой возводить в абсолют эту форму борьбы и рассматривать ее как универсальную директиву для всех коммунистических партий»¹⁸.

Со времени победы Кубинской революции проблема партизанской войны стала предметом теоретических дискуссий как среди самих ее практиков, так и в рядах прогрессивных партий Латинской Америки. Вопрос о путях и методах латиноамериканской революции, роли, возможности и уместности в ней партизанского движения до сих пор вызывает полемику. Истинные революционеры, исходя из марксистско-ленинских критериев, совершенно справедливо считают, что вытекающая из объективных исторических предпосылок и верно скоординированная с другими видами и формами классовой борьбы партизанская война как один из радикальных методов достижения пролетариатом политических целей вовсе не утратила своей глубинной сути для латиноамериканского континента и должна находиться на вооружении масс.

Так, благороднейший революционер-романтик нашего времени Эрнесто Че Гевара, относивший партизанскую войну к одной из активнейших форм классовой борьбы, в своей работе «Партизанская война — метод борьбы» писал: «Прежде всего необходимо подчеркнуть, что эта форма борьбы является методом — методом достижения определенной цели. Этой целью — необходимой и неизбежной для всех революционеров — является захват политической власти»¹⁹. В связи с этим, писал Че Гевара, возникают вопросы: «Является ли партизанская война единственно возможной, основной формой борьбы пролетариата за власть во всей Латинской Америке или же это только одна из форм классовой борьбы? Применим ли кубинский образец к другим странам континента?»²⁰

Вопросы подобного порядка возводили потому, что в ходе дискуссии противники партизанской войны обычно противопоставляли ее борьбе широких народных масс. «Мы отвергаем такую концепцию,— писал Че Гевара.— *Партизанская война и есть война народа, борьба масс.* Пытаться осуществлять войну такого типа без поддержки населения — это путь к неизбежной катастрофе. Герилья есть борющийся авангард народа, действующий в пределах определенного района, вооруженный бастион, готовый начать ряд боевых действий, имеющих единственно возможную стратегическую цель: захват политической власти. Она поддерживается крестьянами и рабочими массами на всей территории, где она действует. Без этих предпосылок партизанская война абсолютно недопустима»²¹.

В то же время в условиях активизации левацкой мелкобуржуазной революционности в ряде стран Латинской Америки (и некоторых других регионах мира) определенное распространение получило фальшивое положение о вооруженных партизанских выступлениях локального масштаба как безотказном и абсолютном факторе создания подлинно революционной ситуации. Такое положение заставляет пролетарские авангарды исключительно внимательно относиться к различным сверхреволюционным проявлениям партизанских действий, исключительно соразмерно использовать их с другими средствами и приемами классовых выступлений, непременно учитывать общеполитическое настроение масс, конкретно-исторические условия в каждой отдельной стране и мировую обстановку в целом. Латиноамериканские коммунисты решительно осудили левацкий тезис о «партизанском очаге» как «универсальном катализаторе» революционной ситуации, считая его субъективистским, искусственным, оторванным от реальной действительности. Гносеологические корни этих вредных симптомов «детской болезни «левизны» в Латинской Америке они видят в волюнтаризме, непонимании соотношения готовности к борьбе передовых революционных отрядов и широких слоев народных масс, непонимании ленинской идеи демократической революции как самодеятельности трудовых масс. «Наш опыт,— пишет один из руководителей Коммунистической партии Колумбии Альваро Васкес,— демонстрирует также следующее: модный в некоторых кругах Латинской Америки тезис о том, что партизанская борьба обладает якобы некой магической способностью со-

здания ситуации, при которой народ придет к власти, не имеет той всеобщей ценности, которую ему приписывают»²².

Естественно, было бы серьезной ошибкой истолковывать это высказывание как решительное отрицание колумбийскими коммунистами ленинского учения о необходимости диалектически гибко подходить к вопросу использования в революционном движении различных средств и форм классовой борьбы, в том числе и партизанских. В цитируемом высказывании речь идет, несомненно, о непригодности в революционной борьбе не связанного с массовым движением ультралевого партизанства, об отличии этих обособленных выступлений от подлинно народной по характеру и революционной по содержанию партизанской войны, т. е. речь идет о последовательном применении на практике революционной теории марксизма-ленинизма.

А. Васкес пишет, что коммунисты Колумбии в своей деятельности всецело руководствуются положениями программы, принятой на X съезде компартии в 1966 году. В ней, в частности, говорится: «В процессе нашей революции будут сочетаться *все формы борьбы масс* в соответствии с условиями, переживаемым этапом и позицией революционных сил. При этом не отвергается *ни одна из форм действий масс*»²³. Говоря о перспективах партизанской борьбы, А. Васкес указывает, что коммунисты Колумбии с полным основанием могут сказать сегодня, что партизанская война в Колумбии «не может быть подавлена ни военными, ни политическими средствами»²⁴. Отношение революционеров-марксистов к такого рода действиям было обобщено в политической резолюции X съезда: «...Борьба в Колумбии развивается в форме крестьянского партизанского движения еще до того, как ситуация в стране может быть определена как революционная. Ясно, что революционное крестьянское движение не может позволить себе выступать в роли пассивного наблюдателя насильственного разгрома его организаций... Вместе с тем действия партизан помогают созданию некоторых необходимых субъективных факторов с тем, чтобы из революционной ситуации смогла возникнуть победоносная колумбийская революция. Это отвечает ленинским принципам, касающимся форм борьбы... Правильное сочетание форм борьбы является сутью нашей тактики»²⁵. Именно в этом латиноамериканские коммунисты видят мощь и гарантии победы общена-

родной революции. Как носители революционного сознания масс коммунисты исходят из ленинских принципов, что «сочинить такой рецепт или такое общее правило..., которое бы годилось на все случаи, есть нелепость»²⁶. Знаменосцы и авангарды классовой борьбы, указывал В. И. Ленин, должны «уметь приложить общие и основные принципы коммунизма к тому *своеобразию* отношений между классами и партиями, к тому *своеобразию* в объективном развитии к коммунизму, которое свойственно каждой отдельной стране и которое надо уметь изучить, найти, угадать»²⁷.

На заре Советской власти В. И. Ленин считал, что первое в мире государство рабочих и крестьян должно в меру своих сил и возможностей оказывать всестороннюю поддержку борющимся народам, национально-освободительному движению в колониальной системе. «Не может быть никаких споров о том, — говорил он, — что пролетариат передовых стран может и должен помочь отсталым трудящимся массам и что развитие отсталых стран может выйти из своей нынешней стадии, когда победоносный пролетариат советских республик протянет руку этим массам и сможет оказать им поддержку»²⁸. Свято следуя этим программным заветам, КПСС и Советское правительство на протяжении всей истории Советского государства активно поддерживают национально-освободительную борьбу в колониальных странах и прогрессивную политику молодых независимых государств Азии, Африки и Латинской Америки. Как отмечал в докладе «О пятидесятилетии Союза Советских Социалистических Республик» Л. И. Брежнев, «призвание и роль нашей политики на международной арене мы видим в том, чтобы всегда быть на стороне тех, кто борется против империализма, против всех форм эксплуатации и гнета, за свободу и человеческое достоинство, за демократию и социализм»²⁹. Это — принципиальный курс, определенный Программой мира, принятой XXIV съездом КПСС, активно претворяется в повседневную практику инициативной политикой ленинского Центрального Комитета Коммунистической партии и Советского правительства.

Примечания

Введение

- ¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 13, стр. 365.
- ² См.: В. И. Ленин. Об уличной борьбе (Советы генерала Коммуны). Полн. собр. соч., т. 9, стр. 347—348.
- ³ См.: Ленинский сборник, XXVI. М., 1934, стр. 355—365.
- ⁴ «Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине», т. 1. М., 1968, стр. 293.
- ⁵ См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 14, стр. 9.
- ⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 10, стр. 19.
- ⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 229.
- ⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 348.
- ⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 117.
- ¹⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 45.
- ¹¹ См.: «Антифашистское движение Сопротивления в странах Европы в годы второй мировой войны». М., 1962.
- ¹² См.: «История Болгарской коммунистической партии». М., 1971, стр. 423.
- ¹³ «Международное Совецание коммунистических и рабочих партий. Москва, 1969. Документы и материалы». Изд. «Мир и социализм», Прага, 1969, стр. 45.
- ¹⁴ Фидель Кастро. Речи и выступления. Перевод с испанского. М., 1960, стр. 162.
- ¹⁵ Эрнесто Че Гевара. Партизанская война. Перевод с испанского. М., 1961, стр. 12, 17.
- ¹⁶ «Международное Совецание коммунистических и рабочих партий. Москва, 1969. Документы и материалы». Изд. «Мир и социализм», Прага, 1969, стр. 260.
- ¹⁷ См.: «Проблемы мира и социализма», 1968, № 2, стр. 42.
- ¹⁸ Рамон Лопес. Новый опыт партизанской борьбы в Колумбии.— «Проблемы мира и социализма», 1967, № 2, стр. 61.
- ¹⁹ «Проблемы мира и социализма», 1973, № 10, стр. 35.
- ²⁰ «Granma», La Habana, viern 11 de agosto de 1967.
- ²¹ Р. Арисменди. Ленин, революция и Латинская Америка. М., 1973, стр. 466—467.
- ²² См.: Р. Арисменди. Ленин, революция и Латинская Америка, стр. 460—461.
- ²³ Цит. по кн.: Ю. А. Краси п. Диалектика революционного процесса. М., 1972, стр. 120—121.
- ²⁴ Цит. по кн.: Ю. А. Краси н. Диалектика революционного процесса, стр. 124.

- ²⁵ Фапон, Ф., Les damnés de la terre. Paris, 1970; его же: The Wretched of the Earth. N.-Y., 1968.
- ²⁶ Колонна — формирование партизан в латиноамериканских странах (прим. автора).
- ²⁷ См.: «Проблемы мира и социализма», 1968, № 4, стр. 64—65.
- ²⁸ Рорегн, I., Une stratégie pour la gauche. Paris, 1969, p. 91.
- ²⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 282.
- ³⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 181.
- ³¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 11, стр. 367.
- ³² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 77—78.
- ³³ «Вестник военной истории». Научные записки, 1971, № 2, стр. 125.
- ³⁴ Р. Арисменди. Ленин, революция и Латинская Америка, стр. 465.
- ³⁵ «Modern Guerrilla Warfare. Fighting Communist Guerrilla Movement, 1941—1961», Ed. by F. M. Osanka. New York, 1962, p. 65.
- ⁸⁶ См.: Hesse, E. «Der sowjetrussische Partisanenkrieg 1941 bis 1944 im Spiegel deutscher Kampfangeweisungen und Befehle». Studien und Dokumente zur Geschichte des Zweite Weltkrieges. Göttingen — Zürich — Frankfurt, 1969, ss. 42—46.

Глава I

- ¹ См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 5, стр. 7, 8.
- ² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 385.
- ³ См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 8. Примечания, стр. 607.
- ⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 7, стр. 196.
- ⁵ «Пролетарий» — нелегальная большевистская еженедельная газета, центральный орган РСДРП, созданный на основании постановления 12(25) ноября 1905 г., продолжила линию старой, ленинской «Искры» и сохранила полную преемственность с большевистской газетой «Вперед». Ответственным редактором являлся В. И. Ленин. Он написал в газету около 90 статей и заметок.
- ⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 10, стр. 340.
- ⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 10, стр. 340.
- ⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 11, стр. 101.
- ⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 11, стр. 3.
- ¹⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 11, стр. 58.
- ¹¹ Военные и боевые организации РСДРП начали создаваться в конце 1904 — начале 1905 года. Широкое распространение они получили в промышленных центрах России после III съезда РСДРП, обсуждавшего вопрос о вооруженном восстании и поручившего партийным организациям «принять самые энергичные меры к вооружению пролетариата, а также к выработке плана вооруженного восстания и непосредственного руководства таковым, создавая для этого, по мере надобности, особые группы из партийных работников» («КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», 7 изд., ч. I. М., 1953, стр. 77).
- ¹² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 11, стр. 337.
- ¹³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 11, стр. 336—337.

- ¹⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 11, стр. 338.
- ¹⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 11, стр. 337.
- ¹⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 11, стр. 341.
- ¹⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 11, стр. 341.
- ¹⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 219.
- ¹⁹ Н. К. Крупская. Вождь, революционер, ученый.— «Вопросы истории КПСС», 1960, № 2, стр. 187.
- ²⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 11, стр. 318.
- ²¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 14, стр. 152.
- ²² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 11, стр. 340.
- ²³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 13, стр. 322—323.
- ²⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 10, стр. 338.
- ²⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 7, стр. 33.
- ²⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 11, стр. 103.
- ²⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 11, стр. 317.
- ²⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, стр. 203.
- ²⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 6, стр. 416.
- ³⁰ См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 8.
- ³¹ См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 8, стр. 80.
- ³² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 13, стр. 371—372.
- ³³ См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 13, стр. 371, 374—375.
- ³⁴ См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 14, стр. 9.
- ³⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 344.
- ³⁶ См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 13, стр. 375.
- ³⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 540.
- ³⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 8, стр. 224.
- ³⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 533.
- ⁴⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 535.
- ⁴¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 537.
- ⁴² См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 543.
- ⁴³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 544.
- ⁴⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 546.
- ⁴⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 15, стр. 331.
- ⁴⁶ См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 11, стр. 317—318.
- ^{47—48} В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 11, стр. 349.
- ⁴⁹ «Партийные известия» — нелегальная газета, орган объединенного ЦК РСДРП, созданного после слияния большевистского ЦК и меньшевистской Организационной комиссии. Всего вышло 2 номера газеты. После IV (Объединительного) съезда РСДРП, в связи с выпуском большевиками и меньшевиками своих газет, издание «Партийных известий» было прекращено.
- ⁵⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 180.
- ⁵¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 180.
- ⁵² См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 180.
- ⁵³ «Коммунист», 1970, № 5, стр. 11.
- ⁵⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 13, стр. 76—77.
- ⁵⁵ См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 49, стр. 312—313.
- ⁵⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 49, стр. 313.
- ⁵⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 50, стр. 106.
- ⁵⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 5, стр. 7.
- ⁵⁹ См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 181.
- ⁶⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 181.
- ⁶¹ См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 11, стр. 338.
- ⁶² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 14, стр. 7.

- ⁹³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 14, стр. 11.
- ⁹⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 181.
- ⁹⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 229.
- ⁹⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 13, стр. 323.
- ⁹⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 13, стр. 323.
- ⁹⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 11, стр. 350.
- ⁹⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 11, стр. 318.
- ⁷⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 228—229.
- ⁷¹ См.: «Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника», т. 2, 1905—1912. М., 1971, стр. 232; «Памяти Ленина». Сб. Музея Революции СССР. М., 1934, № 6, стр. 67.
- ⁷² См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 12. Примечания, стр. 467.
- ⁷³ См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 13, стр. 55; «Четвертый (Объединительный) съезд РСДРП». Протоколы. М., 1959, стр. 636.
- ⁷⁴ См.: «ЦК КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов», т. 1. М., 1970, стр. 154.
- ⁷⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 13, стр. 367.
- ⁷⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 13, стр. 367.
- ⁷⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 14. Примечания, стр. 430.
- ⁷⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 14, стр. 20.
- ⁷⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 13, стр. 207.
- ⁸⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 393.
- ⁸¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 217.
- ⁸² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 181.
- ⁸³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 393.
- ⁸⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 11, стр. 89.
- ⁸⁵ См.: «Третий съезд РСДРП. Апрель—май 1905 года. Протоколы». М., 1959, стр. 233.
- ⁸⁶ «Революция 1905—1907 гг. в национальных районах России». М., 1955, стр. 529.
- ⁸⁷ «Всеподданейшая записка по управлению Кавказским краем генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова». Пб., 1907, стр. 25—26.
- ⁸⁸ См.: «Революция 1905—1907 гг. в национальных районах России», стр. 533.
- ⁸⁹ См.: Я. П. Крастынь. Революция 1905—1907 годов в Латвии. М., 1952, стр. 202; «Военно-боевая работа партии большевиков. 1903—1917». М., 1973, стр. 99—100.
- ⁹⁰ См.: Я. П. Крастынь. Революция 1905—1907 годов в Латвии, стр. 195.
- ⁹¹ См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 19—20; т. 14, стр. 5.
- ⁹² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 14, стр. 5—6.
- ⁹³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 14, стр. 6.
- ⁹⁴ См.: «Пролетариат в революции 1905—1907 гг. К 25-летию революции 1905 г.». М.—Л., 1930, стр. 261—265; «Революция 1905—1907 гг. в России. Документы и материалы», ч. II. М., 1955, докум. №№ 513—523, 536—548, 556—565 и др.
- ⁹⁵ См.: «Гісторыя Беларускай ССР» (у пяці тамах), т. 2. Мінск, 1971, стар. 405.
- ⁹⁶ См.: Л. Липинский, Е. Лукьянов. Крестьянское и солдатское движение в Белоруссии (1900—1907 гг.). Минск, 1968, стр. 155.

- 97 См.: Е. Лукьянов, А. Воронова. Революция 1905—1907 гг. в Белоруссии. Минск, 1954, стр. 46.
- 98 См.: К. Шабуня. Аграрный вопрос и крестьянское движение в Белоруссии в революции 1905—1907 гг. Минск, 1962, стр. 347.
- 99 См.: «Революционное движение в Белоруссии 1905—1907 гг.». Минск, 1955, стр. 510.
- 100 Л. Липинский, Е. Лукьянов. Крестьянское и солдатское движение в Белоруссии (1900—1907 гг.), стр. 154.
- 101 См.: Л. Липинский Е. Лукьянов. Крестьянское и солдатское движение в Белоруссии (1900—1907 гг.), стр. 154.
- 102 Цит. по кн.: Е. Лукьянов, А. Воронова. Революция 1905—1907 гг. в Белоруссии. Минск, 1954, стр. 46.
- 103 К. Шабуня. Аграрный вопрос и крестьянское движение в Белоруссии в революции 1905—1907 гг., стр. 347—348.
- 104 См.: «Бальшавікі Беларусі ў першай рускай рэвалюцыі». Мінск, 1955, стр. 191.
- 105 Цит. по кн.: «Гісторыя Беларускай ССР» (у пяці тамах), т. 2. Мінск, 1971, стар. 409.
- 106 См.: К. Шабуня. Аграрный вопрос и крестьянское движение в Белоруссии в революции 1905—1907 гг., стр. 348.
- 107 См.: А. Кузнецов. На пути к Октябрю. Минск, 1970, стр. 74, 75, 79.
- 108 См.: «Гісторыя Беларускай ССР» (у пяці тамах), т. 2, стар. 404.
- 109 «Очерки истории Коммунистической партии Белоруссии», ч. I, изд. 2-е. Минск, 1968, стр. 157.
- 110 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 13, стр. 288—289.
- 111 «Волна» — ежедневная большевистская газета — выходила легально в Петербурге с 26 апреля по 24 мая 1906 г. Вышло 25 номеров. С № 9 «Волна» фактически редактировалась В. И. Лениным.
- 112 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 13, стр. 71—72.
- 113 См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 13. Примечания, стр. 444.
- 114 «Пролетарий» — большевистская нелегальная газета. Выходила с 21 августа (3 сентября) 1906 г. по 28 ноября (11 декабря) 1909 г. под редакцией В. И. Ленина; вышло 50 номеров.
- 115 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 13, стр. 365.
- 116 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 13, стр. 365.
- 117 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 13, стр. 366.
- 118 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 47.
- 119 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 13, стр. 366.
- 120 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 13, стр. 367.
- 121 См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 13, стр. 367.
- 122 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 13, стр. 393.
- 123 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 13, стр. 393.
- 124 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 45.
- 125 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 13, стр. 322.
- 126 «Военно-босвая работа партии большевиков. 1903—1917 гг.». М., 1973, стр. 81.
- 127 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 13, стр. 375.
- 128 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 13, стр. 376—377.
- 129 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 14, стр. 1.
- 130 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 81.

- 131 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 14, стр. 1.
- 132 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 49, стр. 347.
- 133 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 49, стр. 347.
- 134 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 14, стр. 11—12.
- 135 См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 14, стр. 2.
- 136 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 14, стр. 9.
- 137 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 14, стр. 2.
- 138 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 14, стр. 4.
- 139 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 14, стр. 4.
- 140 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 11, стр. 31.
- 141 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 14, стр. 7—8.
- 142 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 14, стр. 8.
- 143 См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 13, стр. 395.
- 144 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 14, стр. 153—154.
- 145 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 14, стр. 154.
- 146 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 14, стр. 152, 153, 154.
- 147 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 14, стр. 155.
- 148 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 15, стр. 386.
- 149 «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», 7 изд., ч. I. М., 1954, стр. 105.
- 150 См.: «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», 7 изд., ч. I. М., 1954, стр. 108—109.
- 151 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 134.
- 152 В состав ЦК, избранного IV (Объединительным) съездом РСДРП, входило 7 меньшевиков и лишь 3 большевика.
- 153 «Пятый (Лондонский) съезд РСДРП. Протоколы». М., 1963, стр. 80.
- 154 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 56.
- 155 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 15, стр. 320.
- 156 См.: «История Коммунистической партии Советского Союза», т. 2. М., 1966, стр. 218—219.
- 157 «Пятый (Лондонский) съезд РСДРП. Протоколы». М., 1963, стр. 580—583.
- 158 «Пятый (Лондонский) съезд РСДРП. Протоколы». М., 1963, стр. 582.
- 159 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 276.
- 160 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 16, стр. 27.
- 161 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 16, стр. 27.
- 162 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 216—217.
- 163 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 42.
- 164 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 411.
- 165 См.: В. И. Ленин. Биографическая хроника, т. 2, стр. 12, 15, 111.
- 166 См.: «Военно-боевая работа партии большевиков 1903—1917 гг.». М., 1973, стр. 75.
- 167 С. И. Аралов — участник революции 1905 г., после Великой Октябрьской социалистической революции руководил Оперативным отделом, позднее был членом Революционного Военного Совета Республики и комиссаром его штаба, на VIII съезде партии выступал докладчиком о военном положении Советской Республики. Позднее был на дипломатической работе.
- 168 См.: С. И. Аралов. Ленин вел нас к победе. М., 1962, стр. 6.
- 169 См.: Ленинский сборник, V. М.—Л., 1929, стр. 279.

- 170 См.: «Боевая группа при ЦК РСДРП(б). Статьи и воспоминания». М.—Л., 1928, стр. 51, 60—61, 66, 79.
- 171 См.: «Военно-боевая работа партии большевиков (1903—1917 гг.)». М., 1973, стр. 98.
- 172 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 345.
- 173 А. Сиротинский. Путь Арсения. М., 1959, стр. 54, 55.
- 174 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 306.
- 175 См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 19, стр. 243.
- 176 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 14, стр. 384.
- 177 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 14, стр. 384—385.
- 178 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 20.
- 179 См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 398.
- 180 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 57.
- 181 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 49.
- 182 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 49.
- 183 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 48.
- 184 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 253.
- 185 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 13.
- 186 См.: И. И. Минц. История Великого Октября, т. 1. М., 1967, стр. 386, 390.
- 187 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 342—343.
- 188 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 54.
- 189 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 77.
- 190 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 79.
- 191 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 81.
- 192 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 81.
- 193 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 56—57.
- 194 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 218.
- 195 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 218.
- 196 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 221.
- 197 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 218—219.
- 198 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 10, стр. 295.
- 199 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 19, стр. 9.
- 200 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 206.
- 201 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 368.
- 202 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 48, стр. 315.
- 203 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 2.
- 204 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 101—102.
- 205 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 47.
- 206 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 287.
- 207 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 46.
- 208 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 14.
- 209 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 217.
- 210 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 14.
- 211 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 106.
- 212 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 49, стр. 76.
- 213 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 133.
- 214 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 56.
- 215 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 11.
- 216 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 400.
- 217 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 239.
- 218 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 277, 278, 282.
- 219 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 219.
- 220 См.: «Военно-исторический журнал», 1973, № 12, стр. 3.

- 221 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 14, стр. 8.
222 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 16, стр. 144.

Глава II

- 1 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 122.
2 «Вопросы истории», 1957, № 4, стр. 21.
3 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 286—287.
4 Ленинский сборник, XXXVII, стр. 138.
5 С. И. Гусев. Гражданская война и Красная Армия. М., 1958, стр. 74—75.
6 М. В. Фрунзе. Собрание сочинений, т. 1. М.—Л., 1929, стр. 224.
7 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 7.
8 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 202.
9 См.: С. И. Аралов. Ленин вел нас к победе, стр. 48; ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 2, д. 65, лл. 5, 24, 37; д. 352, лл. 73—79.
10 См.: С. И. Аралов. Ленин вел нас к победе, стр. 49.
11 Цит. по кн.: Н. Н. Азовцев. В. И. Ленин и советская военная наука. М., 1971, стр. 210.
12 Архив МО СССР, ф. 208, оп. 4466, д. 1, лл. 1—19.
13 Архив МО СССР, ф. 208, оп. 4466, д. 1, лл. 4—5.
14 Архив МО СССР, ф. 208, оп. 4466, д. 1, лл. 9, 10.
15 С. И. Аралов. Ленин вел нас к победе, стр. 50.
16 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 339.
17 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 9, стр. 186.
18 См.: С. И. Аралов. Ленин вел нас к победе, стр. 50.
19 См.: «Декреты Советской власти», т. 2. М., 1959, стр. 622.
20 См.: М. С. Кедров. Без большевистского руководства. М., 1930, стр. 115—118.
21 Цит. по кн.: С. П. Иванов. Ленинские основы советской военной науки. М., 1970, стр. 11.
22 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 50, стр. 175.
23 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 50, стр. 172.
24 См.: Е. Кирюхина. Ленин и Вятский край. Киров, отд. Волго-Вятского книжного изд-ва, 1970, стр. 100; «Воспоминания о В. И. Ленине», т. 3. М., 1965, стр. 148; М. С. Кедров. За Советский Север. Л., 1927, стр. 147.
25 «Этих дней не смолкнет слава». М., 1958, стр. 21.
26 См.: В. В. Тарасов. Борьба с интервентами на севере России. М., 1958, стр. 276—279; «Северный фронт. Сборник документов». М., 1961, док. №№ 103, 117, 119, 122—123, 129—130, 166, 182 и др.
27 См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 50, стр. 117—118, 130—131, 529.
28 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 51, стр. 42.
29 Л. Шаумян. Камо. М., 1959, стр. 233.
30 Цит. по сб.: «Ученые записки кафедр общественных наук вузов Ленинграда» (История КПСС, выпуск XI). Л., 1971, стр. 26.
31 «Новая жизнь», 1918, № 29, 20 (7) февраля; «Новый луч», 1918, № 27, 21 (8) февраля; «Петроградский голос», 1918, № 29, 21 (8) февраля.
32 «Борьба за Советскую власть в Белоруссии». Сборник документов и материалов, т. 1, Минск, 1968, стр. 21.
33 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 50, стр. 45.
34 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35. Примечания, стр. 580; «Новый луч», 1918, № 28, 22 (9) февраля.

- 35 См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 28; т. 37, стр. 55.
- 36 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 216.
- 37 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 216.
- 38 В. И. Ленин. Военная переписка (1917—1920). М., 1957, стр. 39.
- 39 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 440.
- 40 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 408.
- 41 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 515.
- 42 «Борьба за Советскую власть в Белоруссии» т. I, стр. 23.
- 43 «Борьба за Советскую власть в Белоруссии», т. 1, стр. 26—27.
- 44 См.: П. Селиванов. На защите завоеваний Октября. Минск, 1971, стр. 70.
- 45 «Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии». Документы и материалы, т. 2. Минск, 1957, стр. 892.
- 46 «Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии». Документы и материалы, т. 2, стр. 897.
- 47 «Борьба за Советскую власть в Белоруссии», т. 1, стр. 35.
- 48 «Борьба за Советскую власть в Белоруссии», т. 1, стр. 39.
- 49 «Борьба за Советскую власть в Белоруссии», т. 1, стр. 45.
- 50 См.: И. М. Игнатенко. Беднейшее крестьянство — союзник пролетариата в борьбе за победу Октябрьской революции в Белоруссии (1917—1918). Минск, 1962, стр. 424, 425.
- 51 См.: И. М. Игнатенко. Беднейшее крестьянство — союзник пролетариата в борьбе за победу Октябрьской революции в Белоруссии (1917—1918), стр. 424.
- 52 См.: «История СССР с древнейших времен до наших дней», серия вторая, т. VII. М., 1967, стр. 473.
- 53 См.: С. Почанин. В грозном восемнадцатом. Минск, 1968, стр. 203.
- 54 См.: И. М. Игнатенко. Беднейшее крестьянство — союзник пролетариата в борьбе за победу Октябрьской революции в Белоруссии (1917—1918), стр. 426.
- 55 «Неман», 1970, № 1, стр. 106.
- 56 См.: «Из истории гражданской войны в СССР». Сборник документов и материалов в трех томах, т. 1. М., 1960, стр. 685, 813.
- 57 «Крах немецкой оккупации в Белоруссии в 1918 году». Сборник документов. Минск, 1947, стр. 24.
- 58 ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 60, оп. 1, д. 489, лл. 1—7.
- 59 См.: «Очерки истории Коммунистической партии Белоруссии», ч. 1, изд. 2-е. Минск, 1968, стр. 422—423; «Переписка Секретариата ЦК РКП(б) с местными партийными организациями (август — сентябрь 1918 г.)». Сборник документов. М., 1969, стр. 129.
- 60 ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 60, оп. 1, д. 537, л. 456.
- 61 ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 39, оп. 1, д. 1, л. 15.
- 62 ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 59, оп. 1, д. 12, лл. 21, 22; ф. 60, оп. 4, д. 35, лл. 13—15.
- 63 См.: «Очерки истории Коммунистической партии Белоруссии», ч. 1, изд. 2-е. Минск, 1968, стр. 424.
- 64 См.: «Очерки истории Коммунистической партии Украины» (издание третье, дополненное). Киев, 1972, стр. 250.
- 65 См.: «Вопросы истории КПСС», 1958, № 3, стр. 44—45.
- 66 См.: С. Почанин. В грозном восемнадцатом, стр. 165, 207—208.

- 67 См.: С. В. Липницкий. Военная деятельность ЦК РКП(б) 1917—1920. М., 1973, стр. 169.
- 68 См.: С. Почанин. В грозном восемнадцатом, стр. 208—209.
- 69 См.: «Українська РСР в період громадянської війни (1917—1920 рр.)», в трех томах, т. 1. Київ, 1967, стр. 441; «Исторический архив», 1957, № 6, стр. 34.
- 70 Цит. по кн.: С. Почанин. В грозном восемнадцатом, стр. 212.
- 71 «Українська РСР в період громадянської війни (1917—1920 рр.)», в трех томах, т. 1, стр. 442.
- 72 См.: «Переписка Секретариата ЦК РКП(б) с местными партийными организациями (январь — март 1919 г.)». М., 1971, стр. 224, 223, 451.
- 73 «Из истории гражданской войны в СССР». Сборник документов, в трех томах, т. 1, стр. 693.
- 74 См.: У. Бяляўцаў. У. І. Ленін і Беларусь. Мінск, 1972, стар. 101.
- 75 Ленинский сборник. XXIV. стр. 96.
- 76 ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 60, оп. 1, д. 399, лл. 6—8.
- 77 ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 60, оп. 1, д. 399, лл. 6—8.
- 78 Цит. по сб.: «Из истории социалистического и коммунистического строительства». Минск, 1973, стр. 10.
- 79 ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 60, оп. 1, д. 399, л. 1.
- 80 Партийный архив ЦК КП Литвы, ф. 77, оп. 2, д. 17, л. 13.
- 81 См.: «Исторический архив», 1957, № 6, стр. 19.
- 82 См.: «Борьба за Советскую власть в Белоруссии. 1918—1920 гг.». Сборник документов и материалов, т. 2. Минск. 1971, стр. 213—218, 318—320; «Исторический архив». 1957. № 6, стр. 22.
- 83 Партаархив ЦК КП Литвы. ф. 77, оп. 3, д. 34, л. 1.
- 84 См.: «Звезда». 8 июля 1939 г.
- 85 Партаархив ЦК КП Литвы, ф. 77, оп. 2, д. 30, л. 10.
- 86 ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 60, оп. 1, д. 339, л. 6.
- 87 См.: А. Журов. Под руководством партии. Минск, 1971, стр. 74; І. Лочмель. «Барацьба беларускага народа супраць інтэрвентаў». Мінск, 1940, стар. 78.
- 88 ЦГАСА. ф. 33988, оп. 2, д. 99, лл. 287—288.
- 89 См.: «Победа Советской власти в Белоруссии». Минск, 1967, стр. 472.
- 90 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 51, стр. 158.
- 91 «Борьба за Советскую власть в Белоруссии», т. 2, стр. 267—268.
- 92 Г. Х. Эйхе. Опрокинутый тыл. М., 1966, стр. 6.
- 93 См.: Л. А. Стефанков. Коммунистическая партия — организатор разгрома объединенного похода Антанты. М., 1960, стр. 180.
- 94 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 69.
- 95 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 15—16.
- 96 «Известия ВЦИК», 30 июля 1918 г.
- 97 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 50, стр. 133.
- 98 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 54.
- 99 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 54.
- 100 См.: П. Г. Матушкин. Ленин об Урале. Исторический очерк. Челябинск, 1969, стр. 277.
- 101 См.: В. К. Блюхер. Статьи и речи. М., 1963, стр. 49.
- 102 В. В. Душенькин. Уральский рейд. М., 1973, стр. 67—68.
- 103 «Легендарный рейд». Сборник документов и материалов. М., 1959, стр. 176—177.

- ¹⁰⁴ См.: П. Г. Матушкин. Ленин об Урале. Исторический очерк, стр. 278.
- ¹⁰⁵ «Исторический архив», 1958, № 1, стр. 84.
- ¹⁰⁶ «Очерки истории Челябинской областной партийной организации. 1917—1967 гг.». Челябинск, 1967, стр. 150.
- ¹⁰⁷ См.: В. Душенъкин. От солдата до Маршала. М., 1966, стр. 67—70; И. Ф. Плотников. Десять тысяч героев (Легендарный рейд уральских партизан во главе с В. К. Блюхером). М., 1967.
- ¹⁰⁸ См.: «Вопросы истории КПСС», 1972, № 10, стр. 148.
- ¹⁰⁹ «Этих дней не смолкнет слава». Барнаул, 1967, стр. 82.
- ¹¹⁰ См.: «Партизанское движение в Западной Сибири (1918—1920)». Документы и материалы, изд. 2-е, исправленное и дополненное. Новосибирск, 1959, стр. 17.
- ¹¹¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 5.
- ¹¹² См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 383.
- ¹¹³ Г. Х. Эйхе. Опрокинутый тыл, стр. 286.
- ¹¹⁴ См.: М. И. Стишов. Большевистское подполье и партизанское движение в Сибири в годы гражданской войны (1918—1920 гг.). М., изд. Московского университета, 1962, стр. 142; «Партизанское движение в Западной Сибири (1918—1920)». Документы и материалы, изд. 2-е, исправленное и дополненное. Новосибирск, 1959, стр. 17—18.
- ¹¹⁵ См.: «Решающие победы советского народа над интервентами и белогвардейцами в 1919 г.». М., 1960, стр. 429—430.
- ¹¹⁶ См.: «История Сибири с древнейших времен до наших дней», т. 4. Л., 1968, стр. 103; И. Ф. Плотников. Героическое подполье. М., 1968, стр. 98, 99; М. И. Стишов. Большевистское подполье и партизанское движение в Сибири в годы гражданской войны (1918—1920 гг.), стр. 195—196.
- ¹¹⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 228.
- ¹¹⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 51, стр. 15, 18.
- ¹¹⁹ ЦГАСА, ф. 33988, оп. 1, д. 153, л. 42.
- ¹²⁰ Г. Х. Эйхе. Опрокинутый тыл, стр. 307.
- ¹²¹ См.: М. И. Стишов. Большевистское подполье и партизанское движение в Сибири в годы гражданской войны (1918—1920 гг.), стр. 195, 196; «Партизанское движение в Западной Сибири (1918—1920)». Документы и материалы, изд. 2-е, исправленное и дополненное. Новосибирск, 1959, стр. 16.
- ¹²² «Декреты Советской власти», т. 2. М., 1959, стр. 412.
- ¹²³ См.: М. И. Стишов. Большевистское подполье и партизанское движение в Сибири в годы гражданской войны (1918—1920 гг.), стр. 47—48; И. Ф. Плотников. Героическое подполье, стр. 123.
- ¹²⁴ «Борьба за Урал и Сибирь». Сб. воспоминаний. М.—Л., 1926, стр. 221.
- ¹²⁵ «Годы огневые, годы боевые». Сб. воспоминаний. Иркутск, 1961, стр. 62—63.
- ¹²⁶ Г. Х. Эйхе. Опрокинутый тыл, стр. 8.
- ¹²⁷ Я. М. Свердлов. Избранные произведения, т. 3. М., 1960, стр. 84.
- ¹²⁸ См.: «История Сибири с древнейших времен до наших дней», т. 4, стр. 108, 111.
- ¹²⁹ См.: М. И. Стишов. Большевистское подполье и партизанское

- движение в Сибири в годы гражданской войны (1918—1920 гг.), стр. 122—123; «Борьба за Урал и Сибирь», стр. 123—127.
- 130 См.: Л. М. Спири н. О деятельности Сибирского бюро ЦК РКП(б) в годы гражданской войны.— «Вопросы истории КПСС», 1961, № 2, стр. 101.
- 131 См.: И. Ф. Плотников. Героическое подполье, стр. 119, 125.
- 132 См.: П. Г. Матушкин. Ленин об Урале. Исторический очерк, стр. 323.
- 133 См.: Вл. Молотов. Большевики Сибири в период гражданской войны (1918—1919 гг.). Омск, 1949, стр. 126.
- 134 См.: С. Бейсембаев. Ленин и Казахстан. Алма-Ата, 1968, стр. 140.
- 135 См.: В. С. Познанский. Очерк истории вооруженной борьбы Советов Сибири с контрреволюцией в 1917—1918 гг. Новосибирск, 1973, стр. 146.
- 136 См.: Л. М. Спири н. Классы и партии в гражданской войне в России (1917—1920 гг.). М., 1968, стр. 370.
- 137 «В огне революционных битв». Томск, 1964, стр. 97.
- 138 См.: «Решающие победы советского народа над интервентами и белогвардейцами в 1919 г.». М., 1960, стр. 420, 449.
- 139 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 241.
- 140 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, стр. 183.
- 141 См.: П. Г. Матушкин. Ленин об Урале. Исторический очерк, стр. 319—320.
- 142 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 50, стр. 352.
- 143 См.: С. Бейсембаев. Ленин и Казахстан, стр. 138.
- 144 См.: «Партизанское движение в Западной Сибири (1918—1920)». Документы и материалы, док. № 35.
- 145 «Партизанское движение в Западной Сибири (1918—1920)». Документы и материалы, док. № 36.
- 146 См.: Н. Н. Азовцев. В. И. Ленин и советская военная наука. М., 1971, стр. 211; «Партизанское движение в Западной Сибири (1918—1920)». Документы и материалы, изд. 2-е, дополненное и исправленное. Новосибирск, 1959, стр. 22.
- 147 См.: «История Коммунистической партии Советского Союза», т. 3, кн. 2. М., 1968, стр. 348.
- 148 См.: «Партизанское движение в Западной Сибири (1918—1920)». Документы и материалы, стр. 22.
- 149 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 42.
- 150 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 220.
- 151 См.: «По указанию Ильича». М., 1969, стр. 128; С. Бейсембаев. Ленин и Казахстан, стр. 122—123.
- 152 См.: «В огне революции». Алма-Ата, 1957, стр. 64.
- 153 См.: П. М. Пахмурный. Коммунистическая партия — организатор партизанского движения в Казахстане. Алма-Ата, 1965, стр. 135—136.
- 154 Алиби Джангильдин. Документы и материалы. Алма-Ата, 1961, стр. 107.
- 155 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 321.
- 156 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 250.
- 157 См.: «История Коммунистической партии Советского Союза», т. 3, кн. 2. М., 1968, стр. 348—349; «Переписка Секретариата ЦК РКП(б) с местными партийными организациями (апрель — май 1919 г.)». М., 1972, стр. 270; В. С. Владимирцев. Пар-

- тия — организатор разгрома контрреволюции на юге. М., 1971, стр. 118—119.
- 158 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 277.
- 159 См.: Л. М. Спирин. Классы и партии в гражданской войне в России (1917—1920 гг.), стр. 364.
- 160 См.: А. И. Микоян. Дорогой борьбы. М., 1974, стр. 311, 331, 341, 446 и др.; Г. Б. Гарибджанян. В. И. Ленин и большевики Закавказья. М., 1974, стр. 265, 268.
- 161 «Решающие победы советского народа над интервентами и белогвардейцами в 1919 г.». М., 1960, стр. 379.
- 162 «Решающие победы советского народа над интервентами и белогвардейцами в 1919 г.», стр. 380.
- 163 См.: А. И. Микоян. Дорогой борьбы, стр. 420—422.
- 164 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 6.
- 165 См.: «История СССР с древнейших времен до наших дней», серия вторая, т. VII. М., 1967, стр. 540.
- 166 А. Деникин. Очерки русской смуты, т. V. Прага, 1923, стр. 248.
- 167 См.: В. С. Владимирцев. Партия — организатор разгрома контрреволюции на юге, стр. 119—120.
- 168 См.: «История Коммунистической партии Советского Союза», т. 3, кн. 2, стр. 353; «История СССР», т. VII. М., 1967, стр. 480.
- 169 «Очерки истории Коммунистической партии Украины», издание третье, дополненное. Киев, 1972, стр. 251.
- 170 См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36. Приложения, стр. 722; «Первый съезд Коммунистической партии (большевиков) Украины. К пятилетнему юбилею (1918—1923)». Харьков, 1923, стр. 12, 16, 93.
- 171 «Решающие победы советского народа над интервентами и белогвардейцами в 1919 г.». М., 1960, стр. 391.
- 172 См.: «Киевский Краснознаменный». М., 1974, стр. 20.
- 173 См.: «Українська РСР в період громадянської війни (1917—1920 рр.)», т. 1, стр. 432.
- 174 См.: «Киевский Краснознаменный», стр. 22—23.
- 175 См.: «Военная стратегия», издание третье, исправленное и дополненное. М., 1968, стр. 162.
- 176 См.: В. С. Владимирцев. Партия — организатор разгрома контрреволюции на юге. М., 1971, стр. 127.
- 177 См.: «Гражданская война на Украине (1918—1920)». Сборник документов и материалов в трех томах, четырех книгах, т. 2. Киев, 1967, стр. XXX.
- 178 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 45.
- 179 «Летопись революции», 1926, № 5—6, стр. 95—96.
- 180 См.: «Українська РСР в період громадянської війни» (1917—1920 рр.)», т. 2. Київ, 1967, стр. 353.
- 181 См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 286—287.
- 182 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 51, стр. 23.
- 183 См.: «Українська РСР в період громадянської війни (1917—1920 рр.)», т. 2, стр. 354.
- 184 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 277.
- 185 См.: «Летопись революции», 1929, № 5—6, стр. 215—216.
- 186 С. И. Аралов. Под руководством ленинского Центрального

- Комитета.— В сб. восп.: «Этих дней не смолкнет слава». М., 1958, стр. 23.
- 187 См.: «Очерки истории Коммунистической партии Украины», издание третье, дополненное, стр. 290.
- 188 См.: «Герои гражданской войны». М., 1938; «Герои гражданской войны». М., 1963.
- 189 См.: «Гражданская война на Украине (1918—1920)». Сборник документов и материалов в трех томах, четырех книгах, т. 2, док. №№ 424, 425, 428—430, 439, 465, 493, 514 и др.
- 190 См.: Н. И. Супруненко. Очерки истории гражданской войны и иностранной военной интервенции на Украине (1918—1920). М., 1966, стр. 309.
- 191 См.: В. А. Антонов-Овсеенко. Записки о гражданской войне. М.—Л., 1932, стр. 89—92, 96, 101, 114—116, 127 и др.
- 192 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 35.
- 193 См.: «Гражданская война на Украине (1918—1920)». Сборник документов и материалов в трех томах, четырех книгах, т. 1, кн. 2. Киев, 1967, стр. 362—363, 374, 437.
- 193а В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 35.
- 194 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 55.
- 195 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, стр. 290.
- 196 См.: «Українська РСР в період громадянської війни (1917—1920 рр.)», т. 2, стр. 379, 380.
- 197 См.: М. В. Фрунзе. Собрание сочинений, т. 1. М.—Л., 1926, стр. 176—181.
- 198 См.: «Летопись революции», 1925, № 4, стр. 94.
- 199 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 50, стр. 307.
- 200 См.: «Українська РСР в період громадянської війни (1917—1920 рр.)», т. 2, стр. 378.
- 201 См.: «История Коммунистической партии Советского Союза», т. 3, кн. 2. М., 1968, стр. 354.
- 202 См.: «История СССР с древнейших времен до наших дней», серия вторая, т. VII, стр. 537.
- 203 См.: «Гражданская война на Украине (1918—1920)». Сборник документов и материалов в трех томах, четырех книгах, т. 1, кн. 2, стр. 437.
- 204 «История Коммунистической партии Советского Союза», т. 3, кн. 2. М., 1968, стр. 365.
- 205 См.: «Українська РСР в період громадянської війни (1917—1920 рр.)», т. 2, стр. 376, 379, 380; Л. М. Спириин. Классы и партии в гражданской войне в России (1917—1920 гг.), стр. 355.
- 206 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 483.
- 207 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 232.
- 208 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 244.
- 209 «Директивы Главного командования Красной Армии (1917—1920)». Сборник документов. М., 1969, стр. 254—255.
- 210 См.: «Українська РСР в період громадянської війни (1917—1920 рр.)», т. 2, стр. 389, 390.
- 211 «История Коммунистической партии Советского Союза», т. 3, кн. 2. М., 1968, стр. 360.
- 212 «Гражданская война на Украине (1918—1920)». Сборник документов и материалов в трех томах, четырех книгах, т. 2, док. № 529.
- 213 См.: «Гражданская война на Украине (1918—1920)». Сборник до-

- кументов и материалов в трех томах, четырех книгах, т. 2, док. № 529.
- 214 См.: Н. Н. Азовцев. В. И. Ленин и советская военная наука. М., 1971, стр. 213.
- 215 См.: «Українська РСР в період громадянської війни (1917—1920 рр.)», т. 3. Київ, 1970, стр. 178—179; «Гражданская война на Украине (1918—1920)». Сборник документов и материалов, т. 3. Киев, 1967, стр. XII—XIII.
- 216 См.: «Українська РСР в період громадянської війни (1917—1920 рр.)», т. 3, стр. 180—181.
- 217 См.: «Гражданская война на Украине (1918—1920)». Сборник документов и материалов в трех томах, четырех книгах, т. 3, стр. 624—625.
- 218 См.: «Українська РСР в період громадянської війни (1917—1920 рр.)», т. 3, стр. 182—183.
- 219 См.: «Українська РСР в період громадянської війни (1917—1920 рр.)», т. 3, стр. 181.
- 220 См.: «Українська РСР в період громадянської війни (1917—1920 рр.)», т. 2, стр. 167—168.
- 221 См.: «Военно-исторический журнал», 1974, № 2, стр. 42.
- 222 См.: «История Коммунистической партии Советского Союза», т. 3, кн. 2. М., 1968, стр. 512.
- 223 «История гражданской войны в СССР. 1918—1922», т. 5. М., 1960, стр. 131.
- 224 См.: «История Коммунистической партии Советского Союза», т. 3, кн. 2. М., 1968, стр. 512—513.
- 225 См.: Б. Вольфон. Конец авантюры барона Врангеля. ГИЗ Крымской АССР, 1940, стр. 75.
- 226 См.: «Борьба за Советскую власть в Крыму». Документы и материалы, т. 2. Симферополь, 1961, стр. 279, 300; «Гражданская война на Украине (1918—1920)». Сборник документов и материалов в трех томах, четырех книгах, т. 3, стр. 250, 539, 602.
- 227 См.: «История гражданской войны в СССР. 1918—1922», т. 5, стр. 130.
- 228 См.: «Українська РСР в період громадянської війни (1917—1920 рр.)», т. 3, стр. 386.
- 229 См.: Н. Ф. Кузьмин. Крушение последнего похода Антанты. М., 1958, стр. 338.
- 230 См.: «Гражданская война на Украине (1918—1920)». Сборник документов и материалов в трех томах, четырех книгах, т. 3, док. №№ 701, 702; Н. Ф. Кузьмин. Крушение последнего похода Антанты, стр. 338.
- 231 См.: «Гражданская война на Украине (1918—1920)». Сборник документов и материалов в трех томах, четырех книгах, т. 3, стр. 771.
- 232 См.: «История гражданской войны в СССР. 1918—1922», т. 5, стр. 235.
- 233 См.: Н. Разгон. Борьба партизан против белогвардейцев на Северном Кавказе. М., 1942, стр. 21—38.
- 234 См.: «Борьба за власть Советов в Приморье. 1917—1922 гг.». Владивосток, 1955, стр. 303.
- 235 См.: «Героические годы борьбы и побед». М., 1968, стр. 172; М. А. Дробаў. Малая вайна. Партызанства і дыверсіі. Мінск, 1931, стар. 82.

- 236 П. П. Постышев. Гражданская война на востоке Сибири. 1917—1922 гг. М., 1957, стр. 38.
- 237 П. П. Постышев. Гражданская война на востоке Сибири. 1917—1922 гг., стр. 38, 43.
- 238 См., например, воспом. А. Ширямова. Тетюхинское восстание.—«Пролетарская революция», 1925, № 4(39), стр. 236—237 и др.
- 239 См.: М. И. Губельман. Борьба за Советский Дальний Восток. М., 1958, стр. 125—127; П. М. Никифоров. Записки премьера ДВР, изд. второе, переработанное. М., 1974, стр. 81.
- 240 ЦГАОР СССР, ф. 3453, оп. 1, д. 1, лл. 18, 113, 138, 184.
- 241 См.: «Красный архив», 1937, № 3/82, стр. 54, 56—58.
- 242 См.: «Решающие победы советского народа над интервентами и белогвардейцами в 1919 г.», стр. 437.
- 243 «Красный архив», 1938, № 6/91, стр. 54.
- 244 ЦГАОР СССР, ф. 3455, оп. 1, д. 1, л. 15; д. 4, л. 11.
- 245 ЦГАОР СССР, ф. 342 (1920 г.), д. 7, лл. 84—85.
- 246 См.: «Краснознаменный Дальневосточный». М., 1971, стр. 51.
- 247 См.: «История Сибири с древнейших времен до наших дней», т. 4. Л., 1968, стр. 161.
- 248 См.: «История гражданской войны в СССР. 1918—1922», т. 5, стр. 329, 343.
- 249 См.: «История гражданской войны в СССР. 1918—1922», т. 5, стр. 344.
- 250 См.: М. И. Губельман. Борьба за Советский Дальний Восток, стр. 202.
- 251 См.: «Краснознаменный Дальневосточный», стр. 52, 55; В. Душенькин. Пролетарский Маршал (о В. К. Блюхере). М., 1973, стр. 70—81 и др.
- 252 См.: В. Душенькин. Пролетарский Маршал, стр. 71—73.
- 253 См.: М. Губельман. Лазо. М., 1956, стр. 187—194; «Красный архив», 1938, № 6, стр. 19.
- 254 П. П. Постышев. Гражданская война на востоке Сибири. 1917—1922 гг., стр. 37.
- 255 П. П. Постышев. Гражданская война на востоке Сибири. 1917—1922 гг., стр. 39.
- 256 См.: «Эхо партизанских сопок». Хабаровск, 1973, стр. 280.
- 257 См.: «История гражданской войны в СССР. 1918—1922», т. 5, стр. 337; «Краснознаменный Дальневосточный», стр. 54, 57.
- 258 П. М. Никифоров. Записки премьера ДВР, изд. второе, переработанное. М., 1974, стр. 107.
- 259 См.: «История гражданской войны в СССР. 1918—1922», т. 5, стр. 338.
- 260 См.: «История гражданской войны в СССР. 1918—1922», т. 5, стр. 356.
- 261 См.: «Красный архив», 1938, № 6, стр. 22.
- 262 См.: М. И. Губельман. Борьба за Советский Дальний Восток, стр. 169.
- 263 См.: «Этих дней не смолкнет слава», стр. 345—352.
- 264 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 236.
- 265 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 302—303.
- 266 См.: «Интернационалисты в боях за власть Советов». Сборник статей. М., 1965, стр. 304.
- 267 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 134.

- 268 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 53, стр. 263.
- 269 «Боевое содружество трудящихся зарубежных стран с пародами Советской России (1917—1922 гг.)». М., 1957, стр. 384.
- 270 См.: «Гражданская война на Дальнем Востоке (1918—1922)», 1973, стр. 46, 51, 66 и др.
- 271 См.: «Об Октябрьской революции». Воспоминания зарубежных участников и очевидцев. М., 1967, стр. 14—15, 133—137 и др.
- 272 См.: «Интернационалисты. Трудящиеся зарубежных стран — участники борьбы за власть Советов на юге и востоке Республики». М., 1971, стр. 72—150.
- 273 Цит. по кн.: «Сергей Лазо. Воспоминания и документы». М., 1938, стр. 33.
- 274 См.: «Венгерские интернационалисты в Октябрьской революции и гражданской войне в СССР». Сб. документов, т. 1. М., 1968, стр. XIII, XIV; т. 2, док. №№ 471—492; М а т е З а л к а. В сибирских лесах.— В кн.: «Этих дней не смолкнет слава». М., 1958, стр. 183—188.
- 275 К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 33, стр. 374.
- 276 См.: «Гражданская война на Дальнем Востоке (1918—1922 гг.)», стр. 15.
- 277 М. Губельман. Лазо. М., 1956, стр. 165.
- 278 Н. Ильяхов и М. Титов. Партизанское движение в Приморье 1918—1920 гг. Л., 1928, стр. 48.
- 279 См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 127.
- 280 См.: «История Уральского военного округа». М., 1970, стр. 107.
- 281 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 153.

Глава III

- ¹ «О 30-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов» — «Правда», 9 февраля 1975 г.
- ² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 140.
- ³ «Большевик», 1945, № 1, стр. 25.
- ⁴ Л. И. Брежнев. Ленинским курсом. Речи и статьи, т. 1. М., 1970, стр. 238.
- ⁵ М. Калинин. О партизанской борьбе.— «Партийное строительство», 1942, № 9—10, стр. 37.
- ⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 14, стр. 9.
- ⁷ См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 229.
- ⁸ «КПСС о Вооруженных Силах Советского Союза». М., 1958, стр. 356.
- ⁹ См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 9, стр. 154; т. 26, стр. 41.
- ¹⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 346.
- ¹¹ «Коммунистическая партия в период Великой Отечественной войны (июнь 1941—1945 год)». Документы и материалы. М., 1964, стр. 87.
- ¹² «Коммунистическая партия в период Великой Отечественной войны (июль 1941—1945 год)». Документы и материалы, стр. 87.
- ¹³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 117.
- ¹⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 45.
- ¹⁵ См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 11—12.
- ¹⁶ «Коммунистическая партия в период Великой Отечественной войны (июль 1941—1945 год)». Документы и материалы, стр. 87.

- ¹⁷ См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 14, стр. 9.
- ¹⁸ «История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945», т. 2. М., 1961, стр. 121.
- ¹⁹ См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 332.
- ²⁰ Архив МО СССР, ф. 32, оп. 11302, д. 62, лл. 108—110; ф. 208, оп. 2526, д. 64, лл. 1—4; д. 65, лл. 1—3.
- ²¹ «Краснознаменный Белорусский военный округ». Минск, 1973, стр. 182; Архив МО СССР, ф. 32, оп. 795436, д. 3, лл. 291—293; ф. 208, оп. 2524, д. 6, лл. 151—152.
- ^{21а} В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 194.
- ²² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 206.
- ²³ «Всенародное партизанское движение в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны». Документы и материалы, т. 1. Минск, 1967, стр. 52.
- ²⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 14, стр. 11.
- ²⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 124.
- ²⁶ См.: «Очерки истории Коммунистической партии Белоруссии», ч. II. Минск, 1967, стр. 318.
- ²⁷ См.: «Герои подполья», выпуск второй, второе, исправленное и дополненное издание. М., 1970, стр. 103.
- ²⁸ См.: «Очерки истории Коммунистической партии Украины», издание второе. Киев, 1972, стр. 515; «Великая Отечественная война (1941—1945). Краткий научно-популярный очерк», издание второе, дополненное. М., 1973, стр. 277.
- ²⁹ См.: «Советские партизаны». М., 1963, стр. 414.
- ³⁰ См.: «Очерки истории Смоленской организации КПСС». М., 1970, стр. 311; Т. А. Логунова. Партийное подполье и партизанское движение в западных и центральных областях РСФСР. Июль 1941—1943 гг. М., 1973, стр. 40.
- ³¹ «Партизанская борьба с немецко-фашистскими захватчиками на территории Смоленщины (1941—1943 гг.)». Смоленск, 1962, стр. 23; «Уходили в поход партизаны». Смоленск, 1973, стр. 32.
- ³² См.: «Очерки истории Смоленской организации КПСС», стр. 313—314.
- ³³ См.: Т. К. Дандыкин. Еще одна страница подвига народного. Брянск, 1971, стр. 9.
- ³⁴ См.: А. К. Рашкевич. Народные мстители Латвии. М., 1973, стр. 9—25.
- ³⁵ См.: Д. З. Мурьев. Провал операции «Тайфун». М., 1972, стр. 289; Т. А. Логунова. Партийное подполье и партизанское движение в западных и центральных областях РСФСР. Июль 1941—1943 гг., стр. 39—40.
- ³⁶ См.: «История Коммунистической партии Советского Союза», т. 5, кн. 1. М., 1970, стр. 260; Д. З. Мурьев. Провал операции «Тайфун», стр. 290—291.
- ³⁷ См.: Ю. П. Петров. Партизанское движение в Ленинградской области, 1941—1944. Л., 1973, стр. 40.
- ³⁸ См.: «Великая Отечественная война (1941—1945). Краткий научно-популярный очерк», издание второе, дополненное, стр. 278.
- ³⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 22, стр. 260.
- ⁴⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 114.
- ⁴¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 46, стр. 211.
- ⁴² ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4, оп. 33 а, д. 20, лл. 1—6; д. 21, л. 55;

- д. 65, л. 60; д. 69, л. 45; ф. 3500, оп. 4, д. 20, лл. 12—13; ф. 4126, оп. 1, д. 2, л. 1.
- ⁴³ Архив МО СССР, ф. 213, оп. 2016, д. 6, лл. 35—36, 42—43, 65—66.
- ⁴⁴ См.: «Беспримерный подвиг». М., 1968, стр. 351.
- ⁴⁵ «Всенародное партизанское движение в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны». Документы и материалы, т. 1, стр. 53.
- ⁴⁶ «Всенародное партизанское движение в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны». Документы и материалы, т. 1, стр. 54.
- ⁴⁷ ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4, оп. 3, д. 1209, лл. 164—165; оп. 33 а, д. 4, л. 26.
- ⁴⁸ См.: «Советские партизаны», стр. 461.
- ⁴⁹ См.: «Всенародное партизанское движение в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны». Документы и материалы, т. 1, стр. 105—106; П. П. Липило. КПБ — организатор и руководитель партизанского движения в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны. Минск, 1959, стр. 37.
- ⁵⁰ «Правда», 18 августа 1941 г.
- ⁵¹ «Советская Белоруссия», 26 июля 1941 г.
- ⁵² См.: «Звезда», 2 августа 1941 г.
- ⁵³ Архив МО СССР, ф. 32, оп. 11314, д. 14, л. 420.
- ⁵⁴ ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4, оп. 33 а, д. 2, лл. 42—46.
- ⁵⁵ См.: П. П. Липило. КПБ — организатор и руководитель партизанского движения в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны, стр. 37; ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4, оп. 33 а, д. 61, лл. 1—3, 7; д. 646, лл. 146—148, 152.
- ⁵⁶ См.: «Українська РСР у Великій Вітчизняній війни Радянського Союзу 1941—1945 рр.», т. 1. Київ, 1967, стр. 304.
- ⁵⁷ ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 17, оп. 88, д. 480, л. 161; ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4, оп. 33 а, д. 6, л. 78; д. 42, л. 73; д. 45, л. 165.
- ⁵⁸ См.: «Уходили в поход партизаны». Смоленск, 1973, стр. 33.
- ⁵⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 5, стр. 372.
- ⁶⁰ См.: «Война в тылу врага», 1-й выпуск. М., 1974, стр. 29.
- ⁶¹ См.: «История Коммунистической партии Советского Союза», т. 5, кн. 1, стр. 263.
- ⁶² См.: «Крым в период Великой Отечественной войны 1941—1945». Сборник документов и материалов. Симферополь, 1973, стр. 209—211, 217—218; «Герои подполья», выпуск второй, второе, исправленное и дополненное издание, стр. 57.
- ⁶³ См.: П. Р. Швердалкин. Героическая борьба ленинградских партизан. Л., 1959, стр. 26; «Военно-исторический журнал», 1973, № 1, стр. 32.
- ⁶⁴ См.: «Великая Отечественная война Советского Союза 1941—1945». Краткая история, издание второе, исправленное и дополненное. М., 1970, стр. 110.
- ⁶⁵ «Советская Белоруссия», 23 августа 1972 г.
- ⁶⁶ Ф. Гальдер. Военный дневник, т. 3, кн. 1. М., 1971, стр. 71; «Военно-исторический журнал», 1973, № 2, стр. 108.
- ⁶⁷ См.: Норберт Мюллер. Вермахт и оккупация. М., 1974, стр. 115.
- ⁶⁸ См.: «Вопросы истории», 1971, № 5, стр. 17.
- ⁶⁹ См.: Норберт Мюллер. Вермахт и оккупация, стр. 15.
- ⁷⁰ «Совершенно секретно! Только для командования!». Стратегия

- фашистской Германии в войне против СССР. Документы и материалы. М., 1967, стр. 395.
- ⁷¹ ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4, оп. 33а, д. 65, лл. 55, 88; ф. 4126, оп. 1, д. 6, лл. 34—35.
- ⁷² См.: «Всенародное партизанское движение в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны». Документы и материалы, т. 1, стр. 83; П. П. Липило. КПБ — организатор и руководитель партизанского движения в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны, стр. 44.
- ⁷³ ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4, оп. 33 а, д. 638, лл. 27—29.
- ⁷⁴ ЦГАОР БССР, фонд переводов, д. 29, лл. 25—26.
- ⁷⁵ Ф. Гальдер. Военный дневник, т. 3, кн. 1, стр. 384.
- ⁷⁶ Ф. Гальдер. Военный дневник, т. 3, кн. 2, стр. 12, 120.
- ⁷⁷ См.: «Вопросы истории», 1971, № 5, стр. 20.
- ⁷⁸ «Военно-исторический журнал», 1973, № 1, стр. 37.
- ⁷⁹ См.: Ю. П. Петров. Партизанское движение в Ленинградской области. 1941—1944, стр. 30.
- ⁸⁰ См.: «Война в тылу врага», 1-й выпуск, стр. 37.
- ⁸¹ См.: «История Коммунистической партии Советского Союза», т. 5, кн. 1, стр. 261; Ю. П. Петров. Партизанское движение в Ленинградской области. 1941—1944, стр. 151—155.
- ⁸² См.: Ю. П. Петров. Партизанское движение в Ленинградской области. 1941—1944, стр. 109.
- ⁸³ Görlitz, W. Der Zweite Weltkrieg 1939—1945, Bd. II, Stuttgart, 1952, s. 108.
- ⁸⁴ «Коммунист Украины», 1974, № 10, стр. 63.
- ⁸⁵ См.: «Советские партизаны», стр. 311, 380; ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 69, оп. 1, д. 65, л. 9; Архив МО СССР, ф. 229, оп. 4184, д. 1, лл. 438—442.
- ⁸⁶ См.: «Битва за Москву». М., 1968, стр. 436.
- ⁸⁷ См.: Т. П. Лесняк. Из истории партизанского движения.— В кн.: «Бессмертный подвиг». М., 1968, стр. 446.
- ⁸⁸ См.: Норберт Мюллер. Вермахт и оккупация, стр. 116.
- ⁸⁹ ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4, оп. 33 а, д. 83, лл. 57, 63—64.
- ⁹⁰ См.: «Бессмертный подвиг». М., 1968, стр. 445.
- ⁹¹ Д. М. Проэктор. Агрессия и катастрофа, изд. 2-е, переработанное и дополненное. М., 1972, стр. 614—615.
- ⁹² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 363.
- ⁹³ «Всенародное партизанское движение в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны», т. 1, стр. 201.
- ⁹⁴ ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4, оп. 33 а, д. 589, л. 158.
- ⁹⁵ ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 69, оп. 1, д. 15, лл. 1, 3.
- ⁹⁶ С. Ковпак. От Путивля до Карпат. М., 1949, стр. 70—71.
- ⁹⁷ П. Вершигора. Люди с чистой совестью, книга первая. М., 1953, стр. 48.
- ⁹⁸ См.: А. В. Люцко. Деятельность КПБ по подбору, воспитанию и расстановке руководящих кадров (1943—1945 гг.). Минск, 1973, стр. 32.
- ⁹⁹ См.: Н. И. Макаров. Коммунистическая партия — организатор и руководитель всенародной борьбы на оккупированной врагом территории РСФСР в годы Великой Отечественной войны. Автореферат докторской диссертации. М., 1973, стр. 31.
- ¹⁰⁰ См.: «Суспільно-політичне життя трудящих Української РСР». Київ, 1973, стр. 268.

- ¹⁰¹ См.: «Крым в период Великой Отечественной войны 1941—1945», стр. 249, 270.
- ¹⁰² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 24, стр. 34.
- ^{102а} См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 7, стр. 290—291.
- ¹⁰³ Партийный архив Смоленского ОК КПСС (ПАСО), ф. 8, оп. 1, д. 378, л. 97.
- ¹⁰⁴ «Крым в период Великой Отечественной войны 1941—1945», стр. 248.
- ¹⁰⁵ ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 69, оп. 1, д. 6, л. 1.
- ¹⁰⁶ «Советские партизаны», стр. 687.
- ¹⁰⁷ Kühnrich, H. Op. cit., s. 144.
- ¹⁰⁸ ЦГАОР БССР, фонд переводов, оп. 1, д. 4, л. 290.
- ^{108а} В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 122.
- ¹⁰⁹ ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 69, оп. 1, д. 788, лл. 1—2.
- ¹¹⁰ «Партизаны Брянщины». Сборник документов и материалов, т. 2. Брянск, 1962, стр. 85.
- ^{110а} В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 205.
- ¹¹¹ «Вторая мировая война. Движение Сопротивления в Европе». Материалы научной конференции, посвященной 20-й годовщине победы над фашистской Германией, книга третья. М., 1966, стр. 53.
- ¹¹² См.: «История Коммунистической партии Советского Союза», т. 5, кн. 1, стр. 484; «Война в тылу врага», 1-й выпуск, стр. 56—57; ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4, оп. 33 а, д. 146, лл. 1—8.
- ¹¹³ См.: «Война в тылу врага», 1-й выпуск, стр. 57—58.
- ¹¹⁴ «Партизанская борьба с немецко-фашистскими оккупантами на территории Смоленщины. (1941—1943 гг.)». Документы и материалы. Смоленск, 1962, стр. 117.
- ¹¹⁵ См.: «Очерки истории Смоленской организации КПСС». М., 1970, стр. 348; «Партизанская борьба с немецко-фашистскими оккупантами на территории Смоленщины. (1941—1943 гг.)», стр. 308—312.
- ¹¹⁶ «Вопросы истории», 1958, № 5, стр. 32.
- ¹¹⁷ См.: Т. К. Д а н д ы к и н. Еще одна страница подвига народного, стр. 70—71; «Партизаны Брянщины». Сборник документов и материалов, изд. второе. Тула, 1970, стр. 456; «Крым в период Великой Отечественной войны 1941—1945», стр. 235—237.
- ¹¹⁸ См.: «История Коммунистической партии Советского Союза», т. 5, кн. 1, стр. 474, 494, 497; «Очерки истории Коммунистической партии Украины», изд. третье, дополненное. Киев, 1972, стр. 530.
- ¹¹⁹ ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4, оп. 20, д. 214, л. 136.
- ¹²⁰ ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4, оп. 20, д. 214, л. 136.
- ¹²¹ См.: «Вестник Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта імя У. І. Леніна», серыя III, 1974, № 1, стар. 6.
- ¹²² ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4, оп. 33 а, д. 256, лл. 240, 241.
- ¹²³ «Правда», 25 апреля 1943 г.
- ¹²⁴ См.: «Очерки истории Компартии Белоруссии», ч. II. Минск, 1967, стр. 339.
- ¹²⁵ См.: Г. А. Л о г у н о в а. Партийное подполье и партизанское движение в центральных и западных областях РСФСР (июнь 1941—1943), стр. 197.
- ¹²⁶ См.: П. Р. Ш е в е р д а л к и н. Героическая борьба ленинградских партизан, стр. 200.

- 127 См.: «Плечом к плечу». Сборник документов. Тула, 1972, стр. 136—142.
- 128 См.: «Шли на битву партизаны». Брянск, 1972, стр. 92.
- 129 См.: «Партизаны Брянщины». Сборник документов и материалов, т. 2. Брянск, 1962, стр. 255—256; «Шли на битву партизаны», стр. 93.
- 130 ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4, оп. 33 а, д. 281, л. 114.
- 131 ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 3793, оп. 1, д. 82, лл. 10, 82, 127; д. 83, лл. 179—180.
- 132 ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4, оп. 3, д. 1237, л. 240; ф. 3500, оп. 4, д. 246, л. 79; ф. 4139, оп. 1, д. 23, л. 12.
- 133 См.: «Непокоренная Белоруссия». М., 1963, стр. 182; ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4, оп. 3, д. 1249, л. 106; д. 1250, лл. 160, 177.
- 134 См.: Белорусская Савецкая Энцыклапедыя, т. 2, стар. 545.
- 135 ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4, оп. 3, д. 1236, л. 150; д. 1251, л. 26; оп. 33 а, д. 13, л. 3; д. 266, лл. 52—53, 84; д. 274, лл. 89, 109, 119, 124—129; ф. 3664, оп. 1, д. 1, лл. 1—2 и др.
- 136 См.: Белорусская Савецкая Энцыклапедыя, т. 7, стар. 184—185.
- 137 См.: «Партизаны Брянщины». Сборник документов и материалов, т. 2, стр. 487; П. Р. Ш е в е р д а л к и н. Героическая борьба ленинградских партизан, стр. 117.
- 138 См.: І. С. Краўчанка. Работа Кампартыі Беларусі ў тылу ворага (1941—1944 гг.). Мінск, 1959, стар. 159; ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 3793, оп. 1, д. 82, л. 55.
- 139 См.: «Зоря» (Дніпропетровськ), 8 травня 1966 р.
- 140 І. С л і н ь к о. Едність і дружба народів СРСР у Великій Вітчизняній війни. Київ, 1954, стр. 29.
- 141 См.: Вінниччина в період Великої Вітчизняної війни. 1941—1945. Хроніка подій. Київ, 1965, стр. 55; «Радянська Україна», 12 верасня 1964 р.
- 142 См.: «Непокоренная земля Псковская». Псков, 1964, стр. 151—159.
- 143 «Орловская область в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.)». Сборник документов и материалов. Орел, 1960, стр. 244—245.
- 144 Н. М о с к в и н. Партизанскими тропами. М., 1971, стр. 318.
- 145 См.: «Вопросы истории КПСС», 1970, № 5, стр. 36.
- 146 ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4, оп. 33 а, д. 188, лл. 20—23, 25.
- 147 См.: «Всепародное партизанское движение в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны». Документы и материалы, т. 2, книга 1. Минск, 1973, стр. 81—82.
- 148 И. З у е в и ч. Райком в подполье. Минск, 1972, стр. 131.
- 149 «Коммунист Белоруссии», 1969, № 8, стр. 19.
- 150 См.: «Всенародное партизанское движение в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны». Документы и материалы, т. 2, книга 1, стр. 108—110, 294; І. С. Краўчанка. Работа Кампартыі Беларусі ў тылу ворага (1941—1944 гг.), стр. 105, 112, 166; ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4, оп. 33а, д. 175, лл. 148, 169; д. 177, лл. 190, 195; д. 259, лл. 362—363; ф. 3793, оп. 1, д. 87, лл. 8—9.
- 151 А д а м С т е п а н е н к о. Непокоренные. Минск, 1970, стр. 212.
- 152 ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 3500, оп. 2, д. 1303, лл. 42—47, 52—72; оп. 4, д. 89, лл. 217—219; ф. 4159, оп. 1, д. 1, лл. 93—102; д. 3, лл. 1—6, 11—14, 43—108.
- 153 ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4, оп. 33 а, д. 486, лл. 35—45, 76;

- ф. 3793, оп. 1, д. 82, л. 127; д. 83, лл. 179—180.
- 154 ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 63, оп. 15, д. 86, л. 165.
- 155 ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 63, оп. 5, д. 13, лл. 67, 98; оп. 16, д. 4, л. 161; ф. 3503, оп. 1, д. 2, л. 2 и др.
- 156 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 497.
- 157 «Во главе защиты Советской Родины». Очерк деятельности КПСС в годы Великой Отечественной войны. М., 1975, стр. 176.
- 158 ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 3500, оп. 23, д. 21, л. 87.
- 159 ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 3500, оп. 3, д. 87, лл. 55—60.
- 160 См.: «Коммунист Белоруссии», 1974, № 6, стр. 12.
- 161 См.: «Очерки истории Компартии Белоруссии», ч. II, стр. 384—385.
- 162 См.: Н. И. Макаров. Коммунистическая партия — организатор и руководитель всенародной борьбы на оккупированной территории РСФСР в годы Великой Отечественной войны. Докторская диссертация. М., 1972, стр. 421.
- 163 «Во главе защиты Советской Родины». Очерк деятельности КПСС в годы Великой Отечественной войны, стр. 315.
- 164 «XVI съезд Коммунистической партии (большевиков) Украины». Киев, 1949, стр. 13—14.
- 165 См.: «Материалы по истории Коммунистической партии Латвии». Рига, 1969, стр. 222.
- 166 Ю. Палецкис. В двух мирах. М., 1974, стр. 424.
- 167 См.: «Вторая мировая война и современность». М., 1972, стр. 238.
- 168 А. Федоров. Подпольный обком действует. М., 1949, стр. 285—286.
- 169 «Коммунист Белоруссии», 1974, № 7, стр. 14.
- 170 См.: «Народная война в тылу врага». М., 1971, стр. 59; «История СССР с древнейших времен до наших дней», т. X. М., 1973, стр. 392; Т. А. Логунова. Партийное подполье и партизанское движение в западных и центральных областях РСФСР. Июль 1941—1943 гг., стр. 227.
- 171 См.: «История Коммунистической партии Советского Союза», т. 5, кн. 1, стр. 479—481.
- 172 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 83—84.
- 173 Hesse, E. Op. cit., s. 254.
- 174 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 21.
- 175 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 305.
- 176 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 294.
- 177 ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 3793, оп. 1, д. 82, л. 55.
- 178 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 95.
- 179 П. К. Пономаренко. Партизанское движение в Великой Отечественной войне. М., 1943, стр. 46.
- 180 См.: «Звезда», 23 листопада 1973 г.
- 181 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 14, стр. 193.
- 182 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 66—67.
- 183 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 78.
- 184 «Коммунист Белоруссии», 1974, № 7, стр. 12—13.
- 185 ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4, оп. 42, д. 243, лл. 402, 572.
- 186 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 5, стр. 9.
- 187 См.: «Вопросы истории КПСС», 1971, № 9, стр. 83.
- 188 См.: А. Ф. Юденков. Политическая работа партии среди населения оккупированной советской территории (1941—1944 гг.). М., 1971, стр. 305.

- 189 См.: «Вопросы истории КПСС», 1970, № 5, стр. 34.
- 190 См.: Л. Ф. Юденков. Политическая работа партии среди населения оккупированной советской территории (1941—1944 гг.), приложение № 2.
- 191 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 171.
- 192 См.: А. Ф. Юденков. Политическая работа партии среди населения оккупированной советской территории (1941—1944 гг.), приложение № 1.
- 193 См.: «Вопросы истории КПСС», 1971, № 5, стр. 81.
- 193a Архив ИИП при ЦК КПБ, фонд переводов, д. 68, лл. 18, 123—124, 163.
- 193b ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4261, оп. 1, д. 7, л. 43.
- 194 Цит. по журн. «Наука и жизнь», 1960, № 4, стр. 43.
- 195 См.: «Вопросы истории КПСС», 1971, № 5, стр. 83.
- 196 ПА ИИП при ЦК КПУ, ф. 1, оп. 16, д. 853, л. 2.
- 197 См.: И. П. Стафейчук. Комсомол Украины в партизанском движении (1941—1944). М., 1968, стр. 49—50.
- 198 Ал. Лисбедзеў. Бітва нябачпага фронту. Мінск, 1972, стар. 7, 108.
- 199 См.: «Гитлеровская оккупация в Литве». Вильнюс, 1966, стр. 206.
- 200 М. И. Калинин. О партийно-массовой работе. Л., 1944, стр. 41.
- 201 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 140.
- 202 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 140.
- 203 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, стр. 252.
- 204 «Всемирно-историческая победа советского народа 1941—1945 гг.». М., 1971, стр. 27.
- 205 Архив ИИП при ЦК КПБ, фонд переводов, д. 61 а, л. 244.
- 206 См.: «Военно-исторический журнал», 1969, № 12, стр. 100.
- 207 Архив МО СССР, ф. 6598, оп. 725167, д. 411, лл. 8—10.
- 208 См.: «Война в тылу врага», 1-й выпуск, стр. 119.
- 209 См.: «Вопросы истории», 1971, № 5, стр. 21.
- 210 К. А. Мерецков. На службе народу. М., 1971, стр. 357.
- 211 Г. К. Жуков. Воспоминания и размышления. М., 1969, стр. 468.
- 212 ПА ИИП при ЦК КПУ, ф. 62, оп. 1, д. 1, л. 59.
- 213 ПА ИИП при ЦК КПУ, ф. 62, оп. 1, д. 1, л. 59.
- 214 См.: «История Коммунистической партии Советского Союза», т. 5, кн. 1, стр. 497.
- 215 См.: «История СССР», т. X, М., 1973, стр. 403.
- 216 Teske, H. Die silbernen Spiegel, Heidelberg, 1952, s. 181.
- 217 Teske, H., Op. cit., s. 181—182.
- 218 Teske, H., Op. cit., s. 190.
- 219 См.: «Партизаны Брянщины». Сборник документов и материалов, т. 2, стр. 454.
- 220 См.: «История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945», т. 3, М., 1964, стр. 242.
- 221 «Советские партизаны», стр. 272—273.
- 222 См.: «Судебный процесс по делу о злодеяниях, совершенных немецко-фашистскими захватчиками в Белорусской ССР». Минск, 1947, стр. 206; Р. Н. Мачульский. Страницы бессмертия. Минск, 1972, стр. 30—48, 215; Архив ИИП при ЦК КПБ, фонд переводов, д. 57 б, лл. 243—268, 275—284.
- 223 См.: «История СССР», т. X, М., 1973, стр. 400.

- 224 Цит. по кн.: В. И. Дашичев. Банкротство стратегии германского фашизма. Исторические очерки. Документы и материалы, т. 2. М., 1973, стр. 429.
- 225 Цит. по кн.: В. И. Дашичев. Банкротство стратегии германского фашизма. Исторические очерки. Документы и материалы, т. 2, стр. 427.
- 226 «Неман», 1974, № 4, стр. 156.
- 227 «Неман», 1974, № 4, стр. 158.
- 228 Teske, H. Die silbernen Spiegel, s. 212.
- 229 См.: «Военно-исторический журнал», 1972, № 3, стр. 34; «Очерки истории Компартии Белоруссии», ч. II, стр. 349.
- 230 См.: «Военно-исторический журнал», 1969, № 7, стр. 30.
- 231 См.: В. Самсон. Партизанское движение в северной Латвии. Рига, 1951, стр. 116—121; А. К. Рашкевич. Народные мстители Латвии. М., 1973, стр. 94—95.
- 232 ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 3500, оп. 4, д. 52, л. 40.
- 233 См.: В. Е. Быстров. Борьба советских партизан в период Курской битвы.— В кн.: «Курская битва». М., 1970, стр. 394.
- 234 М. И. Калинин. «О воспитании коммунистической сознательности». М., 1974, стр. 266.
- 235 «Октябрь», 1974, № 10, стр. 119.
- 236 См.: П. А. Белов. За нами Москва. М., 1963, стр. 221, 222, 259.
- 237 «Непокоренная Белоруссия», стр. 197.
- 238 «Правда», 1942 г., 18 марта.
- 239 «Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны Советского Союза (1941—1945)». Сб. документов и материалов, выпуск 1. М., 1969, стр. 85.
- 240 «Всенародное партизанское движение в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны». Документы и материалы, т. 1, стр. 158—159.
- 241 Архив ИИП при ЦК КПБ, фонд переводов, д. 57 а, лл. 190—191.
- 242 Партийный архив Брянского ОК КПСС, ф. 1650, оп. 1, д. 178, л. 49; ф. 1672, оп. 2, д. 7, л. 217.
- 243 ПАСО, ф. 8, оп. 1, д. 215, л. 221.
- 244 См.: П. Р. Швердалкип. Героическая борьба ленинградских партизан, стр. 134—135, 220—223.
- 245 «Народная асвета», 1970, № 5, стр. 17.
- 246 М. И. Калинин. Все для фронта. Все для победы! Речи и статьи. М., 1942, стр. 102.
- 247 К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 171.
- 248 К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, стр. 189.
- 249 См.: Ч.-О. Диксон, О. Гельбрунн. Коммунистические партизанские действия. М., 1957, стр. 60.
- 250 См.: «Война в тылу врага», 1-й выпуск, стр. 179—180.
- 251 «Партизаны Брянщины». Сборник документов и материалов, стр. 188.
- 252 «Война в тылу врага», 1-й выпуск, стр. 181.
- 253 Архив ИИП при ЦК КПБ, фонд переводов, д. 61, лл. 16, 23.
- 254 См.: Ю. П. Петров. Партизанское движение в Ленинградской области, стр. 191.
- 255 Цит. по кн.: «Итоги второй мировой войны». М., 1957, стр. 146—147.
- 256 «Всенародное партизанское движение в Белоруссии в годы Ве-

- ликой Отечественной войны». Документы и материалы, т. 1, стр. 230—231.
- 257 Архив МО СССР, фонд переводов, оп. 725167, д. 411, лл. 8—10.
- 258 Архив МО СССР, фонд переводов, оп. 725109, д. 558, лл. 20—21.
- 259 См.: «Всенародное партизанское движение в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны». Документы и материалы, т. 1, стр. 415.
- 260 См.: «Всенародное партизанское движение в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны». Документы и материалы, т. 1, стр. 224—225.
- 261 Архив ИИП при ЦК КПБ, фонд переводов, д. 61, лл. 19—20.
- 262 См.: «Очерки истории Компартии Белоруссии», ч. II, стр. 332—333.
- 263 См.: Г. П. Иванов. В тылу прифронтовом. М., 1971, стр. 124.
- 264 «Неман», 1974, № 3, стр. 149.
- 265 Архив ИИП при ЦК КПБ, фонд переводов, д. 57а, лл. 153, 155.
- 266 См.: «Война в тылу врага», 1-й выпуск, стр. 197.
- 267 Teske, H. Partisanen gegen die Eisenbahn «Wehrwissenschaftliche Rundschau», 1953, Heft 10, s. 471.
- 268 «Неман», 1974, № 3, стр. 152.
- 269 «Неман», 1974, № 3, стр. 152.
- 270 ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 69, оп. 1, д. 46, л. 2.
- 271 См.: Н. Я кубовский. Помощь советского тыла партизанам. Минск, 1973, стр. 117.
- 272 ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 3500, оп. 4, д. 193, лл. 55—56; д. 199, л. 81; ф. 3793, оп. 1, д. 82, л. 35.
- 273 См.: «Неман», 1974, № 3, стр. 154.
- 274 ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 3500, оп. 1, д. 2, л. 117; ф. 3793, оп. 1, д. 82, л. 78.
- 275 Архив МО СССР, ф. 15, оп. 178359, д. 2, л. 95; «Военно-исторический журнал», 1970, № 11, стр. 81.
- 276 Kriegstagebuch des Oberkommandos der Wehrmacht (КТВ/ОКВ), Band III, Frankfurt am Main, 1963, ss. 891, 905.
- 277 Ibidem, s. 905.
- 278 Ibid., s. 958.
- 279 См.: «Советские партизаны», стр. 713—714.
- 280 См.: «Великая Отечественная война (1941—1945). Краткий научно-популярный очерк», издание второе, дополненное, стр. 298.
- 281 См.: «Неман», 1974, № 3, стр. 168.
- 282 См.: «Неман», 1974, № 3, стр. 168.
- 283 См.: «Очерки истории Компартии Белоруссии», ч. II, стр. 343.
- 284 Teske, H. Die silbernen Spiegel, ss. 197, 198.
- 285 См.: М. М. Загорулько и А. Ф. Юденков. Крах экономических планов фашистской Германии на временно оккупированной территории СССР. М., 1970, стр. 170.
- 286 В. И. Козлов. Революцией мобилизованный народ.— «Звезда» (Ленинград), 1965, № 11, стр. 160.
- 287 ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 3500, оп. 4, д. 305, л. 69.
- 288 ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4, оп. 33 а, д. 288, лл. 17—22.
- 289 См.: «История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945 гг.», т. 3. М., 1961, стр. 466.
- 290 В. И. Лепин. Полн. собр. соч., т. 40, стр. 232.
- 291 М. М. Загорулько и А. Ф. Юденков. Крах эконо-

- мических планов фашистской Германии на временно оккупированной территории СССР, стр. 172.
- 292 Э. Миддельдорф. Тактика в русской кампании. М., 1958, стр. 344.
- 293 ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4, оп. 33 а, д. 289, л. 26.
- 294 См.: М. М. Загорулько и А. Ф. Юденков. Крах экономических планов фашистской Германии на временно оккупированной территории СССР, стр. 170.
- 295 ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 69, оп. 1, д. 67, л. 148.
- 296 См.: «История Коммунистической партии Советского Союза», т. 5, кн. 1, стр. 498.
- 297 См.: «Великая Отечественная война Советского Союза 1941—1945». Краткая история, издание второе, исправленное и дополненное, стр. 258.
- 298 Г. К. Жуков. Воспоминания и размышления. М., 1969, стр. 506.
- 299 Цит. по кн.: «Советские партизаны», стр. 454.
- 300 «Крым в период Великой Отечественной войны 1941—1945», стр. 136.
- 301 См.: «Военно-исторический журнал», 1970, № 11, стр. 81—82.
- 302 «Полки идут на Запад». М., 1964, стр. 32.
- 303 См.: «Всемирно-историческая победа советского народа 1941—1945 гг.». М., 1971, стр. 496.
- 304 П. М а ш е р о в. Идеино-политической работе — высокую действенность. М., 1975, стр. 73.
- 305 Л. А р ж а е в а. Боевое содружество.— «Коммунист Белоруссии», 1972, № 6, стр. 34.
- 306 «Во главе защиты Советской Родины», стр. 314.
- 307 См.: З. А. Богатырь. Борьба в тылу врага. М., 1969, стр. 464.
- 308 См.: К. В. Ц к и т и ш в и л и. Закавказье в партизанской войне 1941—1945 гг. Тбилиси, 1973, стр. 132, 133.
- 309 См.: «Українська РСР у Великій Вітчизняній війни Радянського Союзу 1941—1945 рр.», т. 2. Київ, 1968, стр. 237.
- 310—311 «Из истории партизанского движения в Белоруссии (1941—1944 гг.)». Минск, 1961, стр. 198.
- 312 Л. И. Б р е ж н е в. Ленинским курсом. Речи и статьи, т. 1. М., 1970, стр. 137.
- 313 См.: В. Е. Л о б а н о к. Партизаны принимают бой, стр. 229—231; Р. А б л а в а. Это было в Белоруссии. М., 1957, стр. 42; ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4, оп. 3, д. 1233, лл. 228, 232, 238; оп. 33 а, д. 177, лл. 274—275; ф. 63, оп. 9, д. 2, л. 61; ф. 3500, оп. 4, д. 19, л. 38.
- 314 См.: К. В. Ц к и т и ш в и л и. Закавказье в партизанской войне 1941—1945 гг., стр. 153—155.
- 315 См.: «Борьба латышского народа в годы Великой Отечественной войны». Рига, 1970, стр. 729—731.
- 316 См.: «КПСС — вдохновитель и организатор победы советского народа в Великой Отечественной войне». М., 1973, стр. 148.
- 317 См.: И. З. З а х а р о в. Дружба, закаленная в боях. М., 1970, стр. 138.
- 318 «Советские партизаны», стр. 249.
- 319 Я. Ш к р я б а ч. Дорога в Молдавию. Кишинев, 1966, стр. 227.
- 320 См.: А. Т и т о в. Боевое интернациональное братство.— «Коммунист Белоруссии», 1974, № 3, стр. 58.

- 321 См.: «Борьба за Советскую Прибалтику в Великой Отечественной войне (1941—1945)». Рига, 1966, стр. 310.
- 322 Партархив ЦК КП Латвии, ф. 202, оп. 1, д. 36, л. 2.
- 323 «История Молдавской ССР», т. 2. Кишинев, 1968, стр. 460.
- 324 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 190.
- 325 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 82.
- 326 «К 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина». Сборник документов и материалов. М., 1970, стр. 83.
- 327 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 439.
- 328 См.: «Великая Отечественная война (1941—1945). Краткий научно-популярный очерк», издание второе, дополненное, стр. 296; «Огни партизанской дружбы». Сборник воспоминаний. Минск, 1962, стр. 400.
- 329 См.: «Под одним знаменем». М., 1963, стр. 322.
- 330 См.: «Под одним знаменем», стр. 192—204.
- 331 «Крым в период Великой Отечественной войны 1941—1945», стр. 308.
- 332 См.: «В едином строю». Сборник воспоминаний. Минск, 1970, стр. 14, 111—130, 162—167 и др.
- 333 «Под одним знаменем», стр. 5—6.
- 334 См.: «Коммунист Белоруссии», 1966, № 6, стр. 64.
- 335 «Объединение Италии». М., 1963, стр. 342.
- 336 См.: «Коммунист Белоруссии», 1969, № 6, стр. 16.
- 337 ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 69, оп. 1, д. 790, л. 12-а.
- 338 ПА ИИП при ЦК КПУ, ф. 62, оп. 62-1, д. 1, лл. 86—93.
- 339 См.: «Военно-исторический журнал», 1969, № 7, стр. 31.
- 340 См.: «Вторая мировая война. Движение Сопротивления в Европе», книга III, стр. 87.
- 341 См.: Беларуская Савецкая Энцыклапедыя, т. 8, стар. 268.
- 342 «Звезда», 7 апреля 1974 г.
- 343 «Освобождение Белоруссии», стр. 101—102.
- 344 «Звезда», 7 апреля 1974 г.
- 345 См.: «Коммунист Белоруссии», 1969, № 6, стр. 14.
- 346 «Советская Белоруссия», 2 июня 1974 г.
- 347 «Итоги второй мировой войны». М., 1957, стр. 407.
- 348 См.: Я. Павлов. Гроза возмездия.— «Неман», 1969, № 7, стр. 14—15.
- 349 ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 3500, оп. 3, д. 78, л. 241.
- 350 А. М. Василевский. Дело всей жизни. М., 1973, стр. 401, 409.
- 351 «Правда», 15 сентября 1974 г.
- 352 См.: А. М. Василевский. Дело всей жизни, стр. 409.
- 353 См.: А. Л. Ликас. Братья сражаются вместе. М., 1973, стр. 123.
- 354 Цит. по кн.: «Итоги второй мировой войны», стр. 147.
- 355 Гейнц Гудериан. Танки вперед. М., 1957, стр. 169.

Глава IV

- ¹ См.: Л. Рендулич. Партизанская война.— В кн.: «Итоги второй мировой войны», стр. 137 и др.
- ² См.: «Нюрнбергский процесс». Сборник материалов в трех томах, т. 3. М., 1966, стр. 228—229; «Законы и обычаи войны. Важнейшие международные конвенции». М., 1942, стр. 6.

- ³ См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 6, стр. 413—423; т. 17, стр. 168—172, 386—387.
- ⁴ «Совершенно секретно! Только для командования!». Документы и материалы. М., 1967, стр. 72—73.
- ⁵ «Совершенно секретно! Только для командования!». Документы и материалы, стр. 73—74.
- ⁶ См.: Норберт Мюллер. Вермахт и оккупация, стр. 47, 50.
- ⁷ «Нюрнбергский процесс». Сборник материалов в семи томах, т. III, М., 1958, стр. 208, 337.
- ⁸ Цит. по кн.: «Современная империалистическая военная идеология». М., 1958, стр. 148.
- ⁹ См.: «Совершенно секретно! Только для командования!». Документы и материалы, стр. 98—101.
- ¹⁰ См.: «Военно-исторический журнал», 1960, № 1, стр. 88.
- ¹¹ «Гитлеровская оккупация в Литве». Вильнюс, 1966, стр. 10.
- ¹² См.: В. Ф. Романовский. Немецко-фашистская оккупационная политика и ее крах в Белоруссии (1941—1944 гг.). Докторская диссертация. Минск, 1974, стр. 41—42.
- ¹³ См.: Норберт Мюллер. Вермахт и оккупация, стр. 85, 356—366.
- ¹⁴ Ф. Гальдер. Военный дневник, т. 2. М., 1969, стр. 430, 431.
- ¹⁵ В. И. Дашичев. Банкротство стратегии германского фашизма. Исторические очерки. Документы и материалы, т. 2. М., 1973, стр. 21.
- ¹⁶ «Военно-исторический журнал», 1960, № 7, стр. 107.
- ¹⁷ «Преступные цели — преступные средства». Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР (1941—1944), издание второе, дополненное. М., 1968, стр. 32.
- ¹⁸ См.: Ш. Датнер. Преступления немецко-фашистского вермахта в отношении военнопленных. М., 1963, стр. 113—116.
- ¹⁹ ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 3500, оп. 1, д. 20, л. 361.
- ²⁰ См.: «Военно-исторический журнал», 1960, № 7, стр. 107.
- ²¹ «Нюрнбергский процесс». Сборник материалов в семи томах, т. VII, стр. 384.
- ²² Д. М. Проэктор. Агрессия и катастрофа, изд. 2-е, переработанное и дополненное, стр. 612.
- ²³ «Совершенно секретно! Только для командования!». Документы и материалы, стр. 105.
- ²⁴ «Нюрнбергский процесс», т. 2. М., 1958, стр. 582, 584.
- ²⁵ Д. М. Проэктор. Агрессия и катастрофа, изд. 2-е, переработанное и дополненное, стр. 612.
- ²⁶ «Совершенно секретно! Только для командования!». Документы и материалы, стр. 105.
- ²⁷ ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 3500, оп. 1, д. 20, л. 322.
- ²⁸ В. И. Дашичев. Банкротство стратегии германского фашизма. Исторические очерки. Документы и материалы, т. 2, стр. 211.
- ²⁹ «Преступные цели — преступные средства». Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР (1941—1944 гг.). М., 1963, стр. 32.
- ³⁰ «Совершенно секретно! Только для командования!». Документы и материалы, стр. 396.
- ³¹ Д. М. Проэктор. Агрессия и катастрофа, изд. 2-е, переработанное и дополненное, стр. 614.

- 32 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, стр. 281.
- 33 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 419.
- 34 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 93.
- 35 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 50.
- 36 См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 186—196.
- 37 «Судебный процесс по делу о злодеяниях, совершенных немецко-фашистскими захватчиками в Белорусской ССР», стр. 369.
- 38 Цит. по кн.: Б. Н. Бессонов. Идеология духовного подавления. М., 1971, стр. 30—31.
- 39 Цит. по кн.: «Идеологическая работа КПСС на фронте (1941—1945)». М., 1960, стр. 30.
- 40 «Нюрнбергский процесс», т. 2, М., 1966, стр. 42.
- 41 См.: «Нюрнбергский процесс». Сборник материалов в семи томах, т. III, стр. 363.
- 42 ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 3500, оп. 1, д. 20, л. 322.
- 43 Архив МО СССР, ф. 32, оп. 11302, д. 62, л. 105.
- 44 Архив МО СССР, ф. 208, оп. 2526, д. 78, л. 52.
- 45 «Судебный процесс по делу о злодеяниях, совершенных немецко-фашистскими захватчиками в Белорусской ССР», стр. 369.
- 46 Архив ИИП при ЦК КПБ, фонд переводов, д. 59, лл. 120, 122.
- 47 ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4, оп. 33а, д. 84, л. 19.
- 48 ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4, оп. 33а, д. 222, л. 16.
- 49 Архив МО СССР, ф. 221, оп. 1359, д. 43, л. 83.
- 50 См.: В. И. Кардашов, В. П. Самухин. Западногерманские историки и мемуаристы о советском партизанском движении.— В кн.: «Критика буржуазных концепций истории и политики КПСС». Л., 1974, стр. 340.
- 51 Архив МО СССР, ф. 32, оп. 11302, д. 62, л. 102.
- 52 Архив МО СССР, ф. 32, оп. 11302, д. 62, лл. 103, 105.
- 53 Норберт Мюллер. Вермахт и оккупация, стр. 358.
- 54 «Преступные цели — преступные средства». М., 1968, стр. 51.
- 55 ЦГАОР ВССР, фонд переводов, д. 29, л. 21.
- 56 КТВ/ОКВ, Bd. II, S. 412.
- 57 Д. М. Проэктор. Агрессия и катастрофа, изд. 2-е, переработанное и дополненное, стр. 616.
- 58 КТВ/ОКВ, Bd. II, S. 407.
- 59 Д. М. Проэктор. Агрессия и катастрофа, изд. 2-е, переработанное и дополненное, стр. 616.
- 60 КТВ/ОКВ, Bd. II, S. 479.
- 61 Ф. Гальдер. Военный дневник, т. 3, кн. 2. М., 1971, стр. 265.
- 62 Ф. Гальдер. Военный дневник, т. 3, кн. 1. М., 1971, стр. 266.
- 63 Архив МО СССР, ф. 639, оп. 4052, д. 7, лл. 66—67.
- 64 КТВ/ОКВ, Bd. II, S. 571.
- 65 КТВ/ОКВ, Bd. II, S. 572.
- 66 Kühnrich, H. Der Partisanen Krieg in Europa. Berlin, 1965, s. 148.
- 67 КТВ/ОКВ, Bd. II, S. 587.
- 68 См.: Д. М. Проэктор. Агрессия и катастрофа, изд. 2-е, переработанное и дополненное, стр. 618.
- 69 Hubatsch, W. Hitlers Weisungen für die Kriegführung 1939—1945. Dokumente des Oberkommandos der Wehrmacht, Frankfurt am Main, 1962, s. 207.
- 70 Ю. П. Петров. Партизанское движение в Ленинградской

- области. 1941—1944 гг. Л., 1973, стр. 10; Архив МО СССР, ф. 6598, оп. 12454, л. 180.
- ⁷¹ «Нюрнбергский процесс», т. 3. М., 1958, стр. 347.
- ⁷² В. И. Дашичев. Банкротство стратегии германского фашизма. Исторические очерки. Документы и материалы, т. 2, стр. 446.
- ⁷³ «Совершенно секретно! Только для командования!». Документы и материалы, стр. 102.
- ⁷⁴ См.: «Коммунист Белоруссии», 1974, № 6, стр. 13.
- ⁷⁵ См.: «Великая Отечественная война (1941—1945). Краткий научно-популярный очерк», издание второе, дополненное, стр. 287.
- ⁷⁶ См.: П. А. Жилин. Усилия народов СССР в достижении победы во второй мировой войне. М., 1970, стр. 25—26.
- ⁷⁷ См.: «Освобождение Белоруссии», стр. 154.
- ⁷⁸ Архив ИИП при ЦК КПБ, фонд переводов, д. 69, лл. 77—78.
- ⁷⁹ «Нюрнбергский процесс», т. 2. М., 1966, стр. 331; Архив ИИП при ЦК КПБ, фонд переводов, д. 618, л. 198.
- ⁸⁰ См.: «Немецко-фашистский оккупационный режим». М., 1965, стр. 314.
- ⁸¹ См.: «История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945 гг.», т. 3, стр. 480; т. 6, стр. 281.
- ⁸² См.: Kühnrich, H. Op. cit., s. 432.
- ⁸³ А. С. Бланк. Адвокаты фашизма. М., 1974, стр. 60—61.
- ⁸⁴ См.: В. Е. Лобанок. Партизаны принимают бой. М., 1972, стр. 4; «Советская Белоруссия», 1 июля 1974 г.
- ⁸⁵ См.: «В боях за Белоруссию». Минск, 1970, стр. 134.
- ⁸⁶ ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 3500, оп. 2, д. 1330, л. 18; ЦГАОР БССР, ф. 1131, оп. 1, д. 2, л. 6.
- ⁸⁷ ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4, оп. 95, д. 110, лл. 32—33.
- ⁸⁸ См.: Норберт Мюллер. Вермахт и оккупация, стр. 271—272.
- ⁸⁹ ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4, оп. 20, д. 214, л. 14.
- ⁹⁰ «Военно-исторический журнал», 1973, № 2, стр. 109.
- ⁹¹ Н. Наталевич. Борьба за независимость.— «Беларусь», 1944, № 1, стр. 12.
- ⁹² «Советские партизаны». М., 1961, стр. 519.
- ⁹³ См.: А. А. Гречко. Битва за Кавказ. М., 1967, стр. 209—210.
- ⁹⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, стр. 188.
- ⁹⁵ См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIII, ч. II, стр. 174.
- ⁹⁶ «Совершенно секретно! Только для командования!». Документы и материалы, стр. 405, 406, 407.
- ⁹⁷ Архив ИИП при ЦК КПБ, фонд переводов, д. 57а, л. 181.
- ⁹⁸ Архив ИИП при ЦК КПБ, фонд переводов, д. 57а, л. 184.
- ⁹⁹ Архив ИИП при ЦК КПБ, фонд переводов, д. 57а, лл. 137—138.
- ¹⁰⁰ Архив ИИП при ЦК КПБ, фонд переводов, д. 55, л. 44.
- ¹⁰¹ См.: «История Коммунистической партии Советского Союза», т. 5, кн. 1, стр. 506.
- ¹⁰² См.: «Великая Отечественная война (1941—1945). Краткий научно-популярный очерк», издание второе, дополненное, стр. 292.
- ¹⁰³ Архив ИИП при ЦК КПБ, фонд переводов, д. 55, лл. 31—33.
- ¹⁰⁴ См.: «Правда», 1 марта 1946 г.
- ¹⁰⁵ См.: В. Ф. Романовский. Немецко-фашистская оккупационная политика и ее крах в Белоруссии (1941—1944 гг.), стр. 290.
- ¹⁰⁶ ЦГАОР БССР, ф. 370, оп. 1, д. 1263, лл. 121—123.
- ¹⁰⁷ Архив ИИП при ЦК КПБ, фонд переводов, д. 55, лл. 41, 48.

- 108 См.: «Октябрь», 1974, № 10, стр. 112.
- 109 См.: «Октябрь», 1974, № 10, стр. 112.
- 110 Норберт Мюллер. Вермахт и оккупация, стр. 210.
- 111 Архив ИИП при ЦК КПБ, фонд переводов, д. 57а, л. 186.
- 112 «Война в тылу врага», 1-й выпуск, стр. 377.
- 113 Архив ИИП при ЦК КПБ, фонд переводов, д. 55, л. 48.
- 114 См.: «Очерки Коммунистической партии Белоруссии», ч. II, 1967, стр. 359.
- 115 ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 3500, оп. 3, д. 119, лл. 268—270.
- 116 «Великая Отечественная война (1941—1945). Краткий научно-популярный очерк», издание второе, дополненное, стр. 305.
- 117 «История Коммунистической партии Советского Союза», т. 5, книга 1. М., 1970, стр. 507.
- 118 «Совершенно секретно! Только для командования!». Документы и материалы, стр. 526—527.
- 119 См.: «Немецко-фашистский оккупационный режим». М., 1965, стр. 161.
- 120 Архив ИИП при ЦК КПБ, фонд переводов, д. 55, л. 46.
- 121 Архив МО СССР, ф. 32, оп. 11302, д. 145, л. 284.
- 122 Архив ИИП при ЦК КПБ, фонд переводов, д. 57, л. 158.
- 123 См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 11, стр. 317, 349.
- 124 «Итоги второй мировой войны», стр. 135.
- 125 Дж. Фуллер. Вторая мировая война 1939—1945 гг. М., 1956, стр. 332.
- 126 Цит. по ст.: А. Семенова. Против фальсификации вопроса об истоках советского партизанского движения.— «Коммунист Белоруссии», 1973, № 9, стр. 67—68.
- 127 «Коммунист Белоруссии», 1973, № 9, стр. 68.
- 128 См.: В. Мацуленко. Армия Страны Советов.— «Знамя», 1974, № 5, стр. 144.
- 129 См.: «Военно-исторический журнал», 1965, № 4, стр. 27.
- 130 ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 3500, оп. 12, д. 10, л. 14.
- 131 «Итоги второй мировой войны», стр. 126.
- 132 См.: Т. А. Логунова. Партийное подполье и партизанское движение в западных и центральных областях РСФСР. Июль 1941—1943 гг., стр. 224.
- 133 См.: «Коммунист Украины», 1974, № 11, стр. 16.
- 134 См.: В. Мацуленко. Армия Страны Советов.— «Знамя», 1974, № 5, стр. 144.
- 135 См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 181.
- 136 Л. И. Брежнев. Ленинским курсом. Речи и статьи, т. 1, стр. 132.
- 137 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 80.
- 138 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 219.
- 139 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 41.
- 140 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 237.
- 141 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 356.
- 142 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 360.
- 143 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, стр. 232.

Заключение

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 272.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 8.

- ³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 304, 305.
- ⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 57.
- ⁵⁻⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 200.
- ⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 13.
- ⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 19.
- ¹⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 81.
- ¹¹ Эхсан Табар и. В. И. Ленин и вопросы социальной революции в Иране.— «Проблемы мира и социализма», 1970, № 3, стр. 26.
- ¹² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 219.
- ¹³ Более подробно об этом см. в кн.: «Международное Совещание коммунистических и рабочих партий. Москва, 1969». Изд. «Мир и социализм», Прага, 1969; «Критика теоретических концепций Мао Цзэ-дуна». М., 1970; «Опасный курс. Об антиреволюционном великодержавном курсе маоистов», вып. 1—5-й. М., 1970—1974; «Критика теории и практики маоизма». М., 1973; О. Б. Борисов, Б. Т. Колосков. Советско-китайские отношения 1945—1970. М., 1971; Т. Л. Дейч. Маоизм — угроза Африке. М., 1972; Ж. Видаль. Куда ведет Китай группа Мао Цзэ-дуна. М., 1967 и др.
- ¹⁴ Эхсан Табар и. В. И. Ленин и вопросы социальной революции в Иране.— «Проблемы мира и социализма», 1970, № 3, стр. 28.
- ¹⁵ См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 13.
- ¹⁶⁻¹⁷ «Международное Совещание коммунистических и рабочих партий. Москва, 1969», стр. 45.
- ¹⁸ «Международное Совещание коммунистических и рабочих партий». Москва, 1969, стр. 129.
- ¹⁹ «Cuba socialista», La Habana, 1963, sept., № 25, p. 29.
- ²⁰ Ibid., p. 30.
- ²¹ Ibidem.
- ²² «Проблемы мира и социализма», 1970, № 2, стр. 14.
- ²³ «Проблемы мира и социализма», 1973, № 2, стр. 13.
- ²⁴ «Проблемы мира и социализма», 1970, № 2, стр. 15.
- ²⁵ «Проблемы мира и социализма», 1970, № 2, стр. 16.
- ²⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 52.
- ²⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 74.
- ²⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 245.
- ²⁹ Л. И. Брежнев. О внешней политике КПСС и Советского государства. Речи и статьи. М., 1973, стр. 461.

Абласная бібліотека
ИМС

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
Глава I. В. И. Ленин о партизанской войне в период подготовки трудящихся масс к социалистической революции . .	19
Учить массы бороться революционно	21
Исчерпать все возможности, все шансы победы	28
В период временного отступления революции	39
Сельская партизанская война	52
Учитывать настроение трудовых масс	64
Эффективно использовать различные формы и приемы революционной борьбы	71
Против филистерства и псевдореволюционных лозунгов	77
Непосредственный контакт с практиками борьбы	86
Взаимосвязь революционных форм и приемов борьбы	89
Глава II. Революционное партизанство — важный фактор победы в годы гражданской войны и иностранной военной интервенции	109
Все силы и средства страны на дело революционной обороны	111
Умело защищать социалистическое Отечество	119
Против кайзеровских войск и польских интервентов	131
В тылу колчаковских войск	153
Народная война в тылу Деникина, Юденича и прочих	182
Партизанские отряды занимали города	210
Глава III. Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны	235
На всенародную войну в тылу врага	240
Организация руководящего партийного подполья	247
Создание партизанских сил	260
Первые успехи народных бойцов	278
Несгибаемые носители идей партии	291
Организационно-политическое укрепление партизанских сил	301
Усиление партийного руководства народной войной	328
Битва бескровного фронта	350
В тесном взаимодействии	363

Передислокация партизанских сил, увеличение зоны боевого и хозяйственного контроля	374
Борьба на транспорте	386
В едином строю	407
На заключительном этапе борьбы	419
Глава IV. Анатомия фашистской «контрпартизанской» стратегии и ее крах	427
Программа «обезлюживания» оккупированных территорий .	432
Вермахт — главный инструмент по «умиротворению» захваченных районов	447
Провал гитлеровских планов по ликвидации партизанского движения	461
Крах экономической политики оккупантов	474
Некоторые итоги партизанской войны	485
З а к л ю ч е н и е	497
П р и м е ч а н и я	509

Павлов Я. С.
П 12 В. И. Ленин и партизанское движение. Мн., «Беларусь», 1975.

544 с.

В настоящей работе автор обобщил основные методологические критерии ленинского учения о партизанской войне. Главное внимание уделено анализу всего нового, что внес В. И. Ленин в марксистское наследие об освободительном партизанском движении в современную историческую эпоху. В монографии раскрывается деятельность партии большевиков по активному использованию партизанских выступлений трудовых масс в интересах свержения реакционного самодержавного строя в России. В свете учения В. И. Ленина в книге анализируется также партизанское движение в годы борьбы с вооруженной иностранной интервенцией и белогвардейцами, в период временной оккупации советской территории немецко-фашистскими захватчиками. Серьезное внимание в исследовании уделено несостоятельности «теоретических» и политических концепций буржуазных «партизановедов», особенно — апологетов германского фашизма.

П $\frac{10604-210}{M 301(05)-75}$ 87-74

9(С)27

Яков Савельевич Павлов

В. И. ЛЕНИН

И ПАРТИЗАНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ

Редактор П. С. Щедров. Художник В. И. Шолк. Художественный редактор И. Г. Славянин. Технический редактор Я. С. Шляпинская. Корректоры И. Н. Пупко, А. В. Сачкова, Р. С. Метелица, Г. И. Славинская.

АТ 06260. Сдано в набор 17/1 1975 г. Подп. к печати 4/VIII 1975 г. Тираж 10 000 экз. Формат 84×108^{1/32}. Бумага тип. № 1. Усл. печ. л. 28,56. Уч.-изд. л. 31,1. Зак. 44. Цена 1 руб. 27 коп.

Издательство «Беларусь» Государственного комитета Совета Министров Белорусской ССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли, Минск, Ленинский проспект, 79.

Ордена Трудового Красного Знамени типография издательства ЦК КП Белоруссии. Минск, Ленинский проспект, 79.